

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

♦ РОЗИ – МОЯ РОДНЯ ♦ ФИЛЕ ИЗ ПАЛТУСА ♦
♦ ТОЛЬКО ЗВЕРИ ♦ КОВЧЕГ НА ОСТРОВЕ ♦

ДЖЕРАЛЬД
*D*ARRELL

2018

2019

2020

2021

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

• РОЗИ – МОЯ РОДНЯ • ФИЛЕ ИЗ ПАЛТУСА •
• ТОЛЬКО ЗВЕРИ • КОВЧЕГ НА ОСТРОВЕ •

МОСКВА

«ЭКСМО»

2004

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
Д 20

GERALD DURRELL

ROSY IS MY RELATIVE

© By Gerald Durrell, 1968

© Перевод с английского Л. Жданова, 1968

FILETS OF PLAICE

© By Gerald Durrell, 1971

© Перевод с английского Л. Жданова, 1971

BEASTS IN MY BELFRY

© By Gerald Durrell, 1973

© Перевод с английского Л. Жданова, 1978

THE STATIONARY ARC

© By Gerald Durrell, 1976

© Перевод с английского Л. Жданова, 1980

Оформление художника *Е. Савченко*

Даррелл Д.

Д 20 Розы — моя родня. Филе из палтуса. Только звери. Ковчег на острове. —
М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 560 с.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 5-699-07605-0

© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2004

РОЗИ – МОЯ РОДНЯ

ОТ АВТОРА

Хотя многие откажутся мне поверить, официально заявляю, что перед вами почти правдивый рассказ. Под этим я подразумеваю, что Рози и Адриан Руквисл существовали на самом деле. На мою долю выпала честь лично встречаться с Рози. Почти все описанные в книге приключения происходили в действительности. Я всего лишь кое-что добавил и немного приукрасил.

Я глубоко благодарен мисс Айлин Мэлоуни — это от нее я узнал про Рози и Адриана Руквисла, так что она первоисточник сей сказочной истории.

Хочу также поблагодарить лорда Котэнча, джерсийского бейлифа сэра Роберта Ле Мазурье и секретаря бейлифа, мистера Катленда, за любезное разрешение присутствовать на заседании суда в Сент-Хельере, чтобы проникнуться тем, что авторы любят несколько высокопарно называть атмосферой. Я благодарен также мистеру Джону Лэнгину, который проверил, насколько точно мною изложены юридические процедуры. Спешу, однако, добавить, что мое толкование закона совершенно не согласуется с тем, как отправляется правосудие на острове Джерси.

Еще я благодарю мистера Суонсона, позволившего мне заглянуть за кулисы Королевского оперного театра и поведавшего много увлекательных деталей из его истории.

Мистер Дуглас Мэтьюз, сотрудник Лондонской библиотеки, не пожалел сил, подбирая для меня книги, относящиеся к описанному периоду. И вновь хочу подчеркнуть — если я в чем-то ошибся, это моя вина, а не его.

И наконец, я просто обязан поблагодарить мою секретаршу, мисс Дорин Эванс, которая весьма кстати перед тем, как прийти ко мне, служила секретарем коронера и делопроизводителем в судебных органах и снабжала меня полезными сведениями в ходе написания этой книги.

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

УЖАСНЫЙ ПОСТУПОК ОДНОГО ДЯДЮШКИ

Нимало не подозревая, что уготовила ему судьба, Адриан Руквисл стоял в одной рубашке перед зеркалом и сам себе корчил рожи. У него было заведено каждый день в семь утра, в своей спальне наверху, общаться таким образом с собственным отражением. Зеркало было большое, в позолоченной широкой раме, и рябая серая поверхность его походила на шерба-тый лед водоема под конец суровой зимы. Сам Адриан и его комната казались в зеркале окутанными мутной мглой, как если бы на них глядели сквозь густую паутину. Адриан созерцал свое отражение с известной долей неприязни.

— Тридцать лет, — укоризненно произнес он. — Тридцать лет... Половина жизни прошла! А что ты повидал? Что совершил? Ничего!

Его сердитому взору решительно не нравилась взъерошенная темная шевелюра, которую, сколько ни мочи водой, невозможно было пригладить, не нравились большие, томные карие глаза, не нравился широкий рот.

— Весьма непривлекательное лицо, — заключил он. Прищурил глаза, скривил губы, изображая презрительную усмешку, сделал глубокий вдох, выразительно расширив ноздри. — Сэр, — прорычал он сквозь стиснутые зубы, — немедленно отпустите эту леди, или я буду вынужден заняться вами. При всем вашем невежестве вы не можете не знать, что я лучший в этой стране фехтовальщик.

Адриан помолчал, изучая свое отражение, и вынужден был признать, что, как бы ему того ни хотелось, отнюдь не похож на лучшего в этой стране фехтовальщика. Приключения, решил он не так давно, вот в чем он остро нуждается, однако все говорило за то, что людям с таким лицом, как у него, не приходится рассчитывать на приключения. Был один случай (про который он не мог вспомнить без краски стыда), когда вроде бы сбылась его мечта, когда Адриан остановил понесших, как ему казалось, коней, да

только кони эти были впряжены в пожарную повозку, вызванную для спасения людей. Перелом ноги в результате сего подвига был ничто перед тем, какую выволочку он получил от магистрата, не говоря уже о том, что охваченный огнем магазин сгорел дотла.

Адриан явился на свет как плод союза его преподобия Себастьяна Руквисла и Ровены Руквисл. Родители зачали его в минуту умственного помрачения, нарушившую долгое и чрезвычайно скучное течение супружества, всецело посвященного исполнению заветов Господних. И Адриан очень долго пребывал в убеждении, что его родитель — единственный в стране человек, кому открыт прямой доступ к Всевышнему. Отец воспринял появление Адриана с некоторым замешательством, мать — с приятным удивлением.

Его детство и юность в деревне Мидоусвит были такими безмятежными, такими безгрешными и скучными, что не оставили в памяти Адриана почти никаких следов. Мидоусвит было одним из тех маленьких глухих селений, где люди толковали исключительно о метеорологии и агрикультуре, заменяя слова нечленораздельными звуками, и где главным событием дня были потрясающие воспоминания о том, как десять лет назад корова фермера Рэддла родила двойню. Вот в такой обстановке рос Адриан, и единственными его развлечениями были подмена звонаря на колокольне, еженедельные безалкогольные вечеринки в доме священника и посещение тех недужных членов сельской общины, кому недоставало сил обороняться от тяжеловесного попечительства преподобного Руквисла.

Когда Адриану исполнилось двадцать лет, его родители разом переселились в мир иной, ибо Всевышний (в припадке рассеянности) забыл известить преподобного Руквисла о том, что мост на дороге между Мидоусвит и Хелибо смыт бурным потоком. И остался Адриан без матери, отца и обители. Сбережения родителя оказались настолько скромными, что их как бы вовсе не существовало, и стало очевидно, что Адриану придется зарабатывать на жизнь собственным трудом. И вот в один из дней ослепительного лета 1890 года, вооруженный рекомендательным письмом одного из друзей покойного отца, он прибыл в огромный, размашистый, шумный, рокошущий, окутанный дымом Город, где и стал клерком в почтеннейшем заведении господ Биндvida, Корнелиуса и Чантера, поставщиков зелени и фруктов для благородных леди и джентльменов. Здесь он провел десять полных напряженного труда, но достаточно бесцветных лет, получая в неделю щедрое вознаграждение в размере пятнадцати шиллингов. Однако Адриан чувствовал, что вправе требовать от жизни чего-то сверх прозябания в рамках торгового заведения господ Б., К. и Ч. В последнее время мысль об этом

Д

всецело завладела его мозгом, и он постоянно обсуждал ее со своим отражением в зеркале.

— *Другие люди*, — бормотал он, ходя взад-вперед по комнате и время от времени посматривая на зеркало, чтобы убедиться, что никуда не делся, — *другие люди* ведут кипучую, интересную жизнь. С ними происходят удивительные вещи... у них бывают *приключения*. Так почему же я этого лишен?

Он снова остановился перед зеркалом. Прищурил глаза. Изобразил презрительную усмешку.

— Я вас предупредил, сэр, — повторил он голосом, дрожащим от плохо скрываемой страсти, — отпустите эту леди, не то вам будет худо.

В подтверждение этой угрозы он неловко рубанул воздух рукой, сбив на пол щетку для волос.

Собственные мысли настолько поглотили внимание Адриана, что его слух не уловил странные звуки: глухое постукивание и протяжное сопение, долженствующие предупредить о том, что хозяйка дома вознамерилась совершить одну из своих редких вылазок в мансарду. Громоподобный стук в дверь заставил Адриана подскочить так, что он выронил воображаемую шагу.

— Вы здесь, мистер Руквисл? — осведомился гулкий баритон миссис Лавинии Дредж, как если бы она меньше всего на свете ожидала застать его в этой обители.

— Здесь, здесь, миссис Дредж, — откликнулся Адриан, спешно проверяя взглядом, не вызовет ли что-нибудь в комнате осуждение хозяйки. — Входите.

Миссис Дредж распахнула дверь и прислонилась к косяку, шумно дыша, будто левиафан, всплывший на поверхность из пучины вод. Мощи ее костяка мог бы позавидовать чистопородный тяжеловоз, и на этом прочном каркасе висели толстые, мягкие, пышные валики грузной плоти. Масса сия нуждалась в солидной подпорке в виде корсета с хитроумной шнуровкой, из-за чего телеса миссис Дредж издавали тревожный скрип и хруст при каждом ее вздохе. Возвышающуюся на голове прическу из черных волос скреплял целый лес шпилек, а толстую шею облекало множество ниток бус и кулонов, которые дружно позвякивали, когда вздымался могучий бюст.

Столь раннее появление миссис Дредж повергло Адриана в панику. Что за ужасное преступление мог он совершить на этот раз? Адриан точно помнил, что тщательно вытер ботинки, входя в дом накануне вечером... Забыл выпустить погулять кота? Да нет, выпустил вовремя. Не навел порядок в ванной после себя?

— Вы... э... вы желаете видеть меня? — спросил Адриан, отлично сознавая бессмысленность этого вопроса.

Как будто миссис Дредж стала бы влечить свое оплывшее тело вверх по трем лестничным маршам, не двигая ею желание видеть его. Но так уж принято изъясняться в Англии... Миссис Дредж ответила, что и впрямь желает его видеть. После чего, наморщив ноздри и верхнюю губу, втянула носом воздух так энергично, что приметные усы ее зашевелились, как трава от ветра.

— Надеюсь, мистер Руквисл, вы не *курите* здесь в комнате? — злое ще вопросила она.

— Нет-нет, видит бог, — поспешно ответил Адриан, лихорадочно ображая, надежно ли укрыта его трубка от этих пытливых черносмородинных глаз.

— Очень рада, — сказала миссис Дредж, сопровождая эти слова глубоким вздохом, на который ее подпоры отозвались весьма мелодичным скрипом. — Мистер Дредж никогда не курит в доме.

Адриан уже в самом начале своего проживания в доме миссис Дредж узнал, что ее супруг умер (вероятно, расплюснутый ее тяжестью, предположил он). Однако миссис Дредж твердо верила в загробную жизнь, а потому всегда говорила о муже так, словно он сохранил местожительство, что постоянно приводило в замешательство Адриана. Его преследовало кошмарное видение, как он однажды встретится лицом к лицу с мистером Дреджем (аккуратно набитым конским волосом, с блестящими стеклянными глазами) на лестничной площадке или в холле внизу.

— Я поднялась, чтобы разбудить вас, — сообщила миссис Дредж, — на случай, если вы заснули.

— О, спасибо, большое спасибо, — сказал Адриан. Ее внезапная беспрецедентная заботливость сильно озадачила его.

— А еще, — продолжала миссис Дредж, буравя его укоризненным взглядом своих черных бусинок-глаз, — на ваше имя пришло письмо.

Меньше всего на свете Адриан ожидал услышать от нее такое. После смерти родителей он никогда ни от кого не получал писем. Немногочисленные друзья обитали настолько близко, что у них не было нужды обращаться к услугам почты.

— Письмо? Вы уверены, миссис Дредж? — растерянно спросил Адриан.

— Да, — твердо произнесла она. — Письмо, адресованное вам. — И добавила, как бы затем, чтобы не оставалось никаких сомнений: — В конверте.

Д

Адриан усталился на нее, и миссис Дредж слегка порозовела и приосанилась.

— Мистер Дредж, — надменно произнесла она, — постоянно получает письма, мне ли не знать, как они выглядят.

— Да, да, конечно, — поспешил отозваться Адриан. — Но это чрезвычайно странно... Не представляю себе, кто бы мог написать мне письмо. Большое спасибо, миссис Дредж, спасибо, что поднялись, чтобы сказать мне об этом. Право же, вам не стоило так беспокоиться.

— Не за что, — величественно сказала миссис Дредж, разворачивая свою тушу к лестнице. — Мистер Дредж всегда говорит — поступай с ближним так, как желаешь, чтобы поступали с тобой, только он теперь, вероятно, лишен такой возможности в отличие от вас.

С этими словами она принялась тяжело спускаться вниз по ступенькам, меж тем как Адриан, закрыв дверь, возобновил свое хождение взад-вперед. Мысль о том, кто мог быть автором письма, не давала ему покоя. Надевая галстук с воротничком и пиджак, он пришел к выводу, что потратить полпенни на марку для него могли только Биндвид, Корнелиус и Чантер, пожелавшие довести до сведения Адриана, что более не нуждаются в его услугах. Одолеваемый мрачными предчувствиями, он скатился вниз по лестнице и вошел на кухню. Миссис Дредж была поглощена своим ежедневным бескомпромиссным поединком с кастрюлями, сковородами и прочей кухонной утварью, с коей большинство женщин пребывает в дружбе, тогда как миссис Дредж видела во всех этих предметах непримиримых врагов. Адриан сел за стол. И в самом деле, рядом с его тарелкой лежал конверт, на котором чья-то рука каллиграфическим почерком вывела его фамилию и адрес. Миссис Дредж проковыляла от плиты к его столу, сжимая в могучей руке сковороду с изрядной порцией обугленного черного пудинга, которую и вывалила на тарелку Адриана. Поднявшийся над пудингом синеватый дымок вызвал у обоих легкий приступ кашля.

— Мистер Дредж любит черный пудинг, — сообщила миссис Дредж, как бы оправдываясь.

— В самом деле любил? Я хотел сказать — любит? — Адриан поковырял вилкой горелую корку. — Должно быть, этот пудинг очень полезен для здоровья.

— Совершенно верно, — удовлетворенно произнесла миссис Дредж. — Он только на нем и держится.

Адриан засунул в рот кусок горячего, безвкусного, напоминающего кожу вещества и попытался придать лицу выражение приятности.

— Вкусно, правда? — осведомилась миссис Дредж, устремив на него ястребиный взгляд.

— Восхитительно! — вымолвил Адриан, с трудом ворочая обожженным языком.

Миссис Дредж тяжело опустилась на стул и водрузила на столешницу свой массивный бюст.

— Ну? — спросила она, нацелив взор черных бусинок на письмо. — Разве вы не собираетесь прочесть письмо?

— Как же, как же, — ответил Адриан, борясь с нежеланием вскрывать конверт. — Одну минутку. Этот черный пудинг бесподобен, миссис Дредж.

Однако миссис Дредж не поддалась на его попытку перевести разговор на гастрономические темы.

— Может быть, там что-то важное, — настаивала она.

Адриан вздохнул и взял в руки конверт. Он знал, что ему не будет покоя, пока он не прочтет письмо и не поделится с ней его содержанием. Ощукая на себе пристальный взгляд миссис Дредж, он вскрыл конверт и развернул лежащие в нем два листка бумаги.

Первые же слова заставили его напрячься, ибо письмо начиналось обращением: «Мой дорогой племянник». Адриан смутно вспомнил, что, когда ему было лет десять, к ним неожиданно явился дядюшка Эймос в сопровождении трех унылых колли и зеленого попугая, в совершенстве владеющего самыми короткими и ядовитыми словами английского языка.

Дядюшка остался в памяти Адриана как жизнерадостный добрый человек, чье внезапное появление вкупе с лингвистическими способностями зеленого попугая оказались непосильным испытанием даже для обычно весьма терпимого преподобного Себастьяна Руквисла. Погостив два-три дня, дядюшка Эймос исчез таким же таинственным образом, каким явился. Отец рассказал потом Адриану, что Эймос был паршивой овцой в семье, человеком «с моральными изъянами», и поскольку речь явно шла о больном вопросе, Адриан больше никогда не заговаривал о дядюшке.

Читая теперь письмо дядюшки, он чувствовал, как у него глаза лезут на лоб, а под ложечкой все сжимается так, будто чья-то рука вдруг проворно удалила желудок вместе с содержащимся в нем черным пудингом.

«Мой дорогой племянник, вряд ли ты помнишь тот случай, когда я энное число лет назад познакомился с тобой в довольно отвратительной обители, где поселились твои отец и мать. Впоследствии до меня дошло известие об их кончине, не очень, должен сознаться, меня огорчившее, поскольку во всех моих разговорах с ними за много лет твои родители давали мне понять, что их единственное желание — покинуть эту жизнь и предаться лону Всевышнего. Однако в силу этого обстоятельства выходит, что

Д

ты теперь мой единственный здравствующий родственник. В моей памяти ты остался довольно славным пареньком, хотя почем знать — быть может, за последовавшие годы родители сумели набить твою головушку всякой ерундой и бреднями.

Как бы то ни было, мое нынешнее состояние не располагает к тому, чтобы поминать старое. Здешний эскулап довел до моего сведения, что мне осталось недолго жить. Не скажу, чтобы мысль об этом особенно тревожила меня — я прожил содержательную жизнь, и на моем счету почти все наиболее приятственные грешки. Однако меня заботит судьба моего сотоварища. Мы провели вместе последние восемнадцать лет, делили радости и невзгоды. А потому не хотелось бы думать, что после моей кончины она останется в мире без единого друга, без мужчины, который присмотрел бы за ней. Намеренно говорю «мужчины», ибо она не ладит с представительницами собственного пола.

Основательно поразмыслив, я решил, что именно ты — как мой единственный здравствующий родственник — мог бы взять на себя эту обязанность. Что касается финансовой стороны, полагаю, это не станет для тебя таким уж непосильным бременем, поскольку, обратясь в Сити в торговый банк «Эмесер энд Твист» на Коттонуолл-стрит, 110, ты обнаружишь, что там на твое имя положены деньги в количестве 500 фунтов стерлингов. Прошу тебя использовать их на пропитание Розы, к коему она привычна.

Сцены на смертном одре всегда неприятны, а потому я немедленно направляю Розы к тебе, чтобы избавить ее от тягостного созерцания того, как я выпускаю последний вздох. Так что фактически она должна прибыть почти одновременно с этим письмом.

Что бы ни говорил обо мне твой отец (вероятно, вполне справедливо), я совершаю хотя бы одно благое деяние за все мое отменно растленное бытие. Твой родитель, при всей его бесхарактерности, всегда был защитником горемык, оставшихся на свете без друзей, и мне остается только надеяться, что ты унаследовал эту черту. А потому прошу: позаботься о Розы. Моя болезнь явилась для нее большим потрясением, и я уповаю на то, что ты сумеешь утешить ее.

Искренне любящий тебя дядя
Эймс Руквисл

P.S. К сожалению, Розы — в какой-то мере по моей вине — небезразлична к тому, что твой отец (большой любитель избитых выражений) частенько называл «сатанинской влагой». Умоляю тебя следить за употреблением ею алкоголя, ибо неумеренность делает ее строптивой. Так ведь она, увы, не единичный случай.

Э. Р.»

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТОМИТЕЛЬНОЕ ОЖИДАНИЕ

Адриану казалось — весь мир окутался серой мглой и по спине вверх-вниз, наперекор закону тяготения, катилась струйка ледяной воды. Через тупое жужжание в ушах с трудом пробился голос миссис Дредж.

— Ну? — спросила она. — И что же вам пишут?

«Видит бог, — подумал Адриан, — вот уже чего я не могу ей сказать».

— Это... это письмо... гм... от... э... одного из друзей моего отца, — начал он лихорадочно импровизировать. — Просто он подумал, что мне будет интересно узнать, что происходит там, в деревне.

— После десяти лет молчания? — фыркнула миссис Дредж. — Долго же он собирался!

— Да... да, долгонько, — ответил Адриан, пряча письмо в карман.

Однако миссис Дредж была не из тех людей, от кого можно отделаться кратким изложением. Собственное ее душераздирающее описание кончины мистера Дреджа обычно занимало не менее полутора часов, так что столь легковесный пересказ содержания письма на двух листах никак не мог ее удовлетворить.

— Ну, и как они там поживают? — осведомилась она.

— О, — сказал Адриан. — Все как будто здоровы, понимаете.

Миссис Дредж продолжала ждать, не сводя с него требовательных черных глаз.

— Кое-кто из тех, кого я знал, сочетался браком, — в отчаянии сочинял Адриан. — И у многих родились дети.

— Это вы о тех, — с надеждой спросила миссис Дредж, — кто сочетался браком, или о других?

— О тех и о других, — ляпнул Адриан и тут же спохватился: — Нет-нет, конечно же, о женатых. Как бы то ни было, все они прекрасно... э... прекрасно себя чувствуют, и я должен... гм... написать им и поздравить...

— Поздравить тех, кто сочетался браком? — миссис Дредж во всем стремилась к полной ясности.

— Ну да, — ответил Адриан. — Их и тех, разумеется, у кого родились дети.

Миссис Дредж вздохнула. Она совсем не так представляла себе изложение тех или иных событий. Будь это ее письмо, уж она-то сумела бы по капле заполнять пустоты, целую неделю потчевала бы Адриана новыми подробностями и рассуждениями.

Д

— Ну что ж, — философически заключила она, поднимаясь на ноги, — будет вам чем занять свои вечера...

Адриан, у которого все кружилось в голове от невероятного послания дядюшки, поспешно затолкал в рот противные остатки черного пудинга, запил их чаем и встал из-за стола.

— Уже уходите? — удивилась миссис Дредж.

— Да, хочу по пути на работу зайти к мистеру Паклхэммеру.

— Только вы уж не проводите с *ним* слишком много времени, — строго произнесла миссис Дредж. — Общение с этим господином может дурно повлиять на такого честного, порядочного молодого человека, как вы.

— Да-да, пожалуй, вы правы, — кротко отозвался Адриан.

Он числил мистера Паклхэммера в ряду своих самых близких друзей, однако не был расположен сейчас затевать спор по этому поводу.

— И не опаздывайте на ужин, — добавила миссис Дредж. — Я раздобыла отличный кусок трески.

«Не очень-то заманчивый повод для пунктуальности», — подумал Адриан, однако пообещал не опаздывать и поспешил выскользнуть из дома, пока миссис Дредж не изобрела новую тему для долгого разговора.

Мистер Паклхэммер, по профессии плотник и гробовщик, владел обширным лесным складом в полукилометре от дома миссис Дредж. Несколько лет назад Адриан впервые зашел туда, чтобы договориться о починке большого деревянного сундука. Они сразу прониклись взаимным расположением, которое со временем переросло в прочную дружбу. Адриан в силу природной робости трудно сходилась с людьми, и мистер Паклхэммер стал для него чем-то вроде духовника. Вот и теперь ему не терпелось возможно скорее дойти до лесного склада и обсудить со своим другом письмо, грозящее разрушить самые основы его покойного налаженного бытия. Адриан не сомневался, что мистер Паклхэммер научит его, как поступить.

Торопливо шагая по тротуару, он говорил себе, что отец, похоже, был прав в своих оценках характера дядюшки Эймаса. Разве можно делать *такое*? Деньги деньгами, ладно (что ни говори, щедрый жест), но разве можно вот так, ни с того ни с сего, навязывать ни в чем не повинному племяннику предающуюся пьянству леди неопределенного возраста? Это просто бесчеловечно. Тут Адриана поразила еще одна ужасная мысль, и он остановился так круто, что с его головы слетел котелок. Ему вспомнились слова отца о том, что дядюшка Эймас работал в цирках и на ярмарках. Вдруг эта Роза — акробатка или, еще хуже, одна из тех отчаянных прытких особ, что стоят в покрытом блестками трико на спине у скачущей лошади? Худо, когда тебе сажают на шею акробатку, но когда к тому же эта акробатка — пьяница, это уже слишком. И как только *мог* его дядюшка так поступить с

ним? И, подхватив с земли свой котелок, Адриан чуть не бегом ворвался на территорию склада мистера Паклхэммера.

Хозяин склада, коренастый коротыш с лицом добродушного бульдога, сидел на только что сколоченном гробе, заканчивая утреннюю трапезу, состоящую из доброй кружки пива и огромного бутерброда с сыром. В длинном ряду былых его подвигов было звание чемпиона по вольной борьбе и поднятию гирь. Непомерное увлечение спортом превратило его в сплошную гору мышц, так что теперь, хотя каждый мускул и каждая связка выступали узлами, словно воск на тающей свече, он с трудом передвигался по земле.

— Привет, парень, — поздоровался он с Адрианом, дружелюбно взмахнув рукой, сжимающей бутерброд. — Будешь завтракать со мной? Как насчет глотка пива?

— Нет-нет, — вымолвил бледный от волнения, запыхавшийся Адриан. — Мне нужен твой совет.

— Как-как? — мистер Паклхэммер поднял свои косматые брови. — Что случилось? У тебя такой вид, будто ты встретился с призраком.

— Хуже, куда хуже, — драматическим тоном произнес Адриан. — Я пропал... вот, прочти.

И он протянул мистеру Паклхэммеру письмо.

— Я не умею читать, — сообщил тот, с интересом разглядывая конверт. — Все как-то некогда было научиться — то одно, то другое. Прочти мне сам, парень.

Дрожащим голосом Адриан изложил мистеру Паклхэммеру суть послания дядюшки Эймоса. Когда он закончил, наступила тишина — мистер Паклхэммер засунул в рот изрядный кусок бутерброда и принялся задумчиво жевать.

— Ну, — не выдержал наконец Адриан, — что мне делать?

— Что делать? — мистер Паклхэммер удивленно проглотил хлеб с сыром. — Очень просто, делай то, о чем тебя просит твой дядя.

Адриан изумленно уставился на своего друга — или тот ничего не понял, или помешался умом.

— Но разве это *возможно*? — повысил он голос. — Как я могу взять на себя заботу о незнакомой особе женского пола... незнакомой *пьющей* особе? Миссис Дредж ни за что не впустит ее в дом... И как насчет моей работы? Господи, да меня сразу уволят, если узнают. И предположим, что она — одна из этих акробаток, как мне быть тогда?

— Не вижу, что в этом плохого, — рассудительно произнес мистер Паклхэммер. — Сам однажды видел такую. Симпатичная толстушка, вся в блестящих. Очень милая куколка.

Д

— О господи, — страдальчески молвил Адриан. — Надеюсь, она не явится сюда вся в блестках!

— Ничего не скажешь, — задумчиво продолжал мистер Паклхэммер, — ничего не скажешь — пятьсот фунтов приличные деньги, очень даже приличные. Послушай, с таким состоянием ты мог бы оставить работу... сколько раз говорил, что хотел бы уйти оттуда.

— А как насчет пьющей особы? — саркастически спросил Адриан.

— Ну, вы могли бы совсем неплохо жить вдвоем на сто двадцать в год, а за четыре года успели бы открыть какое-нибудь небольшое дело. Если она выступала на ярмарках, вы могли бы устраивать кукольные представления, что-нибудь вроде «Панч и Джуди». У меня есть вполне приличная ширма с куклами, могу дешево уступить.

— Я вовсе не намерен следующие четыре года проводить в обществе покрытой блестками пьяной толстушки, изображая Панча и Джуди, — отчетливо и громко провозгласил Адриан. — Хотелось бы услышать от тебя что-нибудь более дельное.

— Не вижу, парень, из-за чего ты так волнуешься, — сурово молвил мистер Паклхэммер. — Тебе подносят на блюде богатое наследство и бабу в придачу. Сотни молодых людей были бы не прочь очутиться на твоём месте.

— Готов хоть сейчас уступить им это место, — выпалил Адриан. — Если они согласны остаток жизни провести вместе с пьяной акробаткой, вперед!

— Твой дядюшка не говорит, что она все время пьяная, — справедливо заметил мистер Паклхэммер. — Может, она даже очень милая. Почему бы тебе не дождаться ее и тогда уже делать выводы?

— Я и так живо представляю себе ее, и меня заранее жуть берет, — сказал Адриан. — Да я даже не знаю ее фамилии.

— Ничего, тебе известно ее имя, а это главное, — философически заметил мистер Паклхэммер. — С ходу обеспечены более интимные отношения.

— Я не желаю никаких интимных отношений с ней! — воскликнул Адриан и продолжал, осененный вдруг ужасной мыслью: — Боже мой! Что будет, если она явится, когда я буду на работе, и ее встретит миссис Дредж?!

— В самом деле, — задумчиво произнес мистер Паклхэммер. — Ты попал в точку. Постарайся как-нибудь избежать этого.

Пока Адриан ходил взад-вперед, лихорадочно соображая, как ему поступить, мистер Паклхэммер не спеша допил свое пиво и вытер рот.

— Придумал, — объявил наконец Адриан. — Понимаешь, сегодня у миссис Дредж особый день... она отправится на кладбище навестить мистера Дреджа, обычно в таких случаях возвращается домой только вечером.

Если как-то сообщить на работу, скажем, что я заболел, тогда я остался бы дома и сам встретил Розу.

— Превосходная мысль, — отозвался мистер Паклхэммер. — Вот что, я пошлю в твою лавку своего подмастерья Дэви, пусть скажет, что ты болен, так что больше не думай об этом. Лучше быстренько дуй домой и поглядывай на дорогу. Я буду здесь, если тебе что-нибудь понадобится.

И Адриан, проклиная день, когда ему вздумалось мечтать о приключениях, поспешил вернуться к дому миссис Дредж и притаился за углом. Вскоре он увидел с облегчением, как она выходит на улицу в просторной черной бомбазиновой накидке, на голове — широкополая пурпурная шляпа, одна рука сжимает огромный букет роз, еженедельное приношение на могилу мистера Дреджа. Проплыв по улице, словно могучий грозный галеон, она скрылась из виду вдаль.

Адриан снова принялся ходить взад-вперед, перебирая в уме самые разные, в основном неосуществимые варианты решения ужасной проблемы. Бежать, наняться на какой-нибудь корабль... Исключено: он, а точнее, его желудок не создан для морской карьеры, ибо его укачивает даже на верхнем этаже еле-еле ползущей конки. Прикинуться мистером Дреджем и заявить госпоже Розе, что Руквисл, увы, только что умер? Как ни заманчив был такой вариант, следовало признать, что для успеха тут потребовался бы более искусный мастер перевоплощения.

«Ничего не поделаешь, — лихорадочно соображал Адриан, вытирая носовым платком вспотевшие ладони, — придется мне попросту проявить твердость. Объясню, что перед ней — молодой человек, прокладывающий себе путь в жизни, и что на данном этапе я не могу брать на себя ответственность за благо посторонней женщины. Отдам ей эти пятьсот фунтов, и пусть уходит. А если она вдруг разрыдается, закатит истерику? Или, хуже того, явится пьяная и начнет буянить?» От этой мысли его прошиб пот. Нет, он должен оставаться непреклонным, любезным, но твердым. И в надежде, что в нужный момент он и впрямь сумеет быть любезным, но твердым, Адриан снова принялся ходить взад-вперед перед домом.

К полудню нервное напряжение достигло такой степени, что достаточно было листку сорваться с дерева, чтобы Адриан непроизвольно вздрагивал. Он уже решил, что лучше смерть, чем такое мучительное ожидание, когда на дороге показалась повозка, огромный фургон, влекомый восьмью обессиленными лошадьми, которых погонял холерического вида невысокий крепыш в ярко-желтом котелке и жилете в красно-желтую клетку. Адриан лениво соображал, что может помещаться в такой машине, а крепыш в желтом котелке явно приближался к месту назначения, ибо он вытащил из кармана листок бумаги и поглядывал на него, сверяясь с номерами до-

Д

мов. К великому удивлению Адриана, он придержал лошадей как раз возле дома миссис Дредж. Что бы это такое, спросил себя Адриан, могла приобрести его скаредная хозяйка? В фургоне таких размеров могло поместиться что угодно... Он подошел и посмотрел на возницу, который вытирал лицо большим носовым платком.

— Доброе утро, — поздоровался Адриан, сгорая от любопытства.

Крепыш утвердил на голове свой котелок и устремил на Адриана испепеляющий взгляд.

— Доброе, — небрежно отозвался он, — если оно *в самом деле* такое, в чем я лично сомневаюсь.

— Вы... э... привезли что-нибудь для этого дома? — спросил Адриан.

— Ага, — сказал возница, еще раз сверяясь с листком бумаги. — По крайней мере, груз предназначен для некоего мистера Руквисла.

Адриан вздрогнул, обливаясь холодным потом.

— Руквисл... вы уверены? — слабо вымолвил он.

— Ну да. Руквисл. Мистер А. Руквисл.

— Я — мистер А. Руквисл, — дрожащим голосом произнес Адриан. — Что...

— А! — возница вперил в него злобный взгляд. — Так это вы мистер Руквисл, точно? Что ж, чем скорее вы заберете свое имущество, тем лучше для меня.

Спустившись с козел, он протопал назад вдоль фургона, и Адриан, последовав за ним, увидел, что крепыш сражается с массивными дверцами.

— Но что вы такое привезли? — в отчаянии воскликнул Адриан.

В ответ возница распахнул широкие дверцы, и потрясенному, недоверчивому взору Адриана предстал весь в складках, большущий и чрезвычайно добродушный с виду слон.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КОШМАРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

— Вот оно, — удовлетворенно произнес возница, — получите ваше имущество.

— Не может быть, — чуть слышно молвил Адриан. — *Мое?* Не может быть. Я не хочу никакого слона.

— Ну знаете, — с некоторой резкостью сказал возница, — я ведь всю

ночь ехал, чтобы доставить вам эту чертову скотину. Вы — мистер А. Рук-вискл, стало быть, скотина — ваша.

Адриан мысленно вопрошал себя — может быть, пережитые за это утро потрясения повлияли на его рассудок? С каким ужасом думал он о том, что придется уживаться с акробаткой, так на тебе! — не что-нибудь, а целый слон свалился на его голову. Внезапно у него родилось страшное подозрение.

— Как *его* звать? — хрипло справился он.

— Роза, — ответил возница. — Во всяком случае, так мне сказали.

Услышав свое имя, слониха плавно закачалась и издала негромкий писк, похожий на брачный зов крохотного кларнета. Передние ноги ее были прикованы к полу двумя цепями, которые мелодично позвякивали от каждого движения. Игриво протянув к Адриану хобот, она легонько дунула на него. «О господи, — подумал он, — лучше бы мне доставили пьяную акробатку».

— Послушайте, — воззвал он к вознице, — что я буду с ней делать?

— А это, — сказал тот с плохо скрываемым удовлетворением, — уже ваша забота, приятель. Мне поручили доставить слониху, и я это поручение выполнил. А теперь, поскольку я еще не завтракал, не будете ли вы так любезны освободить от нее мой фургон, чтобы я мог ехать по своим делам.

— Не можете же вы бросить меня на улице со слонихой, — возразил Адриан.

— Почему это? — поинтересовался возница.

— Да потому, что я не могу завести ее туда! — выпалил Адриан, указывая на палисадничек миссис Дредж площадью четыре квадратных метра. — Она вообще там не поместится... и все цветы потопчет.

— Так надо было раньше думать, прежде чем заказывать ее.

— Но я ничего не заказывал. Ее завещал мне мой дядя, — объяснил Адриан, сам понимая, сколь невероятно звучит это объяснение.

— Видать, не очень-то он вас любил, — заключил возница.

— Послушайте, — взмолился Адриан, — рассудите сами — разве можно просто выгрузить тут слона и уехать! А мне-то как быть?

— Теперь вы послушайте меня. — Лицо возницы налилось кровью, и голос его дрожал от гнева. — Меня наняли перевезти слона. Конечно, с моей стороны было глупостью соглашаться, но дело сделано. Я всю ночь был в пути. Каждый раз, когда мы проезжали мимо пивной, она норовила опрокинуть фургон. За двадцать пять лет работы возницей у меня еще никогда не было такого мерзкого рейса. И теперь у меня одно-единственное желание — поскорее избавиться от вашей слонихи. Так что вы уж будьте так любезны, заберите ее, чтобы я мог уехать.

Д

Даже если он ухитрится поместить Розу в палисаднике или в саду за домом, говорил себе Адриан, как он объяснит миссис Дредж это внезапное появление слона в ее владениях? Надеяться на то, что она не заметит Розу, не приходится. Но что-то нужно было предпринять, ибо возница стоял на своем, и лицо его с каждой минутой все сильнее наливалось кровью. Внезапно Адриана осенило. Паклхэммер, сказал он себе, лесной склад Паклхэммера. Вот куда надо отвезти Розу.

— Знаете что, — обратился он с отчаянием к вознице, — вы не могли бы еще немного провезти ее по этой дороге? У меня там друг, хозяин лесного склада. Там для нее найдется место.

Возница тяжело вздохнул.

— Мистер, — сказал он, — я доставил вам вашего слона. Я нанялся отвезти его именно сюда, а не куда-нибудь еще.

— Но это совсем рядом, и вы получите целый соверен.

— Что ж, это другое дело. — И возница захлопнул двери фургона, скрыв с глаз Адриана слониху, которая захватила хоботом пук соломы и грациозно обмахивалась им, как веером.

Возница крикнул «но-о!», лошади поднатужились, и фургон загромыхал по булыжной мостовой; Адриан семенил рядом, сиюсья убедить себя, что мистер Паклхэммер больше всего на свете жаждет увидеть у себя слона. Перед лесным складом фургон остановился, Адриан попросил возницу подождать и пошел искать мистера Паклхэммера. Тот по-прежнему сидел на гробе, потребляя очередную кружку пива.

— Привет, парень! — весело произнес он. — Заполучил свою акробатку?

— Мистер Паклхэммер, — негромко молвил Адриан, — ты должен мне помочь. Ибо только на тебя могу я рассчитывать в том кошмарном положении, в каком теперь очутился.

— Постой, что случилось, парень?

— Она... оно... прибыло, — сообщил Адриан.

— Ну и как она выглядит? — заинтересовался мистер Паклхэммер.

— Она... Роза — слониха.

— Слониха? — мистер Паклхэммер присвистнул. — Будет тебе над чем поломать голову.

— Да уж, — сухо отозвался Адриан.

— Слониха, — задумчиво повторил мистер Паклхэммер. — Н-да, не было печали, черти накачали...

— Вот именно, — сказал Адриан. — Не представляю себе, что я буду с ней делать... Знаю только, что бедняга, который привез ее сюда, естественно, желает от нее избавиться. В саду миссис Дредж она не поместится,

пришлось мне везти ее сюда. Может, позволишь на время оставить слониху здесь у тебя, пока я не решу, что делать дальше?

— Пожалуйста, парень, конечно, — живо согласился мистер Паклхэммер. — И ведь я никогда не держал на складе слонов. Все-таки какое-то разнообразие.

— Слава богу, — выдохнул Адриан. — Я тебе так благодарен...

Он вернулся на дорогу, где обливающийся потом возница без усталости орудовал носовым платком.

— Все в порядке, — сообщил Адриан. — Можно оставить ее здесь.

Возница отворил двери фургона, и Роза радостно взвизгнула при виде своих друзей.

— Вот вам ключи, по одному от каждого замка, — сказал возница.

— Она прирученная? — нервно осведомился Адриан, которому до этого дня никогда не доводилось иметь дело со слонами.

— Наверно, — ответил возница. — Думаю, вы скоро это выясните.

— Может быть, следует чем-то занять ее, дать что-нибудь съестное? — спросил Адриан. — Что они едят?

— Булочки с изюмом, — сказал мистер Паклхэммер, разглядывая Розу.

— Не дури, — раздраженно отозвался Адриан. — Где я в это время дня найду булочку с изюмом!

— Как насчет овса? — предположил возница.

— Какой там овес, они едят булочки, — настаивал мистер Паклхэммер.

— Слушай, хватит болтать о булочках, — рассердился Адриан. — Нет у нас ни одной булочки.

— А как тогда насчет бутерброда с сыром? — сказал мистер Паклхэммер. — Схожу-ка я за бутербродом, и проверим, что получится.

Он живо вернулся и вручил Адриану большой ломоть хлеба с сыром. Осторожно, держа перед собой бутерброд так, словно это было какое-то оружие, Адриан приблизился к могучей серой туше.

— Это тебе, Роза, — хрипло молвил он. — Чудный бутерброд с сыром... хорошая девочка...

Роза перестала раскачиваться, устремив на него блестящий взгляд. Подпустив Адриана почти вплотную, она вытянула хобот, быстро и аккуратно сняла с него котелок и водрузила на свою выпуклую голову. Адриан испуганно отпрянул, уронив бутерброд, и с маху наступил на ногу возницы, который и без того пребывал отнюдь не в самом лучшем расположении духа. Подняв с земли бутерброд, Адриан снова приблизился к Розе.

— Ну же, Роза, — сказал он дрожащим голосом, — отличный бутерброд...

Роза снова медленно вытянула хобот, взяла бутерброд из дрожащих

пальцев Адриана и засунула его в свою пасть, которая потрясенному его взгляду показалась величиной с хорошую бочку. Слабое прищмокивание дало ему понять, что слоны и впрямь едят бутерброды с сыром. Пользуясь тем, что зубы Розы были заняты делом, Адриан поспешно опустился на колени, отпер висячие замки и снял цепи с ее ног.

— Вот так, — произнес он, отступая назад от фургона. — Пошли теперь... хорошая девочка...

Розы вздохнула, сняла котелок со своей головы и помахала им, как веером, однако ничто не говорило о том, что она готова освободить фургон.

— Обычно я человек терпеливый, — покривил душой возница, — но хотелось бы, пока вы тут топаете по моим ногам и пичкаете этого слона бутербродами, напомнить, что я сегодня еще ничего не ел.

— Но я *пытаюсь* ее выманить, — обиженно заметил Адриан. — *Силой такую* махинуищу идти не заставишь.

— Может, вы не откажетесь от бутерброда и кружки пива? — спросил возницу мистер Паклхэммер.

— О, вы очень любезны, — обрадовался тот. — Чрезвычайно любезны.

Пока возница и Адриан стояли, созерцая Розы, которая снова принялась раскачиваться, издавая душераздирающие вздохи, мистер Паклхэммер вошел в дом и вскоре появился вновь, неся бутерброд и полную кружку пива. Радость возницы при виде этих продуктов не шла ни в какое сравнение с восторгом Розы. Издав протяжный трубный звук, сильно напугавший Адриана, она вперевалку вышла из фургона на дорогу. Мистер Паклхэммер застыл на месте, а слониха, продолжая трубить, схватила хоботом кружку и отправила ее содержимое в свою широченную пасть.

— Ну так, одна проблема решена, — заключил возница. — Но как насчет пива для меня?

— Во всяком случае, — заметил Адриан, — мы знаем теперь, что она ест бутерброды и пьет пиво. Хотя я сильно сомневаюсь, чтобы она могла обходиться такой диетой.

— Не считите меня бесчувственным, — фыркнул носом возница, — но лично меня больше волнует состояние моего желудка.

Розы вернула мистеру Паклхэммеру пустую кружку и с надеждой на добавку последовала за ним на территорию лесного склада. Обнаружив разумного человека, который явно понял, каковы ее потребности, она отнюдь не собиралась терять его из виду. Розы вышагивала неторопливой, величественной, хотя и малость хмельной походкой, и уши звучно хлопали ее по затылку. Она удовлетворенно попискивала на ходу, и, как только слониха следом за мистером Паклхэммером вошла внутрь ограды, Адриан поспеш-

но захлопнул ворота и прислонился к ним, вытирая вспотевшее лицо. Первый шаг сделан...

Как ни заинтриговал Рози вид выющихся белых стружек, штабелей досок и выстроенных плотными рядами новеньких гробов, она то и дело поглядывала на мистера Паклхэммера, явно почитая его лозоходцем, ведущим ее к заветному источнику пива. Все же им удалось незаметно юркнуть в дом, где мистер Паклхэммер возобновил поставки бутербродов и пива, и под умиротворяющим действием пищи даже возница малость подобрел.

— Забавное наследство оставил вам ваш дядюшка, — сказал он Адриану.

— Не вижу в этом ничего забавного, — с горечью произнес Адриан. — Одному богу известно, что я теперь буду с ней делать.

— Продайте, — предложил возница, наливая себе еще пива. — Продайте в какой-нибудь цирк. Так я поступил бы на вашем месте.

— Нельзя, — объяснил Адриан. — В том-то и вся закавыка. Мне завещано пятьсот фунтов, чтобы я заботился о ней.

— Интересно, сколько булочек можно купить на эти деньги, — живо заинтересовался возница.

— Не одни же булочки они едят, — жалобно молвил Адриан. — Я говорю про капусту и прочую зелень. Придется экспериментировать.

— Да не волнуйся ты так, парень, — сказал мистер Паклхэммер. — Пускай побудет здесь два-три дня, пока ты решишь, как поступить. Я присмотрю за ней.

В эту самую минуту Рози заключила, что одним лишь созерцанием гробов, как ни занимательны они по-своему, сыт не будешь, подошла к дому, заглянула снаружи в окно и с радостью обнаружила, что ее друзья сидят вместе за столом, потребляя ее любимый напиток. В комнате явно царила атмосфера задушевной мужской дружбы, и, воодушевленная этой картиной, не сомневаясь, что им недостает ее, Рози тихонько постучала по стеклу кончиком хобота, деликатно, чисто по-женски давая понять, что не прочь принять участие в праздничном застолье. Однако ее друзья были так поглощены беседой, что не обратили внимания на стук. Такое небрежение возмутило Рози. Как-никак она проделала долгий, утомительный путь, подкрепившись всего одной кружкой пива, а они тут знай себе пьянствуют и не думают пригласить ее в свою компанию. Вообще Рози отличалась чрезвычайно терпеливым нравом, но, при виде того как возница наливает себе еще одну кружку, не выдержала, подцепила хоботом нижний край скользящей рамы и дернула. С восхитительным звоном и треском вся рама вылетела, и Рози, весьма довольная результатом своих усилий, просунула хобот в комнату и громко затрубила.

Д

— Бога ради! — воскликнул потрясенный Адриан. — Дай Розе еще пива, мистер Паклхэммер, и заткни ей глотку.

— При такой ее прыти, — сочувственно заметил возница, — большая часть ваших пятисот фунтов уйдет на пиво и разного рода мелкий ремонт.

Мистер Паклхэммер прошел на кухню, отыскал оловянный таз, наполнил его до краев пивом и вынес во двор, приветствуемый оглушительным радостным повизгиванием Розы. Погрузив хобот в чудесную коричневую влагу, она засосала добрую порцию и вылила себе в пасть таким миниатюрным водопадом. Очень скоро таз был опорожнен, и Роза, удовлетворенно порыгивая, присмотрела себе тенистый уголок и легла передохнуть.

— Ну что ж, — сказал возница, — мне пора. Большое спасибо за гостеприимство.

— Не за что, — ответил мистер Паклхэммер.

— А вам, сэр, — обратился возница к Адриану, — желаю всяческой удачи. Чувствую, с этой веселой малюткой удача вам ох как пригодится.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПУТЬ СВОБОДЕН

Проводив возницу за ворота и вернувшись в дом, мистер Паклхэммер застал Адриана мрачно размышляющим над пустой кружкой.

— Я совершенно сбит с толку, — жалобно произнес Адриан. — *Не представляю себе, что делать.*

— Выпей еще пива, — предложил мистер Паклхэммер, склонный на все смотреть просто, без затей. — Перестань себя мучить... что-нибудь придумаем.

— Хорошо тебе успокаивать меня, — огрызнулся Адриан. — У тебя не сидит на шее слониха. Мы еще даже не знаем, что она ест.

— Булочки, — настаивал мистер Паклхэммер на своей исходной версии. — Вот увидишь — булочки с изюмом ее вполне устроят.

— А может, прав был возница? — задумчиво сказал Адриан. — Если бы я нашел цирк, где ей будет хорошо, и отдал владельцу те пятьсот фунтов, это не против закона?

— Не знаю, как насчет закона, — отозвался мистер Паклхэммер, поджимая губы в знак размышления, — но почему не попробовать?

— Да только где найдешь его теперь? — спросил Адриан. — Последний раз я видел цирк, когда мне было лет семь или восемь.

— Приморье, — не задумываясь, ответил мистер Паклхэммер. — На всех приморских курортах обязательно есть цирки, и ярмарки, и прочие увеселения.

— Но отсюда до моря почти сто километров, — возразил Адриан. — Как я доставлю ее туда?

— Пешком, — сказал мистер Паклхэммер. — Думаю, ей будет только полезно размяться. Одно ясно — ты не можешь держать ее здесь бесконечно. Не потому, что я против, ни в коем случае, но держать у себя на складе слона — не оберешься сплетен. Сам знаешь, какие кругом соседи, всюду суют свой нос.

— Что ж, ничего не поделаешь, — заключил Адриан. — Скажу миссис Дредж и хозяевам в лавке, что мой дядя при смерти и я вынужден на время отлучиться. Вряд ли на работе станут возражать, у меня как раз отпуск подходит. Как ты думаешь, сколько дней займет путь до моря?

— Зависит от обстоятельств, — ответил мистер Паклхэммер.

— Каких еще обстоятельств? Сколько километров в день может пройти слон?

— Я не об этом подумал, — отозвался мистер Паклхэммер. — А о том, сколько пивных будет на вашем пути.

— Ну да, — со стоном молвил Адриан. — Я совсем забыл...

— Вот что я тебе скажу — помнишь старую маленькую двуколку, что стоит у меня там в сарае? Так вот, приведем ее в порядок, смастерим упряжь, и пусть Роза тянет ее. Загрузишь в ящик сзади одежду, пиво и что там еще...

— Только не пиво, — поспешно перебил Адриан. — Никакого пива в пределах досягаемости этой твари.

— Ну хорошо, загрузишь корм. И когда соберешь все, что надо, в путь — ну как?

Хоть и тревожно было на сердце у Адриана, он ощутил некий намек на душевный подъем. Разве не жаждал он приключений? Так вот, путешествие в компании со слоном — приключение что надо! Впервые с той минуты, как Адриан прочитал дядюшкино письмо, ему вдруг подумалось, что дело обстоит вовсе не так уж плохо. И прогулка к морю в обществе Розы начала казаться ему даже увлекательной затеей.

— Допустим, я дойду туда дня за три, — задумчиво произнес он.

— И еще два дня потребуются, чтобы найти какой-нибудь цирк. То да се, скажем, всего на это дело уйдет максимум дней десять-двенадцать.

— Верно, — согласился мистер Паклхэммер. — Вполне уложишься, при благоприятных условиях.

Д

— Точно! — Адриан вскочил на ноги, снова почувствовав себя (на минуту) лучшим фехтовальщиком в стране. — Все будет сделано!

— Молодец! — сказал мистер Паклхэммер. — Я пошел бы с тобой, да нельзя бросать лесной склад. Бьюсь об заклад, ты отлично проведешь время. А теперь приступим. Я выкачу двуколку, вымою ее, пройдуся краской, и можешь хоть завтра трогаться в путь.

Адриан подошел к окну и выглянул наружу. Рози мирно спала, только уши иногда подергивались да в животе у нее урчало, словно где-то вдали гремел гром.

— Надо ее покормить, — озабоченно произнес он. — Послушай, что у нее делается в животе.

— Кончай волноваться по пустякам, — отозвался мистер Паклхэммер. — Предоставь это дело мне.

Выйдя во двор, они потихоньку, чтобы не разбудить Рози, выкатили из сарая обшарпанную двуколку.

— Вот, пожалуйста, — сказал мистер Паклхэммер, лаская взглядом маленький экипаж. — Немного краски, и будет как новая. Давай-ка, парень, вымой ты ее, а я пойду раздобуду корм для Рози.

Адриан принес два ведра горячей воды, вооружился щеткой и приступил к работе, насвистывая какую-то мелодию. Он так увлекся своим делом, что даже вздрогнул, когда шею его нежно обнял теплый серый хобот, дышащий пивом. У него еще не было времени усвоить, что слоны, несмотря на солидный вес, при желании могут передвигаться куда тише, чем домовая мышь. Остановившись за спиной Адриана и добродушно глядя на него, Розидохнула ему в ухо пивным ароматом и приветственно пискнула.

— Ну вот что, — строго произнес Адриан, освобождая свою шею от ее объятий, — не путайся под ногами. Видит бог, ты уже натворила тут дел. Будь хорошей девочкой, ступай обратно вон туда и проспись.

В ответ Рози окунула хобот в одно из ведер, шумно засосала воду, после чего, тщательно прицелившись, окатила струей борт двуколки. Набрала в хобот еще воды и повторила процедуру на глазах у изумленного Адриана.

— Что ж, — вымолвил он наконец, — если ты настроена *помогать*, это другое дело.

Он быстро убедился, что достаточно показать Рози, куда направлять струю, и она послушно выполняет команду. Адриану оставалось только подносить воду. Выпущенная хоботом тугая струя запросто смывала копоть и паутину, и двуколка заметно преобразилась. В это время вернулся мистер Паклхэммер, неся набитый чем-то мешок.

— Булочек я не нашел, — сообщил он, явно огорченный тем, что не сможет подтвердить свой тезис, — но удалось добыть черствый хлеб.

Развязав мешок, они извлекли две темные буханки, и Адриан протянул их Рози, сильно сомневаясь, что она примет такой лежалый дар, однако слониха радостно пискнула и с невероятной скоростью управилась с обеими буханками.

— Вот и ладно, — заключил Адриан, — проблема кормления решена.

Он вытряхнул из мешка остальные буханки, и Рози предалась обжорству.

— Послушай, — восхищенно произнес мистер Паклхэммер, — двуколку просто не узнать!

— Это Рози потрудилась, — сказал Адриан.

— Рози? Как тебя понимать?

— Ну, она помогала мне. Поливала водой так, что мы в два счета управились.

— Надо же! Может, она знает еще какие-нибудь трюки?

— По-моему, сейчас не время проверять ее способности, — поспешно отозвался Адриан. — Для начала не мешает мне отправиться в банк и выяснить, как там обстоит дело с деньгами, согласен?

— Ты прав. Оставляй Рози здесь, мы поладим. И я тем временем поработаю кистью и краской.

Когда Адриан спустя несколько часов вернулся из города, он издалека услышал громкое пение мистера Паклхэммера, сопровождаемое одобрительным попискиванием Рози. Войдя во двор, он увидел, что слониха разлеглась на земле, а мистер Паклхэммер, опершись на крепкое плечо Рози, поет ей серенаду в левое ухо. Обоих украшали пятна краски, а пустой таз с остатками пены на дне и пивная кружка красноречиво свидетельствовали, каким образом была закреплена дружба мистера Паклхэммера и Рози. Не без удивления, учитывая состояние маляров, он убедился, что двуколка смотрится великолепно. Мистер Паклхэммер явно дал волю своим артистическим наклонностям. Борта двуколки были выкрашены в яркий бледно-желтый цвет, оглобли — в не менее яркий алый, спицы колес — поочередно в синий и золотистый, и в целом экипаж сверкал, как драгоценный камень.

— Привет! — воскликнул мистер Паклхэммер, выпрямляясь не без труда. — Мы тут с Рози спевку устроили... у нее вкус к доброй песне. И как тебе двуколка, а?

— Замечательно, — с восторгом ответил Адриан. — Краше не бывает.

— Меня всегда тянуло заняться искусством, — мрачно признался мис-

Д

тер Паклхэммер, — да только в наше время спрос на него невелик. Получил деньги?

— Получил, — ответил Адриан. — Пришлось кучу бумаг подписывать, оттого и подзадержался.

— Что ж, на твоём месте, — мистер Паклхэммер вытащил из кармана часы и уставился на них мутным взором, — я направился бы домой и поделился новостями с этой теткой Дредж.

— Да, пожалуй, так я и сделаю, — вздохнул Адриан. — А ты уж постарайся тут не слишком накачивать Розы пивом, ладно? Помнишь небось, что мой дядюшка написал по этому поводу.

— Капелька пива никому еще не повредила, — серьезно заметил мистер Паклхэммер.

Адриан прошел к своему огромному дремлющему подкидышу и погладил крутолобую головушку.

— Спокойной ночи, старушка Розы, — сказал он.

Слониха подняла одно веко и посмотрела на него маленьким озорным глазом; казалось, она улыбается, словно зная, какие планы намечены на следующий день, и всецело их одобряя. Тихо пискнув, она закрыла глаза и снова погрузилась в сон, тогда как Адриан вышел за ограду и побрел к дому миссис Дредж.

Здесь, как и следовало ожидать, ему выпали тяжкие испытания. Ссылка Адриана на умирающего дядюшку несколько не удовлетворила миссис Дредж, и, добываясь от Адриана подробностей, она до того заморочила голову обоим, что под конец никто из них уже не соображал толком, о чем идет речь. Пришлось миссис Дредж признать свое поражение и позволить доведенному до дикой головной боли Адриану подняться наверх и лечь спать.

На другой день он собрал утром свои вещи и отправился на склад к мистеру Паклхэммеру. Позади была беспокойная ночь, его преследовали кошмары, в которых целые стада пьяных слонов топтали разноцветные двуколки, а потому он испытал облегчение, когда вошел во двор и Розы, радостно пискнув, нежно обняла его за шею хоботом в знак приветствия. Было что-то подкупающее в естественном радушии слонихи, и Адриан почувствовал, что начинает любить своего гигантского иждивенца.

При помощи мистера Паклхэммера он загрузил в багажник все необходимое, на их взгляд, для предстоящего путешествия. Тут были банки с провизией для Адриана, три мешка черствого хлеба для Розы, одеяла, большой нож, аптечка со всякими таинственными сильнодействующими снадобьями из запасов мистера Паклхэммера, толстая веревка, брезент такой величины, что под ним, утверждал мистер Паклхэммер, могли укрыться от

дождя оба путника, цепи — на случай, если придется заковывать Рози, бо-
чонки пива (тщательно укрытый, чтобы Рози не видела) и, наконец, — банд-
жо Адриана. Он приобрел инструмент несколько месяцев назад, однако
особого успеха в игре не достиг, ибо мог упражняться только в те дни, когда
миссис Дредж отправлялась на кладбище навестить мистера Дреджа. Тем
не менее мистер Паклхэммер похвалил Адриана, дескать, шагать под му-
зыку куда веселее. С музыкой и пивом, сказал он, хоть куда дойдешь.

Управившись с погрузкой, они без труда запрягли в двуколку Рози, ко-
торая нисколько не сопротивлялась, увлеченная новой игрой. После чего
Адриан в роли проводника взял ее за кончик уха и несколько раз провел по
кругу во дворе, чтобы привыкла тянуть экипаж.

— Ну так, — сказал он наконец, — полагаю, пора нам трогаться в
путь. Огромное спасибо вам за помощь, мистер Паклхэммер.

— Пустяки, парень, — ответил тот. — Как бы мне хотелось пойти с
вами... Уверен, все будет замечательно. Не забудь писать мне, чтобы я
знал, как идут ваши дела, обещаешь?

— Обещаю. И еще раз большое спасибо.

Ласково погладив бок Рози, мистер Паклхэммер распахнул ворота о-
грады, и слониха, направляемая Адрианом, протопала на дорогу, увлекая за
собой позвякивающую и постукивающую двуколку. Стоя в воротах, мистер
Паклхэммер долго провожал их взглядом.

Хотя они старались держаться подальше от главных улиц, все же им
пришлось пересечь часть города, прежде чем они вышли на окраину, и за
это время Адриан узнал много нового о слонах и об их воздействии на окру-
жающую фауну. Так, он скоро обнаружил, что лошади подвержены при-
падкам нервного расстройства при внезапной встрече со слоном. Причем
эффект, насколько он мог судить, ничуть не зависел от рода экипажа, в ко-
торый они были впряжены. Издав пронзительное ржание, они вставали на
дыбы и пускались галопом по мостовой, вынуждая испуганных владельцев
отчаянно цепляться за вожжи. Рози была весьма озадачена такой реакци-
ей; ее, привыкшую к дружескому общению с рассудительными, смирными
цирковыми лошадьми, такое отношение даже обижало, мягко говоря.

Еще он узнал (сей урок обошелся ему в один соверен), что слоны едят
фрукты и овощи. Обогнув очередной угол, они очутились лицом к лицу с
пожилым мужчиной, который толкал тележку, нагруженную доверху то-
варом, чей вид заставил Рози ускорить шаг, издавая радостные трубные
звуки и не обращая никакого внимания на крики дергавшего ее за ухо Ад-
риана. Она видела только гору съестного, предоставленного заботливым
провидением. Хозяин тележки, увидев вдруг запряженного в разноцвет-
ную двуколку слона, несущегося прямо на него явно с недобрыми намере-

Д ниями, обратился в бегство, развив поразительную для такого возраста прыть. А Роза, продолжая возбужденно трубить, остановилась возле брошенной тележки и, как ни пытался Адриан призвать ее к порядку, принялась с великим удовольствием уписывать овощи и фрукты. Пришлось Адриану догонять беглеца, чтобы осушить его слезы и возместить ущерб. Он утешал себя надеждой на то, что после плотной трапезы Роза будет вести себя спокойнее. И не ошибся — дальше она трусила в самом благодушном расположении, и желудок ее мелодично бурчал, переваривая добычу.

Наконец поблескивающий тысячами окон город остался позади, и, когда путники поднялись на пригорок, им открылся вид на залитый ярким весенним солнцем волшебный ковер из полей и перелесков, извивающихся рек и мглистых холмов, над которыми звенели голоса жаворонков и отдавалось сонное кукование кукушек. Адриан наполнил легкие чистым воздухом с ароматом клевера.

— Ну вот, Роза, — сказал он, — мы за городом. Кажется, самое худшее позади.

Довольно скоро он осознал, какую глупость сморозил.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БАТАЛИЯ ПРИ МОНКСПЕППЕРЕ

Солнце грело, чистое небо синело, живые изгороди и рощицы, одетые в зеленый пышный кринолин весенней листвы, кишели щебечущими птицами, напрашиваясь на сравнение с музыкальными шкатулками. Как чудесно, говорил себе Адриан, шагать вместе с загребавшей ногами пыль Роза по отороченным ярко-желтыми каскадами примулы узким дорожкам под звуки поскрипывающих колес двуколки и приятное позвякивание упряжи. Вскоре он снял пиджак и бросил его на багажник. Еще через полчаса туда же отправились жилет, целлулоидный воротник и черный галстук, и в приливе залихватской удали он даже завернул рукава рубашки. В черных брюках с полосатыми подтяжками и в беспечно сдвинутом набок котелке он являл собой довольно странное зрелище, однако это его нисколько не тревожило. Адриан был опьянен картинами сельской местности, и перед ним открывался путь к приключениям.

Он обнаружил, что мистер Паклхэммер был совершенно прав, когда говорил, что Роза любит пение. Усладив ее слух исполнением эстрадных

песенок и убедившись, что они пришлись ей по вкусу, Адриан принялся брэнчать на банджо. Возможно, он был небольшой мастер игры на этом инструменте, но Рози была слишком хорошо воспитанной аудиторией, чтобы акцентировать на этом внимание, а потому все складывалось как нельзя лучше.

К полудню они ушли достаточно далеко от всех городов. Карта помогла Адриану проложить маршрут по глухим проселкам, ибо он вовсе не желал попадаться людям на глаза, и до сих пор они не встретили ни души, словно два странника в необитаемом краю. Непривычный к свежему воздуху, Адриан успел заметно проголодаться. За Рози он не волновался, она преспокойно закусывала зеленью с кустов на обочине, ему же требовалось нечто посущественнее. Наконец глазам его предстало то, в чем он нуждался — спускающийся к речке, расцвеченный маргаритками просторный бархатно-зеленый луг, на котором тут и там стояли могучие дубы, увенчанные, словно огромными париками, пышными облаками поблескивающей листвы и отороченные внизу отрадной темно-синей тенью.

— Вот оно, Рози, девочка моя, — сказал Адриан. — Здесь мы устроим привал, перекусим.

Сквозь просвет в живой изгороди он провел Рози на гладкий зеленый пятачок под двумя-тремя дубами. В шести шагах ниже журчала среди камышей переливающаяся солнечными бликами речушка. Адриан выпряг Рози и достал провизию. Осторожно наполнил две большие кружки пивом из бочонка, на что Рози отозвалась продолжительным трубным звуком. Расположившись на траве, Адриан живо уплел пирог с мясом, изрядный кусок сыра и половину батона. После многих лет общения со стряпней миссис Дредж эти нехитрые припасы показались ему экзотическими деликатесами. Рози, присмотрев на дубах подходящие ветки, закусила ими, после чего принялась энергично скрестись боком об один из стволов, чем изрядно напугала пару обитающих в кроне сорок.

Откинувшись на спину, Адриан смотрел прищуренными глазами через кружево листвы на синее небо, и душой его овладел великий покой. «А что, — сказал он себе, — не так уж плохо все обернулось, как я опасался. Просто замечательно!» Он со вкусом зевнул, закрыл глаза и погрузился в сон.

Проснувшись вдруг спустя некоторое время, он лежал, напрягая слух, чтобы определить, какой звук его разбудил. По-прежнему поодаль гомонили сороки, высоко в небе рассыпал свои трели жаворонок, но внимание Адриана привлекли какое-то бульканье и громкий плеск. Он сел, тревожно осмотрелся. Рози исчезла. Ему стало страшно. Куда она делась? Терроризирует какого-нибудь злополучного дачника? Или — при этой мыс-

Д

ли он похолодел — обнаружила поблизости пивную? Адриан вскочил на ноги, лихорадочно озираясь.

Внезапно над прохладной гладью речушки вырос серебристый фонтан, и следом за ним показалась Роза. Она легла в воде на бок, и обычно серая кожа ее казалась черной от влаги. Слониха с наслаждением плескалась в речке, время от времени погружая хобот в воду и выдувая журчащие пузырьки. Несказанно обрадованный, что обнаружил ее, Адриан спустился на берег, и Роза приветствовала его веселым писком.

— Ну ты у нас просто умница, девочка моя, — сказал Адриан. — Что, хорошо тебе там... понравилось купаться?

В ответ Роза перевернулась на другой бок, вызвав тем самым волну, которая совершенно накрыла ее на несколько секунд.

— А знаешь, старушка, мне что-то захотелось присоединиться к тебе, — продолжал Адриан. — Очень уж соблазнительно выглядит.

Он осмотрелся украдкой, проверяя, не следит ли кто-нибудь за ними, живо разделся, оставив на себе только кальсоны приличия ради, и с пронзительным криком прыгнул с травянистого берега в речку. Ледяная вода взбодрила его, он встал, отфыркиваясь, добрал до Розы и взобрался на ее плечо. Роза радостно пискнула и легонько коснулась хоботом его лица и мокрых волос.

— Замечательно, — выдохнул Адриан, поглаживая ухо слонихи. — Восхитительно! Отличная идея, Роза. Ты умное, *умнейшее* создание!

С трудом выпрямившись во весь рост, он принялся отплясывать на широком боку Розы, восклицая: «Замечательно, восхитительно!» — пока не поскользнулся на влажной коже и не шлепнулся в реку. Только вынырнул, смеясь и откашливаясь, как Роза, ласково глядя на него маленькими яркими глазами, окатила его водой из хобота. Следующие полчаса они продолжали резвиться таким образом, пугая лысук и камышниц и нервируя зимородка, свившего себе гнездо на берегу.

— Как только дойдем до какого-нибудь селения, — объявил Адриан, когда они выбрались из реки и легли на траву, — я куплю большую-пребольшую щетку, чтобы как следует скрести тебя, моя девочка, и будешь ты настоящая красавица слонихи.

Утомленные возней в воде, они задремали, подсыхая на солнце. Лежали так тихо, что заметили пересекающую весь луг лисицу, лишь когда она очутилась совсем близко.

— Привет, — сказал Адриан, садясь. — А ты хороша, ничего не скажешь.

Лиса замерла, насторожив уши и подняв одну лапу. Тут Роза взмахнула ушами и вытянула любопытствующий хобот. Лиса отпрянула, испуган-

но твякнув, круто развернувшись, сбежала к воде и поспешно поплыла к другому берегу. Выбравшись там из воды, энергично встряхнулась и скрылась в кустах, наградив Адриана и Розы ненавидящим взглядом.

— Что скажешь, Роза, — не больно-то любезная особа, верно? — заметил Адриан. — Совсем не компанейский товарищ...

И он уже приготовился прочесть Роза краткую, но исчерпывающую лекцию о лисах, но тут до их слуха донеслись звуки гона.

— Господи! — ахнул Адриан, вспомнив, что на нем одни кальсоны. — Как же это... мне надо одеться... живо!

Вскочив на ноги, он побежал к двуколке, где на оглоблях была аккуратно развешана его одежда. Поздно... Через широкий просвет в окружающей луг высокой живой изгороди хлынул коричнево-белый каскад возбужденно лающих псов, за которыми верхом на лоснящихся, словно каштаны, гордо скачущих конях следовала целая армия охотников и охотниц в красных куртках. «Хороший переплет, — сказал себе Адриан, — лучше не придумаешь... Быть застигнутым, судя по всему, местной аристократией на лугу в обществе слона и разноцветной двуколки — уже несколько необычная ситуация, если же ты при этом стоишь в одних кальсонах, то жди беды».

А тут еще Роза, взбодренная купанием в речушке, чрезвычайно ожилилась при виде охотников со сворой собак. То ли она приняла сигналы охотничьего рога за трубные звуки какого-то другого слона, то ли множество гончих, красные куртки и вся атмосфера праздничного действия напомнили ей счастливые дни, проведенные в цирке, так или иначе она взгромодилась на ноги и затрусилась, радостно трубя, через луг навстречу гону.

Собаки разом удивленно остановились. По выражению их морд трудно было понять, что они возмущены таким подвохом. Им было поручено преследовать и отловить небольшого рыжего зверька, а тут перед ними вдруг возникает некое серое чудовище из тех, что сняты в кошмарах совсем юным щенкам. Одновременно и все холеные, лоснящиеся кони увидели Роза, и зрелище это подействовало на них примерно так же, как на тех смиренных трудяг, что прилежно тянули лямку в городе. В одно мгновение зеленый луг уподобился полю кровавого боя. Охотники в красных куртках сыпались на траву, будто осенние листья, а оставшиеся без всадников кони металась взад-вперед, пытаясь прорваться сквозь окаймляющие луг кусты.

Роза ликовала. Она окончательно уверовала, что очутилась в некоем подобии цирка и что царящая на лугу сумятица — элемент театрализованного представления. Возбужденно трубя, она гоняла по кругу собак, иногда останавливаясь, чтобы шлепнуть хоботом широкий зад какой-нибудь из обезумевших от страха лошадей. Адриан, в одних лишь сырых подштаниках, прятался ни жив ни мертв за деревом. Предыдущие злоключения не

Д

шли ни в какое сравнение с тем, что происходило сейчас, к тому же Роза откровенно наслаждалась своей ролью в потешном спектакле.

Работая в цирке, она была приучена завершать свой номер притворным нападением на шпрыхсталмейстера, ибо ей полагалось, в частности, изображать вражду к мечущимся по арене униформистам. Собаки успели улизнуть через кусты, бьющиеся в истерике лошади сгрудились в дальнем углу луговины. И Роза, вполне логично заключив, что номер подходит к концу, остановила влажный взгляд на егермейстере, который, весь в грязи, барахтался на траве, силясь освободиться от черного цилиндра, съехавшего ему на нос при падении. Решив, что это не кто иной, как шпрыхсталмейстер (вполне простительная ошибка, если учесть, что егермейстер был мужчина видный, тучный, облаченный в измазанную грязью роскошную куртку, с цилиндром на голове), Роза прошагала к нему и, издав пронзительный трубный звук, ласково обняла его хоботом и подняла высоко вверх. После чего на мгновение замерла в этой позе, явно слегка удивленная тем, что не слышит обычно сопровождающих этот трюк аплодисментов.

Одна из охотниц, достопочтенная Петуния Мэгглебруд, только что, вся дрожа, поднялась с травы, когда взору ее предстала поразительная картина: сам егермейстер плавно покачивался в воздухе над головой сжимающего его хоботом слона. Нет слов, чтобы описать ее чувства при виде столь ужасного святотатства; должно быть, нечто в этом роде испытал бы крестносец, видя, как некто разводит костер, поджигая хворост щепкой от истинного креста.

— Опусти его на землю, грубое животное! — крикнула она. — Сейчас же опусти!

После чего издала пронзительный нервный вопль и упала в обморок. Роза, продолжая помахивать в воздухе егермейстером (как если бы огромный кот тряс розовую мышь), задумчиво огляделась кругом. Вопль достопочтенной Петунии с трудом можно было принять за бурную овацию, но, видно, на большее тут не приходилось рассчитывать. Глаза слонихи остановились на бледном лице выглядывающего из-за дуба Адриана, и, протрусив туда, она положила на траву у его ног егермейстера, уподобляясь охотничьей собаке, подносящей хозяину первого в сезоне тетерева. При этом цилиндр наконец слетел с головы егермейстера и покатился по траве, открыв взору Адриана великолепные черные бакенбарды и усы на лице такого пурпурно-красного цвета, что казалось — либо хозяин его сейчас скончается от апоплексического удара, либо весь вспыхнет и растворится в облачке черного дыма. Егермейстер сел и уставился на Адриана, издавая звуки, которые даже самые его пылкие поклонники не смогли бы назвать иначе как нечленораздельным кулдыканьем.

— Э... Добрый день, — растерянно изрек Адриан.

Он не особенно удивился, когда после этой реплики лицо егермейстера почернело. Распорядитель охоты задохнулся от ярости и лишь с великим трудом обрел контроль над голосовыми связками.

— Как вас понимать? — глухо и несвязно прорычал он. — Как это понимать: добрый день? *Эта* грязная, отвратительная, безобразная тварь — ваша?

Он направил дрожащий указательный палец на Розу, которая, сорвав пучок травы с маргаритками, обмахивалась им, разгоняя мух.

— А... эта, — отозвался Адриан, как будто только сейчас заметил слона. — Эта... ну да, в каком-то смысле ее можно назвать моей.

— Как вас все-таки понимать, сэр, черт возьми? — бушевал егермейстер. — Бродите тут на лугу вместе с каким-то проклятым страшилищем... в таком непристойном одеянии... пугаете псов... наводите страх на женщин... даже *лошадей* пугаете... как вас понимать, черт возьми, сэр?

— Ради бога, извините, — покаянно молвил Адриан. — Понимаете, мы тут искупались в речке, откуда нам было знать, что вы здесь появитесь.

— У вас так принято, — с зловещим спокойствием продолжал егермейстер, — у вас принято в обществе безобразного слона странствовать в сельской местности, купаться в чужих речках, *распугивая лосося*?

— Что вы, вовсе нет, — признался Адриан. — Боюсь, однако, что объяснение случившегося заняло бы слишком много времени.

— Я готов объяснить случившееся! — крикнул егермейстер, вставая. — Вы — ненормальный, невменяемый преступник, вот вы кто! Носитесь тут, распугивая рыбу, а заодно и птицу... ненормальный! Уж я позабочусь о том, сэр, чтобы вы и эта ваша тварь очутились в кутузке, помяните мое слово. Подам на вас в суд за нанесение ущерба личности и нарушение владения. Добьюсь, чтобы вам присудили пять лет каторжных работ. Вас можно даже обвинить в покушении на убийство, что вы скажете на это, сэр? Как только вернусь в деревню, обращусь в суд, так и знайте.

— Послушайте, — в ужасе произнес Адриан, — я умоляю вас извинить меня, позвольте только объясниться... Понимаете, ваши кони и собаки...

— Собаки? — прошипел егермейстер, и лицо его снова побагровело. — *Собаки?* Гончие, сэр, гончие.

— Хорошо, ваши гончие. Все дело в том, что они не привыкли общаться со слонами.

Распорядитель охоты сделал длинный прерывистый вдох и окинул свирепым взглядом луг, где помятые охотники медленно поднимались на ноги и пытались отловить испуганных лошадей.

Д

— Да уж, вижу, что не привыкли, — сказал он. — И скажу вам по секрету, недоношенный пейзажник: *они не обязаны привыкать к общению со слонами!*

Адриан вынужден был признать в душе справедливость этого замечания. Тем временем егермейстер поднял с земли злополучный цилиндр и водрузил себе на голову.

— Так и знайте, — повторил он, — как только вернусь в деревню, распоряжусь, чтобы вас и вашего чертова слона арестовали.

После чего присоединился к своим хромающим, потирающим ушибы спутникам. Один за другим они сели на коней. Проводив последнего охотника взглядом, Адриан обратился к Розе.

— Смотри, что ты натворила, — укоризненно произнес он. — Причем в тот самый момент, когда мне представлялось, что все идет на лад. Опять ты все испортила... Теперь нас арестуют. Не миновать тебе пяти лет каторжных работ.

Быстро одевшись, он снова впряг Розу в двуколку.

— Лучше уж нам убраться подальше от его деревни, — сказал Адриан, выведя Розу на дорогу.

Вскоре им встретился перекресток, где указатели извещали, что, пойдя налево, путники попадут в деревню Феннел, а направо — в деревню Монкспеппер. Адриан остановился в нерешительности. Он не знал, из какой деревни явились охотники. Сам-то он вместе с двуколкой сумел бы кое-как укрыться от блюстителей закона, иное дело Розы. Поглядев в сторону Феннела, он рассмотрел вдали опушку леса, и это определило выбор маршрута. В лесу хоть можно попытаться спрятать слона. А потому он потянул Розу за ухо, чтобы шла побыстрее, и они направились в сторону Феннела.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ ВЫКРУТАСЫ

Высокие зеленоватые стволы обширного букового леса окружало море колокольчиков. Деревья стояли так тесно, что за ними даже такое крупное создание, как Роза, никто не рассмотрел бы в тридцати метрах от дороги. Тем не менее Адриан предпочитал не рисковать и торопился уйти подальше от охотников. Вскоре ему встретилась отходящая от дороги под прямым уг-

лом, теряющаяся в чаще узкая просека, и он прошагал по ней вместе с Розой около двух километров. В листве высоко над ними хрипло ворковали вяхири, кругом сновали кролики, вверх по стволам, распушив рыжие хвосты и негодуяще стрекоча, испуганно избегали белки. Постепенно Адриан начал успокаиваться, говоря себе, что здесь, в гуще тенистого леса, их никто не отыщет.

Просека привела их на просторную поляну с посеревшим стогом прошлогоднего сена. Впрочем, сено было сухое и теплое, и Адриан решил, что здесь отлично можно переночевать. Он распряг Розу и с ее помощью закатил двуколку в подлесок, чтобы не бросалась в глаза, после чего, забрав провизию и одеяла, вернулся к стогу. Роза следовала за ним с озабоченным видом, но внезапно вернулась к двуколке и вышла затем из подлеска, осторожно неся хоботом бочонок с пивом. Завернувшись в одеяла, Адриан расположился на сладко пахнущем сене и приступил к вечерней трапезе; Роза, плавно покачиваясь, стояла рядом, неся караульную службу. Восходящая луна обратила на них свой лик и посеребрила поляну, где-то в чаще гулко ухали совы.

На рассвете Адриана разбудил стоголосый птичий хор, заполнявший лес звонким эхом. Поляна побелела от росы, и утренний холодок заставил его поежиться. Они быстро позавтракали и выпили по кружке пива, причем Адриан сказал себе, что, кажется, перенял дурную привычку мистера Паклхэммера пить пиво с утра. Затем он запряг Розу, и они продолжили путь, озаренные ярким утренним солнцем; ноги слонихи оставляли огромные круглые следы на росистой траве.

Одну за другой они пересекли еще три лесные поляны, не встретив ничего опаснее фазана с ярким оперением, когда за просветом в живой изгороди вновь увидели проезжую дорогу. Помешкав, Адриан решил выйти на нее, однако в эту минуту до его слуха донесся стук копыт. Шикнув на Розу (которая производила куда меньше шума, чем он сам), он осторожно выглянул из-за кустов, ожидая увидеть отряд охотящейся за ним конной полиции. Вместо этого его взору предстало весьма элегантное черное ландо с позолоченными колесами и внушительными крестами на дверцах, влекомое идущей крупной рысью парой великолепных серых коней. На сиденье полулежал мужчина в бледно-лиловой куртке, белых бриджах и надвинутом на нос блестящем, как черный жук, цилиндре.

Пораженный этой картиной, Адриан неразумно выпустил ухо Розы, и она, полагая, что проезжая дорога открыта для всех странников (включая слонов), протиснулась через изгородь, увлекая за собой двуколку. Адриан уже успел привыкнуть к тому, как лошади реагируют на появление слона, а потому ничуть не удивился, когда серые круто остановились, взбрыкнули

Д

и сделали отчаянную попытку форсировать кустарник вместе с экипажем наперекор попыткам побледневшего кучера удержать их от опрометчивого поступка.

— Что это пришло тебе на ум? — лениво осведомился мужчина в бледно-лиловой куртке.

— Простите, милорд, — откликнулся кучер, — но тут это животное!

Мужчина в бледно-лиловой куртке сдвинул цилиндр на затылок, открыв взгляду Адриана рыжеватые кудри и элегантные бакенбарды, обрамляющие изящное длинное бледное лицо, на котором выделялись огромные ярко-фиолетовые глаза. Судя по всему, его несколько не беспокоил тот факт, что ландо грозило вот-вот опрокинуться. Не спеша засунув пальцы в жилетный карман, он извлек из него монокль и тщательно вставил в правый глаз. Тем временем серые уже просунули головы через кусты, и экипаж раскачивался, точно корабль на высокой волне.

— Клянусь Юпитером! — сказал мужчина в бледно-лиловой куртке, созерцая Розу. — Это же слон... самый настоящий слон! Невероятно, разрази меня гром.

Адриан уперся руками в голову Розы, изо всех сил толкая ее назад, но она словно вросла в землю.

— Эй, вы, — сказал мужчина в бледно-лиловой куртке, — это ваш слон?

— Боюсь, что мой... в известном смысле, — ответил Адриан, продолжая толкать Розу.

— Поразительно, — задумчиво произнес седок. — Случайно, это не вы сорвали гон охотникам из Монкспеппера? Должно быть, вы... вряд ли в наших местах мог появиться второй слон?

— Боюсь, это наша вина, — ответил Адриан. — Ужасное недоразумение, честное слово. Мы никому не хотели причинить вреда, но вы сами видите, как реагируют лошади.

— Да уж, — согласился мужчина в ландо, — этот слон явно плохо влияет на них. Могу я, дружище, попросить вас немного подвинуться, чтобы мы могли проехать?

— Конечно, — сказал Адриан. — Я постараюсь.

Однако Роза, овладев дорогой, не видела веских причин отступать на поляну. Единоборство не сулило успеха Адриану, наконец его осенило, он подбежал к багажнику двуколки и наполнил пивом кружку слонихи. Соблазненная приманкой, Роза попятилась за кусты. Теперь серые не видели ее, и кучеру удалось справиться с ними. Мужчина в бледно-лиловой куртке увлеченно следил за происходящим и, когда Адриан вновь вышел на дорогу, наклонился к нему, крепче ввинтив в глаз монокль.

— Скажите, дружище, — спросил он, — этот слон пьет пиво или только обливается им?

— Пьет, — мрачно ответил Адриан.

— Поразительно... Пьющий слон.

— Ради бога, извините, что мы напугали ваших лошадей, — сказал Адриан. — Роза не хотела никому причинить вреда, честное слово.

— Ерунда, дружище. — Седок взмахнул тонкой рукой. — Не думайте об этом, умоляю. Замечательный случай. Скажите, ваш слон пьет что-нибудь, кроме пива?

— Да, — коротко ответил Адриан, — все.

— Восхитительно! — в фиолетовых глазах седока мелькнула веселая искорка. — Вон как мои серые реагировали — хотел бы я видеть, что было с теми охотниками.

— Что говорить, зрелище было эффектное, — усмехнулся Адриан. — В жизни не видел, чтобы столько всадников одновременно слетели со своих коней.

Мужчина в ландо хохотнул, потом снял цилиндр и протянул Адриану тонкую руку:

— Лорд Феннелтри, рад познакомиться.

— Спасибо, сэр, — пролепетал Адриан. — Моя фамилия Руквисл, Адриан Руквисл, а это — Роза.

— Очаровательные имена, — рассеянно произнес лорд и устремил задумчивый взгляд в пространство.

Адриан впервые встретился с лордом, а потому пребывал теперь в некоторой растерянности. Кажется, его милостиво отпустили? Только он хотел приподнять котелок и проститься, как лорд вдруг словно проснулся, подправил монокль и уставился на него.

— Я думал, — гордо молвил лорд Феннелтри, словно речь шла о редком явлении. — Скажите, вы сейчас не слишком заняты?

— Как сказать... да нет, — ответил Адриан. — Я всего лишь направляюсь к морю...

— Отлично! Великолепно! — горячо воскликнул лорд. — Вот ведь какая удача!

— В самом деле? — удивился Адриан. — Почему?

— Званный вечер, — сообщил лорд, — званный вечер, о котором я денно и ночно думаю весь последний месяц.

— Понятно, — молвил Адриан; он ровным счетом ничего не понял, но не хотел показаться невежливым.

— Как по-вашему, Дженкинс, — обратился лорд к кучеру, — ведь это будет замечательно — слон на званом вечере?

— Да, милорд, — тупо отозвался кучер, — как скажете.

Д — Люблю, когда со мной соглашаются, — сказал лорд Феннеттри, улыбаясь Адриану.

— Извините, — сказал тот, — но какую именно роль вы отводите мне?

— Здесь неподходящее место для обсуждения этого вопроса, — твердо произнес лорд. — Вести интеллектуальную беседу, сидя в ландо, чересчур утомительно. Если вы проследуете дальше по этой дороге, километра через два увидите слева мой дом. Заходите ко мне, дружище, вместе с вашим слоном. Там мы и потолкуем за ленчем, идет?

— Вы чрезвычайно любезны, — ответил Адриан.

— Пустяки, — возразил лорд. — Домой, Дженкинс.

Ландо покатило, стуча, по дороге, а весьма озадаченный Адриан вернулся на поляну к Розе.

— Ну и дела, — сказал он, ведя ее в указанном направлении. — Сперва ты покушаешься на жизнь представителя аристократии, а он потом приглашает нас на ленч. Во всяком случае, он пригласил *меня*, но я полагаю, у него найдется для тебя кочан капусты или что-нибудь в этом роде. Интересно, о каком таком званом вечере он талдычил? Не вижу, чем мы ему можем помочь. Во всяком случае, девочка моя, не забывай, где находишься, и веди себя как следует. Я не желаю, чтобы меня повесили за убийство лорда.

Вскоре они поравнялись с огромными коваными железными воротами на высоких столбах, увенчанных оскаленными каменными грифонами, поросшими зеленым мхом и желтым лишайником. За воротами начиналась дорожка, которая петляла через изысканный парк с величественными деревьями, а вдали, розовея на солнце и поблескивая широкими окнами, возвышалась резиденция лорда Феннеттри. Из сторожки вышел пожилой мужчина и распахнул ворота.

— Доброе утро, сэр, — поздоровался он, с опаской поглядывая на Розу. — Его светлость предупредил, что вы пожалуете.

Адриан и запрыгавшая в двуколку Роза зашагали по длинной извилистой дорожке. Ближе к дому парковые лужайки сменились аккуратной подстриженными газонами, цветниками и кустами тиса, коим ножницы садовника придали сходство с павлинами, единорогами и прочими достопримечательными представителями фауны. Его светлость стоял на крыльце, нетерпеливо ожидая прибытия гостей. Окружающие его лакеи и почти шарообразный дворецкий с нескрываемым волнением смотрели на Розу.

— А вот и вы, — сказал лорд Феннеттри. — Отлично. Прошу вас, дружище, входите, перекусим вместе. Кстати, что предпочитает Роза, помимо пива?

— Ну любые фрукты или овощи, — ответил Адриан.

— Рэймонд, — обратился его светлость к дворецкому. — Проводите мистера Руквисла и Розы до конюшни и скажите садовникам, чтобы предложили ей какие-нибудь овощи и фрукты.

Как только Розы была помещена в просторное стойло, явились садовники с полными тачками сочной зелени, при виде которой у Адриана потекли слюнки, а Розы издала радостные трубные звуки. Тут были персики и виноград, горох, морковь и капуста, яблоки, груши и абрикосы. Предоставив Розы поглощать эти деликатесы, Адриан последовал за дворецким в дом, где в огромной гостиной полулежал на диване лорд Феннелтри, окруженный собаками всевозможных пород и размеров.

— Прошу вас, садитесь, — сказал его светлость. — Сейчас мы слегка перекусим. Надеюсь, Розы благополучно устроена?

— Да, — ответил Адриан, — знай себе уписывает, только успевай подносить. Вы так добры, а ведь чуть не погибли из-за нее. Я чрезвычайно вам благодарен, честное слово.

— Ну что ж, — заключил его светлость, — если вы и впрямь так благодарны, может быть, окажете мне небольшую услугу?

— Все, что могу.

— Я насчет этого проклятого званого вечера, — объяснил его светлость, закрывая глаза, как будто сама мысль о сем мероприятии причиняла ему боль. — Понимаете, у меня есть дочь, скажу притом — не потому, что я отец, — отнюдь не безобразная. На днях ей исполняется восемнадцать лет, и по этому случаю мы устраиваем вечер, понимаете? Моя дражайшая супруга, женщина, прямо скажу, своевольная и честолюбивая, настаивает на том, чтобы вечер этот по своей оригинальности и экстравагантности превзошел все, что когда-либо видели в нашей округе. Так вот, финансовую сторону я как-нибудь обеспечу, что же касается оригинальности, до сих пор ничего не мог придумать. И тут появляетесь вы.

— Понятно, — осторожно произнес Адриан.

— И я подумал, — продолжал его светлость, — что появление на званом вечере большого, ручного, пьющего пиво слона — весьма оригинальная идея, как по-вашему?

— Да-а, — протянул Адриан.

— Нет, если вы не согласны, дружище, если не считаете такую идею оригинальной, так и скажите, прошу вас.

— Почему же, — сказал Адриан, — идея и впрямь очень оригинальная. Просто после каждодневного общения с Розы я уже не воспринимаю ее как нечто оригинальное.

— Вот именно, — отозвался его светлость. — Теперь послушайте, что

Д

у меня задумано: мы облачим Розу в наряд, соответствующий ее восточному происхождению, и я в надлежащем убранстве въеду верхом на ней в балльный зал, словно какой-нибудь махараджа. Как вам эта идея?

— Что ж, думаю, она справится с этой ролью, — ответил Адриан.

— Отлично! — просиял лорд Феннелтри. — У нас есть примерно неделя, чтобы отработать детали. На это время буду рад видеть у себя в гостях вас и вашу Розу. К счастью, жена и дочь уехали в город покупать всякие побрякушки и финтифлюшки, так что мы без труда сохраним все в секрете.

— Уверен, ваша идея всем понравится, — сказал Адриан.

— Надеюсь, что так и будет, дружище, — заключил его светлость, вставая с дивана. — А теперь пошли слегка перекусим.

После того, что лорд Феннелтри назвал легким ленчем (на стол были поданы суп из спаржи, палтус в белом вине и сметане, перепела, начиненные виноградом, оленья пога, напигованная каштанами, и миска клубники со сливками), они приступили к приготовлениям. Увлеченный своей оригинальной идеей, его светлость не был намерен скупиться на расходы. Трех местных портных наняли шить роскошное облачение для Розы, трем плотникам поручили смастерить паланкин. Эта идея принадлежала Адриану. Он посчитал, что будет не совсем разумно посадить лорда верхом на загривок Розы и предоставить ему управлять слонихой, а потому тактично предположил, что махарадже следует удобно восседать в паланкине, возложив деликатные обязанности пилотирования Розы на одного из своей челяди (то бишь на Адриана). Лорду Феннелтри сия идея пришлась по душе.

Облачение Розы выглядело изумительно. Темно-синий бархат, покрытый сотнями блесков и кусочков цветного стекла, был расшит золотым узором, изображающим, как полагал лорд Феннелтри, индуистские письмена. Четыре человека с трудом могли поднять великолепное убранство, и при ярком свете сверкание стекла и блесков ослепляло человека. Не менее замечательно выглядел украшенный резьбой паланкин с матерчатой бахромой по верхнему краю. Его покрасили в темно-синий, желтый и красный цвета, подобно двуколке Адриана, которая так пришлась по вкусу лорду Феннелтри. Паланкин тоже был декорирован восточным орнаментом из блесков. Его светлость и Адриан были весьма довольны изделиями плотников и портных.

Далее надлежало сшить костюмы для его светлости и Адриана, и озадаченные портные не один час потратили на примерки. Озадачены они были потому, что никогда еще не шили ничего подобного, а тут еще лорду Феннелтри все время приходили в голову новые идеи. Дошло до того, что один портной вынужден был целый день отлеживаться в постели, когда на

него обрушился страшный гнев лорда за то, что он принес для примерки красный тюрбан вместо белого.

Конечный продукт смотрелся поистине великолепно. Его светлость настаивал на том, чтобы самолично придумать фасон своего платья, и, поскольку он совершенно не представлял себе, что носят махараджи, его изобретение, возможно, не было бы одобрено придирчивым восточным властелином. Перевязанные у лодыжки длинные малиновые шаровары, щедро украшенные блестками и расшитые золотом остроносые персидские туфли, роскошный длинный нефритово-зеленый с желтым кафтан... Венчал всю эту конструкцию белоснежный тюрбан с воткнутыми в него четырьмя павлиньими перьями. Украсить перьями головной убор тоже придумал Адриан, и несколько дней подручные садовников все свое свободное время только и делали, что преследовали злополучных птиц.

Погонщику слона Адриану, естественно, полагалось выглядеть поскромнее махараджи, а потому пришлось ему довольствоваться маленьким, расшитым золотом красным жилетом, белыми шароварами и белым тюрбаном. Когда портные завершили свою работу, в спальне лорда состоялась заключительная примерка, и Адриан должен был признать, что они оба смотрелись замечательно. Однако его светлость был чем-то недоволен. Стоя перед зеркалом, он задумчиво погладил свои бакенбарды.

— Знаете, дружище, — сказал он наконец, — тут что-то не так. Вам не кажется, что я вроде как бы бледноват для махараджи?

— Возможно, — отозвался Адриан.

— Придумал! — воскликнул его светлость в приливе вдохновения. — Жженая пробка!

Не успел Адриан что-либо возразить, как дворецкому было приказано отправиться в винный погреб, откуда он и вернулся вскоре с набором различных пробок. При помощи канделябра и двух слуг было приготовлено надлежащее количество жженных пробок, и его светлость принялся с жаром накладывать себе грим.

— Вот! — торжествуя молвил он наконец, отворачиваясь от зеркала. — Ну как?

Адриан устался на него. Лицо лорда Феннеттри стало совершенно черным, и на этом фоне его огромные фиолетовые глаза и рыжеватые бакенбарды выглядели просто поразительно.

— Великолепно, — неуверенно произнес Адриан.

— Тот самый последний штрих, от которого все зависит, — заключил его светлость. — Теперь позвольте заняться вами.

Половина лица Адриана была уже вымазана сажей, когда в спальне внезапно возник дворецкий.

Д

— Извините, милорд, — молвил он.

— Ну что там еще, Рэймонд, в чем дело? — раздраженно осведомился его светлость, отрываясь от дела.

— Мне показалось, вам следует знать, милорд, что ее светлость только что приехала.

Лорд Феннелтри вздрогнул и выронил пробку.

— Силы небесные! — в ужасе воскликнул он. — Она не должна застать нас в таком виде... живей, Рэймонд, поспешите, скажите ей, что мы принимаем ванну или что-нибудь в этом роде. Не пускайте ее сюда... и главное, ни слова про слоницу.

— Слушаюсь, милорд, — ответил Рэймонд и вышел.

— Ума не приложу, что это ей вздумалось, — выговорил его светлость, лихорадочно разматывая тюрбан. — Они должны были вернуться только послезавтра. Послушайте, Руквисл, ей ни при каких обстоятельствах не должно стать известно, что мы тут затеваем. Моя супруга начисто лишена чувства юмора, она способна все поломать. А потому, дружище, — молчок, ясно? Нем как могила — идет?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПАВЛИНЫ И ПЕРСИКИ

Первая же встреча Адриана с леди Феннелтри и ее дочерью Нарциссой заставила его сильно усомниться — стоит ли приводить на званый вечер Розы.

Высокая величественная женщина с пышными золотистыми волосами, леди Феннелтри обладала утонченным профилем и глазами недовольного жизнью удава. Говоря, она отчетливо произносила каждое слово, чтобы всякому была внятна ее воля, и голос ее звучал так, будто перед ней стояло несколько сот гвардейцев. Излагая свои пожелания, она пользовалась большим, изысканной конструкции лорнетом, умножающим злобность ее взгляда, от которого у Адриана отнимались голосовые связки. Что до Нарциссы, то она пошла скорее в отца — та же стройная фигура (с добавлением кое-каких собственных округлостей), огромные фиолетовые глаза и длинные рыжеватые волосы. Красота ее была такой нежной и эфирной, что производила на голосовые связки Адриана почти такое же действие, как буравящий взор леди Феннелтри.

Когда его светлость и Адриан, слегка взъерошенные, со следами жженой пробки на лице, вошли в гостиную, ее светлость, подняв лорнет, устремила на них такой свирепый взгляд, что Адриан побледнел.

— Моя дорогая, как я рад, что ты уже вернулась, — пролепетал лорд Феннелтри.

— Не очень-то похоже, судя по тому, что ты не встретил нас здесь, внизу, — холодно произнесла леди Феннелтри. — А это кто?

— А! Ну да! — ответил его светлость. — Позволь представить, любимая. Адриан Руквисл, сын одного из старых близких товарищей по колледжу. Он... э... как раз проезжал тут мимо, и я пригласил его принять участие в нашем званом вечере. Адриан, познакомься — моя супруга и Нарцисса, моя дочь.

— Как поживаете? — осведомилась ее светлость тоном, не оставляющим сомнения в том, что весть о его близкой кончине ничуть ее не печалит.

— Ну, — спросил его светлость, потирая руки, — как провели время в городе? Накупили кучу премиленьких вещичек?

— Руперт, — сказала ее светлость, — будь любезен, прекрати обращаться к нам так, словно перед тобой умственно отсталые дети. По правде говоря, это была очень утомительная поездка. Скажи лучше: как идут твои приготовления к званому вечеру?

Его светлость вздрогнул и поперхнулся. У Адриана оборвалось сердце. Первых же минут знакомства с леди Феннелтри хватило ему, чтобы понять — изо всех женщин на свете только не она милостиво отнесется к участию в ее званом вечере слона, как бы красиво тот ни был наряжен. Но отступать было поздно, и ему оставалось лишь помалкивать, предоставляя лорду Феннелтри объясняться.

— Приготовления! — выпалил лорд Феннелтри, сжимая лацканы пиджака и делая хитрое лицо. — Приготовления... понимаешь, еще не время рассказывать тебе все, любимая. Скажу только, что приготовления идут полным ходом, все в порядке. Тебя ждет сюрприз, любимая. Но на моих устах печать молчания. Из меня клещами слова не вытянешь.

«И слава богу», — подумал Адриан.

— Гм! — молвила леди Феннелтри, и в этом междометии прозвучало больше грозной подозрительности, чем в монологе судьи, готового вынести смертный приговор. — Что ж, если ты не можешь избавиться от ребячества... Приятно хотя бы знать, что ты не предавался полному безделью в наше отсутствие.

— Нет-нет, что ты! — искренне возразил его светлость. — Клянусь,

Д

любимая, мы трудились, как бобры, самые настоящие бобры. Успех вечера обеспечен, поверь.

Следующие два дня Адриана неотступно преследовали дурные предчувствия. Тщетно он пытался уговорить его светлость ввести леди Феннелтри в курс дела. Осененный впервые в жизни оригинальной идеей, лорд Феннелтри не желал расставаться с ней, поскольку твердо знал, что ее светлость тотчас наложит вето, если что-нибудь проведает. Тогда как триумфальный успех даже ее лишит повода возмущаться.

Скрыть от такой всеведущей особы, как леди Феннелтри, присутствие в конюшне слона было чрезвычайно трудно. Первым делом она обратила внимание на полное отсутствие фруктов на столе, что лорд Феннелтри (в приливе вдохновения) объяснил появлением новой, ядовитой разновидности пчел; не будучи натуралистом, ее светлость довольствовалась этим объяснением, ограничившись тем, что уволила старшего садовника. Затем она обнаружила, что половина павлинов уныло бродит по парку, лишившись хвостового оперения. Утверждение лорда Феннелтри, будто павлины линяют, было с презрением отвергнуто, ибо даже леди Феннелтри знала, когда у этих птиц наступает линька. Вызвав егерей, ее светлость задала им жару и приказала усилить охрану парка, выслеживая охотников за павлиньими перьями и стреляя в них без предупреждения.

И без того расшатанным нервам Адриана не становилось легче оттого, что он должен был в полночь подниматься с постели, чтобы прогуливать Розу в парке с риском попасться на глаза вооруженным егерям. Да и сама слониха отнюдь не помогала ему сохранять тайну. Основательно избалованная роскошной диетой, она взяла за правило пронзительно трубить, когда задерживались очередные поставки персиков. Лорд Феннелтри и Адриан постоянно пребывали в состоянии паники, с ужасом ожидая, что леди Феннелтри вот-вот услышит необычные звуки и надумает расследовать, в чем дело. Накануне дня, на который был назначен званый вечер, они были на волосок от разоблачения. Их светлости и Адриан мирно играли в крокет на зеленом газоне за домом, когда от конюшни до них вдруг донесся резкий, негодующий трубный звук. Ее светлость, изготовившаяся было бить по шару, замерла и воззрилась на лорда Феннелтри, который принялся вдруг громко распевать в отчаянной попытке заглушить голос Розы.

— Что это за звуки? — зловеще осведомилась ее светлость.

— Звуки? — Его светлость без нужды сильно ударил свой шар. — Звуки? Ты это о моем пении, любимая?

— Нет, — сурово отчеканила ее светлость.

— Я ничего не слышал, — сказал его светлость. — А вы, Адриан?

— Нет, — ответил тот, готовый провалиться сквозь землю. — Совсем ничего.

— Похоже, — настаивала ее светлость, — на трубу, или кларнет, или на еще какой-нибудь из этих вульгарных инструментов, на которых играют в духовых оркестрах.

В это время ветер снова донес до них пронзительное изъяснение недовольства Розы.

— Вот! — сказала ее светлость. — Я говорю про этот звук.

— А! Это... — в отчаянии произнес Адриан. — Должно быть, охотники устроили гон.

Однако его слова не убедили леди Феннелтри. Затаив дыхание, Адриан и лорд Феннелтри смотрели, как она прислушивается, наклонив голову набок. Тишина... Слава богу, очевидно, прибыл состав с персиками...

— Кстати, об охотниках, — вдруг сказала ее светлость. — Тебе говорили, Руперт, о постыдном происшествии? Какой-то человек, явно ненормальный, натравил на охотников огромного буйного слона.

Адриан уронил себе на ногу тяжелый деревянный молоток.

— Говорили, — отозвался лорд Феннелтри, сияясь выглядеть сурово. — Возмутительно!

— Что *хуже* всего, — прошипела ее светлость, ударяя по своему шару с такой силой, что он с ходу прокатился через трое ворот, — этот человек был *совершенно голый!*

— В самом деле? — лорд Феннелтри с любопытством посмотрел на Адриана, который утаил от него эту подробность.

— Омерзительный случай, — заключила ее светлость.

— Нет — совершенно голый? — повторил лорд Феннелтри с глубоким интересом. — Но почему он сопровождал слона нагишом?

— Люди низкого происхождения, — ответила леди Феннелтри, — способны подчас на самые странные поступки, особенно когда находятся под воздействием алкоголя.

Пока развивалась эта беседа, Нарцисса стояла, задумчиво глядя в пространство. Потом устремила ласковый взор на Адриана.

— Я никогда не видела голого мужчину, — произнесла она.

— Нарцисса! — воскликнул потрясенный лорд Феннелтри. — Этого еще не хватало. Еще насмотришься.

К счастью, новая тема благополучно отвлекла внимание леди Феннелтри от трубных звуков Розы, однако Адриану было не по себе. Теперь он не сомневался, что идея лорда Феннелтри обречена на фиаско. Не говоря уже о прочих обстоятельствах, от леди Феннелтри не приходилось ждать, что она будет счастлива узнать, что принимала в своем доме молодого мужчи-

Д

ну, нагишом атаковавшего местных охотников. Он снова попытался повлиять на лорда Феннелтри, но его светлость был непоколебим.

— Позвольте мне потихоньку удалиться вместе с Рози, — взмолился Адриан. — Уверю вас, когда ваша супруга все узнает, быть беде.

— Ерунда! — беспечно возразил его светлость. — Да когда она увидит наш роскошный выход, то от изумления потеряет дар речи.

Адриан не представлял себе, что могло бы лишить леди Феннелтри дара речи.

— Но когда она узнает, кто я такой, — настаивал он, — когда узнает про Рози... и... и... про фрукты и павлиньи перья...

Тут у него сорвался голос — очень уж живо он представил себе, как леди Феннелтри узнает вдруг сразу обо всем.

— Дружище, — сказал его светлость, — не волнуйтесь так. Вы просто мнительный человек, я уже заметил это за вами. Поберегите свои нервы. Да в тот момент, когда слониха войдет в балльный зал, моя жена — а вы не могли не подметить, что она человек крайне впечатлительный, — сразу уяснит себе, что во всей округе ни у кого еще не было на балу слона. Уверю вас, дружище, этот вечер надолго останется в ее памяти.

Он и впрямь остался в памяти леди Феннелтри, однако не совсем в том смысле, какой подразумевал его светлость...

И вот настал великий день; в доме развернулась кипучая деятельность. В одном конце зала, длиной пятьдесят и шириной пятнадцать метров, резные дубовые двери вели на выложенную плитами террасу, откуда должна была появиться Рози. Над дверями таким ласточкиным гнездом прилепился балкон для музыкантов. Помещение освещалось висящими в два ряда и переливающимися огнями наподобие опрокинутых рождественских елок двумя дюжинами огромных канделябров. Натертый воском отполированный пол блестел, точно коричневое озеро, а в дальнем конце зала были расставлены накрытые белоснежными скатертями длинные столы, на которых разместились большие серебряные вазы с фруктами, олени окорока, заливные омары, напоминающие заточенных в янтаре гигантских красных мух, огромные пироги цвета осенней листвы с начинкой из тетеревов, фазанов и перепелов, копченые угри на ложе из петрушки и кресс-салата, копченые лососи в майонезе с черными бусинами икры, а посередине красовалась главная достопримечательность — искусно оформленный жареный поросенок с розовым яблоком в зубах. Рядом с блюдами стояли большие чаши с пуншем, серебряные ведерки с шампанским, услада джентльменов — портвейн и бордо, свежие апельсиновые, лимонные и персиковые соки, а также розовое и белое мороженое для взопревших после вальса или тустепа дам. С приближением вечера хлопот все прибавлялось, и Адриан

то удалялся в конюшню, наставляя Розу перед ее выходом, то бродил по бальному залу, где от созерцания сверкающего паркета у него холодело в животе.

Наконец на освещенной луной аллее под стук копыт и звон бубенчиков появились первые экипажи, везя щеголяющих бакенбардами статных мужчин и стайки благоухающих парфюмерией нарядных женщин. Оркестранты, заняв свои места на балконе, встречали прибывающих негромкой музыкой. Адриан, мрачно потягивая пунш, мысленно проклинал своего дядюшку, лорда Феннелтри и Розу, по чьей вине он оказался вовлеченным в эту затею. Однако второй стакан взбодрил его, и он налил себе третий. Только Адриан решил подойти к Нарциссе и пригласить ее на танец, как рядом с ним появился рослый индивидуум, громогласно требуя, чтобы ему подали вина. Адриан не сразу узнал плечистого щеголя, когда же разглядел его, то весь похолодел. То был егермейстер из Монкспеппера; к счастью, он слишком увлекся поглощением пунша, чтобы обращать внимание на окружающих. Прикрыв лицо носовым платком, Адриан незаметно выскользнул из балльного зала и отправился на поиски лорда Феннелтри. С трудом нашел его и оторвал от беседовавших с ним гостей.

— Ну, что еще... в чем дело? — раздраженно осведомился его светлость.

— Послушайте, — лихорадочно прошепел Адриан, — вы должны все немедленно отменить. Знаете, кто приехал?

— Кто? — спросил его светлость.

— Егермейстер из Монкспеппера, вот кто.

— Ну и что? — удивился лорд Феннелтри. — Я сам его пригласил.

— Вы пригласили? — недоверчиво произнес Адриан. — Как вы думаете, *что он* скажет, когда увидит Розу?

— Ха-ха, — сказал его светлость. — Я для того и пригласил его, дружще, чтобы услышать, *что он* скажет.

— Вы сопли с ума, — вырвалось у Адриана. — Забыли, что, когда он видел Розу в прошлый раз, она схватила его хоботом и бросила на землю? Как, по-вашему, онотреагирует, увидев ее *здесь*?

— Полагаю, это будет весьма занятное зрелище, — ответил его светлость.

— Но он грозился посадить меня за решетку!

— О, пусть это вас не пугает, я сумею задобрить старину Дарси.

Убедившись в полной неспособности его светлости задабривать леди Феннелтри, Адриан легко мог представить себе, как его вмешательство подействует на егермейстера из Монкспеппера.

— Полно, дружще, — продолжал его светлость. — Вы опять начинаете нервничать из-за пустяков. Возьмите себя в руки, умоляю вас. Впе-

Д

реди дело, требующее от нас хладнокровия, абсолютного хладнокровия и полного самообладания. Я вызову вас через полчаса, и мы пойдем переодеваться. Мне не терпится увидеть, какой эффект мы произведем.

И он улетучился, оставив испуганного Адриана стоять в полной растерянности.

Тем временем званый вечер был в полном разгаре, и бальный зал с порхающими над лоснящимся паркетом парами напоминал огромный оживший цветник. Вино и пунш лились рекой, так что многие джентльмены, чьи лица поначалу выглядели бледными и апатичными, заметно покраснелись, а те, что не могли пожаловаться на цвет лица, просто-таки побагровели. Дамы устало опускались в кресла, энергично обмахиваясь веерами и жалобно умоляя птичьими голосами принести им мороженое или лимонад. Адриан уныло попросил слугу налить ему шампанского и попытался на полчаса вовсе забыть, что происходит. Однако холодное шампанское только заставило его желудок больно сжаться, и он уже собрался вновь обратиться к пуншу, когда рядом с ним внезапно возник лорд Феннелтри.

— Время, — сказал его светлость. — Пробыл час нашего великого триумфа!

— Хотел бы я согласиться с вами, — с горечью отозвался Адриан, поднимаясь следом за ним по лестнице.

В спальне его светлости на широкой кровати под балдахинном лежали их роскошные костюмы, и двое взволнованных слуг стояли наготове, чтобы помочь с одеванием. Полчаса спустя лорд Феннелтри, чьи огромные фиолетовые глаза и рыжеватые бакенбарды не очень-то сочетались с азиатским одеянием, тихонько спустился по черной лестнице вместе с Адрианом. Они поспешили в конюшню, где в свете керосиновых ламп переливалось блесками облачение Розы.

— Теперь, — возвестил лорд Феннелтри, волнуясь, — осталось одеть нашу звезду и совершить парадный выход. Мне не терпится увидеть их лица.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ЗВАНЫЙ ВЕЧЕР

Подойдя к стойлу и распахнув его двери, Адриан, кроме сладкого запаха сена, уловил какой-то другой, более резкий аромат. Нахмутив брови, он повел носом: аромат что-то напомнил ему, хотя Адриан не мог разобрать, что именно.

— Рози! — позвал он слониху.

Тишина... А ведь обычно Рози, заслышав его голос, приветствовала Адриана радостным визгом.

— Рози! — тревожно крикнул он снова, сиюсь рассмотреть что-нибудь в темноте. — Рози, ты здесь?

Внезапно тишину нарушил звук громкой, но вполне благородной отрыжки. Страшное подозрение овладело Адрианом, и тут же он разгадал природу резкого запаха — то пахло ромом. Подхватив фонарь, он поспешно вошел в стойло и увидел Рози. Изящно притулившись к стенке, она тихонько икала и меланхолично перекачивала ногой пустую бутылочку. Адриан с ужасом воззрился на слониху. Каким образом она заполучила ром?.. Одно было ясно: пока в доме пировали и веселились, Рози в своем уединении утешалась втайне легкой выпивкой. О каком-либо публичном выступлении теперь не могло быть и речи. Слониха надралась не хуже какого-нибудь завязатого пьянчужки. Вот она подобрала хоботом клоч сена и после нескольких неудачных попыток затолкала себе в рот. Задумчиво жуя, негромко рыгнула, и тут Адриан ощутил вдруг невыразимое облегчение. Ну конечно! Порядок! Милая, дорогая, ненаглядная Рози, несравненная Рози спасла его в последнюю минуту! Да он сам должен был поднести ей рому, если бы сообразил раньше! И Адриан выскочил из стойла к ожидающему его лорду Феннелтри.

— Представление отменяется, — торжествующе сообщил он. — Она пьяна.

— Пьяна? — озадаченно повторил его светлость. — Как это понимать — пьяна?..

— Под градусом... на взводе... под парами... под мухой, — сказал Адриан. — Откуда-то добыла бутылку рома и всю выдула.

— Дружище, — ахнул его светлость, — это катастрофа. Вы хотите сказать, что она не в состоянии выступить?

— Какое там, — отозвался Адриан. — Она еле на ногах стоит.

— Полное крушение, — простонал его светлость. — После всех наших трудов... А нельзя ее как-то подпереть? Поставить садовников по бокам?

— Нельзя, — ответил Адриан. — Говорю вам — она вообще не в состоянии ходить.

В эту минуту Рози словно в забытии вышла из стойла, пиная ногами пустую бутылку.

— Клянусь Юпитером! — воскликнул его светлость. — Она пришла в себя!

На самом деле речь шла о странном мимолетном протрезвлении, какое бывает у крепко выпивших людей, но лорд Феннелтри не желал слушать

Д

Адриана. Пока они препирались, Роза узрела свое облачение и, издав радостный, хотя и несколько режущий слух писк, добрела к нему и легла на живот, ожидая, чтобы ее одели.

— Вот видите, — торжествующе молвил его светлость. — Что я говорил! Она в полном порядке. Право, дружище, вы напрасно волнуетесь по пустякам.

— А я говорю вам, — настаивал Адриан, — что она пьяна в стельку. Если вы поведете ее в бальный зал, я ни за что не отвечаю.

Лорд Феннелтри подошел к Розе и ласково погладил ее по голове.

— Ну, старушка Роза, дорогая, — сказал он, — ты ведь отлично со всем справишься?

Роза икнула в ответ. Сколько ни возражал Адриан, на нее надели сверкающее блестками облачение, затем водрузили и закрепили паланкин. После чего его светлость поднялся по лесенке и удобно расположился на сиденье.

— Пошли, дружище, не тяните канитель, — сказал он. — Настал великий час.

С таким чувством, будто он восходит на эшафот, Адриан занял место на загровке Розы. В душе его теплилась слабая надежда, что он сумеет, направив Розу в бальный зал, тут же вывести ее обратно со сцены, быстренько удовлетворив заветное желание его светлости. К счастью, спиртное приводило Розу в благодушное настроение. Подчиняясь командам Адриана, она тяжело поднялась на ноги, постояла, меланхолически покачиваясь, затем побрела по дорожке, ведущей вокруг дома к террасе перед бальным залом. От неуверенной поступи слонихи сильно пострадали цветники, но все же она кое-как добрела до дверей, где стояли наготове двое слуг.

— Пора, милорд? — негромко спросил дворецкий.

— Пора, — ответил лорд Феннелтри, поправляя тюрбан и принимая величественную позу в паланкине.

Слуги распахнули двери, и оркестр тотчас перестал играть. Лихо вальсирующие пары застыли на месте. В дальнем конце зала их взорам предстала окантованная дверной рамой, слегка покачивающаяся картина с роскошным восточным сюжетом. Послышались восхищенные возгласы, пары расступились и выстроились рядами вдоль стен, аплодируя и оживленно переговариваясь.

— Ну, пошли же, — прошипел лорд Феннелтри. — Вперед!

Вознеся к небесам краткую молитву, Адриан энергично ударил пятками шею Розы и замер в ожидании. Глаза слонихи не сразу освоились с ярким светом огромных канделябров, но все же помутневший от рома взор различил великое многоцветное сборище людей по краям того, что она

приняла за арену цирка. Розы недаром слыла в прошлом опытным актером. Радостно взвизгнув, она взбодрилась и двинулась вперед мелкой рысью. Что ее и погубило.

Натертый до зеркального блеска пол балного зала не мог бы служить надежной опорой для трезвого слона, не говоря уже о подвыпившем. Не слишком послушные задние ноги слонихи подкосились, и она вдруг приземлилась на свою широкую корму. И все бы еще ничего, если бы не скорость, какую слониха развила на входе, потому что она в хорошем темпе заскользила по гладкому паркету. Напрасно Адриан дергал Розы за уши, пытаясь притормозить, напрасно лорд Феннелтри неразборчиво что-то кричал, висая чуть ли не вверх ногами в покосившемся паланкине. Балльный зал наполнили крики дам и тревожные возгласы джентльменов, а Розы, вся в блестках, словно груда брильянтов, пронеслась с нарастающей скоростью через все помещение и врезалась в длинные столы с яствами. По всему полу растеклись реки пунша, шампанского и восьми сортов вин различной выдержки. В этих реках вперемишку с фруктами, омарами, утями и лососями плавали вымазанные мороженым окорока. Грохот, которым сопровождался финиш Розы, потряс дом до самого основания. Его сменила долгая потрясенная тишина, нарушаемая только регулярной икотой слонихи.

Леди Феннелтри и впрямь (вероятно, единственный раз в своей жизни) потеряла дар речи. Супруг посулил ей нечто оригинальное, но скользящий в сопровождении двух азиатских джентльменов через весь балльный зал огромный, переливающийся блестками слон — такого ей не снилось даже в самых страшных кошмарах. Когда Розы врезалась в столы, крепление паланкина лопнуло, и он съехал на пол. Лорд Феннелтри, выбираясь из обломков, смахивал на покидающую кокон яркую бабочку, и когда леди Феннелтри вдруг узнала его, к ней тотчас вернулся дар речи.

— Руперт! — вскричала она. — Что все это значит?!

Вопрос, на который не так-то просто было ответить, но лорд Феннелтри все-таки попытался.

— Сюрприз! — выдохнул он и указал, нервно улыбаясь, на окружающий его кулинарный хаос. — Это сюрприз, обещанный тебе, любимая.

Леди Феннелтри задрожала, словно в лихорадке.

— Сюрприз? — глухо молвила она.

— Ну да, дорогая. Что ни говори, во всей округе ни на одном балу не было слонов.

— И меня такое упущение несколько не удивляет, — гневно выпалила леди Феннелтри. — Не можешь ли ты вывести это животное *вон отсюда*?

Розы до этой минуты мирно сидела возле сокрушенных ею столов. Небольшие ушибы с лихвой компенсировались тем, что она, как ей казалось,

Д

очутилась в слоновом раю. С обеих сторон она видела лужицы дивной пьянящей влаги, чередующиеся со съедобными островками из омаров, мороженого и мясных пирогов, чего ей прежде никогда не доводилось вкушать. И счастливая Роза протягивала хобот, пробуя разные яства и совершенно не обращая внимания на Адриана, который, все еще сидя на заливке своей подопечной, отчаянно пытался заставить ее встать. Все же она наконец вспомнила о приличиях. Эти радушные, добрые люди приготовили для нее такую дивную трапезу, что она была просто обязана чем-то развлечь их. И, подкрепившись добрым глотком шампанского, Роза стала перебирать в памяти трюки, приносившие столько радости зрителям во времена ее выступлений в цирке. Поразмыслив, она решила изобразить попрошайку.

Лучше бы она выбрала что-нибудь другое... К счастью, Адриан успел в последнюю секунду отскочить в сторону, ибо алкоголь плохо повлиял на чувство равновесия слонихи, и она шлепнулась на спину с такой силой, что один из подвешенных к потолку огромных канделябров сорвался вниз, разбившись на тысячи усеявших весь зал блестящих звонких осколков. Поскольку в этом канделябре было целых триста пятьдесят больших свечей, на паркете вспыхнул весьма впечатляющий пожар. Окончательно сбитые с толку гости беспорядочно метались взад-вперед, издавая жалобные крики. Женщины с монотонной регулярностью падали в обморок, приходили в себя и снова падали в обморок, так что мужчины едва успевали подхватывать их.

Роза слегка удивилась. Сколько она помнила, трюк «попрошайка» ни разу не вызвал такого восторга. Перевернувшись на живот, Роза встала и обвела счастливым взглядом разоренный бальный зал. Она не сомневалась, что все по мере сил стараются участвовать в представлении. Адриан схватил серебряное ведро с ледяной водой и опорожнил его над весело искрящимися свечками. Ему удалось потушить пожар, зато по всему залу поплыли облака едкого дыма. Леди Феннелтри, которую едва не хватил удар от ярости, схватила супруга за отвороты куртки и энергично трясла его — зрелище настолько захватывающее, что многие упавшие в обморок леди поспешили прийти в себя.

С точки зрения Розы, вечер удался на славу — ешь, пей и веселись вместе со всеми. Глотнув портвейна из протекающего мимо ручейка, она задумалась — не повторить ли номер «попрошайка», однако решила, что столь благодарная публика заслуживает хоть какого-то разнообразия, и попыталась встать на голову. Эта попытка оказалась такой же неудачной, как предшествующая, и Роза шлепнулась на бок. После чего некоторое время лежала, икая и спрашивая себя, какую ошибку допустила.

И надо же было музыкантам решить, что настало самое время снова

начать играть. Развернувшееся внизу столпотворение сильно их озадачило. Старые верные слуги, они не считали себя вправе осуждать поведение его светлости, но зрелище того, как их светлости, сцепившись друг с другом, изрекают слова, коим не место при великом стечении публики, подвигло их на веселый венский вальс. Откуда им было знать, что в цирке именно вальс был одним из коронных номеров Розы. Подхватив хоботом миловидную пухленькую блондинку, она принималась лихо кружить по арене. Лежа теперь на паркете, Розы услышала знакомую мелодию, и мысли ее направились по привычному руслу. С трудом поднявшись на ноги, она повела кругом мутным взором. И опять-таки надо же было так случиться, что первой в поле зрения слонихи оказалась леди Феннелтри.

В разгар замысловатого и отнюдь не лестного анализа генеалогического древа лорда Феннелтри, когда ее светлость успела дойти всего лишь до пятнадцатого века, она вдруг ощутила, что взлетает в воздух и описывает там круги, присущие, по мнению Розы, вихревому вальсу. Пронзительные вопли ее светлости слонихи приняла за одобрительные возгласы и продолжала весело вальсировать. Она была очень довольна собой, убежденная, что никогда еще не танцевала так замечательно. Правда, несколько раз она падала, но ухитрялась при этом удерживать хоботом леди Феннелтри так, чтобы та не ушиблась. Сопровождаемая восхищенными и потрясенными взглядами зрителей, Розы как раз завершила полный круг по воображаемой арене, когда музыканты, сообразив вдруг, что они не столько успокаивают, сколько поощряют и подхлестывают слониху, перестали играть, чему Розы была только рада: и возраст уже не тот, и арена великовата, и леди Феннелтри тяжеловата. Заклучив, что достаточно развлекла публику, Розы в завершение номера положила обомлевшую леди Феннелтри на олений окорок, четырнадцать бутылок шампанского и остатки лосося и, гордо подняв хобот, издала громкий, надменный трубный звук. Действие сего звука на публику было мгновенным и интересным. Гости решили, что чудовище, отведав крови леди Феннелтри, сейчас пойдет на них в атаку. В панике они рассыпались по залу, точно зайцы, и так уж странно действует человеческое сознание в критические минуты, что кое-кто побежал прямо к Розы, а не в другую сторону. Среди них, развив вполне приличную для своей комплекции скорость, оказался и егермейстер из Монкспеппера. Легкий хмель не помешал Розы узнать его, и она расплылась в улыбке — разве не этот самый человек помог ей исполнить свой номер тогда на лугу? Радостно взвизгнув, она живо поймала его на бегу и вскинула хоботом вверх. Боясь, что егермейстера постигнет та же судьба, что леди Феннелтри, Адриан посчитал необходимым вмешаться.

— Розы! — крикнул он, заглушая нестройный шум. — Отпусти его!

Д

Рози удивилась — номер ведь только-только начался. У нее было задумано в качестве, так сказать, завершающего штриха посадить его на балкон к музыкантам. Однако Рози уже порядком устала, и если Адриан командует «Отпусти!», то следует, наверно, подчиниться... А потому она разогнула хобот, и сто с лишним килограммов живого веса егермейстера из Монкспеппера грохнулись на паркет. Адриан зажмурился, моля небеса послать ему легкую смерть. Когда он снова открыл глаза, рядом, дергая его за рукав, стоял лорд Феннелтри.

— Дружище, — сказал его светлость, — боюсь, вы были правы. Мы в самом деле просчитались.

Глядя на полное разорение в зале, на истерически кричащих гостей, на леди Феннелтри, чья голова покоилась на лососе, на лежащего без сознания — возможно, мертвого? — егермейстера из Монкспеппера, Адриан не видел причин возражать его светлости.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПОБЕГ

Впоследствии Адриан так и не мог толком вспомнить, каким образом ему удалось невредимым покинуть Феннелтри-холл. Память подсказывала, что они с лордом Феннелтри вместе сумели вытащить Рози из разоренного бального зала и отвести в конюшню. Помнилось, как лорд Феннелтри сказал, что, взвесив все «за» и «против», пришел к выводу, что Адриану и Рози следует «ускользнуть», прежде чем леди Феннелтри или монкспепперский егермейстер (или оба) придут в себя. Вскоре Адриан и Рози уже шагали по озаренной луной аллее, сопровождаемые стуком разноцветной двуколки. Страдающая похмельем, сонная Рози скорбно вздыхала, размышляя о своих неразумных действиях, следствием которых явилась головная боль. У Адриана тоже болела голова, но по другой причине. Ему не терпелось как следует отчитать Рози, однако он спешил уйти подальше от гнева леди Феннелтри, а потому энергично подгонял слониху. Хотя царил чудная ночь, светила полная луна и звездное небо напоминало расшитую бисером росы паутину, было холодно, так что быстрый шаг помогал обоим согреться.

Три часа спустя Адриан посчитал, что до утра они могут чувствовать себя в безопасности, однако ему хотелось найти место, где можно было бы

укрыться на весь следующий день, ибо он знал, что леди Феннелтри — особь решительная, и не сомневался, что она не успокоится, пока он и Роза не будут пойманы и доставлены обратно в Феннелтри-холл. Тогда как сейчас ему меньше всего на свете хотелось бы побеседовать с ее светлостью.

Дорога петляла среди полей и зеленых рощ, в такой местности не очень-то укроешься. А затем, с недовольством отметил Адриан, началась вересковая пустошь, где не то что слона, собачку было бы негде спрятать. Он продолжал движение, уповая на то, что за пустошью вскоре пойдет лес, однако она становилась все шире, и на рассвете его взгляду предстал безбрежный пурпурно-зелено-бурый гладкий ковер из сухого вереска, который словно охватило пламя, когда взошло солнце. Тонкие пряди марева над вереском и утесником сплетались вместе, образуя прозрачные завесы, и они с каждой минутой сгущались, пока все кругом не окутал серый туман. За десяток шагов уже не было видно Розы, но Адриан не сомневался, что солнце, поднимаясь, развеет туман, а потому решил устроить привал и перекусить. Отведя Розу с двуколкой в ложбину, он достал котелок и развел костер. Приготовил себе чай и бутерброды с сыром, предложил Розе несколько буханок сухого хлеба. Слониха пренебрежительно перевернула их ногой несколько раз, потом глубоко вздохнула и, подойдя в багажнику двуколки, опустила хобот на бочонок с пивом. Тут Адриан впервые с начала их знакомства вспылil. Вскочив на ноги, подбежал к Розе и изо всех сил ударил ее по хоботу. Удивленная столь враждебной выходкой своего божества, она попятилась и взвизгнула так, будто он и впрямь сделал ей больно. Как тут не обидеться — Роза всего-то хотела смочить пересохшую глотку и малость умерить головную боль, а этот Адриан почему-то взбесился.

— Не подходи к пиву, ты... ты... проклятая слониха, чтоб тебя! — прорычал Адриан. — Тебе бы только напиться, чертова образина!

Накрыв бочонок одеялом, он вернулся к костру и сел перед ним на корточки, мрачно поглядывая на Розу.

— Сдается мне, ты не успокоишься, пока не прикончишь меня совсем, — саркастически произнес он. — Мало того, что вторглась в мою жизнь и расстроила ее, ты еще распутала половину лошадей в городе, терроризировала охотников из Монксеппера и едва не убила их егермейстера, после чего учинила разгром в одном из самых величественных поместий Англии, затеяла танцевать, держа хоботом леди Феннелтри, словно какую-нибудь жалкую циркачку. Небось за твою поимку уже объявлена крупная награда. А какой ущерб ты причинила — да один только канделябр стоит не меньше полутораста фунтов! А тебе хоть бы что! Чувствуешь хоть

Д

капельку раскаяния? *Какое там!* У тебя одно на уме — как бы еще надратся.

Он замолчал, сердито тыкая палкой в огонь. Рози трясла головой и помахивала хоботом. Хотя до нее доходили не все тонкости бичующей тирады Адриана, она была чувствительной слонихой и по голосу его поняла, что он чем-то недоволен. Рози успела привязаться к Адриану, и ей хотелось как-то утешить его. Может быть, если она встанет на голову, это отвлечет его от неприятных мыслей? И Рози уже приготовилась выполнить этот трюк, но тут он снова заговорил, и она отказалась от этого замысла, учтиво прислушиваясь к его речам.

— Знай же, чудовище, что бы ни случилось, я доведу тебя до побережья и там отдам первому встречному, у кого достанет дурости позариться на тебя. И мне плевать, что потом с тобой будет... пусть делают, что хотят... — Адриан остановился, стараясь придумать что-нибудь пострашнее. — Пусть запрут тебя на *лесном складе*, мне наплевать. Пусть сделают чучело и поместят в музей — самое подходящее место для тебя. Мне все равно, что с тобой будет, лишь бы избавиться от тебя.

Адриан остановился, переводя дух, и Рози, желая показать, что внимательно слушала каждое слово, похлопала ушами и тихо пискнула.

— И не проси, — сурово произнес Адриан. — Я твердо решил. Меньше всего на свете мне нужен слон, к тому же великий любитель спиртного, который все сокрушает на своем пути. Как только спустимся к морю — конец нашему партнерству. Мои страдания превосходят все, что способен вынести человек, не теряя рассудка. А потому, пока я еще окончательно не сошел с ума, нам нужно расстаться. Так что замолчи и ешь свой хлеб. Больше ты ничего не получишь.

С этими словами Адриан подбросил в костер несколько прутиков и вернулся в одеяло, чтобы подремать полчасика, пока рассеется туман. На самом деле он так устал от всего, что крепко заснул и благополучно проспал целых два часа. Проснулся он от какого-то шума, когда туман давно испарился и вересковую пустошь озаряло яркое солнце. Адриан сел, повел кругом глазами, и увиденное заставило его в тревоге вскочить на ноги. У небольшого ручейка, шагах в десяти-пятнадцати от него, стоял малость побитый, ярко раскрашенный фургон, чьи окна закрывали изнутри занавески в красно-белую клетку. Рози, прислонясь к фургону, с блаженным видом скреблась об него, отчего он угрожающе раскачивался. Чей-то пронзительный голос пытался пробиться сквозь треск шатающегося экипажа.

— Прочь отсюда, говорят вам! Сгиньте, злые духи преисподней! Именем Навуходоносора и десяти печатей Соломона — изыдите! Именем Эразма и Священного Знака Прометея...

— Рози! — крикнул Адриан. — Сейчас же уйди оттуда!

Рози глубоко вздохнула, отступая от фургона. Вечно он запрещает делать то, что ей нравится... Адриан подошел к ступенькам перед дверью экипажа.

— Послушайте! Вы там... — сказал он. — Извините, ради бога...

— Изыди! — завопил голос. — Сгинь, демон, именем...

— Никакой я не демон! — сердито отозвался Адриан. — Может быть, вы выйдете, чтобы я мог объяснить?..

— Дудки! Вам не провести меня... Я всего лишь бедная старая женщина, а ты пытаешься меня выманить, чтобы завладеть моей душой... изыди, говорю...

— Перестаньте молоть чушь, — разозлился Адриан. — Я вовсе не демон, и мне не нужна ваша душа. Почему бы вам не выйти и не выслушать?

— Если ты не демон, — хитро осведомился голос, — как ты мог так раскачать фургон?

— Это моя слониха раскачала, — объяснил Адриан. — Она скреблась о ваш экипаж.

— Сейчас поверила, — сказал голос.

— А вы откройте дверь — и сами увидите.

— Откуда мне знать, что слониха? Я в жизни не видела слонов.

Адриан сделал глубокий вдох и закрыл глаза.

— Мадам, — сказал он. — Я хотел всего лишь извиниться за неудобства, которые моя слониха причинила вам, надумав почесаться о ваш экипаж. Сожалею, если вы не готовы принять мое смиренное извинение. А теперь всего доброго, я должен идти.

— Нет-нет, не уходите, — всполошился голос. — Я никогда не видела слонов, сейчас выйду.

Наступила долгая пауза, внутри фургона глухо произносились какие-то заклинания, наконец дверь с треском отворилась, и показалось обрамленное косматыми седыми волосами, похожее на грецкий орех лицо, принадлежащее крошечной старой женщине. Ни дать ни взять миниатюрная колдунья, подумал Адриан. Старуха была одета в потертую черную бархатную юбку и поношенную красную кофту, на плечах лежала толстая черная шерстяная шаль. Она смерила взглядом Адриана, шамкая беззубым ртом.

— Доброе утро, — поздоровался Адриан.

— Ну, где слон? — осведомилась старушка.

Адриан указал рукой на Розу, которая силилась вырвать из земли куст утесника, ошибочно полагая, что он съедобен.

— Ух ты-ы-ы! — изумленно выдохнула старушка. — Надо же! Да он ростом... надо же!

Д

— Она совсем ручная, — объяснил Адриан. — Слониха просто почесалась немного о ваш экипаж.

— В жизни не видела ничего подобного, — сказала старушка. — Дивный зверь... просто восхитительный.

— А скажите, вам для вашей... а... работы не мог бы пригодиться слон? — с надеждой спросил Адриан.

— Работы? — ошетибилась старушка. — Я не работаю.

Она отступила внутрь фургона и тут же вышла с доской, которую повесила на крючок рядом с дверью.

— Вот! — она гордо указала на доску большим пальцем. — Вот я кто — лучшая колдунья во всем этом краю.

Слегка кривые буквы извещали:

ЧЕРНАЯ НЕЛЛ — БЕЛАЯ КОЛДУНЬЯ
ЗАГОВОРЫ, ЗАКЛИНАНИЯ
ПРЕДСКАЗАНИЕ БУДУЩЕГО И ПРОШЛОГО
СВОЖУ БОРОДАВКИ

— О, — молвил Адриан, удивленный тем, что старушка и впрямь оказалась колдуньей. — Как интересно.

— Вот именно. Я направляюсь на ярмарку в Татлпенни. Вы туда же?

— Нет, мне нужно спуститься в приморье. Кстати, я не очень представляю себе, где мы находимся сейчас. Вы не могли бы подсказать мне, куда двигаться дальше?

— Как насчет завтрака? — спросила Черная Нелл. — Не следует странствовать на пустой желудок.

— Большое спасибо, — ответил Адриан, — но я только что перекусил.

— Пирог с зайчатиной? — настаивала Черная Нелл. — Кусок холодного пирога с зайчатиной, хлеб собственной выпечки и кружка чая, ну как?

При мысли о пироге с зайчатиной у Адриана потекли слюнки.

— Ладно, — сказал он. — Если у вас найдется лишний кусочек.

— Найдется, — заверила Черная Нелл. — Разведи огонь под котелком, а я принесу пирог.

И Адриан сел у костра завтракать вместе с Черной Нелл. Пирог был восхитительный, корочка таяла во рту, розовые, точно коралл, кусочки мяса купались в желе с приправами. Адриан решил даже, что он в жизни не ел такого деликатеса, даже в Феннелтри-холле. После третьего куса он уже не так желчно смотрел на Розу. Насытившись, Адриан настолько оживился, что поведал Черной Нелл обо всех передрыгах и испытаниях, какие пережил с тех пор, как в его жизнь вторглась Роза. Каково же было его удивление, когда старушка заявила, что в жизни не слышала ничего смеш-

нее этой истории, а его описание бала заставило ее смеяться до слез, так что Адриан поневоле тоже расхохотался.

— Ну и ну! Вот это да! — через силу выговорила Черная Нелл, держась за бока. — Жаль, меня не было!

— Ну теперь-то и я должен признать, что это было забавно, — сказал Адриан. — Хотя тогда мне было не до смеха.

Продолжая похохатывать, Черная Нелл вытерла глаза, потом извлекла из кармана колоду грязных, засаленных карт.

— Ладно, поехали, сейчас я тебе погадаю, расскажу, что тебя ждет впереди.

— Я не уверен, что мне это нужно, — произнес Адриан.

— Ерунда, — твердо возразила Черная Нелл. — Разумеется, нужно. Давай сними и разложи карты по семи в шесть рядов.

Адриан быстро стасовал, затем снял и разложил карты рубашкой вверх. Черная Нелл перевернула их и принялась что-то бормотать.

— Ха-ха! — вымолвила она так неожиданно, что Адриан вздрогнул и пожегился.

— Что там? — нервно спросил он.

— Ничего, — ответила Черная Нелл. — Твое будущее весьма туманно, весьма.

— Ну и ладно, — с облегчением молвил Адриан. — Остановитесь.

— Нет-нет, кое-что проясняется. Вижу, ты совершаешь морское путешествие.

— Морское путешествие? — недоверчиво сказал Адриан. — Как это — вместе с Розой?

— Еще я вижу опасность... — сообщила Черная Нелл хриплым шепотом. — Опасность и какого-то толстого коротышку. Он причинит тебе кучу неприятностей.

— А вы не можете увидеть что-нибудь приятное? — жалобно спросил Адриан. — Я и так сыт по горло неприятностями.

— Почему же, и приятное тоже вижу. Но очень туманно, весьма. Хорошо еще, что не у всех моих клиентов такой туман получается, иначе от гадания не было бы никакого толку.

С этими словами она засунула карты обратно в карман и закурила короткую черную трубочку.

— Вот что я тебе скажу, — возвестила она, выдыхая облака едкого серого дыма. — Пора тебе в путь, юноша. Впереди еще долго тянется ровная пустошь, гладкая, как яйцо, не больно-то подходящее место, чтобы спрятать слона. А потому слушай мое предложение. Как пройдешь по этой дороге километров десять-двенадцать, будет поворот направо. Не такой уж

Д

удобный проселок, зато он проходит по лощинам, там вас будет труднее заметить. Так вот, еще через километров тридцать проселок пересечет железную дорогу, понял? Сразу после того — развилка. Пойдешь налево, и вскоре тебе встретится трактир «Единорог и Лира», фамилия владельца — Филигри. Хозяева — милейшие люди во всей округе, и они обожают животных. Думаю, они позволят тебе побыть там, пока вас не перестанут искать. Скажешь, что тебя послала Черная Нелл.

— Огромное спасибо, — горячо произнес Адриан. — Вы так добры.

— Ага, кому, как не нам, странникам, помогать друг другу, — фило-софически заметила Черная Нелл.

И Адриан снова впряг в двуколку Рози и простился с Черной Нелл.

— Не прощайся, — загадочно молвила она. — Еще увидимся, когда дойдет до драки.

— Что? — озадаченно молвил Адриан.

— Шутка, — усмехнулась Черная Нелл. — Пока.

После чего Адриан и Рози зашагали через залитую солнцем пустошь и к полудню дошли до поворота, упомянутого Черной Нелл. Она была права — проселок петлял по глубоким лощинам, надежно укрывая их от возможных преследователей. Они перекусили на берегу небольшого озера, и, к великому недовольству Рози, ей пришлось утолять свою жажду только водой. Потом они двинулись дальше.

Вскоре солнце укрылось за перистыми облаками на западе, старательно раскрасив их в золотой, зеленый и красный цвета. На пустошь опустились красноватые сумерки, над проселком с регулярностью метронома заметались летучие мыши. Дорога поднялась на бугор, с макушки которого Адриан увидел на дне долины пересекающие проселок поблескивающие рельсы.

— Вот так, Рози, — сказал он, — теперь уже немного осталось.

Двуколка спустилась, поскрипывая и позвякивая, в долину, и когда они дошли до рельсов, Рози осторожно переступила через них. По команде Адриана она подтянула двуколку вплотную к первому рельсу, после чего он уперся плечом в багажник и велел ей как следует дернуть. Двуколка приподнялась, на минуту повисла на рельсе, потом съехала с него, и тут Адриан обнаружил, что конструктор железнодорожных путей нарочно постарался сделать из них ловушку для двуколок: колеса прочно застряли между рельсами и не желали двигаться ни вперед, ни назад. Стоило Рози потянуть сильнее, как оглобли начинали трещать, грозя сломаться. Оглядевшись по сторонам, Адриан увидел лежащие посреди путей остатки старой шпалы. Решив, что из нее получится отличный рычаг, велел Рози стоять спокойно и пошел за шпалой. Возвращаясь со своей добычей, он услышал поезд.

Поглощенный поединком с рельсами, он сначала не обращал внимания на посторонние звуки, теперь же по гулу машины и хриплым гудкам понял, что приближается поезд. Обливаясь холодным потом, волоча тяжелую шпалу, он брел вдоль дрожащих и звенящих рельсов, озабоченный тем, как спасти двуколку. С ужасом слушая рокот поезда, дотащился до экипажа и подсунул рычаг под багажник. Уперся плечом и нажал.

— Тяни, Рози, тяни! — крикнул он, и Рози рванулась вперед.

Двуколка приподнялась и, секунду побалансировав на рельсе, скатилась на насыпь с другой стороны. Одновременно из-за поворота вынырнул паровоз, подобный огнедышащему дракону. «Слава богу, — подумал Адриан, — двуколка спасена!» И рванулся следом за ней, однако паровоз задел его и безжалостно отшвырнул в сторону. Весь в крови, Адриан приземлился на вереск, будто тряпичная кукла, а поезд безучастно промчался мимо, сияющая желтыми окнами и рассыпая искры, точно метеор. Грохот медленно стих, удаляясь, тогда как Адриан остался лежать без сознания, обратив бледное лицо к звездному небу.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«ЕДИНОРОГ И ЛИРА»

Когда Адриан открыл глаза, в первую минуту ему показалось, что он покоится на раскаленных вязальных спицах. Все тело страшно болело, ушибленная правая рука словно отнялась. Звезды над ним рыскали по небу самым странным манером, что весьма его озадачило, пока он не сообразил, что лежит на медленно катящейся в темноте двуколке.

Каким образом очутился он здесь?.. В конце концов Адриан пришел к выводу, что это Рози (верная умница Рози) подняла с земли его бесчувственное тело и положила на двуколку. Он попытался сесть, но тотчас потерял сознание от дикой, жгучей боли.

Когда Адриан снова пришел в себя, двуколка стояла неподвижно, и прямо над ним откуда-то появилась вывеска с надписью «Единорог и Лира» и маленьким изображением названных объектов. Надо же, смутно подумал он, как это Рози ухитрилась найти то самое место, что было их целью. Не будь Адриану так плохо, он, конечно, сообразил бы, что Рози, подобрав его с земли, полным ходом понеслась туда, где, как подсказал ей хобот, помещался благоухающий, выдавший виды трактир. Сделав над собой огромное

Д

усилие, жмурясь от боли, Адриан слез с двуколки. Правая рука вяло висела, и он не сомневался, что она сломана. Ноги подкашивались, и он шатался, словно пьяный. Розы радостно пискнула и взмахнула ушами. Перед глазами Адриана было длинное, низкое бревенчатое строение с камышовой крышей, напоминающей шероховатую корку огромного пирога. Из решетчатых окон струился золотистый свет. Выписывая ногами замысловатые кренделя, Адриан пересек дорогу и прислонился к двери. Он чувствовал себя отвратительно и боялся, что снова потеряет сознание, прежде чем сумеет войти внутрь, к приветливому свету. Схватив рукой бронзовый дверной молоток, выбил им громкую дробь по дубовым доскам и навалился боком на косяк, борясь с позывами к рвоте. Услышал шаги, стук задвижек, и дверь вдруг распахнулась.

В свете ламп перед Адрианом стоял один из самых толстых мужчин, каких он когда-либо видел. На толстяке были надеты рубашка с подвернутыми рукавами и брюки, ноги обуты в огромные кожаные туфли, обильно расшитые подсолнечниками, маргаритками, хризантемами и прочими яркими цветками. Лицо круглое и пухлое, как у младенца, огромная голова увенчана жидкими пучками бледно-желтых волос. Ниже двойного подбородка следовала благородная округлость могучего живота, которой позавидовал бы зобастый голубь. Толстяк бесстрастно воззрился на помятую, в пятнах крови фигуру Адриана.

— Добрый вечер, — мягко произнес он тонким мелодичным голосом. — Что вам угодно?

— Несчастный случай, — невнятно пробормотал Адриан. — Меня ударил паровоз. Розы тут рядом.

Вслед за тем трактир и толстяк канули во тьму. Трактирщик с замечательной прытью подхватил падающего Адриана своими могучими руками, поднял его, словно перышко, и прошагал внутрь помещения огромной кухни с каменным полом и пылающим очагом. Вдоль стен висели, поблескивая, начищенные медные кастрюли. Толстяк опустил Адриана на широкий волосяной тюфяк, расстегнул его воротничок, живо проковылял к бару в дальнем конце помещения, налил стаканчик бренди и, вернувшись к дивану, влил несколько капель в рот бедняге. Адриан поперхнулся, закашлялся и открыл глаза.

— Ага, — удовлетворенно пропел толстяк, — так-то лучше. А теперь полежите спокойно, я принесу чем-нибудь вас накрыть.

Адриан обвел близоруким взором огромную кухню с баром в одном конце и очагом в другом; глоток бренди согрел его желудок и малость умерил острую боль во всем теле. Толстяк вернулся, неся большую пухлую перину.

— Думаю, она вас согреет, — сказал он, заботливо укрывая Адриана

ни. — Настоящий гусиный пух. Теплее не бывает. В Тибете я не расстался с такой курткой.

Как ни скверно чувствовал себя Адриан, он невольно усмехнулся, представив себе этого толстяка в пуховой куртке.

— Большое спасибо, — отозвался он. — Простите за беспокойство.

— Пустяки, — пропел толстяк. — Я только рад, дорогой сэ. Выпейте еще бренди.

Он поддержал голову Адриана, и тот выпил стаканчик до дна.

— Бренди — бесподобная штука, — сообщил толстяк проникновенным голосом. — Когда я был в Египте, нам постоянно привозили его по морю из Франции.

— Мне страшно неловко вас беспокоить, — сказал Адриан, — но как там Рози?

— Ах да, — спохватился толстяк. — Я совсем забыл. Вы упомянули о ней перед тем, как лишились сознания. Как же я мог забыть про бедняжку.

И, развернувшись крутом, он поспешил к дверям.

— Это... — начал объяснять Адриан, но толстяк уже скрылся.

Последовала долгая пауза, потом Адриан услышал, как Рози взвизгнула. Это был явно радостный визг, хотя и не похожий по тональности на звуки, к которым он привык. Оставалось только надеяться на лучшее. Может быть, Рози приняла толстяка за слона и прониклась к нему симпатией. Внезапно хозяин трактира появился в дверях, улыбаясь всем лицом. Он протрусил к дивану, сложив ладони в молитвенном жесте, и глаза его сияли.

— Это слон, — проворковал он, — настоящий живой слон. Дружище, вы не могли доставить мне большей радости. После Нагарапора я не видел ни одного слона. И ваша слониха тоже обрадовалась мне. Представьте себе, она обняла меня за шею хоботом.

— Конечно, это очень дружелюбная слониха, — сказал Адриан.

— Вспоминаю, — мечтательно произнес толстяк, — у меня был сто один слон. Счастливые дни... Охота на тигров, пышные церемонии...

— Извините, что перебиваю, — молвил Адриан. — Но как насчет врача? Похоже, у меня сломана рука.

— Все будет сделано, дружище, все, — откликнулся толстяк. — Вы только лежите смирнехонько, и мы приведем врача. Сэм вернется через минуту, и тогда сделаем все необходимое. А пока окажите любезность, позвольте отвести вашу слониху в нашу конюшню.

— Разумеется, — ответил Адриан. — Я буду вам очень обязан.

— Нет-нет, — серьезно возразил трактирщик, — это я вам обязан.

Д

— Ее цепи лежат в багажнике двуколки, — объяснил Адриан. — И может быть, у вас найдется чем ее покормить?

— Ради бога, не беспокойтесь ни о чем, — трактирщик поднял пухлый палец. — Я обо всем позабочусь.

Он снова вышел, и Адриану было слышно, как толстяк беседует фальцетом с Розы. Потом двуколка, судя по звукам, покатила куда-то за трактир, и через десять минут трактирщик появился вновь и засеменил по каменному полу к Адриану, не человек, а розовое облако, воплощение добродушия.

— Еще бренди? — пропел он. — Заглушает боль.

Он наполнил два стаканчика и вручил один Адриану.

— Ваше здоровье, мистер, э... — сказал Адриан.

Толстяк уставился на него круглыми глазами, до смешного похожий на огромного младенца, которого кольнули сзади булавкой.

— Уважаемый сэр, как же я виноват, совсем забыл представиться. Тут этот слон, и все такое прочее. Перегрин Филигри, ваш покорный слуга, — он отвесил глубокий поклон, насколько позволял его живот.

— Адриан Руквисл, — ответил Адриан столь же учтиво. — *Ваш* покорный слуга.

— Отлично, — сказал мистер Филигри, — просто замечательно. Теперь нам осталось только дожждаться, когда придет Сэм. Кстати, может, вы хотите есть?

— Если честно, то нет, — признался Адриан. — Слишком отвратительно чувствую себя.

Толстяк проследовал к огромному кожаному креслу и втиснулся в него.

— А теперь, уважаемый сэр, — важно произнес он, переплетя пальцы, — объясните, пожалуйста. Перед тем как потерять сознание, вы заявили мне, что вас переехал поезд. Конечно, в этом мире всякое бывает, но мне не терпится услышать подробности.

— Не переехал, а ушиб, и не поезд, а только паровоз.

И Адриан рассказал мистеру Филигри о своих приключениях на железнодорожных путях. Он согрелся, его клонило в сон, и боль воспринималась как-то отрешенно. К тому же от изрядных порций бренди мистера Филигри он слегка захмелел.

— Поразительно, — заметил мистер Филигри, жадно слушая рассказ Адриана. — Просто потрясающе. Помню, когда я работал подрядчиком на строительстве Транссибирской магистрали, у нас были вечные проблемы из-за волков. Мало того, что они пожирали рабочих, понимаете, так еще и сами застревали на путях. Целыми стаями, уважаемый сэр.

— Скажите на милость, — произнес Адриан, с трудом ворочая языком. — Подишь ты...

— Э! — пропищал вдруг мистер Филигри. — Слышите?

Адриан уловил что-то вроде стука копыт на дороге снаружи.

— Это Сэм, — сообщил, улыбаясь, мистер Филигри. Вскочив на ноги, он проплыл к двери, точно блуждающий воздушный шар, и распахнул ее.

— Сэм! Сэм! — прокричал трактирщик куда-то в темноту. — Скорей сюда, у нас появился слон.

Проплыв точно так же обратно к Адриану, он выпалил, сияя всем лицом:

— Такое событие!

Почему-то Адриан ожидал увидеть высокого, худого, мрачного субъекта, прямую противоположность милому, младенчески округлому мистеру Филигри, а потому решил, что бренди явно повлияло на его зрение, когда с улицы на кухню вошла стройная девушка лет двадцати с небольшим. Даже длинная юбка и толстая шаль на плечах не могли скрыть привлекательной девичьей фигуры. Овальное лицо украшал вздернутый, как у мопса, носик, огромные светло-зеленые глаза переливались золотыми искорками под коротко стриженными, блестящими каштановыми волосами. Девушка остановилась на пороге, удивленно глядя на Адриана, и он, застонав от боли, сдвинул перину и попытался встать.

— Нет, нет, *нет*, — с тревогой пропищал мистер Филигри. — Вам нельзя двигаться. Сэм, этого беднягу ушиб паровоз, и он привел нам *чудеснейшего слона*.

Медленно сняв перчатки, девушка направилась к ним, и отуманенному взору Адриана казалось, что она не столько идет, сколько парит. Бренди, сказал он себе, это все от бренди.

— Что ты такое говоришь, папа? — спросила она.

— Он заполучил слона, — торжествующе произнес мистер Филигри, как будто это все объясняло. — Представляешь себе, Сэм! Настоящий слон у нас *здесь*.

Девушка сердито вздохнула, потом повернулась к Адриану и подала руку, здороваясь.

— Сэмэнта Филигри, — представилась она, улыбаясь, и почему-то от этой улыбки он покраснел до корней волос. — Боюсь, мой отец не мастер толком объяснять, что происходит. Не могли бы вы внести ясность?

Сосредоточив взгляд на взволнованно вздымающемся животе мистера Филигри, Адриан снова рассказал о случившемся с ним происшествии. Выслушав его, Сэмэнта фыркнула и с гневным видом повернулась к отцу, который, сильно порозовев, растерянно взмахивал руками.

— И что же ты предпринял? — осведомилась она.

Д

— Предпринял? — повторил мистер Филигри с видом оскорбленной невинности. — Все, что нужно, дорогая. Я дал ему бренди и отвел слона в конюшню.

— Ты неисправим, честное слово, — сказала Сэмэнта. — Бедняга, может быть, смертельно ранен, а ты, вместо того чтобы принять меры, болтаешь о каких-то слонах.

— Так ведь я решил дождаться тебя, дорогая, — смиренно ответил мистер Филигри. — У тебя всегда все получается куда лучше.

Сэмэнта наградила его испепеляющим взглядом и обратилась к Адриану.

— Я немедленно приведу врача, — сказала она. — Только сначала проверю, насколько серьезно вы ранены.

Отодвинув перину, она быстро и бесстрастно ощупала Адриана, как если бы перед ней была баранья туша. Он закусил губу, чтобы не вскрикнуть, когда очередь дошла до правой руки.

— Ну так, — произнесла наконец девушка, подойдя к дубовому столу и доставая из ящика огромные ножницы. — У вас сломана рука, возможно, треснуло ребро, множество разных ушибов.

С этими словами она вернулась к дивану, помахивая ножницами.

— Знаете, — Адриан нервно взглянул на поблескивающую сталь, — вам не кажется, что лучше подождать, когда врач...

— Глупости, — холодно остановила его Сэмэнта. — Необходимо снять с вас пиджак, пока рука не распухла еще сильнее. Боюсь, придется вам пожертвовать пиджаком, если так снимать, будет очень больно.

Она аккуратно — Адриан даже ничего не почувствовал — разрезала рукав, затем проделала ту же операцию с рубашкой.

— Ну так, — удовлетворенно сказала девушка. — Теперь лежите спокойно, а я отправлюсь за врачом.

— Еще бренди? — предложил мистер Филигри, не желая отставать на медицинском поприще от дочери. — Помню, в Египте, когда рабы, иногда сразу по двое, падали с пирамид, мы всегда давали им бренди.

— Ему можно немного, — твердо произнесла Сэмэнта. — А тебе следует оставаться трезвым. Я вернусь через полчаса.

И, сдержанно кивнув Адриану, она исчезла в ночи.

— Заверяю вас, — объявил мистер Филигри, вручая Адриану стаканчик бренди, — заверяю вас, дорогой сэр, меня еще никто не видел пьяным.

Он поглядел украдкой на дверь, налил и себе, затем продолжал:

— Женщины в критические минуты склонны терять голову и говорить не то, что думают.

Трактирщик глотнул бренди.

— Такая уж у них хрупкая натура, — серьезно заявил он. — Сэмэн-

та — доброе дитя, но говорит невесть что, когда теряет контроль над ситуацией. Вы меня понимаете?

На взгляд Адриана, Сэмента контролировала ситуацию куда лучше, чем ее родитель, однако он предпочел держать это мнение при себе, а потому лишь кивнул с важным видом. Мистер Филигри снова втиснулся в кресло и посмотрел, благосклонно улыбаясь, на Адриана.

— Я всегда говорю Сэм, — сообщил он, наставительно подняв указательный палец, — всегда говорю: следуй Священному Писанию — и не ошибешься. «После происшествия на железной дороге утешь свой желудок глотком бренди». Кажется, так говорит Навуходоносор или кто-то там еще, но женщины, увы, слабее нас, мужчин.

Он сделал еще добрый глоток, снова поглядел на дверь, потом наклонился вперед, насколько позволял живот, и скорбно воззрился на Адриана.

— Вы замечали, — серьезно молвил он, повышая голос, отчего тот уподобился пisku летучей мыши, — что женщины *не способны помнить того, что было?*

Окутанный теплым розовым алкогольным туманом Адриан совершенно утратил нить рассуждений мистера Филигри.

— Ш-што? — спросил он.

— Женщины, — торжественно повторил трактирщик, — не способны помнить прошлое.

— Те женщины, с кем я встречался, — мрачно заметил Адриан, — обычно помнили все до самых ужасающих подробностей.

— Вот-вот! — мистер Филигри снова поднял указательный палец. — Но только то, что происходило совсем недавно, не больше.

— А чего вы хотите от них? — спросил Адриан, откидываясь на подушку и закрывая глаза.

— Вот вы, — пропищал мистер Филигри, — способны многое вспомнить, если постараетесь как следует. А женщины народ ограниченный, беда мне с ними.

— В самом деле? — сонно пробормотал Адриан.

— Ну да, — мистер Филигри налил себе еще бренди. — Даже если что-нибудь помнят, то всякие пустяки, вроде того, кто как был одет при дворе или кто чей любовник.

Адриан с минуту размышлял над словами трактирщика, чувствуя на себе его пытливый взгляд.

— Знаете что, — сказал он вдруг, открывая глаза, — я совершенно не понимаю, о чем вы толкуете.

Мистер Филигри сокрушенно вздохнул, отчего по его животу и двойному подбородку пробежала мелкая рябь.

Д

— Вы не в себе, — горестно произнес он. — Завтра, когда вам полегчает, я все разьясню. А сейчас поспите, с минуты на минуту должен появиться врач.

— Спасибо.

И Адриан, закрыв глаза, сразу погрузился в глубокий мирный сон.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ТРЕВОГА!

Лежа на кровати, Адриан не без удовольствия созерцал дубовые балки озаренного утренним солнцем потолка. Минула неделя, как он явился в трактир «Единорог и Лира», и впервые он чувствовал себя здоровым и бодрым. В день его прибытия Сэмэнта привела вечером доктора Ханчмулда, сопящего носом коренастого коротыша с походкой заводной игрушки. Пока мистер Филигри без толку суетился кругом, доктор Ханчмулд, уверенно ассистируемый Сэмэнттой, раздел Адриана, наложил три шва на длинный порез на бедре, туго перебинтовал поврежденные ребра и заключил сломанную руку в гипс от кисти до локтя. Вся эта процедура причинила Адриану изрядную боль, и он совсем изнемог. Мистер Филигри, счастливый, что и от него была польза, отнес Адриана по узкой лестнице в маленькую спальню наверху под камышовой кровлей и уложил в постель. Следующие два дня Адриан мало что разумел, помнил только, что Сэмэнта все время была рядом, то поправляла его подушку, то поддерживала голову, когда его тошнило над большим, расписанным цветами фаянсовым горшком, то поила чем-то холодным, когда у него поднималась температура. Ему было невдомек, как она обходится без сна, ибо в любое время дня и ночи, когда бы он ни открыл глаза, Сэмэнта была тут как тут, терпеливо сидела на стуле возле его кровати, занятая каким-то рукоделием. И теперь, когда ему стало заметно лучше, Адриану было очень неловко при мысли о том, сколько хлопот он причинил. Высунув пальцы ног из-под одеяла, он попробовал как следует потянуться и тут же пожалел об этом эксперименте — такая острая боль пронизала все мышцы.

Внезапно открылась дверь, и вошла Сэмэнта, неся ему завтрак.

— Доброе утро, — сказала она, улыбаясь. — Как самочувствие?

— Намного лучше, — ответил Адриан, краснея, как всегда, при виде

ее огромных зеленых глаз. — Мне даже кажется, что я мог бы встать. Боюсь, я и так уже доставил вам слишком много беспокойства.

— Ерунда, — отозвалась Сэмэнта, опуская поднос на одеяло перед ним. — Чтобы эти яйца были съедены! Совсем свежие, отец сходил за ними в деревню.

— А как там Роза? — тревожно осведомился Адриан.

— Отлично, — ответила Сэмэнта и подняла брови. — А что? Вы сомневались?

— Обычно она не очень-то жалуется женщин, — объяснил Адриан.

— Меня она жалуется. А отца так просто обожает. Мне кажется, принимает его за особого вида слона.

Сидя на стуле, она смотрела, как он ест и пьет чай, потом проворно убрала поднос и поправила подушку.

— Сегодня придет врач, чтобы снять швы, — сообщила она. — Так что оставайтесь в постели, пока он не разрешит вставать.

— Послушайте, — спохватился Адриан, — мне надо кое-что сказать вам. Вы можете уделить мне пять минут?

— Что-то вы порозовели, — Сэмэнта критически посмотрела на него. — Похоже, опять поднялась температура.

— Нет-нет, я просто беспокоюсь.

Сэмэнта снова села и сложила руки на коленях.

— Ну?

Сперва запинаясь, затем — видя, как внимательно, не перебивая, слушает Сэмэнта, — все более складно Адриан поведал ей, как он получил в наследство Розу и какой погром они учинили на своем пути. Он ожидал увидеть, как и следует быть, когда рассказываешь молодой леди о столь предосудительных действиях, выражение ужаса на лице Сэмэнты, вместо этого под конец его повествования по блеску ее глаз и подергиванию губ было видно, что она с трудом удерживается от смеха.

— Так что сами понимаете, — заключил Адриан, — меня сейчас, наверное, разыскивает полиция. Один бог ведает, что они со мной сделают, когда поймут, и ведь не отопрешься, Роза — такая улика, что даже полицейский не может ее не заметить. Так что мне нужно возможно скорее спуститься к побережью и избавиться от нее. Оставаясь здесь, я и вас подвергаю угрозе. Кажется, это называется «соучастие и сокрытие» или как-то еще в этом роде.

У Сэмэнты вырвался смешок.

— Чудесно! — воскликнула она. — Не только раненый воин, а еще и разыскиваемый преступник.

— Не смешно, — обиделся Адриан.

Д

— Верю, — сказала Сэмэнта, силясь изобразить на лице сочувствие. — Но на вашем месте я не стала бы так волноваться. Никто не знает, что вы находитесь у нас, и Роза надежно укрыта в конюшне. Нам с отцом остается выгуливать ее вечером на лугу, где никто не увидит. Отец и без того почти не выходит из конюшни, как раз сейчас мажет ее копыта золотой краской. Так что лежите-ка вы здесь и ни о чем не беспокойтесь. Подождем, что скажет доктор.

Доктор Ханчмулд, громко сопя, ощупал Адриана со всех сторон, снял швы на бедре и внимательно посмотрел на него, решительно потирая руки.

— Ну что ж, — объявил он, — можете вставать, если хотите. Но соблюдайте осторожность. Легкая питательная диета, поменьше физических нагрузок.

— А когда можно будет снять этот гипс? — спросил Адриан — Он весит не меньше двух с половиной тонн.

— Не раньше чем через месяц, — ответил доктор Ханчмулд.

После ухода врача Адриан с трудом оделся. Все мышцы заковчели, и ноги плохо держали его, тем не менее он медленно спустился по скрипучим ступенькам на кухню, где Сэмэнта, надев цветастый передник, колдовала над большими медными кастрюлями, распространяющими аппетитнейшие запахи.

Адриан остановился, глядя на нее, — она и впрямь не столько ходила, сколько парила над полом, такая же легкая на ногу и грациозная, как ее родитель. В свете очага волосы ее переливались бликами не хуже медной посуды.

— Привет, — сказал он.

Она повернулась к нему с улыбкой, и он ощутил, как кровь прилила к лицу и защемило под ложечкой.

— Привет, — отозвалась Сэмэнта. — Как самочувствие?

— Покачивается, — признался Адриан. — Я могу чем-нибудь помочь?

— Нет. Помните, что сказал врач. Можете, если хотите, выйти в конюшню побеседовать с отцом и Розой.

Неохотно расставаясь с ней, Адриан вышел через заднюю дверь и направился через мощный булыжником двор в сторону конюшни. Издали был слышен звонкий голос мистера Филигри, разговаривающего со слонихой.

— Дальше, моя дорогая, — вещал он, — мы подошли к зарослям камыша, и там в самой гуще прятался тигр. Я сидел на очень красивом и очень храбром слоне. Не таком красивом и смелом, как ты, конечно, но все же. Тигр бросился на нас, но тут мой слон поднял хобот и ударил его на лету, так что зверь грохнулся на землю.

Сгорая от любопытства, Адриан вошел в конюшню. Рози была заточена в дальнем углу, рядом с ней было разостлано пахучее сено, а впереди стояло деревянное корыто, наполненное морковью, яблоками, мелко нарезанной кормовой свеклой и прочими деликатесами, кои слониха аккуратно отправляла себе в рот. Копыта Рози поблескивали золотом в тусклом свете. При виде Адриана она издала такой пронзительный радостный трубный звук, что мистер Филигри от неожиданности упал на спину, опрокинув банку с золотой краской.

— Привет, мистер Филигри, привет, Рози! — поздоровался Адриан.

— Дружище, — пропел мистер Филигри, беспомощно барахтаясь на спине. — Рад видеть, что вы снова на ногах. Будьте добры, помогите встать. При некоторых позах мне затруднительно встать без посторонней помощи.

Адриан крепко сжал пухлые пальцы мистера Филигри и потянул. Сопя и крича, тот поднялся на ноги.

— Ну как она вам? — спросил он Адриана. — Вы согласны, что такие копыта придают ей дополнительное обаяние?

— Несомненно, — ответил Адриан. — Я не видел ее такой элегантной с тех пор, как мы покинули Феннелтри-холл.

— Жаль, у нее нет бивней, — посетовал мистер Филигри. — У моих слонов у всех были бивни, и мы обычно украшали их брильянтами и рубинами — абсолютно безболезненная процедура. Вы бы видели это зрелище!

— Она и без бивней натворила бед, — заметил Адриан, поглаживая нежно обвивший его шею хобот. — Похоже, вы здорово поладили друг с другом.

— Да-да, — взволнованно пропел мистер Филигри. — У нас такая гармония. Нисколько не удивлюсь, если Рози — перевоплощение моего любимого слона Пу-Тиня. Будь у нас тигр, я бы точно смог это определить.

— Сдается мне, — сказал Адриан, — жизнь и без тигров достаточно сложна.

— Возможно, вы правы, — согласился мистер Филигри. — Но ведь всегда хочется связать концы с концами. Получилась бы блестящая страшица.

Сэмэнта уже рассказала Адриану, что мистер Филигри твердо верит в перевоплощения и помнит во всех подробностях, кем побывал в прошлом. Последние двадцать лет пишет труд о своих прежних воплощениях, уже сочинил сорок восемь томов, и когда подведет черту, неизвестно, потому что чуть ли не каждый день вспоминает какой-нибудь новый факт, требующий отдельной главы.

— Как было бы чудесно, — мечтательно произнес мистер Филигри, —

Д

получи мы засвидетельствованный документ, говорящий о том, что Роза на самом деле перевоплощение Пу-Тиня.

— Сомневаюсь, чтобы это было возможно, — заметил Адриан.

— Я тоже, — сказал мистер Филигри. — Но, дружище, какой же я эгоист, заставляю вас стоять и слушать, когда вам положено сидеть. Пошли лучше в дом, выпьем бренди.

И он зашагал обратно в трактир, оставляя золотистые следы.

— Сэмэнта! — звонко прокричал он, врываясь на кухню. — Я убежден, Роза — это Пу-Тинь сегодня.

Мистер Филигри замер, подняв вверх руки и ожидая, какой эффект произведут его слова на дочь.

— Замечательно, — улыбнулась Сэмэнта. — Теперь для окончательного доказательства тебе недостает только тигра.

— *То самое*, что я сказал Адриану, — удовлетворенно молвил мистер Филигри. — «Будь у нас тигр», — сказал я.

— А я ответил, — Адриан с облегчением опустился на стул, — что нам только тигра не хватает, достаточно того, что есть Роза.

Сэмэнта подошла, устремив на него испытующий взгляд своих зеленых глаз.

— Как вы себя чувствуете?

— Нормально. Вот только слабость еще не прошла.

Сэм положила ему на лоб прохладную ладонь, и Адриан, закрыв глаза, мысленно пожелал, чтобы она никогда ее не убирала.

— Отец, — решительно произнесла Сэмэнта, — он у тебя там чересчур перевознолуновался. Налей ему бренди.

— Как раз это я и собираюсь сделать, — с достоинством ответил мистер Филигри. — Верно, Адриан? Что я говорил только что: «Пошли в дом, выпьем бренди!»

— Ну так кончай болтать и наливай, — поторопила его Сэмэнта. — Ленч будет готов через минуту.

Мистер Филигри щедро налил в стаканчики бренди, вручил один Адриану и втиснулся в свое любимое кресло, добродушно улыбаясь.

— Знаете, — он посмотрел на Адриана, — напишу-ка я главу о Розе, точнее, о Розе как воплощении Пу-Тиня. Конечно, доказать, что это так, нельзя, но много ли научных фактов поддаются доказательству, коли на то пошло? Как говорится где-то в Писании: не счесть всего на земле и на небе, и что-то доказано, а что-то отнюдь нет.

— Да уж, — учтиво отозвался Адриан, — полагаю, вы правы.

— Но я-то точно знаю, — серьезно продолжал мистер Филигри. — Воз-

можно, глядя на меня, вы не поверите, но некогда, во времена Ричарда Третьего, я занимался изготовлением свечей, и была у меня кошка по имени Тавифа. Большая такая, игривая, похожая на ком снега. Однажды я нечаянно пролил ей на хвост горячий воск. Бедняга, как же она обиделась, еще бы. А когда шерсть вновь отросла, хвост был совершенно черный. Представляете себе — белая кошка с черным хвостом. Так вот, хотите верьте, хотите нет, но недавно, когда я ходил в деревню, ко мне подошел и стал листиться большущий кот, и у меня не было никакого сомнения, что это поплотнение Тавифы.

— В самом деле? — и впрямь заинтересовался Адриан.

— Ну да, большой такой серый красавец по имени Генри, как я потом узнал.

— Но если он был серый и его звали Генри?.. — озадаченно произнес Адриан.

— Ну, он просто успел поседеть. — Мистер Филигри небрежно взмахнул рукой: подумаешь, пустяки. — А что до имени, так люди чего только не придумают. Но это была точно моя Тавифа. Одно из самых примечательных доказательств, какие выпадали на мою долю. Она сразу меня узнала, вот что главное.

— И конечно, тот факт, что он в тот раз нес в сумке лосося и банку устриц, не играл совсем никакой роли! — сухо заметила Сэмэнта, раскладывая тушеное мясо по тарелкам и ставя их на длинный стол. — А теперь, ради бога, начинайте есть, пока не остыло.

Садясь за стол, Адриан вдруг ощутил, что страшно проголодался. Мясо пахло заманчиво, и в гуще многоцветного овощного гарнира он рассмотрел поблескивающие, будто жемчужины, маленькие клецки. Мистер Филигри продолжал фальцетом просвещать Адриана, каким образом можно совершенно точно опознать перевоплотившееся создание, и Адриан кивал и подкивал, уписывая за обе щеки вкуснейшее блюдо.

Когда последние остатки соуса были подтерты корками хлеба и все трое наслаждались чувством сытости, раздался стук в дверь.

Сэмэнта встала, подошла к окну и выглянула, отодвинув занавеску.

— Адриан, — сказала она, — живо наверх. Это полиция.

Адриан поднялся со стула, испуганно глядя на нее.

— Живей! — сверкнула она глазами. — И захватите свою тарелку.

Машинально схватив тарелку, он взбежал вверх по ступенькам и остановился, затаив дыхание, на лестничной площадке; сердце его бешено колотилось. Снова раздался стук дверного молотка, и Адриану в этом стуке почудилось сходство с тем, как заколачивают крышку гроба.

Д

— Иду, иду! — весело и беззаботно отозвалась Сэмэнта, вслед за тем он увидел, как открывается дверь, и поспешил отступить в тень, напряженно прислушиваясь.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

РАССТАВАНИЕ

— Доброе утро, мисс Филигри! — произнес задушевный низкий голос, когда Сэмэнта отворила дверь.

— Слушаю вас, — отозвалась она.

— Сержант Хичбрискет, молширская полиция. Могу я войти и поговорить с вами?

— Конечно, — бодро ответила Сэмэнта. — Мы только что перекусили, но, может быть, вы не откажетесь от чашки чая?

— Вы очень любезны, мисс, — сказал сержант Хичбрискет, входя на кухню.

У него было костистое, похожее на хорька лицо и разделенные посередине прямым пробором густые черные волосы. Филигри по-прежнему сидел за столом и следил, открыв рот, за стремительным ходом событий.

— Доброе утро, сэр, — поздоровался полицейский, — прекрасный день для этого времени года, правда?

— Чудесный, — широко улыбнулся мистер Филигри.

— Садитесь, сержант, — Сэмэнта поставила перед ним чашку с чаем. — И рассказывайте, чем мы можем быть вам полезны.

Сержант расстегнул нагрудный карман и извлек из него большую потрепанную записную книжку и карандаш. Облизнул кончик карандаша, затем облизнул большой палец и полистал записную книжку, бормоча что-то про себя для освежения памяти.

— Так вот, мисс, — молвил он наконец. — У нас объявлен срочный розыск одного преступника, и мне подумалось, что вы сумеете помочь нам в наших поисках.

— Сомневаюсь, — мягко произнесла Сэмэнта. — Среди наших знакомых не так уж много преступников.

— Я хотел сказать, — сержант Хичбрискет смущенно порозовел, — вы могли бы сообщить нам сведения, способствующие его задержанию.

— Как же, как же, — Сэмэнта ласково улыбнулась сержанту. — Мы

нигда готовы помочь полиции. Отец, ты не мог бы отнести грязные тарелки в судомойню, пока я тут переговорю с сержантом?

— Конечно, дорогая, — пропел мистер Филигри, выполняя ее распоряжение.

— Мой отец, — Сэмэнта понизила голос, — чрезвычайно впечатлительный человек, мне не хочется его волновать.

— Да-да, конечно, мисс, — сказал сержант Хичбрискет. — По правде говоря, я ведь именно из-за него пришел сюда.

— О, — тихо молвила Сэмэнта, — а в чем дело? Что он такое натворил?

— Ничего, ровным счетом ничего, — поспешил ответить сержант. — Дело не в том, что он сделал, а в том, что говорил.

— Простите, я чего-то не понимаю, — произнесла Сэмэнта, прищутив глаза в знак размышления.

— Понимаете, мисс, дело в следующем. Этот преступник, назовем его пока мистер Икс, рассказывает по округе вместе со слоном.

— Слоном? — Сэмэнта сделала большие глаза.

— Ну да, со слоном. — Сержант снова сверился с записной книжкой. — Его разыскивают за нападение и избиение охотников из Монкспепера, а также за нападение и погром, учиненные в поместье лорда Фенелтри.

— Боже мой! — воскликнула Сэмэнта. — Что же подвигло его на такие действия?

— Вот именно! — мрачно отозвался сержант Хичбрискет. — Психология преступника — дело темное, крайне темное. Все дороги, где его видели в последний раз, направляются в наш район, понимаете, а сегодня утром наш отец, когда приходил в деревню, разговаривал с Биллом Планжмаскетом, который держит птицеферму, и упомянул, в частности, что у него появился слон. И поскольку сомнительно, мисс, чтобы в нашей округе могло появиться сразу несколько слонов, я решил зайти к вам узнать, в чем дело.

Хотя сердце Сэмэнты оборвалось, она сумела изобразить на лице удивление.

— Мой отец?... — воскликнула она. — Сказал, что у него появился слон?

— Вот именно, — бесстрастно подтвердил сержант Хичбрискет. — Во всяком случае, так он сказал Биллу Планжмаскету.

Сэмэнта нахмурилась.

— Не представляю, что это взбрело ему в голову...

Внезапно лицо ее прояснилось.

— А, ну да, — сказала она, — понятно.

Д

Она постаралась изобразить веселый смешок, вскочила на ноги и подошла к судомойне.

— Папа, — позвала Сэмэнта, — выйди сюда, пожалуйста, на минутку.

Адриана, который слушал этот разговор, стоя наверху, чуть удар не хватил. Он так обрадовался, когда Сэмэнта отправила мистера Филигри в судомойню... И вот теперь зовет его обратно — верх безрассудства! Мистер Филигри возник на пороге таким пухлым улыбающимся херувимом.

— Папа, — сказала Сэмэнта, — ты знаешь, сержант Хичбрискет страшно интересуется слонами.

— В самом деле? — взволнованно пропел мистер Филигри. — Дружище, как же приятно видеть родственную душу. Я безумно увлекаюсь ими. Как звать вашего слона?

— Вообще-то у меня лично нет слона, — ответил сержант Хичбрискет. — Понимаете, сэр, дело в том...

— Бедняга, — перебил его мистер Филигри. — Подумать только — увлекаться слонами и не иметь ни одного. У меня их было больше ста.

— Больше ста? — чуть слышно повторил сержант Хичбрискет.

— Заверяю вас, — мистер Филигри взмахнул пухлой рукой, — у меня был сто один слон, и самый лучший из них — Пу-Тинь. Дружище, видели бы вы, как он расправился с тигром. Любо-дорого было смотреть.

— О, конечно, сэр, не сомневаюсь, — сержант Хичбрискет прокашлялся. — Скажите, а когда именно у вас были эти слоны?

— Дайте подумать. — Лицо мистера Филигри изобразило величайшую сосредоточенность. — Кажется, это было в тысяча четыреста семидесятом году.

— Тысяча четыреста семидесятом? — прохрипел сержант Хичбрискет, держа наготове свой карандаш.

— Или же это было в тысяча четыреста семьдесят первом году, — задумчиво произнес мистер Филигри. — Я не совсем уверен.

— Это было одно из прежних воплощений моего отца, — мягко сказала Сэмэнта.

— О! — молвил сержант Хичбрискет. — Как вы сказали — воплощений?

— Ну да, — серьезно отозвался мистер Филигри. — Я тогда был в Нагарапуре. Удивительно интересная была пора, заверяю вас. Не говоря уже о слонах и охоте на тигров, каждый год меня взвешивали, употребляя вместо гирь золото и драгоценные камни. Дивная пора!

Сержант Хичбрискет сложил записную книжку и вернул ее в карман вместе с карандашом.

— Чрезвычайно интересно, сэр, — заключил он, вставая. — Чрезвычайно. Однако не стану вас больше беспокоить.

— Не сомневайтесь, — сказала Сэмэнта, — если мы вдруг что-то узнаем, сразу же вам сообщим.

— Спасибо, мисс, — произнес сержант, внимательно глядя на нее.

— Не за что, — приветливо ответила она. — Кто же откажется помогать полиции.

— Что ж, сэр, всего доброго. Всего доброго, мисс, — с этими словами сержант Хичбрискет протопал на улицу.

Сэмэнта поспешила закрыть за ним дверь и прислонилась к косяку с облегченным вздохом.

— Это было в тысяча четыреста семьдесят первом, — сказал мистер Филигри. — Точно, я вспомнил. Позови его обратно.

— Не стоит, — возразила Сэмэнта. — Он и так узнал все, что ему требовалось. Но, право же, папа, тебе не стоит ходить в деревню и рассказывать всякие байки.

— Это не байки, — обиделся мистер Филигри.

— Я-то знаю, что не байки, но люди в деревне не верят в перевоплощения так, как ты веришь, им все это кажется довольно странным. А теперь пообещай, что ты больше не будешь рассказывать им про слонов и все такое прочее.

— Хорошо, родная, — вздохнул мистер Филигри. — Наверное, ты права.

— Конечно, права, — сказала Сэмэнта. — Ты только неприятности наживешь.

Она подошла к лестнице и поглядела наверх.

— Можете спускаться, Адриан. Он ушел.

Адриан зашагал вниз по ступенькам, вытирая платком мокрый лоб.

— Вы удивительно все это проделали. Я там никак не мог дожждаться, когда же кончится этот разговор.

— Лучше скажите спасибо отцу, — сухо заметила Сэмэнта. — Нам повезло, что в одном из своих воплощений он очутился в Индии.

— Но послушайте, я ведь был прав. Что я сказал утром — мое присутствие здесь опасно для вас, а теперь вы еще наговорили сержанту разные небылицы.

— Ерунда, — возразила Сэмэнта. — Никто не узнает, что вы здесь.

— Рано или поздно все равно проведает. И вы тогда влипнете не хуже меня, а мне этого совсем не хочется.

— Ну вот что, — сказала Сэмэнта. — Бросьте говорить глупости. Вы

Д

недостаточно оправились, чтобы трогаться в путь, и вам еще месяц носить гипс. Так что сидите здесь и не высовывайте носу, пока не заживет рука.

— Обещаете отпустить меня, как только я почувствую себя лучше?

Зеленые глаза Сэмэнты как-то странно посмотрели на него.

— Когда почувствуете себя лучше, — ответила она, — и если тогда захотите идти дальше, я не стану вас задерживать.

— Дело не в том — захочу или не захочу идти дальше, — вымолвил Адриан, — а в том, что мне не хотелось бы навлекать неприятности на вас и вашего отца.

— Ладно, посмотрим, — сказала Сэмэнта. — И раз уж вы такой заботливый, помогите вымыть посуду.

Следующие две недели были для Адриана сплошным кошмаром. Каждый раз, когда мистер Филигри за чем-нибудь отправлялся в деревню, он ожидал, что толстяк вернется в сопровождении отзывчивых полицейских, которым пообещал показать Розу. В бессонные ночи ему представлялось, как Сэмэнту, арестованную за соучастие и укрывательство, бросают в тюрьму и держат в сырой темной камере, пока ее медные волосы не становятся седыми, и она умирает в заточении. Его не волновал тот факт, что из всех троих именно ему, скорее всего, грозит суровый приговор. Тревога за Сэмэнту заставляла его просыпаться в холодном поту. Ибо Адриан страстно и безнадежно влюбился. Что, разумеется, прибавило мучений его истерзанной душе. Ведь даже наберись он смелости признаться ей в любви, разве вправе преступник (скрывающийся от поимки вместе с опасным слоном) просить руки такой девушки, как Сэмэнта...

В конце концов он не выдержал. Спустившись рано утром на кухню, приготовился все выложить Сэмэнте, которая готовила завтрак.

— Доброе утро, — улыбнулась она, и волосы ее отливали медью, словно новенький пенни. — Сейчас все будет готово.

— Сэмэнта, мне нужно поговорить с вами, — твердо произнес Адриан.

Она обратила на него вопрошающий взгляд больших зеленых глаз с золотыми искорками. Адриан глотнул, чувствуя, как решимость покидает его. Разве может он расстаться с такой прекрасной и желанной девушкой?..

— Послушайте, — повторил он, — нам нужно поговорить.

— Боже мой, — насмешливо отозвалась Сэмэнта. — Что это мы такие серьезные сегодня?

— Я решил, — начал Адриан, надеясь, что голос его звучит мужественно и твердо, — решил уходить сегодня вечером.

Глаза Сэмэнты округлились.

— Сегодня? Что ж, вам лучше знать.

И она перевела взгляд на сковороду, где желтели, словно маленькие солныща, поджаривающиеся яйца.

— Не потому, чтобы мне так хотелось уходить, — с отчаянием произнес Адриан, — но чем дольше я задерживаюсь, тем больше опасность, что меня обнаружат. Вы же понимаете.

— Любезнейший, — холодно сказала Сэмента, не оборачиваясь, — я тут совершенно ни при чем.

— Понимаете, — пролепетал Адриан, — мне нужно как-то избавиться от Розы. Тогда никто не сможет связать меня с нападением на охотников, с исчезновением в Феннелтри-холле и так далее, а избавиться от Розы я смогу только после того, как спущусь в приморье.

— Вы когда-нибудь слышали о домашних духах? — спросила Сэмента.

— Домашних духах? Нет. А что это такое?

— В старину у колдуний были домашние духи. Такие создания, которые всюду следовали за ними, иногда выполняя за них грязную работу. Кошки там или еще какие-нибудь твари. Так вот, мне кажется, Розы — наш домашний дух. Колдуньи умели сделать так, что человеку, который им почему-то не нравился, чудилось, будто его неотступно преследует то ли черная собака, то ли мартышка, то ли еще кто-нибудь.

— Ух ты, — сказал Адриан. — Как интересно.

— Кончалось тем, что человек сходил с ума, — весело продолжала Сэмента. — Вот почему я думаю, что Розы — ваш домашний дух. Должно быть, ваш дядюшка на досуге занимался колдовством.

— Во всяком случае, от этого духа я должен избавиться, — твердо молвил Адриан.

Сэмента отбросила в сторону ложку и повернулась лицом к нему. Ее глаза, казалось, стали еще больше и зеленее, чем обычно, полыхая золотистыми искрами.

— Вы, — она порозовела от гнева, — вы отвратительны.

— Но... но... что я такого сделал? — пролепетал Адриан, испуганный столь необычной вспышкой ярости.

— Розы оставил вам в наследство ваш дядюшка?

— Да.

— И оставил вам деньги, чтобы вы заботились о ней?

— Да.

— Этот дядюшка был последний из ваших здравствующих родственников?

— Да.

— В таком случае Розы, строго говоря, ваша родня, и у вас нет ника-

Д

кого права продавать ее кому-либо, словно сейф, часы или что-нибудь в этом роде. Вы отвратительны.

Адриан замер, таращась с открытым ртом на Сэмэнту.

— Ладно, — продолжала она, снимая передник и швыряя его на стул, — поступайте так, как считаете правильным. Если, по-вашему, правильно продавать родственника в рабство, то для меня чем скорее вы уберетесь отсюда, тем лучше.

С этими словами Сэмэнта бегом пересекла всю кухню, стремительно поднялась вверх по лестнице, и Адриан услышал, как хлопнула дверь ее спальни. Он все еще стоял, точно оглушенный, когда ощутил вдруг запах горячей яичницы, и поспешил, обжигая пальцы, снять с огня сковороду.

Появился мистер Филигри, с наслаждением вдыхая едкий аромат горелого.

— Ага, — он причмокнул губами, — завтрак...

— Боюсь, придется вам готовить самому, — сухо заметил Адриан. — Сэмэнта заперлась в спальне.

— Ну и ладно, — философически произнес мистер Филигри. — Случается, дружище, случается.

— Что случается? — рявкнул Адриан.

— Всякое, — мистер Филигри повел рукой в воздухе. — Обиды, споры, гнев, вспышки раздражения. Разные несуразицы.

— Конечно, — сказал Адриан. — Во всяком случае, я не намерен терпеть несуразицы. Все, ухажу.

— Знаете, — молвил мистер Филигри, глядя на сковородку, — кажется, эти яйца подгорели.

— Точно, — отозвался Адриан. — И виновата в этом ваша дочь.

— Не сомневаюсь, — заметил мистер Филигри, потом добавил, указывая толстым пальцем: — Однако тут одно, похоже, избежало сожжения. Разделим?..

— Нет, — ответил Адриан. — Я пошел собираться.

Укладываться одной рукой оказалось труднее, чем он ожидал, все же Адриан кое-как скомкал свои вещи. Он все еще кипел от ярости после вспышки Сэмэнты, которая показалась ему просто-таки неприличной. Как-никак ведь это ради нее он желал избавиться от Розы, правильно? Им руководила забота о ней, а она расшумелась так, будто он какой-то садист. Ладно, он ей покажет...

К великой досаде Адриана, выяснилось, что одной рукой запрячь Розы в двуколку невозможно, пришлось обратиться за помощью к мистеру Филигри.

— Знаете, дружище, — сказал мистер Филигри, затягивая ремень, об-

нимающий тучную фигуру Розы, — я что-то засомневался: мудро ли вы поступаете?

— Ох, только не начинайте теперь вы, — ответил Адриан. — Хватит с меня Сэмэнты.

— Нет, я просто подумал, — виновато произнес мистер Филигри. — Ни в коем случае не желаю вмешиваться в чужие дела, но мне показалось, что вам будет трудноато запрягать и распрягать Розы.

— Попрошу кого-нибудь помочь.

Когда приготовления были закончены, Адриан на минуту застыл в нерешительности. Мистер Филигри тревожно смотрел на него круглыми голубыми глазами.

— Ладно, — изображая шутливый тон, произнес Адриан, — поехали.

— Разве вы... гм... разве не хотите попрощаться с Сэмэнтой? — спросил мистер Филигри тоненьким голоском.

Меньше всего на свете Адриан сейчас хотел бы видеть Сэмэнту, но толстяк смотрел на него так жалобно, будто младенец, просящий дать бутылочку, что ему не хватило духу отказать. Он вошел обратно в трактир «Единорог и Лира» и протопал вверх по лестнице. Остановившись перед дверью Сэмэнты, прокашлялся.

— Сэмэнта, — твердо сказал он, — Сэмэнта, это я, Адриан.

— Да уж точно не Розы, — ответил голос Сэмэнты из-за двери.

— Я ухожу, — Адриан взмахнул рукой, как бы показывая, какой долгий путь намеревается пройти за этот день. — Пришел проститься.

— Прощай, — мягко произнесла Сэмэнта.

— И большое спасибо за все, что вы для меня сделали.

— Не за что. Каждый раз, когда вас где-то поблизости переедет поезд, заходите, не стесняйтесь.

— Ага... Ну ладно, я пошел, — сказал Адриан.

Тишина.

— Я почему решил выйти пораньше, — крикнул он, — нам предстоит долгий путь.

— Может быть, перестанете орать так через дверь, — ответила Сэмэнта.

— Ладно, ухожу.

— Валяйте, — отозвалась Сэмэнта медоточивым голосом. — Поспешите, не то опоздаете на невольничий рынок.

Возмущенный до глубины души несправедливым намеком, Адриан скатился вниз по лестнице и прошагал на конюшню.

— Ну что ж, мистер Филигри, всего доброго, — сказал он. — Право, я

Д

чрезвычайно благодарен за все, что вы сделали для меня. Надеюсь, мы еще когда-нибудь увидимся.

— Непременно, — серьезно молвил мистер Филигри. — Неизбежно встретимся, дружище. Главное, нужен какой-то условный знак. Представьте, что я окажусь жуком, а вы — премьер-министром. Как мы узнаем друг друга без пароля? Ползу это я по какому-нибудь важному государственному документу, а вы возьмете да нечаянно раздавите меня. А потому условимся: если мы встретимся в какой-нибудь последующей жизни, я скажу: «Помните «Единорога и Лиру»?» — а вы должны ответить: «Конечно, помню».

Адриана подмывало заметить, что в облике ползущего по документу жука мистеру Филигри будет затруднительно произнести «Помните «Единорога и Лиру»?», однако он побоялся, что прощание может затянуться, а потому ограничился кивком, взялся рукой за теплое ухо Розы и потянул ее вперед.

Отмерив сотню шагов, он остановился и поглядел назад. «Единорог и Лира» с его камышовой кровлей напоминал черно-белую черепаху в золотистом панцире. Кажется, что-то мелькнуло в окне Сэмэнты, но он не был уверен. Вдохнув, снова потянул Розы за ухо, и они зашагали дальше.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Следующие семь дней показались Адриану самыми тяжелыми в его жизни. К необходимости прятаться днем и передвигаться ночью добавлялись чудовищные трудности работы с упряжью. А еще он ужасно скучал по Сэмэнте и каждые десять минут корил себя за то, что покинул «Единорога и Лиру».

В конце концов он так устал от гипса, что, привязав Розы в лесу и оставив ей добрый запас корма, направился в ближайший город. Здесь ему рассказали, где найти врача.

— Четвертая неделя на исходе, — объяснил Адриан. — А врач, который наложил мне гипс, сказал, что его можно снимать через месяц.

— Что ж, — сказал врач, — вам решать. Могу снять, если хотите, но постарайтесь не слишком нагружать руку.

С этими словами он снял гипс, и Адриан почувствовал себя так, словно освободился от тяжкого бремени. Рука плохо слушалась, и при каждом

движении он чувствовал боль, но было очевидно, что она срослась. Адриан поспешил обратно в лес, и вечером они с Рози снова тронулись в путь к закату, красочному, как павлиний хвост.

На рассвете они ступили на тропу, которая пересекала мыс, покрытый ковром цветущей армерии. Тропа привела их на самый край крутой скалы, и внизу Адриан увидел шепчущееся с галькой, переливающееся в лучах утреннего солнца море. Не самое подходящее место, чтобы спрятать Рози, ибо на много километров вокруг не было ни единого дерева, но у Адриана стало легче на душе при мысли о том, что он как-никак ушел достаточно далеко от Феннелтри-холла и «Единорога и Лиры» и здесь им нечего опасаться. Простершись на мягких кустах, он дремотно размышлял, как действовать дальше. Очевидно, следуя этим путем, он придет в какой-нибудь приморский город, где найдет либо цирк, либо еще какое-нибудь заведение, где согласятся принять Рози с ее наследством... Уже совсем погружаясь в благодатный сон, Адриан вдруг услышал, как чей-то пронзительный голос крикнул: «Эгей!» Вскочив на ноги как ошпаренный, он испуганно оглинулся и увидел, как через ковер армерии, приветственно размахивая руками и тяжело дыша, к нему трусит Черная Нелл.

— Эгей! — прокричала она, улыбаясь. — Привет.

— Привет, — удивленно отозвался Адриан. — А вы что тут делаете?

— Минутку, дай отдышаться. — Она села, с минуту энергично обмахивалась веером, потом укоризненно заметила: — Не больно-то хорошо вы прячете Рози. Мой фургон стоит тут неподалеку, и я отчетливо увидела силуэт слониhi на фоне неба. Сперва приняла ее за большой камень, но тут она шевельнулась.

— Я думал, здесь нам нечего опасаться, — произнес Адриан, тревожно озираясь.

— Куда держите путь? — осведомилась Черная Нелл.

— Да еще толком не решил, — ответил Адриан. — Думал идти дальше вдоль мыса, пока не встретится какой-нибудь город, а там посмотреть, может быть, найдется цирк или что-нибудь в этом роде, куда можно пристроить Рози.

— Гм-м... — Черная Нелл достала из кармана трубку и закурила. — Вам знакомы здешние места?

— Нет, — ответил Адриан.

— Тогда, если хотите послушать мой совет, шагайте вон туда, — она указала мундштуком. — Придете в Сплошпорт-он-Солент. Довольно симпатичный городишко, оттуда паром доставит вас на остров Скэллоп.

— С какой стати я должен ехать на какой-то остров? — спросил Адриан. — И вообще, вы уверены, что Рози пустят на паром?

Д

— Помолчите и послушайте меня. Этот остров — популярное место отдыха, понятно? Там полно всяких увеселительных заведений, ярмарки и все такое прочее. Если и может где-то в этом районе быть цирк, то именно там. Единственная возможность для вас избавиться от Розы. А что до паромов, то как, по-вашему, на остров переправляются цирки?

— Ну да, — смиренно молвил Адриан, — я об этом не подумал.

— Итак, — продолжала Черная Нелл, — если не станете мешкать, придете в Сплошпорт как раз к вечернему парому. А на острове отыщите одного моего друга, Этельберта Клипа.

— *Этельберта Клипа*? Этельберта Клипа? — недоверчиво повторил Адриан.

— Он не виноват, что его так называли, — резко заметила Черная Нелл. — Если на то пошло, то и фамилия Руквисл кому-то может показаться странной.

— Правда, — согласился Адриан. — Хорошо, отыщу я вашего друга, а что потом?

— Расскажите, что с вами приключилось, скажите, что я прислала вас, и поступайте так, как он вам скажет.

— Огромное спасибо.

— Кстати, как вас приняли в «Единороге и Лире»? — спросила Черная Нелл с хитринкой в глазах.

— Замечательно, — Адриан порозовел. — Чудеснейшие люди.

— Особенно Сэмэнта, а? Или она показалась вам вертихвосткой?

— Вертихвосткой? — гневно произнес Адриан. — Вертихвосткой? Сэмэнта? Да вы что, она... она... она...

— Все в порядке, — Черная Нелл успокоительно выдохнула большой клуб табачного дыма, — я понимаю, что вы подразумеваете, но послушайте, вам лучше поспешить, если хотите успеть на паром.

С этими словами она ласково погладила хобот Розы и улыбнулась Адриану.

— До свидания. Передайте от меня нежный привет Этельберту, — сказала Черная Нелл и засновала по зеленым кустикам, словно торопливый черный крот.

Адриан живо запряг Розы в двуколку и двинулся по тропе через холмы. Вскоре тропа спустилась по склону и сменилась хорошей дорогой с домами по бокам. Чем дальше, тем чаще стояли дома, и наконец улица привела их в центр Сплошпорт-он-Солента. Адриану сразу бросилась в глаза разница между Сплошпортом и его родным городом. Здесь люди и кони за много лет привыкли к тому, что время от времени по улицам движутся странные процессии диких животных. Никто даже не оглянулся на Адриана и Ро-

ли, и запряженные в различные экипажи лошади невозмутимо цокали копытами по булыжнику.

Останавливаясь по пути, чтобы справиться у прохожих, верно ли они идут, Адриан в конце концов очутился вместе с Розой в гавани и увидел широкую покачивающийся на воде у пристани паром «Сплошпорт Куин». Волны ласково шлепали плиты больших колес, и столб черного дыма над желтой зеленой трубой говорил о том, что пароход вот-вот отчалит. Люди поспешно избегали вверх по сходням и рассыпались по палубам. Привязав Розу к фонарному столбу, Адриан протиснулся через толпу к восседавшему на кнехте человеку, который с отсутствующим видом уныло жевал табак, напоминая престарелую корову.

— Вы не могли бы мне помочь? — спросил Адриан. — Мне нужно поспешить на паром, и со мной слон и двуколка. К кому мне следует обратиться?

Челюсти моряка перестали двигаться, и он надолго задумался.

— Только не ко мне, — молвил он наконец.

— Понимаю, — сказал Адриан. — Но я надеялся, что вы посоветуете к кому именно?

Челюсти моряка снова заработали, потом сделали паузу.

— Слоны, — хрипло возвестил он, — багаж.

— Ну и?

— Багажом занимаются капитан или старший помощник, — сообщил моряк и, утомленный общением с внешним миром, окончательно погрузился в транс.

Адриан поднялся по сходням на палубу «Сплошпорт Куин». Проталкиваясь через полчища возбужденных детишек, каждый из которых был вооружен острейшими лопаточками и ведерками, нашел наконец трап, ведущий на мостик. Избегая по ступенькам вверх, он сбил человека, спускавшегося вниз. Извиняясь, помог тому встать на ноги и не без замешательства установил, что то был капитан «Сплошпорт Куин», коротыш с овальной фигурой, совершенно пропадающей за обилием золотого шитья на форме, и с окладистой седой бородой. По распирающей его энергии капитан напоминался на сравнение с ульем разгневанных пчел. Отряхнувшись от пыли, он медленно смерил Адриана взглядом, в котором угадывался людской интерес.

— Если это неудавшаяся попытка бунта на корабле, — мягко произнес капитан, — у вас, видимо, были какие-то причины, молодой человек. Однако хотел бы заметить вам, что сбивать человека с ног и топтать его каблуками — не лучший способ заложить основу прочной горячей дружбы.

— Ради бога, извините, — пролепетал Адриан. — Но мне казалось,

Д

что паром вот-вот отходит, и я спешил. Понимаете, у меня есть слон и двухколлка, которых я хотел бы перевезти на вашем корабле, если можно.

Капитан стряхнул с рукава еще одну пылинку и снова посмотрел на Адриана.

— Похоже, — заметил он, слегка вздохнув, — мне следует благодарить судьбу за то, что вы не послали за мной вашего слона. Где этот зверь?

— Там внизу, на пристани.

— Пять гиней, — сказал капитан.

— Отлично, — отозвался Адриан. — Лишь бы нас взяли.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ВЫСАДКА

Короткое плавание на «Сплошпорт Куин», к удивлению Адриана, доставило ему большое удовольствие. Рози была надежно пришвартована к массивному стальному кнехту, так что от нее он не ждал никаких неприятностей. Спустившись в салон, он взял им по кружке пива, несколько булочек для Рози и бутерброды для себя, после чего, прислонясь к поручням, любовался закатом, дивясь тому, как солнечные лучи будто приглаживают волны, придавая им сходство с разложенными на прилавке магазина рулонами шелка.

Рози восприняла новое испытание с обычной для нее невозмутимостью. Первые несколько минут она с большим интересом созерцала море; должно быть, подумал Адриан, при виде такого обилия влаги решила, что есть случай основательно напиться. Однако, убедившись, что с палубы туда не дотянуться, Рози оставила радужные мечты и стала покачиваться с полужакрытыми глазами.

Было уже темно, когда они подошли к острову Скэллоп, и, сойдя на берег, Рози и Адриан зашагали по узким мощеным улочкам, время от времени обращаясь за справками к прохожим. Так они вышли за город и там в окружении песчаных дюн увидели, словно причудливое нагромождение обломков, маленький дом, сооруженный из выброшенного волнами на берег высохшего плавника. В окнах лучился свет, и сквозь вздохи моря до Адриана доносились заунывные звуки тубы. Какой-то неопытный музыкант пытался, без особого успеха, воспроизвести мелодию «Моя любовь — прекрасная, красная, красная роза». Кругом на дюнах не было видно боль-

ние никаких построек, и Адриан заключил, что перед ним обитель Этельберта Клипа. Протопав вместе с Рози по шуршащему песку до двери, он постучался. Туба издала неблагозвучное мычание и замолчала. Затем послышались чьи-то шаги.

— Никакого уважения к искусству! — крикнул голос за дверью. — Вражья сила, стучать и шуметь, когда я репетирую! Кто там? *Кто там?*

Адриан прокашлялся.

— Я, Адриан Руквисл! — прокричал он.

— Вы сказали — Адриан? — спросил голос. — Стало быть, *мужчина?*

— Ну да, — озадаченно подтвердил Адриан.

Дверь распахнулась, и он увидел маленького, хрупкого, как воробышек, человечка в толстом, длинном, почти до колен, джемпере горчичного цвета с огромными золотыми тисненными пуговицами, серебристо-серых изльветовых брюках и диговинных черно-белых ботинках. Пышная, соломенного цвета шевелюра человечка напоминала потрепанную ветром копну сена, в ушах висели перламутровые серьги невиданной величины. На тонком бледном лице выделялись подвижные, как у бабочки, темные хитрые глаза. Прислонившись с вызывающим видом к косяку, этот странный маленький индивидуум уставился на Адриана.

— Дружище, — произнес он наконец, — как *вы* назвались?

— Адриан, Адриан Руквисл. Меня направила к вам Черная Нелл.

— Душка Черная Нелл! Эта женщина понимает, что нужно мужчине. На редкость заботливое создание.

— Вы ведь Этельберт Клип, верно?

— Он самый, — ирииво молвил Клип. — Друзья зовут меня Этель. Да не стойте вы там на самом холоде. Входите, входите.

— Тут со мной Рози, — сказал Адриан.

— Рози? Уж не хотите ли вы сказать, что вам достало дурного вкуса привести с собой *женщину?*

— Нет-нет, — Адриан указал рукой. — Вот она, Рози.

Этельберт Клип выглянул из двери наружу, и неизменно вежливая Рози, подняв вверх хобот, издала фальцетный трубный звук. На что Этельберт Клип немедленно откликнулся почти таким же по тональности удивленным возгласом и отступил в прихожую.

— Что это? — шепотом спросил он Адриана.

— Это Рози. Моя слониха.

Этельберт Клип прижал к груди униженные кольцами тонкие пальцы, точно боясь сердечного приступа.

— Это — *мне*, дружище? Если так, то, хотя я потрясен вашим великодушием, вынужден, увы, отказаться от столь *щедрого* дара.

Д

— Нет-нет. Позвольте только мне войти, и я все объясню, — сказал Адриан.

Стреножив Рози, он вошел в обитель Клипа.

Дом состоял из одной большой комнаты. В дальнем ее конце лестница вела на полати, где за осмотрительно задернутыми ситцевыми занавесками помещалась спальня Этельберта. В комнате было множество украшенных салфеточками кресел и шатких столиков, где под стеклянными колпаками стояли потертые птичьи чучела и прочие дорогие сердцу Этельберта Клипа вещицы, так что казалось невозможным сделать лишний шаг без риска что-нибудь опрокинуть. Видимо, хозяин за годы развил в себе качества вроде тех, что присущи летучим мышам. Непринужденно огибая свои безделушки, он порхнул к дивану, сел и похлопал рукой по подушке рядом с собой.

— Сюда, дружище, садитесь и рассказывайте, — пригласил он.

Осторожно пробравшись сквозь лес финтифлюшек, Адриан опустил в кресло на почтительном расстоянии от Этельберта Клипа.

— Так вот, — начал он, — дело в том...

— Э, погодите, — Клип поднял вверх длинный указательный палец. — Сперва следует подкрепиться.

Он скрылся за японской ширмой с огромными драконами, страдающими, по видимости, болезнью щитовидной железы, и тут же появился вновь, держа в руках графин и два бокала. Наполнив бокал для Адриана, вручил ему и погладил его по щеке.

— Итак, — сказал он, садясь на диван.

Адриан понюхал напиток. Вроде бы неопасный...

— Собственная настойка, дружище, — сообщил Этельберт Клип. — Каждый год собираю бузину на мысу. *Потрясающе* питательная. Ну давай, рассказывайте. Уверен, увлекательнейшая история.

Адриан поведал ему о своих приключениях, и лучшего слушателя нельзя было пожелать. Глаза Этельберта Клипа становились все круглее, и время от времени он нервно хихикал, точно школьница, совершенно забыв о бокале, который держал в руке.

— Дружище, — сказал он, когда Адриан закончил повествование, — *восхитительная* история.

— Возможно, — горько произнес Адриан, — для того, кто слушает, но только не для того, кто это пережил. Как бы то ни было, Черная Нелл велела мне рассказать все вам и положиться на ваш совет.

— *И не только* по этому поводу, надеюсь, — лукаво заметил Клип. — Однако дайте подумать, дайте подумать.

Он выпил настойку, извлек откуда-то из-под джемпера узорчатый вя-

линый колпак с длинной шелковой кисточкой, натянул его на свою шею и откинулся на спинку дивана, закрыв глаза.

— Понимаете... — начал было Адриан.

— Тс-с-с, — остановил его Клип, не открывая глаз.

Минут пять Адриан сидел, потягивая настойку и глядя на Клипа, словно погрузившегося в транс. Уж не ошиблась ли Черная Нелл, направляя его к этому необычному человечку?.. Как бы к прежним бедам не добавились новые...

— Есть! — внезапно воскликнул Клип, снимая с головы колпак и засовывая его обратно за пазуху. — Там, в городе, дружище, есть театр. Весьма шикарное заведение, по правде говоря. Понимаете, у нас тут образуется, можно сказать, настоящий *курорт*.

Почему-то Этельберта Клипа передернуло от этой мысли, и он налил себе еще настойки, прежде чем продолжать.

— Поверьте, дружище, становится просто невыносимо смотреть на все эти отвратительные краснорожие ватаги, которые устраивают набеги на Скарлоп.

— Понимаю, — сказал Адриан, — а что вы там говорили про театр?

— Так вот, его совсем недавно построил некий Эммануил С. Клеттеркап, тупой мерзкий тип, который большую часть жизни занимался тем, что мучил простых людей, а теперь вот решил, что пришло время насаждать культуру среди своих незадачливых жертв. Естественно, с выгодой для себя.

Он глотнул вина и посмотрел, улыбаясь, на Адриана.

— Но какое отношение все это имеет ко мне? — спросил Адриан.

— Не спешите. Возможно, вы подумали, что почтеннейший Клеттеркап, потратившись на строительство театра, дабы сеять разумное, доброе, вечное, изберет для первого приношения на алтарь культуры нечто такое, в чем посчитал бы честью проявить свой дар профессиональный трагик вроде меня? Например, «Отелло» — я бесподобен в роли Дездемоны.

— Охотно верю, — сказал Адриан.

— Или «Ромео и Джульетта». Все говорили, что Джульетта — одна из моих лучших ролей. К тому же труппа сэкономила на этом немало денег, поскольку при моем незначительном весе отпадала надобность укреплять билкон. Но этот пошляк Клеттеркап задумал открыть сезон — только подумай! — спектаклем «Али-Баба и сорок разбойников».

— А что, — заметил Адриан, — для отдыхающих на курорте лучшего начала сезона не придумаешь. Веселое, яркое представление...

— Милейший и дражайший Адриан, — Клип зажмурился, как от боли, — можно, я перейду на «ты»? Культура и увеселения — отнюдь не синонимы, между ними огромная разница.

Д

— Боюсь, я не очень-то разбираюсь в этих вещах, — ответил Адриан. — Просто я подумал, что такой спектакль может понравиться детям. И я все еще не понимаю: что это даст мне?

— Пойми, этот кретин Клеттеркап — такой же альтруист, как стая стервятников. Теперь представь себе, что ты уговоришь его использовать в спектакле Розы и она будет пользоваться успехом. Если ты после этого предложишь ему свои пятьсот фунтов — или то, что от них осталось, — уверен, он охотно избавит тебя от слониhi.

— В самом деле! — обрадовался Адриан. — Отличная идея.

— Других здесь не бывает, дружище, — заверил его Клип. — А теперь предлагаю тебе переночевать у меня, а завтра я отведу тебя к Клеттеркапу.

— Чудесно, — отозвался Адриан. — Огромное вам спасибо.

— Я сам, — Этельберт смущенно порозовел, — участвую в этом спектакле. Не скажу, чтобы я гордился своей ролью, но, дружище, надо же как-то жить.

Адриан и Этельберт отвели Розы в пристройку, где готовилась настойка Клипа, но сперва, разумеется, оттуда было удалено все, содержащее хоть каплю алкоголя.

Вернувшись в дом, Этельберт отдернул занавески на полатах, и Адриан увидел огромную двуспальную кровать под балдахином и простейшие деревянные нары напротив нее.

— Выбирай, — предложил Клип. — Лично я всегда сплю на двуспальной.

— Спасибо, — сказал Адриан. — Гм-м... я сильно ворочаюсь во сне, так что лучше лягу на нарах.

— Как скажешь, — весело отозвался Этельберт. — Как скажешь.

Засыпая, Адриан говорил себе, что не скоро забудет зрелище Этельберта Клипа в длинной белой ночной рубашке, японском кимоно и колпаке с кисточкой...

Проснувшись утром, он обнаружил, что Этельберт уже встал и успел приготовить плотный завтрак. На столе стояла огромная кастрюля, в которой булькала овсянка с сахаром и сметаной, рядом на большом блюде были разложены коричневый и хрусткий, как осенние листья, бекон с яичницей и купающиеся в черном соке широкие зонтики грибов.

— Всегда почитал целесообразным начинать день сытным завтраком, — серьезно сообщил Этельберт. — Человек искусства обязан считаться с тем, что подлинное вживание в образ требует огромных физических и духовных усилий.

— Кстати, — поинтересовался Адриан, уписывая яичницу с беконом, — какую роль вы исполняете?

— Одну из невольниц в гареме султана, — невозмутимо поведал Этельберт. — Очень даже трудная роль.

Когда они управились с завтраком и вымыли посуду, Этельберт облачился в плащ-накидку с капюшоном и фуражку с широченным козырьком. После чего они запрягли в двуколку Розы и отправились в город.

Вид театра порастил Адриана. Этельберт говорил, что здание большое, но Адриан не ожидал увидеть таких размеров, а фасад с его дорическими колоннами, аркбутанами и готическими окнами позволял заключить, что архитектором был явно сам мистер Клеттеркап.

— Видишь! — торжествующе произнес Этельберт, глядя на удивленного Адриана. — Дружище, от такого театра и в столице не отказались бы. А еще скажу тебе по секрету...

Он поглядел по сторонам украдкой. Поблизости, кроме Розы, не было никого, и Этельберт Клип, наклонясь, прошептал на ухо Адриану:

— В этом театре вращающаяся сцена!

Сказал и отступил, проверяя, какое впечатление произвели его слова.

— Вращающаяся сцена? — повторил Адриан. — Этот человек, должно быть, безумец.

— Точно, дружище. Но никто не должен знать. Мы собираемся порадовать зрителей в день первого представления, так что никому не говори.

— Не скажу, — пообещал Адриан. — Но все равно он безумец. Это же, наверно, стоило огромных денег.

— Перед тобой, — Клип указал на возвышающееся перед ними архитектурное сооружение, — последнее великое творение Клеттеркапа. Памятник, который он воздвиг себе, чтобы войти в историю. А теперь, дружище, подожди здесь вместе с Розой, а я пойду и поговорю с ним.

Около получаса Адриан и Роза терпеливо ждали на улице, наконец из театра выпорхнул Этельберт, сопровождаемый коротконогим толстым человеком, костюм которого являл странное сочетание визитки и полосатых брюк.

— Адриан, — сказал Этельберт, — познакомься: Эммануил С. Клеттеркап, наш ментор.

— Привет, — поздоровался ментор, — как дела?

— Отлично, большое спасибо, — ответил Адриан.

Они обменялись рукопожатием.

— Я понял так, что вы ищете работу, — сказал Клеттеркап, нервно поглядывая на Розу.

— Ну да, если это возможно, — подтвердил Адриан. — Я подумал, раз

Д

вы ставите «Али-Бабу», вам нужен восточный колорит, а Роза приучена к нарядным пононам и всему такому прочему.

— Так-так, — сказал Клеттеркап, — она ведь, кажется, из этого... э... родом оттуда, откуда...

— Она ведет себя образцово, — позволил себе Адриан малость приукрасить, — и я уверен, что Роза придаст вашему спектаклю нечто.

— *Же не сээ ква?* — предположил Этельберт.

— Это еще что такое? — подозрительно осведомился Клеттеркап.

— Это по-французски: сам не знаю что.

— Чего это ты не знаешь?

— Да нет, я перевел тебе французское выражение: сам не знаю что.

Клеттеркап с минуту тупо смотрел на Клипа.

— Несешь черт знает что, — молвил он наконец.

— Иные семена пали на каменистую почву, — сказал Клип, воздев очи к небесам.

— Ну ладно, — обратился Клеттеркап к Адриану, — сколько вы хотите получать? Эти культурные мероприятия обходятся дорого. Я не печатаю деньги, понятно?

— Ну, я мог бы довольствоваться скромным жалованьем, чтобы хватило на прокорм себе и Розы, — ответил Адриан.

— И, конечно, театр предоставит убранство для слониhi, — добавил Этельберт.

Клеттеркап закурил большую сигару и укрылся за облаками едкого дыма, размышляя.

— И сколько же стоит ее прокормить? — спросил он наконец, указывая большим пальцем на Розу.

— Ну... порядочно, — признался Адриан.

— Ладно, вот что я решил, — заключил Клеттеркап, — решил по справедливости — я плачу за ваш прокорм, а там посмотрим. Если выступите успешно, возобновим переговоры.

— Прекрасно, — отозвался Адриан, — меня это вполне устраивает.

— Жду вас на репетицию в два часа, — распорядился Клеттеркап.

— Отлично, — ответил Адриан. — Непременно приду.

— Ол-райт, — заключил Клеттеркап. — Действуйте.

И, повернувшись кругом, он вернулся к себе в театр.

— *Дружище!* — воскликнул Этельберт. — Это же замечательно. А теперь пошли домой ко мне и отметим это событие, а потом придем сюда пораньше, чтобы я мог поводить тебя по театру.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

РЕПЕТИЦИЯ

Отметив в доме Этельберта событие скромным угощением (яблоки для Розы, бузинная настойка для мужчин), под вдохновенное исполнение Клином на трубе старинной, как он уверял, ирландской баллады «Будь я черным дроздом», они еще подкрепились и поспешили обратно в город.

Розы привязали в большом сарае за театром, где хранились декорации, и, сшибдив ее сеном и кормовой свеклой, направились в главное здание.

Мне в жизни не доводилось бывать за кулисами, — сообщил Адриан.

В самом деле, дружище? — отозвался Этельберт. — А зря. Пошли, и мне тебе покажу.

С этими словами он растворился в темноте, затем Адриан услышал, как щелкают выключатели, и внезапно глазам его, переливаясь красками, будто свадебный торт, предстал во всем своем фанерном великолепии дворец султана. Повернувшись лицом к сцене, Адриан увидел окутанный полумраком зрительный зал, где смутно различались ряды кресел и ложи. С удивлением рассматривал он подвешенные высоко над полукрутом проscениума, невидимые для зрителя элементы декораций, ожидающие, когда рабочие опустят их на положенные места.

— Вот это, — встав на цыпочки и исполнив маленький пируэт, показал Адриану Этельберт, — и есть вращающаяся сцена. На ней установлены три декорации. Нажал на вон те рычаги, и выезжает та, которая нужна сейчас. Сберегает массу времени и сил.

— Замечательно, — сказал Адриан.

— Идем дальше, дружище, — позвал Этельберт.

Порхнув к выключателям и погрузив дворец султана обратно в пыльный сумрак, он юркнул куда-то за кулисы, и Адриан поспешил за ним.

За кулисами они очутились в длинном узком коридоре с дверями по обе стороны.

— Здесь, — сообщил Этельберт, картинно прислонясь к одной из дверей, — находится моя гримерная.

Небольшая карточка на двери поразила Адриана надписью «ЭТЕЛЬБЕРТ КЛИП — ГЛАВНАЯ ЖЕНА СУЛТАНА». Следуя за Этельбертом, он вошел в не блещущую чистотой комнатку, одну стену которой почти целиком занимало освещенное газовыми лампами большое зеркало. В углу стоял шкаф, и приоткрытая дверца позволила Адриану рассмотреть набор экзотических восточных одеяний и прозрачных вуалей.

Д

Напротив зеркала на кушетке возлежала могучего телосложения рыжеволосая женщина, облаченная (что сразу бросалось в глаза) в один только украшенный страусовыми перьями ветхий пеньюар. Ее поза напоминала каменные скульптуры, венчающие средневековые склепы, однако руки женщины вместо какого-нибудь религиозного символа сжимали полупустую бутылку джина. По-своему женственный храп ее звучал громко и ритмично.

— *О Господи*, — вымолвил Этельберт, — опять...

Порхнув к кушетке, он извлек бутылку из крепкой хватки живой скульптуры и легонько похлопал последнюю по щекам.

— Гонория, дорогая *Гонория*, — воззвал он, — проснись, умоляю.

Рыжеволосая леди поежилась и пробормотала что-то нехорошее.

— Это Гонория, — сообщил Этельберт, оглянувшись на Адриана. — Гонория Лузстрайф. Исполняет ведущую роль юноши.

— Юноши?

— Ну да, — ответил Этельберт. — Великолепная актриса.

Адриан опустился на стул, пристально глядя на Этельберта.

— Объясните, пожалуйста. *Вы* играете роль любимой *жены* султана, а *она*, — он указал на Гонорию, выставившую напоказ внушительный бюст жемчужного цвета, — *она* исполняет ведущую роль юноши?

— Разумеется, — подтвердил Этельберт. — Глупенький, так заведено в пантомимах.

— О, — отозвался Адриан. — Только мне это показалось странным.

— Скоро перестанешь удивляться, — заверил его Этельберт. — Это всего лишь вопрос привычки.

Подойдя к столику, на котором стояли таз и кувшин с водой, он намочил большое полотенце и стал приводить в чувство Гонорию.

— Бр-рьсь. Оштавь покое, — пробурчала она.

Этельберт Клип выжал полотенце над лицом Гонории и повернулся к Адриану.

— Такая *чудная* девочка, — сообщил он. — Вот только, как бы это сказать, склонна прибегать к стимуляторам.

— Вижу, — заметил Адриан. — Совсем как Роза.

Гонория с трудом приняла сидячее положение и устремила на них мутный взгляд. При этом пеньюар ее сдвинулся настолько, что Адриан смущенно отвел глаза.

— Так-то, — сказал Этельберт. — Теперь тебе лучше?

— Нет, — ответила Гонория скорбным контральто, чем-то напоминающим наиболее низкие ноты тубы Этельберта Клипа. — Мне плохо... очень плохо.

— Что ж, — философически произнес Этельберт, — джин на пустой желудок — не самая лучшая замена завтрака.

— Я *никому* не нужна, — мрачно возвестила Гонория, и, к великому испугу и замешательству Адриана, из глаз ее покатались по щекам, падая на пышный бюст, огромные слезы.

— *Очень даже* нужна, любовь моя, — заверил Этельберт. — Все тебя *прямо обожают*.

— Неправда, — всхлипывала Гонория. — Они завидуют мне, моему мастерству.

Этельберт вздохнул и воздел очи к небесам.

— Адриан, — сказал он. — Будь другом, пройди к служебному входу, принеси Гонории чашку чаю. Ей станет полегче.

— Ничто, — высокопарно возгласила Гонория, прижимая в драматическом жесте одну руку ко лбу, другую к груди, — ничто, одна лишь *смерть* способна принести мне облегчение.

При этом ее пеньюар совсем сполз с плеч, и Адриан поспешил удалиться, пока пухлое тело Гонории не обнажилось совершенно. У служебного входа в застекленной будке, в окружении множества ключей сидел гномик с роскошными бакенбардами, у которого Адриану удалось выпросить большую кружку чая.

Вернувшись в примерную Этельберта, он с удивлением обнаружил, что от хмельного уныния Гонории не осталось и следа. Она каталась по кушетке, заливаясь смехом, явно вызванным какой-то шуткой Этельберта.

— О Господи, — вымолвила Гонория, садясь и вытирая слезы, — ты просто *несносен*, Этельберт, честное слово.

— Долой тоску, — отозвался он, вручая ей кружку.

Гонория сделала глоток и смерила Адриана оценивающим взором, потом завернулась поплотнее в пеньюар и приняла величественную позу.

— Кто это? — спросила она.

— Адриан, — сообщил Этельберт. — Он будет участвовать в спектакле вместе со своим слоном.

— Разрази меня гром! — рявкнула Гонория так, что Адриан невольно издрогнул. — Только слона нам еще не хватало. Уже половина моих лучших реплик заглушается дурацким звоном цимбал, которые зачем-то понадобились этому Клеттеркапу. Оркестр *нарочно* играет не в лад, чтобы испортить мои лучшие сольные номера, а теперь по сцене еще будет топтать слон, украшая ее горами навоза.

— Ничего подобного, — заверил ее Этельберт, — это очень *чистоплотное* животное.

— Между прочим, — сказал Адриан, до которого начало доходить, как

Д

следует укрощать капризную натуру Гонории, — когда мистер Клеттеркап нанимал меня, он заявил, будто у него такая выдающаяся исполнительница ведущей роли юноши, что только самый лучший... э... самый лучший...

— Реквизит, — подсказал Этельберт.

— Вот именно, самый лучший реквизит может соответствовать ее таланту.

Гонория округлила глаза.

— Правда? Он так сказал? — спросила она.

— Ну да, — Адриан чуть порозовел.

— Успех, — вздохнула Гонория. — Наконец-то признание. Разумеется, вы можете приводить своего слона, дружище.

Она грациозно кивнула Адриану.

— Спасибо, — отозвался он.

— И я обещаю содействовать тому, чтобы он достойно смотрелся на сцене, — сказала Гонория.

— Большое спасибо, — повторил Адриан, спрашивая себя, способна ли вообще даже такая темпераментная особа, как Гонория, при всем желании оттеснить Розы на задний план.

— Ну ладно, пошли, — вступил Этельберт. — Пора нам потолковать со стариной Клеттеркапом и выяснить, какая роль отводится тебе и Розы.

Остаток дня был, мягко выражаясь, утомительным. Как постановщик мистер Клеттеркап явно крайне смутно представлял себе, что годится и что не годится для сцены, и чем больше он шумел, и бесновался, и рвал на себе волосы, тем все только хуже запутывалось. В гареме султана началась потасовка, когда выяснилось, что по замыслу Клеттеркапа половине невольниц надлежало стоять за решетчатой конструкцией восточного типа, где они были бы скрыты от зрителей. Люди, выходящие направо, сталкивались с людьми, входящими справа, и под конец все до того сбилось с толку, что исполнительница ведущей роли девушки (хрупкое создание с пушистой шевелюрой, хотя и не состоящее в родстве с мистером Клеттеркапом, но запросто обращавшееся с ним) то и дело впадала в истерику и принималась по ошибке петь арии исполнительницы ведущей роли юноши. Естественно, Гонория отвечала на это роскошными припадками, и в конце концов на сцене началось такое, что Клеттеркап был вынужден разрешить всем на десять минут удалиться в гримерные, чтобы привести себя в порядок.

Пока длился короткий перерыв, Клеттеркап вызвал на сцену Адриана.

— Так, парень, — сказал он, — шагай за мной. Вот это, видишь, дворец султана.

Пройдя через размалеванные декорации за дворцом, он вошел на со-

седний сектор сцены, где в окружении сутулых пальм стояло нечто, изображающее скалу. Мистер Клеттеркап объяснил Адриану, что в этой скале помещался вход в пещеру Али-Бабы.

— Сейчас я покажу, как это все происходит, — гордо возвестил он. — Али-Баба стоит здесь, понял? Он нажимает вот эту кнопку в полу, понял, и говорит: «Сезам, откройся!»

Мистер Клеттеркап пажал ногой кнопку. Скала никак не реагировала.

— Где этот реквизитор, черт бы его побрал? — взревел мистер Клеттеркап. — Скажите ему, чтобы заставил эту проклятую пещеру открыться.

Явился всполошенный реквизитор и, повозившись с разными тросиками, заставил скалу с жутким скрежетом и скрипом открываться. Клеттеркап, хрипло дыша, вошел внутрь, и они с Адрианом очутились среди декораций, изображающих пещеру. Здесь стояли набитые «драгоценностями» большие деревянные сундуки и, разумеется, сорок огромных сосудов для заточения разбойников.

— Вот так, — сказал мистер Клеттеркап. — Видишь, парень, я не поскупился на расходы.

— Вижу, — подтвердил Адриан. — Очень впечатляет.

— А теперь, — Клеттеркап отвел его обратно к дворцу султана, — поговорим о том, что делаешь ты со своим зверем. Это связано с первым выходом султана. Твой слон должен войти вот сюда, проследовать *вон туда* и остановиться там. Естественно, слон будет запряжен в колесницу, в которой будет сидеть султан.

— Простите, — вступил Адриан, — может быть, султану лучше сидеть в паланкине?

— Это еще что за штука? — подозрительно осведомился мистер Клеттеркап.

— Ну это такие носилки, их помещают на спине слона.

— Нет, — неохотно молвил Клеттеркап, поразмыслив. — Наш султан — лучший баритон в этих краях. Если он упадет и сломает ногу или повредит еще что-нибудь, все сорвется. Нет, пусть будет колесница.

— Значит, я должен провести Розу через сцену вон туда? — постарался уточнить Адриан.

— Ничего подобного, — ответил Клеттеркап. — Ты не поведешь слона, его будет погонять султан.

— Но я не уверен, что Роза станет слушаться султана. Понимаете, она привыкла исполнять только мои команды.

— Трудности, — с горечью произнес мистер Клеттеркап. — С этим

Д

чертовым спектаклем у меня сплошные осложнения. Но я не желаю, чтобы ты шествовал через всю сцену. Может быть, займешь место вон там и позовешь ее?

— Судя по тому, как прошла репетиция, она вряд ли меня услышит.

— Будь я *проклят*, — изрек Клеттеркап.

С минуту он мерил шагами сцену, бросая свирепые взгляды на дворец султана.

— Нашел, черт побери, — торжествующе произнес он. — Мы поставим вот здесь еще одну позолоченную колонну. Полую колонну, понял, и ты будешь стоять внутри. Сделаем в колонне дырку, смотровое отверстие, так сказать, через него ты сможешь отдавать команды своему зверю. Понял?

— Э... да, — нерешительно молвил Адриан. — Пожалуй, это подойдет...

Он еще живо помнил, что произошло в Феннелтри-холле, и был отнюдь не уверен в удачном исходе такого маневра.

— Вы не против, чтобы мы сперва попробовали, что получится? — спросил он.

— Конечно, проверим, — ответил Клеттеркап. — Без репетиций нельзя. Я прикажу живо изготовить колонну, и посмотрим.

Полчаса спустя к дворцу султана добавилась толстая нарядная колонна. Рози, впряженная в маленькую тележку, ждала за кулисами, Адриан, затаив дыхание, стоял внутри колонны, ожидая сигнала. И как только затихли звуки увертюры и толпа, обратившись лицом к кулисам, дружно закричала: «Султан, султан!» — чтобы зрители, не дай бог, не подумали, что сейчас появится какой-нибудь замухрышка, Адриан прошипел в дырку: «Пошла, Рози».

Рози хлопнула ушами, радостно взвизгнула и затопала на сцену. Она знала, где стоит Адриан — сама видела, как он туда прошел, — и слышала его голос. И, подойдя к колонне, нежно погладила ее хоботом.

— Стоять, — прошипел Адриан.

Рози послушалась, продолжая хлопать ушами и с удовольствием разглядывая ярко освещенную сцену. К великому удивлению Адриана, репетиция дальше прошла без сучка без задоринки, и Клеттеркап был так доволен выступлением Розы, что дал Адриану сигару.

В отличном настроении Розы, Адриан, Этельберт и Гонория направились через доны домой, и, рассказав Розы, какая она молодчина, накормив ее и позволив выпить кружку пива, троица вошла в дом, где отлично пове-

селась при помощи бузиновой настойки, джина, устриц, яиц ржанки и педерка крупных розовых креветок. Было уже за полночь, когда они легли спать, но сперва Гонория, аккомпанируемая Этельбертом, в четвертый раз спела: «Мне снилось, что я сплю в мраморных покоях».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПРЕМЬЕРА

Последующие три дня были целиком заняты репетициями, и настроение Адриана заметно поднялось, поскольку вопреки его ожиданиям Роза пела себя образцово. Больше того, временами из всех актеров (виной тому была не совсем обычная методика режиссуры мистера Клеттеркапа) только она точно знала, что надлежит делать на сцене.

Гонория прониклась глубокой, немеркнувшей симпатией к Розе, уверяя в приступах слезливого настроения, что лишь она по-настоящему понимает ее; прилежно потчевала слониху сахаром и рассказывала ей о своих былых невзгодах.

Наконец настал день премьеры; в театре царило небывалое оживление. Вечером Этельберт, Гонория и Адриан собрались в гримерной, ожидая своих выходов. Гонория с самого утра прикладывалась к бутылке в честь, как она говорила, премьеры. Этельберт заметил, что премьеры еще не состоялась и может вовсе не состояться, если Гонория наклюкается, на что она, выпрямившись во весь рост, возразила:

— Знаю, что премьеры еще не состоялась, но главное — заранее настроиться.

В украшенном блестками костюме Али-Бабы и сбившемся набекрень тюрбане она расположилась на кушетке, прихлебывая джин из новой бутылки.

— Гонория, *дорогая*, — взмолился Этельберт. — Не падо пить, это может отразиться на твоей игре.

— Ничто и никогда, — возразила Гонория, подавляя отрыжку, — еще не отражалось на моей игре.

— И не забудь, — продолжал Этельберт, — *ты* не повторила свою роль.

— Ерунда, — с великим презрением молвила Гонория, — подлинные артисты обходятся без этого, импровизируют по ходу действия.

Д

Она поднесла бутылку ко рту, и послышалось мелодичное бульканье.

— Пойду-ка лучше посмотрю, как там Рози, — сказал Адриан. — Возможно, она тоже волнуется перед премьерой.

— Дружище, не нервничай хоть ты, — заметил Этельберт. — Тебе-то что — ты будешь стоять внутри колонны.

— Верно, — отозвался Адриан, — но я все равно волнуюсь.

— Скоро наш выход, — напомнил Этельберт. — Будь другом, прикрепи драгоценный камень на мой пупок. У самого не получается, очень уж щекотно.

Адриан торжественно прилепил большой сверкающий «драгоценный камень» клеем к пупку Этельберта.

— Есть, — сказал он. — А теперь пойду проверю, как там Рози.

— Я пойду проверю Рози, — возвестила Гонория, не совсем уверенно поднимаясь на ноги. — Как-никак мы с ней ведущие актеры в этом спектакле.

Слегка пошатываясь, она покинула гримерную и затворила за собой дверь.

— Думаешь, она справится? — спросил Адриан.

— Запросто, — ответил Этельберт. — Пока еще хоть немного соображает, все будет в порядке. Как ты думаешь, мне идет эта чадра?

Адриан внимательно посмотрел на чадру.

— В каком смысле — идет? — осторожно справился он.

Этельберт смущенно порозовел.

— Ну, с ней я выгляжу более привлекательно, так сказать?

— В общем, — произнес Адриан осмотрительно, — для зрителей ты, несомненно, будешь выглядеть более привлекательно.

Этельберт продолжал рисоваться перед ним в своем экзотическом костюме; внезапно Адриан снова вспомнил про Рози.

— Что-то Гонория долго не возвращается, — заметил он.

— Наверно, проверяет, как Рози нравится ее выходная ария, — предположил Этельберт, добавляя теней на и без того щедро раскрашенные веки.

— Пойду-ка лучше проверю, — сказал Адриан. — Как-никак наш выход через десять минут, и я должен убедиться, что Рози не съела свое облачение или не натворила еще что-нибудь.

Покинув Этельберта, он проследовал через грязные пыльные коридоры к просторному сараю за театром, где среди выцветших декораций обитала Рози. Здесь он увидел Гонорию — сидя на охапке сена, она мягко пела переливчатым контральто:

Она — моя слониха, моя сло-сло-слониха,
Она не потеряется на сцене,
Она — наша царица, другой не признаем.

Плавню покачиваясь, Рози восхищенно слушала пение Гонории, и хобот ее нежно сжимал пустую бутылку из-под джина.

— Гонория! — в ужасе вскричал Адриан. — Неужели ты дала ей выпить *джина*?

— Привет, Адриан, — отозвалась Гонория с чарующей улыбкой. — Что, нам уже пора выходить?

— Ты дала Рози выпить джина? — рявкнул Адриан.

— Две капли по случаю праздника, — сообщила Гонория. — Столовую ложку, как говорят французы.

— Но ты ведь знаешь, как на нее действует алкоголь, — сокрушенно произнес Адриан. — Сколько она выпила?

Выхватив у Розы бутылку, он поднес ее к глазам Гонории. Та смерила бутылку мутным взором.

— Маленький глоточек, — невнятно молвила Гонория, отмеряя пальцем примерно половину. — Другого такого компа... компаней... прелестного собутыльника надо поискать.

Адриан обратил свой взгляд на Розы, и она улыбнулась ему, игриво взмахивая ушами и смущенно разворачивая и сворачивая хобот. Слониха выглядела вполне нормально, ничего похожего на то, какой она была в тот вечер, когда учинила страшный погром в Феннелтри-холле. Может быть, Гонория выпила куда больше, чем он предполагал, и Розы в самом деле досталась только «столовая ложка».

— Ну-ка, пошли.

Взяв Розы за ухо, Адриан стал водить ее по кругу в сарае, проверяя, как она держится на ногах. Слониху не качало, и, если не считать озорной искры в глазах и некоторого своенравия, джин вроде бы не оказал на нее дурного влияния.

— Гонория, — сказал Адриан, — не пора ли тебе пройти за кулисы? Через минуту твой выход.

В сарай до них смутно доносились звуки исполняемого оркестром из трех престарелых музыкантов лихого марша, чьи заключительные ноты должны были служить сигналом к подъему занавеса. Гонория с третьей попытки поднялась на ноги и направилась к кулисам, сопровождаемая Адрианом и Розы. За кулисами Адриан увидел ожидающую Розы колесницу и султана.

— Эй, — воскликнул султан, — где вы запропастились, черт возьми?

— Извините, — отозвался Адриан, поспешно запрягая Розы.

Д

— Думал, вы уже совсем не появитесь, — сказал султан и добавил, указывая пальцем на занавес: — Народу сегодня — тьма. Половина всего населения этого чертова острова собралась.

Он влез на колесницу.

— Нормально? — спросил Адриан.

— Полный порядок, — ответил султан.

Адриан пошел на сцену, чтобы занять свое место в колонне. Под последние нестройные звуки марша забрался внутрь и закрыл за собой дверцу. Тут же услышал, как шуршит, поднимаясь, занавес, и ощутил захлестывающую сцену волну зрительского воодушевления. Восторженные ахи, шорохи, покашливание, шевеление чем-то напомнили ему атмосферу ночного леса; четыре сотни зрителей плотными рядами сидели в темноте за оркестровой ямой, нетерпеливо ожидая начала представления.

Оркестр снова заиграл, и под дружные аплодисменты, напоминающие беглый огонь из мушкетов, Гонория, чуть покачиваясь, вышла на сцену и начала исполнять свою первую арию, окончание которой должно было служить сигналом для выхода Розы. Тем временем состояние нервозности у Адриана уступило место элементарной панике.

— Султан! Султан! — закричали на сцене, и Адриан фальцетом, напоминающим голос малюсенькой летучей мыши, пропищал: «Пошла, Розы!»

К великому его удивлению, Розы протопала через сцену к колонне столь же уверенно, как она это делала на репетициях. Реакция публики не заставила себя ждать. Громкое «а-ах!» девятым валом перекатило через рампу. Восхищенная такой встречей, Розы подняла хобот и издала резкий трубный звук.

— Хорошая девочка, — сказал Адриан. — Теперь стой тихо.

Розы покорно остановилась, слегка покачиваясь. Время от времени она подносила хобот к смотровому отверстию в колонне и ласково дышала на него джином. Кульминация акта прошла благополучно, и Адриан облегченно вздохнул, потому что теперь сцена должна была повернуться, открывая зрителям новые декорации, после чего он мог уводить Розы за кулисы. Повторно появиться ей предстояло только в финале. Он вытер взмокший лоб. Сейчас Гонория произнесет заветные слова...

— И берегись моей любви, — зычным голосом обратилась она к подруге мистера Клеттеркапа. — Я отправляюсь за сокровищем, а когда вернусь, потребую твоей руки.

С этими словами Гонория направилась к выходу, одновременно сцена начала вращаться в ту же сторону, и, ощутив ее движение, Адриан понял, что это — конец. Ему ни разу не приходило в голову проверить, как Розы станет реагировать на вращение сцены. И вот теперь, очнувшись от хмель-

ной задумчивости, она вдруг ощутила, что пол уходит у нее из-под ног. Испуганно и не слишком громко взвизгнув, слониха сделала шаг-другой.

— Не шевелись, дуруха, — прошипел Адриан, однако сцена начала набирать скорость, и сбита с толку Роза решила не отставать от нее.

В итоге она стала быстро догонять Гонорию и настигла ее, когда та очутилась в центре следующей декорации. Султан, цепляясь в панике за края колесницы, уныло твердил: «Черт возьми, черт возьми, черт возьми...» — словно читал нараспев какую-то восточную молитву. Человек, ко-м-
му было поручено манипулировать рычагами, приводящими в движение всю махину, совершенно потерял голову при виде взбесившегося, как ему показалось, слона и дал обратный ход. Сцена закружилась в другую сторону, и Роза решила не отставать от нее. В итоге оглобли колесницы султана сломались, точно спички, а сама колесница, описав в воздухе короткую изящную дугу, приземлилась на человечка с рычагами. Тут уже все окончательно растерялись. Соприкосновение колесницы султана с рычагами явно повредило какой-то механизм, так что сцена вращалась все быстрее и быстрее, и Роза прибавила скорость. Вот пронеслась галопом через декорацию, изображающую пустыню, сшибая на ходу пальмы, вот ворвалась на восточный базар, опрокидывая прилавки, наконец промчалась через дворец султана, сокрушая решетчатые конструкции и колонну, где был заточен Адриан.

Гонория, в первую минуту приписавшая странные эволюции сцены количеству потребленного джина, теперь в испуге бросилась бежать навстречу вращению. Притихшая, замороженная публика могла насладиться созерцанием трех стремительно чередующихся декораций, среди которых Роза и Гонория ошалело бежали в противоположных направлениях. Адриан ухитрился выбраться из колонны и кинулся догонять Розу. Сцена, оправдывая старания своего творца, развила скорость около пятидесяти километров в час, так что отдельные части реквизита и декораций срывались с досок. Одного оркестранта ушибло пальмой, фрагменты дворца крушили базарные прилавки. Погоня Адриана за слонихой затруднялась тем, что он то и дело сталкивался с бегущей навстречу ему Гонорией, и, пока они вновь поднимались на ноги, Роза успевала увеличить отрыв.

До сих пор парализованный яростью мистер Клеттеркап неподвижно стоял за кулисами, однако при виде того, как исполнительница главной мужской роли, Роза и Адриан затеяли нечто вроде бега на марафонскую дистанцию, он не выдержал, прыгнул на вращающуюся сцену и поймал на ходу Адриана.

— Останови слона! — заорал он.

Д

— А я что пытаюсь сделать, черт возьми? — рывкнул Адриан и, оттолкнув Клеттеркапа, возобновил погоню за Рози.

Багровый от гнева мистер Клеттеркап, схватив какой-то обрубок, бывший частью дворца, ринулся в противоположную сторону и ударил встреченную им Рози по хоботу. Поступок, мягко выражаясь, неблагоразумный. Бедная Рози так старалась приспособиться к пришедшему вдруг в стремительное движение миру, а тут чужой человек бьет ее по хоботу, мешая сосредоточиться на чрезвычайно сложной задаче. Возмущенная посторонним вмешательством, она попросту схватила хоботом мистера Клеттеркапа и швырнула в оркестровую яму, где его внезапное появление вторично повергло в обморок дирижера, а заодно нанесло непоправимый ущерб большому барабану и тромбону.

Тем временем трое рабочих героически трудились над тем, чтобы освободить рычаги вращающего механизма от султана и его колесницы. В конце концов они добились успеха, однако в результате их благонамеренных стараний сцена стала вращаться еще быстрее, и забредшую на самый край Рози метнуло в воздух, словно диск из руки дискобола. К счастью, она полетела не на публику, а за кулисы, где полет ее остановили блоки, шкивы, тросы, драпировки и шесть светильников. Исчезновение Рози произошло так быстро и внезапно, что Адриан дважды пробежал через руины дворца, через базар и пустыню со скалой, прежде чем заметил, что ее нет на сцене. Совершив лихой прыжок за кулисы, он бросился искать слониху. Страшно было подумать, что в эту минуту, возможно, она буйствует на улицах города, и Адриан облегченно вздохнул, обнаружив Рози в сарае, где она, запыхавшись и вся дрожа, стояла, подняв хоботом пустую бутылку в надежде извлечь из нее глоточек джина. Адриан бессильно опустился на сено и сжал голову двумя руками. Все пропало... До его слуха смутно доносились вопли зрителей и лязг неугомонных механизмов. Конец надеждам на то, что Рози пополнит трупку мистера Клеттеркапа; хуже того — к списку преступлений, совершенных им после того, как он унаследовал слониху, добавилось еще одно. Ах, если бы Сэмента была здесь, только она могла бы его утешить...

Неожиданно в сарае появился Этельберт. Он тяжело дышал, его чадра была разорвана, «драгоценный камень» исчез с пупка.

— Дружище, — вымолвил он, — *какая трагедия*. Я знаю, это не твоя вина и наша дорогая Рози ни при чем, однако, боюсь, тебе нелегко будет убедить в этом Клеттеркапа. Он уже пришел в сознание, так что советую вам бежать.

— А что толку? — вяло произнес Адриан. — Куда бежать?..

— Дитя мое, — тревожно молвил Этельберт, — *не дури*. Уноси отсю-

ди ноги, пока не поздно. Если немедленно отправишься в гавань, можешь еще застать «Куин» и уплыть на материк. О своих вещах не беспокойся, я пришло их.

— Не вижу в этом смысла, — уныло сказал Адриан. — Лучше остаюсь здесь, пусть меня арестуют.

— Послушай, если себя не жаль, подумай хоть о Розе.

— С какой стати? — с горечью ответил Адриан. — Она хоть раз подумала обо мне?

— Ты хочешь, чтобы ее застрелили?

— Застрелили?! — испуганно воскликнул Адриан. — Неужели ты допускаешь, что ее застрелят? Разве она в чем-нибудь провинилась?

— А я говорю — застрелят! — сказал Этельберт драматическим тоном. — Завтра утром на рассвете расстреляют, если ты тотчас не уберешься вместе с ней.

— Но это несправедливо, — продолжал возражать Адриан. — Как будто она виновата...

— Может, ты перестанешь спорить и быстренько *уберешься отсюда*? — перебил его Этельберт.

— Хорошо, — уступил Адриан.

Живо распахнув двери сарая, он схватил рукой теплое ухо Розы и потянул ее к выходу.

— Прощай, дорогой, — крикнул Этельберт, энергично махая рукой вслед убегающей паре. — Вещи пришло, не беспокойся.

Оставив позади злополучный театр, где все еще царило столпотворение, Розы и Адриан устремились по пустынным улицам в гавань.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

РУКА ПРАВОСУДИЯ

Бурные события сделали свое, и по пути к пристани Розы основательно захмелела. Весело повизгивая, она ковыляла рядом с Адрианом, то и дело путаясь в собственных ногах. Все его помыслы были направлены на то, чтобы поскорее очутиться с ней на борту «Сплошпорт Куин», и он облегченно вздохнул, увидев, что паром еще не отчалил.

Привязав слониху к чугунной тумбе, он взбежал вверх по трапу и почти сразу натолкнулся на капитана.

Д

— Ух ты, — сказал тот, попятившись, — замыслили новое покушение на мою жизнь?

— Нет-нет, — выдохнул Адриан. — Хочу только, чтобы вы отвезли меня и мою слониху обратно на материк.

— Недолго же вы задержались на острове.

— Верно. Для нас тут не нашлось никакого дела.

— Что ж, ведите слона, — сказал капитан. — Мы отчаливаем с минуты на минуту.

Адриан вернулся к Рози и провел ее по широкому трапу на уже знакомое место на носовой палубе. В эту минуту с пристани его окликнул старший помощник капитана. Велев Рози стоять и не двигаться, он живо спустился, чтобы оплатить проезд. Лучше бы он повременил с этим. Рози успела оправиться от пережитых на вращающейся сцене страхов, зато теперь на нее навалилась усталость, в чем был отчасти повинен и джин. Медленно топая по палубе, слониха дошла до поручней и остановилась там, слегка покачиваясь и издавая тихие мелодичные звуки. Потом вдруг повернулась, намереваясь спуститься на пристань в поисках Адриана, однако ноги плохо слушались Рози, и она поскользнулась, да так, что упала на поручни, в принципе достаточно прочные, но все же не рассчитанные на многотонную нагрузку. В итоге бежавший обратно вверх по трапу Адриан ступил на палубу в тот самый миг, когда Рози рухнула вниз головой за борт «Сплошпорт Куин». Словно пушечный выстрел раздался, когда она шлепнулась в воду, и в воздух взлетел фонтан брызг.

Конечно, Адриану по тому жуткому дню, когда они нагнали страх на охотников, было известно, что Рози любит воду, но одно дело мелкая река, совсем другое — пять саженей морской воды. Сбрасывая на ходу пиджак, он бросился к бреши в поручнях, готовый прыгнуть следом за слонихой, чтобы спасти ее. Лишь много позже до него дошло, что не так-то просто было бы это сделать, если бы Рози не умела плавать. Теперь же, уставившись вниз на темную морскую гладь, он увидел, что она всплыла и, подняв кверху хобот, направляется в открытое море. От эдакого зрелища ему стало ничуть не легче.

— Назад! — завопил Адриан. — Рози, вернись!

Однако Рози знай себе продолжала плыть к выходу из гавани. Ничего не поделаешь, сказал себе Адриан, придется все-таки ее спасать. Сделав глубокий вдох, он нырнул в покрытую нефтяной пленкой холодную воду и поплыл, отфыркиваясь, вдогонку за слонихой. Усиленно работая руками и ногами так, что казалось — легкие вот-вот разорвутся, он в конце концов настиг ее.

— Балда! — выдохнул Адриан в ухо Розы. — Ты плывешь не в ту сторону.

Обрадованная его появлением, Розы издала булькающий приветственный звук и нежно обняла Адриана хоботом за шею, отчего он ушел под воду. Освободившись от хобота, он вынырнул, тяжело дыша и отплеываясь.

— Чертова слониха! — выпалил Адриан, схватил Розы за краешек уха и, уподобившись маленькому буксиру, тянущему огромный океанский лайнер, ухитрился развернуть ее в сторону суши.

Две-три минуты спустя они причалили к ведущим на пристань ступенькам и с великим трудом стали подниматься вверх. До той поры в гавани было почти безлюдно, теперь же — как всегда, когда случается какое-нибудь происшествие, — откуда ни возьмись на пристани столпилась куча народу. Особое место в этой толпе занимал воинственного вида дородный полицейский. В ту минуту, когда Адриан, все еще держась за ухо Розы, принялся выжимать воду из своей шевелюры, блюститель закона, заложив руки за спину и сверкая медными пуговицами, приблизился к нему.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он.

— Добрый вечер, — отозвался Адриан, не совсем понимая, что в этом вечере доброго.

— Этот слон, он ваш, сэр? — осведомился полицейский. — Или же вы спасали его, так сказать, по чьему-то поручению?

— Нет, он мой, — ответил Адриан.

— Так, — произнес полицейский, извлекая из кармана записную книжку и переворачивая страницы пальцем, обильно смоченным слюной. — Случайно, сэр, вы не мистер Адриан Руквисл?

— Это я, — покорно подтвердил Адриан.

— Так, — сказал полицейский с отеческой улыбкой. — В таком случае, сэр, может быть, вы не откажетесь проследовать со мной в участок. Необходимо кое-что выяснить. Как я понимаю, за этим вашим слоном числятся выдающиеся подвиги.

— Послушайте, сержант, — начал Адриан. — Я могу все объяснить.

— Ни слова! — выпалил вдруг чей-то резкий голос в толпе.

Испуганно оглянувшись, Адриан увидел, что команда исходила от круглого коротышки в поношенной визитке, в цилиндре, выглядящем так, словно по нему проехал тяжеловоз с телегой, мешковатых брюках и весьма преклонного возраста штиблетах с резинками и задранными вверх носками. Брюшко под визиткой облекал молескиновый жилет. Лицо украшали похожий цветом и фактурой на малину орлиный нос и ярко-синие глаза под косматыми сугробами седых бровей. Малый рост коротышка придавал ему сходство с карликом, усугубляемое пухлостью фигуры, однако он по-

Д

дошел к полицейскому с таким важным видом, что блюститель закона тотчас отступил на шаг и поднес, приветствуя, два пальца к шлему.

— Ни слова, — повторил коротыш, обращаясь к Адриану и предостерегающе подняв указательный палец.

Он держался так властно, что толпа, которая обменивалась какими-то замечаниями и посмеивалась, сразу притихла. Поправив цилиндр, коротыш громко шмыгнул посом. Видя, что его команда произвела требуемое действие, он явно был намерен извлечь максимум пользы из воцарившейся тишины.

Завершив манипуляции с цилиндром, он засунул пальцы в объемистый карман своего молескинового жилета и извлек оттуда большую помятую оловянную табакерку. Роза приняла ее за что-то съедобное и протянула вперед хобот, принимаясь.

— Фу, — холодно произнес коротыш, устремив на Розу недобрый взгляд, и, к великому удивлению Адриана, она смущенно (насколько слоны вообще способны смущаться) убрала хобот.

Было очевидно, что магия этого человечка подействовала на Розу так же, как на толпу. Тем временем он открыл табакерку, причем она протренькала несколько тактов британского гимна, аккуратно взял щепотку табака и поместил ее в ложбинку на кисти левой руки. После чего правой рукой закрыл табакерку и вернул ее в карман, а левую поднес к ноздре и втянул табак. Стояла мертвая тишина. Все, включая полицейского, увлеченно следили за происходящими маневрами. Коротыш сделал один вдох, второй, затем все тело его от кончиков ступней до макушки сотряс чудовищной силы чих, сопровождаемый резким всхлипом, который заставил всех, в том числе Розу, отступить на несколько шагов. Достав затем откуда-то огромный шелковый носовой платок, коротыш энергично высморкался, и раздававшемуся при этом трубному звуку позавидовал бы дикий слон. Платок был возвращен в карман, и владелец его снова поправил цилиндр, сбившийся набок от столь мощного чиха.

— Инспектор, — сказал коротыш, подняв косматые брови и глядя вверх на полицейского, — ныне вам выпала большая честь наблюдать картину, за право лицезреть которую многие отдали бы не один год своей жизни.

— Так точно, сэр, — отчеканил полицейский. — На самом деле я сержант, сэр.

— Все равно, в каком бы низком звании вы ни были, следует по достоинству оценить великий героический поступок, когда он совершается на ваших глазах.

— Так точно, сэр, — тупо произнес полицейский.

— В Писании сказано, — продолжал человек, сопровождая свои

слова ораторским жестом, — что мы владычествуем над птицами небесными и над всяким животным на земле.

— Кажется, так, сэр.

— Не кажется, а точно. Это относится и к слонам.

Он обнял левой рукой мокрые плечи Адриана, а правой взмахнул так, будто готовился принять теннисный мяч.

— Друзья, — возвестил он, — сей доблестный молодой человек, движимый священным заветом Библии, решительно, не задумываясь о собственной безопасности, бросился в ревущую стихию волн, чтобы спасти одно из животных на земле.

Тот факт, что маслянистую гладь воды в гавани не морщила даже малая рябь, нисколько не умалял силу его драматического заявления.

— Найдется ли среди вас мужчина, — говорил коротыш, обратясь к толпе, состоящей преимущественно из женщин, — хоть один мужчина, способный совершить подобный подвиг?

— Простите, сэр, — заметил полицейский, — я понимаю, что этот человек совершил отважный поступок, но дело в том, что он и его слон обьявлены в розыск.

Коротыш развернулся, точно зобастый голубь, и синие глаза его сверкнули, будто два барвинка под коркой льда.

— Перед вами, — он тщательно поправил цилиндр, — перед вами сэр Магнус Рэмпинг Фьюмитори. Полагаю, вам по ходу вашей долгой правоохранительной практики доводилось слышать это имя.

— Так точно, сэр, — полицейский уныло козырнул. — Я слышал о вас.

— Так вот, я желаю знать, — сказал сэр Магнус, — намерены ли вы арестовать этого молодого человека, героя морской пучины?

— В каком-то смысле — да, сэр, — ответил полицейский. — В общем, надлежит препроводить его и его слона в участок, чтобы он там ответил на кое-какие вопросы. На основании поступившей жалобы.

Сэр Магнус мрачно усмехнулся.

— Какое изощренное глумление над языком Шекспира... Тем не менее я понимаю, старший сержант, что вы обязаны выполнять приказ, каким бы ошибочным он ни был, а потому разрешаю вам задержать сего юного героя и постараюсь даже защитить вас от гнева толпы. Ибо совершенно очевидно, что ее симпатии не на вашей стороне.

Завороженная толпа, не понимающая толком, как и положено толпе, что происходит, одобрительно заворчала. Сэр Магнус улыбнулся слушателям, как дирижер улыбается оркестрантам в конце особенно трудного пассажа, затем повернулся к Адриану.

— Мой мальчик, — сказал он. — Я лично провожу вас до участка, и,

Д

если вас арестуют и предъявят вам обвинение, если они настолько бесчеловечны и жестоки, что арестуют вас и предъявят обвинение, я, сэр Магнус Рэмпинг Фьюмитори, лично буду вашим защитником.

— Большое спасибо, — ответил совершенно растерявшийся Адриан, который не мог даже взять в толк, в самом ли деле он арестован.

— А теперь извольте последовать за мной, — распорядился полицейский. — В участке вы, во всяком случае, сможете получить чашку горячего чая.

— Спасибо, — отозвался Адриан.

Он до того промерз, что даже арест его не пугал, если это сулило ему горячий чай.

— Не говорите ни слова, — напутствовал его сэр Магнус, — пока мы не придем в участок и не выясним, о каких там дурацких обвинениях идет речь.

Итак, Адриан снова взялся за ухо Розы и, сопровождаемый с одной стороны важно шествующим сэром Магнусом, с другой — грузно топающим полицейским, направился в участок; зеваки следовали за ними, перешептываясь и толкаясь.

Дойдя до участка, они с трудом и с помощью подкупа в виде нескольких батончиков хлеба убедили Розы постоять во дворе. Внутри мрачного здания из красного кирпича Адриана принял начальник, обладатель мясистого свекольного лица и внушительных усов.

— Добрый вечер, — молвил он, уставившись на Адриана, словно добродушный морж. — Ваше имя — Адриан Руквисл?

— Да, — ответил Адриан.

— И советую вам больше ничего не признавать, — прошипел сэр Магнус.

— Так вот, сэр, — продолжал начальник. — Против вас выдвинут ряд обвинений, и я обязан предупредить, что все сказанное вами может быть запротоколировано и использовано против вас на суде.

Он помолчал и сделал грозное лицо.

— Вот эти обвинения. Двадцатого апреля в графстве Броклберри вы нарушили общественный порядок на лугу по соседству с Монксеппер-роуд, выпустив на волю большого дикого зверя и позволив сему зверю причинить серьезные телесные повреждения егермейстеру Губерту Дарси; далее, вечером пятого июня вы нарушили общественный порядок, выпустив на волю большого дикого зверя в общественном учреждении, а именно в театре «Альгамбра», и позволив ему причинить серьезные телесные повреждения мистеру Эммануилу С. Клеттеркапу, директору сего театра.

Начальник остановился, посмотрел на свои бумаги, потом поднял глаза на Адриана, приветливо улыбаясь.

— Пока что вроде бы все, сэр, — заключил он.

— Смехотворные сфабрикованные обвинения, — заявил сэр Магнус, снимая цилиндр и опуская его со стуком на стол начальника. — Не волнуйтесь, дружище, я быстро высвобожу вас из ядовитой паутины, которой эти тупые невежды пытаются опутать вас и ваше благородное четвероногое.

— Боюсь, сэр, — невозмутимо произнес начальник, — мне придется взять вас под стражу, чтобы вы предстали перед судьей завтра утром.

— Хорошо, берите меня под стражу, но как быть с Рози? — возразил Адриан.

— Вы говорите о вашем слоне, сэр? Н-да, непростой вопрос. Понимаете, наши камеры для него маловаты.

— Ничего, она может постоять и на дворе, — сказал Адриан. — Если только ее накормят.

— Я позабочусь об этом, — отозвался начальник, взял лист бумаги, облизал кончик карандаша и вопросительно посмотрел на Адриана. — Итак, сэр, что она ест?

— Ну, если вы разбудите полмешка кормовой свеклы или брюквы — вообще-то, она предпочитает свеклу, — хорошую охапку сена, полмешка яблок, полмешка моркови, полмешка хлеба...

Лицо начальника полиции посуровело.

— Вы случайно не насмехаетесь надо мной?

— Нет, что вы, — серьезно сказал Адриан. — У нее чудовищный аппетит.

— Хорошо. Я посмотрю, сэр, что можно будет сделать. А теперь позвольте мне увидеть, что у вас в карманах, сэр, и сверить со мной их содержимое. В свое время вам все будет возвращено.

Адриан опорожнил свои карманы, начальник сложил его имущество в большой коричневый конверт и запер в шкафу.

— А теперь, сэр, — произнес он, точно швейцар в роскошном отеле, — если вы последуете за мной, я покажу вам ваше пристанище.

Сэр Магнус протянул руку Адриану.

— Не волнуйтесь, дружище. Я приду завтра утром и прослежу, чтобы с вами обошлись справедливо. Смотрите на все это как на тягостный, но мимолетный сон.

— Я уже чувствую себя, будто в кошмарном сне, — мрачно заметил Адриан.

По кирпичному коридору он проследовал за начальником полиции к нишам, где помещались маленькие камеры, большинство из которых, судя

Д

по звукам и просачивающемуся из них запаху алкоголя, занимали обитатели, коих Роза сочла бы за честь числить среди своих друзей. Открыв одну из дверей, начальник ввел Адриана в крохотное беленое помещение с деревянными нарами и комодом с довольно неожиданными в такой обстановке, расписанными розовыми и синими цветочками фарфоровыми тазом и кувшином.

— Пришли, сэр, — сказал начальник полиции. — Желаю вам хорошо отдохнуть, а завтра утром увидимся вновь.

С этими словами он закрыл дверь и запер ее на засов. Освободившись от сырой одежды, Адриан улегся на узкие жесткие нары и устался в потолок. Он не сомневался, что ему присудят не меньше года каторжных работ, но, как ни странно, не это беспокоило его, а что станет с Розой. Еще его мучило сознание, что он не увидит Сэмэнту раньше, чем через год. И увидит ли вообще — к этому времени она куда-нибудь переедет или, хуже того, выйдет замуж за какого-нибудь неотесанного мужлана, неспособного оценить ее по достоинству.

Пребывая в камере в полном одиночестве, Адриан так ярко представил себе, чем все может обернуться, что его прошиб холодный пот. Вот суд приговаривает Розу к смертной казни, стучат каблуки взвода солдат, выделенного для приведения приговора в исполнение, они входят на двор за полицейским участком, раздается ружейный залп, обливающееся кровью тело Розы глухо шлепается на булыжник, меж тем как Сэмэнта неизбежно выходит замуж за ширококостного, волосатого, грубого деревенского парня, который каждую субботу вечером станет колотить ее, так что, если даже Адриан когда-либо ее отыщет, его взгляду предстанет жалкая тень былой Сэмэнты, и золотые искорки в ее очах погаснут. Учитывая богатое воображение Адриана, неудивительно, что он почти не сомкнул глаз за всю ночь.

Утром к нему явился плечистый сержант, неся кружку чая и ломоть черного хлеба, и Адриан обнаружил, что он не только голоден, но совершенно охрип.

— Как там Роза? — просипел он.

— За нее не тревожьтесь, сэр, — успокоил его полицейский. — Эта слониха своего не упустит. Начальник еле поспевал ее кормить, чуть с ума не сошел. Отменный зверь, сэр.

— Пожалуй что так, в известном смысле, — согласился Адриан.

— Похоже, у вас с ней были какие-то проблемы.

— Да уж, — коротко ответил Адриан, не желая вновь все рассказывать. — Когда нам надо явиться в суд?

— В десять часов, сэр, — ответил полицейский.

— Скажите, вы не могли бы одолжить мне бритву? — спросил Адриан.

— Я свою оставил где-то в спешке.

— Будет сделано, сэр, — сказал полицейский, выходя из камеры и запирая дверь.

Вскоре он вернулся с опасной бритвой. Проследив за тем, как Адриан умывался и брился, забрал ее и исчез.

«Теперь, — сказал себе Адриан, — следует продумать, как я стану защищаться». И он принялся лихорадочно мерить шагами камеру, иногда останавливаясь и энергично жестикулируя, чтобы убедить воображаемых безжалостных присяжных, что он и Роза не совершили никакого преступления. Все же под конец он вынужден был признать, что его доводы, если вообще годилось это слово, звучат отнюдь не веско. Оставалось только положить на сэра Магнуса. Судя по тому, с какой нескрываемой неприязнью на него смотрели полицейские, они хорошо его знали, и причиной неприязни были его успешные выступления в суде. Однако в данном деле, думалось Адриану, даже самому блестящему адвокату было бы трудновато доказать его невиновность.

В десять часов снова появился полицейский, зловеще позвякивая наручниками.

— Пора, сэр, — бодро возвестил он. — Тут совсем рядом, но если не указываете, сэр, это чистая формальность, сэр, наденем эту штуку.

Адриан подставил левую руку, другое кольцо полицейский надел себе на правую.

— Вот так, — отеческим тоном произнес он. — Полный порядок, как в аптеке.

— А Роза тоже должна явиться в суд? — спросил Адриан.

— Нет, сэр, — ответил полицейский. — В этом нет необходимости. Она, если так можно выразиться, представляет собой вещественное доказательство. До окончательного слушания дела не понадобится.

В арестантской их ждал сэр Магнус. При дневном свете его визитка, цилиндр и штиблеты выглядели еще более изношенными, чем накануне вечером, и было очевидно, что особо неустрашимые представители семейства молей основательно потрудились над изничтожением молескинового жилета.

— Дорогой Адриан, — начал он, приветливо помахивая своей тростью, — надеюсь, вы хорошо отдохнули ночью, хотя боюсь, что в таких заведениях с удобствами дело обстоит неважно.

— О, я лежал достаточно удобно, — ответил Адриан, — но спал совсем скверно.

Сэр Магнус метнул в него грозный взгляд из-под седых бровей.

Д

— Вы не полагаетесь на меня? — сердито спросил он.

— Почему, полагаюсь, — испуганно молвил Адриан.

— В таком случае перестаньте паниковать. — Он лихо надел набекрень свой цилиндр и распорядился, взмахнув тростью: — Пошли подышим воздухом.

Сэр Магнус вышел из полицейского участка с таким видом, будто возглавлял парад; сержант и Адриан последовали за ним, мелодично позвякивая наручниками. Впервые Адриан почувствовал, что должна была ощущать Роза, когда на нее надевали цепи. Прохожие на улицах оглядывались на странную троицу, и с каждым шагом Адрианом овладевал все более сильный страх. Он даже облегченно вздохнул, когда они вошли в здание суда.

Почему-то ему представлялось, что дело будет тут же рассмотрено, приговор вынесен и его выведут из суда закованным в кандалы; тем сильнее было удивление Адриана, когда он обнаружил, что правосудие вершится вовсе не таким быстрым и образцовым манером. Судья — мужчина с лицом прирожденного преступника, как показалось ему, — приготовился терпеливо выслушать показания сержанта, задержавшего Адриана. Сержант — бас-профундо в полицейском хоре — читал по записной книжке медленно и нудно, тщательно выговаривая каждое слово:

— Сержант полиции Эммануил Дрей, номер сто двадцать четыре, полицейское управление острова Скэллоп. Сэр, вечером пятого июня я следовал вдоль пристани, когда мое внимание было привлечено зрелищем толпы, которая собралась на указанной пристани и с явными признаками возбуждения смотрела на воды гавани. Проследовав на край пристани, я заметил обвиняемого, который барахтался в воде вместе с каким-то большим неопознанным объектом, оказавшимся при ближайшем рассмотрении слоном. Поскольку до того мне было сообщено, что один владеющий слоном человек разыскивается для допроса в связи с имевшими место в графстве Броклберри беспорядками, я пришел к выводу, что это и есть упомянутый джентльмен. Когда он и его слон поднялись на пристань, я обратился к нему и спросил, его ли это слон.

Здесь судья поднял брови и прокашлялся с таким звуком, какой можно слышать, когда ящерица протискивается между двумя камнями.

— Сержант, — сказал он, — почему вы спросили, его ли это слон? Разве не очевидно, что, если некто барахтается в воде вместе со слоном, этот слон принадлежит ему?

Сержант, несколько сбитый с толку вмешательством судьи, переминался с ноги на ногу.

— Дело в том, сэр, — ответил он, краснея, — я подумал, что он, возможно, приставлен к слону, который принадлежит кому-то другому.

Судья тихо вздохнул.

- Весьма невероятная гипотеза. Продолжайте.

Толстому пальцу сержанта понадобилось около минуты, чтобы найти строку, где он остановился. Затем он прочистил горло, откинул голову назад, точно хорист, и продолжал:

— Обвиняемый ответил: «Он мой». Тогда я спросил, не мистер ли он Адриан Руквисл. На это он сказал: «Это я». После этого я предложил ему проследовать со мной в участок, необходимо кое-что выяснить. На что он ответил: «Послушайте, сержант, я могу все объяснить».

Сержант Дрей остановился и посмотрел с улыбкой на судью, явно понимая, что эти слова означали признание вины.

— Ну? — холодно произнес судья.

— Ну тогда, сэр, — продолжил сержант Дрей, чей триумф явно не состоялся, — я отвел его в участок, где ему было предъявлено обвинение и его взяли под стражу.

— Понятно, — сказал судья. — Благодарю вас, сержант.

Сержант Дрей покинул свидетельскую скамью с изяществом тяжело-ищи, судья полистал лежащие перед ним бумаги, потом снова поднял взгляд. Снова взял инспектор полиции.

— Я требую, сэр, — заявил он, — чтобы обвиняемый оставался под стражей, дабы через неделю предстать перед судом для рассмотрения его дела.

Судья вопросительно посмотрел на сэра Магнуса Рэмпинга Фьюмитори, который все это время, казалось, крепко спал. Сэр Магнус поднялся на ноги.

— Сэр, — начал он, извлекая из кармана табакерку и постукивая по ней указательным пальцем, — мои друзья из полиции (инспектор приготовился что-то рявкнуть, но взгляд судьи укротил его) предъявили моему клиенту какие-то пустяковые, сфабрикованные обвинения.

Сэр Магнус картинно взмахнул руками.

— Сэр Магнус, — перебил его судья, — всем нам не только известно наше ораторское искусство, мы восхищаемся им. Однако позвольте заметить вам, что в данный конкретный момент речь еще не идет о слушании дела вашего клиента.

— Сэр, — отозвался сэр Магнус, — сей благородный юноша, находящийся здесь, как вы любезно заметили, не потому, что его дело уже рассматривается судом, и против которого не представлено еще ни одного доказательства, окажется в заточении, если будет удовлетворено требование моих друзей из полиции, окажется отрезанным от друзей и родных, от всяких радостей кипучей жизни, отрезанным даже от великолепной бессло-

Д

весной твари, бывшей в минуты лишений его единственным утешением, отрезанным, я бы сказал...

— Сэр Магнус, — резко произнес судья, — я был бы весьма благодарен, если бы вы перешли к сути. Что именно вы предлагаете?

— Залог, сэр, — с чувством молвил сэр Магнус, величественно взмахнув рукой и ненароком высыпав при этом горсть нюхательного табака на стол перед собой. — Мой клиент, сэр, не проходимец какой-нибудь, не бродяга, не цыган, не оборвыш, не шарлатан...

Терпение судьи явно было на пределе.

— Сэр Магнус, — перебил он, — мы собрались здесь не для того, чтобы составить словарь синонимов.

— Короче, — невозмутимо продолжал сэр Магнус, — я хотел сказать, что мой клиент — человек состоятельный, он вполне способен, больше того — он готов внести залог, чтобы хоть на короткое время вернуться во внешний мир.

— Довольно, — кисло молвил судья. — Я уяснил себе, чего вы хотите.

Откинувшись назад на кресле, он смерил Адриана холодным взглядом.

— Обычно мы в таких делах не отвергаем рекомендации полиции. Однако в данном случае мы явно имеем дело с целым рядом необычных обстоятельств, посему я готов назначить залог в сумме пятидесяти фунтов под подписку о невыезде.

— Глубоко благодарен вам, сэр, — сказал сэр Магнус и низко поклонился судье.

После чего, осторожно открыв табакерку, ссыпал в нее обратно весь табак со стола под звуки британского гимна.

Совершенно сбитый с толку, Адриан заключил, что каким-то чудом может считать себя свободным, отделавшись всего лишь штрафом в упомянутые полсотни фунтов. Секретарь суда устремил на Адриана властный взгляд.

— Встаньте, Руквисл, — приказал он.

Адриан неуверенно подчинился.

— Адриан Руквисл, вам надлежит внести залог в размере пятидесяти фунтов, вы освобождаетесь под подписку о невыезде с обязательством явиться в данный суд в следующий вторник. Вам понятно? — спросил судья.

— Да, сэр, — ответил Адриан.

Он покидал суд в состоянии душевного подъема. Свобода! Он свободен, Роза свободна, и, если повезет, он вскоре вновь увидит Сэмэнту. После всех пережитых им ужасов наступил момент торжества, коим он был

готов вполне насладиться. И когда они ступили на тротуар, Адриан схватил руку сэра Магнуса Рэмпинга Фьюмители и принялся энергично трясти ее.

Дорогой сэр Магнус! — воскликнул он. — Как мне вас отблагодарить? Подумать только, именно вы, с вашим блестящим умом, пришли мне на выручку, спасли меня и Розу от уготованной нам трагической судьбы. У меня нет слов, чтобы выразить всю мою благодарность.

Сэр Магнус с видом страдальца, одолеваемого приставаниями восторженного щенка, высвободил свою руку и попятился.

О чем вы говорите? — справился он, сердито глядя из-под густых бровей.

— Как о чем — о приговоре, — ответил Адриан.

— О каком приговоре?

— Но... меня ведь выпустили. Только оштрафовали на пятьдесят фунтов.

Сэр Магнус зажмурился, словно от боли, прошелся взад-вперед по тротуару, затем остановился перед Адрианом и вперил в него взгляд, постукивая табакеркой по его груди.

— Попробуйте, — едко произнес он, — не равняться в кретинизме с силами правопорядка. Я всего лишь добился вашего освобождения под залог. Через неделю вам надлежит явиться в суд, где будут заседать присяжные, и уже от них будет зависеть ваша дальнейшая судьба.

— О, — уныло молвил Адриан, — я и не знал...

Счастливого расположения духа вдруг испарилось, его вновь посетили кошмарные видения — как Роза казнят на рассвете и Сэмента выходит замуж за недостойного человека.

— Ну и что я теперь должен делать? — печально осведомился он.

— Действовать! — сэр Магнус покраснел и задергался, точно рассерженный индюк. — Забрать Розу и проследовать в мое маленькое гнездышко, расположенное недалеко отсюда, где мы, если вы еще не совсем пали духом, займемся подготовкой защиты.

— Дело в том, — растерянно сказал Адриан, — что я не очень разбираюсь в том, как действует закон.

— Ничего удивительного, — твердо произнес сэр Магнус. — Где уж нам разбираться, если даже мы, кому назначено применять закон, мало в этом смыслим.

— Все равно что садиться на поезд, — заметил Адриан, — не зная, как управлять паровозом.

Сэр Магнус шумно вдохнул щепотку нюхательного табака.

— Ну, я не стал бы особенно волноваться. Когда едешь поездом, самое главное — не пропустить нужную станцию.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ЗАКОН

«Маленькое гнездышко» сэра Магнуса оказалось недавно построенной на скалах сразу за городом усадьбой в стиле тюдор. Розы поместили в просторном сарае на конном дворе, и Адриан поселился в доме сэра Магнуса, который был, мягко говоря, достаточно взыскательным хозяином.

Начать с того, что он питал неизбывную страсть к вишневой наливке, которую потреблял (настаивая на участии Адриана) в огромных количествах, причем разыгрывал, точно в шахматы, необычные варианты, добавляя в наливку разные субстанции и проверяя на себе результат. На третий день желудок Адриана начал восставать против бесчисленных экспериментов сэра Магнуса, и Адриан твердо решил, что смесь вишневой наливки с молоком и портером, налитая в высокую пивную кружку, ему определенно противопоказана.

Кроме того, сэр Магнус обладал способностью обходиться вовсе без сна. Первые три дня он требовал, чтобы Адриан снова и снова рассказывал ему историю своих приключений, сам при этом либо меряя шагами рабочий кабинет, либо исполняя у кухонного стола вариации на тему черри-бренди. В третьем часу ночи Адриан, с трудом волоча ноги, скорее мертвый, чем живой, направлялся в отведенную ему спальню. И только сомкнет глаза, как у его кровати возникает одетый в причудливо расшитую ночную рубашку сэр Магнус, требуя, чтобы он повторил какую-то часть своего рассказа.

Утром четвертого дня, когда Адриан с гудящей от вишневой наливки головой и слипшимися от недосыпа веками спустился вниз к завтраку, он застал сэра Магнуса уже сидящим за столом и уплетающим огромный омлет с такой энергией, как будто он только что вернулся домой после отрадного долгого отдыха.

— А теперь, — начал сэр Магнус, как будто ночной разговор и не прерывался, — нам нужно сделать следующее. Вызвать всех, повторяю — всех, с кем вы сталкивались на вашем разрушительном пути, в качестве свидетелей.

— Не вижу, что это нам даст, — уныло отозвался Адриан.

— Подумайте о присяжных, дружище, — сказал сэр Магнус, отправляя в рот кусок омлета, сдобренный горстью черного перца.

Адриан, вертя в руках яйцо всмятку и борясь с тошнотой, был совершенно не в состоянии думать о присяжных.

— А что с ними? — спросил он.

Сэр Магнус откинулся на стуле, вытер рот полотняной салфеткой, достал табакерку, отправил по понюшке в каждую ноздрю, оглушительно чихнул и высморкался.

— Вся прелесть английского правосудия, — заговорил он звонким, мелодичным голосом, — заключается в том, что оно основано на двух абсолютно нелогичных принципах. Во-первых, все воображают, будто их судят присяжные, но это, разумеется, полнейший вздор. На самом деле все решает судья, инструктирующий присяжных. Возьмем теперь этих присяжных. Исходя из странного понятия, будто двенадцать человек лучше, чем два человека, или шесть, или четыре, никто не принимает в расчет, что двенадцать недоумков могут быть опаснее, чем два. Мой опыт показывает, что *все* судьи и *все* присяжные — недоумки. Вот почему у самого заурядного преступника нет никаких шансов и невинный человек также обречен еще до того, как сел на скамью подсудимых.

Адриан опешил.

— Я привык думать, что у нас весьма справедливая система.

— Примерно такая же справедливая, как схватка озверелых регбистов, — холодно заметил сэр Магнус.

— И все же я не понимаю, — продолжал Адриан, — какой мне будет прок, если мы вытащим кучу людей из разных концов страны.

Сэр Магнус зарядил ноздри новой порцией табака и чихнул.

— Это потому, дружище, — сказал он, — что вы не размышляли как следует над этой проблемой. Представьте себе, что я овчарка.

Он наклонился вперед и свирепо уставился на Адриана из-под бровей, похожий скорее на злобного керн-терьера, чем на овчарку. Тем не менее Адриан покорно сделал попытку представить себе, что сэр Магнус — овчарка.

— Еще представьте себе, — сэр Магнус наставительно поводил пальцем в воздухе, — что присяжные — стадо овец, причем, сравнивая их со стадом овец, я изрядно завышаю обычный уровень коллективного разума присяжных.

Он остановился, бросил задумчивый взгляд на стоящий на буфете графин с вишнежкой, потом посмотрел на часы и упыло вздохнул.

— Так вот, я — овчарка, присяжные — стадо овец, а судья — охотник за чужим скотом, — голос сэра Магнуса понизился почти до шепота; он встал, заходил взад-вперед вдоль стола, потом вдруг остановился, глядя на Адриана. — И что же из этого следует? А то, что обязанность моя, как овчарки, отогнать вора и направить моих курчавых присяжных ягнят в загон правильного решения. Вы уловили соль?

Д

— Ну, в общих чертах, — ответил Адриан. — Однако разве вы можете так верховодить судьей?

— Судьи, — холодно произнес сэр Магнус, — всего лишь неискушенные законники.

Не очень-то вразумительное описание того, как действует правосудие, сказал себе Адриан, но за неимением опыта в общении с этой системой спорить не стал. Тем временем сэр Магнус подошел к двери, распахнул ее и крикнул:

— Скрич!

На его зов явился, подобострастно кланяясь, некий сморщенный лысый субъект.

— Скрич, — указал на него взмахом руки сэр Магнус, — составит надлежащие послания всем тем, кто мне нужен в качестве свидетелей. Придется вам посидеть вместе, сообщите ему необходимые детали.

— Хорошо, — ответил Адриан, — как скажете.

Он вдруг сообразил — и его обдало жаром при этой мысли, — что он может написать Сэмэнте, вызвать ее как свидетеля. Сэр Магнус посмотрел на графин с вишнежкой так, словно увидел его впервые.

— Однако на пустой желудок, — заметил он, — нельзя браться за такую работу. Выпейте вишнежки.

— Пожалуй, я воздержусь, если не возражаете, — сказал Адриан. — Мне нужна ясная голова, чтобы сочинить все эти письма.

— Вам виднее, — отозвался сэр Магнус, подошел к буфету, смешал в кружке вишнежку с ирландским виски и соком двух лимонов, проглотил эту смесь и постоял несколько секунд, передергиваясь всем телом.

— Интересно, — мягко произнес он с закрытыми глазами. Потом повернулся к своему горемычному клерку и рявкнул: — Вам известна ваша задача, Скрич! Мистер Руквисл изложит вам детали, и к двенадцати часам все письма должны быть отправлены!

— Разумеется, сэр Магнус, — ответил Скрич. — Будет сделано, сэр Магнус.

Сэр Магнус прошагал к выходу из столовой и захлопнул за собой дверь, оставив Адриана наедине со Скричем, совершенно бесцветным, но весьма старательным тугодумом, обладателем каллиграфического почерка. Без десяти двенадцать наконец было написано последнее — адресованное Сэмэнте — письмо, и в ту же минуту в комнату ворвался сэр Магнус. Скрич собрал все бумаги и смиренно удалился.

— Я подумал, — объявил сэр Магнус, — что у вас какой-то нездоровый вид. Не могу допустить, чтобы мой драгоценный клиент бледно выглядел в суде.

По-моему, — Адриан подавил зевок, — все дело в недосыпе.

Ерунда, — возразил сэр Магнус. — Вы нуждаетесь в стимулянтах. Без сна вполне можно обойтись, но нельзя обходиться без стимулянтов.

Хотелось бы знать, вяло подумал Адриан, что сэр Магнус считает стимуляцией. Не иначе бой с семнадцатью испанскими быками перед ленчем.

— Возможно, вы правы, — кротко молвил он.

— Предлагаю, — сэр Магнус потер руки, — нам с вами и Рози совершить прогулку после ленча.

— Прогулку? — испуганно произнес Адриан.

— Вот именно. Мы прогуляемся по набережной.

— По-вашему, это хорошая идея?.. — начал Адриан.

— По-моему, это отличная идея. Легкий ленч, затем интенсивная прогулка, и вы убедитесь, что вам сразу станет лучше от свежего морского воздуха.

Управившись с легким ленчем (который состоял из дюжины устриц, желтого, как солнечный закат, пышного грибного суфле, купающегося в густом коричневом соусе, нежного, розового на срезе, как коралл, окорока с подлежащим овощным гарниром и бисквита, обильно пропитанного вишней и залитого двумя-тремя литрами сбитых сливок), они пошли погулять по набережной, захватив с собой Рози.

Невыспавшийся, с набитым животом, Адриан еле волочил ноги и никак не мог понять, каким образом эта прогулка может расположить местных жителей в его пользу. А сэра Магнуса, казалось, ничуть не занимала их реакция. Перекинув свою трость через плечо, он зацепил ее концом хобот Рози, и так они шагали вместе в духе полной приязни. Всякий раз, как им встречались группы детей, восторженно таращащих глаза на слониху, сэр Магнус подтягивал Рози тростью вперед, позволяя им трогать ее ноги и поглаживать хобот. Рози, которая, как и большинство добродушных зверей, твердо верила, что люди не способны ее обидеть, радовалась такому вниманию и кончиком хобота, способного стать весьма грозным оружием, тихонько обнюхивала веснушчатые физиономии, косички и грязные ручонки.

В пять часов, к великому облегчению Адриана, после того как они четырнадцать раз прошлись взад-вперед по набережной, все трое вернулись в усадьбу сэра Магнуса, где отвели Рози в сарай, после чего мужчины сели пить чай в библиотеке. Сэр Магнус почему-то был очень доволен прогулкой. Уписывая горячие румяные гренки с маслом, хрустящие тонкие лепешки с кремом и клубничным джемом и большие сочные куски фруктового торта, благоухающего, словно лес в разгар зимы, Адриан слушал очередную лекцию сэра Магнуса на юридические темы, из которой понимал не больше десяти процентов.

Д

— Скажите, — перебил он наконец хозяина, — почему вы были так довольны нашей прогулкой?

Сэр Магнус критически посмотрел на свой чай, добавил в него ложку вишневой наливки и задумчиво размешал.

— Видите ли, дружище, — начал он умильным тоном, каким обычно обращаются к умственно отсталому ребенку, — вам, вероятно, невдомек, что пути правосудия никогда не бывают гладкими. Сегодня множество людей наблюдали, как мы спокойно, цивилизованно прогуливались на свежем воздухе вместе с Рози. Слониха, как я и ожидал, вела себя образцово на глазах у всех этих взрослых зевак. С выдержкой, делающей ей честь, она обнюхивала и гладила мерзких сопливых отпрысков местных жителей. Можете не сомневаться — слух о доброте и деликатности Рози уже дошел до самых скромных лачуг сего города.

Сэр Магнус остановился, чтобы съесть еще одну лепешку с кремом и джемом, затем вытер рот и продолжал не совсем внятно, зато вполне самодовольно:

— Мне все равно, где суд будет набирать своих присяжных, но, как только те придут, услышат от кого-нибудь, какое Рози воспитанное создание.

— Пойдите, — ужаснулся Адриан, — я полагал, что весь смысл суда присяжных в том и заключается, что на его членов нельзя влиять.

Сэр Магнус встал, выпрямился во весь свой почти полтораметровый рост и устремил на Адриана надменный взгляд.

— Вы не можете, — жестко произнес он, — подкупить присяжных. Это было бы неэтично.

— Я как раз об этом и подумал, — отозвался Адриан.

— Однако, — вкрадчиво добавил сэр Магнус, — поскольку в присяжные попадают люди, заведомо не блещущие умом, их мысли можно направить по нужному руслу.

С этими словами он наполнил свою чашку вишневой наливкой и одним глотком опорожнил ее.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЗАКОН В ДЕЙСТВИИ

Следующие несколько дней стали для Адриана чрезвычайно утомительными. Несмотря на все его возражения, сэр Магнус настоял на том, чтобы он лично написал письма всем, кого хоть как-нибудь коснулись похожде-

нии Розы. Адриан был уверен, что от большинства из них в суде не будет никакого прока.

— Мальчик мой, — говорил сэр Магнус, — предоставьте мне об этом судить. Теперь эта особа Филигри, как насчет ее отца?

— Боже, только не его! — в ужасе воскликнул Адриан. — Он только и говорит, что о своих реинкарнациях.

— Отлично, — сказал сэр Магнус. — Лучший способ заморочить голову присяжным — пуститься в рассуждения о реинкарнациях. Предложите дочушке, чтобы захватила с собой отца.

Адриан был в отчаянии. Он не сомневался, что выступление мистера Филигри в роли свидетеля обеспечит ему как минимум пожизненную каторгу. Как бы то ни было, в надлежащее время поступило краткое письмо, в котором «искренне ваша» Сэмэнта сухо извещала, что она и ее отец готовы быть на суде свидетелями.

Один за другим начали являться первые свидетели. Мистер Паклхэммер в костюме в желто-черную клетку и новеньком коричневом котелке был рад вновь видеть Адриана и Розы. Черная Нелл, которую удалось разласкать не без труда; Гонория и Этельберт, упивающиеся драматическим развитием событий, причем Гонория под влиянием джина то и дело разражалась рыданиями при мысли о том, что Розы будет казнена, а Адриан заточен в тюрьму. Сэр Магнус, сам изрядный актер, чрезвычайно высоко оценил ее искусство, и после того как эта пара удалась, у Адриана осталось тревожное ощущение, что сэр Магнус репетирует не столько защиту, сколько некую музыкальную драму.

Вслед за тем приехали отец и дочь Филигри. Сэмэнта — прекрасная, но холодная — удостоила Адриана сдержанным рукопожатием и сообщила, что рада случаю возобновить знакомство с Розой, чем сильно его уязвила. Мистер Филигри был в полном восторге, ему впервые (не считая прежних воплощений) представилась возможность увидеть море, и он пустился в пляс на берегу, размахивая пухлыми руками, точно большая медуза щупальцами. Всякий раз, когда у сэра Магнуса возникал какой-то вопрос к мистеру Филигри, того не оказывалось в доме, и приходилось отправлять за ним людей к морю, где он предавался полюбившемуся занятию — купанию Розы на мелководье и сооружению песочных замков с соседскими детьми.

И между всеми ними, рыча, как зверь, или воркуя, точно голубь, важно выступал сэр Магнус, сплетая вместе нити различных повествований. За ним неотступно следовал Скрич, чье перо верещало, словно обезумевший выюрок, исписывая страницу за страницей. Попытки Адриана повидаться с Сэмэнтон наедине не принесли успеха. Она держалась вежливо,

Д

но сухо, и с каждым днем Адриан чувствовал себя все более несчастным. И когда пришло время явиться в суд, он был во власти черной меланхолии, тогда как сэр Магнус, воинственный, как рождественский индюк, расхаживал кругом, поглощая в больших количествах вишневую наливку и излучая добродушие и уверенность.

Адриан думал, что суд состоится в том же унылом, похожем на школьный класс помещении, где проходило предварительное слушание; тем сильнее было его удивление, когда он увидел красивый зал. Судья восседал в тяжелом кресле за дубовым столом, украшенным резьбой, которая изображала листья, желуди и пухлых танцующих херувимчиков. Даже свидетельская скамья была обнесена резной перегородкой. Высокий белый потолок украшали синие и золотые барельефы.

За царившей в зале почтительной тишиной угадывалось суетливое движение. Сэр Магнус обнаружил, что Скрич забыл дома половину записей, и пришел в такую ярость, что Адриан опасался за жизнь несчастного клерка. Озабоченный тем, чтобы как-то утихомирить сэра Магнуса, он не сразу заметил, что зал наполнился публикой и воцарилась атмосфера напряженного ожидания.

Появился высоченный костлявый субъект в напоминающем крылья летучей мыши, свисающем длинными складками облачении и сдвинутом набок парике. На худом вытянутом лице выделялись голубой подбородок, карие, как у спаниеля, выразительные глаза и кривая щелочка рта. Если бы не длинная мантия, его можно было бы принять за худосочного владельца похоронного бюро из города, в котором никто не умирал.

— Кто это? — спросил Адриан у сэра Магнуса.

— Этот? — сэр Магнус бросил в ту сторону свирепый взгляд из-под бровей. — Это сэр Огастес Талисмен. Обвинитель.

— Что-то мне не очень нравится его вид, — заметил Адриан.

— Кого, старины Гасси? — удивился сэр Магнус. — Что вы, он по-своему довольно симпатичный малый. Но когда вы всю жизнь обвиняете людей, поневоле это отразится на вашей внешности.

— А кто судья? — осведомился Адриан.

— О, тут нам повезло, — удовлетворенно объявил сэр Магнус. — Судьей назначен старина Топси.

— Топси! Необычное имя для судьи!

— Да нет же, — нетерпеливо произнес сэр Магнус. — Это его прозвище. На самом деле он лорд Криспин Тэрви.

— Не понял, — растерянно признался Адриан.

— Господи, что же тут непонятного? Тэрви-Топси, Топси-Тэрви, что

означает — кутерьма, неразбериха. Лучший судья в нашем округе, непременно все перепутает. Оттого-то у обвинителя такое унылое лицо.

— Вы хотите сказать, — удивленно молвил Адриан, — он не отдает себе отчета в том, что делает, и тем не менее его назначили судьей?

— Почему, *он* отдает себе отчет. Только делает прямо противоположное тому, что на его месте стал бы делать другой судья. Полагаю, никто не упек в тюрьму столько невинных людей.

— Н-да, не вижу, какая мне от этого радость, — заметил Адриан.

Сэр Магнус вздохнул, как человек, вынужденный терпеливо слушать речи глупца.

— Послушайте, — молвил он кротко, — вам назначают в судьи заведомого путаника, так?

— Ну, — смиренно отозвался Адриан.

— Так вот, если судья заведомый путаник, ваше дело почти в пяляпе. Он запутает присяжных, а я запутаю их всех.

— Право, не понимаю... — начал Адриан.

— Вы даже не представляете себе, каких результатов можно добиться при помощи хорошей путаницы. Это что-то вроде дымовой завесы на поле боя.

— Ну да, кажется, я начинаю понимать, — сказал Адриан.

Однако в душе он заранее примирился с тем, что при таком защитнике, как сэр Магнус, сидеть ему в тюрьме не меньше десяти лет.

Секретарь суда поднялся со стула.

— Прошу всех встать, — возвестил он звонким фальцетом.

В зале зашаркали ноги, заскрипели стулья. Сбоку открылась дверь, и морщинистый человечек в красной мантии, заняв место в большом резном кресле, повертел головой, словно озадаченный крот. Все сели, кто-то прокашливался, кто-то шуршал бумагами. Снова поднялся секретарь.

— Милорд, — пропел он. — Корона против Адриана Руквисла. Адриан Руквисл, — продолжал секретарь, всматриваясь в послушно вставшего Адриана, — вы обвиняетесь в том, что пятого июня в театре «Альгамбра» на острове Скэллоп в графстве Броклберри, в общественном месте, то есть театре «Альгамбра» на Скэллопе, учинили нарушение общественного порядка в вышеупомянутом театре «Альгамбра», причинив при этом серьезные телесные повреждения некоему Эммануилу С. Клеттеркапу, для какой цели применили большое дикое толстокожее, то есть слона, против вышеупомянутого Клеттеркапа в вышеупомянутом театре «Альгамбра». Вы признаете себя виновным?

Адриан был приведен в такое замешательство услышанным, что молча таращился на секретаря суда.

Д

— Невиновен, — подсказал сэр Магнус.

— Невиновен, — повторил за ним Адриан.

Секретарь сел. Рослый добродушный полицейский, стоящий рядом с Адрианом, приятельски ткнул его пальцем в бок и прошептал:

— Садись, парень.

Адриан наклонился через перегородку к сэру Магнусу.

— Что будет дальше?

Сэр Магнус зарядил нос понюшкой табака и заставил весь суд вздрогнуть от оглушительного чиха.

— Старина Гасси начнет бубнить свое, — ответил он. — Расслабьтесь пока. Можете подремать, если хочется.

Судья обвел неуверенным взглядом зал, пытаясь определить, откуда именно исходил чих. Наконец сосредоточил взор на сэре Магнусе.

— Сэр Магнус, — сказал он.

— Милорд? — отозвался сэр Магнус, вставая на ноги и изображая подобострастный поклон.

— Мне известно, — продолжал судья, — что вами владеет пристрастие к нюханию табака. Я был бы весьма благодарен, если бы вы могли сообщить мне, намерены ли вы и впредь прерывать нас внезапными громкими звуками, без которых вы, по-видимому, не можете обойтись всякий раз, как берете понюшку?

— Простите, милорд, — ответил сэр Магнус. — В следующий раз я постараюсь удержаться.

— Да уж, постарайтесь, — сказал судья и перевел взгляд на обвинителя. — Поскольку сэр Магнус прочистил свои носовые проходы, мы слушаем вас, сэр Огастес.

Сэр Огастес Талисмен встал, приветственно кивнул судье, с минуту приводил в порядок складки своей мантии и перебирал лежащие на столе перед ним бумаги, затем повернулся к своему клерку и шепотом посоветовался с ним. Нырнув под стол, клерк появился оттуда, прижимая к себе полдюжины толстых томов с множеством розовых закладок, и положил их перед сэром Огастесом. Тем временем сэр Магнус и судья, разобравшись с вопросом о нюхательном табаке, явно задремали. Сэр Огастес еще раз поправил складки, прокашлялся и заговорил, сжимая одной рукой отворот мантии.

— Милорд, — начал он медоточивым голосом, — перед вами дело, которое я назвал бы по меньшей мере необычным. Настолько необычно это дело, что потребовалось много времени и терпения с моей стороны, прежде чем я обнаружил прецедент в законах этой страны.

Он сделал паузу, нежно погладил лежащие на столе тома в переплетах из телячьей кожи, затем продолжал:

— Выражаясь кратко, милорд, — ибо у меня нет ни малейшего желания тратить попусту драгоценное время вашей светлости, как и нет сомнения, что ваша светлость предпочитает слышать только то, что существенно и важно, — итак, я назвал бы это грубейшее нарушение закона (и, употребляя такие слова, я нисколько не преувеличиваю), это грубейшее нарушение закона одним из самых экстраординарных случаев, с какими я когда-либо сталкивался за время моего долгого служения Фемиде.

Обвинитель снова остановился и опустил взгляд на свои бумаги, задумчиво постукивая по ним указательным пальцем. Сэр Магнус, судя по всему, безмятежно дремал, к великому разочарованию Адриана, который ожидал, что его защитник вскочит на ноги и заявит протест.

— Обвиняемый, Адриан Руквисл, — продолжал сэр Огастес, — получил в наследство от своего дяди, как выяснилось, взрослую слониху. Имя этой слонихи, насколько нам известно, Роза, а потому, с разрешения вашей светлости, я во избежание путаницы так и стану именовать ее дальше. Вечером тридцать первого мая Руквисл прибыл на Скэллоп и на другой день отправился в театр «Альгамбра», где обратился к владельцу театра, мистеру Клеттеркапу, с просьбой предоставить ему работу. Мистер Клеттеркап, полагая, что участие ручного, я подчеркиваю, ваша светлость, *ручного* слона в его спектакле (который, если не ошибаюсь, называется «Али-Баба и сорок разбойников») придаст постановке особый интерес, принял на работу Руквисла и слониху Роза. Мистер Клеттеркап вложил в упомянутую постановку немалые средства. В день премьеры театр, как и следовало ожидать, заполнили местные жители, большие ценители культуры. Половина первого явления прошла без происшествий, однако затем Руквисл, который, по словам свидетелей, напился сам и напоил слониху, потерял контроль над животным, и оно взбесилось.

Потрясенный столь оскорбительным заявлением Адриан посмотрел на сэра Магнуса, но его защитник по-прежнему мирно дремал.

— Передо мной здесь, милорд (не стану утруждать вас подробностями), описание ущерба, причиненного упомянутой слонихой реквизиту и прочему театральному имуществу. Остановимся на ущербе, причиненном конкретным личностям. Солист оркестра получил многочисленные ссадины и ушибы при ударе пальмой, поваленной слонихой. Дирижер оркестра получил серьезные ушибы, а владелец театра, мистер Клеттеркап, не только получил серьезные ушибы, но и сломал ногу, когда обезумевшее, разъяренное животное бросило его в оркестровую яму.

Д

Здесь судья издал слабый звук, который можно было бы принять за смех.

— Милорд, — сказал сэр Огастес таким голосом, будто произносил речь на панихиде, — я представляю свидетельства, говорящие о том, что обвиняемый Руквисл продолжительное время странствовал кругом с этим животным, повсеместно производя опустошения, и таким образом добился предоставления ему работы в театре «Альгамбра» низким, обманным путем, утверждая, что животное ручное, хотя он знал при этом, что речь идет о свирепом, непослушном и неуправляемом создании, представляющем угрозу для жизни и собственности людей.

Адриан был до того возмущен таким извращением фактов, что наклонился к сэру Магнусу и потряс его за плечо.

— А! — воскликнул сэр Магнус. — Гасси закончил уже? Вы слышали, что он говорил?

— Слышал, — прошипел Адриан. — Он все преподносит так, чтобы мы с Розы выглядели виновными.

— Обязан, — отозвался сэр Магнус. — Ему за это платят.

— Но разве вы не можете что-нибудь сказать? Встать и заявить судье, что все это неправда?

— Не паникуйте, дружище. Помните — паук часами плетет паутину, которую вы можете разорвать одним движением руки.

Пришлось Адриану довольствоваться таким ответом. Пока сэр Огастес принялся листать свои записи и поправлять складки мантии, он стал изучать лица присяжных. Они угрюмо сверлили его пронзительными, беспощадными взглядами. Одни погрузились в транс, другие украдкой посматривали на часы, явно безучастные к тому, что происходило в зале. Казалось, ими владеет одно желание — немедленно осудить Адриана, то ли в силу мстительности характера, то ли потому, что им не терпелось поскорее вернуться к своим делам.

— Вызываю своего первого свидетеля, — заговорил вновь сэр Огастес. — Сэр Губерт Дарси.

— Пригласите сэра Губерта Дарси! — крикнул секретарь суда.

Сэр Губерт вошел в зал суда чуть ли не строевым шагом. Со своими пышными бакенбардами сегодня он выглядел еще более грозно, чем на лугу под Монкспеппером. Протопав к скамье подсудимых, сэр Дарси принес положенную клятву с видом человека, почитающего оскорбительным для себя, что его правдивость подвергают сомнению.

— Вы — Губерт Дарси, владелец поместья Бангалор в деревне Монкспеппер? — спросил сэр Огастес.

— Да, — громогласно подтвердил Дарси.

— Сэр Губерт, — обратился к нему судья, — могу ли я просить вас не так громко излагать свои показания? В силу акустических особенностей этого зала полная мощь ваших легких способна вызвать сильнейшие вибрации, которые отдаются даже в моем столе и кресле.

— Отлично, милорд! — гаркнул Дарси.

— Вы — глава Монкспепперского охотничьего общества, верно? — продолжал сэр Огастес.

— Так точно, — отчеканил Дарси. — Уже двадцать лет.

— Вы помните день двадцатого апреля?

— Помню. Еще как.

— Не будете ли вы так любезны изложить своими словами его светлости и присяжным, что именно произошло в тот день?

— Так вот, — пророкотал Дарси, — было чудесное утро, милорд, и в дубраве за Монкспеппером гончие взяли...

— Что взяли? — осведомился судья.

— След, — ответил Дарси.

— Какой след? — поинтересовался судья.

— След лисы.

— Эти сельские занятия, право же, чрезвычайно интересны, — мечтательно произнес судья. — Прошу вас, продолжайте.

— Так вот, преследуя лису, мы пересекли дубраву, затем Монкспепперский тракт привел нас на луг, примыкающий к реке. Должен отметить, что на этот луг можно попасть только через один проход, окаймленный широким густым булфинчем.

— Как вы сказали — булфинчем? — спросил судья.

— Да, — подтвердил Дарси.

— Насколько я понимаю, милорд, — вступил сэр Огастес, чувствуя, что при таких темпах от его свидетеля не скоро добьешься толковых показаний, — свидетель подразумевает густую живую изгородь, какую в тех местах называют булфинч.

— Я думал, что слово булфинч обозначает птицу с красной грудью, а именно снегиря.

— Слово то же самое, но значение здесь другое, — объяснил сэр Огастес.

— Благодарю, — сказал судья.

— Ну так, — продолжал Дарси, — гончие выбежали на луг, и мы последовали за ними. Здесь первым делом мне бросилась в глаза ярко раскрашенная двуколка чрезвычайно вульгарного вида, какими пользуются цыгане. Внезапно, к моему великому удивлению, из-за деревьев появился слон. Естественно, гончие были испуганы и лошади тоже, до такой степени, что

Д

застигнутые врасплох даже такие опытные всадники, как я, были сброшены на землю. Я неудачно приземлился головой вперед, и только мой цилиндр спас меня. Не успел я освободить глаза от этой помехи, как слон подхватил меня, пронес через весь луг и швырнул к ногам обвиняемого, одетого, как я с ужасом увидел, всего лишь в мокрые подштанники.

— Почему это он был в одних подштанниках? — спросил судья, явно захваченный рассказом Дарси.

— Он заявил мне, что купался в реке вместе со слоном, милорд, распушивая лососей.

— Вы получили какие-нибудь увечья вследствие этого столкновения?

— К счастью, милорд, я отделался легкими ушибами.

— Я привлек ваше внимание к этому случаю, милорд, — сообщил сэр Огастес, — лишь затем, чтобы доказать мое утверждение, что обвиняемому *было известно*, что его слон — опасное животное, поскольку это нападение на людей произошло еще до происшествия в театре «Альгамбра».

— Понятно, — неуверенно отозвался судья.

Сэр Огастес сел, и судья обратил взгляд на погруженного, по видимости, в забытие сэра Магнуса.

— Не могли бы вы на несколько секунд присоединиться к нам и подвергнуть свидетеля перекрестному допросу?

— Слушаюсь, милорд, — сэр Магнус медленно встал и пристально посмотрел на Дарси. — Вы сказали, что единственный урон, нанесенный вам, составили легкие ушибы?

— Да.

— У вас хорошая лошадь? — прозвучал неожиданный вопрос.

Дарси побагровел.

— Я развожу лучших лошадей в стране, — рявкнул он.

— Но эта лошадь явно не была хорошо обьезжена?

— Это отличная лошадь, — отчеканил Дарси. — Но только в цирке лошадей приучают общаться со слонами.

— Стало быть, для вашей лошади было вполне естественно испугаться и сбросить вас на землю?

— Разумеется.

— И выходит, все ваши ушибы были вызваны падением с лошади?

Дарси свирепо уставился на сэра Магнуса.

— Помилуйте, — вкрадчиво молвил тот, — ведь это ваши собственные слова?

— Мне не совсем ясно, в чем суть этого допроса? — жалобно заметил судья.

— Милорд, — сказал сэр Магнус, — я пытаюсь лишь показать вашей

светлости и присяжным (тут он метнул в них строгий взгляд, от которого они вздрогнули, как от удара током), что *легкие* ушибы — я употребляю выражение самого свидетеля — были следствием падения с его лошади, что слон не имеет к ним никакого отношения.

Сэр Огастес встал.

— Милорд, — вступил он, — дело вовсе не в том, что свидетель получил ушибы, упав с лошади. Он не упал бы со своей лошади, если бы ей не угрожал слон.

— Слон что-нибудь сделал с вашей лошадьёю? — обратился сэр Магнус к Дарси.

— Нет, — неохотно признал Дарси, — он только трубил.

— Трубил, в самом деле? — заинтересовался судья. — По-моему, я никогда еще не слышал, как трубит слон. На что похож этот звук?

— Что-то вроде визга, ваша светлость, — объяснил сэр Магнус. И продолжал, бросив взгляд на присяжных: — Тем не менее мне кажется, мы установили, что на самом деле данный слон *не был* повинен в каком-либо уроне, понесенном свидетелем. Вы согласны, ваша светлость?

— Согласен, это совершенно очевидно, — отозвался судья, записывая что-то.

Сэр Огастес метнул злобный взгляд в сэра Магнуса. С его точки зрения, они вовсе ничего не установили, но если судья сказал обратное, не пристало вступать с ним в спор.

— У меня больше нет вопросов, — заключил сэр Магнус, садясь с довольным видом, более того — с видом человека, выигравшего дело.

Перекрестный допрос явно произвел большое впечатление на присяжных.

— Возможно, я захочу в дальнейшем снова вызвать этого свидетеля, — не сдавался сэр Огастес.

— Разумеется, сэр Огастес, — сказал судья и наклонился над своими записями, после чего обратился к сэру Магнусу: — Вы сказали — что-то вроде визга?

— Да, милорд. Скорее даже, это можно сравнить с многократно усиленным звуком, который вы слышите, когда проводите грифелем по доске.

Судья тщательно записал эту информацию из области естествознания.

— Вызываю леди Беренгарию Феннелтри, — снова взял слово обвинитель.

Леди Феннелтри, в темно-пурпурном бархатном платье, с черной вуалью на соломенной шляпе, не вошла, а проплыла в зал, точно победоносный галеон. Принеся клятву, она откинула назад вуаль и милостиво кивнула судье, как бы говоря: «Можете продолжать». Отвечая на вопросы сэра

Д

Огастеса, звонким, пронзительным голосом удостовери́ла свою личность, и ее манеры были настолько величественны, что даже наиболее рассеянные присяжные выпрямились на стульях, приготовившись слушать.

— Леди Феннелтри, — продолжал сэр Огастес, — вы помните вечер двадцать восьмого апреля?

— Этот вечер, — ответила леди Феннелтри ломким голосом, напрашивающимся на сравнение со звуком, какой производят падающие с крыш сосульки, — неизгладимо запечатлен в моей памяти.

— Не могли вы рассказать его светлости и присяжным — почему именно?

Повернувшись к судье и пригвоздив его к креслу гипнотическим взором своих голубых глаз, она молитвенно сложила руки на груди и начала:

— Двадцать восьмого апреля мы отмечали восемнадцатый день рождения моей дочери.

— Это имеет какое-то отношение к настоящему делу? — осведомился судья.

— Мне было предложено, — сурово молвила леди Феннелтри, — изложить все собственными словами.

— Конечно, конечно, — сказал судья, поспешно что-то записывая.

— Мы отмечали восемнадцатый день рождения моей дочери, — повторила леди Феннелтри, — и наметили устроить бал в ее честь. Естественно, пригласили множество людей. По сути дела, — она позволила себе мрачно улыбнуться, — пришли, можно сказать, все видные люди. Я просила моего супруга придумать что-нибудь оригинальное, желательно юмористическое, для развлечения гостей. Он заверил меня, что все готово, но пожелал сохранить в секрете — что именно. Я ездила с дочерью в город за покупками, а когда вернулась, обнаружила в своем доме вот это (она указала надменным жестом на Адриана).

— И его слона? — спросил судья.

— К сожалению, да, — ответила леди Феннелтри.

— Но как же, — продолжал судья с глубоким интересом, — слон мог ходить по лестницам?

— Э-гм, милорд, — живо поднялся на ноги сэр Огастес. — Полагаю, тут следует объяснить, что обвиняемый держал своего слона на конном дворе без ведома леди Феннелтри.

— А, это другое дело, — заметил судья.

И обратил свой взгляд на сэра Магнуса, убежденный, что тот — настоящий специалист по слонам.

— Слоны могут подниматься по лестницам?

— Несомненно, — ответил сэр Магнус.

— Так или иначе, — сказала леди Феннелтри, раздраженная вмешательством судьи, — мой супруг тайно держал слона на конюшне, как заметил сэр Огастес, без моего ведома. Им был задуман смехотворный план, который я, будь мне известно о нем, немедленно отвергла бы. Он и эта тварь Руквисл собирались вырядиться индийцами и привести слона в бальный зал, сидя в паланкине.

Судья наклонился вперед, озадаченно глядя на леди Феннелтри.

— Но я всегда полагал, что паланкин — это такое сооружение, которое слоны носят на спине, — заметил он.

— Ну да, — подтвердила леди Феннелтри.

— Но как же тогда, — жалобно молвил судья, — им удалось затолкать слона в паланкин?

Сэр Огастес опять вскочил на ноги, предчувствуя, что леди Феннелтри начнет что-то язвительно толковать судье.

— Милорд, — сказал он, — лорд Феннелтри и обвиняемый надели индийские костюмы, поместили паланкин на спине слона и въехали в паланкине в бальный зал.

Судья стал издавать какие-то тихие судорожные звуки, трясаясь всем телом, будто в лихорадке. Прошло несколько секунд, прежде чем в зале поняли, что он смеется. Наконец, все еще трясаясь от смеха, он вытер глаза и наклонился вперед.

— Представляю себе, какой вышел палимпсест, — выдавил он из себя через силу.

— Ха-ха, — послушно произнес сэр Огастес. — Чрезвычайно остроумно, милорд.

В зале воцарилась жуткая тишина, пока судья укрощал собственное чувство юмора. Наконец, вытерев глаза носовым платком и высморкавшись, он дал рукой знак леди Феннелтри.

— Прошу вас, мадам, продолжайте.

— Мои гости воздавали должное скромному, но соответствующему случаю приему, который мы подготовили, — сказала леди Феннелтри, — когда двери вдруг распахнулись и слон, ворвавшись в бальный зал, заскользил через все помещение.

— Заскользил? — переспросил судья.

— Заскользил, — твердо произнесла леди Феннелтри.

Судья посмотрел на сэра Огастеса.

— Я не совсем уверен, что правильно понимаю слова свидетельницы.

— Он заскользил, милорд, — подтвердил сэр Огастес. — По паркету.

— Заскользил, — задумчиво повторил судья и перевел взгляд на сэра Магнуса. — Слоны могут скользить?

Д

— На хорошо отполированной поверхности, милорд, и при надлежащем усилии, думаю, и слон может скользить, — сказал сэр Магнус.

— Это было так задумано? — обратился судья к леди Феннелтри.

— Задумано или нет, к делу не относится, — сухо ответила она. — Он заскользил прямо на столы с разными яствами и винами. Мой супруг в его смехотворном наряде находился в паланкине и свалился вместе с ним со слона. Я подошла и спросила его, с какой это стати ему вздумалось приводить слона в мой балльный зал.

— Хороший вопрос, — заметил судья, восхищенный рассудительностью леди Феннелтри. — И что же он ответил?

— Он ответил, — сказала леди Феннелтри с полынной горечью в голосе, — что это сюрприз.

— Что ж, — беспристрастно заключил судья, — ответ вполне правдивый. Ведь это в самом деле был сюрприз, верно?

— С того дня, — ответила леди Феннелтри, — я мысленно подыскивала слово, адекватно описывающее этот случай, и в моем не таком уж скудном запасе английской лексики находила все, что угодно, только не «сюрприз».

— Всецело согласен с вами, — решительно молвил судья. — Ваше мнение полностью совпадает с моим.

— Могу я продолжать? — спросила леди Феннелтри. — Желательно без дальнейших помех?

— Конечно, конечно, — сказал судья. — Ради бога. И что же было дальше?

Он наклонился над столом, не сводя глаз с леди Феннелтри, точно ребенок, слушающий сказку.

— Яства, само собой, были испорчены. Слон совершенно вышел из подчинения, метался в разные стороны, ища, кого бы сожрать. Я мягко журила супруга за то, что он неразумно привел в такое место дикого зверя, когда последний сперва сорвал с потолка канделябр, которому не было цены, а потом подбежал и схватил меня хоботом.

— Боже мой! — воскликнул судья. — И как же вы поступили?

— Будучи всего лишь женщиной, — ответила леди Феннелтри, и голос ее звучал, словно сигнальная труба, — я лишилась чувств.

— Весьма уместно, — заключил судья. — Должно быть, вы испытали сильное потрясение.

Леди Феннелтри слегка наклонила голову, пытаясь, без особого успеха, принять вид скромной, благой девы.

— Придя в себя, — продолжала она, — я обнаружила, что лежу на лососе.

— Сдается мне, — озадаченно молвил судья, — в этом деле фигурирует жуткое количество животных. Вы, сэр Огастес, отдавали себе отчет в том, что в рассматриваемом деле так много животных?

Сэр Огастес на секунду закрыл глаза.

— Да, милорд, — отозвался он затем, — но лосось был мертвый.

— Иначе и быть не могло в бальном зале, — сказал судья. — Разве что там есть фонтан или что-нибудь в этом роде.

— В нашем бальном зале нет никаких фонтанов, — сообщила леди Феннелтри.

— Что я сказал, — торжествующе подхватил судья. — Лосось не мог быть живым.

— Это был холодный лосось, — добавила леди Феннелтри.

— Потому что он был мертвый? — спросил судья.

Сэр Огастес снова поднялся на ноги со страдальческим видом.

— Для угощения гостей, милорд, леди Феннелтри распорядилась подать большого вареного лосося. Слон своими движениями сбросил его со стола и, когда закончил носить хоботом леди Феннелтри, поместил ее бессознательное тело на эту рыбу.

— Потрясающе, — сказал судья. — Не помню другого дела, которое доставило бы мне столько удовольствия. Расскажите еще, леди Феннелтри.

— Придя в себя, я обнаружила, что лежу на лососе. И тут же увидела, как слон хватает сэра Губерта Дарси и с размаха бросает на пол с явным намерением убить его.

Адриан никогда не питал нежных чувств к леди Феннелтри, и откровенная лож вывела его из себя. Поскольку сэр Магнус явно не собирался что-либо предпринять, он решил сам проявить инициативу.

— Это ложь! — крикнул Адриан, вскакивая на ноги. — Розы в жизни никому не причиняла вреда. Вы — старая мстительная корова!

По залу прокатилась волна одобрения и возбуждения. Леди Феннелтри наградила Адриана презрительным взглядом и обратилась к судье.

— Милорд, — спросила она медоточивым голосом, — вы обычно позволяете оскорблять свидетелей в вашем суде?

— Обычно — нет, — рассеянно ответил судья. — Но объясните мне, при чем тут эта корова? Право же, в этом деле чересчур много животных.

Сэр Огастес, похожий на Горация, проигрывающего битву на реке Тибр, неуверенно поднялся на ноги.

— По-моему, милорд, свидетельница ясно показала, что слон, о котором здесь говорится, большой, злобный, неуправляемый зверь с присущим диким зверям влечением к убийству.

— Вздор! — закричал Адриан.

Д

— Прошу вас, помолчите, — сказал сэр Магнус, ненадолго пробуждаясь. — Вы только все портите своими буйными воплями. Предоставьте мне управляться с этой старой коровой.

— Полагаю, — продолжал сэр Огастес, учтиво делая вид, что не заметил вспышки Адриана, — мне удалось показать вашей светлости и достойнейшим членам суда присяжных, что человек, на чьем попечении находился упомянутый дикий зверь, то есть Адриан Руквисл, дважды позволил ему бесчинствовать. Поразительно только, и мы должны быть благодарны милосердному провидению, что при этом никто не был убит.

Сэр Огастес сел с довольным видом, на смену ему встал сэр Магнус.

— Леди Феннелтри, — начал он, игриво улыбаясь ей и искательно двигая бровями, — мы услышали от вас правдивое и искреннее описание событий, которые произошли вечером двадцать восьмого апреля.

— Естественно, — негодуя отозвалась леди Феннелтри.

— Из того, что вы нам сказали, — осторожно продолжал сэр Магнус, — следует, что на вашу долю выпали ужасные переживания, способные, я сказал бы, помутить рассудок человека, вы же проявили в полной мере ту храбрость и решимость, кои побуждают весь мир восхищаться женщинами Англии.

Легкий взрыв аплодисментов в дальнем конце зала был немедленно упрощен судьей.

— Вы на чьей стороне выступаете? — прошипел Адриан.

Сэр Магнус спокойно улыбнулся, достал из жилетного кармана свою табакерку и сразу, заметив взгляд судьи, вернул ее в карман.

— Есть целый ряд вещей, про которые вы нам не сказали, — изрек он, — что говорит о присущей вам скромности, сочетающейся, если мне будет позволено так выразиться, с выдающимся обаянием и женственностью.

Леди Феннелтри величественно наклонила голову.

— В частности, — продолжал сэр Магнус, взмахнув рукой и глядя на присяжных, — вы ничего не сказали о своей родословной. Если не ошибаясь, вы принадлежите к роду Пламбдрэгонов?

— Принадлежала, — ответила леди Феннелтри. — Моим отцом был лорд Пламбдрэгон.

— Насколько мне известно, Пламбдрэгоны и Феннелтри около четырехсот лет служили аристократическим оплотом нашей страны. Это верно?

— Да, — подтвердила леди Феннелтри.

— Все это время, — говорил сэр Магнус, не сводя глаз с присяжных, — Пламбдрэгоны и Феннелтри владели обширными землями, лелея и кормя обитающих там простых смертных. Они служили блистательным образцом

для местных общин, образцом скромности, олицетворением каковой здесь является леди Феннелтри, образцом честности, справедливости и, главное, правдивости. Для людей вроде нас с вами (не столь высокого происхождения) Пламбдрэгоны и Феннелтри служили высоким примером. В старые времена, до учреждения достойных, справедливых судов, подобных этому, — к кому мы, простые люди, обращались за сочувствием, уповая на качества, сделавшие нашу страну такой, каковой она является сегодня, на честность и справедливость? Мы обращались к нашим Пламбдрэгонам и Феннелтри.

Сэр Огастес, чуя некий подвох, поспешил встать.

— Милорд, — прервал он сэра Магнуса, — я, право, не вижу, как ни увлекательна речь моего ученого друга, какой от нее прок для рассматриваемого дела?

— Милорд, — заявил сэр Магнус, — я знаю, что выступаю в качестве защитника обвиняемого. Но мне не хотелось бы, чтобы возникло впечатление, будто я терроризирую и запугиваю свидетельницу, женщину, которая к тому же наделена всеми теми качествами, кои я называл.

— Однако, сэр Магнус, — отметил судья, — вы практически только-только начали допрос. У нас нет совершенно никаких оснований заявлять, что вы терроризируете свидетельницу.

— Милорд, — отозвался сэр Магнус, — я стремлюсь к тому, чтобы присяжные были настроены снисходительно.

Он обвел присяжных взглядом, подобным пламени паяльной лампы.

— Мы все пытаемся дознаться истины. Для этого мы собрались здесь, и я желаю всего лишь уяснить вам, милорд, и присяжным, что из уст столь благородной, скромной и аристократической женщины может исходить только правда.

— На то и присяга, — нетерпеливо сказал судья. — Мне казалось, что этого достаточно. И вам, сэр Магнус, вместо того чтобы читать здесь лекции, стоило бы для пользы дела задавать вопросы свидетельнице, стараясь, по возможности, обходиться без упоминания новых животных.

— Как вам будет угодно, милорд, — ответил сэр Магнус и повернулся к леди Феннелтри, ласково улыбаясь: — Похоже, вы весьма отчетливо помните события вечера двадцать восьмого апреля.

— Вот именно, — сказала леди Феннелтри. — Весьма отчетливо.

— Простите, что я на этом остановился. Для получившей отменное воспитание впечатлительной женщины то, что тогда произошло, должно было представляться просто ужасным, а потому было бы только естественно, если бы какие-то частности не совсем отчетливо сохранились в вашей памяти.

— Сэр Магнус, — твердо произнесла леди Феннелтри, — может быть,

Я

я и не наделена всеми теми качествами, кои вы называли, но одно качество никогда не изменяет мне. Я чрезвычайно наблюдательна.

— Настолько, — как бы говоря с собой, отметил сэр Магнус, — что мимо вашего внимания прошел тот факт, что в ваших конюшнях поселился слон.

Леди Феннелтри злобно посмотрела на него.

— У меня не заведено, — отрезала она, — проводить время на конюшне, а мой супруг скрыл тот факт, что там втайне содержится слон.

— Конечно, конечно, — сказал сэр Магнус успокоительным тоном, — не заметить такое мог бы любой из нас, верно?

Он посмотрел на присяжных, как бы ожидая, что они проявят сочувствие к незадачливой леди Феннелтри.

— Однако, — продолжал он, — вернемся к вечеру двадцать восьмого апреля. Вы сообщили, что слон заскользил через бальный зал, опрокинул столы с вином и яствами, после чего стал метаться взад-вперед, высматривая, как вы сказали, кого бы сожрать. Ваши воспоминания в этой части совершенно ясны?

— Совершенно, — подозрительно ответила леди Феннелтри.

— Далее, по вашим словам, вы пришли в себя в тот момент, когда слон намеренно пытался убить сэра Губерта?

— Да, — подтвердила леди Феннелтри.

— Вам самой довелось пережить неприятные минуты, когда вас схватил хоботом слон, и вы лишились чувств, как и должно было быть, разумеется. Когда же вы пришли в себя, то обнаружили, исходя из ваших показаний, что лежите на лососе?

— Да, — сказала леди Феннелтри.

— Вы получили при этом какие-нибудь ушибы или ссадины?

— Нет, но я могу объяснить это только тем, что зверь, слава богу, оставил меня, предпочтя атаковать сэра Губерта.

— Я не назвал бы этого слона ненасытным, — заключил сэр Магнус. — Казалось бы, ему следовало управиться с одной жертвой, прежде чем приниматься за другую.

— Тем не менее так все и было, — сказала леди Феннелтри.

Сэр Магнус вздохнул, рассеянно извлек из кармана табакерку, зарядил ноздри понюшкой и чихнул.

— Сэр Магнус, — взял слово судья, — надеюсь, мне не придется больше напоминать, чтобы вы не чихали в суде.

— Простите, милорд, — отозвался сэр Магнус, — это все от волнения. Лишь с величайшей неохотой должен я вынуждать леди Феннелтри подвергаться крайне неприятным испытаниям на свидетельской скамье. Прав-

дивый законопослушный гражданин не может не почитать такое положение унизительным для себя.

Он закрыл щелчком табакерку, вернул ее в карман и снова обратился к леди Феннелтри. Казалось, с ним произошла некая трудноуловимая перемена. Он весь подобрался и ощетинился, как настороживший уши маленький кокер перед кроличьей норой.

— Итак, леди Феннелтри, мы установили, что вы необычайно наблюдательны и предельно ясно помните события упомянутого вечера, установили также, разумеется, что ваша честность не подлежит сомнению.

Он бросил на присяжных искрящийся взгляд, и все они непроизвольно кивнули.

— А потому, — сказал сэр Магнус, — я не вижу необходимости особенно задерживать вас. Остается лишь один маленький момент, который я просил бы вас прояснить для присяжных.

Он остановился, опустил взгляд на свои записи. Для всех, включая леди Феннелтри, было абсолютно ясно, что он не читает их. Речь шла об эффектной паузе, сэрм Магнусом явно была заготовлена какая-то западня. Леди Феннелтри понимала, что он готовит некий маневр, ее аристократический нос чуял опасность, но она не видела, откуда именно эта опасность исходит. Наконец сэр Магнус поднял голову и с обезоруживающим дружелюбием пошевелил белоснежными бровями.

— Вы говорите, что слон заскользил через зал прямо на столы с яствами? — спросил он.

— Я уже сказала вам об этом, — подтвердила леди Феннелтри.

Сэр Магнус полистал свои бумаги.

— После чего слон стал бросаться в разные стороны?

— Да, — сказала леди Феннелтри.

— По вашим словам, во время этих разрушительных движений он сошел с потолка канделябр?

— Да.

— Насколько я понимаю, бальный зал в усадьбе Феннелтри-холл достаточно велик?

— Это великолепное помещение, — ответила леди Феннелтри.

— И если не ошибаюсь, в одном его конце есть балкон для музыкантов?

— Да, там помещался оркестр, — сказала леди Феннелтри.

— Естественно предположить, — ласково продолжал сэр Магнус, — что в таком великолепном помещении должны быть высокие потолки?

— Полагаю, — самодовольно заметила леди Феннелтри, — что высота бального зала составляет около пятнадцати метров.

— Вам доводилось когда-либо измерять хобот слона?

Д

В зале воцарилась напряженная тишина. Все, кроме судьи и присяжных, внезапно сообразили, куда клонит сэр Магнус.

— Я предпочитаю не тратить свой досуг на измерение длины слоновьих хоботов, — с достоинством объявила леди Феннелтри.

— Так вот, за последние десять дней мне представилась уникальная возможность выполнить такой эксперимент, — сообщил сэр Магнус. — При этом я обнаружил, что ни один, даже самый злобно настроенный слон не смог бы дотянуться хоботом до канделябра, подвешенного на высоте пятнадцати метров, и сорвать его.

Он остановился, поправил свой парик, затем продолжал мягким сочувственным тоном:

— Леди Феннелтри, вам довелось испытать страшное потрясение. Представляется только естественным, что при таких обстоятельствах женщина столь изысканных качеств могла допустить ошибку.

Введенная в заблуждение внезапным переходом сэра Магнуса от резкости к симпатии, леди Феннелтри наклонила голову.

— Возможно, в данном случае, — сказала она, — я и впрямь ошиблась.

— Весьма прискорбно, — бесстрастно заметил сэр Магнус, — поскольку вас, как вы сами говорите, отличает острая наблюдательность. В одном лишь этом случае (и кто станет вас упрекать) вы допустили ошибку. Однако вы уверяете нас, что во всем остальном ваш рассказ абсолютно точен, и кто я такой, чтобы подвергать сомнению слова знатной дамы?

Отвесив легкий поклон, он сел.

— Что вы такое несете, черт побери? — спросил Адриан. — Какое отношение все это имеет к моему делу?

Сэр Магнус холодно глянул на него из-под бровей.

— Посмотрите на присяжных, — сказал он.

Адриан посмотрел и увидел двенадцать лиц, пожирающих глазами леди Феннелтри. Перед ними была аристократка, особа, которой по всем нормам и законам полагалось быть непогрешимой, а тут сэр Магнус посредством некой алхимии доказал, что она способна так же обмешуливаться, как любой из них. Мысль эта дозревала в их сознании, как на дрожжах. Адриан опешил.

— Но послушайте, — прошептал он, — ведь это из-за Розы упал канделябр.

Сэр Магнус достал из карманка табакерку, осторожно открыл ее, потом поглядел на Адриана.

— Будьте осмотрительнее в выборе выражений, — спокойно произнес

он. — Не повторяйте ошибок леди Феннелтри. Канделябр упал *из-за* Розы, но она *не срывала* его.

— Не вижу разницы, — заметил Адриан.

— Бросьте играть словами, — сказал сэр Магнус. — На самом деле меня нисколько не интересует этот канделябр. Что мне интересно, так это загнать в угол эту, как вы выразились, мстительную старую корову.

Леди Феннелтри покинула свидетельскую скамью, бросая злобные взгляды на сэра Магнуса. Слово взял сэр Огастес.

— Мой следующий свидетель — лорд Феннелтри, — объявил он без особого воодушевления.

Лорд Феннелтри беспечной походкой, словно направляясь в свой любимый клуб, проследовал к свидетельской скамье, улыбнулся и приветственно помахал рукой Адриану, после чего утвердил в глазу монокль и поклялся говорить только правду. Сэр Огастес, удостоверив сго личность, прокашлялся и устремил на свидетеля выразительный взгляд.

— Насколько я понимаю, — начал он, — двадцать первого апреля, лорд Феннелтри, вы встретили обвиняемого, Адриана Руквисла, на дорожке на некотором расстоянии от вашего дома.

— Совершенно верно, дружище, — кивнул лорд Феннелтри.

— Затем вы предложили ему, чтобы он и его слон погостили в Феннелтри-холле, чтобы слон мог участвовать в праздновании дня рождения вашей дочери?

— Точно, — ответил лорд Феннелтри. — Вы ухватили самую суть.

— Полагаю, — продолжал сэр Огастес с видом человека, основательно проинструктировавшего свидетеля, — что обвиняемый ни одним словом не дал вам понять, что животное, о котором идет речь, могло представлять опасность для жизни и собственности людей?

— Ну да, — задумчиво произнес лорд Феннелтри, — чего не было, того не было, так ведь у него не было и причин для этого, верно?

— Лорд Феннелтри, — поспешил заметить сэр Огастес, — я был бы рад, если бы вы отвечали на мои вопросы только «да» или «нет». Пространные ответы только сбивают с толку присяжных.

Тут сэр Магнус открыл один глаз и презрительно фыркнул.

— Когда вы ввели слона в бальный зал, чем это кончилось? — спросил сэр Огастес.

Лорд Феннелтри не ответил.

— Говорите же, сэр, — раздраженно поторопил его сэр Огастес, — вы не можете не знать, что произошло, когда вы ввели в зал слона.

— На такой вопрос, — сказал лорд Феннелтри, жалобно глядя на су-

Д

дью, — страшно трудно ответить только «да» или «нет». Могу я воспользоваться каким-нибудь другим словом?

— Разумеется, — ответил судья.

— Позвольте мне повторить вопрос, — сдался сэр Огастес, — что явилось результатом появления слона в балльном зале?

— Хаос, — радостно улыбнулся его светлость.

— Что именно вы подразумеваете, говоря «хаос»?

— Полный сумбур, — сказал его светлость. — Роза опрокинула все столы, сшибла канделябр, лихо станцевала вальс с моей супругой, затем подхватила старину Дарси и усадила его на пол. Заверяю вас, если бы не возмущение моей супруги, все было бы очень забавно.

— Итак, милорд, — обратился сэр Огастес к судье, — я полагаю, мне удалось показать, что этот слон — дикое свирепое животное, что Адриану Руквислу это было известно и что он тем не менее, нисколько не считаясь с неприкосновенностью лиц или собственности, вновь и вновь позволял ему творить бесчинства на своем пути.

Он озабоченно поглядел на сэра Магнуса и добавил:

— Может быть, мой достойный друг желает провести перекрестный допрос?

— Нет, — ответил сэр Магнус, сопровождая свои слова покровительственным жестом, — у меня нет желания сейчас проводить перекрестный допрос, милорд, но я просил бы вашего разрешения вызвать этого свидетеля позднее.

Сэр Огастес вскочил на ноги.

— Возражаю, милорд! Это совершенно неэтично.

— В самом деле, сэр Магнус, это необычно, — сказал судья.

— Верно, милорд, я понимаю, — отозвался сэр Магнус. — Однако мне кажется, что когда вы выслушаете других моих свидетелей, то убедитесь, что у лорда Феннелтри найдется что сказать в пользу моего подзащитного.

— Хорошо, — заключил судья. — Но только в виде исключения. А теперь предлагаю сделать перерыв. Не знаю, как вы, джентльмены, но я что-то проголодался. Продолжим заседание в два часа.

— Милорд, — обратился к нему сэр Магнус, — тюремная пища не из тех, что побуждает гурмана дрожать от восторга. А потому обращаю к вашей светлости смиреннейшую просьбу отпустить моего клиента, чтобы он мог перекусить вместе со мной.

— Право же, сэр Магнус, вы удивляете меня необычными просьбами, — сурово молвил судья. — Однако я не вижу, чтобы от этого мог быть какой-то вред. Только потрудитесь привести его обратно.

— Спасибо, милорд, — сказал сэр Магнус.

Все встали, судья выбрался из кресла и прошел в свой кабинет.

— Ну так, — заключил сэр Магнус, заряжая ноздри доброй порцией табака, — заседание прошло весьма успешно.

Громко чихнул и повернулся к Адриану:

— Пошли, мой мальчик, перекусим.

— Не вижу, чему это вы так радуетесь, — заметил Адриан. — Насколько я понял, все говорили сейчас всякий вздор, который можно толковать и так и сяк, а сторона обвинения просто *лжет*.

— Мальчик мой, — сказал сэр Магнус, — какой же вы очаровательный простак. Ничего, подождите следующего заседания, когда мы начнем лгать.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕДУРА

Они пересекли улицу и вошли в небольшой трактир с дубовыми балками, где подкрепились несколькими кружками пива и поджаристыми телячьими отбивными с бумажной балетной юбочкой на косточке. Гарнир состоял из политых маслом нежных зеленых побегов спаржи, картофельного пюре на сливках и сплоченных рядов зеленого горошка. За отбивными последовали вишневый пирог и набор сыров, настолько зрелых, что запах их было слышно еще на подходах к трактиру.

— Почему вы сказали, что хотите повторно вызвать лорда Феннел-три? — спросил Адриан под конец ленча.

Сэр Магнус положил на кусок хлеба большой кусок зеленовато-желтого сыра и затолкал в рот.

— Потому, — ответил он, работая челюстями, — что, на мой взгляд, защите от него будет больше проку, чем обвинению.

— Но ведь он свидетель обвинения.

— Это он так думает, — поправил Адриана сэр Магнус. — И сам обвинитель тоже, на самом же деле, если нам суждено выиграть это дело, то именно с его помощью.

Он посмотрел на часы.

— А теперь выпьем еще по кружечке пива да поспешим обратно в суд.

После перерыва сэр Огастес вызвал мистера Клеттеркапа, однако его

Д

показания вряд ли можно было считать удачными для обвинения, ибо было слишком очевидно, что мистер Клеттеркап явно настроен добиваться любой ценой, чтобы и Адриан, и Роза были осуждены. Тем не менее тот факт, что одна из его ног была облачена в толстый слой гипса и к свидетельской скамье он добирался при помощи костылей и двух полицейских, несомненно, произвел впечатление на присяжных. Дождавшись, когда мистер Клеттеркап проковылял к выходу из зала, сэр Огастес встал и поправил свою мантию. После чего как бы задумчиво пододвинул почти ласковым жестом поближе к себе стопку томов и опустил на них обе ладони.

— Милорд, — начал он, — полагаю, услышанного вами здесь довольно, чтобы убедить вас в том, о чем я говорил в самом начале, — перед нами весьма необычное дело.

— Да уж, — милостиво согласился порозовевший после ленча судья. — Я назвал бы его необычным, даже не будь в нем никаких животных.

— Мне хотелось бы теперь, — сказал сэр Огастес, — прежде чем мы станем слушать доводы защиты — если тут вообще могут быть какие-либо доводы, — процитировать одно-два сходных дела, которые мне удалось разыскать.

Он открыл один из лежащих перед ним толстых томов и повел указательным пальцем по строчкам.

— Вот, например, — продолжал он, — мы видим дело Короны против Пигвисла, тысяча восемьсот восемьдесят четвертый год, где обвиняемый имел в своем владении большую лошадь-тяжеловоза, которая сняла и съела не только шляпу, но и парик с головы пожилой леди на Хай-стрит. Вы можете увидеть, милорд, как судья постановил, что обвиняемый, владея лошадью-тяжеловозом и зная о ее патологическом пристрастии к цветам, был ответствен за то, что позволил ей приблизиться на пищевое расстояние к шляпе упомянутой леди. Я вижу в этом весьма яркую параллель делу, которое мы рассматриваем сегодня.

— Недурно, недурно, — отозвался судья. — Однако, сэр Огастес, если упомянутое лицо вполне управляло своей лошадью, а женщина сама подошла слишком близко к тяжеловозу, что тогда?

— Полагаю, — самодовольно заметил сэр Огастес, — лучшим ответом послужит цитата из дела Короны против Клэппени, тысяча восемьсот девяносто четвертый год. У обвиняемого по этому делу был большой бык...

— Вы не могли бы, — перебил его судья, — подобрать сходное дело без каких-либо животных? А то недолго и запутаться во всех этих лососях, тяжеловозах, быках и слонах.

— К сожалению, милорд, — ответил сэр Огастес, — довольно трудно найти *сходные* дела, где бы не шла речь о животных.

— До сих пор, — раздраженно заметил судья, — я как-то не подозревал, что вся наша правовая система наводнена птицами небесными и тварями земными. Однако продолжайте.

И сэр Огастес продолжил. Около четверти часа он торжественно открывал один том за другим и цитировал дела, не имеющие, на взгляд Адриана, никакого отношения к его делу. В конце концов сэр Огастес неохотно закрыл последний том и благоговейно опустил его на стол.

— Полагаю, милорд, — заключил он, — таким образом должны быть разъяснены кое-какие аномалии, которые могли озадачить присяжных.

— Буду счастлив, — отозвался судья, — если присяжные хоть что-нибудь поняли. Но прежде, чем вы сядете, сэр Огастес, разъясните мне кое-какие детали, касающиеся дела человека с удавом.

— Похоже, у меня нет никакой надежды, — сказал Адриан сэру Магнусу.

Горы приведенных сэром Огастесом примеров совершенно убедили его, что он проиграл дело. Сэр Магнус открыл глаза и улыбнулся Адриану.

— Всегда помните, дружище, книги — что инструменты, все зависит от того, как ими пользоваться. При неумелом обращении можно порезаться о стамеску.

Он наклонился и ласково погладил предмет, коего Адриан прежде не замечал. Под столом сэра Магнуса стоял большой кожаный чемодан. Видимо, во время ленча сэр Магнус послал за ним Скрича. Оставалось лишь догадываться, что лежит в этом чемодане.

— Бедный старина Гасси, — самодовольно произнес сэр Магнус, аккуратно собирая вместе свои бумаги так, словно готовился раздавать карты, — он был обречен еще до того, как раскрыл рот.

— Обречен? — воскликнул Адриан. — Да ведь он привел неопровержимый аргумент. Мы не можем отрицать, что Роза натворила все эти дела. Конечно, у нее были самые лучшие намерения, но ведь *натворила*.

— Поживем — увидим, — ответил сэр Магнус, величественно вставая на ноги.

— Милорд, — начал он, учтиво поклонившись судье и милостиво улыбнувшись присяжным. — Перед нами, как весьма проникательно заметил мой ученый друг, весьма необычное дело.

Сэр Магнус остановился, достал из-под стола кожаный чемодан, открыл его и медленно, осторожно извлек три дюжины толстых томов, из которых соорудил нечто вроде оборонительного сооружения.

— Все эти тома, — он погладил книги, словно лошадь, — содержат аналогичные случаи, неопровержимо доказывающие невиновность моего клиента. Но, — он поднял указательный палец, — поскольку присяжным

Д

совершенно очевидна невиновность моего клиента, не стану утомлять вас массой подробностей.

Сэр Магнус собрал тома и вернул их в чемодан. Его действия явно произвели большое впечатление на присяжных.

— Уважаемые члены жюри присяжных, — продолжал сэр Магнус. — Перед вами обвиняемый — Адриан Руквисл. Всякому должно быть абсолютно ясно, что он честный, благородный, достойный молодой человек, наделенный особым качеством, коим все мы восхищаемся и коим мало кто из нас обладает. Я говорю о храбрости. Кто из вас, джентльмены, бесстрашно бросился бы в бурное, штормовое море, чтобы спасти бессловесное животное? Как я уже говорил вам, невиновность моего клиента очевидна. Вы знаете это, и я это знаю. Все дело в том, чтобы установить, как все вы, несомненно, поняли, является ли данный слон неуправляемым свирепым зверем, каким его здесь изобразили. Чтобы внести ясность в этот вопрос, я пригласил несколько свидетелей. Мистер Паклхэммер!

Мистер Паклхэммер занял место на свидетельской скамье, улыбнулся Адриану и приветствовал его ободряющими жестами. Поклялся говорить только правду и приготовился внимательно слушать сэра Магнуса.

— Если не ошибаюсь, мистер Паклхэммер, — сказал сэр Магнус, — вы находились вместе с обвиняемым Руквислом в тот день, когда ему привезли слона.

— Так точно, — подтвердил мистер Паклхэммер, — он привел его ко мне на лесной двор.

— На ваш лесной двор? Назовите конкретно вашу профессию.

— Я гробовщик и плотник, — сообщил мистер Паклхэммер.

— В таком случае ваш двор, надо полагать, был полон всякими предметами вашего производства?

— Простите, сэр, вы о чем? — не понял мистер Паклхэммер.

— Ваш двор был полон гробов и прочих изделий?

— Да, — сказал мистер Паклхэммер.

— Я частенько спрашивал себя, — вступил судья, — как это плотники ухитряются придавать гробам такую форму.

— Уверен, милорд, — мягко заметил сэр Магнус, — что мистер Паклхэммер с радостью покажет вам, как это делается, когда закончится этот процесс.

— Буду весьма благодарен, — отозвался судья.

— Итак, — продолжал сэр Магнус, — вы говорите, что слонику Розе привели на ваш двор. Пока слониха находилась там — если не ошибаюсь, это было два дня, — каковы были ее манеры?

— Хлеб в основном, — ответил мистер Паклхэммер. — Потом мы об-
наружили, что она так же охотно ест овощи.

— Нет-нет, я спрашиваю про ее поведение.

— Она вела себя чудесно, — горячо заявил мистер Паклхэммер, — это милейшее животное.

— Стало быть, находясь на вашем дворе, она не причинила вам никаких неприятностей?

— Абсолютно никаких. Золото, а не зверь. И какой работающий. Она помогла нам с Адрианом вымыть двуколку.

— Вымыть двуколку? — переспросил судья.

— Ну да, сэр, понимаете, мы принялись чистить двуколку, и Роза поливала ее водой из хобота.

— Поразительно, — сказал судья. — Вам приходилось когда-нибудь в вашей жизни, сэр Магнус, видеть слона, моющего двуколку?

— Нет, милорд, — ответил сэр Магнус, — чего не было, того не было. Но я не сомневаюсь, что это чрезвычайно умные животные.

— Поразительно, — повторил судья. — Продолжайте, прошу вас.

— Итак, за целых два дня, что слониха находилась на вашем дворе, она не причинила ущерба ни вам, ни вашему имуществу? — спросил сэр Магнус мистера Паклхэммера.

— Никакого ущерба, — решительно молвил тот. — Как я уже говорил вам, она вела себя тихо, как мышь. Роза не способна намеренно кого-нибудь обидеть.

— Благодарю, — сказал сэр Магнус и посмотрел вопросительно на обвинителя.

Однако сэр Огастес, впервые услышавший о пребывании Розы на дворе Паклхэммера, не представлял себе, какие вопросы задавать, а потому ограничился тем, что скорбно покачал головой.

— Вызываю Эмили Нелли Делилу Триклтрот, — возвысил голос сэр Магнус.

— Это еще кто такая? — прошептал Адриан.

— Черная Нелл, — объяснил сэр Магнус.

Черная Нелл, этакая вертлявая птичка в потрепанном оперении, заняла место на свидетельской скамье, где ее голова едва выдавалась над стойкой.

— Если не ошибаюсь, — сказал сэр Магнус, — вы встретились с обвиняемым Руквислом и его слоном, когда направлялись на ярмарку в Татлпенни.

— Точно, — ответила Черная Нелл.

— Ваша профессия — ворожея?

Д

— Колдунья.

По залу пробежал шумок. Присяжные дружно воззрились на Черную Нелл.

— Колдунья? — спросил судья.

— Да, ваша честь, — сказала Черная Нелл. — Я белая колдунья. Черная Нелл — это прозвище.

— Весьма странно. — Судья посмотрел на сэра Магнуса. — Вы не могли бы объяснить нам, как это понимать?

— Разумеется, милорд. Судя по всему, существует два рода колдуний — черные, которые творят злодейские дела, и белые, которые творят добрые дела. Эта леди — белая колдунья, и наряду с колдовством она еще предсказывает судьбу.

— Вы пользуетесь хрустальным шаром? — осведомился судья.

— Иногда, — ответила Черная Нелл. — Довольно редко.

— Когда-то у меня был такой шар, — задумчиво произнес судья. — Но я ничего в нем не видел.

— Это вопрос концентрации, — объяснила Черная Нелл. — Попробуйте как-нибудь смотреть на бриллиантовое кольцо.

— Бриллиантовое кольцо? В самом деле? Непременно попробую.

— Могу я продолжать, милорд? — спросил сэр Магнус со страдальческим видом.

— Конечно, конечно, — ответил судья.

— Итак, что произошло, когда вы встретились с обвиняемым и его слоном?

— Понимаете, я в это время спала. И вдруг весь мой фургон начал качаться.

— Теперь, — вмешался судья, — нам, видимо, еще предстоит разбираться с колесными экипажами? Кажется, этот фургон еще не упоминался?

— Не упоминался, — подтвердил сэр Магнус. — Речь идет о фургоне, принадлежащем свидетельнице.

— И почему же он начал качаться?

— Потому что об него скребся слон, — сказала Черная Нелл.

— У слонов заведено скрестись о фуруны? — обратился судья к сэру Магнусу.

— Насколько я понимаю, милорд, все толстокожие, найдя подходящие жесткие поверхности, трутся о них, когда чешется кожа, — сообщил сэр Магнус.

— Я вижу, мы так немало узнаем про слонов, — удовлетворенно заметил судья. — Хорошо, продолжайте.

— И когда вы вышли из фургона, — сказал сэр Магнус, — слон набросился на вас?

— Слава богу, ничего подобного не было, — ответила Черная Нелл. — Он был ручной, словно кролик. Мы потом сели и вместе позавтракали.

— Стало быть, он не повредил ваш фургон и никак не пытался нанести вам какую-либо обиду?

— Никак нет, это животное мухи не обидит.

— Благодарю, — заключил сэр Магнус и снова посмотрел на сэра Огастеса.

Однако сэр Огастес опасался, что его совсем запутают не имеющими отношения к делу подробностями ворожбы, и опять отказался от перекрестного допроса.

— Прошу теперь вызвать Перегрину Филигри, — сказал сэр Магнус.

Мистер Филигри, лицо — сплошная улыбка, вошел враскачку в зал и не без труда втиснулся на свидетельскую скамью.

— Привет, Адриан! — помахал он пухлой рукой. — Как дела?

Судья уставился на него.

— Мистер Филигри, — сказал он, — буду вам признателен, если вы ограничитесь дачей показаний, вместо того чтобы затевать развязную болтовню с обвиняемым.

— Извините, ваша светлость, — покорно отозвался мистер Филигри.

Секретарь суда поднес ему Библию для принесения присяги.

— У вас тут случайно нет молитвенного колеса? — спросил мистер Филигри.

— Что это такое? — удивился судья.

— Насколько я понимаю, милорд, — вступил сэр Магнус, — молитвенное колесо используется исключительно в Тибете и других местах, где главной религией является буддизм.

— И зачем вам нужно молитвенное колесо? — обратился судья к мистеру Филигри.

— Затем, что я буддист.

— Право, сэр Магнус, мне кажется, вряд ли мы можем на этой стадии процесса предложить секретарю суда начинать поиски молитвенного колеса. К тому же я не уверен, что это было бы по закону, — усомнился судья.

— Послушайте, мистер Филигри, — сказал сэр Магнус, — а вы не могли сделать нам такую любезность, поклясться на Библии, сделав вид, что это молитвенное колесо?

— Охотно, — ответил мистер Филигри, — если вам от этого будет легче.

— А теперь, — заявил судья, — может быть, приступим к делу.

Д

— Мистер Филигри, — начал сэр Магнус, — вечером двадцать восьмого апреля обвиняемый, Адриан Руквисл, и его слон прибыли на постоянный двор «Единорог и Лира», который содержите вы и ваша дочь?

— Точно, — заулыбался мистер Филигри. — Это был такой приятный сюрприз!

— Не могли вы своими словами рассказать его светлости и присяжным, как именно это произошло?

— Охотно, — мистер Филигри сложил свои толстые руки, как для молитвы, и сосредоточил взгляд своих круглых глаз на судье. — Понимаете, у меня много лет не было слонов.

— Не могли бы вы подробнее изложить столь поразительное заявление? — попросил судья.

— Понимаете, когда-то у меня был сто один слон, и самым главным, разумеется, был Пу-Тинь. Но это было довольно давно.

— Верно ли я понял, сэр Магнус, что свидетель утверждает под присягой, будто у него был сто один слон?

— Да, милорд.

— Мне показалось, — продолжал судья, — и прошу вас, сэр Магнус, поправить меня, если я ошибаюсь, что у обвиняемого были изрядные проблемы с одним слоном. Каким образом этот джентльмен ухитрился успешно управлять сто одним?

— Полагаю, милорд, — учтиво заметил сэр Магнус, — он держал их, находясь в Индии во время одной из своих прежних инкарнаций. Я привлек его в качестве свидетеля только потому, что у него изрядный опыт обращения со слонами.

Судья был сбит с толку еще больше, чем присяжные.

— Очевидно, — сказал он, — этот свидетель выступает здесь в роли эксперта.

— Так точно, милорд.

Присяжные перешептывались и обменивались кивками, точно полный курятник кур, затем председатель встал.

— Простите, милорд, — обратился он к судье, — нельзя ли внести ясность в один вопрос?

— Думаю, следует это сделать, — неуверенно произнес судья. — В этом деле много вопросов, которые мне хотелось бы прояснить. Что вы хотите узнать?

— Понимаете, нас несколько озадачило слово «инкарнация» — что оно означает?

— Хороший вопрос, — судья с надеждой посмотрел на сэра Магнуса.

— В некоторых странах, — важно произнес сэр Магнус, — где испове-

дуют не христианство, а буддизм, принято верить, что человек проживает не одну, а несколько жизней.

— Совершенно верно, — подтвердил мистер Филигри.

— Таким образом, — сказал сэр Магнус, — нам чрезвычайно посчастливилось, что мы смогли привлечь свидетелем мистера Филигри. Я бы даже сказал, что еще ни одному суду присяжных не доводилось слушать столь поразительные показания. Вам представляется возможность, джентльмены, ознакомиться со знаниями эксперта, накопленными за много лет общения не только с одним слоном, а, как вы смогли убедиться, с целой сотней принадлежавших ему толстокожих. Конечно же, вы отлично понимаете, что у человека, владевшего сто одним слоном, есть все основания просвещать нас, не столь выдающихся смертных, на чью долю не выпадало привилегии владеть хотя бы одним.

Председатель присяжных был заметно ошеломлен. Он открыл рот раз-другой, будто задыхающаяся золотая рыбка, потом молча сел.

— Мистер Филигри, — продолжал сэр Магнус, — я разъяснил присяжным, что вы подлинный эксперт во всем, что касается слонов. Позвольте теперь попросить вас поделиться с присяжными вашими впечатлениями о слонихе, о которой идет речь, то бишь о Розе.

— Роза, — пропищал мистер Филигри, краснея от волнения, — один из самых милых, самых прелестных слонов, с какими я когда-либо встречался. Единственный ее порок, заслуживающий упоминания, отсутствие клыков.

— Почему отсутствие клыков — порок? — осведомился судья.

— Нет клыков — не в чем сверлить отверстия.

— Сэр Магнус, — сказал судья, — не могли бы вы как-то следить за тем, что говорят ваши свидетели. У меня складывается впечатление, что они приводят факты, не имеющие никакого отношения к рассматриваемому делу.

— Разумеется, милорд, — ответил сэр Магнус.

— Я вовсе не хотел сказать ничего дурного про Розу, — серьезно произнес мистер Филигри, укоризненно показывая пальцем на судью.

— Вы назвали бы ее злобным существом? — спросил сэр Магнус.

— Злобным?! — Мистер Филигри даже побагровел от негодования. — Роза — злобная? Да она один из добрейших слонов, с какими я когда-либо имел дело.

— Благодарю, — заключил сэр Магнус. — И как нам всем понятно, ваши слова основаны на огромном опыте обращения со слонами.

Сэр Огастес не был особенно расположен вести перекрестный допрос,

Д

но, упустив перед тем двух свидетелей, он чувствовал, что просто обязан придумать что-то эффектное.

— Мистер Филигри, — язвительно молвил он, — вы не согласитесь с тем, что если мы не разделяем вашу веру в реинкарнацию, то цена вашим показаниям — ноль.

— Ни в коем случае, — пропел мистер Филигри. — Если вы не верите, в том нет вашей вины. Понимаете, я располагаю убедительными свидетельствами. Я рассказывал Адриану про моего кота. Вот вам великолепный пример.

— Сэр Огастес, — вмешался судья, — не знаю уж почему, но всякий раз, когда вы допрашиваете свидетеля, вам удается вовлечь в дискуссию еще какое-то животное. Это сбивает нас с толку.

— Милорд, — отозвался сэр Огастес, — я просто хотел прояснить...

— И вам это не удалось, — отчеканил судья. — Теперь вот у нас появился еще и кот.

— Чудесный кот, — сообщил мистер Филигри. — Он тотчас меня узнал.

— Ваш кот не имеет ровным счетом никакого отношения к рассматриваемому делу, — возразил судья. — Сэр Огастес, то, как вы ведете допрос, ни с чем не сообразно.

— Как скажете, ваша светлость, — сдержанно ответил сэр Огастес. — Тогда у меня нет больше вопросов.

Он сел и бросил злобный взгляд на сэра Магнуса, который откинулся на стуле с закрытыми глазами и блаженной улыбкой на губах.

— Свидетель свободен, — сообщил судья, полистал свои бумаги, потом обратился к сэру Магнусу: — Вы намерены вызвать еще свидетелей, сэр Магнус?

— Да, милорд, у меня есть несколько.

Судья поглядел на часы.

— Хорошо, в таком случае буду рад, если вы проведете допрос возможно быстрее.

Дальше сэр Магнус вызвал Гонорию, и, к великому удивлению Адриана (у него сердце оборвалось при звуке ее имени), она оказалась отличным свидетелем. Лишь потом он узнал, что такому успешному выступлению способствовали полторы бутылки джина. Заняв место на свидетельской скамье, она давала показания голосом, в котором воодушевление чередовалось с волнением, и великолепный бюст ее грозил вырваться из низкого декольте, приковывая к себе жадные взгляды присяжных. Ее панегирик Розы и своей дружбе со слюнихой был подлинным шедевром. С гордо поднятой головой, обливаясь слезами, Гонория говорила, что это она, только она одна повинна в постигшем театр разгроме, потому что напоила Розы джином.

Под конец ее речи присяжные дружно вытирали увлажнившиеся глаза, и даже судья вынужден был хорошенько высморкаться, прежде чем отпустил Гонорию.

Следующим место на свидетельской скамье занял Этельберт. Он подтвердил показания Гонории и еще добавил кое-что от себя. В какой-то момент ему было сделано замечание за то, что он назвал судью «дружище»; тем не менее ни у кого в зале не осталось сомнения в том, что Этельберт — честный, искренний свидетель.

Сэр Магнус намеревался вызвать Сэмэнта, но тут Адриан сказал «нет». Он не желал, чтобы Сэмэнта очутилась на свидетельской скамье под градом вопросов сэра Огастеса. Впрочем, он зря волновался, ибо сэр Огастес после неудавшегося перекрестного допроса мистера Филигри сидел, понурившись, точно унылая ворона, и лишь отрицательно качал головой, когда ему предлагали задавать вопросы.

— Теперь, — сказал сэр Магнус, когда удалился Этельберт, — у нас начинает складываться ясная картина.

— Полагаю, вы правы, сэр Магнус, — неуверенно согласился судья.

— Думается, я смог предельно убедительно показать, что слон, о котором идет речь, самый очаровательный и кроткий представитель своей породы. В тех случаях, когда он причинял какой-то ущерб, это было вовсе не умышленно, и винить тут нельзя ни его, ни его хозяина.

— Возможно, сэр Магнус, — вступил судья, — вам и впрямь это теперь совершенно ясно, чего я не могу сказать о себе.

— Прекрасно, милорд, в таком случае, если суд не возражает, прошу повторно вызвать лорда Феннелтри.

Лорд Феннелтри благодушно проследовал на свидетельскую скамью, протер монокль и вставил его в глаз, расточая улыбки.

— Забавно, — отметил он. — Не думал я, что мне придется выступить дважды.

— Лорд Феннелтри, — обратился к нему сэр Магнус. — Не могли бы вы восстановить в памяти события вечера двадцать восьмого апреля? Вечера, когда был устроен бал в честь дня рождения вашей дочери.

— Как же, как же, — отозвался лорд Феннелтри. — Отлично помню.

— Итак, вами было задумано, что вы и обвиняемый въедете на слоне в бальный зал, правильно?

— Несомненно, — ответил лорд Феннелтри.

— До этого вечера слон проявлял какие-нибудь дурные наклонности?

— Кто — старушка Роза? Конечно же, нет. Чудеснейшее животное.

Сэр Магнус удовлетворенно улыбнулся.

— Однако в день бала, — продолжал он, — у обвиняемого возникли

Д

все же какие-то сомнения относительно уместности задуманного приключения?

— Сомнения, — усмехнулся его светлость, — да он весь был сплошной комок нервов. Поверьте, этот парень чересчур подвержен волнениям. От этого у него сплошные проблемы. Я все время твердил ему, что волноваться вредно для здоровья.

— Иначе говоря, — сказал сэр Магнус, — он уверял вас, что, может быть, не стоит вводить слона в бальный зал.

— Раз десять в день твердил, если не больше.

— Почему? — спросил сэр Магнус.

— Понимаете, он считал, что это не понравится моей жене. Такое уж впечатление она производит на некоторых людей.

— Могу себе представить, — сухо заметил сэр Магнус. — А потому перед самым праздником он несколько раз пытался убедить вас отказаться от вашего плана.

— Совершенно верно.

— Вечером, когда должен был состояться бал, он по-прежнему опасался за исход вашей затеи.

— Опасался — не то слово, — ответил лорд Феннелтри. — И конечно, когда он обнаружил, что слониха под хмельком, мне стоило великого труда довести до конца задуманное.

— Понятно, — вкрадчиво произнес сэр Магнус. — Таким образом, обвиняемый фактически желал все отменить еще накануне праздника, а перед самым балом, обнаружив, что животное находится в состоянии опьянения, снова всячески пытался уговорить вас отменить эту затею.

— Ну да.

— Иначе говоря, — продолжал сэр Магнус, — мы вправе сказать, что ни животное, находившееся под влиянием алкоголя, ни обвиняемый не были повинны в случившемся на балу погроме, поскольку прямую ответственность за это несете вы.

Наступила пауза, лорд Феннелтри обдумывал неожиданную для него оригинальную постановку вопроса.

— А что, — молвил он наконец, дыша на монокль, протирая его и снова вставляя в глаз, — а что, ведь вы совершенно правы. Это я во всем виноват.

— Руперт! — взревела сидящая в зале леди Феннелтри. — Следи за тем, что говоришь!

— Кто нарушил порядок? — осведомился судья, близоручко озираясь кругом.

— По-моему, это супруга свидетеля, — удовлетворенно сообщил сэр Магнус.

— Мадам, могу ли я попросить вас соблюдать тишину? — спросил судья.

— Не буду соблюдать! — крикнула леди Феннелтри. — В жизни не видела такого бестолкового судью. Я не собираюсь безучастно наблюдать, как вы потворствуете судебной ошибке.

— Ну, ну, дорогая, — воззвал к ней лорд Феннелтри с примирительным жестом, — успокойся.

— Не желаю успокаиваться! — прокричала леди Феннелтри.

— Леди Феннелтри, — сказал судья, — это дело и без ваших замечаний достаточно запутанное.

— Это вы его запутали!

— Мадам, — ледяным тоном произнес судья, — если вы не успокоитесь и не сядете, я буду вынужден распорядиться, чтобы вас удалили из зала суда.

Леди Феннелтри выставила вперед зонтик, точно копьё.

— Только попробуйте.

— Удалите эту женщину, — возбужденно скомандовал судья.

Два рослых полицейских направились к леди Феннелтри, которая с замечательным для своей комплекции проворством отступила на три шага и сделала выпад зонтиком. Укол пришелся наиболее рослому полицейскому чуть севернее пупка, и он согнулся, задохнувшись. Тем временем леди Феннелтри развернулась и ударила его коллегу по загривку. Блюстителям порядка понадобилась не одна минута, чтобы укротить ее и с позором удалить из зала суда; присяжные с увлечением следили за этой процедурой. Уже от дверей донесся последний отчаянный вопль:

— Руперт, только посмей еще что-нибудь сказать!

— Лорд Феннелтри, — сказал судья, — прошу вас извинить нас за то, что пришлось так обойтись с вашей супругой.

— Ничего, дружище, — ответил лорд Феннелтри. — Я просто восхищен. Смогу ли я потом узнать имена этих двух доблестных полицейских?

— Мне можно продолжать, милорд, после этого неприятного инцидента? — осведомился сэр Магнус.

— Прошу вас, — отозвался судья.

— Итак, нам известно, — сэр Магнус направил взгляд на лорда Феннелтри, — что на вас лежит прямая ответственность за вред, причиненный слоном на вашем балу.

— Да-да, — подтвердил лорд Феннелтри. — По-моему, это вполне справедливое заключение, и мне только жаль, что бедняга Адриан попал в та-

Д

кую переделку. Он прекрасный молодой человек, и у него прелестнейшая слониха.

— Благодарю, лорд Феннелтри, — сказал сэр Магнус, — у меня нет к вам больше вопросов.

С этими словами он сел, с торжествующим видом достал из кармана табакерку, зарядил ноздри понюшками, издал оглушительный победный чих и снисходительно улыбнулся сэру Огастесу.

— Ну так, гм, — произнес судья. — Вы желаете сказать что-нибудь, сэр Огастес?

Сэр Огастес, который являл собой довольно жалкое зрелище, встал, дрожа от плохо сдерживаемой ярости.

— Милорд, — сказал он срывающимся голосом, — мне мало есть что добавить к уже изложенному мной. Могу только сейчас выразить надежду, что обращение моего ученого друга к множеству сомнительных свидетелей никак не повлияло на мнение присяжных об этом деле. На мой взгляд, вызов в суд белых ведьм, бродячих лицедеев с сомнительным моральным обликом и людей, верящих в реинкарнацию, скорее подрывает, чем укрепляет позицию защиты.

Сэр Магнус поднялся на ноги.

— Если мне будет позволено вмешаться, — заявил он, — хотелось бы подчеркнуть моему ученому другу, что, помимо белых ведьм, странствующих лицедеев и людей, верящих в реинкарнацию, здесь выступил также лорд Феннелтри.

С этими словами он сел, и сэр Огастес устремил на него испепеляющий взгляд такой силы, что Адриан удивился, как сэр Магнус не превратился в облачко черного дыма.

— Полагаю, — продолжал сэр Огастес, — присяжные могут вынести только один вердикт, а именно — признать виновность обвиняемого Адриана Руквисла.

Сэр Магнус снова встал.

— Полагаю, милорд, господа присяжные, что моя позиция изложена предельно ясно. Исходя из услышанных здесь показаний, считаю, что мною здесь убедительно подтверждены благонравие как моего подзащитного, так и сопровождающего его благородного животного.

Председатель присяжных уже несколько минут то открывал, то закрывал рот. Теперь и он поднялся на ноги.

— Ну, что там еще? — брюзгливо осведомился судья.

— Извините, ваша честь, — сказал председатель, — но слон, о котором идет речь, тот самый, коего мы в последнюю неделю могли видеть на набережной?

— Да, — ответил сэр Магнус, — слонихе нравится гулять там и играть с малыми детьми.

Председатель сел и принялся совещаться шепотом с остальными присяжными. Сэр Магнус смотрел на них с широкой отеческой улыбкой.

— Полагаю, милорд, — мягко молвил он, — что я вполне могу положиться на здравый смысл присяжных при вынесении справедливого вердикта.

— Конечно, конечно, — отозвался судья, беспокойно перебирая свои бумаги, потом обратился к присяжным: — Нельзя ли перестать там перешептываться и послушать меня?

Председатель снова встал.

— Извините, милорд, — объявил он, — но мы уже вынесли вердикт.

— Как-как? — раздраженно заметил судья. — Я еще должен подытожить результаты судебного следствия.

— Хорошо, сэр, — ответил председатель, садясь.

Судья прокашлялся, просмотрел свои записи, потом откинулся в кресле, закрыв глаза.

— Итак, ваша задача, — начал он, — решить — виновен или невиновен обвиняемый Адриан Руквисл.

Он открыл глаза и окинул присяжных торжествующим взглядом.

— В этом, так сказать, заключается суть всего дела. Однако есть вещи, кои вам надлежит обдумать, прежде чем вы твердо решите, виновен он или невиновен. Мы выслушали тут много показаний. — Он как-то безнадежно еще раз перебрал свои бумаги. — Много показаний — одни за, другие против. Так вот, в мои обязанности не входит разяснять, как вам следует думать, я должен только направить вас по верному пути. Вы совершенно свободны посчитать обвиняемого виновным, даже если он невиновен. С другой стороны, вы точно так же можете посчитать его невиновным, если он виновен. В этом вся прелесть нашей системы правосудия. Я нахожусь здесь лишь для того, чтобы помогать вам не заблудиться в лабиринтах закона.

Судья остановился, тихо прокашлялся, перебирая бумаги, причем некоторые из них слетели на пол.

— Итак, — продолжал он, — мы выслушали показания, из которых убедительно следует, что Адриан Руквисл, владея слоном и, вероятно, контролируя его, дозволил ему причинить изрядный ущерб как людям, так и имуществу. Однако от вашей проницательности не могло ускользнуть, что этим показаниям противостоят другие показания, убедительно свидетельствующие, что животное, о котором идет речь, не обладает злобным нра-

Д

вом и что обвиняемый против своей воли оказался вовлеченным в дурные ситуации.

Судья остановился и обратил пристальный взгляд на председателя присяжных.

— Вы следите за ходом моих рассуждений? — спросил он.

Присяжные дружно кивнули.

— Итак, вам надлежит, — судья наставительно поднял указательный палец, — вынести вердикт «невиновен» в том случае, если, по вашему мнению, обвиняемый Адриан Руквисл на самом деле, э, гм, невиновен. С другой стороны, если, по вашему мнению, он виновен, вам надлежит без страха и предубеждения, приняв во внимание, как я уже сказал, все стороны рассмотренного дела, вынести вердикт «виновен». Есть целый ряд моментов, кои вам следует обдумать, тщательно обдумать, например, вопрос, который для меня так и остался невыясненным, а именно: любят ли слоны пить джин. А также вы, возможно, пожелаете обдумать то, что мне представляется чрезвычайно важным показанием, из коего вытекает, что слон скользил по паркету. Столь авторитетный знаток законов, как сэр Магнус, заверил нас, что слоны могут скользить по паркету. Стало быть, если признать этот факт, мы должны заключить, что слон, о котором идет речь, действительно скользил по паркету и, как было проницательно замечено сэром Огастесом, причинил изрядный ущерб. Возьмем далее свидетельство, касающееся фургона. Вы вправе спросить себя — все вместе или каждый в отдельности, — в самом ли деле слон просто поскребся о фургон или это было неспровоцированное нападение? Тот факт, что свидетельница, находившаяся в тот момент внутри фургона, не пострадала, никак не должен повлиять на ваш вывод. Она могла и впрямь быть жертвой неспровоцированного нападения, не сознавая этого, а может быть, как предполагает защита, слон просто поскребся о фургон. Итак, джентльмены, вам надлежит выполнить священный долг. Вы выслушали доводы обеих сторон, как обвинения, так и защиты, теперь вам предстоит рассмотреть все изложенные вам детали и составить себе общую картину. Моя обязанность сводится всего лишь к тому, чтобы разъяснять вам то, что нуждается в разъяснении. А теперь прошу вас удалиться и спокойно взвесить все обстоятельства дела, и если ваш вердикт будет гласить «виновен», то никто не вправе будет упрекнуть вас за это. С другой стороны, если, опираясь на свою мудрость и располагая всеми фактами, вы вынесете вердикт «невиновен», вас опять же никто не осудит. В заключение позвольте только выразить надежду, что мои слова в какой-то мере помогут вам сформулировать правильное решение. Можете удалиться и обдумать ваш вердикт.

Председатель жюри поднялся на ноги.

— Мы решили не удаляться, ваша светлость, — сообщил он.

— Весьма необычно, — сказал судья. — Вам необходимо время, чтобы поразмыслить и посоветоваться.

— Мы поразмыслили, милорд, — ответил председатель.

— Ну, — неохотно молвил судья, — и каков же ваш вердикт?

— Понимаете, сэр, нам хотелось бы окончательно прояснить для себя один вопрос, прежде чем мы огласим наш вердикт. Этот слон, о котором идет речь, действительно тот самый, что играл с моими детишками на набережной?

— Полагаю, сэр Магнус, — сказал судья, — вы лучше, чем кто-либо, в состоянии ответить на этот вопрос.

— Да, — обратился к присяжным сэр Магнус, — если у вас есть дети, которые в последние дни играли на набережной, то, вне всякого сомнения, они играли со слоном, о котором идет речь.

— В таком случае, — заявил председатель жюри, — наш вердикт — невиновен.

В зале раздались аплодисменты, к которым рассеянно присоединился сам судья. Когда они стихли, судья прокашлялся и воззрелся на Адриана.

— Адриан Руквисл, — объявил он, — вы признаны виновным в предъявленных вам обвинениях.

— Простите, милорд, — вмешался председатель, — но мы нашли его невиновным.

— О? — произнес судья. — В самом деле? Итак, вы признаны невиновным в предъявленных вам обвинениях, а посему мой священный долг приговорить вас, — он замялся, собираясь с мыслями, — мой священный долг снять с вас все обвинения без каких-либо последствий для вашей репутации.

Судья перевел взгляд на присяжных.

— Вы добросовестно и честно выполнили свои обязанности, — возвестил он, — потрудились на совесть. А посему освобождаю вас от выполнения обязанностей присяжных на следующий год.

Он безучастно перебрал свои бумаги, потом наклонился к секретарю суда.

— У нас есть в списке еще дела? — справился он хриплым шепотом.

— Нет, милорд, — ответил секретарь, — это было последнее.

— Отлично, — судья выпрямился и посмотрел на Адриана. — Только еще один момент, — сказал он ему, — не могли бы вы сделать мне одно маленькое одолжение?

— Охотно, милорд, — ответил Адриан.

— Мне очень хотелось бы посмотреть на слона, о котором идет речь, —

Д

сообщил судья и робко добавил: — Понимаете, я в жизни не видел живых слонов.

— Разумеется, милорд, — отозвался Адриан, — я собираюсь сейчас же пойти и сообщить Розе приятную новость, так что если ваша светлость пожелает — присоединяйтесь.

— Отлично, — пропищал судья. — Встретимся у выхода через несколько минут, мистер Руквисл.

Он сорвался с кресла и метнулся к двери, провожаемый глазами почтительно вставших членов суда и зрителей.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ВЕРДИКТ

Адриан покинул свидетельскую скамью, с трудом переставляя ноги; через весь зал к выходу он словно плыл на волне доброжелательства. Сэр Магнус поддерживал его за одну руку, лорд Феннелтри за другую, а мистер Филигри и Этельберт сенили впереди, путаясь у них под ногами. Наконец они очутились на улице, где их ожидала Сэмэнта. Она улыбнулась Адриану.

— Я рада, что тебя выпустили, — сказала она.

— Правда? — спросил он.

— Правда.

Глядя на ее большие зеленые глаза с золотыми искорками, Адриан почувствовал, что краснеет до корней волос.

— Я... я очень рад, что ты рада, — тупо вымолвил он.

Почему-то Сэмэнта тоже покраснела.

— Да, я очень рада, — повторила она.

— Когда вы окончательно убедите в этом друг друга, — вмешался сэр Магнус, — предлагаю отправиться ко мне и выпить за победу.

— Сэр Магнус, — обратилась к нему Сэмэнта, — мы чрезвычайно благодарны вам за то, что вы сумели выручить Адриана и Розе.

— Ерунда, — отозвался сэр Магнус. — Пустяки.

— Знаете, — подключился лорд Феннелтри, — у меня такое впечатление, что я не очень-то способствовал вашей защите.

Этельберт покатылся со смеху; Гонория была даже вынуждена подхватить его, чтобы он не упал.

— А еще вот что, дружище, — продолжал лорд Феннелтри, обращаясь к Адриану, — если вы не против, можно мне побыть с вами, куда бы вы ни направились? Дадим моей супруге время собраться с мыслями.

— Что до меня, — произнес Адриан с внезапной решимостью, — то я знаю, куда направляюсь. Я возвращаюсь в «Единорог и Лиру» — если хозяева не возражают.

— А Роза? — всполошился мистер Филигри. — Роза возьмете с собой?

— Если можно, — Адриан посмотрел на Сэмэнту.

— Думаю, у нас найдется для вас место, — сказала она.

— Может быть, у вас найдется на короткий срок местечко у огня и для меня? — спросил лорд Феннелтри, пристально глядя через монокль на Сэмэнту.

— Послушайте, — взволнованно пропищал мистер Филигри, — почему бы нам всем не отправиться туда? Места у нас хватит на всех, и мы могли бы устроить вечеринку.

— Замечательная идея, — сказал сэр Магнус.

— «Сплошпорт Куин» скоро отходит, — напомнил лорд Феннелтри. — Пересечем пролив на пароме, а дальше леди могут занять места в моем ландо, а мужчины поедут поездом.

— Сомневаюсь, чтобы для Розы нашлось место в поезде, — заметил Адриан. — Нет уж, вы давайте поезжайте вперед, а я приведу Розу.

— Чепуха, мой мальчик, — сказал сэр Магнус, помахивая тростью. — Я знаком с начальником вокзала. Уверен, мы найдем местечко для Розы, если не в вагоне первого класса, то где-нибудь еще.

В эту минуту к ним присоединился судья; Адриан с великим удивлением увидел на нем, словно надетый по ошибке, костюм в пеструю клеточку. Услышав от Адриана, что задумано у его друзей, судья устремил просительный взгляд на Сэмэнту.

— Полагаю, лорд Тэрви, — тактично произнесла она, — может быть, и вы не против посетить «Единорога и Лиру»?

— Дитя мое, — отозвался судья, — я буду просто счастлив. Так уж случилось, что на несколько дней я свободен от отправления правосудия, и короткий отдых в сельской местности пойдет мне только на пользу.

— Отлично, — заметил сэр Магнус. — Мне предоставится случай обсудить с вами следующее дело.

— Не знаю, насколько это соответствует этическим нормам, — усомнился судья.

— Ну, а я так не вижу смысла в вашем присутствии, если вы откажетесь обсудить со мной дело, — сказал сэр Магнус.

— Ладно, — уступил судья, — думаю, в данном случае это возможно.

Д

Неохотно оставив Гонорию, Черную Нелл и Сэмэнту на попечении лорда Феннелтри, Адриан вместе с сэром Магнусом, лордом Тэрви, мистером Паклхэммером, Этельбертом и мистером Филигри направился в дом своего защитника.

Как только они пришли туда, Адриан помчался в конюшню, где его радостным писком приветствовала Роза.

— Ну, несчастная, вредная, пьяная тварь, — нежно произнес он, крепко обнимая хобот слониhi, — кажется, мы благополучно отделались.

Роза, которую исход дела не слишком волновал, поняла тем не менее, что у Адриана хорошее настроение, а потому еще раз пискнула, махая ушами.

— Восхитительно, — произнес судья; он последовал за Адрианом в конюшню и теперь стоял подле задних ног Роза, меряя ее взглядом. — Сэр Магнус был совершенно прав, говоря, что она не могла достать хоботом до канделябра.

— Это хвост, — пояснил Адриан. — Хобот с этой стороны.

— О, — молвил судья.

Порывшись в кармане, он извлек оттуда лорнет и, поднеся его к глазам, продолжал с интересом изучать зад слониhi.

— Вы совершенно правы, — заключил он. — У него на кончике волосы.

После чего зашел спереди и снова уставился на Роза через лорнет.

— Восхитительно, — повторил он. — Просто восхитительно.

— Ну-ка, пошли! — нетерпеливо позвал их сэр Магнус, врываясь в конюшню. — Если не поспешим, опоздаем на паром.

Адриан взял Роза за ухо и, сопровождаемый своей свитой, повел ее в порт. Плавание через пролив прошло без происшествий, если не считать, что сэр Магнус и судья пели дуэтом матросские песни. Сойдя с парома, леди последовали с лордом Феннелтри, а остальные поспешили на станцию, где сэр Магнус, то повышая голос, то умасливая, добился того, что к поезду, отходящему на Монксеппер в 15.45, прицепили открытую платформу, куда Роза поднялась как ни в чем не бывало.

— А теперь, Берт, — обратился сэр Магнус к начальнику станции, — стулья давай, стулья.

— Стулья, сэр Магнус? — озадаченно повторил начальник станции.

— Вот именно, стулья. Из зала ожидания. Чтобы нам было на чем сидеть.

— Но разве вы поедете не в купе, сэр Магнус?

— Разумеется, нет, — ответил сэр Магнус. — Если платформа годится для Роза, она подходит и для меня. Был бы только обыкновенный стул.

Взбудораженный начальник станции распорядился, чтобы из зала ожидания принесли скамейку и два стула, которые и расставили на платформе рядом с Рози. После чего Этельберт, мистер Паклхэммер и Адриан разместились на скамейке, а сэр Магнус хмуро опустился на один стул и посадил судью на другой. Зарядив ноздри доброй понюшкой, сэр Магнус оглушительно чихнул и сказал начальнику станции:

— Порядок, Берг, можешь давать отправление.

От его внимания явно ускользнул тот факт, что отправление поезда уже задерживается на двадцать минут и большинство пассажиров не скрывает своего беспокойства. Начальник станции вытер лоб, выдул из своего свистка мелодичную трель, помахал зеленым флажком, и поезд, тронувшись с места, потащился, звякая *суставами*, за город.

Был чудесный, жаркий летний день, кругом простирались зеленые и желтые поля, и небо было голубым, как глаза сиамского кота. Адриан с удивлением думал о том, что за каких-нибудь два-три часа они покроют все те изнурительные километры, которые они с Рози мерили своими ногами.

Путники вышли на маленькой станции у селения Парсонс Фартинг и прошагали километра два с хвостиком по пыльной дороге до «Единорога и Лиры».

— Дружище, — восхищенно произнес Этельберт, — я и не подозревал, что за городом такие просторы, а сколько тут зелени, какая листва.

— В Папуа листья куда больше, — сообщил мистер Филигри. — Никакого сравнения.

И он расставил свои короткие толстые руки, показывая, какие огромные листья в Папуа.

— Не знаю, как вам, — обратился сэр Магнус к мистеру Паклхэммеру, — но мне кажется, сейчас нам весьма кстати пришелся бы кувшин пива.

— Не только сейчас, — отозвался мистер Паклхэммер. — Мой опыт показывает — какие-то вещи приходятся кстати, какие-то нет, но кувшин пива никогда не помешает.

— Знаете, — сообщил судья, созерцая Рози, — без моих очков мне по-прежнему трудно определить, какой конец я вижу.

— Конец чего? — спросил сэр Магнус.

— Рози, — ответил судья.

— Надеюсь, — пропел мистер Филигри, семена по дороге, — у Сэмэнты найдется что поесть. Я знаю, что напитков у нас предостаточно.

— Лишь бы было предостаточно напитков, — заметил сэр Магнус. — Остальное не так важно. Случайно у вас нет вишневки?

— Есть вишневка, и немало, — сказал мистер Филигри. — Я заказал однажды три бочонка, но, к сожалению, она не пользуется спросом.

Д

— Лишнее подтверждение того, — заключил сэр Магнус, заряжая ноздри табаком и чихая, — что нынешним неведомо понятие хорошего вкуса.

Наконец они обогнули последний поворот и увидели «Единорога и Лиру», который, несмотря на золотистую камышовую кровлю, больше всего походил на благодушно растянувшегося на земле черно-белого кота.

— Ур-ра! — ликующе завопил Этельберт, коему явно ударил в голову деревенский воздух. — Пришли!

Тут же отворилась дверь «Единорога и Лир», и на пороге появились лорд Феннелтри и Сэмэнта.

— Как доехали? — спросил его светлость.

— Отлично! — крикнул сэр Магнус, приветственно взмахнув тростью. — Я решил, что куда удобнее путешествовать на открытой платформе вместе со слоном, чем в купейном вагоне в окружении кучи зануд.

— Или мокриц, — добавил судья, покатываясь со смеху.

— Сэм, дорогая, — озабоченно выдохнул мистер Филигри, — как там у нас с едой?

— О, можешь не беспокоиться, — сообщила Сэмэнта. — Лорд Феннелтри — добрейший человек на свете. По пути мы остановились, и он настаивал на том, чтобы закупить всякую всячину.

Она провела всех на лужок за домом, где они увидели накрытый белоснежной скатертью длинный стол на козлах, изнемогающий под тяжестью съестных припасов. Тут были целый взвод холодных жареных фазанов, полный поднос яиц ржанки, горы устриц, огромный копченый окорок, розовый и нежный, словно облако на закате, жареный задок бычка, равного которому, наверно, не было во всей округе.

— Вы чрезвычайно добры, лорд Феннелтри, — сказал Адриан. — Особенно если учесть, что я выиграл дело.

— Дружище, — серьезно произнес его светлость. — Я не стал бы ничего покупать, проиграй вы дело, но мне подумалось, что легкая закуска всем нам поможет восстановить силы после путешествия.

— Я был бы совершенно счастлив, — невнятно молвил сэр Магнус, жуя устриц и яйца, — если бы мне предложили глоточек вишневки, о которой нам говорил мистер Филигри.

— Конечно, конечно, — отозвался мистер Филигри, стирая с губ крошки пирога, после чего просеменил в дом и вернулся с небольшим бочонком, возле коего тотчас занял пост сэр Магнус.

На изумрудную лужайку легли длинные тени; за столом царили мир и доброжелательство. Мистер Паклхэммер тихо напевал себе под нос, размахивая пивной кружкой. Черная Нелл, справившись с приступом икоты,

изучала ладонь Гонории и предсказывала ей карьеру, которой позавидовала бы Сара Бернар. Лорд Феннелттри лежал на траве, словно в трансе, созерцая небо и слушая длинную сложную лекцию судьбы на темы правоведения. Адриан, сидя напротив Сэмэнты, смотрел, как солнечные лучи, просачиваясь через древесную листву, рисуют яркие узоры на ее медно-рыжих волосах. Потом вдруг, не в силах больше любоваться такой красотой, встал и направился в конюшню под предлогом необходимости проверить, как там Роза.

Она сперва присоединилась было ко всей компании, однако деликатесы на столе пришлись ей не по вкусу, и Адриан позволил ей выпить всего три кружки пива, тогда Роза удалилась в конюшню, чтобы утешиться морковью и свеклой. Войдя в стойло, Адриан остановился, глядя на свою громадную серую подопечную. Роза посмотрела на него блестящими маленькими глазами и приветственно пискнула.

— Тебе хорошо, — с горечью произнес Адриан, прохаживаясь взад-вперед мимо стойла. — Тебе лишь бы брюхо набить да напиться вволю. Ты счастливая. А как насчет меня? Ты когда-нибудь задумывалась обо мне?

Он сделал драматическую паузу и поглядел на Розу. В животе слонихи раздалось мелодичное бурчание, и она осторожно коснулась хоботом его шевелюры.

— Взять хоть ее, — продолжал Адриан, — там за столом. Такая же бессердечная, как всегда. Ни малейшего поощрения с ее стороны. Честное слово, не вижу, зачем нам здесь оставаться.

Роза глубоко вздохнула. Адриан снова принялся мерить шагами конюшню.

— Ладно, может быть, пробудем здесь еще день-другой, — сказал он; при одной мысли о разлуке с Сэмэнтой ему делалось нехорошо. — Чего я не пойму, так это — почему она себя так ведет? Можно подумать, это я вовлек тебя во все эти передряги, а не наоборот. Но ведь теперь-то мы свободны, так в чем дело?

Роза положила на пол крупную свеклу и тихо перекатывала ее взад-вперед передней ногой, однако негромко пискнула, давая Адриану понять, что слушает его.

— Нет, — твердо произнес Адриан, — прежде чем решим задержаться тут, необходимо внести полную ясность. Я не собираюсь терпеть, чтобы меня третировала эта неблагодарная особа.

Роза чувствовала, что Адриан недоволен, но чувствовала также, что его недовольство направлено не на нее, а потому несколько не беспокоилась.

Д

— Я буду с ней тверд, — Адриан приосанился и решительно выпятил подбородок. — Скажу ей, что она ведет себя, как ребенок. Так и скажу.

Он метнул в Рози торжествующий взгляд, и она еще раз пискнула, выражая свое одобрение.

— С женщинами надо держаться твердо, — продолжал Адриан. — Возьми хоть леди Феннелтри. Правильно с ней обошлись. Они чересчур о себе воображают.

Однако как ни расстроен был Адриан, он не видел ровным счетом никаких черт сходства между леди Феннелтри и Сэмэнтой.

— Пойду-ка я, Рози, — сказал он, грозя ей пальцем, — постараюсь внести полную ясность. Иначе и до завтра не останусь под этой крышей.

Причиной столь внезапно овладевшей им решимости было то, что, любуясь лицом Сэмэнты, ее белозубой улыбкой и теплым цветом волос, глядя, как она смеется, флиртуя с сэром Магнусом, он нечаянно хлебнул из его кружки изрядное количество пива, смешанного с вишневкой.

Направляясь широкими шагами к дверям, Адриан еще раз обернулся, чтобы поглядеть на Рози.

— Я скоро вернусь, — сообщил он ей, — и доложу тебе свое решение.

Пытаясь выглядеть таким же жестокосердным и неумолимым, как сэр Магнус, допрашивающий свидетеля обвинения, Адриан прошагал обратно к столу. Черная Нелл в эту минуту рассказывала Гонории, что видит ее замужем за богачом с четырнадцатью детьми. Мистер Филигри, стоя на четвереньках, беседовал шепотом с жуком-оленом. Сэр Магнус, обняв одной рукой плечи мистера Паклхэммера, с большим воодушевлением пел вместе с ним «Солдаты королевы». Этельберт под звуки этой песни исполнял, как ему казалось, восточный танец живота, а лорд Феннелтри по-прежнему лежал в полном трансе на траве, слушая лорда Тэрви.

— Где Сэмэнта? — гаркнул Адриан.

Точнее, он намеревался гаркнуть, на самом же деле ему пришлось несколько раз прокашляться, прежде чем он смог выговорить эти слова.

— Сэмэнта? — отозвалась Гонория, удивленно озираясь. — Кажется, она пошла в дом.

— Отлично, — прорычал Адриан.

Эффект его драматического явления был несколько подпорчен тем, что он едва не споткнулся о мистера Филигри, направляясь к «Единорогу и Лире». Войдя в просторную кухню с каменным полом, темными балками и приветливо поблескивающими рядами кастрюль, он увидел Сэмэнту; она стояла у окна, глядя вдаль. Адриан решительно пересек всю кухню и остановился за спиной у Сэмэнты. Прокашлялся.

— Сэмэнта, — резко произнес он, — мне нужно поговорить с тобой.

— Лучше бы тебе заткнуться, — отрезала Сэмэнта.

— Нет уж, лучше ты не вздумай командовать мной, — парировал ошеломленный Адриан и засунул руку под край пиджака на манер Наполеона.

— Если ты сейчас же не замолчишь и не уберешься, я не отвечаю за себя, — отчеканила Сэмэнта, поворачиваясь к нему и сверкая глазами.

— Полегче, — сказал Адриан, отступая на шаг. — Ты ведешь себя, точно ребенок.

— А ты, — выпалила Сэмэнта, — ты пьян.

— Я вовсе не пьян, — возразил потрясенный Адриан. — Ничуть не пьянее других.

— Ты пьян, — настойчиво повторила Сэмэнта, — иначе не посмел бы говорить со мной таким повелительным тоном, словно... словно ты обращаешься к лошади.

— К лошади? — ужаснулся Адриан. — Я никогда не обращался к тебе, словно к лошади.

— Именно так. Словно я очень старая и очень плохо обьезженная лошадь.

И с этими словами она, к великому испугу Адриана, разразилась рыданиями.

— Перестань, ради бога, — взмолился Адриан. — Прости... извини меня... только перестань плакать.

— Я не плачу, — ответила Сэмэнта, заливаясь слезами.

— А что же ты тогда делаешь? — спросил Адриан с наигранным весельем. — Принимаешь душ?

Сэмэнта слегка опешила, потом неожиданно рассмеялась сквозь слезы.

— Нет, ты балда, — нежно произнесла она.

Адриану показалось, что кто-то пронзил его сердце раскаленным вертелом.

— О, Сэмэнта, — вымолвил он, — я так тебя люблю.

Сэмэнта посмотрела на него.

— Что ж, — заметила она погодя, — это похоже на взаимное чувство.

— Ты хочешь сказать, — заговорил Адриан, не веря своим ушам и чувствуя себя так, будто он вознесся в стратосферу на воздушном шаре, — ты хочешь сказать, что я... что ты... что ты и я... что ты...

— Долго же ты собирался признаться мне, — отозвалась Сэмэнта.

— Нет, ты в самом деле хочешь сказать, — твердил Адриан, — что я... что ты...

— Знаешь что, — сказала Сэмэнта, не сводя с него глаз, — если ты еще долго будешь так заикаться, не видать нам медового месяца.

Адриан пылко обнял Сэмэнта и поцеловал ее теплые губы. Затем поце-

Д лугими осушил ее слезы (самые крупные и прелестные, какие когда-либо проливала любая другая женщина) и снова поцеловал губы, проверяя, в самом ли деле они такие же мягкие и нежные, как розовые лепестки.

— Ты хочешь сказать, что согласна выйти замуж за меня? — спросил хрипло.

— Возможно, это новость для *тебя*, — ответила Сэмэнта, — но я решила выйти замуж за тебя в ту самую минуту, когда увидела тебя лежащим на диване вечером после того несчастного случая с поездом.

Адриан снова недоверчиво воззрился на нее, потом еще раз поцеловал.

— Я должен кому-нибудь сказать об этом, — сообщил он.

После чего промчался через всю кухню к задней двери.

— Эй!! — заорал он, выскочив на лужайку.

Мирных, малость хмельных персонажей сцены под дубами будто удавило током. Даже лорд Феннелтри сел.

— Я женюсь на Сэмэнте! — прокричал Адриан.

— Хочешь сказать, что ты только сейчас это обнаружил? — брюзгливо произнес сэр Магнус.

— Но... откуда вам это было известно? — удивился Адриан.

— Секрет, — ответил сэр Магнус. — Есть такое понятие, как профессиональная тайна, которая не терпит разглашения.

— Ты женишься на Сэм? — воскликнул мистер Филигри, прервав беседу с жуком и вскочив на ноги.

— Если вы не против, — сказал Адриан.

— Не против? Да это просто замечательная новость. Выходит, мы теперь *породнимся* с Розой!

— У вас случайно не найдется шампанского? — беспечно справился Адриан.

— Отличная штука, — заметил сэр Магнус. — Ничто так не подходит для тоста, как шампанское с вишнежкой.

Вся компания дружно проследовала на кухню, и пока мистер Филигри доставал шампанское (чутко теплое, но от того нисколько не хуже), Гонория и Черная Нелл осыпали поцелуями Сэмэнту, после чего Гонория вдруг разрыдалась.

— С чего это ты льешь слезы? — осведомился Этельберт.

— Я всегда плачу на свадьбах, — с достоинством произнесла Гонория.

— Но ведь это еще не свадьба, — возразил Этельберт.

— *Почти свадьба*, — парировала Гонория.

Шампанское разлили по бокалам, и сэр Магнус предложил выпить за счастливую пару, что и было сделано с большим воодушевлением. Адриан

приготовился в сороковой раз поцеловать Сэмэнту, когда вдруг вспомнил про Рози.

— Боже, — сказал он, — я совсем забыл про Рози. Ей тоже следует выпить по этому случаю.

— Я приведу ее, — пропел мистер Филигри, — приведу бедняжку.

И он выпорхнул из кухни.

— Надеюсь, — обратился к Сэмэнте лорд Феннелтри, — вы окажете мне честь, позволите навещать вас, когда поженитесь?

— Вы всегда будете одним из наших самых желанных гостей, — ответила Сэмэнта. — Да что я — не только вы, все, кто здесь собрался!

— Разумеется, — подхватил Адриан.

В эту самую минуту вновь появился мистер Филигри. Тяжело дыша, весь потный и красный, он вбежал на кухню со всей скоростью, на какую был способен при своем весе.

— Адриан, — пропищал он, — Адриан, *живей!*

— Что случилось? — испуганно осведомился Адриан.

— Это Рози! Пользуясь тем, что мы ушли, она схватила бочонок с вишнежкой и умчалась с ним.

«О Господи, — подумал Адриан, — начинается все сначала».

— Быстрей, — распорядился сэр Магнус. — Мы должны окружить ее, пока не убежала слишком далеко. Вперед!

И он выскочил из кухни с развевающимися сзади фалдами визитки, преследуемый по пятам Гонорией, Черной Нелл, Этельбертом, мистером Паклхэммером и судьей. За ними трусил вразвалку мистер Филигри.

Адриан повернулся к Сэмэнте.

— Ты точно хочешь выйти замуж за меня?

— Абсолютно точно.

— Даже несмотря на Рози?

— Главным образом из-за нее, — улыбнулась Сэмэнта.

Адриан быстро поцеловал ее.

— В таком случае я отлучусь на минутку, — сказал он. — Я должен поймать моего единственного здравствующего родственника.

И он выбежал на солнце и поспешил вдогонку за остальными.

ЗАВЕЩАНИЕ ДЖЕРАЛЬДА ДАРРЕЛЛА

Незадолго до своей смерти Джеральд Даррелл просил, чтобы во всех будущих изданиях его книг содержалось краткое упоминание о Джерсийском фонде дикой природы.

«Я лично не хотел бы жить в мире без птиц, без лесов, без животных всех размеров и видов.

Если вам понравилась эта книга (а возможно, и другие мои книги, если вы их читали), то вспомните, что она стала возможной и интересной для вас только благодаря животным. Звери составляют бессловесное и лишённое права голоса большинство, выжить которое может только с нашей помощью.

Каждый должен хотя бы попытаться остановить ужасное осквернение мира, в котором мы живем. Я сделал то, что смог, единственным доступным мне способом. Мне хотелось бы надеяться на вашу поддержку.

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ.

Фонд охраны дикой природы Джерральда Даррелла продолжает и расширяет дело его жизни — работу по охране животных и мест их обитания ради будущего наших детей и нашего мира.

Если вы захотите узнать о нашей работе больше, пожалуйста, напишите по одному из этих адресов:

Jersey Wildlife Preservation Trust
Les Augres Manor
Jersey JE3 5BP
ENGLISH CHANNEL ISLANDS

Wildlife Preservation Trust International
3400 West Girard Avenue
Philadelphia 19104-1196
USA

Wildlife Preservation Trust International
56 The Esplanade
Toronto N5E 1A7
CANADA

ФИЛЕ ИЗ ПАЛТУСА

*Посвящаю эту книгу моему брату
Ларри, который всегда поощрял меня
и больше всех радовался моим успехам*

«Этот ребенок ненормальный, набивает карманы улитками!»

Лоренц Даррелл, около 1931 года

«Этот ребенок ненормальный, держит скорпионов в спичечных коробках».

Лоренц Даррелл, около 1935 года

«Этот парень ненормальный — работать в зоомагазине!»

Лоренц Даррелл, около 1939 года

«Этот парень ненормальный — задумал работать в зоопарке!»

Лоренц Даррелл, около 1945 года

«Этот тип ненормальный, бродит в джунглях, кишащих змеями!»

Лоренц Даррелл, около 1952 года

«Этот тип ненормальный — решил завести свой зоопарк!»

Лоренц Даррелл, около 1958 года

«Этот тип ненормальный — пригласите его к себе, и он поселит орла в вашем винном погребе!»

Лоренц Даррелл, около 1967 года

«Этот тип ненормальный».

Лоренц Даррелл, около 1971 года

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ

Был один из тех знойных, ясных, безоблачных дней, какие из всех стран мира только Греция умеет созидать. На оливах стрекотали цикады, и море представляло собой глубокое по тону, живое отражение синего неба. Мы только что не спеша управились с обильным ленчем под корявыми кривыми оливами, которые росли почти у самой воды на одном из прекраснейших пляжей Корфу. Женщины отправились купаться, оставив Ларри и меня наедине друг с другом. Мы лениво возлежали на песке, задумчиво передавая из рук в руки огромную бутылку в оплетке, с отдающим скипидаром греческим вином. Пили молча, предаваясь размышлениям. Ошибается тот, кто думает, что писатели при встрече сыплют остроумными шутками и игривыми замечаниями.

— Хорошее вино, — произнес наконец Ларри, неторопливо наливая себе стакан. — Где ты его брал?

— Купил у человечка, который держит лавку в одном из переулков возле площади Святого Спиридона. В самом деле хорошее вино, согласен?

— Отличное. — Ларри посмотрел вино на свет, оно отливало поблекшим старинным золотом. — В последней бутылке, которую я брал в городе, было нечто по виду и на вкус похожее на ослиную мочу. Наверно, это и впрямь была моча.

— Я буду проходить там завтра, — сказал я. — Могу взять для тебя бутылку, если хочешь.

— М-м-м, — отозвался Ларри, — возьми две.

Утомленные глубокомысленной беседой, мы наполнили стаканы и снова погрузились в молчание. Остатки нашей трапезы привлекли муравьев. Черных, крохотных, суетливых и длинноногих, крупных, рыжих, с торчащим наподобие зенитки жалом. По коре оливы, к которой я прислонился, ползали рои причудливых гусениц. Маленькие пушистые твари, смахивающие на уродливых грязноватых белых медведей.

— Над чем ты работаешь сейчас? — справился Ларри.

Я удивленно посмотрел на него. У нас было неписаное и невысказанное правило: во избежание раздоров и вульгарной брани никогда не обсуждать друг с другом то, что мы называли Нашим Творчеством.

— Как раз сейчас — ни над чем, но вообще-то кое-что задумал. По правде говоря, мне подсказала одну идею твоя книжка «Spirit of Place».

Ларри иронически фыркнул. В «Spirit of Place» вошли его письма друзьям, тщательно собранные и изданные нашим старым другом Аланом Томасом.

— Не понимаю, какую идею она могла тебе подсказать, — заметил Ларри.

— А вот подсказала. Я подумал о том, чтобы составить своего рода сборничек. У меня накопилась уйма материала, которому не нашлось места в моих книгах. Вот я и решил собрать все вместе под одной обложкой.

— Отличная мысль, — заключил Ларри, наливая себе еще вина. — Никогда не давай пропадать хорошему материалу.

Он снова поднял стакан, любуясь цветом вина. Потом посмотрел на меня, и в глазах его зажегся озорной огонек.

— Знаешь что, — сказал он, — назови-ка свою книгу «Fillet of Plaiсе».

Я так и сделал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МАМИН ПРАЗДНИК

Лето на Корфу выдалось на редкость долгое и жаркое. Несколько месяцев вовсе не было дождя, от восхода до захода с выцветшего неба лились на остров жгучие лучи. Нестерпимая жара всё пекла, всё иссушила. Нелегко далось нам это лето. Радужный Ларри приглашал в гости кучу своих друзей, представителей творческой интеллигенции. Они прибывали такими косяками, что мама была вынуждена дополнительно нанять двух служанок и почти все время проводила в нашей огромной, темной подвальной кухне, перебегая от одной плиты к другой, чтобы накормить полчища драматургов, поэтов, писателей и художников. Теперь наконец мы проводили последних гостей, и наше семейство отдыхало на балконе, попивая холодный чай и созерцая тихое синее море.

— Ну слава богу, все, — сказала мама, отставив чашку и поправляя

Д

очки. — Право, Ларри, дорогой, не приглашал бы столько людей. Никаких сил не хватает.

— А все потому, что ты плохой организатор, — возразил Ларри. — Они же все готовы были тебе помогать.

Мама сердито уставилась на него.

— Как ты представляешь себе такую толпу *помощников* в моей кухне? — спросила она. — Вспомни, что творилось в столовой, не хватало еще, чтобы они путались у меня под ногами там, внизу. Все, остаток лета я хочу провести спокойно, абсолютно ничего не делать. Я выбилась из сил.

— А тебя никто и не просит что-нибудь делать, — сказал Ларри.

— Ты уверен, что никого больше не пригласил?

— Насколько помню — никого, — небрежно ответил Ларри.

— Смотри, если все-таки кто-нибудь появится — пусть останавливается в гостинице. С меня хватит.

— Что ты так кипятишься, — обиженно произнес Ларри. — Такие все были чудесные люди.

— Тебе не надо было готовить для них, — сказала мама. — Не хочу больше видеть эту кухню. Мечтаю о том, чтобы уехать куда-нибудь подальше отсюда.

— Отличная идея, — заметил Ларри.

— Ты о чем? — поинтересовалась мама.

— О том, чтобы уехать отсюда.

— Уехать куда? — насторожилась мама.

— Как насчет того, чтобы отправиться на материк на катере? — предложил Ларри.

— Прекрасная мысль, видит бог! — воскликнул Лесли.

— Правда, здорово! — подхватила Марго. — Давай, мама, так и сделаем. О, я знаю, что мы сделаем! Отправимся туда, чтобы отпраздновать твой день рождения.

— Ну что ж, — неуверенно произнесла мама. — Даже не знаю... А куда именно там, на материке?

— А мы вот как поступим, — беззаботно молвил Ларри. — Найдем катер и пойдем вдоль побережья, будем останавливаться где понравится. Возьмем продукты дня на два, на три и будем бить баклуши, отдыхать, веселиться.

— Что ж, *звучит* прекрасно, — заключила мама. — Думаю, Спиро найдет для нас катер?

— Конечно, — сказал Лесли, — Спиро все устроит.

— Ладно, — согласилась мама. — В самом деле, перемена обстановки не повредит, верно?

— Морской воздух — лучшее средство от усталости, — объявил Ларри. — Здорово бодрит. И не мешало бы захватить с собой кого-нибудь, чтобы расшевелили нас, встряхнули, так сказать.

— О, только *не надо* других людей, — возразила мама.

— А я и не имел в виду еще *людей*, — объяснил Ларри. — Возьмем, например, Теодора.

— Теодор не поедет, — заметила Марго. — Ты же знаешь, он подвержен морской болезни.

— Ладно, посмотрим, — сказал Ларри. — Еще у нас есть Дональд и Макс.

Мама начала колебаться. Она очень любила Макса и Дональда.

— Ну... Пожалуй, пусть они поедут с нами.

— И Свен к тому времени должен вернуться, — продолжал Ларри. — Уверен, он захочет присоединиться.

— О, я не возражаю против Свена, — согласилась мама. — Мне нравится Свен.

— А я могу пригласить Мактэвиша, — объявил Лесли.

— Нет-нет, только не этого отвратительного типа, — возмутился Ларри.

— С чего это ты называешь его отвратительным? — вспыхнул Лесли. — Мы вынуждены терпеть твоих отвратительных друзей. Почему ты не можешь терпеть моего друга?

— Ну-ну, дорогие мои, — примирительно произнесла мама. — Не спорьте. Думаю, мы можем пригласить Мактэвиша, если ты уж так этого хочешь. Хотя, по правде говоря, Лесли, мне непонятно, чем он тебе так любезен.

— Он здорово стреляет из пистолета, — ответил Лесли, посчитав это убедительным доводом.

— А я могу пригласить Леонору, — загорелась Марго.

— Ну вот что! Остановитесь, — сказала мама. — Иначе кончится тем, что катер пойдет ко дну. Я-то думала, что мы все это затеваем, чтобы уехать и отдохнуть от людей.

— При чем тут *люди*, — возразил Ларри. — Мы говорим про друзей. Совсем другое дело.

— Хорошо, и на этом остановимся, — заключила мама. — Достаточно, если мне придется для всех готовить три дня.

— Я договарюсь со Спиро относительно катера, когда он придет, — сказал Лесли.

— Как насчет того, чтобы взять с собой холодильный шкаф? — спросил Ларри.

Мама снова надела очки и воззрилась на него.

— Холодильный шкаф? Ты шутишь?

— Нисколько, — ответил Ларри. — Он понадобится нам для холодных напитков, для масла и всего такого прочего.

— Но, Ларри, дорогой, — возразила мама. — Это же *несерьезно*. Сам знаешь, каких трудов нам стоило вообще втащить его в дом. Его нельзя передвигать.

— Это почему же, — не согласился Ларри. — Вполне возможно, если очень постараться.

— Понимай так, — заметил Лесли, — что ты будешь командовать, а стараться будут все остальные.

— Ерунда, — сказал Ларри. — Это элементарно. Ведь затащили же его в дом, значит, и из дома можно вынести.

Холодильный шкаф, о котором шла речь, был предметом маминой гордости и радости. В те дни на Корфу ни один загородный особняк не мог похвастаться электричеством, и если даже где-то были изобретены керосиновые холодильники, опять же до Корфу они не дошли. Полагая, что жить без холодильника негигиенично, мама не слишком уверенно изобразила на бумаге конструкцию холодильного шкафа вроде тех, какие девочкой видела у себя дома в Индии. Вручив этот чертеж Спиро, она спросила, не возьмется ли он изготовить нечто подобное.

Спиро нахмурил брови, подумал, сказал:

— Будет сделано, миссисы Дарреллы. — И побрел в город.

Прошло две недели, и вот однажды утром на дорожке перед домом оказалась запряженная четверкой лошадей широкая повозка, на которой восседали шестеро мужчин. За спиной у них громоздился чудовищный холодильник длиной сто восемьдесят, шириной сто двадцать и высотой сто двадцать сантиметров. Сколоченный из дюймовых досок, он был обшит цинком, с опилками между обшивкой и досками. Шестерке дюжих мужчин понадобился не один час, чтобы втащить его в кладовую. Пришлось даже снимать стеклянные двери гостиный, освобождая путь для шкафа. Рядом с ним в кладовой все казалось миниатюрным. Время от времени Спиро привозил из города на своей машине длинные мокрые глыбы льда, которыми мы начиняли шкаф, и это позволяло нам подолгу хранить масло, яйца и молоко.

— Нет, — решительно произнесла мама, — я не позволю выносить холодильник. Хотя бы потому, что вы можете повредить его механизм.

— В нем *нет* никакого механизма, — заметил Ларри.

— Все равно, он может сломаться, — настаивала мама. — Нет-нет, я твердо решила. Шкаф останется на месте. Мы можем взять с собой доста-

точный запас льда. Если завернуть его в мешковину, может надолго хватить.

Ларри промолчал, но я видел огонек в его глазах.

Поскольку мы собирались отметить в море мамин день рождения, все принялись думать о подарках. Поразмыслив, я решил подарить сачок, учитывая большой интерес, который мама проявляла к моей коллекции бабочек. Марго купила материал на платье, который не прочь была бы взять себе. Ларри купил книгу, которую давно мечтал прочесть, Лесли приобрел для мамы маленький пистолет с перламутровой рукояткой. Он объяснил мне, что с револьвером маме будет спокойнее оставаться дома одной. Учитывая, что комната Лесли буквально ошметинилась огнестрельным оружием всевозможного вида и размера и мама совершенно не умела с ним обращаться, я посчитал его выбор несколько странным, однако промолчал.

Подготовка к нашему смелому предпринятию продолжалась. Продукты закупались и обрабатывались. Были извещены Свен, Дональд и Макс, Леонора и Мактэвиш. Теодор, как мы и ожидали, сначала отказался ехать, ссылаясь на подверженность морской болезни, однако после того, как мы заверили его, что на побережье, где мы станем причаливать, будет множество интересных прудов и ручьев, он заколебался. Страстный любитель пресноводной живности, он решил, что стоит рискнуть в интересах науки, и в конце концов согласился.

У нас было условлено, что катер подойдет к причалу ниже нашего дома и там мы займемся погрузкой. Затем он вернется в город, мы поедем туда же на машине, заберем остальных членов группы и выйдем в море.

В день, когда ожидалось прибытие катера, мама и Марго с утра отправились в город, чтобы вместе со Спиро сделать еще кое-какие покупки. Я был занят делом на втором этаже: засовывал в банку со спиртом мертвую змею; в это время снизу донесся какой-то непонятный стук и грохот. Жажда узнать, что там происходит, я скатился вниз по лестнице. Похоже было, что шум доносится из кладовой. Войдя туда, я увидел шестерку мускулистых деревенских парней, которые под управлением Лесли и Ларри сражались с нашим холодильным чудовищем. Им уже удалось сдвинуть его с места, содрав половину штукатурки с одной стены, при этом краем шкафа придавило ногу Яни, и он ковылял вокруг чудовища, обвязав ступню окровавленным носовым платком.

— Что это вы затеяли? — спросил я. — Вы же знаете, мама не велела трогать шкаф.

— Ты лучше помолчи и не мешайся, — сказал Лесли. — Все в порядке.

— Давай *уходи*, — распорядился Ларри. — Уходи и не путайся под

Д

ногами. Спустился бы лучше на пристань и проверил — катер уже пришел?

Оставив их обливаться потом и кантовать огромный шкаф, я сбежал вниз по склону, пересек дорогу и вышел на нашу пристань. Стоя на самом конце причала, я уставился с надеждой в ту сторону, где находился город, и увидел, как вдоль побережья идет, приближаясь, катер. Ближе, ближе... Но почему он не сворачивает к нашей пристани? Этак он непременно пройдет мимо. Не иначе Спиро неправильно сориентировал рулевого; и я принялся прыгать, крича и размахивая руками. Наконец рулевой заметил меня.

Не спеша развернув катер, он подошел вплотную к причалу, отдал якорь с кормы и пришвартовался. Нос катера легонько стучался о столбы под настилом.

— Доброе утро, — поздоровался я. — Вы — Таки?

Передо мной был толстый смуглый коротыш со светлыми, золотистыми глазами. Он мотнул головой:

— Нет, я двоюродный брат Таки.

— Ага, — сказал я, — ничего, все в порядке. Они сейчас придут. Спустят сюда холодильный шкаф.

— Холодильный шкаф?

— Ну да, холодильный шкаф. Он довольно большой, но я думаю, он поместится *вон там*.

— Ладно, — покорно произнес родственник Таки.

В эту минуту на верху откоса возникла обливающаяся потом, запыхавшаяся, препирающаяся кучка волокущих по земле холодильный шкаф деревенских парней, сопровождаемых энергично жестикулирующими Ларри и Лесли. Вся эта компания смахивала на облепивших громадный катыш навоза хмельных навозных жуков. Скользя и спотыкаясь, они медленно спускались вниз по склону, один раз чуть не выронили свою ношу, наконец достигли дороги и остановились. Передохнув, оттащили шкаф на причал.

Настил из выдавших виды досок причала опирался на кипарисовые столбы. Конструкция довольно прочная, однако далеко не новая. К тому же вовсе не рассчитанная на подобный груз, и когда пыхтящие парни дотопали до середины причала, послышался страшный треск, и они шлепнулись в воду вместе с холодильным шкафом.

— Идиоты! — заорал Ларри. — Болваны! Почему не смотрели под ноги!

— Они не виноваты, — возразил Лесли. — Это доски не выдержали.

Яни упал так, что обе ноги его очутились под шкафом; к счастью, песчаное дно смягчило удар, и кости уцелели.

С великими усилиями, крича и чертыхаясь, парни ухитрились водру-

зять шкаф обратно на причал. После чего, используя в качестве катков столбы из-под сломанных досок, переправили его на катер.

— Вот и все, — заключил Ларри. — Проще простого, как я и говорил. Ты, Джерри, оставайся здесь, а мы поднимемся в дом за остальными вещами.

Ликующая компания зашагала вверх по склону; я провожал их взглядом, стоя спиной к катеру. Внезапно я услышал, как гремит якорная цепь, и, обернувшись, увидел, что рулевой уже оттолкнулся от причала на порядочное расстояние.

— Эй! — закричал я. — Что ты делаешь?

— Поднимаю якорь, — невозмутимо ответил мне этот тип.

— Но куда ты собрался плыть? — спросил я.

— В Гувию, — сообщил он, заводя мотор.

— Какая там Гувия! — заорал я. — Ты должен везти нас на материк! И у тебя наш холодильный шкаф!

Но шум мотора заглушил мои вопли, а может быть, он просто не пожелал меня слушать. Во всяком случае, катер развернулся и удалился, чужая, вдоль побережья. Я был в отчаянии. Что мы теперь станем делать?

Я ринулся к берегу, перепрыгнул через сломанные доски, побежал к дороге. Скорей, скорей подняться к дому и сообщить Ларри, что произошло! В эту минуту наши носильщики показались наверху, нагруженные корзинами и прочим багажом. И почти одновременно на дороге появилась машина, в которой сидели Спиро, мама и Марго. Она остановилась возле меня, и тут же сверху подошли Ларри и Лесли со своими помощниками.

— Что вы делаете, дорогой? — обратилась мама к Ларри, выбираясь из машины.

— Носим вещи, чтобы погрузить на катер, — ответил Ларри и посмотрел на причал. — Куда он делся, черт возьми?

— Я как раз хотел сказать тебе, — ответил я. — Он ушел.

— Что значит — *ушел*? — спросил Лесли. — Как он мог уйти?

— Вот так, — сказал я. — Сами посмотрите, вон он.

Они дружно повернулись и увидели удаляющийся катер.

— Но куда же он идет? — осведомился Ларри.

— Сказал, что пойдет в Гувию.

— При чем тут Гувия? Он должен отвезти нас на материк.

— Я ему так и сказал, но он не стал меня слушать.

— Но он увез наш холодильный шкаф, — заметил Лесли.

— *Что* он увез? — спросила мама.

— Холодильный шкаф, — недовольно произнес Ларри. — Мы погрузили на катер этот чертов шкаф, и он увез его.

— Я ведь велела вам *не трогать* холодильный шкаф, — сказала мама. — Велела не прикасаться к нему. Право, Ларри, как тут не сердиться на тебя.

— Брось, мама, не ворчи, — отозвался Ларри. — Сейчас нам надо подумать о том, как вернуть эту проклятую штуковину. Как ты думаешь, Спиро, что затеял этот болван? Ты ведь нанял его.

— Нет, — вступил я, — это был не Таки, а его двоюродный брат.

— Эти катеры — не Таки, — подтвердил Спиро, задумчиво хмурясь.

— Хорошо, и что мы будем *делать*? — растерянно осведомилась мама.

— Надо будет догнать его, — сказал Ларри.

— Я отвезти ваша мама домой, — предложил Спиро. — Потом отправиться в Гувия.

— Но ты не можешь привезти холодильный шкаф на машине, — заметил Ларри.

В эту минуту до нашего слуха донесся звук другого мотора, и, повернувшись, мы увидели, что со стороны города приближается еще один катер.

— А! — воскликнул Спиро. — Это катеры Таки.

— Отлично, пусть *отправляется в погоню*, — сказал Ларри. — Как только он подойдет сюда, скажи ему, чтобы отправился в погоню и привез обратно этот чертов шкаф. Хотел бы я знать, о чем думал тот идиот, уезжая вот так с нашим шкафом.

— Он что, совсем не удивился, когда ты сказал ему про шкаф? — обратился ко мне Лесли.

— Нет, — ответил я. — Правда, лицо у него было несколько озадаченное.

— Еще бы, — сказала мама. — На его месте я тоже была бы озадачена.

Когда к причалу наконец подошел катер Таки, мы объяснили ему, что произошло. Симпатичный жилистый коротыш, он обнажил в улыбке золотые зубы.

— Пусть лучше эти парни поедут с ним, — распорядился Ларри. — Иначе не перетащить холодильный шкаф с одного катера на другой.

Шестерка деревенских парней заняла места в катере, смеясь и весело переговариваясь в предвкушении морской прогулки.

— Лесли, тебе лучше присоединиться к ним, — предложил Ларри.

— Ладно, — согласился Лесли, — я тоже так думаю.

И катер номер два отправился в погоню за номером один.

— Ничего не понимаю, — заметила мама. — О чем думал тот человек?

— Брось, мама, — сказала Марго. — Будто ты не знаешь этих жителей Корфу. Они же все ненормальные.

— Но не до *такой же* степени, — возразила мама. — Чтобы вот так подойти на катере и увезти чужой холодильный шкаф.

— Может быть, они прийти из Занте, — предположил Спиро, как будто в этом было все дело.

— Не знаю, не знаю, — сказала мама. — Надо же! Такое начало нашего плана! Нет, дети, вы выводите меня из себя.

— По-моему, ты несправедлива, мама, — заметила Марго. — Ларри и Лесли ведь не знали, что грузят шкаф не на тот катер.

— Надо было спросить. Может быть, мы теперь никогда больше не увидим наш шкаф.

— Вы не беспокоиться, миссис Дарреллы, — сказал Спиро, хмурая брови. — Я вернуть их. А вы возвращаться домой.

Нам оставалось только всем подняться в дом и ждать там. На четвертом часу ожидания мама совсем извелась.

— Все ясно, — говорила она, — они уронили его в море. Право, Ларри, я никогда не прощу тебе этого. Ведь сказано было — не трогать холодильный шкаф.

В эту минуту мы услышали далекое чужое чужое чужое. Схватив бинокль, я выбежал из дома. Точно: к причалу приближался катер Таки с громоздящимся на нем холодильным шкафом. Я поспешил сообщить эту новость маме.

— Кажется, обошлось, — заключила она. — Похоже, мы теперь можем трогаться в путь. Право, у меня такое чувство, что я постарела на один год еще до моего дня рождения.

Мы снова отнесли весь свой багаж на причал и погрузили его на катер. После чего втиснулись в машину и поехали в город.

В городе мы обнаружили наших друзей на Эспланаде, где они мирно выпивали в тени среди колонн. Вот Свен с луноликой физиономией большого младенца, с обрамляющим лысину венчиком седых кудрей, руки сжимают драгоценный аккордеон, с которым он никогда не расставался. Вот Теодор в строгом костюме, на голове — панама, борода и усы отливают золотом на солнце; к стулу прислонена трость с маленькой сеткой на конце, рядом стоит ящичек с пробирками и банками для образцов. Вот аристократически бледный Дональд. Высокий нескладный Макс с вьющейся шевелюрой и напоминающими бабочку усиками на верхней губе. Цветущая светловолосая красавица Леонора и, наконец, Мактэвиш — коренастый мужчина с морщинистым загорелым лицом и редкой седой шевелюрой.

Мы извинились за опоздание, которого, похоже, никто и не заметил, и выпили по стаканчику, пока Спиро доставал из машины наиболее хрупкие предметы нашего багажа, после чего спустились к ожидающему нас катеру.

Д

Мы заняли свои места на борту, положили продукты в холодильный шкаф, заработал мотор, и катер заскользил по гладкой поверхности моря.

— Я купил, гм... ну эти... пилюли от морской болезни, — озабоченно сообщил Теодор, подозрительно глядя на зеркальную гладь залива. — Подумал, вдруг море начнет... ну это... волноваться, а я никудышный моряк, вот и решил принять меры предосторожности.

— Если начнет волноваться, можешь и мне дать пилюлю, — сказала мама.

— Муттер может не опасаться морской болезни. — Макс погладил ее по плечу. — Я позабочусь о муттер.

— Интересно, как ты это сделаешь? — поинтересовалась мама.

— Чеснок, — сказал Макс, — чеснок. Старое австрийское средство. Отлично помогает.

— Ты говоришь про сырой чеснок? — встрепенулась Марго. — Ужасно.

— Что ты, дорогая Марго, ничего ужасного, — возразил Макс. — Это очень полезная штука, очень.

— Не выношу мужчин, от которых пахнет чесноком, — настаивала Марго. — У меня от них голова раскалывается.

— А ты ешь сама чеснок, — предложил Макс, — и пусть у них голова раскалывается.

— Отвратительная манера — есть чеснок, — заметил Дональд. — Только неангличане едят его.

— Считается, что чеснок, гм... весьма полезен для здоровья, — сообщил Теодор. — Об этом говорят данные медицины.

— Во всяком случае, — вступила мама, — когда я готовлю, обязательно кладу чеснок в еду. Отличная приправа, по-моему.

— Но он ужасно неприятно пахнет, — заявила Леонора, которая возлежала на палубе, точно персидская кошка. — На днях я ездила на автобусе в Перему, так боже мой, едва не задохнулась! Все как один жевали чеснок и обдавали меня его запахом. Под конец я чуть не упала в обморок.

Свен отстегнул ремешок своего аккордеона и повесил инструмент на грудь.

— Дорогая миссис Даррелл, что вы хотите, чтобы я сыграл для вас?

— О... э... мне все равно, Свен, — сказала мама. — Что-нибудь веселое.

— Как насчет «Есть в городе таверна»? — предложил Теодор.

Он мог без конца наслаждаться этой мелодией.

— Отлично, — отозвался Свен и нажал на клавиши.

Лесли и Мактэвиш стояли на носу. Время от времени Мактэвиш приседал или разводил руки в стороны. Он был большой любитель физических

упражнений. Несколько незабываемых лет ему довелось служить в Королевской канадской конной полиции, и это наложило на него свою печать. Мактэвиш всегда претендовал на роль души общества и больше всего гордился своей совершенной физической формой. То и дело хлопал себя по животу и приговаривал:

— Нет, вы посмотрите! Недурно для мужчины сорока пяти лет, а?

Под звуки «Есть в городе таверна» (Теодор не жалел своих голосовых связок) наш катер скользил, пыхтя, через пролив, отделяющий Корфу от материка.

До чего же коротким показался мне этот отрезок пути. Столько всего надо было успеть посмотреть, от летучих рыбок до вилохвостых чаек, и я поминутно отрывал Теодора от взрослой компании, чтобы услышать его ученый комментарий о проплывающих мимо водорослях и прочих интереснейших вещах.

Наконец мы подошли к источенным эрозией буро-коричневым скалам, которые образуют береговую линию Албании и простираются дальше на юг в Грецию. Следуя вдоль самого берега, мы провожали взглядом длинную череду высоченных бутристых утесов, напоминающих остатки оплывших разноцветных свечей. Уже в сумерках мы обнаружили залив в форме полу-месяца, словно созданной челюстями некоего огромного морского чудовища, разгрызшего твердый камень. Защищенный высокими скалами, раскинулся белый песчаный пляж, наш катер вошел в залив, загремела якорная цепь, и мы остановились.

Вот когда оправдал свое существование холодильный шкаф. Мама и Спиро извлекли из его недр невероятное количество провизии: наштигованные чесноком бараньи ноги, омары и приготовленные мамой особые слойки с острым тушеным мясом и прочими вкусностями. Удобно расположившись на палубе, мы предались чревоугодию.

В носовом отсеке катера лежала гора зеленых в белую полоску арбузов, напоминающих надутые футбольные мячи. Один за другим они перекочевывали в холодильный шкаф, потом мы извлекали их оттуда, разрезали и наслаждались напоминающей фруктово-мороженое хрустящей розовой мякотью. Мне доставляло особое удовольствие выплевывать черные семечки через борт и смотреть, как мелкие рыбешки набрасываются на них, чтобы, попробовав на вкус, тут же забраковать. Впрочем, некоторые рыбы покрупнее, к моему удивлению, глотали семечки, явно полагая, что не следует пренебрегать и такими дарами.

Насытившись, мы решили искупаться; только мама, Теодор и Свен предпочли купанью мудреную беседу о колдовстве, привидениях и вампирах, меж тем как Спиро и Таки мыли посуду.

Д Прыгать с катера в темное море — фантастика. Казалось, ты погружаешься в пламя — таким фейерверком рассыпались фосфоресцирующие зеленовато-золотистые капли. Под водой пловца сопровождали миллионы крохотных звездочек, и когда Леонора последней выбралась обратно на борт катера, тело ее несколько мгновений казалось позолоченным.

— Боже мой, до чего хороша, — восхищенно произнес Ларри. — Но я уверен, что она лесбиянка. Сколько ни заигрываю с ней — никак не реагирует.

— Ларри, милый, — сказала мама, — нехорошо говорить так про людей.

— Она в самом деле очаровательна, — вступил Свен. — Настолько, что я готов пожалеть о своих гомосексуальных склонностях. Хотя у гомика есть свои преимущества.

— А мне кажется, лучше всего быть бисексуальным, — возразил Ларри. — Можно использовать все возможности.

— Ларри, милый, — снова вмешалась мама, — возможно, тебе нравится эта тема, но я предпочла бы, чтобы ты не обсуждал ее при Джерри.

Мактэвиш снова занимался физическими упражнениями на носу катера.

— Господи, до чего этот человек раздражает меня, — пробурчал Ларри, наливая себе вина. — На кой ему нужна эта его физическая форма? Он совсем не пользуется ею.

— Право, дорогой, — сказала мама, — не лучше ли воздержаться от таких замечаний. Они совсем некстати на таком маленьком судне. Он может услышать тебя.

— Да я бы несколько не возражал, — настаивал Ларри, — если бы он поддерживал свою форму, чтобы не давать покоя девушкам на Корфу. Но ведь он ровным счетом ничего не предпринимает.

Продолжая выполнять упражнения, Мактэвиш в восемьдесят четвертый раз рассказывал сидящему поблизости Лесли о своих подвигах в Королевской конной полиции. Все эпизоды были чрезвычайно увлекательными и неизменно заканчивались тем, что Мактэвиш ловил злодея.

— О-о-о-о! — внезапно завопила Марго так громко, что мы все подпрыгнули и Ларри пролил вино.

— Нельзя ли попросить тебя воздержаться от попыток подражать здешним чайкам, — раздраженно заметил он.

— Но я только что вспомнила, — объяснила Марго, — что завтра мамин день рождения.

— У муттер завтра день рождения? — осведомился Макс. — Почему ты не сказала нам об этом раньше?

— Так ведь мы для того и отправились сюда, — сказала Марго, — чтобы отметить мамин день рождения, устроить ей праздник.

— Но если у муттер день рождения, у нас нет для нее подарка, — заметил Макс.

— Ничего, не берите в голову, — успокоила его мама. — Какие там дни рождения в моем возрасте.

— Чертовски дурная манера приходить на день рождения без подарка, — сказал Дональд. — Чертовски дурная манера.

— Прошу вас, перестаньте, — умоляла мама. — Я чувствую себя совсем неловко.

— Я буду весь день играть для вас, дорогая миссис Даррелл, — заверил Свен. — Музыка будет моим подарком.

Хотя в репертуаре Свена были и такие вещи, как «Есть в городе таверна», больше всего он любил Баха, и от моего взгляда не ускользнуло, как мама вздрогнула, представив себе, как Свен целый день станет играть для нее Баха.

— Нет-нет, — поспешно возразила она, — не стоит так беспокоиться.

— Во всяком случае, завтра мы устроим роскошный праздник, — заверил Макс. — Найдем подходящее местечко и отметим день рождения муттер так, как это делают у нас на континенте.

Пришло время развернуть привезенные нами матрацы, и постепенно мы погрузились в сон, меж тем как из-за гор выплыла луна — сперва красная, как грудь малиновки, потом лимонно-желтая и наконец серебристая.

Рано утром нас напугал — и разозлил — Свен, который разбудил всю компанию звуками «С днем рожденья тебя». Стоя на коленях подле мамы, он жадно всматривался в ее лицо, проверяя, какой эффект произвела его импровизация. Мама не привыкла к тому, чтобы в десяти сантиметрах от ее уха наяривали на аккордеоне, и проснулась с тревожным криком.

— В чем дело? Что случилось? Мы тонем? — воскликнула она.

— Свен, бог с тобой, — сказал Ларри, — еще только пять часов.

— О, — сонно протянул Макс, — но ведь сегодня день рождения муттер. Ну-ка, начинаем праздновать! Поем все вместе!

Он вскочил на ноги, ударился головой о матчу и взмахнул своими длинными руками.

— Давай, Свен, сначала. Все вместе!

Неохотно мы сонно затанули «С днем рожденья»; мама, сидя, отчаянно боролась со сном.

— Мне приготовить чаю, миссис Дарреллы? — спросил Спиро.

— По-моему, это очень хорошая идея, — отозвалась мама.

Мы достали свои подарки и вручили ей, и мама громко восхищалась

Д ими, в том числе пистолетом с перламутровой рукояткой, хотя сказала Лесли, что лучше пусть пистолет хранится в его комнате, так оно будет надежнее. Дескать, если, как он предложил, держать его у себя под подушкой, пистолет может вдруг выстрелить посреди ночи и ранить ее.

Попив чаю и искупавшись, мы все ожили. Взошло солнце, и над водой поплыли замешкавшиеся редкие пряди ночного тумана. После завтрака, который состоял преимущественно из фруктов и крутых яиц, заработал мотор, и катер заскользил дальше вдоль побережья.

— Мы обязаны найти отличное местечко для праздничного ленча, — объявил Макс. — Настоящий райский сад.

— Клянусь богом, ты прав, — подхватил Дональд. — Это должно быть что-то особенное.

— И там я буду играть для вас, дорогая миссис Даррелл, — добавил Свен.

Вскоре на нашем пути возник мыс, будто сложенный из огромных красных, золотистых и белых кирпичей и увенчанный огромной зонтичной пихтой, нависшей над морем и готовой, казалось, вот-вот сорваться вниз. Обогнув мыс, мы увидели маленькую бухту с крохотным селением на берегу; на склоне горы над селением помещались остатки старой венецианской крепости.

— Интересное место, — заметил Ларри. — Давайте зайдем сюда и посмотрим поближе.

— Я не стал бы зайти сюда, мастера Ларрис, — возразил Спиро.

— Это почему же? — спросил Ларри. — Такая очаровательная деревушка, и крепость любопытная.

— Тут же практически турки живут, — сказал Спиро.

— Что значит «практически»? — удивился Ларри. — Турок он и есть турок.

— Ну, они вести себя как турки, — объяснил Спиро. — Не так, как греки, а потому фактически они есть турки.

Все были несколько озадачены такой логикой.

— Но даже если они *в самом деле* турки, — сказал Ларри, — что из этого?

— В некоторых из этих, гм... гм... глухих селений, — вступил всеведущий Теодор, — сохранилось очень сильное турецкое влияние со времен вторжения в Грецию турок. Они восприняли многие турецкие обычаи, так что в некоторых таких уединенных деревушках, как справедливо заметил Спиро, жителей можно назвать скорее турками, чем греками.

— Но какое это имеет значение, черт возьми? — раздраженно осведомился Ларри.

— Они не всегда жалуют иностранцев, — сказал Теодор.

— Ну и что, — настаивал Ларри, — не станут же они возражать, если мы остановимся здесь, чтобы осмотреть крепость. И вообще, деревушка такая маленькая, что численное преимущество на нашей стороне. И если они уж такие воинственные, пусть впереди идет мама с ее перламутровым пис-толетом. Небось сразу присмирят.

— Вы в самом деле хотите высаживайся? — спросил Спиро.

— Хотим, — ответил Ларри. — Ты что — боишься какой-то горстки турок?

Лицо Спиро налилось кровью; я даже испугался — как бы его не хватил удар.

— Вам не следовало говорить такой вещи, мастера Ларри, — вымолвил он. — Я не боюсь какой-то проклятой турки.

С этими словами он повернулся, протопал на корму и велел Таки править к пристани.

— Ларри, милый, ну зачем же говорить такие вещи, — сказала мама. — Ты обидел его, знаешь ведь, как он относится к туркам.

— Но они никакие не турки, черт бы их побрал, — возразил Ларри. — Они греки.

— Строго говоря, вы, пожалуй, вправе называть их греками, — заметил Теодор. — Но в этих глухих уголках они настолько похожи на турок, что сразу и не отличишь. Речь идет, так сказать, о своеобразном сплаве.

Когда мы приблизились к причалу, сидевший там юный рыболов схватил свою удочку и помчался в селение.

— Вам не кажется, что он сейчас поднимет там тревогу? — нервно осведомилась Леонора. — И они выйдут нам навстречу с ружьями?

— Не будь ты такой дурой, — выпалил Ларри.

— Давайте я пойду первым, — предложил Мактэвиш. — Я привык к таким переделкам. Приходилось в Канаде встречаться с индейцами в дальних деревнях, когда преследовал злоумышленников. У меня есть навык в обращении с примитивными племенами.

Ларри застонал и уже приготовился изречь что-то ехидное, но строгий взгляд мамы остановил его.

— Итак, — продолжал Мактэвиш, беря на себя руководство операцией, — лучше всего нам высадиться на пристань и продолжать движение, осматриваясь с восхищением по сторонам, как будто, э... как будто...

— Как будто мы туристы? — невинно произнес Ларри.

— Вот-вот, я как раз это хотел сказать, — подхватил Мактэвиш. — Словно мы не замысливаем ничего дурного.

Д

— Господи, — вымолвил Ларри. — Можно подумать, мы находимся в дебрях Черной Африки.

— Ларри, милый, успокойся, — сказала мама. — Я уверена, что мистер Мактэвиш знает, как нам следует поступать. Как-никак сегодня *мой* день рождения.

Высадившись на пристань, мы постояли там несколько минут, показывая руками туда и сюда и обмениваясь дурацкими замечаниями.

— А теперь, — скомандовал Мактэвиш, — вперед, в селение.

И мы послушно зашагали следом за ним, оставив Спиро и Таки сторожить катер.

Вся деревня состояла из трех-четырех десятков сверкающих свежей побелкой маленьких домиков; стены одних были обвиты зеленым плющом, других — одеты ветвями бугенвиллеи с пурпурными листьями.

Мактэвиш выступал впереди решительным военным шагом, ни дать ни взять бесстрашный боец французского Иностранного легиона, готовый усмирить мятежное арабское селение. Мы торопливо семенили следом.

От главной улицы, если тут годилось это слово, расходились узкие проулки между домами. Подойдя к одному из таких проулков, мы основательно напутали какую-то женщину в чадре, которая выскочила из дома и чуть не бегом устремилась вдаль, спасаясь от чужеземцев. Я впервые в жизни увидел чадру и был здорово удивлен этим зрелищем.

— Что это у нее было на лице? — спросил я. — Перевязка какая-то? Зачем?

— Нет-нет, — объяснил Теодор. — Это чадра. Если в этом селении и впрямь сильно турецкое влияние, большинство здешних женщин носит чадру.

— Всегда считал это чертовски дурацкой идеей, — заметил Ларри. — Если у женщины красивое лицо, нечего скрывать его. Единственное, что я мог бы одобрить, — кляп для болтливых особ.

Главная улица, как и следовало ожидать, привела нас к центральной части всякого селения — маленькой площади с великолепной огромной зонтичной пихтой, под сенью которой стояли столики и стулья. Здесь помещалось кафе, где, как в любой английской деревенской пивной, можно было не только получить съестное и напитки, но и послушаться всяких сплетен и пересудов. Меня удивило, что на всем пути нашего отряда к площади мы не увидели ни одной живой души, если не считать той испуганной особы. На Корфу, даже в самой глухой деревушке, нас тотчас окружила бы восхищенная шумная толпа. Однако, дойдя до площади, мы поняли — во всяком случае, решили, что поняли, — причину: большинство столиков под пихтой было занято мужчинами, в основном пожилыми, с длинной се-

дой бородой, одетыми в шаровары, латанные рубашки, на ногах чарыки — красные кожаные мокасины с увенчанным яркими помпонами, задранном вверх острым носом. Мужчины приветствовали наше появление на площади гробовым молчанием. Просто сидели и таращились на нас.

— Эгей! — весело и громко воскликнул Мактэвиш. — Калимера, калимера, калимера!

Будь это греческое селение, тотчас его пожелание «доброго утра» вызвало бы ответную реакцию. Кто-то подхватил бы его «калимера», кто-то сказал бы «рады вас видеть», другие воскликнули бы «херете!», что означает «будь счастлив». Здесь не последовало ничего подобного, только один или два старца степенно склонили головы, приветствуя нас.

— Ладно, — сказал Мактэвиш, — составим вместе несколько столиков, выпьем по рюмочке, и когда они привыкнут к нам, вот увидите — сразу сгрудятся вокруг нас.

— Не нравится мне все это, — нервно произнесла мама. — Может быть, нам с Марго и Леонорой лучше вернуться на катер? Смотрите, тут ни одной женщины, только мужчины.

— Вздор, мама, не волнуйся, — отозвался Ларри.

— Мне кажется, — сказал Теодор, любуясь огромной зонтичной пихтой над нами, — мне кажется, потому тот мальчуган и побежал с пристани в селение. Понимаете, в таких вот глухих деревушках женщинам полагается сидеть дома. Вот он и поспешил предупредить их. К тому же зрелище, гм... гм... э... э... женщин в нашем отряде, должно быть, понимаете, э... несколько необычным для них.

Что ж, ничего удивительного, если учесть, что лица мамы, Марго и Леоноры не скрывала чадра и одеты они были в довольно эффектные ситцевые платья, позволяющие видеть многие детали их телосложения.

Мы сдвинули вместе несколько столиков, собрали стулья и усадились в ожидании. Мужчины, число которых, вопреки предсказаниям Ларри, намного превосходило численность нашей группы, продолжали молча созерцать нас глазами бесстрастными, как у ящериц. После долгого ожидания, заполненного довольно бессвязной беседой, мы увидели, как из кафе вышел пожилой абориген и с явной неохотой направился к нам. Основательно расстроенные, мы поспешили с нервным энтузиазмом приветствовать его нестройным «калимера». К великому нашему облегчению, мы услышали ответное «калимера».

— Ну так, — заговорил Мактэвиш, гордясь своим знанием греческого языка, — принесите нам чего выпить и мезе.

Он мог и не называть мезе, потому что речь идет о закуске, состоящей из оливок, орехов, крутых яиц, огурцов и сыра, и закажите вы чего выпить

Д

в любом греческом кафе, вам автоматически принесут мезе на маленьких тарелочках. Однако такая уж сложилась обстановка, что даже бывший офицер Королевской конной полиции малость смешался.

— Слушаюсь, — серьезно произнес владелец кафе. — Какой напиток закажете?

Мактэвиш выслушал наши пожелания — от имбирного пива до анисовой водки, бренди и сухого вина — и перевел трактирщику.

— У меня есть только красное вино, — сообщил тот.

Лицо Мактэвиша помрачнело.

— Ладно, — сказал он, — несите красное вино и мезе.

Трактирщик кивнул и побрел обратно в свое маленькое сумрачное заведение.

— Хотел бы я знать, — осведомился Мактэвиш, — зачем он спрашивал, какие напитки мы закажем, отлично зная, что у него есть только красное вино?

Мактэвиш горячо любил греков и научился вполне сносно говорить по-гречески, но с логикой жителей этой страны был не в ладах.

— Все ясно, — раздраженно ответил ему Ларри. — Он пожелал узнать, что ты станешь пить, и, если бы ты заказал красное вино, он принес бы тебе твой заказ.

— Понятно, но почему сразу не сказать, что у него есть только красное вино?

— Это было бы слишком логично для Греции, — терпеливо объяснил Ларри.

Мы продолжали сидеть под перекрестным огнем недружественных взглядов, чувствуя себя наподобие актеров, одновременно забывших текст. Наконец пожилой трактирщик явился снова, неся выдавший виды маленький поднос, украшенный невесть по какой причине портретом королевы Виктории, и расставил на наших столиках несколько тарелочек с черными оливками и кусками белого козьего сыра, две бутылки вина и стаканчики — вроде бы чистые, но такие старые и щербатые, что сулили нам богатый набор экзотических немочей.

— Какой-то невеселый народ в этом селении, — заметил Макс.

— Чего ты хочешь? — отозвался Дональд. — Явились тут какие-то проклятые иностранцы. То ли дело, если бы мы очутились в Англии.

— Вот именно, — саркастически заметил Ларри. — Через пять минут исполняли бы вместе с аборигенами народные танцы в костюмах эпохи Робин Гуда.

Нельзя сказать, чтобы направленные на нас взгляды суровых мужчин

так уж изменились, однако в атмосфере нервозности нам начало чудиться, что глаза их горят злобой.

— Музыка, — сказал Свен, — музыка укрощает самых свирепых зверей. Давайте-ка я что-нибудь сыграю.

— Да-да, ради бога, сыграй что-нибудь веселенькое, — подхватил Ларри. — Боюсь, если ты начнешь играть Баха, они дружно отправятся за своими мушкетерами.

Свен вооружился своим аккордеоном и заиграл очаровательную польку, которая смягчила бы самое суровое греческое сердце. Однако наша аудитория оставалась невозмутимой, хотя окружавшее нас напряжение вроде бы самую малость ослабло.

— Право, мне кажется, — сказала мама, — что лучше нам с Марго и Леонорой вернуться на катер.

— Нет-нет, дорогая миссис Даррелл, — возразил Мактэвиш. — Уверяю вас, все это не ново для меня. Этим примитивным людям требуется время, чтобы привыкнуть к нашему присутствию. И теперь, поскольку музыка Свена не подействовала, думаю, пришло время для магии.

— Магии? — Теодор наклонился вперед, с глубоким интересом глядя на Мактэвиша. — Магия? Что вы хотите этим сказать?

— Фокусы, — объяснил Мактэвиш. — Помимо всего прочего, я немало занимаюсь фокусами.

— Господи, — простонал Ларри. — Почему бы не подарить им все бусы?

— Помолчи же, Ларри, — прошипела Марго. — Мактэвиш знает, что делает.

— Рад, что *ты* так считаешь, — сказал Ларри.

Тем временем Мактэвиш решительно проследовал в кафе и вышел оттуда с тарелкой, на которой лежали четыре яйца. Осторожно поставив тарелку на стол, он отступил на несколько шагов, чтобы было видно молчаливым селянам.

— Итак, — произнес он, сопровождая свою речь жестами профессионального фокусника, — мой первый номер — фокус с яйцами. Кто-нибудь из вас может одолжить мне какое-нибудь вместилище?

— Носовой платок? — предложил Дональд.

— Нет, — ответил Мактэвиш, бросив взгляд на нашу аудиторию, — лучше что-нибудь более эффектное. Миссис Даррелл, будьте добры, одолжите мне вашу шляпу.

Летом мама обычно носила огромную соломенную шляпу, которая при малом росте обладательницы придавала ей сходство с ожившим грибом.

— Я не хотела бы, чтобы в ней разбивали яйца, — возразила мама.

— Нет-нет, — заверил ее Мактэвиш, — вашей шляпе ничто не грозит.

Д Мама неохотно сняла свой головной убор и вручила его Мактэвишу. Широким жестом он положил шляпу на стол перед собой, поднял глаза, убеждаясь, что селяне следят за его действиями, взял одно яйцо и осторожно опустил в шляпу. После чего сложил вместе ее поля и с маху шлепнул шляпой о столешницу.

— Если мы соберем содержимое, — заявил Ларри, — сможем приготовить омлет.

Однако Мактэвиш развернул шляпу и показал ее нам и селянам, чтобы все могли убедиться, что она совершенно пуста. После чего взял второе яйцо, повторил свой маневр, и опять шляпа оказалась пустой. Когда он проделал тот же трюк с третьим яйцом, я заметил некоторое оживление в глазах наших зрителей, а после четвертого двое-трое из них даже обменялись приглушенными репликами. Мактэвиш лихо взмахнул шляпой, чтобы все могли убедиться, что она по-прежнему пуста. Затем положил шляпу на стол, еще раз сложил вместе ее поля, потом раскрыл шляпу, извлек из нее одно за другим четыре абсолютно целых яйца и разместил их на тарелке.

Даже Ларри был поражен. Разумеется, мы наблюдали элементарный пример ловкости рук. А именно: вы делаете вид, будто кладете куда-то тот или иной предмет, на самом деле он остается у вас в руке и вы прячете его в каком-нибудь кармашке. Мне доводилось видеть, как делают этот фокус с часами или другими предметами, но впервые на моих глазах его так ловко исполнили с четырьмя яйцами, которые, что ни говори, не так-то просто спрятать и слишком легко разбить, испортив тем самым впечатление от трюка.

Мактэвиш поклонился в ответ на наши дружные аплодисменты, и мы с великим удивлением услышали несколько отрывочных хлопков со стороны. Несколько старцев, явно с ослабленным зрением, поменялись столиками с мужчинами помоложе, чтобы сидеть поближе к нам.

— Теперь поняли? — гордо произнес Мактэвиш. — Немного магии способно творить чудеса.

С этими словами он достал из кармана колоду карт и исполнил несколько традиционных трюков, подбрасывая карты в воздух и ловя их так, что они аккуратно расстилались вдоль его руки. Селяне заметно оживились; если раньше они сидели на другом конце площади, то теперь переместились поближе к нам. Старцы с ослабленным зрением были до того заинтригованы, что придвинулись почти вплотную к нашим столикам.

Было видно, что Мактэвиш упивается своим успехом. Засунув в рот яйцо, он с хрустом разгрыз его, широко открыл рот, показывая, что яйца там

нет, после чего извлек его из кармана своей рубашки. На этот раз селяне не стали скупиться на рукоплескания.

— Какой он ловкий фокусник! — воскликнула Марго.

— Я же говорил тебе, он парень что надо, — заметил Лесли. — А еще он чертовски меткий стрелок из пистолета.

— Я должен расспросить его, как он выполняет эти, гм... иллюзии, — произнес Теодор.

— Интересно, он умеет распиливать женщин пополам? — задумчиво сказал Ларри. — Чтобы можно было заполучить половину, которая действует, но не разговаривает.

— Ларри, милый, — вмешалась мама, — прошу тебя, воздержись от таких замечаний при Джерри.

Наступил звездный час Мактэвиша. Первый ряд зрителей состоял всецело из седобородых старцев: мужчины помоложе стояли, наклонясь над ними, чтобы лучше видеть. Мактэвиш подошел к самому почтенному старцу, очевидно здешнему мэру, поскольку ему было предоставлено самое удобное место для созерцания фокусов. Постояв перед ним с поднятыми вверх руками и растопыренными пальцами, он объявил по-гречески:

— А теперь я покажу вам еще один фокус.

Вслед за чем быстро опустил одну руку, извлек из бороды старца серебряную драхму и бросил монету на землю. Аудитория дружно ахнула. Снова подняв руки с растопыренными пальцами, он с другой стороны той же бороды извлек пятидрахмовую монету и тоже широким жестом метнул ее на землю.

— Итак, — продолжал Мактэвиш, стоя с поднятыми руками, — вы видели, как моя магия позволяет мне доставать деньги из бороды вашего мэра...

— Вы можете достать еще? — дрожащим голосом осведомился мэр.

— Да-да, — подхватили селяне, — можете еще?

— Я погляжу, на что способна моя магия, — ответил Мактэвиш, охваченный энтузиазмом.

Одну за другой он извлек из бороды мэра несколько десятидрахмовых монет и пополнил ими кучку денег на земле. В те времена Греция бедствовала настолько, что струившееся из бороды мэра серебро представляло собой целое состояние.

И вот тут Мактэвиш явно зарвался. Он достал из бороды пятидесятидрахмовую бумажку. Восхищенный возглас зрителей едва не оглушил нас. Ободренный этим, Мактэвиш извлек еще четыре такие бумажки. Мэр сидел точно зачарованный, время от времени шепотом произнося слова благодарности святому или святым, коих почитал ответственными за это чудо.

Д

— Знаете что, — осторожно произнес Теодор, — мне кажется, не следует продолжать этот трюк.

Но Мактэвиш слишком разошелся, чтобы сознавать рискованность своих действий. Из бороды мэра была извлечена стодрахмовая бумажка, и последовал гром аплодисментов.

— А теперь, — объявил он, — мой заключительный фокус.

Снова поднял вверх руки, показывая, что в них ничего нет, затем наклонился и извлек из пышной седой бороды бумажку достоинством в пятьсот драхм.

Сумма денег, лежащих теперь у ног мэра, составляла в глазах любого греческого селянина немыслимое богатство; в переводе на английскую валюту там было около двадцати-тридцати фунтов стерлингов.

— Вот так, — повернулся к нам Мактэвиш с гордой улыбкой. — Безошибочное средство.

— Вы в самом деле привели их в отличное расположение духа, — сказала мама, забыв про все свои тревоги.

— Я ведь сказал вам, миссис Даррелл, чтобы вы не волновались, — ответил Мактэвиш.

Вслед за тем наш иллюзионист совершил фатальную ошибку. Он наклонился, собрал все деньги с земли и засунул себе в карман. Что тут началось!

— Я... э... предчувствовал, что может этим кончиться, — заметил Теодор.

Престарелый мэр поднялся, шатаясь, на ноги и поднес кулак к самому носу Мактэвиша. Со всех сторон неслись негодующие крики, как на потревоженном птичьем базаре.

— В чем дело? — спросил Мактэвиш.

— Вы украли мои деньги, — заявил мэр.

— Знаешь, мама, — сказал Ларри, — по-моему, теперь самое время вам с Леонорой и Марго возвращаться на катер.

Три дамы живо встали из-за стола и удалились вниз по главной улице размеренной трусцой.

— *Ваши* деньги? — озабоченно обратился Мактэвиш к мэру. — Как вас понимать? Это были *мои* деньги.

— Какие же ваши, если вы нашли их в моей бороде? — спросил мэр.

Мактэвиш снова был сражен своеобразной логикой греков.

— Но как вы не понимаете, — произнес Мактэвиш с тоской в голосе, — это был всего-навсего фокус. Деньги в самом деле мои.

— Нет! — дружно воскликнули селяне. — Если вы нашли их в его бороде, значит, это *его* деньги.

— Неужели вам непонятно, — с отчаянием продолжал объяснять Мактэвиш, — что я делал фокусы? Это все были трюки.

— Ага, и весь трюк заключался в том, чтобы украсть мои деньги! — настаивал мэр.

— Вот именно! — рокотом поддержала его толпа.

— Знаешь, — уныло обратился Мактэвиш к Ларри, — по-моему, этот тип страдает старческим маразмом. Он не соображает, в чем дело.

— А ты, скажи тебе, полнейший идиот, — ответил Ларри. — Ясное дело, он уверен, что деньги его, раз ты извлек их из его бороды.

— Но ведь это не так, — настаивал Мактэвиш. — Деньги *мои*. Это был фокус.

— Мы-то знаем это, балда, да только они не знают.

Мы очутились в окружении буйной, негодующей толпы селян, решительно настроенных на то, чтобы отстоять права своего мэра.

— Верните ему его деньги, — кричали нам, — не то мы не выпустим ваш катер!

— Мы пошлем в Афины за полицией! — добавил кто-то.

Учитывая, что на связь с Афинами ушла бы не одна неделя и столько же пришлось бы ждать полицейского, которому будет поручено разобраться с этим делом, если такового вообще посчитают нужным направить, мы, несомненно, оказались в затруднительном положении.

— Мне кажется, э... — заметил Теодор, — что вам следует отдать ему эти деньги.

— Что я всегда говорю об иностранцах, — вступил Дональд, — несдержанные, к тому же еще и алчные. Взять хотя бы нашего Макса — только и знает, что занимать у меня деньги, и никогда их не возвращает.

— Не хватает еще и нам начать ссориться, — парировал Макс. — Мало вам того, что уже тут происходит.

— В самом деле, — сказал Ларри. — Теодор прав. Отдай ты ему эти деньги, Мактэвиш.

— Но это целых двадцать фунтов! — воскликнул Мактэвиш. — И ведь я только показывал фокус.

— Что ж, если ты не отдашь деньги, — продолжал Ларри, — боюсь, нам не избежать хорошей взбучки.

Мактэвиш приосанился:

— Я готов принять бой.

— Не дури, — устало произнес Ларри. — Если все эти молодые крепыши разом набросятся на тебя, они разорвут тебя в клочья.

— Ладно, попробуем пойти на компромисс, — уступил Мактэвиш.

Достав из кармана все монеты, он протянул их мэру.

Д

— Вот, — сказал он по-гречески, — я показывал фокус, и деньги были не ваши, тем не менее возьмите половину того, что я достал из вашей бороды, и купите себе вина.

— *Нет!* — в один голос взревели селяне. — Отдайте ему все!

Отведя на катер Леонору и Марго, мама теперь вернулась за мной и пришла в ужас, видя нас окруженными грозной толпой.

— Ларри, Ларри! — закричала она. — Спаси Джерри!

— Не дури! — крикнул Ларри в ответ. — Уж его-то никто пальцем не тронет.

И он был совершенно прав, потому что в такой ситуации ни один грек не позволил бы себе ударить ребенка.

— Полагаю, нам следует собрать свои силы в кулак и приготовиться дать отпор, — заявил Дональд. — Неужели спасаем перед кучкой иностранцев? Я неплохо овладел искусством бокса, когда учился в Итоне.

— Э-э... а вы, гм... э-э... обратили внимание, что большинство из них вооружено ножами? — осведомился Теодор таким тоном, словно речь шла о музейных экспонатах.

— Ничего, я неплохо владею этим оружием, — сообщил Макс.

— Но у тебя нет ножа, — заметил Дональд.

— Верно, — задумчиво ответил Макс. — Но если ты уложишь метким ударом кого-нибудь из них, я заберу его нож, и мы схватимся с ними.

— Не думаю, чтобы это было очень разумно, — сказал Теодор.

Тем временем селяне продолжали бушевать, и Мактэвиш все еще пытался убедить мэра поделить пополам выручку, извлеченную из его бороды.

— Вы спасете Джерри? — донесся мамин голос из-за спин наших противников.

— Да замолчи ты, мама! — заорал Ларри. — Ты только все усугубляешь. Джерри в полном порядке.

— Знаете, по-моему, учитывая, что и как говорят некоторые из них, — снова вступил Теодор, — хорошо бы нам убедить Мактэвиша отдать деньги мэру. Иначе мы рискуем очутиться в крайне затруднительном положении.

— Вы защитите Джерри? — опять закричала мама.

— О господи! — простонал Ларри. Шагнув вперед, он схватил за локоть Мактэвиша, залез рукой в его карман, достал ассигнации и протянул их мэру.

— Эй! Постой! Это мои деньги! — возмутился Мактэвиш.

— Твои, твои, и тебе плевать на мою жизнь, — ответил Ларри.

Обратясь к мэру, он продолжал по-гречески:

— Вот деньги, которые этот господин, владеющий магией, обнаружил в вашей бороде.

Затем он снова повернулся к Мактэвишу, взял его за плечи и пристально уставился ему в глаза.

— Отвечай кивком на все, что стану тебе говорить, понял?

— Понял, понял, — ответил Мактэвиш, озадаченный таким внезапным проявлением воинственности со стороны Ларри.

— Итак. — Ларри осторожно положил ладонь на грудь Мактэвиша там, где, очевидно, помещалось сердце, и произнес:

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве.
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

Мактэвиш, пораженный не только тем, как искусно Ларри овладел ситуацией, но и странными словами (ему не доводилось читать «Алису в Зазеркалье»), энергично кивал в конце каждой строфы.

А Ларри снова обратился к мэру.

— У этого господина, — он опять положил ладонь на грудь Мактэвиша, — большое сердце, поэтому он согласен отдать вам все деньги, но при одном условии. Всем вам известно, что есть люди, которые умеют находить скрытые в земле источники.

Толпа дружным «ага» подтвердила, что ей это известно.

— Этим людям платят за их работу, — продолжал Ларри.

Послышались сопровождаемые кивками возгласы «да, да».

— Но когда вода найдена, — сказал Ларри, — она принадлежит всем.

Он говорил на понятном для всех языке, потому что вода и хлеб составляли основу жизни всякой здешней общины.

— Иногда люди, которые ищут воду, находят источник, иногда не находят, — говорил Ларри. — Этот господин иногда находит деньги в бородах людей, иногда не находит. Ему повезло, у вас хороший мэр, и он нашел деньги. Нашел около девятисот драхм. Так вот, потому что он хороший человек, добрый человек, он согласен отказаться от обычного вознаграждения.

Снова дружное «ага», выражающее удовлетворение, смешанное с недоумением по поводу такой щедрости.

— Однако взамен он просит вашего согласия на одну вещь, — сказал Ларри, — чтобы мэр истратил эти деньги на благо всей деревни.

Тут лицо мэра сразу помрачнело, зато его односельчане встретили слова Ларри аплодисментами.

— Ибо, — возвысил голос Ларри, окрыленный явными признаками

Д

успеха и разгоряченный выпитым вином, — когда вы находите деньги так, как находите воду, они должны принадлежать всем.

Последовала такая громкая овация, что попытки мэра что-то возразить утонули в общем гаме.

— Знаете, — вступил Теодор, — по-моему, сейчас, похоже, самое время удалиться. С высоко поднятой, как говорится, головой.

И мы зашагали вниз по главной улице, сопровождаемые толпой селян, каждый из которых норовил протиснуться к Мактэвишу, чтобы похлопать его по спине или пожать ему руку. Так что к тому времени, когда мы спустились на пристань, Мактэвиш явно начал чувствовать себя первейшим представителем Королевской конной полиции и склонялся к тому, что двадцать фунтов — отнюдь не слишком высокая плата за такое преклонение. Наше отплытие задержалось на несколько минут из-за того, что мэр, а за ним и все прочие старцы настояли на том, чтобы заключить Мактэвиша в свои объятия и расцеловать его.

Наконец он ступил следом за нами на палубу, воодушевленный своим успехом.

— Что я говорил! Следует знать, как обращаться с примитивными людьми.

— Во всяком случае, — сказала мама, — моей ноги больше не будет ни в одном селении на этом побережье. Это мой день рождения, и хотелось бы, чтобы кто-нибудь считался с моими желаниями.

— Конечно, дорогая муттер, — отозвался Макс. — Мы постараемся найти для вас славное местечко, чтобы перекусить.

Якорь был поднят, заработал мотор, и сквозь его гулкое чужфуканье мы еще долго слышали аплодисменты и добрые пожелания селян.

Когда подошло время ленча, мы обнаружили прелестный длинный пляж с мягким белым песком, и поскольку накануне вечером Таки сумел поймать несколько кефалей, Спиро развел на берегу костер и поджарил чудесную рыбу.

Свен, Дональд и Макс, все еще озабоченные тем, что у них нет подарков для мамы, устроили для нее своего рода представление. Свен, по профессии скульптор, вылепил из мокрого песка огромную обнаженную женскую фигуру и вынудил маму громко восхищаться его творением, потом сыграл для нее на аккордеоне — к счастью, не Баха, а какие-то энергичные веселые мелодии. Дональд и Макс сперва посовещались между собой, потом шепотом посвятили в свой план Свена, который одобрительно кивнул головой.

— А теперь, — обратился к маме Дональд, — мы исполним для вас старинный австрийский танец.

Из уст обычно весьма сдержанного, типичного британца Дональда это прозвучало так неожиданно, что даже Ларри потерял дар речи. Свен лихо заиграл нечто весьма мажорное, похожее на мазурку, долговязый нескладный Макс и бледнолицый коротыш Дональд важно поклонились друг другу, взялись за руки и приступили к танцу. К нашему удивлению, они отлично справились с задачей — то горделиво выступая по песку, то стремительно вращаясь, то выполняя сложнейшие па, во время которых надлежало хлопать друг друга по коленям и по рукам, подпрыгивать в воздух, хлопая себя по пяткам, и так далее. Я невольно вспомнил морскую кадрили из «Алисы» в исполнении Грифона и Черепахи Квази. Они танцевали так замечательно, что, когда номер кончился, мы устроили им овацию; сияя от радости и обливаясь потом, наши артисты выступили на бис, уже под другую мелодию.

После того как танцоры искупались, чтобы остыть, мы удобно расположились на песке и воздали должное вкусной рыбе с сочным мясом и приятно пахнущей дымком поджаристой кожицей; увенчали трапезу различного рода фрукты.

— Право, у нас получился очень приятный праздничный ленч, — сказала мама. — Я довольна. А музыка Свена и танцы Дональда и Макса были отличным дополнением.

— У нас еще будет праздничный обед, — объявил Макс. — Давайте найдем еще один пляж и устроим праздничный обед.

И вот мы снова погрузились на катер и продолжили путь вдоль побережья. Близился закат, и солнце расписало небо в дивные красные, зеленые и золотистые тона, когда нашим глазам предстало идеальное, как нам казалось, место. Крохотный округлый залив с узким пляжем, над которым висели ярко-оранжевые в солнечных лучах скалы.

— О, как же тут красиво, — сказала мама.

— Здесь мы и устроим праздничный обед, — заключил Макс.

Спиро сообщил Таки, что мы остановимся здесь на ночь. К сожалению, Таки не был знаком с этим заливом и не знал, что вход в него отчасти преграждает песчаная отмель. Он на хорошей скорости повел катер в залив и, сам того не ведая, наскочил на отмель. Катер остановился внезапно и круто. Мама в эту минуту стояла, любуясь закатом, на самой корме; от резкой остановки она потеряла равновесие и упала за борт. А надо сказать, что, хотя в очень жаркую погоду мама снисходила до того, чтобы понежиться на мелководье, плавать она совсем не умела. О чем были осведомлены все, кроме Таки. А потому вся наша компания, включая Спиро, который обожал маму, но тоже не умел плавать, попрыгала в море спасать именинницу. Результатом этого порыва был полнейший хаос.

Дональд и Макс прыгнули друг на друга и ударились головами. Леоно-

Д

ра зацепилась ногой о фальшборт и сильно ее поранила. Марго, полагая, что маму надо искать под водой, нырнула и лихорадочно искала ее тело на глубине, пока в легких не кончился воздух, и пришлось ей всплывать на поверхность. Маму поймали Лесли и Мактэвиш, а Ларри вдруг сообразил, что Спиро тоже не пловец, и успел спасти его, когда тот в третий раз ушел под воду. Но все время, пока Спиро то появлялся, то вновь пропадал под водой, он успевал кричать, захлебываясь: «Не беспокоиться, миссисы Дарреллы, не беспокоиться!»

Лесли и Мактэвиш оттащили задыхающуюся, отплеывающуюся маму на отмель, где она смогла сесть и отрыгнуть морскую воду, которой успела изрядно наглотаться, а Ларри отбуксировал туда Спиро, чтобы и он мог выполнить ту же процедуру. Когда наши утопленники пришли в себя, мы доставили их на борт катера, где маме был предложен добрый глоток бренди; чтобы она оправилась от шока, вызванного падением в море, и еще больший глоток выпил Спиро, чтобы прийти в себя от созерцания того, как падает мама.

— Ей-богу, миссисы Дарреллы, — вымолвил он. — Я думаю, вы утонуть.

— Я думала то же самое, — отозвалась мама. — Сколько помню, в жизни не попадала в такую глубокую воду.

— И я тоже, — серьезно подхватил Спиро.

Таки включил задний ход, мы все поднажали плечами и столкнули катер с отмели. После чего Таки внимательно изучил обстановку, нашел проход, и мы уже без всяких затруднений вошли в залив.

Разведя костер на берегу, мы сварили извлеченных из холодильного шкафа осьминога и маленьких каракатиц и дополнили трапезу холодным цыпленком и фруктами.

— Видите теперь, как правильно мы поступили, — сказал Ларри, жуя толстое щупальце осьминога, — когда взяли с собой холодильный шкаф.

— Верно, милый, — согласилась мама. — *Тогда* эта идея не показалась мне такой уж удачной, но она себя вполне оправдала. Правда, на борту катера лед тает гораздо быстрее, чем в нашем доме.

— Иначе и не может быть, — заметил Ларри. — И все-таки шкаф нас выручил.

В ту ночь взошла такая великолепная луна, что мы долго лежали у самого берега в теплой воде, попивая вино и беседуя. Более мирной картины невозможно было представить себе, пока вдруг не раздались громкие пистолетные выстрелы, рождая эхо в прибрежных скалах.

Неприметно для всех Лесли и Мактэвиш, вооружившись маминым пистолетом с перламутровой рукояткой, ушли на край пляжа, где Мактэвиш

стал показывать Лесли, как быстро должны стрелять члены Королевской канадской конной полиции.

— Силы небесные! — воскликнул Ларри. — О чем они думают? Превратить тихий пляж в стрельбище!

— Господи, — произнес Спиро, — я уже думать, что сюда прийти чертов турки.

— Лесли, милый! — крикнула мама. — Пожалуйста, прекрати!

— Мы только тренируемся! — отозвался Лесли.

— Конечно, но вы не представляете себе, какой шум подняли, — продолжала мама. — От этого эха у меня разболелась голова.

— Ничего страшного, — недовольно возразил Лесли.

— Это характерно для Лесли, — сказал Ларри. — Он лишен эстетического чувства. Тут дивное теплое море, чудесное вино, полная луна, и что же он затевает? Носится взад-вперед, стреляя из пистолета!

— Ну, ты тоже бываешь хорош, — возмутилась Марго.

— Разве я вам докучаю? — спросил Ларри. — Нисколько. В нашей семье нет человека благоразумнее меня.

— У тебя разума столько же, сколько у... у последнего психа, — заявила Марго.

— Ну-ну, дорогие мои, не ссорьтесь, — взмолилась мама. — Не забывайте, мы отмечаем мой день рождения.

— Я сыграю для вас, — объявил Свен.

И он исполнил несколько негромких и прекрасных даже для аккордеона мелодий, которые отлично сочетались с лунной ночью и окружающей нас природой.

Наконец мы сходили на катер за своими матрацами, расстелили их на берегу и один за другим погрузились в сон.

Наутро мы позавтракали, искупались и поднялись на борт нашего судна. Подняли якорь, Таки запустил мотор, тот чуфырнул раз-другой и почти сразу заглох; мы едва стронулись с места.

— Господи, только не говорите мне, что с мотором что-то неладно, — сказал Ларри.

Спиро, нахмурясь, пошел к Таки выяснить, в чем дело. Слышно было, как они обсуждают что-то вполголоса, внезапно Спиро взревел, точно разъяренный бык, и на голову Таки обрушились проклятия.

— Что там у вас случилось, черт побери? — спросил Ларри.

— Эти безмозглые ублюдки, — сообщил красный от гнева Спиро, указывая на Таки дрожащим толстым пальцем, — эти безмозглые ублюдки, вы уж простите меня за такой слова, миссисы Дарреллы, забыть взять с собой больше бензин.

Д

— Почему он забыл? — хором осведомились мы.

— Ему говорить, что думай взять, но забыть, когда пришлось отправиться за холодильный шкаф.

— Вот видите! — воскликнула мама. — Я так и знала! *Знала*, что нельзя было трогать наш холодильный шкаф!

— Ладно, — сказал Ларри, — только не затевай опять этот разговор. Как называется ближайшее место, где мы могли бы заправиться?

— Таки говорить, можно заправить в Металоура, — сообщил Спиро.

— Элементарно, — вступил Мактэвиш, — мы можем сходить туда за бензином на шлюпке.

— Не знаю, — заметил Дональд, — возможно, ты не обратил внимания на этот факт, но у нас нет шлюпки.

В самом деле, странно, что никто из нас не заметил этого; большинство катеров, особенно во время таких вылазок, тащило на буксире шлюпку.

— Отлично, — заявил Мактэвиш, демонстрируя свои бицепсы, — я в отличной форме. Могу доплыть туда и обратиться за помощью.

— Нет, мистеры Мактэвиш, — мрачно произнес Спиро. — Туда целые десять километры.

— Ничего, по дороге буду останавливаться, отдыхать на берегу, — настаивал Мактэвиш. — До вечера запросто буду там. Завтра утром вернусь.

Спиро нахмурился, задумался, потом обратился к Таки и рассказал ему, что предлагает Мактэвиш. Таки был решительно против. Все побережье от этого залива до того, где можно добыть бензин, сплошь состоит из крутых обрывистых скал, ни одного удобного клочка для передышки.

— Боже мой, — вздохнула мама, — что же мы будем делать?

— Что — сидеть здесь и ждать, — сказал Ларри. — Очень просто.

— Как это понимать — очень просто? — спросила мама.

— А так — будем сидеть здесь и, как увидим проходящее судно, посигналим, попросим, чтобы нам подбросили сюда бензин. Не понимаю, что вы все так переживаете.

— Мастеры Ларрис правые, миссисы Дарреллы, — уныло согласился Спиро. — Мы не можем больше ничего поделаать.

— К тому же уголок здесь прелестный, — продолжал Ларри. — Честное слово, мы не могли бы выбрать лучшего места для стоянки.

После чего мы покинули катер и расселись на берегу, предоставив Таки восседать со скрещенными ногами на носу обездвиженного катера и высматривать проходящие мимо залива рыболовецкие суда, которые могли бы нас выручить.

День протекал в приятном досуге, но суда не показывались, и с приближением ночи мама стала не на шутку волноваться.

— Да перестань ты так переживать, мама, — твердил Ларри. — Завтра непременно появится судно, и у нас еще уйма припасов.

— В том-то и дело, — возразила мама, — что не уйма. Я не рассчитывала ни на какие задержки, к тому же лед тает так быстро, что, если завтра не покажется какое-нибудь судно, половина оставшихся продуктов испортится.

Об этой стороне нашего вынужденного заточения мы как-то не подумали. Окаймленный крутыми скалами крохотный пляж был начисто лишен всех тех даров, которыми радовал Робинзона Крузо его остров. Конечно, по одной скале стекала струйка пресной воды, пополняя крохотный водоем, в котором Теодор обнаружил такое множество различных организмов, что вряд ли кто-нибудь из нас решился бы пить эту воду, когда иссякнут наши запасы напитков.

— Муттер, не надо беспокоиться. — Макс покровительственно обнял маму. — В самом крайнем случае мы все войдем в воду и будем толкать катер до Корфу.

— Чертовски глупое предложение, — заявил Дональд. — Типичное для жителя материковой Европы. Одному богу известно, сколько тонн весит этот катер. Да мы его с места не сдвинем.

— Боюсь, Дональд совершенно прав, — подхватил Мактэвиш. — Как ни крепок я для своих лет, думаю, всех наших сил не хватит, чтобы долго толкать катер.

— Да перестаньте вы нести околесицу, — возмутился Ларри. — В здешних краях тьма рыболовецких судов. Завтра непременно что-нибудь увидим.

— Надеюсь, ты окажешься прав, — сказала мама. — Иначе мне придется ввести рационирование.

— Конечно, это совсем не так важно, — заметил Теодор, — однако некоторые собранные мной образцы довольно редки, и, если я не смогу достаточно быстро привезти их на Корфу... сами понимаете... потому что они очень нежные, вот... понимаете... они погибнут.

Вечером мы ложились спать в весьма тревожном расположении духа, и Таки и Спиро чередовались, дежуря на носу катера, надеясь высмотреть фонари какого-нибудь ночного рыболова. Увы, и наступившее утро не принесло нам утешения. А тут еще выяснилось, что лед тает с такой скоростью, что пришлось вырыть в песке яму, чтобы закопать изрядное количество скоропортящихся продуктов, припасенных мамой.

— Господи, — сказала мама, — зачем только мы отправились в это плавание.

— Не беспокойтесь, муттер, — объявил Макс. — Помощь уже приближается, я чувствую это печенкой.

Д

— Думаю, Ларри прав, — подхватил Дональд. — В этом районе ходит много рыболовецких судов. Рано или поздно и здесь появятся.

— Лучше бы рано, чем поздно, — заметила мама. — Иначе мы тут умрем с голода.

— Это все Ларри виноват, — воинственно произнес проголодавшийся Лесли. — Он придумал отправиться на материк.

— Только не вали все на меня, — рассердился Ларри. — Ты не меньше моего был за. Организовали бы все как следует — не влипли бы в эту историю.

— А я согласна с Лесли, — объявила Марго. — Это была идея Ларри.

— Моя идея не предусматривала, что мы останемся без бензина в глухом заливе среди неприступных скал, в десяти километрах от ближайшего места, где можно пополнить припасы, — сказал Ларри.

— Не надо, мои дорогие, — взмолилась мама, — не ссорьтесь. Вот увидите, скоро покажется какое-нибудь судно.

— А пока, моя дорогая миссис Даррелл, — вступил Свен, — я сыграю что-нибудь, чтобы утешить вас.

К сожалению, он посчитал, что именно Бах способен всех нас утешить.

Между тем прошел еще один день, а суда не показывались. Лед продолжал быстро таять, порции, которые мы получили вечером, не насытили бы даже Оливера Твиста.

— Черт-те что, — возмутился Ларри. — Где эта уйма рыболовецких судов, какого черта они не ловят в этих водах?

— Может быть, сегодня ночью кто-нибудь объявится, — предположил Мактэвиш.

Хотя Спиро и Таки продолжали дежурить, они и в эту ночь никого не увидели. На завтрак каждый из нас получил по мятому персику. Ленч состоял из арбуза с хлебом.

— Какие припасы у нас еще остались? — осведомился Ларри, управившись со своей порцией.

— К счастью, я не такой уж едок, — сообщил Теодор. И поспешил добавить: — К счастью для меня.

— Если и дальше так пойдет, просто не знаю, что мы станем делать, — сказала мама, которая была на грани паники, несмотря на все наши старания успокоить ее.

— Прибегнем к людоедству, — заявил Ларри.

— Ларри, милый, не надо так шутить, — взмолилась мама. — Это все не смешно.

— В любом случае, ха-ха, — сообщил Мактэвиш, — мое мясо покажется вам жестковатым.

— А мы с тебя начнем, — сообщил Ларри, мрачно глядя на него. — Из тебя выйдет довольно-таки неудобоваримая закуска. Зато Леонора, если правильно испечь ее в песке на полинезийский лад, явит нам, уверен, лакомое блюдо. Пальчики ног, ягодицы, груди...

— Ларри, это отвратительно, — сказала Марго. — Я в жизни не смогла бы есть человеческое мясо.

— Чертовски дурные манеры, — подхватил Дональд. — Только индейцы едят друг друга.

— И все же поразительно, на что способны люди, когда доходит до крайности, — сообщил Мактэвиш. — Если не ошибаюсь, в Боснии, когда несколько деревень были отрезаны снежными заносами от внешнего мира, дело дошло до людоедства.

— Прошу вас, перестаньте наконец толковать о людоедстве, — сказала мама. — Эти разговоры только усугубляют наше положение.

— Ладно, однако ты так еще и не ответила на мой вопрос, — заявил Ларри. — Какими припасами мы сейчас располагаем?

— Арбуз, — сообщила мама, — три зеленых перца и два батона. Таки пробовал заняться рыбной ловлей, но он говорит, что в этом заливе плохо с рыбой.

— Но ведь у нас еще оставалась парочка бараньих ног, — возразил Ларри.

— Да, милый, — ответила мама. — Но лед почти совсем растаял, и они протухли, так что пришлось их закопать.

— Господи, — простонал Ларри. — Значит, без людоедства не обойтись.

И в этот день мы не увидели никаких судов. Вечером поели сухого хлеба, закусили несвежими перцами, доели арбуз.

Таки и Спиро возобновили дежурство на катере, остальные легли спать, борясь с чувством голода.

Ночь не принесла ничего нового, и утром наше положение из несколько комичного стало довольно серьезным. Собравшись на катере, мы устроили военный совет. Мое предложение протянуть день-другой, питаясь морскими улитками, встретило сокрушительный отпор.

— Мои образцы, должен вам сказать, очень быстро портятся, — озабоченно доложил Теодор.

— К черту твои проклятые образцы, — отозвался Ларри. — Если бы ты собирал что-нибудь более существенное, чем эта твоя микроскопическая мелюзга, это могло бы нас выручить.

Д

— Право, не знаю, что мы теперь будем делать, — сказала мама.

На завтрак каждому досталось по кусочку хлеба, и на том пришел конец нашим припасам.

— Видно, мы все тут умрем, — заключила мама. — И мне нисколько не улыбается быть похороненной здесь.

— Муттер не умрет, — горячо возразил Макс. — В крайнем случае я убью себя, и вы сможете есть меня.

Мама была потрясена столь щедрым предложением.

— О, вы страшно добры, Макс, — отозвалась она. — Но я надеюсь, что до этого не дойдет.

В эту самую минуту дежуривший на носу катера Спиро издал оглушительный крик, эхо которого заставило вздрогнуть окружающие нас скалы.

— Эй! Эгей!

Он продолжал кричать, размахивая руками, и мы увидели скользящее мимо входа в залив суденышко с маленьким дряхлым мотором.

— Эй! Эгей! — взывал Спиро. — Сюда!

Природа поместила в грудную клетку Спиро такие могучие легкие, и басистый голос его звучал так гулко, что, отраженный стенами позади нас, он в самом деле был услышан человеком на борту суденышка. Рыбак повернулся лицом в нашу сторону. Мы все ринулись на нос катера и принялись отчаянно жестикулировать. Рыбак выключил мотор, и Спиро снова завопил:

— Сюда! Сюда!

— Вы это мне? — осведомился рыбак.

— Конечно, тебе, — ответил Спиро. — Кому же еще?

— Вы хотите, чтобы я подошел к вам? — дошло наконец до рыбака.

Спиро призвал на помощь святого Спиридона и прочих местных святых.

— Конечно! — проревел он. — Или там есть еще кто-нибудь?

Рыбак внимательно огляделся.

— Никого! — сообщил он.

— Стало быть, я к тебе обращаюсь! — прокричал Спиро.

— А что тебе надо? — поинтересовался рыбак.

— Услышишь, если подойдешь поближе! — крикнул Спиро. И буркнул себе под нос: — Идиот!

— Ладно, — отозвался рыбак, включил мотор и пошел зигзагами к нам.

— Слава богу, — произнесла мама дрожащим голосом. — О, слава богу.

Должен признаться, в этот момент все мы разделяли ее чувства.

Суденышко длиной меньше четырех метров подошло совсем близко,

рыбак выключил мотор и легонько ударился бортом о наш катер. Мы увидели орехово-коричневое лицо, огромные синие глаза и косматую шевелюру, и было совершенно ясно, что если этот человек и не идиот, то пребывает где-то на грани.

Рыбак приветливо улыбнулся нашей компании.

— Калимера, — сказал он.

С неописуемым облегчением мы ответили тем же.

— Послушай, — начал Спиро, продолжая развивать успех, — у нас...

— Ты грек? — осведомился рыбак, с интересом всматриваясь в лицо Спиро.

— Конечно, грек! — крикнул Спиро. — Но дело в том...

— Вы все греки? — спросил рыбак.

— Нет, нет, — нетерпеливо ответил Спиро, — они вот иностранцы.

Но все дело в том...

— Ага, иностранцы, — сказал рыбак. — Я люблю иностранцев.

Осторожным движением он освободил ногу от мертвого осьминога, который придавил ему ступню, когда наши суда столкнулись бортами.

— Они хотели купить рыбу? — спросил рыбак.

— Мы не хотим покупать рыбу, — прорычал Спиро.

— Но иностранцы любят рыбу, — заметил рыбак.

— Балда! — взревел Спиро. — Нам не нужна рыба. Нам нужен бензин.

— Бензин? — удивился рыбак. — Зачем вам бензин?

— Для этого катера, — крикнул Спиро.

— Боюсь, моего бензина не хватит, — ответил рыбак, смерив взглядом стоящую на носу маленькую канистру. — Скажи-ка, а откуда они?

— Они англичане, — сообщил Спиро. — А теперь послушай. Мне нужно...

— Англичане хорошие люди, — отметил рыбак. — На днях тут один англичанин... купил у меня два килограмма рыбы, и я взял с него двойную цену, и он хоть бы что.

— Слушай! — вскипел Спиро. — Нам нужен бензин, и для этого ты...

— Они из одной семьи? — поинтересовался рыбак.

— Нет, не из одной, — ответил Спиро, — но мне нужно, чтобы ты...

— А с виду — одна семья, — настаивал рыбак.

— Да нет же, — сказал Спиро.

— Вот он и она — словно мама и папа. — Рыбак показал на Свена и маму. — А остальные — точно их дети. Хотя вон тот, с бородой, должно быть, дедушка. Из какой части Англии они родом?

Было очевидно, что, если диалог будет продолжаться в том же духе,

Д

кончится тем, что Спиро схватит пустую бутылку и проверит прочность головы рыбака.

— Может быть, мне стоит заняться им? — спросил Мактэвиш.

— Нет, — вступил Ларри. — Слышь, Спиро, лучше я с ним поговорю.

Наклонясь над бортом нашего катера, он заговорил медоточивым голосом:

— Послушай, любезный, мы англичане, все родственники.

— Добро пожаловать, — широко улыбнулся рыбак.

— Мы пришли сюда на этом катере, — медленно и внятно продолжал Ларри. — И у нас кончился бензин. К тому же у нас кончились продукты.

— Кончился бензин? — повторил за ним рыбак. — Но без бензина вы дальше не поплывете.

— Вот именно, — согласился Ларри. — Так вот, не мог бы ты быть так добр сдать нам внаем твою лодку, чтобы мы могли сходить на ней в Металоуру, купить там бензин и привезти сюда?

Рыбак поразмыслил над его словами, подталкивая коричневыми пальцами ног лежащую на дне лодки грудку осьминогов, каракатиц и кефали.

— Вы мне заплатите? — беспокойно осведомился он.

— Мы заплатим тебе пятьдесят драхм за то, чтобы ты отвез одного из нас в Металоуру, и еще пятьдесят за то, чтобы привез его обратно.

От такого щедрого предложения зрачки рыбака на миг расширились.

— А может быть, вы заплатите пятьдесят пять драхм? — спросил он без особой надежды, отлично понимая, что ему и без того предложены очень большие деньги за пустячную работу.

— Послушай, любезный, — сказал Ларри, — послушай, добрый человек, ты знаешь, что я предлагаю хорошую цену и не стану тебя обманывать. Вот ты сам — разве стал бы нас обманывать? Ты, грек, станешь обманывать иностранных гостей?

— Никогда! — сверкнул глазами рыбак, забыв, как он только что поведал нам про обманутого англичанина. — Грек никогда не станет обманывать иностранного гостя.

— Итак. — Ларри достал две полусотенные бумажки. — Вот деньги. Я отдаю их этому человеку, он грек, как и ты, деньги будут при нем, и когда вы вернетесь с бензином, я прослежу за тем, чтобы он отдал их тебе без обмана.

Рыбак был так тронут, что немедленно согласился, и Ларри осторожно засунул драхмы в карман рубашки Спиро.

— А теперь, Спиро, ради бога, — сказал он по-английски, — перебирайся в эту проклятую лодку и привези нам бензин.

Не без натуги, ибо он был мужчина довольно тучный, Спиро осторож-

но перевалил через борт катера и опустился в лодку рыбака, которая сразу осела на десяток сантиметров.

— Вы хотите, чтобы я отправился сейчас или ближе к вечеру? — спросил рыбак, глядя на Ларри.

— *Сейчас!* — крикнули хором все владеющие греческим языком члены нашей компании.

Рыбак запустил мотор и взял курс на выход из залива: Спиро сидел, нахмурясь, на носу, смахивая на какую-то массивную фантастическую фигуру.

— Надо же! — воскликнул Дональд, когда лодка скрылась за мысом. — Допустить такой промах!

— Ну что там еще? — осведомился Ларри.

— Если бы мы купили у него всю рыбу и осьминогов, получился бы славный ленч, — жалобно произнес Дональд.

— Видит бог, ты прав, — согласился Ларри. — Почему ты не подумала об этом, мама?

— С какой это стати именно я должна думать *обо всем*, милый, — возразила мама. — Я думала, он поведет нас на буксире.

— Ладно, — заметил я, — обойдемся на ленч морскими улитками.

— Если ты еще раз вспомнишь эту гадость, — пообещала Марго, — меня стошнит.

— Да уж, лучше помолчи, — подхватила Леонора. — У нас тут и без тебя хватает проблем.

И мы постарались отвлечься от мыслей о еде. Мактэвиш принялся учить Лесли быстро выхватывать пистолет из-за пояса. Леонора и Марго купались и загорали. Ларри, Свен, Дональд и Макс затеяли бессвязную дискуссию о литературе и искусстве. Мама занялась каким-то замысловатым вязанием, чаще положенного спуская петли. Теодор, еще раз объявив, какое это счастье, что он плохой едок, отправился добывать новые образцы в стоячей луже под скалой. Я вооружился своим перочинным ножом и принялся собирать на камнях морских улиток, жадно глотая их.

Оставшись без еды, мы налегали на наши запасы вина, и под вечер Дональд и Макс исполнили еще один мудреный среднеевропейский танец, а Ларри взялся обучать Свена исполнять на аккордеоне «Песнь итонских гребцов». Мама, убаюканная мыслью о неминуемом спасении, мирно спала, пока они лихо резвились, однако с приближением заката все мы начали тревожиться, хоть и держали про себя свои сомнения. Добрались ли Спиро и безумный рыбак до цели — или вроде нас отрезаны от внешнего мира на берегу какого-нибудь уединенного залива? Рыбак произвел на нас впечатление человека, совсем не сведущего в навигации. Смеркалось, и даже ви-

Д

но не могло нас оживить, мы собрались в кучку и мрачно сидели, изредка обмениваясь колкими по преимуществу замечаниями. Это было похоже на завершение доброй вечеринки, когда все мечтают только о том, чтобы разъехаться по домам. Даже небо цвета полированной меди с золотыми полосами не вызывало никаких положительных эмоций.

И вдруг, совершенно неожиданно, на синей с позолотой воде у входа в залив показалось суденышко рыбака. На корме сидел наш безумный рыбак, на носу таким тучным бульдогом восседал Спиро. Тотчас прекрасная сложная закатная роспись в небесах и на море показалась нам вдвое ярче. Спасение пришло. Они вернулись!

Мы сгрудились у самой воды, нетерпеливо всматриваясь в приближающуюся лодку. Рыбак выключил мотор, лодка продолжала идти к берегу по инерции, и в наступившей тишине раздался зычный голос Спиро:

— Не беспокоиться, миссисы Дарреллы, я все устроить!

Мы дружно вздохнули с облегчением, потому что знали: когда Спиро говорит, что устроил что-то, значит, все в порядке. Лодка мягко легла носом на хрустящий песок, и мы увидели, что между Спиро и рыбаком лежит зажаренная баранья туша на вертеле и стоит корзина с фруктами всех видов.

Спиро неуклюже перевалился через борт и побрел вброд к нам, напоминая некое диковинное морское чудовище.

— Я привезти вам еда, — сообщил он. — Но бензин у них не было.

— К черту бензин! — воскликнул Ларри. — Выгружайте еду — и приступим!

— Нет-нет; мастера Ларрис, бензин не имеет значений, — сказал Спиро.

— Но без бензина мы никогда отсюда не выберемся, — возразила мама. — А мясо в такой жаре долго не пролежит теперь, когда весь лед в шкафу растаял.

— Вам не беспокоиться, миссисы Дарреллы, — заверил Спиро. — Я сказать вам, что все устроить, значит, устроить. Я сделать так, что все рыбаки прийти сюда и забрать нас.

— Какие рыбаки? — спросил Ларри. — Единственный рыбак, которого мы пока видели, этот тип, который бежал из психбольницы.

— Нет-нет, мастера Ларрис, — сказал Спиро, — я говорить про рыбаки с Корфус. Которые выходить ловить ночью.

— Не понимаю, о чем ты толкуешь, — проворчал Ларри.

— Я понимаю, — поспешил я продемонстрировать свою осведомленность. — Ночью целая флотилия выходит на лов с огнями. Они ловят рыбу сетями с подсветом, у них я получаю самые интересные образцы.

— И Аргонаута арго тоже? — поинтересовался Теодор.

— Ну да, — ответил я. — А еще они вылавливают педицелляриевые морские звезды.

— Надеюсь, на них можно положиться, — заметил Ларри.

— Я устроить, мастера Ларрис, — негодующим тоном заверил Спиро. — Они сказать, что подойти сюда около два часа.

— Стало быть, когда закончат лов? — справился Теодор.

— Да, — сказал Спиро.

— У них могут оказаться интересные образцы, — заключил Теодор.

— Как я и подумал, — подтвердил я.

— Ради бога, кончайте толковать про образцы, давайте выгрузим съестное, — вмешался Ларри. — Не знаю, как остальные, но я жутко проголодался.

Мы осторожно извлекли из лодки баранью тушу, которой пламя очага придало сходство с мореным дубом, и корзину с фруктами. Перенесли все на наш катер, чтобы к мясу не пристала ни одна песчинка, и учинили роскошную трапезу.

Наступила ночь, луна расписала поверхность моря оранжевыми, желтыми и белыми дорожками. Мы наелись сверх меры и явно перебрали вина. Свен не давал передышки своему аккордеону, остальные танцевали кто польку, кто вальс, а кто мудреные австрийские танцы под руководством Макса. Танцевали так лихо, что Леонора свалилась за борт, вызвав красочный взрыв флуоресценции.

В два часа ночи у входа в наш залив вереницей белых бусин выстроилась рыболовецкая флотилия. Один катер отделился от шеренги и подошел к нам. После привычных греческих препирательств, рождающих гулкое эхо в прибрежных скалах, нас взяли на буксир и отвели к остальным судам, затем вся флотилия взяла курс на Корфу.

Глядя на цепочку огней впереди, я представил себе, что мы находимся в самом хвосте кометы, летящей над черными водами.

Когда наш буксир плавно подвел нас к пристани ниже старой крепости, мама вымолвила прочувствованно:

— Конечно, это было по-своему очень приятно, и все-таки я рада, что все кончилось.

В эту самую минуту полтора десятка хмельных рыбаков, которые под руководством Спиро с жаром, на какой способны только греки, взялись переправить холодильный шкаф с катера на пристань, покантовав его и так и сяк, шлепнулись вместе со шкафом в воду, и тот лег на дно на глубине около четырех метров.

Д

— Вот видите! — воскликнула мама. — Достукались! Говорила вам, что не надо было брать с собой этот холодильный шкаф.

— Ерунда, — сказал Ларри. — Завтра утром запросто вытащим его.

— Но что я буду делать без холодильного шкафа? — не успокаивалась мама. — Придется заново разбираться со всеми припасами на ближайшие три-четыре дня.

— Да перестань ты переживать, — говорил Ларри. — Честное слово, можно подумать, случилась невесть какая катастрофа. Спиро будет доставлять нам продукты.

— Пусть для тебя это не катастрофа, — сухо произнесла мама, — но для меня еще какая.

Тепло попрощавшись с остальными участниками вылазки, мы расположились в машине Спиро и поехали домой. Хотя Ларри весело напевал, а Лесли расписывал маме прелести пистолета с перламутровой рукояткой, хотя Марго всячески убеждала маму, что из подаренного ею отреза выйдет чудесное платье, а я не жалел усилий, чтобы поднять настроение мамы, рассказывая о чрезвычайно редкой бабочке, которую поймал подаренным ею сачком, наша родительница до самого дома хранила ледяное молчание. Было очевидно, что утрата холодильного шкафа причинила ей глубокую боль.

Войдя в дом, она налила себе добрую порцию бренди и села на кушетку, явно пытаясь сообразить, каким меню мы сможем обходиться, пока холодильный шкаф не будет извлечен из морской пучины, в чем все мы, включая Спиро, горячо заверяли ее.

Ларри обнаружил, что на его имя поступила почта. Наполнив себе бокал вином, он с интересом принялся вскрывать письма.

— Боже! — воскликнул он, читая второе письмо. — Грубенштейны едут к нам... и Гертруда будет с ними.

Мама очнулась от своего гастрономического транса.

— Грубенштейны? Ты говоришь про этого жирного человечка, который выглядит так, словно не мылся полтора месяца, и про эту его ужасную цыганистую супругу?

— Замечательный талант, — сказал Ларри. — Из него получится выдающийся поэт. Гертруда тоже интереснейшая женщина — пишет чудесные картины. Она понравится тебе.

— Понравится тем больше, чем меньше я их буду видеть, — произнесла с достоинством мама. — Об этой Гертруде судить не берусь, но Грубенштейны — далеко не подарок.

— Как это понимать: чем меньше ты будешь видеть? — удивился Ларри. — Они останутся у нас.

— Как — ты пригласил *к нам*? — поразилась мама.

— Ну конечно, — ответил Ларри, словно иначе и быть не могло. — У них нет денег, чтобы снять себе жилье.

Мама глотнула бренди, надела очки и попыталась изобразить крайнее негодование.

— Ну вот что, Ларри, — твердо молвила она, — пора покончить с этим. Я *не желаю*, чтобы ты приглашал всех этих людей, во всяком случае, не предупредив меня. Когда они должны приехать?

— Послезавтра, — сказал Ларри.

— Пора покончить с этим, — повторила мама. — Пожалей мои нервы.

— Не понимаю, чего ты так разворчалась, — огрызнулся Ларри. — Это чудеснейшие люди. И ведь ты отлично *отдохнула*, разве нет?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КОВАРНАЯ КОРОБКА

Во второй половине 1939 года, когда стало очевидно, что война неизбежна, наша семья покинула Корфу и возвратилась в Англию. На первое время мы сняли квартиру в Лондоне, и пока мама в поисках дома совершала вылазки в провинцию, я мог свободно изучать Лондон. Хотя мне никогда не нравились большие города, Лондон той поры пленил меня. Как-никак самой крупной знакомой мне столицей был город Корфу, величиной не больше какого-нибудь захолустного английского городишки, так что великая громадина Лондона таила сотни манивших меня волнующих тайн. Тут и Музей естественной истории, и, конечно же, зоопарк, где я наладил дружеские отношения с некоторыми зрителями. Это укрепило мое убеждение, что работа в зоопарке — единственная стоящая профессия в мире, и упрочило желание обзавестись собственным заведением такого рода.

Недалеко от нашей квартиры помещалась торговая точка, неизменно привлекавшая мое внимание. На вывеске было написано: «Аквариум», и витрина в самом деле была заполнена большими аквариумами с ярко окрашенными рыбками и — что еще больше меня занимало — рядами стеклянных ящиков, в которых содержались зеленые змейки, удавчики, большие зеленые ящерицы и пучеглазые жабы. Я мог подолгу стоять перед витриной, любуясь этими дивными созданиями и жаждая завладеть ими. Но поскольку дома у меня уже содержались две сороки и всякие прочие птицы, а

Я

также одна обезьянка, я сознавал, что всякое пополнение живого инвентаря навлечет на меня гнев родных, и мне оставалось только с тоской созерцать прекрасных рептилий.

И вот однажды утром, проходя мимо «Аквариума», я обратил внимание на прислоненное к стеклянному ящику объявление, гласящее: «Требуется молодой, надежный помощник». Я вернулся домой и поразмыслил.

— Тут поблизости есть место в зоомагазине, — сообщил я маме.

— В самом деле, милый? — откликнулась она машинально.

— Ну да. Им требуется молодой, надежный помощник. Я... я думаю подать заявление, — небрежно добавил я.

— Отличная идея, — сказал Ларри. — И сможешь сюда притащить всех их зверей.

— Вряд ли ему позволят это сделать, милый, — возразила мама.

— Как вы думаете, сколько они будут платить за такую работу? — спросил я.

— На многое не рассчитывай, — заметил Ларри. — Сомневаюсь, чтобы тебя сочли надежным помощником.

— Но что-то они ведь должны платить? — настаивал я.

— А как у тебя с возрастом? — осведомился Ларри.

— Мне скоро шестнадцать, — ответил я.

— Ну что ж, попытка не пытка, — заключил он.

На другое утро я направился к зоомагазину и вошел внутрь. Тотчас на встречу мне устремился невысокий, худой, смуглый мужчина в огромных роговых очках.

— Доброе утро! Доброе утро! Доброе утро, сэр! Чем могу быть вам полезен?

— Вам, э-э... вам требуется помощник... — промямлил я.

Он наклонил голову набок, и глаза его за очками стали еще больше.

— Помощник, — сказал он. — И вы желаете получить это место?

— Э-э... ну да, — ответил я.

— У вас есть опыт? — спросил он с сомнением в голосе.

— О, у меня большой опыт. Я всегда держал дома пресмыкающихся, и рыб, и прочую живность. У меня и сейчас полная квартира животных.

Мужчина внимательно посмотрел на меня.

— А сколько вам лет? — осведомился он.

— Шестнадцать... скоро семнадцать, — солгал я.

— Ну что ж, — сказал он. — Учтите, много платить мы не можем. У нас чрезвычайно высокие накладные расходы. Но для начала, скажем, фунт десять шиллингов.

— Идет, — согласился я. — Когда можно приступить?

— Лучше приходите в понедельник, — предложил он. — Я говорю: в понедельник, потому что тогда будет удобнее оформить все бумаги. Иначе можно и запутаться, верно? Да, так вот — моя фамилия Ромилли, мистер Ромилли.

Я назвал свою фамилию, мы обменялись положенными рукопожатиями и застыли на месте, глядя друг на друга. Было совершенно ясно, что мистер Ромилли никогда еще не нанимал кого-либо и плохо представлял себе, как следует действовать дальше. Я посчитал своим долгом помочь ему.

— Может быть, вы сейчас покажете мне свое хозяйство и расскажете, что я должен буду делать?

— О, отличная мысль, — воскликнул мистер Ромилли. — Отличная мысль.

И он запорхал по своему магазину, размахивая руками, словно бабочка крыльями, показывая, как следует чистить аквариум, как кормить мучными червями лягушек и жаб, где лежат щетки и стоят метлы. В просторном подвале под торговым залом хранился различный рыбий корм, лежали сачки и прочие вещи; из неплотно завернутого крана вода капала в большой таз, где лежало нечто, на первый взгляд напоминающее сырое баранье сердце. Присмотревшись, я понял, что передо мной сплюснотый клубок тоненьких трубочников. Эти ярко-красные черви — излюбленный корм не только всех рыбок, но некоторых земноводных и пресмыкающихся. Далее я обнаружил, что в дополнение к восхитительным созданиям, демонстрируемым на витрине, магазин располагает множеством другой живности. Тут были ящерицы с жабами, черепахи и лоснящимися змеями, аквариумы с глотающими воздух влажными лягушками и тритонами с фестончатым гребнем вдоль хвоста, похожего на вымпел. Живя уже не один месяц в пыльной, сухой лондонской среде, я ощутил себя здесь словно в райском саду.

— Ну так, — сказал мистер Ромилли, завершив показ, — значит, вы приступаете в понедельник, да? Ровно в девять утра. Надеюсь, не опоздаете?

Только смерть помешала бы мне явиться в зоомагазин в понедельник в девять утра.

И без десяти девять в понедельник утром я мерил шагами тротуар у входа в зоомагазин. Наконец появился, позвякивая ключами, и мистер Ромилли — в длинном черном пальто и черной фетровой шляпе.

— Доброе утро, доброе утро, — пропел он. — Рад видеть, что вы пришли вовремя. Отличное начало.

Мы вошли в магазин, и я приступил к выполнению своих обязанно-

Д

стей. Первым делом надлежало подмести и без того чистейший пол, затем я обошел аквариумы, бросая рыбкам комочки извивающихся трубочников.

Мне не понадобилось много времени, чтобы обнаружить, что мистер Ромилли, при всей его доброте, мало что знал о находящихся на его попечении животных. Большинство террариумов были обставлены вовсе без учета привычек их обитателей, то же можно было сказать и про аквариумы. Кроме того, мистер Ромилли исходил из теории, согласно которой можно пичкать животное одним и тем же кормом, покуда оно его принимает. И я решил заняться как украшением сосудов, так и кормлением наших питомцев, внести разнообразие в их рацион. Разумеется, я понимал, что следует действовать осторожно, ибо мистер Ромилли был человек консервативных привычек.

— Вам не кажется, мистер Ромилли, — спросил я в один прекрасный день, — что рептилиям и земноводным хотелось бы отведать что-нибудь другое, кроме мучных червей?

— Что-нибудь другое? — Глаза мистера Ромилли расширились. — Что именно?

— Ну, как насчет мокриц? Я всегда кормил своих рептилий мокрицами.

— Вы уверены? — спросил мистер Ромилли.

— Совершенно уверен.

— Это не повредит им? — тревожно осведомился он.

— Нисколько, — ответил я. — Они обожают мокриц. Все-таки какое-то разнообразие.

— Но где мы их возьмем? — уныло справился мистер Ромилли.

— Думаю, в парках их сколько угодно, — сказал я. — Я схожу как-нибудь, посмотрю?

— Ладно, — неохотно согласился мистер Ромилли. — Если вы твердо уверены, что это им не повредит.

В один из ближайших дней я отправился в парк и наполнил большую жестяную банку мокрицами, которых поселил в ящике с прелыми листьями в подвале, и, когда мне казалось, что лягушкам, жабам и ящерицам начинают приедаться мучные черви, я подсыпал им хрущаков, а пресытятся хрущаками — получайте мокриц. Первое время мистер Ромилли заглядывал в террариумы с испугом на лице, словно опасался, что увидит сплошь мертвые тела рептилий и амфибий. Когда же он убедился, что лягушки не только тучнеют от новой смеси, но и начали квакать, его восторгу не было предела.

Моя следующая скромная попытка изменить царящие порядки касалась двух крупных незлобивых мавританских жаб из Северной Африки.

Дело в том, что мистер Ромилли представлял себе всю Северную Африку как безбрежную пустыню, где круглые сутки светит солнце и температура воздуха не опускается ниже девяноста градусов в тени, если тень вообще существует. А потому он заточил несчастных жаб в стеклянном террариуме, над которым подвесил две яркие электрические лампочки. Бедняжки сидели на гладком белом песке, и не было там ни одного камня, позволяющего укрыться от резкого света. Целый день температура воздуха в террариуме держалась около сорока градусов и опускалась только ночью, когда мы выключали электричество. В итоге глаза жаб помутнели, как будто в них образовалась катаракта, кожа высохла и шелушилась, лапки снизу были воспалены. Понимая, что дерзновенное предложение пересадить жаб в другой террариум, с клочками влажного мха, повергнет мистера Ромилли в ужас, я скрытно принял некоторые меры, чтобы скрасить существование несчастных земноводных. Для начала стащил на маминой кухне немного оливкового масла и, когда мистер Ромилли удалялся на обеденный перерыв, смазывал кожу жабам. Она сразу стала меньше шелушиться. Затем я сходил в аптеку за мазью, удивив фармацевта объяснением, для чего она предназначена, и обработал ею лапки мавританок. И это отчасти помогло. Обзаведясь глазной мазью, какой обычно пользуют собак, я проверил ее на жабах с отменным результатом. Кроме того, каждый раз, когда мистер Ромилли уходил обедать, я освежал жаб теплым душем, чему они явно были рады. Сидят, глотая воздух и благодушно мигая глазами, и стоило мне чуть отодвинуть леечку, как они ползли следом, чтобы попасть под струйки. Когда же я положил в террариум изрядный клоч мха, обе поспешили укрыться под ним.

— Ой, посмотрите, мистер Ромилли! — старательно изобразил я удивление. — Я случайно положил мох в террариум к жабам, и похоже, им это понравилось.

— Мох? — сказал мистер Ромилли. — Мох? Но ведь они обитают в пустыне.

— Насколько я понимаю, — ответил я, — и в пустынях кое-где есть немного растительности.

— Я думал, там сплошной песок, — заметил мистер Ромилли. — Сплошной песок. Сколько хватает глаз.

— Да нет, э-э... Растут же там небольшие кактусы и все такое прочее, — робко возразил я. — Во всяком случае, жабы как будто довольны, верно?

— Без сомнения, — согласился мистер Ромилли. — По-вашему, стоит оставить им мох?

— Ага, — ответил я. — Может, добавить еще немного?

Д

— Вряд ли это им повредит. Хотя, — тревожно добавил он, — не может случиться так, что они станут его есть и подавятся?

— Не думаю, — заверил я его.

С той поры мои симпатичные жабы располагали мхом, под которым могли укрыться, больше того — они могли сидеть на подстилке из мха, и вскоре лапки их совершенно зажили.

А я тем временем сосредоточил свое внимание на рыбках. Как ни любили они ручейников, мне казалось, что их диету тоже следует разнообразить.

— Как вы считаете, — пустил я пробный шар, обращаясь к мистеру Ромилли, — что, если мы попробуем кормить рыбок дафниями?

Напомню: дафнии — крохотные водяные блошки; мы получали их из хозяйства, которое снабжало наш зоомагазин водорослями, улитками, пресноводными рыбками и прочим товаром, и продавали в маленьких баночках аквариумистам.

— Дафниями? — молвил мистер Ромилли. — Кормить рыбок дафниями? Разве они станут есть дафнии?

— Но если не станут, почему же мы продаем их людям, чтобы кормили своих рыбок? — осведомился я.

Логика сего замечания произвела сильнейшее впечатление на мистера Ромилли.

— Знаешь, ты прав, — сказал он. — Ты прав. У нас в подвале еще остался небольшой запас. Завтра прибудет новая партия. Попробуй, посмотрим, что получится.

Я вылил по столовой ложке в каждый аквариум, и рыбки набросились на дафний так же жадно, как лягушки и жабы на мокрицу.

Дальше у меня было задумано получше украсить наши террариумы и аквариумы, но тут требовалось действовать крайне осторожно, ибо этим делом мистер Ромилли занимался самолично и единолично. И не столько потому, сдается мне, что ему это нравилось, — просто как глава фирмы он почитал это своим долгом.

— Мистер Ромилли, — обратился я к нему однажды, — у меня сейчас все дела сделаны, и в лавке нет покупателей. Разрешите мне декорировать какой-нибудь из аквариумов? Мне очень нравится, как вы это делаете, и хотелось поучиться у вас.

— Ну-ну, — зарделся мистер Ромилли, — ну-ну... Я не сказал бы, что у меня это так уж хорошо получается...

— О, по-моему, вы делаете это великолепно, — не унимался я. — И мне хотелось бы поучиться.

— Ну ладно, — согласился мистер Ромилли. — Возьми какой-нибудь

поменьше. А я буду тебе кое-что подсказывать. Так, посмотрим... посмотрим... Ага, вон тот аквариум с моллинезиями. Его не мешает почистить. Значит, попробуй перенести рыбок в запасной аквариум, потом опорожни его и хорошенько почисти, чтобы мы могли начать, как говорится, с азав. Идет?

Вооружившись маленьким сачком, я перенес маленьких, блестящих, как оливки, черных молли в запасной аквариум, затем опорожнил и почистил их старую обитель, после чего подозвал мистера Ромилли.

— А теперь, — начал он, — положи на дно песок и... гм... два-три камня и посади, пожалуй, э... кустик валлиснерии в том углу, идет?

— А можно, я попробую действовать сам? — спросил я. — Мне... мне кажется, так я скорей научусь. А когда я закончу, вы проверите и скажете, что сделано не так.

— Прекрасная мысль, — заключил мистер Ромилли и побрел к своему кассовому аппарату, оставив меня в покое.

Аквариум был совсем маленький, но я основательно потрудился. Прочертил в песке борозды, так что получились высокие серебристые гряды. Соорудил небольшие горки. Посадил кустики валлиснерии так, чтобы молли могли ходить стайками между ними. Потом осторожно налил воду и, когда она достигла нужной температуры, вернул в аквариум рыбок и позвал мистера Ромилли, чтобы он оценил мои труды.

— Ух ты! — воскликнул он. — Ух ты!

Он посмотрел на меня, и можно было подумать, что он огорчен моим успехом. Как бы тут не попасть впросак!

— Вам... вам нравится? — спросил я.

— Это... это замечательно! Замечательно! Как только тебе это... как тебе удалось?

— Мне удалось, потому что я смотрел, как вы работаете, мистер Ромилли. Без ваших уроков у меня ничего не вышло бы.

— Ну-ну. Ну-ну, — снова зарделся мистер Ромилли. — Однако я вижу, что ты кое-что и сам придумал.

— Все это — идеи, которые я почерпнул, наблюдая за вами, мистер Ромилли, — сказал я.

— Гм... Весьма похвально. Весьма похвально, — отозвался мистер Ромилли.

На другой день он спросил, не возьмусь ли я декорировать еще один аквариум, и я понял, что одержал маленькую победу, не задев его чувства.

Но больше всего мне хотелось заняться огромным аквариумом, украшавшим нашу витрину. Длинной около полутора метров и глубиной три четверти метра, он служил обителью обширной коллекции различных ярко

Д

окрашенных рыбок. Однако я понимал, что есть границы, которые еще рано преступать. А потому я продолжал работать с малыми аквариумами и, когда мистер Ромилли свыкся с этими проявлениями моей инициативы, закончился наконец о нашем парадном аквариуме.

— Позвольте мне попробовать сделать что-нибудь с ним, мистер Ромилли? — спросил я.

— Что? Ты про нашу витрину?

— Ну да. Все равно его... надо бы... надо уже почистить. Вот я и подумал, может быть, попробовать по-новому его декорировать.

— Прямо не знаю... — задумчиво произнес мистер Ромилли. — Не знаю. Сам понимаешь, это важнейший, центральный элемент витрины. Именно он привлекает к нам покупателей.

Мистер Ромилли был совершенно прав, однако покупателей привлекали пестрые стайки разноцветных рыбок, а не попытки декорировать аквариум, придававшие ему сходство с изрытой пустошью.

— Я только попробую, ладно? — не сдавался я. — Если не получится, сделаю, как было раньше. Я готов... готов потратить на это половину рабочего дня.

— Ну что ты, зачем же, — взволнованно произнес мистер Ромилли. — С какой это стати тебе все дни проводить в стенах магазина. Молодой парень... тебе необходимо пройтись, подышать свежим воздухом... Ладно, согласен, попробуй, и поглядим, что получится.

В половину дня я не уложился, поскольку приходилось отвлекаться на покупателей, которые приходили за трубочниками, или дафниями, или квакшами для своего садового пруда. Над большим аквариумом я трудился с усердием, достойным всяческого подражания. Соорудил песчаные дюны и красивые горки из гранита. В ложбинах между гранитными горками посадил валлиснерию и другие, более нежные растения. На поверхности воды разместил крохотные белые цветки, напоминающие миниатюрные кувшинки. Песком и камешками замаскировал довольно уродливые с виду подогреватель, аэратор и термостат. Завершив эти работы и возвратив в аквариум ярко-красных меченосцев, глянцевиных черных молли, серебристых топориков и будто светящихся неоновых рыбок, я отступил на несколько шагов, созерцая свое творение, и сам восхитился своими талантами.

Мистер Ромилли пришел в восторг, чему я, понятно, был очень рад.

— Великолепно! Изящно! — воскликнул он. — Просто изящно!

— Ну вы же знаете поговорку, — сказал я, — у хорошего учителя и ученик хороший.

— Ладно, ладно льстить мне. — Он шутя погрозил мне пальцем. — Это тот самый случай, когда ученик превзошел учителя.

С той поры мне было позволено декорировать все аквариумы и террариумы. Подозреваю, что в душе мистер Ромилли был только рад освобождению от необходимости проявлять в столь утомительном деле свое полное отсутствие изысканного вкуса.

После одного-двух экспериментов — где лучше проводить обеденный перерыв — я остановился на маленьком кафе поблизости от зоомагазина. Здесь я заметил добрую официантку, которую нехитрой лестью склонил подавать мне повышенную норму сосисок с картофельным пюре и предупредить о смертельной опасности, исходящей от обозначенной в меню тушеной баранины с луком и картофелем. Однажды, направляясь в это кафе, я обнаружил, что кратчайший путь туда пролегает через узкий переулок между большими магазинами и высокими жилыми домами. Переулок был вымощен булыжником, и, входя в него, я чувствовал себя так, словно меня перенесли во времена диккенсовского Лондона. Часть переуллка окаймляли деревья, а дальше располагались крохотные лавки. Одна из них, обитель Генри Белоу, свидетельствовала, что наш зоомагазин — не единственный в округе.

За грязным окном размером два на два метра витрина уходила вглубь примерно на полметра и была заполнена маленькими квадратными клетками, в каждой из которых содержались одна-две птички — зяблики, зеленушки, коноплянки, канарейки, волнистые попугайчики. Пол внизу был покрыт толстым слоем шелухи и помета, но сами клетки блистали чистотой, и внутри их зеленели веточки крестовника или латука, а снаружи была прикреплена белая бумажка с кривыми буквами: «ПРОДАНО». За стеклянной дверью висела желтая кружевная занавеска, а между ней и стеклом готические буквы на куске картона вежливо приглашали покупателя входить. Обратная сторона, как мне предстояло убедиться, так же учтиво извещала, что магазин закрыт. За все дни, что я топал по булыжнику, спеша проглотить свои сосиски с картофельным пюре, ни разу не видел, чтобы в лавку входили или ее покидали покупатели. Она производила совершенно безжизненное впечатление, если не считать птичек в витрине, которые иногда вяло перепрыгивали с жердочки на жердочку. Шли недели, и я никак не мог взять в толк, почему покупатели не уносят проданных пернатых. Не могли же все новые владельцы трех десятков отобранных пичуг одновременно отказаться от покупки? И даже если так вдруг случилось, почему не убраны бумажки с надписью «ПРОДАНО»? Ограниченное время обеденного перерыва не позволяло мне углубиться в раскрытие этой тайны. И все же случай представился в один прекрасный день, когда мистер Ромилли, который порхал по магазину, напевая: «Я маленькая пчелка»,

Д

спустился в подвал и вдруг издал тонким голосом крик, выражающий предельный ужас.

— В чем дело, мистер Ромилли? — осторожно справился я.

Мистер Ромилли показался внизу, держась руками за голову, лицо его выражало предельное отчаяние.

— Какой же я глупец! — причитал он. — Какой глупец, глупец, *глупец!*

Видя, что речь идет не о каком-то моем прегрешении, я воспрянул духом.

— Что случилось? — спросил я заботливо.

— Ручейники и дафнии! — произнес он трагическим тоном, снимая очки и принимаясь лихорадочно протирать стекла.

— Наши запасы кончились?

— Да, — возвестил мистер Ромилли замогильным голосом. — Какой же я тупица! Такая небрежность! Такая непростительная нерадивость! Меня мало выгнать отсюда, я глупейший из смертных...

— Разве нельзя закупить еще? — попытался я остановить это самобичевание.

— Но то хозяйство всегда снабжает меня! — воскликнул мистер Ромилли, словно мне это не было давно известно. — Хозяйство снабжает меня, когда я делаю заказ в конце недели. А тут я, последний идиот, забыл про это.

— Но разве нельзя закупить где-нибудь еще? — спросил я.

— А все наши гуппи, и меченосцы, и черные молли ждут не дождутся своей порции ручейников, — продолжал мистер Ромилли, доводя себя до истощения. — Они так их любят. Как я могу смотреть на эти маленькие ротки, тыкающиеся в стекло? Как могу уйти на обед, зная, что бедные рыбки...

— Мистер Ромилли, — решительно перебил я его, — можем мы приобрести ручейников где-нибудь еще, кроме того хозяйства?

— А? — уставился он на меня. — Кроме хозяйства? Но они всегда снабжают меня... Постой. Кажется, я тебя понял. Ну да...

Он тяжело поднялся по деревянным ступенькам, вытирая лоб, и возник передо мной, словно единственный уцелевший после обвала в шахте. Обвел трагическим, отсутствующим взглядом наш интерьер.

— Но где? — сказал он наконец с отчаянием в голосе. — Где?

— Ну, — проявил я инициативу, — как насчет Белоу?

— Белоу? Белоу ничего не смыслит в делах. Он торгует птицами. Откуда у него быть ручейникам?

— И все-таки стоит попробовать, — настаивал я. — Давайте я схожу и узнаю.

Мистер Ромилли поразмыслил.

— Хорошо, — произнес он наконец, отрывая взгляд от укоризненно смотрящих на него рыбьих верениц. — Возьми в кассе десять шиллингов и постарайся не задерживаться слишком долго.

Он вручил мне ключ от кассы и сел, утрюмо созерцая блеск своих начищенных ботинок. Я достал в кассе десятишиллинговую ассигнацию, написал на бумажке: «Взято 10 шиллингов на ручейников», положил ее в кассу, запер и сунул ключ в вyalую пятерню мистера Ромилли. Миг — и я уже на улице, протискиваюсь через толпы глазающих на витрины прохожих, сопровождаемый грохотом огромных красных автобусов, за которыми выются стайки легковых машин. Наконец сворачиваю в заветный переулочек и оказываюсь в царстве мира и покоя. Рев автобусов, топот ног, визг тормозов, гудки клаксонов сливаются в сплошной приглушенный гул, чем-то похожий на ласкающий слух рокот далекого прибоя. Слева от меня — черная от копоти глухая стена, справа чугунная ограда перед клочком земли на подступах к местной церкви, где некий достойный человек посадил платаны. Деревья протянули ветви над оградой, осенив проулок зеленою листвою, а по крапчатым их стволам тяжело карабкаются, горбятся, гусеницы, устремленные к цели, неведомой им самим. Там, где кончалась посадка, начинались лавки, числом шесть, все крохотные и все отнюдь не преуспевающие.

Вот «Клитемнестра», салон модной женской одежды, с довольно экстраординарной достопримечательностью на витрине — мехом пушистого зверька, чьи стеклянные глаза и зажатый зубами хвост заставили бы сжаться сердце всякого противника живодерства. Дальше — кафе «Пикси», легкие ленчи, закуски, чай, а подкрепившись, можно было зайти в «Табачную лавку» А. Уоллита, чья витрина сплошь была заполнена рекламой сигарет и трубок; почетное место занимала реклама самых дешевых сигарет. Быстро шагая дальше, я миновал контору агента по продаже недвижимости Уильяма Дровера, с красующимися за стеклом блеклыми фотографиями заманчивых жилых строений, затем — сумрачную витрину господ М. и Р. Драмлин, водопроводчиков, с несколько неожиданным, скупым оформлением — одиноким розовым унитазом. И замыкала сей торговый ряд дверь с простой, немудрящей выцветшей вывеской: «Генри Белоу. Птицевод».

«Наконец-то, — сказал я себе, — я могу войти в эту лавку и хотя бы раскрыть тайну проданных птичек». Однако тут произошло нечто неожиданное. Высокая костлявая женщина в грубошерстном костюме и увенчанной пером потешной тирольской шляпе решительно прошагала к двери с

Д

картонкой, на которой было написано: «*Прошу*», взялась за ручку и под мелодичный звон колокольчика вошла в лавку, опередив меня на какое-то мгновение. Я опешил. На моих глазах впервые одна из лавок в этом переулке удостоилась посещения покупателя. Тут же, горя желанием увидеть, что будет дальше, я рванулся следом за этой женщиной и очутился внутри раньше, чем успела захлопнуться дверь.

В лавке царил полумрак, и мы с покупательницей в тирольской шляпе уподобились мотылькам, застрявшим в пыльной паутине. Казалось, мелодичный колокольчик должен был тотчас вызвать из недр лавки услужливого продавца. Однако царила полная тишина, нарушаемая только слабым щебетом пичуг в витрине да шорохом крыльев приютившегося в углу какаду. Хорошенько взъерошив перья (звук был такой, точно кто-то встряхивал не глаженную после стирки простыню), попугай наклонил голову набок и мягко произнес безразличным тоном: «Хэлло, хэлло, хэлло».

Мы ждали, и короткое ожидание показалось нам вечностью. По мере того как мои глаза свыкались с полумраком, я рассмотрел маленький прилавок и за ним полки с птичьим кормом и другими вещами, потребными для птицеводства, а перед прилавком стояли на полу большие мешки с коноплей, просом и рапсом. На одном из мешков восседала, торопливо уписывая семена, белая мышка, чем-то похожая на нервно покусывающего соломинку участника званой вечеринки. Я уже подумывал о том, чтобы открыть дверь, чтобы снова зазвенел колокольчик, когда в глубине лавки распахнулась другая дверь и в нашу сторону важно направился, виляя хвостом, почтенного возраста большой охотничий пес, сопровождаемый, как я понял, Генри Белоу, высоким тучным мужчиной с седой кудрявой шевелюрой и густыми колючими усами, напоминающими куст можжевельника, в котором могла удобно обосноваться целая стайка птиц. Из-под косматых бровей сквозь очки в золотой оправе на нас смотрели синие, как барвинок, маленькие яркие глаза. Он двигался с тяжеловесной медлительностью, словно ленивый тюлень; подойдя к нам, приветственно наклонил голову.

— Мадам, — сказал он, и в его произношении угадывался уроженец юго-западной части Англии, — мадам, к вашим услугам.

Женщина в тирольской шляпе явно была слегка озадачена столь торжественным обращением.

— О, э-э... добрый день, — произнесла она.

— Чем могу служить? — осведомился мистер Белоу.

— Понимаете, вообще-то мне нужен ваш совет, — объяснила она. — Э-э... Дело в том, что моему юному племяннику исполняется четырнадцать лет, и я хотела бы купить ему птичку ко дню рождения... Он обожает птиц.

— Птицу, — сказал мистер Белоу. — Птицу. И какую именно птицу, какой вид вы подразумеваете, мадам?

— Ну, я, э-э... даже не знаю, — ответила женщина в тирольской шляпе. — Как насчет канарейки?

— В это время года я не стал бы связываться с канарейками. — Мистер Белоу скорбно покачал головой. — Не стал бы связываться сам и поступил бы нечестно, мадам, если бы продал вам канарейку.

— Почему же именно в это время года? — озабоченно осведомилась покупательница.

— Сейчас самое скверное время для канареек, — сказал мистер Белоу. — Понимаете, опасно для бронхов.

— О, — молвила леди в тирольской шляпе. — Ну, а что вы скажете о волнистом попугайчике?

— Простите, мадам, но опять же не советую. Очень уж сейчас распространился пситтакоз.

— Что распространилось?

— Пситтакоз, мадам. Так называемая попугайная болезнь. Большинство попугайчиков болеют в это время года. Дело в том, что она смертельно опасна для людей. На днях сюда приходил инспектор из Министерства здравоохранения, проверял моих волнистых. Предупредил, что они могут вот-вот заболеть, а потому мне следует воздержаться от продажи.

— Хорошо, что же вы тогда мне порекомендуете? — с отчаянием в голосе осведомилась дама.

— По правде говоря, мадам, сейчас самое неудачное время года для покупки птиц, — ответил мистер Белоу. — Понимаете, у них как раз идет линька.

— Стало быть, вы не советуете мне покупать птичку? А как насчет чего-нибудь другого... скажем, белой мышки?

— Боюсь, мадам, вам придется обратиться в какой-нибудь другой магазин, — сказал мистер Белоу. — К сожалению, я не торгую такими животными.

— О, — произнесла незадачливая покупательница. — О... Что ж, попробую обратиться в универмаг «Харродз».

— Прекрасный торговый центр, мадам, — отозвался мистер Белоу. — Замечательный. Уверен, что там смогут удовлетворить ваши пожелания.

— Ладно, большое спасибо. Вы очень любезны, — сказала она и покинула лавку.

Когда дверь закрылась, мистер Белоу повернулся ко мне.

— Добрый день, — поздоровался я.

— Добрый день, сэр, — ответил он. — Чем я могу быть полезен вам?

Д

— Понимаете, дело в том, что я пришел узнать, нет ли у вас ручейников. Я работаю в «Аквариуме», и у нас кончились ручейники.

— Вы сказали — в «Аквариуме»? У коллеги Ромилли?

— Совершенно верно, — сказал я.

— Понятно. И почему вы решили, что у меня могут быть ручейники? Я ведь торгую птицами.

— Мистер Ромилли так и сказал, но я подумал: вдруг у вас все-таки найдутся ручейники — и решил зайти и спросить.

— Что ж, и вы, представьте себе, не ошиблись, — ответил мистер Белоу. — Пойдемте со мной.

Через заднюю дверь мы вошли в маленькую, неряшливую, но довольно уютную гостиную. Состояние обивки дивана и кресла красноречиво свидетельствовало, что пес любит отдыхать на них не меньше, чем хозяин. Продолжая идти следом за мистером Белоу, я очутился на мощеном дворике, осененном ветвями кладбищенских платанов, и увидел маленький пруд, в который сочилась вода из крана; посреди пруда на каменной горке стоял гипсовый купидон. В воде сновали полчища золотых рыбок, а у дальнего конца пруда стояла большущая банка из-под варенья с клубком ручейников внутри. Взяв другую, пустую банку, мистер Белоу переправил в нее часть этого клубка и вручил мне.

— Вы очень добры, — сказал я. — Сколько я вам должен?

— О, не вздумай платить, — ответил мистер Белоу. — Платить вовсе не надо, прими это как подарок.

— Но... но это очень дорогой подарок, — озадаченно возразил я.

— Ничего, прими от меня этот подарок, — настаивал он.

Вместе мы возвратились в лавку.

— Скажите, мистер Белоу, — спросил я, — почему на клетках всех птиц в вашей витрине прикреплены бумажки с надписью «Продано»?

Он пристально посмотрел на меня своими синими глазками.

— Потому что они и впрямь проданы.

— Но они проданы давным-давно. Когда я первый раз проходил этим переулком, бумажки уже висели, а это было больше двух месяцев назад. Что — владельцы не приходят за ними?

— Нет, просто я... ну, держу птиц у себя, пока хозяева не смогут их забрать. Кто-то из них строит вольеры, кто-то еще не обзавелся клетками и все такое прочее, — сказал мистер Белоу.

— Они были проданы в благоприятное время года?

По его губам скользнула тень улыбки.

— Да, конечно же.

— У вас есть еще птицы?

— Да, наверху. На втором этаже.

— Если я приду к вам в другой раз, когда у меня будет больше времени, я смогу на них посмотреть?

Мистер Белоу задумчиво посмотрел на меня, потер пальцами щеку.

— Что ж, пожалуй, это возможно. Когда ты хотел бы прийти?

— Ну, в субботу я работаю до обеда. Можно мне прийти тогда в субботу?

— Обычно в субботу у меня закрыто, — ответил мистер Белоу, — но если ты позвонишь в дверь три раза, я впущу тебя.

— Большое спасибо, — сказал я. — И спасибо за ручейников. Мистер Ромилли будет весьма благодарен.

— Не за что, — отозвался мистер Белоу. — Всего доброго.

И я вышел в тихий переулок и направился к себе, в свой зоомагазин.

В последующие два-три дня я упорно думал о мистере Белоу. Я ни минуты не верил, что птицы в его витрине действительно проданы, однако не мог взять в толк, зачем выдавать их за проданных. А еще меня крепко озадачило его нежелание продать птичку женщине в тирольской шляпе. И я решил в субботу во что бы то ни стало добиться от мистера Белоу ответа на эти загадки.

Ровно в два часа в субботу я подошел к дверям его лавки. Картонка за стеклом учтиво извещала, что магазин закрыт, тем не менее я позвонил трижды и стал ждать. Наконец дверь отворилась.

— А, — сказал мистер Белоу, — добрый день.

— Добрый день, мистер Белоу, — отозвался я.

— Входи же, — пригласил он меня.

Я вошел, и он тщательно запер дверь.

— Итак, — напомнил он, — ты хотел посмотреть птиц?

— Да, если можно, — ответил я.

Он повел меня через гостиную и вверх по узкой расшатанной лестнице. Насколько я мог судить, на втором этаже его лавки помещались крохотная ванная, спальня и еще одна комната, чьи стены сплошь занимали клетки с птицами всех видов, цветов и размеров. Тут были маленькие юркие вьюрки из Африки и Азии, даже два-три ярко окрашенных австралийских вьюрка. Были зеленые попугайчики и словно одетые в королевскую мантию красные кардиналы. Волшебное зрелище... Квалификация мистера Белоу заметно превосходила познания мистера Ромилли: он знал обычное и латинское название каждой птицы, знал, где они водятся, какой корм предпочитают, сколько откладывают яиц. Словом, живая энциклопедия.

Д

— И все эти птицы продаются? — спросил я, пожирая глазами красного кардинала.

— Конечно, — ответил мистер Белоу. И поспешил добавить: — Но только в благоприятное время года.

— При чем тут какое-то благоприятное время года? — озадаченно спросился я. — Если вы торгуете птицами, можете продавать их когда угодно, разве нет?

— Ну, некоторые так и поступают, — сказал мистер Белоу. — Но я взял за правило ни в коем случае не продавать птиц в неблагоприятное время года.

Я заметил, что его глаза весело поблескивают.

— Ну и когда же оно бывает — благоприятное время?

— В моем представлении — никогда, — сообщил мистер Белоу.

— Вы хотите сказать, что совсем не продаете птиц?

— Очень редко, — ответил он. — В исключительных случаях, только друзьям.

— И потому вы не стали продавать птиц той женщине?

— Да, — сказал мистер Белоу.

— И все те птицы на витрине на самом деле не проданы, верно?

Мистер Белоу смерил меня взглядом, точно прикидывая, способен ли я хранить тайну.

— На самом деле, между нами говоря, они не проданы, — признался он.

— Ну хорошо, а как насчет прибыли?

— В том-то и дело, — сказал он, — что я не гонюсь за прибылью.

Должно быть, у меня был крайне озадаченный вид, потому что мистер Белоу издал гортанный смешок и сказал:

— Давай-ка спустимся и попьем чаю, ладно? И я все тебе объясню. Только обещай, что это останется между нами. Обещаешь?

Он шутливо погрозил мне толстым пальцем.

— Конечно, обещаю! — воскликнул я. — Клянусь!

— Отлично. Ты любишь сдобные лепешки?

— Э... Ну да, — ответил я, сбитый с толку внезапной переменой темы.

— Я тоже, — сказал мистер Белоу. — Горячие лепешки с маслом и чай. Пошли... Спустимся вниз.

И мы спустились в маленькую гостиную, где охотничий пес мистера Белоу, которого звали, как я теперь обнаружил, Олдрич, гордо возлежал на диване. Мистер Белоу зажег газ, испек несколько лепешек, щедро намазал их маслом и поместил лоснящуюся шаткую стопку на столик между на-

ми. Тут и чайник вскипел, он заварил чай и расставил тонкие, изящные фарфоровые чашки.

Мы приступили к чаепитию, мистер Белоу передал мне лепешку, взял одну сам и вонзил в нее зубы с удовлетворенным вздохом.

— Так что... что вы хотели сказать мне, почему не гонитесь за прибылью? — спросил я.

— Понимаешь, — сказал он, тщательно вытирая платком руки, усы и губы, — это довольно длинная и сложная история. Когда-то весь этот переулок принадлежал одному эксцентричному миллионеру по фамилии Потт, чьим именем и называется до сих пор. Насколько я понимаю, он был, выражаясь современным языком, социалистом. Он построил все здешние лавки и установил правила для их деятельности. Лавки сдавались желающим в бессрочную аренду, причем каждые четыре года арендная плата подлежала пересмотру. Если лавка преуспевала, плата соответственно повышалась, если нет — понижалась. Ну вот, я въехал сюда в 1921 году и с тех пор плачу пять шиллингов в неделю.

Я недоверчиво воззрился на мистера Белоу.

— Пять шиллингов в неделю? Но ведь это гроши за такое помещение. Здесь ведь рукой подать до Кенсингтон-Хай-стрит с ее фешенебельными магазинами.

— Совершенно верно, — сказал мистер Белоу. — В том-то и дело. Я плачу за аренду пять шиллингов в неделю, то есть по фунту за месяц.

— Но почему такая неслыханно низкая аренда?

— Потому, — объяснил мистер Белоу, — что у меня нет прибыли. Как только я обнаружил в контракте условие, о котором тебе сказал, сразу усмотрел удобную лазейку. У меня были отложены кое-какие деньги, немного, но продержаться можно. И я искал такое жилье, где мог бы держать своих птиц. Тут и представилась идеальная возможность. Я обошел всех остальных съемщиков в переулке Потта, поделился своим открытием и обнаружил, что у большинства та же забота, что у меня: располагая небольшими средствами, они нуждаются в дешевой обители. Мы учредили «Общество Потт-Лэйн», объединились и нашли очень хорошего счетовода. Говоря «хорошего», я разумею не этих слабаков, которые во всем цепляются за закон, от них не жди добра. Нет, мы нашли способного, мозговитого молодца. Каждые полгода мы собираемся, и он проверяет нашу бухгалтерию и говорит нам, как вести дела, чтобы пребывать на грани разорения. Мы действуем соответственно, и когда приходит срок пересматривать арендную плату, она либо остается прежней, либо немного снижается.

— Но люди, которым теперь принадлежат эти дома, разве не могут изменить ставки? — спросил я.

Д

— Не могут, — ответил мистер Белоу, — в этом все дело. Я выяснил, что, согласно завещанию мистера Потта, условия аренды не могут быть изменены.

— Но наследники, наверно, пришли в ярость, когда узнали, что вы платите всего один фунт в месяц?

— Еще как, — сказал мистер Белоу. — Чего только не делали, чтобы выселить меня, — безуспешно. Я нашел хорошего юриста — опять-таки не из тех слабаков, для которых закон выше интересов клиента, — и он живо поставил их на место. Все остальные лавки действовали заодно, и наследникам пришлось сдаться.

Боясь обидеть мистера Белоу, я воздержался от комментариев, хотя был уверен, что он все сочинил. Однажды мне уже довелось иметь дело с домашним учителем явно шизофренического склада, который рассказывал мне длинные замысловатые истории о своих приключениях; на самом деле ничего такого в его жизни не было, но ему очень уж хотелось, чтобы было. Словом, для меня подобные измышления не были новостью.

— Надо же, как здорово получилось, — сказал я. — Вы просто гений, что додумались до этого.

— Никогда не ленись читать мелкий шрифт. — Он шутливо погрозил мне пальцем. — А сейчас извини, я должен сходить за Мейбэл.

Он вышел в торговое помещение и вернулся, неся сидящего на его запястье какаду. Сев в кресло, положил птицу на спину, и та застыла, будто выточенная из слоновой кости, закрыв глаза и приговаривая: «Хэлло, хэлло, хэлло». Пригладив оперение Мейбэл, мистер Белоу перенес ее себе на колени и пощекотал перышки на животе. Она лежала, погруженная в блаженную дремоту.

— Она начинает скучать, если слишком долго остается там одна, — объяснил мистер Белоу. — Еще лепешку, дружок?

И мы опять принялись за лепешки, беседуя. Мистер Белоу оказался интереснейшим собеседником. В молодости он изрядно постранствовал и мог немало порассказать о местах, которые я мечтал посетить. С того дня я заходил к нему попить чай раз в две недели, и это были счастливые часы.

Продолжая сомневаться в правдивости рассказа мистера Белоу о перелуке Потта, я задумал провести эксперимент. За несколько дней посетил все лавки в этом ряду. Так, в «Клитемнестру» я наведалься якобы для того, чтобы купить шляпу маме ко дню рождения. Две милейшие пожилые леди, которым принадлежала лавка, долго извинялись. У них как раз кончились шляпы. Они могут предложить мне что-нибудь еще? Скажем, недорогой мех? Дело в том, сообщили мне, что все меха в магазине уже заказаны заранее. Теперь ожидается новая партия. Когда у моей мамы день рожде-

ния? В пятницу на следующей неделе, ответил я. О, к тому времени будет новое поступление, непременно будет, заходите.

Владелец табачной лавки, мистер Уоллит, сообщил, что как раз тех сигарет, которые мне нужны, нет в наличии. И сигар нет, и трубок тоже. С великой неохотой он отпустил мне коробок спичек.

Дальше я зашел к водопроводчикам — дескать, меня прислала мама, у нас что-то неладное с баком, не могут ли они прислать человека, чтобы посмотреть, в чем дело?

— Понятно, — сказал мистер Драмлин, — насколько это срочно?

— Крайне срочно, — ответил я. — Вода не идет ни в уборную, ни в умывальники.

— Понимаете, — сообщил он, — у нас есть только один работник, только один, и он сейчас ушел по вызову... это надолго. Не знаю даже, когда он управится... Может быть, день проработает, может быть, два.

— А он не согласится поработать сверхурочно?

— Боюсь, что не согласится, — сказал мистер Драмлин. — Кстати, вы можете найти отличного водопроводчика на Кенсингтон-Хай-стрит. Обратитесь туда, возможно, у них найдется свободный работник. Что до меня, боюсь, не могу обещать вам ничего на ближайшие... да, на ближайшие два-три дня, это в *лучшем случае*.

Поблагодарив, я отправился к мистеру Уильяму Дроверу, агенту по продаже недвижимости. Меня принял невысокий, убого одетый мужчина в очках, с пушистой жидкой шевелюрой. Я объяснил, что моя тетушка подумывает о том, чтобы переехать в эту часть Лондона, и, поскольку я живу поблизости, попросила меня сходить к агенту и подобрать для нее квартиру.

— Квартиру? Квартиру? — Мистер Дровер поджал губы, снял очки, протер стекла, вернул очки на место и осмотрелся, словно ожидал увидеть спрятанную где-то квартиру.

— Сейчас с квартирами плохо, — сказал он. — Очень плохо. Понимаете, очень уж много желающих переехать в этот район. Квартиры перехватывают перед самым носом.

— И у вас нет ничего на примете? Ничего такого, что я мог бы показать своей тетушке?

— Ничего, — ответил он. — Совсем ничего, к сожалению. Совсем.

— Ну а как насчет маленького дома? — осведомился я.

— С домами тоже плохо, так же плохо. Боюсь, в моей картотеке не найдется ни одного маленького дома, который устроил бы вас. Есть в пригороде дом с десятью спальнями, как вы на это посмотрите?

— Нет, думаю, этот дом великоват, — сказал я. — К тому же она желает поселиться в этом районе.

Д

— Не одна она, не одна. Все стремятся сюда, не считаясь с теснотой.

— Но это хорошо для вашего бизнеса? — заметил я.

— Как сказать, как сказать. При чрезмерной тесноте страдают отношения между соседями.

— Ну что ж, большое спасибо вам за помощь, — сказал я.

— Не за что, не за что. Жаль, что не могу больше ничего для вас сделать.

На очереди было кафе «Пикси». Я увидел довольно обширное меню, однако сейчас мне могли предложить только чашку чая. Как назло — они страшно извинялись, — грузовик, который должен был доставить продукты на этот день, сломался где-то в северной части Лондона, поэтому им буквально не из чего готовить.

После этого я поверил наконец тому, что говорил мне мистер Белоу про переулочек Потта.

Приблизительно в эту пору круг моих знакомых пополнился еще одной странной личностью. Я уже не один месяц работал у мистера Ромилли, и он полностью доверял мне. Время от времени посылал меня в Ист-Энд за свежими партиями рептилий, амфибий и тропических рыбок. Мы покупали их у оптовиков, тогда как хозяйство, которому фактически принадлежал магазин, снабжало нас всеми необходимыми пресноводными экземплярами. Я полюбил эти вылазки в сумрачные лавки на задворках, с ящиками в больших ящиках, с полными корзинами черепах, с зелеными от водорослей, протекающими аквариумами, населенными лягушками, тритонами и саламандрами. Во время одной из таких поездок в Ист-Энд я и познакомился с полковником Энстратером.

Мистер Ромилли послал меня к Ван ден Готу, крупному оптовику, который специализировался на импорте из Северной Америки рептилий и амфибий. Мне было поручено привезти полторы сотни расписных черепашек — этих прелестных пресноводных рептилий с зеленовато-коричневым карапаксом и красно-желтыми полосками на коже. Каждый детеныш был величиной с монету. Они пользовались у нас большим спросом как подходящий подарок для детей в городских квартирах. Итак, я отправился в Ист-Энд, где меня принял сам мистер Ван ден Гот — весьма тучный мужчина, этакий орангутан, вылепленный из воска. Он поместил моих черепашек в картонную коробку, выложенную мхом, затем я попросил разрешения посмотреть, чем еще он располагает.

— Валяй, — сказал он, — валяй.

После чего проковылял обратно к своему креслу, развернул голландскую газету, засунул в рот сигару и предоставил меня самому себе. Я бродил по лавке, рассматривая красивых змей, пока не застыл в восхищении

перед террариумом с ярко-зелеными игуанами, которым сережки и прочие кожные выросты придавали сходство со сказочным драконом. Поглядев на часы, я с ужасом обнаружил, что задержался сверх положенного на целых полчаса. А потому схватил свою коробку с черепашками, попрощался с мистером Ван ден Готом и поспешил на автобус.

В спешке я, увы, не обратил внимания на то, что от влажного мха, которым мистер Ван ден Гот выложил коробку, дно ее успело промокнуть, пока я любовался его товаром. В итоге, когда я поднялся в автобусе на второй ярус и уже приготовился сесть, дно вывалилось и на пол обрушился каскад черепашек.

Мне повезло, что на этом ярусе кроме меня был только еще один пассажир — по-военному подтянутый, стройный седоусый мужчина с моноклем, в безукоризненного покроя грубошерстном костюме и мягкой шляпе. В петлице рдела гвоздика, в руке он держал ротанговую трость с серебряным набалдашником. Я лихорадочно ползал по полу, отлавливая черепашек, но эти малютки способны при желании двигаться с невероятной скоростью, и численное превосходство явно было на их стороне. Внезапно одна черепашка помчалась по центральному проходу и наткнулась на ногу мужчины с моноклем. Почувствовав, что кто-то царапает его начищенный башмак, он посмотрел вниз. Ну все, подумал я, жди неприятностей! Мужчина поправил монокль и уставился на малютку, которая силилась взобраться на носок башмака.

— Боже мой! — воскликнул мужчина. — Расписная черепашка! Хриземис пикта! Сто лет не видел!

Он повернул голову в поисках источника, откуда возникла крохотная рептилия, и узрел меня, ползающего в окружении разбегающихся во все стороны черепашек.

— Ха! — воскликнул он. — Эта малютка — твоя?

— Да, сэр, — признался я. — Извините, ради бога, у моей коробки вывалилось дно.

— Видит бог, тебе не повезло?

— Э... да... есть немного.

Он подобрал черепашонка, который успел-таки вскарабкаться на его башмак, и направился ко мне.

— Держи, — сказал он. — И давай я помогу тебе. Перекрою пути де-зертирам.

— Вы очень любезны, — отозвался я.

Он опустил на четвереньки по моему примеру, и мы стали вместе ловить разбежавшихся по полу автобуса черепашек.

Д

— Агу его! — восклицал он то и дело. — Вон тот проказник юркнул под сиденье.

А когда одна черепашка устремила прямо на него, он прицелился тростью и крикнул:

— Бабах! Назад, сэр, иначе вам не поздоровится!

Минут за пятнадцать нам удалось наконец вернуть всех черепашек в коробку, и я кое-как залатал ее носовым платком.

— Большое спасибо, сэр, — сказал я. — Боюсь, вы испачкали брюки.

— И не жалею, — отозвался он, — несколько не жалею. Давно уже не доводилось так охотиться.

Поправив монокль, он воззрился на меня.

— А теперь скажи — для чего у тебя полная коробка черепашек?

— Я... я работаю в зоомагазине и вот только что забрал их у оптовика.

— Понятно. Ты не против, если я сяду поблизости и мы поболтаем?

— Нет, сэр, — ответил я, — конечно, не против.

Он опустился на сиденье напротив, поставил трость между коленями, оперся подбородком на набалдашник и задумчиво посмотрел на меня.

— Зоомагазин, говоришь? Гм-м-м. Ты любишь животных?

— Да, очень люблю. Больше всего на свете.

— Гм-м-м. А что еще есть в этой вашей лавке? — спросил он.

В его голосе звучал искренний интерес, и я рассказал ему, чем богат наш магазин, рассказал про мистера Ромилли и уже был готов изложить историю мистера Белоу, однако воздержался, поскольку дал клятву хранить секрет. Когда мы доехали до моей остановки, я поднялся с сиденья.

— Простите, сэр, — сказал я, — но мне тут выходить.

— Ха, — произнес он. — Ха. И мне тоже. Мне тоже.

Было совершенно ясно, что это вовсе не его остановка, просто ему хочется еще поговорить со мной. Мы спустились на тротуар. Благодаря довольно свободному и эксцентричному воспитанию я вполне представлял себе коварные уловки гомосексуалистов. Знал, например, что даже джентльмены с моноклем и военной выправкой бывают не без греха, и то обстоятельство, что он вышел из автобуса не на своей остановке, настроило меня не в его пользу. Я решил быть настороже.

— Ну, и где тут твой зоомагазин? — спросил он, вращая трость двумя пальцами.

— Да вон он, сэр.

— Ага, так я пойду с тобой вместе.

Он зашагал по тротуару, разглядывая витрины магазинов.

— Скажи-ка, — заговорил он, — чем ты занимаешься в свободное время?

— О, я хожу в зоопарк, в кино, в музеи и так далее.

— А в Музее наук бываешь? Там, где всякие действующие модели и другие экспонаты?

— Мне очень нравится этот музей, — ответил я. — Нравятся модели.

— В самом деле? Точно? — Он уставился на меня через монокль. — Стало быть, тебе нравится играть?

— Играть? Пожалуй, это слово подходит.

— Ага, — произнес он.

Мы остановились у двери «Аквариума».

— Вы уж извините меня, сэр, — сказал я. — Я... я и так уже опаздываю.

— Догадываюсь... Догадываюсь.

Он достал бумажник и извлек из него визитную карточку.

— Вот моя фамилия и адрес. Если надумаешь навестить меня как-нибудь вечером, поиграем вместе.

— Большое... большое спасибо, сэр, — ответил я, прижимаясь к стене спиной.

— Не за что. Итак, буду ждать тебя. Можешь не звонить заранее... просто приходи. Я всегда дома. Любое время после шести.

И он удалился, по-военному чеканя шаг. Ни малейшего намека на жеманность и женоподобие, но я был не настолько целомудрен, чтобы не знать, что не только эти черты отличают гомосексуалиста. Засунув в карман визитную карточку, я вошел в магазин.

— Где ты пропадаешь, озорник? — спросил мистер Ромилли.

— Извините за опоздание, — ответил я. — Но... но у меня... приключился несчастный случай в автобусе. У коробки вывалилось дно, и все черепашки высыпались, и хотя один полковник вызвался помочь мне поймать их, все же получилась задержка. Извините меня, мистер Ромилли, прошу вас.

— Ладно, все в порядке, — отозвался он. — Сегодня к нам заходило мало народу... совсем мало. Я уже приготовил аквариум, так что можешь поместить их туда.

Так я и поступил, потом посмотрел, как черепашки плавают в своей новой обители, после чего достал карточку полковника и прочитал: «Полковник Энстратер, 47, Белл Мьюз, Саут-Кенсингтон». Кроме адреса, был еще номер телефона. Поразмыслив, я обратился к мистеру Ромилли:

— Случайно вы не знаете некоего полковника Энстратера?

— Энстратер? Энстратер? — Мистер Ромилли нахмурил брови. — Вроде бы нет... Хотя постой, постой. Где он живет?

— Белл Мьюз, — сказал я.

Д

— Это он. Это он! — радостно воскликнул мистер Ромилли. — Да-да, это он... Бравый воин. И прекрасный человек. Это он помог тебе отловить черепашек?

— Он, — ответил я.

— Ага, это в его духе. Всегда готов помочь в беде другу. Такие, как он, в наше время редкость, большая редкость.

— Стало быть, он... э... человек известный и... э... почтенный? — осведомился я.

— Конечно, конечно. Его там все знают. Знают и любят старого полковника.

Поразмыслив над услышанным, я решил, пожалуй, как-нибудь воспользоваться приглашением полковника Энстратера. В крайнем случае, сказал я себе, если что, всегда могу позвать на помощь. И хотя полковник сказал, что звонить не обязательно, я решил соблюсти тон и через несколько дней набрал его номер.

— Полковник Энстратер? — спросил я.

— Да, он самый. Кто это? Кто говорит?

— Это, гм... моя фамилия... Даррелл, — ответил я. — Мы познакомились с вами в автобусе на днях. Вы были так добры, помогли мне ловить черепашек.

— А, да-да, — сказал он. — Точно. И как теперь поживают малютки?

— Отлично, — сообщил я. — Поживают... очень хорошо. Я тут подумал о том... может быть, воспользоваться вашим любезным приглашением навестить вас?

— Ну конечно, дружище, конечно! Буду счастлив! В котором часу ты придешь?

— Ну а когда вам удобно?

— Приходи около половины седьмого, — предложил он. — Как раз к обеду.

— Большое спасибо, — ответил я. — Непременно приду.

Белл Мьюз оказался коротким тупиком с булыжной мостовой и четырьмя домиками на каждой стороне. Но что такое — номером 47 были обозначены двери сразу четырех строений! Откуда мне было знать, что все они принадлежали полковнику, что он соединил их вместе и с присущей военному человеку страстью к порядку присвоил им один номер. Помешав, я постучался наконец в ближайшую дверь и стал ждать, что из этого выйдет. А сам в это время думал о том, как это нелепо: в тупике длиной от силы двести метров четыре дома значатся под одним номером 47 — и где все остальные номера? Видимо, разбросаны по разным улицам и переул-

кам по соседству. «Да, — сказал я себе, — несладко приходится почтально-ну в Лондоне».

Тут дверь, в которую я постучался, распахнулась, и я увидел перед собой полковника. На нем была бутылочно-зеленая домашняя куртка с лацканами из муарового шелка, и в одной руке он сжимал огромный нож. В испуге я сказал себе, что, кажется, мне вовсе не следовало приходить сюда.

— Даррелл? — молвил он, вставляя в глаз монокль. — Видит бог, ты пунктуален!

— Знаете, я сперва запутался, — начал я.

— Ага! Тебя сбила с толку цифра сорок семь? Она всех вводит в заблуждение. Помогает ограждать мое уединение. Входи же! Входи!

Я вошел бочком в холл, и он затворил дверь.

— Рад видеть тебя, — сказал полковник. — Следуй за мной.

И он затрусил через холл, держа нож в поднятой руке так, словно вел в атаку кавалерийский полк. Я успел приметить стоячую вешалку из красного дерева и несколько эстампов на стене холла, затем мы очутились в просто, но уютно обставленной гостиной значительных размеров, с множеством сложенных стопками книг и с цветными репродукциями на стенах, изображающими различные военные мундиры. За гостиной помещалась просторная кухня.

— Извини, что подгоняю тебя, — выдохнул он. — Но у меня стоит в печке пирог, и не хотелось бы, чтобы он подгорел.

Он устремился к печке и заглянул в духовку.

— Ну так, все в порядке, — облегченно произнес полковник. — Отлично... отлично.

Он выпрямился и посмотрел на меня:

— Ты любишь бифштекс и пирог с почками?

— Э... конечно, — ответил я. — Очень люблю.

— Прекрасно. Сейчас все будет готово. А пока присядь и выпей что-нибудь.

Он провел меня обратно в гостиную.

— Садись, садись. Что будешь пить? Херес? Виски? Джин?

— У вас... э... не найдется какого-нибудь вина?

— Вина? Конечно, найдется.

Он достал бутылку, откупорил и налил мне полный бокал рубинового сухого, бодрящего вина. Мы посидели минут десять, болтая о том, о сем (преимущественно о черепахах), затем полковник посмотрел на часы.

— Пора, — заключил он, — должно быть, все готово. Ты не против, если мы поедим на кухне? Так будет намного проще.

Д

— Конечно, не против, что вы, — заверил я.

Мы вернулись на кухню, и полковник накрыл на стол, приготовил картофельное пюре, положил на мою тарелку и взгромоздил сверху бифштекс и порядочную порцию пирога с почками.

— Налей себе еще вина, — предложил он.

Бифштекс и пирог были великолепны. Я спросил полковника, сам ли он все приготовил.

— Сам, — ответил он. — Пришлось научиться готовить после смерти жены. И ведь это совсем не сложно, если захотеть. Немножко разных трав, всякие приправы творят чудеса. Ты умеешь готовить?

— Ну, это как посмотреть, — сказал я. — Мама научила меня кое-чему, но серьезно я этим не занимался, хотя люблю готовить.

— Я тоже, — откликнулся полковник, — я тоже. Отдыхаю душой.

Когда мы управились с бифштексом и пирогом, он достал из холодильника мороженое.

После мороженого полковник откинулся в кресле назад и с довольным вздохом погладил себя по животу.

— Хорошо... — произнес он. — Хорошо. Я ем только один раз в день, зато основательно. Как насчет бокала портвейна? У меня есть совсем неплохие марки.

Мы выпили рюмку-другую портвейна, и полковник закурил тонкую манильскую сигару. Покурив и допив портвейн, он решительно вставил в глаз монокль и посмотрел на меня.

— Как насчет того, чтобы подняться наверх и поиграть?

— Гм... О какой игре вы говорите? — осторожно справился я, полагая, что сейчас может начаться ухаживание, если он к этому расположен.

— Силовая игра, — ответил полковник. — Поединок умов. Модели. Ты ведь любишь такие игры?

— Гм... Ну да, — сказал я.

— Тогда пошли, — распорядился он. — Пошли.

Мы снова проследовали через холл, затем поднялись по лестнице в небольшое помещение, которое явно служило мастерской: у одной стены стоял верстак, над ним висели полки с красками в банках, паяльниками и всякими таинственными предметами. Судя по всему, полковник был не прочь что-нибудь смастерить на досуге. Тем временем он распахнул следующую дверь, и моему взору открылось поразительное зрелище — огромное помещение площадью примерно двадцать на двадцать пять метров. Как я понял, его составили соединенные вместе верхние комнаты всех четырех домов, принадлежащих полковнику. Но больше размеров меня поразило то, что находилось в этом зале. В обоих концах стояло по крепости

из папье-маше, высотой около метра, шириной около полутора метров. Вокруг крепостей выстроились сотни поблескивающих оловянных солдатиков в яркой униформе, и рядом с ними стояли танки, военные грузовики, зенитные пушки и прочие виды оружия. Словом, готовое поле битвы.

— Ага, — полковник радостно потер руки, — удивил я тебя!

— Видит бог! — отозвался я. — Пожалуй, я в жизни не видел столько оловянных солдатиков.

— Не один год собираю, — сообщил полковник. — Не один год. Я покупаю их прямо на фабрике, покупаю некрашенные и раскрашиваю сам. Так оно куда лучше получается. Почище и поаккуратнее. И более реалистично.

Я наклонился, поднял одного солдатика и убедился в правоте полковника. Обычно оловянные солдатик раскрашены кое-как, но над этими поработала искусная рука. Можно было даже различить выражение лица.

— Ну так, — сказал полковник, — теперь мы сыграем, начнем с короткого гейма, проведем, так сказать, репетицию. Конечно, когда ты освоишься, можно придумать что-нибудь посложнее.

Изложенные им правила игры оказались достаточно простыми. У каждого участника была своя армия. Соперники бросают кости, и тот, кто набрал больше очков, начинает игру в роли нападающей стороны. Он снова бросает кости и в зависимости от числа выпавших очков передвигает любой из своих батальонов в желаемом направлении и открывает огонь из полевых пушек или зенитных орудий. Пушки были снабжены пружинками и стреляли спичками. Пружинки были на редкость упругими, и спички с невероятной скоростью летели через весь зал. Там, где они падали, все в радиусе десяти сантиметров считалось выведенным из строя. Так что прямое попадание в какой-нибудь отряд наносило противнику существенный урон. У каждого участника была маленькая мерная лента, которой он определял пораженную площадь.

Я был в восторге от этой затеи, особенно потому, что она напомнила мне игру, которую мы сами придумали, когда жили в Греции. Мой брат Лесли, чье увлечение пушками и кораблями не знает пределов, собрал целую флотилию игрушечных линкоров, крейсеров и подводных лодок, которые мы расставляли на полу и устраивали морской бой, но в отличие от игры, придуманной полковником, мы поражали цель стеклянными шариками. Требовался острый глаз, чтобы на неровном полу попасть шариком в крейсер.

Итак, мы бросили кости, и мне выпало быть агрессором.

— Ха! — воскликнул полковник, проникаясь воинственным пылом. — Мерзкий гунн!

Д

— Цель маневра заключается в том, чтобы попытаться захватить крепость противника? — справился я.

— Что ж, попробайся, — ответил он. — Или попробуй разрушить ее, если сумеешь.

Я скоро понял, что в этой игре важно отвлечь внимание противника от одного из флангов, чтобы быстро продвинуться там, когда он этого не ожидает. Подвергнув его войско непрерывному артиллерийскому обстрелу — спички так и летали по воздуху, — я одновременно передвинул два батальона вплотную к его передовой.

— Злодей! — кричал полковник всякий раз, когда ему приходилось измерять площадь вокруг упавшей спички. — Грязная свинья! Проклятый гунн!

Лицо его заметно порозовело, и глаза увлажнились так, что он был вынужден то и дело протирать монокль.

— Ты чертовски меток! — негодовал он.

— Вы сами виноваты, — кричал я в ответ. — Собрали в кучу все свое войско. Идеальная мишень.

— Это входит в мою стратегию. Не учи меня стратегии. Я старше тебя и по возрасту, и по званию.

— Как вы можете быть старше по званию, если я команду целой армией?

— Без дерзостей, самонадеянный мальчишка!

За два часа игры я почти полностью уничтожил войско полковника и утвердился перед самой крепостью.

— Сдается? — крикнул я.

— Никогда! — ответил полковник. — Никогда! Сдаться проклятому гунну? Ни за что на свете!

— Что ж, тогда я ввожу в бой саперов.

— Это еще зачем?

— Чтобы взорвать вашу крепость.

— Крепость взрывать нельзя, — возразил полковник. — Это не по правилам.

— Ерунда! — ответил я. — Во всяком случае, немцы никаких правил не соблюдают.

— Грязный прием! — взревел он, когда я успешно взорвал его крепость.

— Теперь сдается?

— Нет, я буду стоять до последнего, проклятый гунн! — крикнул полковник, лихорадочно ползая на четвереньках по полу и передвигая своих солдат.

Однако, как он ни отбивался, я загнал остатки его войска в угол и окончательно разгромил.

— Боже мой! — выпалил полковник, вытирая вспотевший лоб. — В жизни не видел такого боя. Как тебе удастся стрелять так метко, если ты впервые играешь в эту игру?

— Ну, у нас была похожая игра, только мы поражали цель стеклянными шариками, — объяснил я. — Главное точно оценивать расстояние и направление в стрельбе.

— Черт возьми! — сказал он, глядя на свою разгромленную армию. — Однако мы славно поиграли и славно сразились. Сыграем еще раз?

И мы продолжали играть, и полковник все сильнее горячился, наконец я взглянул на часы и обнаружил, к своему ужасу, что уже час ночи. Очередной бой был в разгаре, а потому мы оставили все как было, и на другой день я снова пришел вечером к полковнику, и мы довели игру до конца. С той поры я проводил у него два-три вечера в неделю, и мы сражались на полу огромной комнаты, и он получал от игры великое удовольствие — почти такое же, как я.

Но вот однажды мама объявила, что нашла наконец подходящий дом, можно уезжать из Лондона. Я здорово огорчился — приходится расстаться со своей работой и с друзьями, мистером Белоу и полковником Энстратером. Мистер Ромилли страшно расстроился.

— Никогда мне не найти достойную замену, — сказал он. — Никогда.

— Что вы, кто-нибудь найдется, — заверил я его.

— Только не такой мастер, как ты, оформлять аквариумы и витрины. Не знаю даже, что я стану делать без тебя....

В день окончательного прощания он со слезами на глазах преподнес мне кожаный бумажник с тисненной внутри надписью золотыми буквами: «Джеральду Дарреллу от товарищей по работе». Я был малость озадачен, поскольку, кроме нас двоих, в лавке никто не служил, но, видимо, он посчитал, что так будет лучше. Горячо поблагодарив его, я в последний раз прошел по переулку Потта, направляясь к лавке мистера Белоу.

— Жаль, что ты уезжаешь, парень, — сказал он. — Право, очень жаль. Вот... это тебе — маленький подарок на прощание.

Он вручил мне маленькую квадратную клетку, в которой сидел самый желанный для меня предмет из его коллекции — красный кардинал. Я был потрясен.

— Нет, вы в самом деле отдасте его мне? — спросил я.

— Конечно, отдаю, парень, конечно.

— Но вы уверены, что сейчас подходящее время года для такого подарка?

Д

Мистер Белоу хохотнул.

— Уверен, — ответил он. — Разумеется, подходящее.

Я простился с ним, а вечером отправился к полковнику, чтобы в последний раз сыграть в его любимую игру. После игры — я дал ему выиграть — мы спустились вниз.

— Знаешь, дружище, я буду скучать по тебе. Сильно скучать. Но ты поддерживай связь, ладно? Не забывай. У меня тут... гм... маленький сувенир для тебя.

И он вручил мне плоский серебряный портсигар. Я с удивлением прочел выгравированную надпись: «С любовью от Марджери».

— О, не обращай внимания, — сказал полковник. — Надпись можно удалить... Подарок одной женщины... которую я когда-то знал. Думал, тебе понравится. Памятный сувенир... гм...

— Большое, большое спасибо, сэр, — произнес я.

— Не за что, не за что. — Он высморкался, протер монокль и подал мне руку. — Что ж, удачи тебе, дружище. Надеюсь, мы еще как-нибудь увидимся.

Мне не пришлось его больше увидеть. Он умер спустя несколько месяцев.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КАК ДОБИТЬСЯ ПОВЫШЕНИЯ

Городок Мамфе не может похвастать здоровым климатом. Он расположен на высоком мысу над излучиной широкой бурой реки, среди густого влажного леса, большую часть года воздух здесь знойный и душный, как в турецкой бане, и только дождливый сезон вносит какое-то разнообразие, усиливая и зной и духоту.

В те времена население городка составляли пять белых мужчин, одна белая женщина и около десяти тысяч горластых африканцев. В состоянии легкого помешательства я решил, что Мамфе — идеальное место для моей звероловной базы, и разбил на берегу кишашего бегемотами бурого потока шатер, набитый всевозможными дикими животными. Естественно, по ходу работы я близко познакомился с белыми жителями и изрядным числом африканцев. Африканцы работали у меня охотниками, проводниками и носильщиками, потому что, вступая в лес, вы переносились назад во времена

Стенли и Ливингстона и все ваше имущество перемещалось на головах дюжих чернокожих мужчин.

Лов зверей — дело трудоемкое, не оставляющее много времени для благодеяний, тем удивительнее, что именно здесь мне представился случай помочь учреждению, именуемому в ту пору Министерством по делам колоний.

В то утро я был занят кормлением бельчат, которые явно ничего не соображали и, похоже, вовсе не желали жить. Тогда еще не были изобретены бутылочки с маленькой соской, рассчитанной на ротики бельчат, а потому надлежало обмотать спичку ваткой, обмакнуть ее в жидкость и сунуть в рот сосунку. Процедура долгая и требующая изрядной выдержки, так как надо было следить, чтобы ватка не слишком намокала, иначе бельчонок мог подавиться молоком, и засовывать ее сбоку, чтобы не застряла на зубах и не была тотчас проглочена, следствием чего была бы смерть от несварения желудка.

Часы показывали десять, и уже царила такая жара, что приходилось поминутно вытирать полотенцем влажные руки, чтобы малютки не простудились. Настроение было соответственное, а тут еще, пока я маялся с упирающимися подопечными, внезапно у самого моего локтя материализовался мой бой Пайес, чье бесшумное появление всегда действовало мне на нервы.

— Будьте добры, сэр, — сказал он.

— Ну, что тебе? — рявкнул я, манипулируя ваткой с молоком.

— НОА прийти, сэр, — доложил он.

— Начальник окружной администрации? — удивился я. — Какого черта ему надо?

— Не говорить, сэр, — бесстрастно ответил Пайес. — Я пойти открыть пиво?

— Что ж, открывай, — сказал я, и поскольку НОА Мартин Баглер в эту минуту показался на гребне холма над моим лагерем, я посадил бельчат обратно в их коробку, высланную банановыми листьями, и вышел из шатра, чтобы встретить его.

Мартин был долговязый молодой мужчина с круглыми черными глазами, косматой черной шевелюрой, курносый носом и широкой обаятельной улыбкой. Привычка лихо жестикулировать длинными руками при разговоре была источником вечных неприятностей для него и для окружающих. Однако это не мешало ему быть весьма достойным начальником администрации, потому что он горячо любил свою работу и, что еще важнее, не менее горячо любил африканцев, и те отвечали на это добром.

Теперь-то стало модным поносить колониализм, начальников админи-

Д

страции и их помощников изображать воплощениями зла и порока. Конечно, встречались среди них и дурные представители рода человеческого, однако преобладали замечательные люди, выполнявшие чрезвычайно трудную работу в тяжелейших условиях. Представьте себе, что вас в возрасте двадцати восьми лет назначают управлять округом величиной с Уэльс, населенным полчищами африканцев, придав вам только одного помощника. Вы обязаны заботиться о своих подопечных, быть для них отцом и матерью и стоять на страже закона. Причем во многих случаях, поскольку закон английский, он такой мудреный, что суть его недоступна уму простодушных аборигенов.

Во время моих вылазок в леса я не раз проходил мимо крытого железом просторного здания из кирпича-сырца, где Мартин, обливаясь потом, пытался рассудить очередной спор, причем дело осложнялось еще тем, что в деревнях, разделенных всего несколькими километрами, подчас говорили на разных наречиях. А потому, если возникал конфликт между двумя деревнями, требовалось по переводчику от каждой из них, плюс еще третий толмач, знающий оба наречия, чтобы переводить слова Мартина. Как и во всех судах на свете, было совершенно очевидно, что стороны беззастенчиво лгут, и меня восхищали терпение и невозмутимость Мартина. Предметы разбирательства могли быть самые разные — от подозрения в людоедстве до умыкания невест и споров из-за каждого дюйма земли под ямсом и кокосовыми пальмами.

За все мои поездки в Западную Африку мне только раз встретился антипатичный администратор. Преобладали, как я уже сказал, чудесные молодые люди, и было бы неплохо, если бы когда-нибудь нашелся охотник написать о них добрую книгу.

Появление Мартина на холме над моим лагерем изрядно удивило меня, потому что в это время дня ему следовало корпеть в канцелярии над бумагами. Вниз по склону он спустился чуть ли не бегом, размахивая руками, точно ветряная мельница, и крича что-то неразборчивое. Я терпеливо ждал, пока он не нырнул в шатер.

— Понимаешь, — вымолвил Мартин, вскинув руки в трагическом жесте, — мне пужна твоя помощь.

Я пододвинул складной стул и мягко усадил его.

— Перестань вести себя, словно чокнутый богомол, — сказал я, — посиди минутку молча и расслабься.

Он достал из кармана влажный платок и вытер лоб.

— Пайес! — крикнул я.

— Сэр? — отозвался мой бой из кухни.

— Принеси, пожалуйста, пива мне и администратору.

— Есть, сэр.

Пиво было паршивое и отнюдь не холодное, потому что в нашем до-
вольно примитивном базовом лагере единственным способом охлаждать
его было держать бутылки в ведрах с вечно теплой водой. Однако в таком
климате, где человек непрерывно обливается потом, даже если сидит без
движения, потребность в жидкости велика, и днем ничто не могло срав-
ниться с пивом.

Пайес чинно наполнил наши стаканы, и Мартин, схватив свой стакан
дрожащей рукой, поспешно сделал несколько глотков.

— А теперь, — сказал я успокаивающим тоном опытного психиатра, —
повтори, пожалуйста, медленно и внятно: что ты кричал, сбегаая вниз по
склону? Кстати, тебе не следует так носиться в это время дня. Во-первых,
это вредно для здоровья, во-вторых, это может повредить твоему имиджу.
Я было подумал, что в Мамфе разразился бунт и за тобой гонится толпа аф-
риканцев, вооруженных копьями и мушкетами.

Мартин снова вытер платком лицо и сделал еще глоток.

— *Хуже*, — произнес он, — несравненно хуже.

— Хорошо, рассказывай тихо, спокойно, в чем дело.

— Губернатор, — ответил он.

— Что — губернатор? Он уволил тебя?

— В том-то и дело, — сказал Мартин, — что может уволить. Потому я
и нуждаюсь в помощи.

— Не вижу, как я могу тебе помочь. Я не знаком с губернатором и, на-
сколько мне известно, не знаю никого из его родных, так что не могу нигде
замолвить за тебя словечко. Но что ты такого ужасного натворил?

— Лучше я расскажу тебе все с начала, — отозвался Мартин, еще раз
вытер лицо, подкрепился глотком пива и скрытно осмотрелся, проверяя,
не подслушивают ли нас. — Так вот, может быть, ты не обратил внима-
ния, но я неплохо справляюсь со своей *работой*, однако когда надо прини-
мать гостей или еще что-нибудь в этом роде, непременно все испорчу. Ко-
гда я только что получил повышение и был назначен начальником окруж-
ной администрации в Умфале, тут же туда является с инспекцией этот чер-
тов губернатор. Все шло прекрасно, в округе царил безупречный порядок,
и шеф как будто был мной доволен. Он приехал всего на сутки, и под вечер
я уже подумал, что все в порядке. Но, на беду, уборная в моем доме вышла
из строя, и я не успел вовремя привести ее в порядок, а потому велел со-
орудить уютный шалашик вдали от веранды, за кустами гибискуса. А в ша-
лаше, сам понимаешь, глубокая яма и перекладина для ног. Я объяснил гу-
бернатору, что и как, и вроде бы он все понял. Но мне было невдомек, что
моя африканская обслуга посчитала, что шалаш предназначен для них, и

Я

прилежно пользовалась им до прибытия моего шефа. И вот перед самым обедом он направляется туда. То, что он там увидел, вовсе не обрадовало его, ведь он полагал, что уборную соорудили специально для него. Когда же губернатор все-таки примостился на перекладине, она сломалась.

Я слегка опешил.

— Господи, ты что же — не проверил эту перекладину?

— В том-то и дело, — ответил Мартин. — Есть вещи, в которых я ничего не смыслю.

— Но ты мог убить его, хуже того — утопить, — сказал я. — Знаю, на что похожа наша уборная здесь, и не хотел бы упасть в эту яму.

— Могу заверить тебя, что шефу происшедшее тоже не понравилось, — уныло отозвался Мартин. — Он, конечно, позвал на помощь, и мы вытащили его, но выглядел он, точно... точно... э... ходячая навозная куча. Не один час ушел на то, чтобы отмыть его самого, постирать и привести в порядок его одежду к утру, когда он должен был уезжать. И скажу тебе, дружище, обедали мы в тот вечер очень поздно, и ел он очень мало и держался очень-очень холодно.

— Он что — лишен чувства юмора? — осведомился я.

— Начисто лишен, — яростно произнес Мартин. — Но не мне его упрекать за это. Не представляю себе человека, который стал бы веселиться, шлепнувшись в кучу навоза.

— Я тебя понял. Налей себе еще пива.

— Беда в том, — продолжал Мартин, — что я не однажды вот так оплошал. Были другие промашки, о которых предпочитаю не рассказывать тебе, потому-то мне пришлось так долго ждать, чтобы меня из помощников перевели в начальники окружной администрации. После того ужасного происшествия с уборной я попал в Умчичи, и ты сам понимаешь, что это означало.

— Да уж, — сказал я, — мне не доводилось там бывать, но я наслышан.

Умчичи — этакий Окаянный остров, туда посылали всех попавших в немилость начальников окружной администрации и их помощников. Там обитали прокаженные африканцы, а еще там было больше комаров, чем в любой другой точке побережья Западной Африки.

— Как ни увлекательны эти твои откровения, — заметил я, — не вижу, куда ты клонишь.

— Так ведь я именно об этом толковал тебе, когда спускался с холма, — объяснил Мартин. — Губернатор едет сюда с инспекцией. Будет здесь через три дня, так что мне необходима твоя помощь.

— Мартин, — сказал я, — при всей моей любви к тебе я не специалист по приему и обслуживанию гостей.

— Конечно, дружище, конечно, — отозвался Мартини. — Ты только подсоби мне кое в чем.

Отказать ему в этой просьбе было невозможно. Все белые жители Мамфе и девяносто девять процентов африканцев нежно любили Мартина.

— Мне нужно поразмыслить, — сказал я.

Мы посидели молча; Мартин ерзал на стуле, обливаясь потом.

Наконец я крикнул:

— Пайес, принеси, пожалуйста, еще пива начальнику администрации.

Когда пиво было подано, я наклонился и пристально посмотрел на Мартина.

— Вот в чем твое единственное спасение, — произнес я. — Среди нас есть женщина.

— Женщина? — озадаченно молвил Мартин. — Какая женщина?

— Мэри, жена твоего помощника, если ты помнишь такую. Женщины отлично справляются с такими делами. Еще у нас есть Макгрэйд (он отвечал за ремонт мостов, строительство дорог и тому подобное). Есть Гэртон (представитель «Объединенной Африканской компании», который занимался продажей хлопчатобумажных тканей белым жителям Мамфе, консервов и пива африканцам). Уж как-нибудь совместными усилиями мы справимся с задачей.

— Дружище, — торжественно произнес Мартин, — я твой вечный должник. Блестящее предложение.

— Итак, для начала, — продолжал я, — следует посмотреть твой дом.

— Но ты столько раз бывал у меня, — удивился Мартин. — Несколько раз приходил перекусить и тысячу раз приходил выпить стаканчик.

— Верно, но я видел только твою гостиную и веранду.

— Ну да, конечно. Что ж, пошли, сейчас и посмотришь.

— Я захвачу Пайеса, — сказал я. — Потому что одолжу его тебе на вечер. Он куда лучше твоего недотепы и сумеет стол обслужить на высшем уровне. А то ведь твой бой способен облить супом колени губернатора.

— Ты что! — страдальчески воскликнул Мартин. — Не смей даже говорить такие вещи.

Итак, мы захватили Пайеса и поднялись в дом окружного начальника, стоящий на макушке утеса, с видом на реку. Дом был внушительный, с толстыми стенами и просторными помещениями, потому что его построили еще тогда, когда Камерун был немецкой колонией, а немцы знали, как надо строить в жарком климате — выбрали место, где дом хоть немного обдувало ветром, а благодаря толстым стенам внутри было прохладно, насколько это вообще возможно в таком месте. Поднимаясь по склону, я объяснил Пайесу суть дела.

Д

— Учти, — добавил я, — это очень важно, все мы должны постараться хорошенько помочь окружному начальнику.

— Да, сэр, — расплылся в улыбке Пайес; он всегда считал, что я чересчур много времени уделяю уходу за животными и совсем не оставляю ему времени проявить свой талант буфетчика.

Дойдя до обители Мартина, я внимательно осмотрел гостиную и веранду. Оба помещения были просторные и совсем недурно обставленные с учетом потребностей холостого начальника окружной администрации.

— Мне кажется, для начала тебе следует снять со стены этот календарь, — предложил я Мартину.

— Почему? — спросил он. — По-моему, картинки классные.

— Мартин, — сказал я, — если губернатор увидит, что у тебя вся гостиная увешана голыми красотками, он может невесть что подумать о тебе, так что лучше убери.

Пайес, внимательно слушавший наш диалог, снял со стены календарь с девицей в чувственной позе и с такими ярко выраженными признаками млекопитающего, что даже я был несколько смущен.

— Так, — произнес я, — теперь — спальня.

Спальня тоже была большая, с широченной двуспальной кроватью под сеткой от комаров.

— Пайес, — распорядился я, — ну-ка проверь кровать — не сломается?

Тихонько хихикая, Пайес опустился на четвереньки и пополз вокруг кровати, проверяя каждый винт и каждую гайку.

— А теперь, — обратился я к Мартину, — попрыгаем на ней вдвоем.

Мы попрыгали и убедились, что с пружинами все в порядке.

— Так, отлично, — заключил я. — Похоже, здесь ему ничто не грозит. А где ты собираешься его кормить?

— Кормить? — озадаченно справился Мартин.

— Ты ведь собираешься кормить губернатора, пока он будет находиться здесь?

— Ну, на веранде, — ответил Мартин.

— Что — других помещений нет?

— Еще есть столовая.

— Если у тебя есть столовая, пользуйся ею, ради бога. Ты ведь намерен принять его возможно лучше. Где находится эта твоя столовая?

Вернувшись со мной в гостиную, Мартин распахнул массивные деревянные двери, и моему взору предстало великолепное помещение с длинным столом по меньшей мере на десяток мест. Столешница была тщательно отполирована, но, поскольку Мартин никогда не пользовался этой ком-

натой, покрыта толстым слоем пыли, как и довольно красивые, хотя и тяжеловатые деревянные стулья. С потолка над столом на всю его почти пятиметровую длину свисала конструкция, которую в Индии называют «пунка» и которая, по сути, представляет собой огромное опахало. К бамбуковой жерди толщиной десять-двенадцать сантиметров были прикреплены пальмовые листья полутораметровой длины. К середине жерди привязана веревочка, которая через ролики под потолком и дырку в стене тянулась на кухню. Смысл этого устройства заключался в том, что какой-нибудь нанятый вами мальчуган дергал веревочку и заставлял опахало покачиваться над столом, обдавая вас жарким дуновением в разгар трапезы.

— Великолепная штука, — сказал я Мартину. — Губернатор будет поражен.

— Я никогда не пользуюсь этим чертовым устройством, — сообщил Мартин. — Понимаешь, здесь мне было бы очень уж одиноко.

— Тебе нужно жениться, дружище, — произнес я покровительственно.

— Да я пытаюсь, — отозвался он, — всякий раз, когда приезжаю в Англию в отпуск. Но стоит моим невестам услышать, где я работаю, как они сразу расторгают помолвку.

— Ничего, — утешил я его. — Ты только не сдавайся. Глядишь, и найдется простушка, которую ты успеешь охмурить, а затем уже привезешь сюда.

По нашей просьбе Пайес тщательно проверил огромный стол и все стулья. Мы посидели вдвоем на каждом стуле и исполнили что-то вроде танго на столе; он стоял нерушимо, как скала.

— Теперь послушай, — сказал я Мартину. — Я хочу, чтобы Пайес возглавил твою обслугу, потому что очень уж они у тебя недотепистые. Пайес — парень расторопный и умелый.

— Как скажешь, дружище, — отозвался Мартин. — Как прикажешь. Ты только скажи.

— Пайес, — обратился я к моему слуге. — В нашем распоряжении три дня. Все это время ты будешь наполовину моим буфетчиком, наполовину буфетчиком окружного администратора. Слышишь?

— Слышу, сэр, — ответил он.

Мы вышли на веранду и сели там.

— А пока, — сказал я Пайесу, — пойди скажи здешнему буфетчику, чтобы принес нам чего-нибудь выпить. Кстати, Мартин, как звать твоего буфетчика?

— Амос.

— Отлично, — продолжал я, — давай, Пайес, скажи Амосу, чтобы

Д

принес нам чего-нибудь выпить, потом приведи сюда его, повара и младшего боя, чтобы мы поглядели на них и потолковали с ними.

— Да, сэр. — И Пайес чуть ли не гусиным шагом направился на кухню.

— Думаю, все, что касается питания, можно спокойно предоставить усмотрению Мэри, — сказал я. — Возможно, и другие могут что-нибудь посоветовать, так что, по-моему, не мешает созвать сегодня вечером военный совет. Если ты разошлешь им приглашения, они соберутся здесь, чтобы выпить по стаканчику и обсудить твою проблему.

— Ну ты прямо мой спаситель, — заключил Мартин.

— Вздор, — отозвался я. — Я только помогаю тебе сориентироваться. Ты явно не приучен вращаться в обществе.

Вошел Пайес, неся на подносе пиво, за ним следовали Амос в коричневых шортах и куртке, затем младший бой, на вид достаточно смышленный, по совсем ничему не обученный (каким он явно был обречен оставаться, если его наставником был Амос), и замыкал шествие совершенно удивительный экземпляр — высоченный худой африканец из племени хауса, которому на вид можно было дать все сто десять лет, одетый в белый пиджак и шорты, на голове — здоровенный поварской колпак с неровно вышитыми впереди буквами «В. С.».

— Так вот, — сурово произнес я, — через три дня начальник администрации будет принимать здесь губернатора. Начальник хочет, чтобы мой буфетчик присмотрел за вами и проследил, чтобы все было в порядке. Если не будет порядка, губернатор сильно рассердится на администратора, и мы с администратором сильно рассердимся на вас и дадим вам пинка пониже спины.

Несмотря на мой строгий тон, они дружно заулыбались. Все четверо понимали, какая важная персона прибывает, понимали и серьезность моей угрозы. Но они оценили использованный мной шутливый оборот.

— Ну так, — продолжал я, показывая на буфетчика, — тебя зовут Амос?

— Да, сэр, — ответил он, вытянувшись в струнку.

— А тебя как звать? — обратился я к младшему бою.

— Иоанн, сэр.

— Имя повара, — извиняющимся тоном вмешался Мартин, — Иисус.

— Дружище, — отозвался я, — тебе повезло. С Пайесом и Иисусом мы не можем оплошать. Кстати, что это за диковинная вышивка у него на колпаке?

Мартин заметно смутился.

— Понимаешь, — начал он, — ему как-то удалось случайно приготовить очень хорошее блюдо, а у меня в одном журнале была фотография

шеф-повара одного лондонского отеля, и чтобы поощрить его, я пообещал привезти из следующего отпуска колпак, какие носят только самые искусные повара.

— Очень благородная идея, — сказал я. — Но что все-таки означают эти вышитые буквы «В. С.»?

Смушение Мартина еще больше возросло.

— Он попросил жену вышить их и очень гордится ими.

— Но что они означают? — настаивал я.

Мартин совершенно смешался:

— «БиСи» — сокращение английских слов «повар Баглера».

— А он понимает, что эти буквы на колпаке означают еще «до рождения Христа» (Before Christ) и вместе с его именем «Иисус» могут вызывать смятение в умах непосвященных людей?

— Не понимает, и я не стал его просвещать, чтобы не волновать понапрасну, — ответил Мартин. — Он и без того немного не в себе.

— А сейчас, Пайес, — сказал я, — сходи за полиролем, слышишь?

— Да, сэр, — откликнулся он.

— И проследи за тем, чтобы в столовой был наведен порядок и чтобы стулья и стол были как следует отполированы. Слышишь?

— Слышу, сэр, — сказал он.

— Я хочу, чтобы стол блестел, как зеркало. И если ты не позаботишься об этом, получишь пинка ниже спины.

— Да, сэр.

— А накануне приезда губернатора все полы должны быть чисто вымыты и вся остальная мебель отполирована. Слышишь?

— Да, сэр, — сказал Пайес.

По гордому выражению его лица было видно, как он предвкушает свое участие в столь важном событии и возможность командовать своими соотечественниками.

Мартин наклонился и прошептал мне на ухо:

— Этот младший бой — из племени ибо.

Надо сказать, что люди этого племени славятся своей смекалкой; приходя в Камерун из Нигерии, они околпачивали камерунцев, после чего уходили обратно через границу. А потому камерунцы относились к ним с великим недоверием и отвращением.

— Пайес, — сказал я, — этот младший бой — из племени ибо.

— Я знаю, сэр, — ответил Пайес.

— Так что последи, чтобы он работал как следует, но чересчур не нажимай на него, потому что он ибо. Слышишь?

— Да, сэр.

Д

— Отлично, — сказал я и распорядился совсем по-хозяйски: — Теперь принеси еще пива.

Вся компания прошагала на кухню.

— Слушай, — восхищенно произнес Мартин, — у тебя здорово получается, верно?

— В жизни не занимался такими делами, — отозвался я. — Однако тут не требуется большое творческое воображение.

— Боюсь, его-то мне и не хватает, — заключил он.

— Не могу с тобой согласиться, — возразил я. — Человека, которому достало выдумки привезти своему повару колпак мастеров кулинарного искусства, никак не назовешь тупицей.

Мы добавили пива, и я попытался представить себе, каких еще катастроф следует опасаться.

— Сортир действует? — подозрительно осведомился я.

— Полный порядок, — ответил Мартин.

— Так проследи, ради бога, чтобы твой младший бой не вздумал им воспользоваться, — сказал я, — во избежание повторения того случая, про который ты мне рассказал. А теперь разошли приглашения, как мы договорились, и около шести я приду, и мы проведем военный совет.

— Отлично, — отозвался Мартин и ласково похлопал меня по плечу. — Не знаю, что бы я стал делать без тебя. Даже Стэндиш не сумел бы все так замечательно организовать.

Он подразумевал своего помощника, который в это время парился в горах к северу от Мамфе, разбираясь в проблемах отдаленных деревень.

Я поспешил вернуться в шатер к своему горластому семейству. Визит к Мартину выбил меня из собственного графика, и теперь детеныши шимпанзе кричали, требуя еды, дикобразы грызли прутья своей клетки, и галаго негодуяще смотрели на меня огромными глазами, устав дожидаться мисок с мелко нарезанными фруктами.

В шесть часов я прибыл в резиденцию начальника окружной администрации. Там была уже Мэри Стэндиш — молодая миловидная женщина, склонная к полноте и наделенная весьма спокойным нравом. Из каких-то закоулков Большого Лондона Стэндиш перенес ее прямо в Мамфе, она жила здесь всего полгода, но это было такое милое и кроткое создание и она воспринимала все и всех с таким спокойствием и добродушием, что казалось — приди к ней с дикой головной болью, и ее маленькая пухлая ручка, коснувшись вашего лба, произведет такое же действие, как носовой платок, смоченный одеколоном.

— Джерри, — приветствовал меня тонкий голосок, — это так интересно, ты согласен?

— Для тебя — возможно, — ответил я, — но для Мартина — мука мученическая.

— Но ведь сам губернатор! Может быть, это обернется повышением для Мартина, а там и для Алека.

— Если все организовать как следует, — сказал я. — Мы собираем военный совет именно для того, чтобы предупредить какие-либо происшествия. Сама знаешь, с Мартином вечно что-нибудь случается...

Решив, что я приготовился рассказать ту жуткую историю с уборной, Мартин замахал руками, чтобы остановить меня, и, конечно же, сшиб со стола свой стакан с пивом.

— Виноват, сэр, — сказал Амос.

У камерунцев восхитительная привычка говорить «виноват, сэр», когда с вами случается неприятность, как будто это их вина. Например, вы, идя во главе колонны носильщиков, споткнулись в лесу о корень и ушибли колено, тут же одно за другим зазвучат «виноват, сэр», «виноват, сэр», «виноват, сэр», отдаваясь, словно эхо, до самого конца колонны.

— Поняла, о чем я говорю? — повернулся я к Мэри, меж тем как Амос вытирал пол и подавал Мартину другой стакан.

— Поняла, — откликнулась она.

Ожидая, когда придут остальные, мы задумчиво потягивали пиво и слушали, как в реке в ста метрах внизу кряхтят, ревут и фыркают бегемоты.

Наконец явился Макгрэйд, ирландец могучего телосложения, с пламенной шевелюрой и ярко-голубыми глазами, обладатель прелестного ирландского акцента, мягкого как бархат. Водрузив свою тушу на стул, он схватил стакан Мартина, сделал добрый глоток и сказал:

— Значит, ожидаешь королевского визита?

— Что-то вроде того, — ответил Мартин. — И верни мне, пожалуйста, мое пиво, я в нем остро нуждаюсь.

— Он придет по суше? — тревожно осведомился Макгрэйд.

— Наверно. А что?

— А то, что наш старый мост долго не протянет. Боюсь, если он пойдет через мост, придется нам хоронить его здесь.

Речь шла о переброшенном в начале века через реку железном висячем мосте. Я сам не раз ходил по нему и знал, что он весьма ненадежен, но только этим путем мог я попасть в лес, а потому всегда следил за тем, чтобы носильщики шли по одному. Кстати, пророчество Макгрэйда оправдалось: через несколько месяцев спустилась с гор, неся на голове мешки с рисом, группа африканцев, которые двинулись через мост все разом, и он не выдержал такой нагрузки, так что люди полетели вниз в ущелье глубиной около трех десятков метров. Но африканцы чем-то похожи на греков, они спо-

Д

койно относятся к неожиданным инцидентам такого рода. Ни один носильщик не пострадал, и только потеря риса вызвала у них досаду.

— Но как же он попадет к нам с той стороны? — Мартин беспокойно посмотрел на нас. — Его ведь сопровождают носильщики.

Макгрэйд наклонился и погладил его по голове:

— Я пошутил. Все дороги и все мосты, по которым он должен пройти, чтобы попасть сюда, в полном порядке. Хочешь, чтобы работа была выполнена качественно, поручи ее ирландцу.

— Ну вот, — заметил я, — теперь среди нас есть еще и католик, в дополнение к Пайесу и Иисусу.

— А ты, — сказал Макгрэйд, нежно улыбаясь мне, ероша свою рыжую шевелюру, — чертов языческий зверолов, вот ты кто.

— А ты, — парировал я, — проводишь больше времени в твоей чертовой исповедальне, чем за ремонтом здешних отвратительных дорог и мостов.

В эту минуту появился Робин Гэртон — смуглый коротыш с орлиным носом и большими карими глазами, от мечтательного выражения которых вам казалось, что его мысли витают где-то очень далеко. На самом деле это был, как и все сотрудники «Объединенной Африканской компании», с которыми я встречался, весьма проницательный деятель. Он не открывал рта без крайней нужды, обычно сидел с таким видом, словно погрузился в транс, чтобы вдруг тихим голосом жителя Северной Англии выдать краткое, умное, дельное замечание, подытоживая все, о чем полтора часа спорили другие. Это производило ошеломляющее впечатление.

Робин сел, приняв элегантную позу, согласился выпить стакан пива и обвел присутствующих взглядом.

— Правда, это интересно? — горячо произнесла Мэри.

Робин сделал глоток и важно кивнул.

— Насколько я понимаю, нас пригласили сюда, чтобы мы выполнили за Мартина его работу.

— Ну, знаешь, — возмутилась Мэри.

— Если ты явился сюда в таком настроении, лучше сразу уходи, — сказал Мартин.

— Мы все уйдем, когда кончится пиво, — возразил Макгрэйд.

— Как понимать твои слова насчет того, чтобы выполнить за меня мою работу? — осведомился Мартин.

— А вот как, — ответил Робин. — Я приношу гораздо больше пользы здешнему люду, продавая им бобы в банках и расписанные самолетами хлопчатобумажные ткани, чем ты, когда носишься кругом и вешаешь налево и направо людей за убийство своих бабушек, которые, надо думать, ничего, кроме смерти, не заслуживают.

— С того дня, как меня прислали сюда, еще никого не повесил, — заявил Мартин.

— Удивительная новость, — откликнулся Робин. — Ты так скверно управляешь этим округом, что я думал — ни одна неделя не обходится без виселицы.

Послушать их, можно было подумать, что они ненавидят друг друга, на самом же деле они были закадычные друзья. Живя в таком маленьком европейском коллективе, следовало уметь ладить с людьми одного с тобой цвета кожи. И не из-за каких-то расовых барьеров, просто в ту пору многочисленные, весьма умные африканцы, живущие в Мамфе или посещающие этот городок, с присущим им тактом избегали смешиваться с белыми, чтобы не создавать тягостных для обеих сторон ситуаций.

Чувствуя, что самое время призвать собравшихся к порядку, я вооружился бутылкой и постучал ею по столу.

Из кухни донеслись дружные возгласы: «Да, сэр», «Иду, сэр».

— Первый разумный поступок с той минуты, как я пришел, — заметил Робин.

Появился Пайсс, неся на подносе подкрепление, и когда все стаканы были наполнены, я объявил:

— Прошу собравшихся соблюдать порядок.

— Господи, — мягко произнес Робин, — какие диктаторские замашки.

— Дело в том, — продолжал я, — что хотя мы все знаем Мартина как чудеснейшего парня, он никуда не годится как начальник окружной администрации и, что еще хуже, совершенно лишен светского лоска.

— Что верно, то верно, — жалобно подтвердил Мартин.

— Абсолютно справедливое суждение, — сказал Робин.

— А я считаю, что вы слишком жестоки по отношению к Мартину, — возразила Мэри. — По-моему, он очень хороший администратор.

— Ладно, — поспешил я вмешаться, — не будем уточнять. Цель настоящего военного совета заключается в следующем. Пока Мартин займется наведением порядка в округе, мы возьмем на себя заботу о приеме гостей, чтобы все прошло без сучка без задоринки. Для начала я осмотрел дом и назначил Пайеса руководить обслугой Мартина.

— Это один из тех редких случаев, когда тебя на миг посещают гениальные мысли, — заметил Макгрэйд. — Что можно объяснить только наличием крохотной капли ирландской крови в твоих венах. Я давно завидую тебе, что ты обзавелся таким буфетчиком.

— И продолжай завидовать, — отозвался я. — Тебе не удастся его заполучить. Я слишком дорожу им. Теперь о еде. Тут, я думаю, мы можем положиться на помощь Мэри.

Д

Мэри зарделась как розовый бутон.

— Конечно, конечно, — сказала она. — Все будет сделано. Что у тебя намечено?

— Мартин, — поинтересовался я, — насколько я понимаю, он задержится здесь всего на один день, так что нам следует предусмотреть только три трапезы. В котором часу он прибывает?

— Думаю, что-нибудь около семи-восьми часов, — ответил Мартин.

— Ясно, — заключил я. — Что ты можешь предложить, Мэри?

— Ну, авокадо сейчас очень хороши, — ответила она. — Если фаршировать их креветками и приготовить соответствующую приправу — у меня как раз есть рецепт...

— Мэри, дорогая, — перебил ее Робин. — У меня нет на складе консервированных креветок, и, если ты полагаешь, что ближайшие два дня я стану бродить по колону в воде с сеткой для ловли креветок, подвергая себя опасности атак со стороны бегемотов, ты глубоко заблуждаешься.

— Ладно, — вмешался я, — остановимся просто на авокадо. Что он предпочитает: чай или кофе?

— Право, не знаю, — сказал Мартин. — Понимаешь, мы в тот раз не успели поближе узнать друг друга, так что я ничего не могу сообщить о его вкусах.

— Хорошо, приготовим и то и другое.

— И еще, — взволнованно добавила Мэри, — что-нибудь простенькое — омлет, например.

Мартин сосредоточенно записывал все в блокнот.

— Ну и хватит ему на первых порах, — сказал я. — Очевидно, тебе надлежит провести его по городу, познакомить с обстановкой?

— Да, — ответил Мартин, — с этим все будет в порядке.

Мы все наклонились и пристально посмотрели на него.

— Ты уверен? — спросил я.

— Конечно, уверен. Честное слово, тут я все подготовил. Вот только этот чертов прием...

— Ясно, — продолжал я. — Вероятно, он пожелает также проверить некоторые окрестные селения?

— Обязательно, — подтвердил Мартин. — Он обожает всюду совать свой нос.

— В таком случае, я предложил бы ленч на природе. Не станет же человек требовать от ленча на природе таких же яств, как в роскошном ресторане?

— В этой глуши, — вступил Робин, — все наши трапезы подобны ленчам на природе, так что вряд ли он сильно удивится.

— Я позабочусь о ленче, — заверила Мэри. — У меня есть козий окорок, его можно есть холодным. А еще могу предложить латук. Наш бой, бедняга, забыл поливать его, так что почти весь урожай пропал, но, думаю, двух уцелевших пучков нам хватит. Они малость вялые, но все-таки годятся для салата.

Мартин и это старательно записал.

— А что на десерт? — беспокойно осведомился он.

— Что вы скажете о сур-сур? — предложил я.

Так мы называли диковинный плод, похожий на шишковатую дыню с белой сочной мякотью. Если взбить эту мякоть, получалось освежающее блюдо с нежным лимонным привкусом.

— Отлично, — заключила Мэри. — Прекрасная идея.

— Ну так, с завтраком и ленчем все ясно, — продолжал я. — Дальше у нас идет обед, чрезвычайно важное мероприятие. Я обнаружил, что у Мартина роскошная столовая.

— У Мартина есть столовая? — удивился Макгрэйд.

— Ну да, и притом совершенно роскошная.

— Но тогда почему, — осведомился Макгрэйд, — в тех редких случаях, когда этот скряга приглашает нас отобедать, мы вынуждены есть на веранде, точно какие-нибудь бродячие протестанты?

— Сейчас не время выяснять, что и почему, — сказал я, — лучше пойдем посмотрим.

И мы торжественно проследовали в столовую. Я с удовольствием отметил, что Пайес (когда он только успел?) уже отполировал стол и стулья до блеска. Столешница отражала ваше лицо так, словно вы смотрели на поверхность тихого пруда с коричневой водой.

— О, восхитительно! — воскликнула Мэри. — Мартин, ты никогда не говорил нам, что у тебя есть такая комната.

— Стол действительно великолепный, — заметил Макгрэйд, ударяя по нему кулачищем с такой силой, что я испугался, как бы столешница не раскололась пополам.

— Право, здесь можно устроить замечательный обед, — сказала Мэри. — *Изумительная обстановка*. Сюда бы еще канделябры.

Только я собрался призвать ее не усложнять наши проблемы, как Робин вдруг объявил:

— У меня есть четыре штуки.

Мы удивленно воззрились на него.

— Конечно, — продолжал он, — они не серебряные и не очень шикарные, но это вполне приличная бронза, я купил их в Кано. Их не мешает почистить, а так-то смотрятся недурно.

Д

— Чудесно, — просияла Мэри. — Обед при свечах! Он будет доволен.

— Если почтенному ирландскому католику дозволено вставить словечко в трескотню говорливых язычников, — сказал Макгрэйд, — хотел бы задать один вопрос.

Мы выжидательно посмотрели на него.

— Откуда мы возьмем свечи?

— Боже, я совсем не подумала об этом, — всколыхнулась Мэри. — Нельзя же ставить канделябры без свечей.

— Хотел бы я знать, почему это люди всегда склонны недооценивать мой интеллект, — сказал Робин. — Я купил канделябры потому, что они мне понравились и я собирался пользоваться ими. Дом, который я сейчас занимаю, не располагает к подобного рода средневековому шику, однако я предусмотрительно запасся значительным количеством свечей, и они постепенно тают в шкафу с тех пор, как меня перевели в Мамфе. Если они еще не расплавились совершенно, не слились в один комок, может быть, нам удастся еще спасти две-три штуки. Словом, предоставьте мне заняться этой проблемой.

Зная Робина, мы не сомневались, что свечи вовсе не обратились в сплошной безобразный ком стеарина; я был уверен, что он проверяет их не меньше четырех раз в день.

— Ну так, Мэри, — сказал я, — ты возьмешься украсить столовую цветами?

— Украсить цветами? — опешил Мартин.

— А как же, — откликнулся я. — Несколько букетиков бегонии или каких-нибудь других цветов, развешанных на стенах, придадут нарядный вид помещению.

— Вот это как раз сейчас непросто, — сообщила Мэри. — С цветами дело плохо обстоит. Разве что гибискус...

— Пресвятая дева, — сказал Макгрэйд, — этот чертов гибискус все время окружает нас. Ничего себе украшение. Это все равно что превратить дом в чертовы джунгли.

— Ладно, — вступил я. — У меня есть охотник, мастер лазить на деревья, и на днях он принес мне не только животных, но и чудесную орхидею, которую сорвал на самой макушке. Я вызову его и пошлю в лес, пусть поищет для нас орхидеи и еще что-нибудь. А ты, дорогая Мэри, украсишь ими помещение.

— О, я обожаю это занятие, — ответила Мэри. — И если будут орхидеи, получится просто замечательно.

Мартин продолжал лихорадочно черкать что-то в своем блокноте.

— Ну, — обратился я к нему, — что у нас уже сделано?

— Значит, так, — сообщил он, — мы проверили кровати и прочую мебель, решили вопрос с обслуживанием и с завтраком. Мэри организует ленч на природе и займется цветами, вот пока и все.

— Напитки, — сказал я.

— Не вижу причин для беспокойства, — заявил Робин. — Поскольку в моем распоряжении единственная торговая точка, снабжающая вас этим товаром, я давно установил, что Мартин — запойный пьяница, и могу с точностью до одной бутылки сказать, чем он располагает.

Он поглядел меланхолично на свой пустой стакан и добавил:

— Никогда не любил скупердяев.

— Остановись, ради бога, — взмолился Мартин. — Если хочешь еще пива, позови Амоса.

— Тише, дети, — вмешался я. — Вернемся лучше на веранду и попробуем перекричать занятых брачными играми бегемотов — нам еще предстоит обсудить самое важное.

Возвратясь на веранду, мы наполнили наши стаканы и с минуту посидели молча, слушая чудные звуки вечернего африканского леса. В воздухе мелькали изумрудно-зеленые светлячки, цикады и сверчки исполняли сложные фуги, время от времени со дна ущелья к нам доносилось хрюканье, мычание или рев бегемота.

— Если я верно представляю себе вашу психологию, заблудшие, нечестивые протестанты, — произнес Макгрэйд, опустошая свой стакан и ставя его на стол с явной надеждой на добавку, — то под самым важным вы подразумеваете обед.

— Вот именно, — дружно ответили мы с Мартином.

В таком отдаленном поселении, как Мамфе, когда прибывало высокопоставленное лицо вроде губернатора, само собой полагалось приглашать на обед всех белых жителей.

— И я думаю, Мэри тут проявит себя в полном блеске, — продолжил я.

— Конечно, конечно, — отозвалась Мэри. — Можете положиться на меня. Сколько блюд должно быть — четыре, пять?

— Не желая останавливаться на оскорбительном выпаде этого католика, — сказал Робин, — выскажусь по существу. Должен признаться, поскольку река сильно обмелела и пароход не пришел, у меня с запасами не густо. Но если предвидится участие Макгрэйда в этом обеде, предлагаю выделить ему тарелку сладкого картофеля. Насколько я понимаю, это основная пища большинства ирландских католиков.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что я страдаю ожирением? — спросил Макгрэйд.

— Нет, — ответил Робин, — ты страдаешь словоблудием.

Я

Я стукнул по столу бутылкой.

— Призываю к порядку! Мы собрались здесь не затем, чтобы обсуждать физические и духовные изъяны друг друга, нам нужно разработать меню.

— Ну так, — сказала Мэри, — думаю, нам следует начать с закуски. Что-нибудь аппетитное, возбуждающее вкусовые сосочки.

— Господи, — произнес Макгрэйд, — я живу здесь уже три года, и за все это время ничто не возбуждало меня и мои сосочки.

— Но если у нас будут канделябры и все такое прочее, то и пища должна быть соответствующая, — настаивала Мэри.

— Сердце мое, — сказал Макгрэйд, — я всецело согласен с тобой. Но поскольку здесь нет продуктов, я просто не представляю себе, как ты приготавлишь пять блюд, если этот ублюдок из «Объединенной Африканской компании» посадил свой пароход на мель и может предложить нам разве что пару банок консервированных бобов.

Чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля, я опять стукнул по столу бутылкой. Тотчас из кухни донеслось дружное «да, сэр», и появились новые порции пива.

— Давайте остановимся на трех блюдах, — предложил я, — и пусть они будут возможно более простыми.

— Тогда на первое, — горячо произнесла Мэри, — подадим суфле.

— Иисус не умеет готовить суфле, — возразил Мартин.

— Кто? — удивилась Мэри.

— Иисус, мой повар.

— Впервые слышу, что твоего повара звать Иисус, — заявил Макгрэйд. — Почему ты не возвестил на весь мир, что он воскрес?

— Понимаешь, он воскрес в весьма своеобразном облике, — сообщил Робин. — Трехметрового роста африканец из племени хауса с глубокими племенными клеймами на щеках, выглядит так, словно вот-вот отдаст концы, и готовит отвратительно.

— Вот-вот, — подхватил Мартин. — Так что суфле не будет.

— Как насчет кусочка оленины? — вопросительно посмотрел на меня Робин.

— Как бы мне ни хотелось выручить Мартина, — сказал я, — не ждите, чтобы я по случаю приезда губернатора пустил под нож моих телят дукера.

— Что вы скажете о гренках с яйцом пашот? — спросил Макгрэйд, который допивал пятую бутылку пива и с трудом соображал, какую важную тему мы обсуждаем.

— Боюсь, все это недостаточно изысканно, — посчитала Мэри. — Са-
ми знаете, губернатор любит, чтобы его обихаживали.

— Вот что, — вступил я, — вы когда-нибудь ели копченого дикобраза?

— Нет, — последовал дружный ответ.

— Так вот, это дивное блюдо, если как следует приготовить. Один охотник постоянно приносит мне дикобразов на продажу, но он ловит их этими ужасными петлями из стального тросика, которые калечат животных, а потому я покупаю их и избавляю от страданий, после чего скормливаю мясо моим животным. Однако иногда я отдаю дикобразов одному старику по имени Иосиф, — кажется, наш военный совет скоро уподобится духовному синклиту, — и он коптит мясо, используя какие-то особые, неизвестные травы и дрова. Получается нечто восхитительное.

— И ты, протестантская свинья, — возмутился Макгрэйд, — держал это втайне от нас.

— Только потому, что на всех все равно не хватит дикобразов, — парировал я. — Но как раз сегодня мне принесли двух, которые были так сильно искалечены, что пришлось пустить их под нож. Я думал скормить моим подопечным, однако, учитывая чрезвычайные обстоятельства, мог бы передать их для обработки Иосифу, и у нас будет что положить на гриль.

— Я все больше убеждаюсь, — объявил Макгрэйд, — что в твоих жилах есть ирландская кровь. Идея блестящая.

— Но разве можно кормить губернатора мясом дикобраза, — ужаснулась Мэри.

— Мэри, дорогая, — сказал я, — а ты не говори ему, что это дикобраз. Скажи, что это оленина. Это копчение придает мясу такой изысканный вкус, что даже губернатор не отличит его от оленины.

Мартин снова заглянул в свой блокнот.

— Хорошо, а что будет у нас напоследки?

— Могу я попросить тебя выражаться более литературным языком? — спросил Робин. — А то я сразу вспоминаю Уэртинг, где мне, к несчастью, довелось расти. Очевидно, ты хотел сказать: «Что у нас будет на второе и на третье?»

— Пожалуйста, перестаньте критиковать Мартина, — взмолилась Мэри. — Мы собрались, чтобы помочь ему.

Робин поднял стакан, салютуя ей.

— Пресвятая Мэри, я преклоняюсь перед тобой по ряду причин, но главная заключается в том, что я желал бы, прежде чем мы разойдемся, измерить глубины твоего неведения.

Д

— До чего же вы, мужчины, глупы, — сердито сказала Мэри. — Я думала, нам надлежит обсудить, что еще подавать на стол.

— Давайте исходить из предположения, — вступил Макгрэйд, — что он отдаст концы после копченого дикобраза и никакие другие блюда не понадобятся.

— Ты что, — воскликнул Мартин, приняв его слова за чистую монету, — такой вариант исключается.

— Поминки, — не унимался Макгрэйд. — Ничто так не облегчает душу, как добрые ирландские поминки.

— Ну хватит, — сказал я. — Помолчите и послушайте меня. Итак, мы начинаем копченым дикобразом. Затем тушеное мясо с арахисовым соусом.

Общий стон.

— Но мы только и едим, что арахис, — заявил Робин. — Это наша основная пища.

— Да нет же, — горячо возразил Мартин. — Я недаром купил Иисусу поварской колпак.

Мясо с арахисовым соусом в чем-то похоже на ирландскую тушеную баранину с луком и картофелем. Тушите любое мясо, каким располагаете, поливаете густым соусом из дробленых земляных орехов и подаете вместе с маленькими порциями различного гарнира. Может получиться очень вкусно, а может и так, что в рот не возьмешь.

— Что ж, — заключил я, — если Иисус мастер готовить мясо с арахисом, то Пайес бесподобно делает гарниры. Стало быть, проблема главного блюда решена.

— Ну а на сладкое чем мы богаты? — осведомился Робин.

Мы подумали, посмотрели друг на друга.

— Придется, пожалуй, обратиться к испытанной, старой палочке-выручалочке, — безнадежно молвила Мэри.

— Ясно, — сказал Макгрэйд. — Фруктовый салат.

Это блюдо тоже было неременной частью нашего стола.

— Да, пожалуй, ничего другого не остается, — уныло протянул Робин.

— Как раз сейчас поспело много чудесных фруктов, — сказала Мэри. — Постараемся придумать что-нибудь совсем особенное.

— Отлично, — подвел я итог. — Значит, с этим вопросом мы разобрались.

— Дальше — чай и кофе на веранде, после чего постараемся возможно раньше уложить старую переноску в постель, — добавил Макгрэйд.

— Надеюсь, — сурово произнес Мартин, — ты не станешь слишком

напиваться, не позволишь твоей ирландской натуре проявиться во всей красе. Это может весь вечер испортить.

— Я буду образцом пристойности, — заверил Макгрэйд. — Вы сможете невооруженным глазом наблюдать нимб вокруг моей головы, когда я стану рассказывать ему о всех развалившихся мостах и о дорогах, нуждающихся в ремонте.

— Не смей говорить ничего такого, — беспокоился Мартин. — Мой долг убедить его, что в нашем округе царит образцовый порядок.

— Подумаешь, какой дурью мы маялись тут сегодня вечером, — меланхолично заметил Робин, — невольно спросишь себя — и как только Англия ухитрялась править своей империей, если все англичане вели себя в таком духе. Тем не менее я пошел к себе готовить канделябры.

Он поднялся и вышел, однако тут же снова возник.

— Кстати, — сказал он, — у меня нет белой бабочки и фрака. Это очень важно?

— Да нет, — отозвался Мартин, — ничего страшного. Приходи в пиджаке и при галстуке, и через каких-нибудь пять минут жара все равно заставит всех рассупониться. Главное *прийти* одетым по форме.

«Господи», — подумал я. Единственный галстук, которым я успел обзавестись к тому времени, лежал в чемодане в пятистах километрах от Мамфе. Впрочем, эта проблема была не такая уж сложная, и я справился с ней на следующий день.

После того как Пайес принес мне утреннюю чашку чаю и я освободил свою постель от одной белки, четырех мангустов и шимпанзенка, с которыми я разделял ложе, как им казалось, из нежной привязанности к ним, тогда как я просто оберегал их от простуды, итак, после всего этого я велел Пайесу сходить на базар и купить мне галстук.

— Есть, сэр, — ответил он и, отдав необходимые распоряжения прочей службе, важно зашагал в город, чтобы вернуться через некоторое время с таким психоделическим галстуком, что это изделие, по моему мнению, могло произвести пагубное воздействие на органы зрения губернатора. Хотя Пайес уверял меня, что выбрал самый тусклый экземпляр, и я вынужден был поверить ему на слово.

Надо ли говорить, что последующие два дня все мы жутко нервничали. Макгрэйд, который так гордился своими дорогами и мостами, обнаружил, что дорожка, ведущая к дому Мартина, изобилует рытвинами. Пришлось ему мобилизовать всех заключенных местной тюрьмы, чтобы они засыпали выбоины и обновили гравийный покров, после чего жилище Мартина вполне можно было сравнить с небольшой, но весьма шикарной загородной усадьбой. Я сходил к моему знакомому старику Иосифу и уговорил его закоп-

Д

тить для меня двух дикобразов, поговорил также с моим охотником, который пообещал накануне приезда губернатора сходить в лес за цветами. Робин обшарил склады «Объединенной Африканской компании» и пришел в отчаяние, не найдя ничего заслуживающего внимания; пароход так и не смог подняться вверх по реке, и негде было взять изысканные деликатесы, которые было бы не стыдно предложить губернатору. И как же он гордился, обнаружив под конец оставшиеся после его предшественника и невесты как вообще попавшие в наши края три баночки икры.

— Не знаю даже, что из этого выйдет, — заметил он, мрачно созерцая свою находку. — Эти банки пролежали здесь не меньше трех лет. Как бы нам не отравиться насмерть трупным ядом, но все-таки — икра.

Мэри, выяснив, что в доме Мартина нет ни одной вазы для цветов, догадалась сходить на базар и купить пять довольно изящных сосудов из тыквы-горлянки. Кроме того, она в сотрудничестве с Иисусом испытала полтора десятка разных способов приготовления суфле; результаты были самые плачевные, и мы безжалостно забраковали их.

Поскольку Пайес почти все время трудился у Мартина, я не сомневался, что он отлично справится со своей задачей, пусть даже Иисус воспримет это как личное оскорбление.

Вечером накануне прибытия губернатора мы снова устроили военный совет, чтобы проверить состояние наших дел, и убедились, что все идет как по маслу. Сырокопченые дикобразы пахли восхитительно. Мой друг-охотник принес из леса целую охапку орхидей и прочих растений; Мэри держала их у себя в уборной — самом прохладном помещении в доме. Отважившись на эксперимент, мы открыли одну баночку с икрой и с удивлением обнаружили, что она вполне съедобна; сверх того, Робин где-то откопал пачку мелкого печенья, которое, посчитали мы, вместе с арахисом годилось вприкуску к напиткам перед обедом. Начищенные до блеска бронзовые канделябры Робина украсили бы любую, самую роскошную столовую. Я даже позавидовал ему. Нашлись у него и свечи, притом в таком количестве, что их, как проницательно заметил Макгрэйд, хватило бы для освещения всего государства-города Ватикан.

Мы с такой страстью занялись всеми этими приготовлениями отчасти из любви к Мартину, но в такой же мере обуреваемые чувством, какое владеет детьми перед Рождеством. Из всей нашей компании, пожалуй, я один ежедневно был занят чем-то увлекательным, поскольку мог только гадать, какими еще странными повадками удивят меня мои звери. Остальные влачили весьма тусклое существование в краю с крайне неблагоприятным климатом. А потому, хотя мы делали вид, что с ужасом думаем о предстоящем визите, и всячески проклинали высокого гостя, на самом деле все

получали удовольствие от наших хлопот. Все, кроме Мартина, который с каждым часом выглядел все более несчастным.

Когда наступил решающий день, все мы как бы случайно собрались под фруктовым деревом, откуда открывался вид на подходы к резиденции Мартина. Мы нервно толковали о поведении разных животных, о росте цен на мануфактуру, о том, как непросто строить мосты, а Мэри прочла нам длинную лекцию об искусстве приготовления пищи. При этом мы совсем не слушали друг друга, так как ждали затаив дыхание появления начальства.

Наконец, к великому нашему облегчению, вдали показалась его большая роскошная машина и стремительно поднялась по дорожке к дому нашего друга.

— Слава богу, — вымолвил Макгрэйд, — не зря я потрудился над дорожкой, эти выбоины не давали мне покоя.

Мы увидели, как выходит из дома Мартин, как выбирается из машины губернатор. Издали он походил на маленького жучка, вылезающего из большого черного кокона. Мартин выглядел безупречно. Вот он ввел губернатора в дом, и мы облегченно вздохнули.

— Я уверена, что ему понравятся авокадо, — сказала Мэри. — Представьте себе, мне пришлось перебрать сорок три штуки, отбирая самые хорошие плоды.

— И мои выбоины не подвели, — гордо повторил Макгрэйд. — Только ирландцу по плечу такая задача.

— Подожди, когда настанет очередь икры, — вступил Робин. — На мой взгляд, это будет кульминация сегодняшнего вечера.

— А как насчет копченого дикобраза? — не выдержал я.

— А мои цветы? — сказала Мэри. — Послушать тебя, Робин, так можно подумать, ты один все сделал.

— А что, — отозвался Робин, — так оно и есть, мой ум сыграл не последнюю роль.

После чего мы разошлись по домам, где нас ожидал поздний завтрак. До самого вечера мы ничем не могли помочь Мартину, однако, зная его добросовестность, не сомневались, что губернатор вряд ли найдет к чему придираться в деятельности начальника окружной администрации.

В пять часов (меня только что укусила за палец негодующая сумчатая крыса, которую я осматривал, проверяя — не беременна ли она) у самого моего локтя материализовался Пайес.

— Сэр, — сказал он.

— Ну что там еще, — отозвался я, облизывая кровоточащий палец.

— Ванна готова, сэр.

Д

— Какая, к черту, может быть ванна в это время дня?

Я совершенно забыл, какое важное событие ждет меня.

Пайес удивленно посмотрел на меня.

— В шесть часов вам надо быть в доме начальника окружной администрации, сэр, — сказал он.

— Черт возьми, совсем из головы вылетело. Ты приготовил мне одежду?

— Да, сэр. Младший бой погладить ваш брюки. Чистая рубашка, сэр. Пиджак готов и галстук тоже.

— Силы небесные, — выдохнул я, поймав себя на оплошности. — Кажется, я не привез с собой носков.

— Я купить вам носки, сэр, на базар, сэр, — ответил Пайес. — Я почищу ваш ботинки.

Неохотно оторвавшись от своих исследований, я отправился принимать ванну в таком парусиновом гробу, наполненном теплой водой. Несмотря на это омовение и на близость вечера, после ванны я продолжал обливаться потом. Шлепнулся на стул, надеясь хотя бы немного остыть и поразмыслить о том, что мне предстояло. От ужасающей перспективы, открывшейся мысленному взору, меня бросило в дрожь.

— Пайес! — крикнул я.

— Сэр, — отозвался он.

— Принеси чего-нибудь выпить.

— Пива, сэр?

— Нет, — сказал я, — хорошую порцию виски с водой.

Подкрепившись, я малость повеселел. Тщательно оделся; правда, из-за жары и пота прекрасно выстиранная жемчужно-белая рубашка почти сразу стала серой и влажной. Купленные Пайесом цветастые носки образовали чудовищное сочетание с галстуком. Пиджак я не стал надевать, только накинул на одно плечо, зная, что в конце подъема к дому Мартина буду выглядеть, словно тюлень, поднявшийся из глубины вод. Пайес сопровождал меня.

— Ты уверен, что все в порядке? — осведомился я.

— Да, сэр, — ответил он. — Но бои наш администратор совсем плохой бои.

— Знаю. Потому и поручил тебе заняться этим делом.

— Да, сэр. Пожалуйста, сэр. Иисус помешаться.

«Господи, — подумал я, — что там еще приключилось?»

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

— Он хороший человек, — серьезно сказал Пайес. — Но он старый человек, и, когда нужно делать такой вещи, он помешаться.

— Ты хочешь сказать, он чего-то боится?

— Да, сэр.

— И ты думаешь, он может приготовить плохую еду?

— Да, сэр.

— И как же ты предлагаешь нам поступить?

— Я послать туда наш повар, сэр, — сказал Пайес. — Он помогать Иисусу, и тогда Иисус быть в порядке.

— Отлично, — отозвался я. — Прекрасная идея.

Пайес гордо улыбнулся. С минуту мы шли молча.

— Пожалуйста, сэр.

— Что тебе? — раздраженно спросил я.

— Еще я послать наш младший бой, сэр. Тот младший бой хороший, но Амос его не учить.

— Замечательно. Я предложу премьер-министру включить тебя в список кандидатов на награды по случаю Нового года.

— Спасибо, сэр.

Конечно, он ничего не понял из моей тирады, однако воспринял ее как полное одобрение решений, принятых им по собственному почину.

Когда мы дошли до резиденции Мартина, Пайес, облаченный в нарядную униформу с латунными пуговицами, за которую я уплатил непомерную цену и которой ему так редко доводилось похвастаться, покинул меня и удалился в сторону кухни.

Парадная дверь была открыта, и рядом с ней стоял мой младший бой в тщательно выстиранных и выглаженных шортах и жакете, способных поспорить белизной с девственной швейцарской лыжной трассой.

— Здравствуйте, сэр, — приветствовал он меня с лучезарной улыбкой.

— Здравствуй, Бен, и постарайся как следует поработать сегодня вечером, не то я убью тебя завтра.

— Да, сэр, — продолжал он улыбаться.

Я обнаружил, что по причине медлительности, с которой я принимал ванну, подкреплялся виски и облачался в совершенно не подходящую к местному климату одежду, остальные опередили меня и успели разместиться на веранде.

— О, — воскликнул Мартин, живо вставая со стула и устремляясь мне навстречу, — я уже думал, ты не придешь.

— Дружище, — прошептал я, — разве мог я бросить тебя в беде.

— Позволь представить тебя. — Он подвел меня к собравшейся компании: — Мистер Федэстэн Хью, губернатор.

Мистер Федэстэн был мелковатый мужчина с лицом, напоминающим скверно приготовленный мясной пирог, редющей седой шевелюрой и светло-голубыми острыми глазами. Поднявшись со стула, он поздоровался

Д

со мной, и сила его рукопожатия поразила меня, потому что с первого взгляда он показался мне бесцветным субъектом из тех, что отличаются скорее политическим нюхом, чем глубокой интуицией.

— А, Даррелл, — сказал он, — рад познакомиться.

— Простите, сэр, за опоздание, — ответил я.

— Ничего, ничего. Садитесь. Я уверен, что у Баглера здесь припасено для вас что-нибудь выпить, верно, Баглер?

— Да-да, сэр, конечно. — Мартин хлопнул в ладони, и с кухни донеслось дружное «да, сэр».

Вслед за чем, сверкая латунными пуговицами, на веранде появился Пайес.

— Сэр? — обратился он ко мне таким тоном, точно впервые увидел меня.

— Виски с водой, — сухо распорядился я, как это принято в обращении к слугам, полагая, что прибывший из Нигерии губернатор оценит мою верность британским обычаям.

Затем я быстро обвел взглядом лица собравшихся. Мэри, с широко раскрытыми глазами, ловила каждое слово губернатора. Казалось, над головой ее светятся неоновые буквы: «Уповаю на повышение моего мужа». Робин глянул на меня, подняв брови, после чего погрузился в характерное для него состояние, подобное трансу. Исполненный самодовольства Макгрэйд доброжелательно улыбнулся мне.

На длинной кушетке лежали в беспорядке галстуки и пиджаки, и от реки тянуло подобием прохладного ветерка.

— Простите, сэр, — обратился я к губернатору, — вы не станете возражать, если я, по местному обычаю, сниму пиджак и галстук?

— Конечно, конечно, — отозвался губернатор. — Забудьте об условиях. Я только что говорил Баглеру — это чисто рутинное мероприятие. Я выезжаю раз-другой в году, чтобы быть в курсе, чем тут занимаются мои парни. Проследить, чтобы они не набедокурили.

С великим облегчением я освободился от пиджака и от галстука всех цветов радуги и швырнул их на кушетку. Пайес подал мне заказанное виски и удалился, не дожидаясь слов благодарности. В Западной Африке не было принято говорить «спасибо» слугам. А также звать их по имени. Вы просто хлопали в ладони и кричали: «Бой!»

Мое появление временно нарушило течение беседы. Было очевидно, что первенство принадлежит губернатору и никто не смеет проявлять инициативу. Задумчиво потягивая виски с водой, я спрашивал себя: какие общие интересы могут быть у меня с губернатором? И дотяну ли я до конца этого вечера без ущерба для моих умственных способностей?

— Будем здоровы, — сказал губернатор, глядя на мой стаканчик.

— Ваше здоровье, сэр, — откликнулся я. Губернатор уселся поудобнее, утвердил свой стаканчик на ручке кресла и обвел аудиторию взглядом, убеждаясь, что все внимают его речам.

— Как я уже говорил тут, Даррелл, перед тем как вы появились, я чрезвычайно доволен тем, что наш Баглер содержит округ в отличном порядке. Сами знаете, нам, боссам, приходится иногда выбираться из дома, чтобы удостовериться, что в округах действительно все в порядке.

Сопроводив эти слова далеко не привлекательным смешком, он сделал большой глоток.

— Вы страшно добры, сэр, — сказал Мартин. И, увидев направленный на него полный страдания, умоляющий взгляд Мэри, поспешил добавить: — Но, разумеется, я не смог бы ничего добиться без помощи моего превосходного помощника.

— Не надо скромничать, Баглер, — возразил губернатор. — Что ни говори, от этих помощников не только польза, бывают и помехи.

— О, что вы, заверяю вас: Стэндиш просто молодец, — заверил Мартин и лихо взмахнул рукой, опрокидывая на колени босса миску с жареными орешками.

— Виноват, сэр, — дружно воскликнули Пайес, Амос и два младших боя, которые стояли в тени наготове, словно охотничьи псы.

Окружив губернатора и приговаривая: «Виноват, сэр. Виноват, сэр», они сгребли обратно в миску жирные орешки с чистых брюк губернатора и поспешно унесли на кухню.

— Извините, ради бога, извините, сэр, — вымолил Мартин.

— Пустяки, несчастный случай, — сказал губернатор, созерцая пятна на своих брюках. — С кем не бывает. А вообще-то с тобой это не первый раз, верно? Как называется то селение, где я навещал тебя?

— Верно, верно, — поспешно перебил его Мартин. — И я страшно сожалею о том случае, но то было сплошное недоразумение, понимаете. Заверяю вас, здесь уборная в полном порядке.

Макгрэйд, Робин и Мэри озадаченно переглядывались, им явно было невдомек, о чем идет речь.

— Ну ладно, — губернатор еще раз посмотрел на жирные пятна на брюках, — как я уже говорил — сдается мне, что Баглер отлично потрутился.

Он сделал паузу, отхлебнул еще джина.

— И конечно же, — обратился он к Мэри с нарочитым поклоном, — при вашей помощи и помощи вашего супруга. Да, Баглер просто молодец. Дороги и мосты, судя по всему, в превосходном состоянии.

Д

Он поглядел на Макгрэйда.

— Спасибо, сэр, — отозвался тот с притворной учтивостью.

— И насколько я понимаю, — губернатор повернулся к Робину, — хотя вы, снабженцы, не подчиняетесь нам, боссам, именно вам мы обязаны этой изумительной икрой. Великая редкость здесь, в Мамфе.

Робин кивком поблагодарил его.

— Глубоко ценю вашу высокую оценку, сэр, — сказал он. — Поскольку, как вам отлично известно, эту икру получают от неоплодотворенных осетров.

— По-моему, здесь все отлично, — объявил губернатор. — По правде говоря, эта поездка — одна из самых лучших на моей памяти, но смотрите, не перестарайтесь, как бы кто-нибудь не обиделся на вас. Ха-ха!

Мы все почтительно рассмеялись. Я внимательно следил за уровнем джина в стаканчике губернатора, ибо заранее рассчитал все с Пайесом, зная, что мы рискуем свихнуться, если такого рода беседа затянется чересчур долго. И как только босс допил последние капли, появился, блестя своими пуговицами, Пайес и доложил Мартину:

— Иисус говорит — обед готов, сэр.

— Ага, обед. — Губернатор погладил себя по животу. — Как раз то, что надо нам, вы согласны, моя леди?

Он игриво посмотрел на Мэри.

— О, конечно, — отозвалась она, волнуясь. — Я считаю, что еда играет очень важную роль, особенно в здешнем климате.

— По правде говоря, — заявил Робин, направляясь вместе со всеми в столовую, — я всегда полагал, с биологической точки зрения, что еда играет важную роль в любом климате.

К счастью, губернатор не слышал это его утверждение.

Мартин схватил меня за плечо и лихорадочно прошептал на ухо:

— Как их рассадить?

— Посади Мэри у одного конца стола, губернатора у другого.

— Хорошо, — сказал он. — И мне пришла в голову отличная мысль.

— Господи, — выдохнул я. — Что еще ты придумал?

— Не беспокойся, все в полном порядке. Просто вы все так здорово помогли мне, и я захотел сам хоть что-то придумать. Я наладил опохало, и сын Амоса на кухне будет дергать за веревочку, чтобы воздух в столовой был посвежее.

— А мы явно хорошо действуем на тебя, Мартин. Глядишь, в конце концов ты станешь мастак по части проведения приемов. Ладно, ступай проследи, чтобы все заняли положенные места.

— Беда в том, что нас нечетное число, — сказал Мартин.

— Ничего. Главное — посадить Мэри у одного конца, а губернатора у другого, остальных рассаживай так, чтобы казалось, будто нас целая куча.

Ничего не скажешь — столовая выглядела великолепно. Стол и стулья при свечах поблескивали, точно свежие каштаны. Три канделябра выстроились по центру стола, четвертый стоял на массивном буфете. Пайес славно потрудился. Приборы и фарфор сверкали. «Если губернатор не придет в восторг, — подумал я, — значит, его вообще ничем не поразишь».

Мы заняли места, и Пайес, который явно верховодил Амосом и младшим боем Иоанном, разнес всем напитки.

— Видит бог, — произнес губернатор, глядя на поблескивающие канделябры, полированный стол и плавно покачивающееся опахало, — ты здесь недурно устроился, Баглер, а? Не дом, а правительственная резиденция, а?

— Ну что вы, сэр, — поспешно отозвался Мартин, явно испугавшись, что губернатор подозревает его в чрезмерной расточительности. — Мы со всем не каждый день обедаем вот так. Обычно едим в обстановке, которую я назвал бы походной, если это вам что-то говорит. Но сегодня особый случай.

— Совершенно верно, — сказал губернатор. — Я тебя отлично понимаю.

Пайес, с почтительными манерами, не хуже старшего официанта какого-нибудь роскошного лондонского ресторана, подал квадратные ломтики копченого дикобраза на гренках.

— Силы небесные, — воскликнул губернатор, — что это такое?

С языка Мартина, чьи нервы явно были на пределе, едва не сорвалось «дикобраз», но Мэри опередила его.

— А вот вы отведайте и попробуйте угадать, — произнесла она спокойным, безмятежным голосом.

Дикобраз был, в чем я не сомневался, великолепен. Губернатор уписывал его с явным удовольствием.

— Ха! — вымолвил он, управившись со своей порцией. — Меня не проведешь! Оленина — точно?

Облегчение, написанное на лице Мартина, чуть все не испортило, но Мэри снова пришла на выручку.

— Надо же — в самую точку попали. Мы-то думали, вам ни за что не угадать, ведь она приготовлена особым способом.

— Меня такими штуками не проведешь, — приосанился губернатор. — Не забывайте, когда-то и я был помощником начальника окружной администрации, ел в походной обстановке и вел самый простой образ жи-

Д

ни. Чего только не приходилось есть. Мясо здешних антилоп ни с чем не спутаешь, но должен признать, что это замечательно приготовлено.

— Могу вам сообщить, — вступил я, — что мы иногда воздаем должное этому блюду, и Мартин молодец — он отыскал тут одного человечка, который знает специальный рецепт и умеет отлично коптить мясо. Так что в тех редких случаях, когда удастся добыть оленину, Мартин любезно делится с нами, чтобы все могли насладиться.

Пока длилась эта довольно хитрая беседа, на столе перед Мэри появилось огромное блюдо с тушеным мясом под ореховым соусом, а на всем протяжении сверкающего стола возникло два десятка тарелочек с различным гарниром. Картина была великолепная.

— К сожалению, сэр, мы не смогли придумать ничего, кроме этого мяса с соусом, — заявил Мартин, с присущей ему склонностью извиняться авансом, открывая тем самым дверь для выражений недовольства противной стороне. — Но обычно мой повар превосходно готовит это блюдо.

— Знаю, знаю, есть склонность чересчур налегать на него, — отозвался губернатор. — Хотя, по правде говоря, считаю это блюдо очень хорошим, весьма питательным.

Мэри разложила тушеное мясо с рисом по тарелкам, которые Амос и Пайес торжественно расставили перед нами. Затем началась этакая игра в шахматы, когда мы сами стали выбирать себе гарниры.

Губернатор добавил к горке мяса на своей тарелке четыре больших куска розовой папайи и удовлетворенно посмотрел на этот натюрморт.

— Замечательно, — заключил он. — Просто замечательно.

Лицо Мартина малость просветлело, так как он знал, что мой повар помогал Иисусу готовить это блюдо, а потому можно было надеяться на отличный результат.

Мэри, соблюдая этикет, посмотрела на губернатора, тот важно кивнул, и она взялась за ложку и вилку. Босс следовал ее примеру, тут и мы вооружились и атаковали тарелки. Опахало над нами покачивалось, тихо поскрипывая и обдавая нас жарким дуновением.

— В жизни не ел такого вкусного мяса под ореховым соусом, — заметил губернатор, проглотив изрядный кусок.

Сидящий напротив меня Мартин сиял.

— Мартин — прекрасный организатор, — сказал Макгрэйд.

— Это точно, — подхватил Робин. — Я согласен с тобой. Боюсь, на этот раз я всех подвел.

— Подвел? — спросил губернатор. — В каком смысле подвел?

— Дело в том, что мы могли бы приготовить для вас куда более роскошную трапезу. К сожалению, река сильно обмелела, и пароход с продук-

тами не дошел до нас. Так что бедняга Мартин сделал все, что только мог при таких обстоятельствах.

— Да-да, — сказала Мэри. — Мы так надеялись, что сможем предложить вам *действительно* хорошую трапезу.

— Ерунда, — протестующе взмахнул руками губернатор. — Ерунда — обед превосходный.

Мартин окончательно расслабился.

— Скажите-ка, Даррелл, — обратился ко мне губернатор. — Вы звёролов, насколько мне известно.

— Да, сэр, — ответил я.

— Но вряд ли здесь водится много разной живности?

Пока мы выпивали на веранде, я заметил, как Пайес тихо и незаметно снял с кресла губернатора одного богомола и одного геккона.

— Когда я был помощником администратора и бродил по лесу, — продолжал губернатор, — ни черта не видел.

— О, здесь поразительно много животных, если знать, где искать, сэр, — сказал я. — Вот на днях я прямо в саду Мартина поймал диковинный экземпляр. Здесь богатейший животный мир, только не ленись искать.

— Удивительно, — пробурчал губернатор, заталкивая в рот очередной кусок мяса с ореховым соусом. — Никогда бы не подумал, учитывая такую близость этих мест к цивилизации, так сказать.

В эту минуту послышался такой звук, будто кто-то сломал хребтину кита, сопровождаемый шумом, подобным шелесту миллионов сухих листьев под ураганным ветром, и опало шлепнулось прямо на стол, совершенно накрыв одним концом высокого гостя.

К счастью, опало погасило свечи, так что обошлось без пожара, однако в гуще напоминающих балетные пачки пальмовых листьев обосновались чрезвычайно интересные образчики местной фауны, обитающей вблизи от цивилизации.

Эффект происшедшего был весьма впечатляющим.

— О боже мой, боже мой! — вскричала Мэри и вскочила на ноги, изменяя своему обычно спокойному нраву и опрокидывая свой джин с топпиком.

— Почему ты не дал мне проверить его, ублюдок несчастный! — взревел Макгрэйд.

— Бывают времена, когда я начинаю сомневаться в твоих способностях, Мартин, — сурово заметил Робин.

— Извините, ради бога, извините, сэр, — взмолился Мартин, обраща-

Д

ясь к скрытому под листьями боссу. — Просто не знаю, как мне оправдаться перед вами.

Беднягу Мартина била дрожь.

Сухие пальмовые листья снова зашуршали, и показалась голова губернатора. Это можно было сравнить с тем, как африканский альбинос вылезает из своей хижины. Он открыл рот, собираясь что-то сказать, но тут глаза его остановились на громадном, шоколадного цвета волосатом пауке, который ковылял к нему по опахалу. Многоликая маленькая община, не один год счастливо, без помех населявшая опахало, уже пришла в движение. Губернатор оттолкнул свой стул назад и вскочил на ноги.

Я понимал, что, с точки зрения Мартина, худшей катастрофы нельзя было придумать, однако жизнь научила меня не упускать ни одной благоприятной возможности. Похоже было, что сейчас мне предоставляется случай пополнить свою коллекцию кое-какими интересными образцами.

— Предлагаю всем перейти в соседнее помещение, — возвестил я, наблюдая, как из гущи пальмовых листьев появляется незнакомый мне представитель племени гекконов. — Я наведу здесь порядок.

Видимые части стола стремительно занимали негодующие жуки и прочая мелюзга, причем даже самые безобидные выглядели крайне агрессивно.

Мэри взяла себя в руки и грациозно удалилась на веранду; остальные последовали за ней.

Слуги стояли неподвижно; пока мы еще сидели на своих местах, все равно им было бы чрезвычайно трудно убрать опахало, делая вид, что обед продолжается, как положено. Никто из них не попадал прежде в такую ситуацию, и даже Пайесу было не под силу справиться с ней.

— Пайес! — крикнул я, чтобы вывести моего испуганного буфетчика из оцепенения. — Ступай за бутылками, банками, будем ловить добычу.

Добычей в Западной Африке называют все, что ходит, летает или ползает. Пайес схватил за шиворот Амоса и двух младших боев и исчез вместе с ними.

К этому времени из опахала стали появляться другие интересные обитатели, желая выяснить, что могло нарушить их безмятежное существование. Первой на стол выскользнула молодая, крайне возмущенная зеленая мамба, одна из самых ядовитых африканских змей. Длинной около полуметра, она напоминала кусок желто-зеленого каната, и по всему ее поведению было видно, как пагубно происходящее подействовало на ее настроение. Я попытался вилкой прижать мамбу к столешнице, но она высвободилась и упала на пол. Только тут я обнаружил, что не все бежали на веранду, предоставив мне устранять последствия катастрофы, — губернатор остался со мной. Зеленая мамба, верная отвратительным навыкам всех змей,

при том, что в ее распоряжении была вся площадь столовой, направилась прямо к нему, а он стоял как истукан, и лицо его приобрело довольно интересный голубой оттенок. Повторная атака позволила мне крепко прижать мамбу вилкой к полу и схватить рукой позади головы. Тем временем вернулся с кухни Пайес, неся банки, бутылки, коробки и прочую тару. Я сунул змею в бутылку и прочно закупорил.

Губернатор по-прежнему таращился на меня выпученными глазами. Следовало сказать что-нибудь, чтобы придать случившемуся вид пустячно-го происшествия и защитить Мартина.

— Что я говорил, сэр? — сказал я, мило улыбаясь и извлекая из орехового соуса крупного жука, который лежал на спине, беспомощно перебирая ножками и издавая пронзительные скрипучие звуки. — Тут кругом животные. Все дело в том, чтобы выяснить, где они обосновались.

Он еще раз посмотрел на меня, потом заговорил:

— Ну да, конечно, теперь вижу.

И добавил:

— Мне бы чего-нибудь выпить...

— Вы очень умно поступили, сэр, что не стали двигаться, — сообщил я.

— Это почему же? — подозрительно осведомился губернатор.

— Понимаете, большинство людей в такой ситуации перепугалось бы насмерть, вы же сохранили присутствие духа. Если бы не ваша замечательная выдержка, вряд ли мне удалось бы поймать эту змею.

Губернатор опять подозрительно посмотрел на меня, но я сохранял самое невинное выражение лица.

— Хха! — выдохнул он. — Ладно, пошли, выпьем по стаканчику.

— Понимаете, мне бы хотелось поймать тут еще два-три экземпляра, и хорошо, если бы Мартин вернулся и навел здесь порядок. А я присоединюсь к вам через минуту, если не возражаете, сэр.

— Конечно, конечно. Я припшлю Мартина.

Мартин вошел, шатаясь, в столовую, словно последний уцелевший пассажир «Титаника».

— Господи Иисусе, — сказал он, — вот уж не думал...

— Ну вот что, — твердо произнес я. — Кончай думать. Делай, что я скажу.

— Это похуже того случая с уборной!

— Хуже того случая быть не может. А теперь успокойся.

Разговаривая, я продолжал вместе с Пайесом собирать обитателей опухала. Тут были множество гекконов, восемь квакш, истеричная соня с ее гнездом и потомством, три летучие мыши, парочка вспыльчивых скорпионов и несметные полчища жуков.

— Что делать, что делать? — отчаянно вопрошал Мартин.

Д

Повернувшись к Пайесу, я по лицу его понял, что он не меньше Мартина потрясен ужасной катастрофой. Что до меня, то я, увы, с величайшим трудом сдерживал неодолимое желание расхохотаться; мне помогало в этом только опасение задеть чьи-нибудь чувства.

— Слушай, — сказал я Пайесу, — ступай в дом к масса Макгрэиду и найди там еду. Потом зайди в дом масса Гэртгона и там найди еду. Потом пойди в дом помощника администратора и там найди еду. Потом спустись в наш шатер и там найди еду. Через час чтобы еда была здесь, слышишь?

— Слышу, сэр, — ответил Пайес и исчез.

— Господи, меня переведут обратно в Умчичи, — сказал Мартин.

— Не исключено, — отозвался я, — хотя, судя по реакции губернатора, маловероятно.

— Но ему вряд ли понравилось случившееся.

— А кому это могло понравиться? Разве что мне — я заполучил несколько отличных экземпляров.

— Но что мы теперь станем делать? — спросил Мартин, созерцая беспорядок на обеденном столе.

Я посадил его на стул.

— Я послал губернатора за тобой, заверив его, что ты сумеешь навести порядок, — объяснил я. — Пайес отправился за продуктами. Что он там сможет собрать, одному богу известно, но, во всяком случае, что-то мы сможем поставить на стол. А ты пока постарайся хорошенько накачать губернатора джином.

— У меня хороший запас джина, — серьезно сообщил Мартин.

— Ну вот, видишь, — успокоительно произнес я. — Проблема, почитай, решена.

— Но я не вижу как... — возразил он.

— Слушай, выкинь ты все из головы. Предоставь мне действовать. Главное, держись так, будто ты контролируешь ситуацию.

— О, да-да, я понимаю.

Я вызвал с кухни Амоса и Иоанна.

— Уберите все со стола, отполируйте его и расставьте тарелки, — распорядился я.

— Да, сэр, — дружно ответили они.

— Пайес пошел за едой. Скажите Иисусу и моему повару, пусть готовят новую еду.

— Да, сэр.

— А вы постарайтесь сделать так, чтобы стол выглядел не хуже прежнего, слышите?

— Пожалуйста, сэр, — сказал Амос.

— Что тебе?

— Масса собрать весь змея оттуда? — Он показал на обломки опахала.

— Собрал, не бойтесь. Я собрал всю добычу.

— Мне бы твое умение все так здорово организовать, — вздохнул Мартин.

— Послушай, — ответил я. — Губернатор должен думать, что это *ты* все организовал. И когда мы теперь присоединимся к ним, держи хвост пистолетом. Потрудись создать впечатление, будто я был по горло занят живностью, ты же полностью владел ситуацией. И не извиняйся каждые пять минут! Мы накачаем его джином, а Пайес проследит, чтобы была приготовлена новая трапеза, об этом можешь не беспокоиться. От тебя требуется только вести себя так, словно речь идет о пустяковом происшествии и ты не сомневаешься, что губернатор, поразмыслив, найдет в нем даже что-то забавное.

— Что-то забавное? — еле слышно молвил Мартин.

— Да, — твердо произнес я. — Ты давно служишь в Министерстве по делам колоний?

— Начал, когда мне исполнился двадцать один год.

— И ты не понимаешь, что типы вроде этого надутого осла упииваются подобными историями? Думаю, тебе от случившегося будет больше пользы, чем вреда.

— Ты уверен? — усомнился Мартин.

— Сам сообрази, — ответил я. — А теперь пошли на веранду.

Выйдя на веранду, мы обнаружили, что остальные члены нашей компании доблестно исполняли свою повинность. Мэри прочитала губернатору длинную лекцию про орхидеи и искусство аранжировки цветов. Макгрэйд прочел такой мудреный трактат о строительстве мостов и ремонте дорог, что вряд ли губернатор что-либо понял. А Робин вовремя затеял дискуссию о литературе и искусстве — предметах, в которых высокий гость вовсе ничего не смыслил.

Я толкнул Мартина в бок, и он приосанился.

— Весьма сожалею, сэр, — сказал он, — надо же было такому случиться. Боюсь, мой бой не проверил крючки в потолке. Однако я... э... все организовал, и примерно через час будет готова новая трапеза. Весьма сожалею, что вам придется подождать.

Он плюхнулся в кресло и вытер лицо носовым платком. Губернатор задумчиво посмотрел на него и опрокинул десятый стаканчик джина.

— Я как-то не привык, — едко произнес он, — чтобы во время моих служебных поездок мне на голову обрушивались опахала.

Д

Наступила короткая, но зловещая тишина. Чувствуя, что Мартин не способен что-либо ответить, я поспешил ему на выручку.

— Должен признаться, сэр, я жутко рад, что вы там оказались. — Я вернулся к остальным. — Вы этого, конечно, не видели, но в опухле находилась мамба. И если бы не наш гость, вряд ли мне удалось бы поймать ее.

— Мамба! — пропищала Мэри.

— Вот именно, и весьма агрессивно настроенная, поверьте мне. К счастью, наш гость сохранил присутствие духа, так что мы сумели ее поймать.

— Ну-ну, — заговорил губернатор, — не берусь утверждать, чтобы от меня при этом был какой-то прок.

— Не надо скромничать, сэр, — возразил я. — Большинство людей перепугались бы насмерть. Как-никак мамба считается одной из самых ядовитых африканских змей.

— Мамба! — повторила Мэри. — Надо же! Подумать только — висела там у нас над головой, готовая атаковать! По мне, так вы оба проявили огромное мужество.

— Клянусь небом, — произнес Робин лыстивым голосом, — лично я пустился бы наутек, словно заяц.

— Я тоже, — подхватил крепыш Макгрэйд, который не боялся ничего на свете.

— Что ж, — сурово молвил губернатор, внезапно ощутив себя героем, — а ведь вы должны бы привыкнуть к ситуациям такого рода, столько бродите по здешним лесам.

И он принялся не очень связно рассказывать, как однажды чуть не застрелил леопарда, и мы все облегченно вздохнули, когда из тьмы появился Пайес и доложил, что второй обед готов.

Холодные бобы и консервированный лосось — не самое лакомое блюдо, но они исполнили свое предназначение, и под конец трапезы налакавший джина губернатор излагал нам самые невероятные истории про змей.

К счастью, фруктовый салат остался вне пределов досягаемости для опухала, его удалось спасти, и после десерта мы все согласились, что Мэри, вложившая всю душу в его приготовление, заслужила нашу благодарность и что салат был просто превосходен.

Когда мы встали из-за стола, я еще раз поблагодарил губернатора за то, как отважно он помог мне поймать мамбу.

— Не за что, приятель, — отозвался он, небрежно взмахнув рукой. — Право, не за что. Рад, что оказался вам полезен.

На другой день Мартин, сколько мы ни успокаивали его, был безутешен. Сказал, что губернатор весьма сухо простился с ним, что он уверен — не миновать ему перевода в эту чертову дыру Умчичи.

Нам оставалось только направить губернатору учтивые письма, благодаря его за участие в злополучном обеде. Я не преминул подчеркнуть при этом, как я благодарен начальнику окружной администрации за огромное содействие в выполнении моих задач. Дескать, Мартин — один из лучших и самых дельных администраторов, с какими мне доводилось иметь дело в Западной Африке.

Вскоре после того пришло время перевозить моих животных к побережью, чтобы захватить пароход, идущий в Англию, и случай в Мамфе изгладился из моей памяти.

А спустя полгода я получил от Мартина коротенькое письмецо. Он общал: «Ты был совершенно прав, старина, говоря о склонности некоторых людей упиваться историями. Губернатор теперь только и делает, что рассказывает всем, как он поймал для тебя в столовой зеленую мамбу, тогда как ты стоял как пень, потеряв голову от страха. Меня повысили, в следующем месяце перебираюсь в Энугу. Нет слов, чтобы сказать, как я благодарен тебе за успешное завершение того приема».

ГЛАВА ПЯТАЯ

КАК СТАТЬ УЧЕНЫМ

Семейный врач покачал головой скорее сочувственно, чем сердито.

— Стресс, — повторил он. — Ты перетрудился и перенервничал. Три недели в Абботсфорде, вот что тебе нужно.

— Ты говоришь о психушке?

— Никакая это не психушка. Это весьма почтенный санаторий, специализирующийся на нервных заболеваниях.

— Другими словами — психушка, — сказал я.

— Будто ты не понимаешь разницу, — печально произнес наш семейный врач.

— Так их называют в народе, — ответил я. — Ты говоришь об этом размашистом сооружении готического вида по пути к Сербитону на юго-западе Лондона, напоминающем замок Дракулы в голливудском исполнении?

— Совершенно верно.

— Что ж, пожалуй, это не так уж и плохо, — рассудительно произнес я. — Смогу наведываться в город, навещать друзей, посещать различные шоу...

Д

— Исключено, — твердо перебил меня семейный врач. — Полный покой и отдых — вот что тебе сейчас нужно.

— А можно, я устрою напутственную вечеринку? — взмолился я.

— Напутственную вечеринку?

— Ну да. Приглашу избранный круг друзей, чтобы пожелали мне успеха в продвижении к палате, обитой войлоком.

Семейный врач поморщился и вздохнул.

— Ты ведь все равно не послушаешься, если я отвечу отрицательно, — сдался он. — Так что давай, устраивай.

Маленькая вечеринка состоялась в отличном ресторане в Сохо. В разгар сего мероприятия я ощутил, как что-то стекает мне на подбородок, и, вытерев это салфеткой, с удивлением узрел пятна крови. У меня явно пошла кровь носом. К счастью, освещение и декор ресторана способствовали сокрытию маленького происшествия, и обошлось без неуместных комментариев. На другой день все сложилось куда хуже.

Шла предрождественская неделя, посему мне — по пути в Абботсфорд — понадобилось заехать на Кингз-роуд, чтобы вручить игрушечного медвежонка чуть ли не в натуральную величину, важно восседающего в прозрачном пластиковом мешке и облаченного только в красивый галстук темно-бордового цвета.

Я вышел из такси, сжимая в объятиях тучного медвежонка, позвонил в дверь, и тут у меня из носа хлынула кровь. Убедившись, что остановить кровотечение, освободив одну руку и держа медвежонка под мышкой, абсолютно невозможно, я зажал его между коленями.

— Что ты делаешь? — осведомилась моя супруга, сидя в машине.

— У беда опять кровь посом пошла, — пробурчал я сквозь окровавленный носовой платок.

С зажатым между ног медвежонком и стекающей по лицу кровью я даже на Кингз-роуд являл собой не совсем обычное зрелище. Вокруг меня собралась небольшая толпа.

— Оставь медвежонка рядом в кондитерской и попроси их передать его Питеру, — прошипела жена. — Не стоять же тебе тут в таком виде.

Поначалу толпа молча переваривала жутковатое зрелище. Но вот к ней присоединилась еще одна любопытствующая особа.

— Что тут происходит? — осведомилась она, адресуя свой вопрос всему миру.

— Его укусил этот игрушечный медведь, — ответил один мужчина, и толпа громко расхохоталась.

Я юркнул в кондитерскую, оставил там медвежонка и подбежал, запыхавшись, к такси.

— Напрасно ты так носишься, — заметила жена, когда машина тронулась с места. — Тебе предписан покой.

— О каком покое божет идти речь? — огрызнулся я. — Когда бой нос кровоточит, а руки заняты огробныб бедвежонкоб?

— Откинь назад голову и расслабься, — постаралась успокоить меня жена.

«Расслабиться, — подумал я, — вот именно». Впереди у меня три чудесные недели, меня будут обслуживать чуткие медицинские сестры, и все решения, какие придется принимать, сведутся к пожеланиям, чего я хотел бы съесть на завтрак и какой температуры должна быть вода в ванне. Расслабиться, конечно же. Полный мир и покой. Твердо настроенный отдыхать, прибыл я в Абботсфорд.

Не успел я толком осмотреться (заметил только, что обстановка и декор моей комнаты напоминают дешевые гостиницы двадцатых годов и что сестры весьма хорошенькие), как меня облекли, так сказать, в золотой кокон из разных снадобий, и на сутки я погрузился в сладостную спячку, лишь изредка поворачиваясь с одного бока на другой. Проснувшись бодрый и живой, как белка, я принялся обозревать окружающий меня новый мир. Пришел к выводу, что мое первое впечатление от сестер не было ошибочным. Каждая по-своему, они были очень привлекательны. Казалось, меня окружают участницы конкурса на звание «Мисс Вселенная».

Днем дежурили — мисс Лорейн, шведская блондинка, цвет глаз которой менялся, точно поверхность фьорда в солнечных лучах; Зипэ, наполовину немка, наполовину англичанка, с оранжевыми волосами и совершенно круглыми, вечно удивленными голубыми глазами; Нелли, очаровашка из Басутоленда, отлитая из молочного шоколада, с круглым носиком, напоминающим коричневую шляпку молодого белого гриба. Ночную смену составляли — Брида, заботливая коротышка с волосами медового цвета, и Пимми (происхождение этого прозвища одному богу известно), без сомнения, самая симпатичная из них, высокая, стройная, похожая на фею, с огромными зеленоватыми глазами цвета весеннего горного ручья. Все сестры были молоды и жизнерадостны, напоминая своей веселостью и стремлением доставить пациентам удовольствие милых щенят. Надзирали за резвушками две старшие сестры, обе француженки, с акцентом, какой был бы у Мориса Шевалье, если бы он учился в Оксфорде и несколько лет проработал на Би-би-си. Звали их сестра Луиза и сестра Рене, наблюдать их французскую категоричность в поступках и слушать энергичную речь было одно удовольствие.

На второй день я, все еще малость сонный, отчасти по нужде, отчасти из желания сменить обстановку, направился по коридору в сортир. Дойдя

До цели, присел, погружаясь в глубокое раздумье, и вдруг мое внимание привлекло пятно крови на полу. «Ишь ты, — тупо сообразил я, как и следовало человеку, оглушенному наркотическими средствами, — кто-то порезался... до крови. Брился, что ли? Здесь, в уборной? Маловероятно». В эту минуту к первому пятну присоединилось второе, и до меня вдруг дошло, что эта кровь — опять из моего носа. Пока я осмысливал этот факт, кровотечение усилилось. Прижав к лицу несколько метров туалетной бумаги, я поспешил обратно в свою комнату и нажал кнопку звонка. Кровотечение было таким сильным, что смснившее туалетную бумагу бумажное полотенце тотчас промокло насквозь.

Мой сигнал бедствия возымел действие — дверь распахнулась, и появилась шоколадка Нелли, одетая в пальто. Она явно только что сдала дежурство.

— Господи, — выпалила Нелли, впитывая округлившимися глазами кровавое зрелище. — Господи, вы истекаете кровью.

— Мне тоже так кажется, — отозвался я. — Ты не могла бы помочь мне, милая Нелли?

— Погодите... только не двигайтесь, — распорядилась Нелли и выбежала в коридор. Вскоре она вернулась, и лицо ее выражало крайнее отчаяние. — Я не могу найти их. Не могу найти.

— Что ты не можешь найти?

— Ключи, ключи, — простонала Нелли.

«Видимо, речь идет о ключах от какого-то шкафа, где хранятся кровоостанавливающие снадобья», — сказал я себе.

— Ничего, — попытался я утешить ее, — может быть, найдется что-нибудь еще?

— Нет-нет, — ответила Нелли, — только ключи, чтобы приложить вам к спине.

Ее слова сильно поколебали мою веру в будущее европейской медицины в Африке.

На шум явились Лорейн и Зинэ.

— У вас идет кровь носом, — удивленно заметила Зинэ.

— Ага, — подтвердил я.

— Я не могу найти ключи, Зинэ, — не унималась Нелли. — Ты не видела их, Лорейн?

— Ключи? Нет, не видела, — ответила Лорейн. — Какие ключи?

— Чтобы приложить к его спине.

— Может, следует жечь перья перед ноздрями? — осведомилась Лорейн.

— Нет-нет, перья жгут от обморока, — сообщила Нелли, знаток современной медицины.

— Как насчет того, чтобы нарисовать мелом на полу белый круг и принести в жертву черного петуха? — весело справился я.

— Государственная служба здравоохранения не признает таких средств, — совершенно серьезно сказала рассудительная Зинэ.

В эту минуту пришли заступать на ночное дежурство Брида и Пимми. Последняя повела прожекторами своих огромных влажных глаз и мигом оценила ситуацию.

— Живо в постель, — распорядилась она. — В постель, и ложитесь возможно ровнее.

— Но... я... я...

— Кончайте лепетать и ложитесь. Брида, ступай принеси узкий бинт и адреналин. Побystрее.

Я послушно лег и немедленно обнаружил, что кровь, которая до той поры вытекала из носа, теперь потекла в обратную сторону, грозя задуть меня. Я поспешил сесть.

— Лежать, было сказано, — угрожающе произнесла Пимми.

— Пимми, дорогая, я не могу лежать, — объяснил я. — Я захлебнусь своей собственной кровью.

Пимми привычными движениями подсунула мне под голову пару подушек.

— Так лучше? — осведомилась она.

— Да.

Вернулась Брида, неся на подносе то, что было велено. Моя кровать была усеяна окровавленными бумажными полотенцами, вокруг кровати с моим телом сгрудились пять медицинских сестер.

— Поцелуй меня, Неустрашимая, — взмолился я, протянув руки к Пимми.

— Бросьте дурачиться, — сурово сказала она, — и подставляйте нос, чтобы я его закупорила.

И она живо затолкала мне в правую ноздрю около метра марли, смоченной адреналином, действуя так ловко и бесстрастно, словно фаршировала кролика. Затем она крепко сжала мою переносицу двумя пальцами, одновременно прикладывая лед к вискам. Струйки крови с водой намочили мою пижаму, не помогла и марля, кровь брызнула на простыни и наволочки. Пимми засунула мне в нос свежий кусок бинта. Кровать и комната теперь напоминали нечто среднее между скотобойней и салоном маркиза де Сада после званого вечера. Сколько ни манипулировала Пимми марлей,

Д

кровь не желала останавливаться. Сестры дневной смены ушли, остались только Пимми и Брида.

— Плохо дело. — Пимми грозно нахмурилась. — Придется мне позвать врача. Лежите тихо. Брида, следи за тем, чтобы он лежал тихо.

С этими словами она вышла.

— Надеюсь, она не за доктором Граббинсом пошла, — забеспокоился я. — Он обаятельный человек, но как врачу я ему не очень доверяю.

— Я тоже надеюсь, — спокойно произнесла Брида.

— Почему? — тревожно осведомился я.

— Ну, не такой уж он хороший врач. По правде говоря, я не пригласила бы его к серьезному больному. В два счета может угробить.

— Вот и у меня осталось такое впечатление, — признался я. — Есть в нем что-то такое, из-за чего мне кажется, что он застрял на уровне коновала, заливающего культю кипящей смолой.

— Невежда, — мрачно молвила Брида. — Думает, что пастеризация — способ обработки лугов, где пасутся коровы.

— И что Листер — фамилия известного композитора, — включился я в игру.

— Наверно, — согласилась Брида. — А Гарвей — фамилия изобретателя хереса.

— И что ангина — нехорошее женское имя?

— Я уж не говорю про пенициллин, — продолжала Брида.

— Магазин, где торгуют пенобетоном?

— Вот именно. Когда-нибудь...

Однако что собиралась изречь Брида, останется неизвестным, ибо в эту минуту в комнате вновь появилась Пимми.

— Поднимайтесь, — распорядилась она. — Доктор Граббинс велел отвезти вас в больницу Ватерлоо, там вам сделают прижигание.

— Господи, — произнес я. — То, чего я боялся. Мне затолкают в правую ноздрю раскаленную кочергу.

— Не говорите ерунду, — сказала Пимми, подавая мне пальто. — Для этого есть особая палочка.

— Палочка? Горящая лучина? Кажется, я пришел к вам за миром и покоем?

— Не будет мира и покоя, пока мы не остановим ваше кровотечение, — деловито возвестила Пимми. — А теперь надевайте пальто. Я еду с вами. Так предписал врач.

— Единственное толковое предписание, выданное им после того, как он получил диплом, — тепло откликнулся я. — И как мы туда поедем?

— Такси, — коротко ответила Пимми. — Машина ждет.

Водитель, как мы выяснили вскоре, был ирландец, коротыш с лицом, напоминающим грецкий орех.

— Куда поедет? — справился он.

— Больница Ватерлоо, — внятно произнесла Пимми.

— Ватерлоо... Ватерлоо... — задумался водитель. — Это где же будет?

— У Вестминстерского моста, — пояснила Пимми.

— Ну да, конечно, конечно. — Водитель хлопнул себя по лбу. — Доставлю вас в два счета.

Мы забрались в машину и укрылись одеялом, ибо вечер выдался очень холодный. Некоторое время ехали молча.

— А я-то собиралась сегодня вечером вымыть голову, — вдруг сообщила Пимми с укоризной.

— Весьма сожалею, — ответил я покаянно.

— А, не берите в голову, — успокоила меня Пимми и добавила нечто загадочное: — Я могу сидеть на них.

— Сидеть на волосах? — спросил я, полагая, что речь идет о каком-то новом способе приводить в порядок шевелюру.

— Ну да, — гордо возвестила Пимми. — У меня длинные волосы. Недавно мне предлагали за них семьдесят фунтов.

— Но с лысой головой вы будете выглядеть отнюдь не привлекательно, — заметил я.

— Я так и подумала, — сказала Пимми, и снова воцарилась тишина.

Машина остановилась перед светофором, и водитель повернулся, чтобы посмотреть на нас. Бело-голубое уличное освещение придавало не совсем обычный вид моему окровавленному лицу.

— Слушайте, у вас там все в порядке? — тревожно осведомился водитель. — Я смотрю, кровичка так и хлещет. Может, лучше остановиться, чтобы вы могли прилечь, а?

Я поглядел на осыпаемую крупой гололедицу на тротуаре.

— Нет, спасибо, пожалуй, не стоит, — ответил я.

— Вы не пробовали запихать что-нибудь в нос? — внезапно осенило водителя.

Я объяснил, что моя правая ноздря и без того уже напоминает забитый мусоропровод. И что в больнице мне сделают прижигание.

— Это как делали в старину? — живо заинтересовался водитель.

— В каком смысле? — не понял я.

— Ну как же, человека подвешивали за руки, распинали и жгли.

— Нет-нет, это нечто совсем другое, — заверил я. И добавил: — Надеюсь.

Поднявшись по пандусу (мимо знака, на котором, как мне тогда пока-

Далось, должно быть из-за общения с ирландским шофером, было написано: «*Не для протестантов*», на самом же деле значилось: «*Не для пешеходов*») к входу в больницу, мы живо вошли внутрь и не увидели ни накурившихся хиппи, ни пьяниц, хлебнувших метилового спирта, ни маленьких мальчиков с головой, застрявшей в оловянной миске. Даже в амбулаторном отделении не было никого, кроме дежурной сестры. Она завела нас в какую-то палату и осторожно уложила меня на некое подобие операционного стола.

— Врач придет сию минуту, — сообщила она с таким благоговением в голосе, точно провозвещала второе пришествие.

Вскоре явился некий подросток в белом халате.

— Добрый вечер, сэр, добрый вечер, — радушно приветствовал меня, потирая руки, юный практикант. — Насколько я понимаю, у вас кровотечение из носа, сэр.

Если учесть, что мои борода и усы затвердели от запекшейся крови, что из правой ноздри продолжала капать кровь и вся моя одежда была покрыта красными пятнами, я не был склонен называть его диагноз особенно блестящим и проницательным.

— Да, — произнес я.

— Ну так, — сказал врач, вооружаясь двумя хирургическими щипцами, — давайте-ка посмотрим, что там у вас происходит, сэр.

Одними щипцами он расширил мою ноздрю до африканских размеров, другими извлек несколько десятков сантиметров пропитанного кровью бинта.

— Так-так, — глубокомысленно заметил он, заглядывая в кровотокающую полость. — Похоже, сэр, у вас там есть кое-что еще.

— Они затолкали мне в нос все, что попало под руку, — сообщил я. — Не удивлюсь, если в лабиринтах пазух вы обнаружите слоняющихся без дела двух дежурных и одну старшую сестру.

Врач нервно усмехнулся и вытащил из моей ноздри шматок ваты.

— Ага, — произнес он, направив в ноздрю луч маленького осветительного прибора, — вижу, точно. Я нашел место, откуда сочится кровь. Понимаете, сэр, у вас там есть парочка крупных сосудов, за которыми стоит присматривать.

— Спасибо, — сказал я, пытаюсь сообразить, как это можно присматривать за сосудом, таящимся где-то в темных закоулках моего носа.

— А теперь, — продолжал врач, — немного кокаина для обезболивания.

Вооружась подобием баллончика с дезодорантом, он прыснул мне в нос кокаином.

— Вот так, — приговаривал он. — А теперь, сестра, подайте термокаутер. Вот так. Не бойтесь, больно не будет, сэр.

Как ни странно, я и впрямь не почувствовал боли.

— Вот так, — повторил врач, выпрямляясь с видом фокусника, выплывшего сложнейший трюк.

— Как, это все? — удивился я.

— Да, — сказал врач, еще раз направив лучик света в мою ноздрю. — Это все. Больше не должно быть никаких проблем, сэр.

— Я вам чрезвычайно благодарен, — молвил я, проворно освобождая операционный стол.

Мы с Пимми вышли из больницы туда, где ожидало наше такси.

— Ух ты, как скоро, — восхищенно заметил водитель. — Я думал, вас продержат там час, а то и два.

— Да нет, они быстро управились, — сообщил я, с наслаждением глубоко, без помех дыша носом. Машина скатилась по пандусу на улицу.

— Пресвятая Дева, мать божья! — воскликнула вдруг Пимми.

— В чем дело? — испуганно осведомились мы с шофером.

— Мы попали не в ту больницу, — пролепетала Пимми.

— Не в ту больницу? Как это понимать?

— Не в ту больницу? Но ведь вы именно эту назвали, — обиженно заявил водитель.

— Ничего подобного, — возразила Пимми. — На стене написано «Больница Св. Фомы». А нам надо было попасть в больницу Ватерлоо.

— Но ведь вот он — мост. — Водитель показал в окошко. — Вы сказали — мост. Видите, вот он.

Он явно полагал, что в жизни хватает проблем без таких пассажиров, которые запросто меняют местами все лондонские больницы.

— Мне все равно, где мост, — настаивала Пимми. — Больница не та. Это не Ватерлоо.

— Это так важно? — спросил я. — Главное — мне помогли.

— Конечно, но я предупредила Ватерлоо, — объяснила Пимми. — Ночные дежурные ждали нас.

— Между прочим, — задумчиво произнес водитель, — на слух Ватерлоо вполне можно спутать со Святым Фомой, особенно когда сидишь за рулем.

У меня не нашлось адекватного ответа на эту реплику. Мы возвратились в Абботсфорд, и пока я литр за литром поглощал теплый чай, Пимми пошла объясняться по телефону с больницей Ватерлоо.

— Я сказала им, что это случилось по вашей вине, — торжествующе

Д

доложила она мне. — Сказала, что вы малость помешались, что мы усадили вас в такси и вы назвали водителю не тот адрес.

— Большое спасибо, — сказал я.

Ночь и последующий день прошли без приключений, если не считать, что один пациент пытался продать мне стоящий в холле стол якобы в стиле Луи XV, а другой упорно выстукивал азбуку Морзе по моей двери. Но это все были пустяки, и мой нос вел себя замечательно.

Придя вечером на дежурство, Пимми устала на меня взором василиска.

— Ну, — осведомилась она, — ваш нос вас больше не беспокоил?

— Ни капли, — гордо сообщил я и не успел договорить, как кровотечение возобновилось.

— Господи! Обязательно надо было ждать, когда начнется мое дежурство? — спросила Пимми. — Почему было не доставить удовольствие дневной смене?

— Это все ваша красота, Пимми. При виде вас у меня поднимается давление, и сосуды не выдерживают.

— Как вы говорили, из какой части Ирландии вы родом? — допытывалась Пимми, запихивая мне в нос марлю с адреналином.

— Гоморра, на границе Содома, — незамедлительно ответил я.

— Не верю я вам, — сказала Пимми, — хотя трепаться вы мастер за пятерых ирландцев.

Тем временем ее манипуляции с бинтами не дали никакого результата. Кровь продолжала сочиться из носа, как из неисправного крана. В конце концов Пимми сдалась и пошла звонить доктору Граббину.

— Доктор Граббинс велел вам ехать в больницу Ватерлоо, — доложила она мне. — Говорит, что постарается, чтобы на этот раз вы не ошиблись адресом.

— А разве ты не поедешь?

— Нет.

— Это почему же?

— Не имею понятия, — ответила Пимми. — Вас отвезет шофер нашей служебной машины.

Шофер служебной машины был полон решимости отвлечь внимание своего пассажира от мрачных мыслей.

— Паршивая штука — носовое кровотечение, — с ходу начал он рассуждать. — У нас хватало этой печали, когда я играл в регби, но теперь-то я слишком стар.

— Стар для кровотечения? — осведомился я.

— Нет, для регби. А вы, сэр, играете в регби?

— Нет, изю всех командных игр я признаю только одну.

— Это какую же, сэр? — заинтересовался водитель.

Было очевидно: какую игру ни назови, он будет продолжать докучать мне болтовней. Во что бы то ни стало надо было заставить его замолчать.

— Секс, — грубо отрезал я.

Остаток пути мы ехали молча.

В больнице симпатичная дежурная сестра провела меня в палату, которую можно было назвать пустой, если не считать лежавшего у стены, одержимого кашлем и предсмертными судорогами старика и семейства в составе матери, отца, дочери и сына, которые играли в «Монополию» за столом метрах в двух от моей койки. Устраиваясь на койке, как мне было велено, я слушал вполуха их болтовню.

— Ты уверена, мама, что это не больно? — спросил мальчик, энергично перемешивая кости.

— Конечно, не больно, мой драгоценный, — заверила мать. — Ты же слышал, что сказал врач.

— Конечно, не больно, — подхватил отец. — Это же всего-навсего гланды и аденоиды. Ничего серьезного.

— Конечно, пустяковая операция, — продолжала мать. — Ты ничего не почувствуешь.

— Я покунаю «Пиккадилли», — пронзительным голосом объявила девочка.

— Ты же видел это по телевизору, верно? — спросил отец. — Человек ничего не чувствует. Даже когда аборт делают.

— Генри! — укоризненно воскликнула мать.

— «Пиккадилли», «Пиккадилли», хочу «Пиккадилли», — талдычила девочка.

— Ну а потом, — сказал мальчик. — Потом, когда пройдет заморозка. Все равно ведь будет больно.

— Нет, — возразил отец. — Ничего подобного. Тебе дадут успокаивающее.

— А это что такое?

— Наркотики и все такое, — успокоила его мать. — Честное слово, ничего не чувствуешь. А сейчас давай ходи, твоя очередь.

«Бедняга, — подумал я. — Смертельно боится, а тут еще я весь в запекшейся крови, эта картина смелости ему не прибавит. Ничего, я сам поговорю еще с ним после того, как меня приведут в порядок». Тут возвратилась сестра.

— Сейчас придет врач и займется вашим носом, — сообщила она, задерживая занавески перед моей кроватью.

Д

— Ага, — довольно заметил я, — опять будет прижигание?

— Не думаю, — ответила она. — Доктор Верасвами предпочитает тампонаду.

Тампонада, подумал я. Какое дивное слово. Сродни тампонажу. Я тампонирую, вы тампонируете, он тампонирует... Мы тампонируем, ты тампонируешь, они тампонируют... Я набиваю, вы набиваете, он набивает...

Мои глагольные вариации нарушило появление доктора Верасвами, созерцающего мир через огромные линзы из горного хрусталя. Мне понравились его руки — тонкие, как у девушки, средние пальцы чуть толще обычной сигареты. Изящные руки, чем-то напоминающие бабочек. Легкие, нежные, трепетные, неспособные причинить боль. Руки целителя. Доктор Верасвами исследовал мой нос, выражая тихими вибрирующими звуками тревогу по поводу увиденного.

— Придется нам тампонировать нос, — произнес он наконец, улыбаясь.

— Валяйте, — радушно отозвался я. — Что угодно, только остановите кровь.

— Сестра, будьте любезны, принесите все необходимое, — распорядился врач, — и приступим.

Сестра удалилась, и врач застыл в ожидании, стоя у изножья моей кровати.

— Из какой части Индии вы родом? — непринужденно справился я.

— Я не из Индии, я с Цейлона, — ответил он.

«Неуд, — сказал я себе. — Будь осторожнее».

— Чудесный край — Цейлон, — молвил я с жаром.

— Вы хорошо его знаете?

— Как сказать. Мне довелось однажды провести неделю в Тринкомали. Конечно, это вовсе не значит, что я знаю Цейлон хорошо. Но полагаю, что это дивная страна.

Врач заглотал наживку и принялся вещать, точно рекламный путеводитель:

— Чудесная. Побережье изобилует пальмами, песчаными пляжами, там дует свежий морской ветерок. Внутри страны водится много дичи. Еще у нас есть предгорья, банановые плантации и все такое прочее. Очень богатый, очень зеленый край. Много дичи. Есть горы. Очень высокие, очень зеленые, свежий воздух. Фантастические виды. Изобилие дичи.

— Да, замечательно, — неуверенно произнес я.

От дальнейших панегириков Цейлону меня избавило появление сестры, которая принесла необходимое снаряжение для тампонирования моего носа.

— А теперь, сестра, — деловито сказал врач, — попрошу вас крепко держать голову джентльмена. Вот так.

С этими словами он длинными острыми щипцами захватил конец бинта длиной не меньше пяти километров, потом надел себе на голову обруч с фонариком и подошел ко мне вплотную. Я спрашивал себя, почему сестра так крепко стискивает мой череп. Когда Пимми заталкивала мне марлю в нос, это было совсем не больно. Врач воткнул мне в ноздрю щипцы с марлей и заталкивал их до тех пор, пока острые концы не уперлись, как мне показалось, в основание черепа, пробив все пазухи и проложив по пути трассу жгучей боли, до того сильной, что она парализовала мои голосовые связки и я не был в состоянии протестовать. Вытащив щипцы, врач наматал на них с полметра марли и затолкал мне в нос с решимостью дуэлянта, прочищающего шомполом ствол своего пистолета. При этом он настолько увлекся процедурой, что острые концы щипцов царапали нежную слизистую оболочку пазух. У меня было такое ощущение, будто ноздрю набили раскаленными углями. Хотя голосовые связки вернулись к норме, я по-прежнему не мог протестовать, однако по иной причине. Игроки в «Монополию» притихли и жадно прислушивались к доносящимся через занавеску слабым звукам. Если бы я, подчиняясь голосу разума, дико заорал, пнул Верасвами в пах ногой и сорвался с кровати, волоча за собой несколько метров марли, это могло бы пагубно повлиять на мальчугана, нервно ожидающего своей очереди. Оставалось только терпеть. Сестра, послушная воле Верасвами, сжимала мою голову словно в тисках. Сжимала так сильно, что ее большие пальцы оставили у меня над бровями круглые синяки, которые потом не проходили несколько дней.

А Верасвами продолжал запихивать метры марли в строптивую ноздрю; его усердие напоминало черного дрозда, ранним утром очищающего газон от червей. Когда мне показалось, что половина бинта уже перекочевала в мои пазухи, я хрипло попросил прервать на время истязание.

— Вам больно? — осведомился Верасвами не столько даже с академическим интересом в голосе, сколько, как мне показалось, с удовольствием.

— Да, — ответил я.

Вся правая сторона черепа, лица и шеи болели так, словно по ним били кувалдой, а пазухи горели так, что в них, наверно, можно было бы поджарить яйцо.

— Добро должно быть с кулаками, — объяснил Верасвами, явно довольный тем, что ему известна эта избитая фраза. Остатки бинта (три с лишним метра, как я после установил) он решительно затолкал в ноздрю большими пальцами, которые давно перестали казаться мне нежными и хрупкими, как крылья бабочки. Мне доводилось читать, как у людей, ко-

Д

гда от боли, когда от горя, слезы брызгали из глаз, и я всегда считал это поэтической вольностью. Пришлось убедиться, что это не так. Под действием больших пальцев Верасвами слезы брызнули пулями из моих зажмуренных глаз. Он еще раз для верности нажал на марлю и отступил назад с довольной улыбкой.

— Ну так, — сказал он. — Теперь порядок.

Я оторвал от подушки раскалывающуюся от боли голову и посмотрел на Верасвами.

— Доктор, вам никто не предлагал сменить профессию врача на ремесло чучельника?

— Нет, — удивился доктор Верасвами.

Я слез с кровати и стал одеваться.

— Советую попробовать, — сказал я. — Вы будете избавлены от жалоб пациентов.

Верасвами с тревогой следил, как я одеваюсь.

— Пойдите, куда вы? — спросил он. — Вам пельзя уходить. Еще пельзя. Вдруг опять начнется кровотечение, и выйдет, что я зря старался.

— Пойдите со своими щипцами в какой-нибудь тихий уголок и сядьте на них, — устало предложил я. — А я поехал в Абботсфорд.

Найдя такси, я направился обратно в санаторий, мысленно проклиная медицинскую профессию вообще и доктора Верасвами в частности. Мне вспомнилось, как в двадцатых годах во Франции выпускникам медучилищ выдавали дипломы: «Действительно для стран Востока»; в самой Франции практиковать им не разрешалось. Уж не месть ли Востока обратилась на меня?..

Еще мне вспомнилась история, вероятно вымышленная, про индийца, величайшей мечтой которого было получить звание бакалавра наук. Он год за годом сдавал экзамены и каждый раз проваливался. Доведенное до отчаяния начальство посоветовало ему оставить тщетные попытки и заняться чем-нибудь другим. И стал индеец консультантом по вопросам, как получить звание бакалавра наук, а в подтверждение своей квалификации заказал визитные карточки, где значилось: «Мистер Рам Синг, Б. Н. (провал)». «Без сомнения, — сказал я себе, поглаживая ноющую голову, — Верасвами в медицинских кругах известен как Чипати Верасвами, доктор медицины (провал)».

В Абботсфорде меня встретила Пимми.

— Ну как, — спросила она. — Все в порядке?

— Не прикасайся ко мне, — ответил я. — Они подвергли меня пыткам, и я теперь один сплошной обнаженный нерв. Предложи мне эвтаназию, и я твой друг до гроба.

— В постель, — скомандовала Пимми. — Я сейчас приду.

Я устало разделся и плюхнулся на кровать. «Все, что угодно, даже смерть лучше этих мучений, — говорил я себе. — Кажется, меня направили в Абботсфорд, чтобы я здесь обрел мир и покой?»

Возвратилась Пимми, держа в руке шприц.

— Повернитесь спиной, — велела она. — Морфий. Предписание врача.

Проворно исполнив предписанную процедуру, она озабоченно посмотрела на меня. Мое лицо являло отнюдь не располагающее зрелище. Правый глаз опух и наполовину закрылся, ноздря из-за напичканной в нее марли напоминала расплюснутый нос боксера, усы и борода казались сплетенными из красных нитей с матовым отливом. Пимми глубоко вздохнула и нахмурилась.

— Будь я там с вами, они услышали бы, что я о них думаю, — молвила она с внезапной яростью.

— Спасибо тебе за заботу, — пробормотал я сонно. — Не знал, что ты так беспокоишься обо мне.

Пимми резко выпрямилась.

— Беспокоюсь о вас? — сердито спросила она. — Я не о вас беспокоюсь, я думаю о том, сколько хлопот они мне прибавили. Вот что меня беспокоит. А теперь кончайте тренироваться и спите.

Пимми направилась к двери.

— Я скоро вернусь, — добавила на ходу, — и чтобы вы к тому времени крепко спали.

«Чипати Верасвами, — думал я, убаюканный морфием, — доктор медицины (провал), Пимми могла бы его кое-чему научить. Она не провал».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

УРСУЛА

Когда мне было двадцать с небольшим, жизнь сводила и разводила меня с немалым числом привлекательных молодых особ, но ни одна не произвела на меня очень глубокого впечатления. Ни одна, кроме Урсулы Пендрагон Уайт. Несколько лет она регулярно возникала и вновь исчезала, точно кукушка в стенных часах, и я обнаружил, что из всех моих подруг только ей было дано будить во мне широчайший спектр чувств — от тревоги и уныния до безудержного восхищения и сущего ужаса.

Д

Впервые она возникла в моем поле зрения на втором ярусе автобуса номер 27, который величественно катил по улицам целебнейшего среди морских курортов Борнмута, где я тогда жил. Я сидел в автобусе сзади, Урсула со своим спутником занимала сиденье передо мной. Возможно, я не обратил бы на нее внимания, если бы не голос Урсулы, такой же мелодичный и пронзительный, как голос певчей канарейки. Вращая головой в поисках источника сладкозвучного родосского акцента, я увидел профиль Урсулы и уже не мог оторвать глаз от нее. Короткие темные кудри словно нимбом обрамляли ее головку, оттеняя красоту необыкновенного лица. Огромные глаза были сочного синего цвета — так выглядят на солнце незабудки, их обрамляли длинные темные ресницы под очень темными, неизменно поднятыми бровями. Губы ее по форме и складу были предназначены отнюдь не для потребления копченой сельди, или лягушачьих лапок, или кровяной колбасы, ровные зубы отличались совершенной белизной. Но самой изумительной чертой ее лица был нос. Я в жизни не видел ничего подобного. В меру длинный, он сочетал три различных стиля. В основе прямой, классический, греческий, он у кончика странно преображался, задираясь кверху, точно у китайского мопса, а самый кончик был совсем плоский, словно его кто-то аккуратно сточил. При таком описании он покажется вам скорее безобразным, но могу заверить вас, что это был просто очаровательный нос. Молодые люди при первом же взгляде на этот нос безнадежно и слепо влюблялись в него. Он был такой чарующий, такой уникальный, что вас немедленно обуревало желание познакомиться с ним поближе. Меня он так обворожил, что я не сразу смог сосредоточиться на подслушивании, зато, прислушавшись к беседе Урсулы с ее спутником, я открыл еще одну прелестную черту обладательницы необыкновенного носа — беспрестанную, суровую, решительную расправу с английским языком. Если другие люди покорно изъясняются на родном языке так, как их учили с детства, то в обращении Урсулы с ним просматривались черты древней кельтской воительницы. Она, если можно так выразиться, хватала английскую речь за загривок, основательно встряхивала ее и выворачивала наизнанку, заставляя слова и обороты покорно выражать понятия, отнюдь не свойственные им.

Сейчас, наклонясь к своему спутнику, она продолжала дискуссию, которая началась до того, как я вошел в автобус.

— И папочка говорит: «Что в лоб, то на лбу», но я не согласна. Тут явно огонь без дыма, и, *по-моему*, кто-то обязан сказать ей об этом. А ты как считаешь?

Молодой человек, похожий на ищейку, страдающую несварением желудка, явно был не меньше моего озадачен ее утверждением.

— Не знаю, — ответил он. — Щекотливая ситуация, верно?

— Это совсем не смешно, дорогуша, это серьезно.

— У некоторых людей, — сказал молодой человек с видом греческого философа, рассыпающего жемчуг мудрости, — у некоторых людей так уж заведено, чтобы правая рука не знала, что делает левая.

— Боже! — воскликнула Урсула. — Мои руки никогда не знают, что я делаю, но суть не в этом. Я хочу сказать... О-ò-o! Нам здесь сходить. Дорогуша, пошевеливайся.

Я провожал взглядом ее движение по проходу. Высокая, одетая небрежно, но элегантно, гибкая, подвижная фигура из тех, при виде которых у молодых людей роятся в голове распутные мысли, длинные ноги дивной формы. Я смотрел, как она спускается на тротуар и, все так же оживленно беседуя со своим спутником, исчезает в толпе праздных гуляк и посетителей торговых точек.

Я вздохнул. Такая прелестная девушка, и как же жестоко поступила судьба, подразнив меня этим видением, чтобы тут же разлучить с ним. Однако я ошибался — не прошло и трех дней, как Урсула вновь возникла на моем жизненном пути, чтобы оставаться там с перерывами следующие пять лет.

Один друг пригласил меня к себе на день рождения, и, входя в гостиную, я услышал похожий на флейту, звонкий голос девушки из автобуса.

— Я прирожденный беспутник, — серьезно объясняла она высокому молодому человеку. — Страсть к путешествиям у меня в крови. Папочка говорит, что я настоящая непоседа.

— С днем рождения, — поздравил я хозяина. — И за то, что я принес тебе такой драгоценный подарок, прошу представить меня тому поразительному носу.

— Ты говоришь про Урсулу? — удивился он. — В самом деле хочешь познакомиться с ней?

— Превыше всего на свете, — заверил я его.

— Ладно, только я ни за что не отвечаю. Если она за тебя возьмется, быть тебе в сумасшедшем доме. Местная психушка уже битком набита ее приятелями.

Мы подошли к девушке с восхитительным носом.

— Урсула, — обратился к ней мой друг, стараясь говорить безучастно, — позволь познакомиться тебя. Джерри Даррелл... Урсула Пендрагон Уайт.

Урсула обернулась, обвела меня пристальным взглядом синих очей и одарила дивной улыбкой. В анфас ее нос выглядел еще очаровательнее, чем в профиль. И я был сражен наповал.

Д

— Привет, — сказала она. — Это ведь ты слынешь жуковедом?

— Я предпочел бы славу элегантно, симпатичного, остроумного, бесшабашного прожигателя жизни, — печально ответил я. — Но если ты предпочитаешь, чтобы я был жуковедом, так тому и быть.

Она рассмеялась, и смех ее был подобен звону бубенчиков.

— Прости, я грубо выразилась. Но ведь это ты человек, который любит животных, верно?

— Да, — признался я.

— Тогда ты как раз тот, кто мне нужен. Я уже несколько дней спорю с Седриком. Он жутко упрямый, но я уверена в своей правоте. Собаки ведь могут предсказывать, верно?

— Ну... — рассудительно произнес я, — если битьем выучить их говорить...

— Да нет же, нет! — нетерпеливо отрезала Урсула, точно разговаривала с несмышленным ребенком. — *Предсказывать*, понимаешь? Они видят призраков, могут предупредить тебя о близости смерти и так далее.

— Ты хочешь сказать — они *предчувствуют*? — осторожно спросил я.

— Ничего подобного, — отрезала Урсула. — Я подразумеваю именно то, что сказала.

После того как мы основательно обсудили благородные свойства и пророческий дар собак, я ловко перевел разговор на музыку. Мне удалось добыть билеты в концертный зал, и я подумал, что вот достойный и культурный способ завязать дружбу с Урсулой. Итак, я спросил, любит ли она музыку.

— Просто обожаю. — Она восторженно закатила глаза. — Если музыка, как говорят, язык любви, давай закусим.

Она с улыбкой посмотрела на меня.

— Ты хочешь сказать... — неосторожно начал я.

Теплый, отуманенный любовью взгляд Урсулы разом преобразился, глаза ее уподобились подернутому льдом цветкам барвинка.

— Только не объясняй мне, что я хочу сказать, — взбунтовалась она. — Все мои приятели этим занимаются, меня это приводит в бешенство. Без конца исправляют и исправляют меня, точно я... какая-нибудь контрольная работа.

— Ты не дала мне договорить, — мягко ответил я, — я собирался спросить: «Не хочешь ли ты сказать, что твоя любовь к музыке так велика, что ты с удовольствием примешь приглашение пойти со мной в концертный зал завтра вечером?»

— О-о-о! — просияла Урсула. — У тебя что — и билеты есть?

— Так уж заведено — на концерты ходить с билетами, — заметил я.

— Ты молодец. На прошлой неделе я хотела купить билеты, но они уже были распроданы. Я буду счастлива!

Когда я, весьма довольный собой, собрался уходить, хозяин полюбоществовал, как я поладил с Урсулой.

— Отлично, — ответил я, окрыленный своим успехом, завтра она идет со мной в ресторан, оттуда — на концерт.

— Что? — с ужасом воскликнул хозяин.

— Ревность тебе не поможет, — сказал я. — Конечно, ты достаточно мил, этакий неотесанный, скромный парень, но для успеха у такой прелестной девушки, как Урсула, тебе недостает чуточку шарма, живости ума, чего-то эдакого.

— Я не могу этого допустить, — всколыхнулся он. — Несмотря на твою возмутительную заносчивость, не могу в час, когда ты, мой друг, готов очертя голову ринуться в зияющие бездны преисподней, не протянуть руку помощи, чтобы остановить тебя.

— О чем ты? — спросил я с искренним интересом, настолько серьезно он говорил.

— Слушай и не говори потом, что тебя не предупреждали. Лучше всего, если бы ты позвонил ей сегодня вечером и сказал, что заболел гриппом, или тебя укусила бешеная собака, или еще что-нибудь. Однако я знаю, что ты этого не сделаешь, ты одурманен. Но ради бога, послушай мой совет. Если пойдешь с ней в ресторан, ни за что не давай ей в руки меню, разве что тебе сейчас досталось по наследству несколько сот фунтов стерлингов. У нее аппетит как у самого прожорливого удава, и она ничего не смыслит в деньгах. Что же касается концерта... так вот, дружище, тебе не известно, что администрацию концертного зала бросает в дрожь при одном упоминании ее имени? Что они не один год изыскивают возможность по закону запретить ей посещать концерты?

— Но она заверила, что очень любит музыку, — неловко произнес я.

— Это чистая правда, и музыка действует на нее самым ужасным образом. Однако еще ужаснее она действует на музыку. Мне довелось видеть, как музыкант, дирижировавший «Волшебной флейтой», весь в слезах, припал к флакону с нюхательной солью, словно младенец к соске. Рассказывают также, и я готов в это поверить, что другой дирижер проснулся наутро седой, после того как накануне Урсула присутствовала на представлении «Весны священной» Стравинского. Разве тебе не известно, что когда здесь гастролировала Айлин Джойс, то Урсула, явившись на концерт, так пагубно воздействовала на несчастную пианистку, что та *забывала переодеваться* в паузах?

Д

— Может быть... может быть, виной был просто какой-то недосмотр?

— Недосмотр? Недосмотр! Ты когда-нибудь слышал, чтобы у Айлин Джойс недоставало *платьев*?

Пришлось признать, что он меня убедил.

Хозяин проводил меня до дверей с уттивостью мягкосердечного палача.

— Помни, — тихо сказал он, сочувственно сжимая мою руку, — я твой друг. Звони, если я тебе понадобится. Звони в любое время дня и ночи.

С этими словами он решительно захлопнул дверь у меня перед носом, и я отправился домой, полный тревожных предчувствий.

Однако на другой день я проснулся утром в бодром расположении духа. «Как-никак, — говорил я себе, — Урсула восхитительная девушка, такое очаровательное создание просто не может вести себя так невоспитанно, как это изображал мой друг. Скорее всего, он попытался назначить ей свидание, и она с рассудительностью, равной ее красоте, отшила его». Утешив себя таким образом, я оделся особенно тщательно и отправился на вокзал встречать Урсулу. С ее слов мне было известно, что она живет в Нью-Форесте и в Борнмут едет поездом, потому что: «Когда мне нужен наш «Роллс-Ройс», папочка непременно куда-нибудь уезжает на нем». Выйдя на платформу, я стал нетерпеливо ждать прибытия поезда. Когда я в двадцатый раз поправлял свой галстук, ко мне вдруг обратилась пожилая леди, одна из столпов местной церкви, каким-то образом подружившаяся с моей матерью. Я стоял, переминаясь с ноги на ногу и всей душой желая, чтобы старая карга поскорей испарилась, потому что, когда впервые встречаешься с девушкой, которой ты назначил свидание, меньше всего желаешь, чтобы при сем присутствовала критическая благочестивая аудитория. Однако она пристала ко мне как клещ и все еще продолжала рассказывать о последнем благотворительном базаре, когда на станции появился, чужфкая, чумаэый паровоз. Нетерпеливо обводя взглядом вагоны в поисках Урсулы, я не слишком внимательно прислушивался к рассказу о том, что говорил приходской священник.

— И священник сказал: «Я лично, миссис Дарлингхерст, сообщу епископу, как самоотверженно вы трудились во время сбора средств на орган». Конечно, он вовсе не обязан это делать, но он поступил как истинный христианин, правда?

— О, конечно... конечно... весьма... э... мудрый человек.

— И я так думаю. И я сказала ему: «Господин священник, я всего лишь скромная вдовица...»

Мне не пришлось узнать, какими еще секретами своей личной жизни она поделилась со священником, потому что откуда-то сзади до моих ушей донесся звонкий радостный голос Урсулы:

— Дорогой! *Дорогуша!* Я здесь!

Я развернулся кругом — и сделал это как раз вовремя, потому что Урсула бросилась в мои объятия и впиалась своими губами в мои с алчностью шмеля, завидевшего первый в сезоне цветок клевера. Вырвавшись наконец из осьминожьей хватки Урсулы, я попытался найти взглядом миссис Дарлингхерст и обнаружил, что она пьтится вдоль платформы с видом пустычника, который стал вдруг свидетелем римской оргии самого дурного пошиба. Я робко улыбнулся, помахал рукой, после чего схватил Урсулу за руку и повлек за собой, на ходу пытаюсь стереть с губ около килограмма помады.

На Урсуле было эффектное синее платье, превосходно сочетающееся с ее огромными глазами, и элегантные белые замшевые перчатки. На одной руке висела на ремне необычная корзиночка, похожая на те, в которые кладут припасы, отправляясь на пикник. Должно быть, в этой таре она держала запас косметики, рассчитанный не на один год.

— Дорогой, — сказала Урсула, устремив на меня восторженный взгляд, — я *предвкушаю* все это. Такой чудесный день! Ленч наедине с тобой, потом концерт... О-о-о-о! *Райское наслаждение!*

В это время мы проходили мимо билетных касс, и несколько мужчин, уловив игриво-страстную интонацию, с которой были произнесены слова «райское наслаждение», посмотрели на меня с такой завистью, что я сразу приосанился.

— Я заказал столик... — начал я.

— Дорогой, — поспешно перебила меня Урсула. — Мне позарез нужно в уборную. В поезде не было туалета. Купи мне газету.

С разных сторон на нее устремились удивленные взгляды.

— Потише! — сказал я. — Не надо так громко. Зачем тебе газета? Там есть туалетная бумага.

— Конечно, дорогой, но она слишком тонкая. Я предпочитаю подстелить бумагу потолще, — объяснила Урсула, и голос ее разносился кругом, как звон колоколов в морозной ночи.

— Подстелить? — спросил я.

— Ну да. Я никогда не сажусь прямо на сиденье. Потому что одна моя знакомая, посидев вот так, схватила скарабея.

— Ты хочешь сказать — скарабату?

— Да нет же, *нет!* — нетерпеливо возразила она. — Скарабея. Вся так и пошла отвратительными красными пятнами. Прошу тебя, дорогой, скорее купи мне газету, я просто *умираю*.

Я исполнил просьбу Урсулы, и она направилась в женскую уборную, размахивая газетой так, словно разгоняла бактерий. «Интересно, — спро-

Д

сил я себя, — от кого из своих друзей могла она слышать слово «скарабей» и по какому поводу?»

Через несколько минут она возникла вновь с улыбкой на лице и, очевидно, без бактерий, я затолкал ее в такси и отвез в ресторан. Мы быстро нашли свободный столик, и официант разложил перед нами огромные меню. Памятуя советы моего друга, я живо выхватил меню из рук Урсулы.

— Я сам выберу для тебя блюда, — объяснил я. — Я гурман.

— Правда? — удивилась Урсула. — Разве ты индеец?

— При чем тут Индия?

— Ну, я думала, что они приезжают оттуда.

— Кто? Гурманы? — все больше удивлялся я.

— Ну да. Разве это не те люди, которые проводят время, созерцая свой живот?

— Совсем не те. Ты подразумеваешь нечто совершенно другое. Ладно, не ломай себе голову, лучше давай я закажу, что нам есть.

Я заказал педорогой, но плотный ленч и к нему бутылку вина. Урсула тараторила без перерыва. У нее было несметное количество друзей, которых, считала она, я должен был знать и дела которых чрезвычайно ее интересовали. Судя по рассказам Урсулы, большую часть своего времени она тратила на то, чтобы перекраивать их жизнь, невзирая на их собственное мнение на этот счет. Голос ее журчал как ручей, и я слушал как завороченный.

— Меня страшно беспокоит Тоби, — доверительно сообщила она мне, уписывая креветки. — Честное слово, беспокоит. Похоже, его гложет тайная страсть к кому-то. Но папочка не согласен со мной. Папочка говорит, что Тоби склонен к алогизму.

— Алогизму?

— Ну да. Понимаешь, он слишком много пьет.

«Что ж, — сказал я себе, — пьяницы и впрямь не слишком логично мыслят...»

— Ему следует обратиться в Общество анонимных алогистов, — ляпнул я.

— Это кто же такие? — живо заинтересовалась Урсула.

— Ну, это такое тайное общество... э... э... алогистов, они стараются помочь друг другу... э... избавиться от дурной привычки и стать... э... стать...

— Стать логистами! — радостно воскликнула Урсула.

Должен сознаться, что такая мысль не пришла мне в голову.

Когда нам подали котлету из филе, Урсула наклонилась над тарелкой и пристально посмотрела на меня своими синими глазами.

— Ты слышал про Сюзен? — прошептала она, причем шепот ее прозвучал куда явственнее, чем если бы она говорила полным голосом.

— Э-э... нет, не слышал, — признался я.

— Так вот, она забеременела. У нее должен был родиться неграмотный ребенок.

Я поразмыслил над этой новостью.

— Что ж, при нынешнем уровне просвещения...

— Не говори глупости! Она *ничего* не применяла, — продолжала шептать Урсула. — Дуреха такая. А ее отец, естественно, заявил, что не желает, чтобы его существование омрачала ватага неграмотных.

— Еще бы, — сказал я. — Кому же захочется, чтобы его дом превратился в убежище обманутых девиц.

— Вот-вот! И отец велел ей сделать аборт.

— Напасть на отца ребенка? — спросил я.

— Да нет же, дурачок! Избавиться от младенца.

— Ну и как? Она послушалась?

— Послушалась. Он послал ее в Лондон. Это обошлось страшно дорого, и бедняжка вернулась домой в жутком состоянии. По-моему, ее отец был не прав.

К этому времени большинство других посетителей ресторана слушали нашу беседу затаив дыхание.

За кофе Урсула принялась рассказывать мне длинную и весьма замысловатую историю про одного своего друга, который попал в беду и которому она жаждала помочь. Я слушал вполуха, пока она вдруг не сказала:

— Как раз тогда я не могла ничего поделать, потому что мама лежала в постели с гриппом, а папочка попросил меня пораньше приготовить завтрак, потому что собирался отвезти быка к ветеринару, чтобы хлестать его. Поэтому...

— *Что* собирался сделать твой папа? — спросил я.

— Отвезти к ветеринару быка, чтобы хлестать его. Он стал совсем буйный и опасный.

Я тщетно пытался сообразить, зачем надо хлестать опасного и буйного быка, однако у меня достало ума не расспрашивать об этом Урсулу.

— Послушай, — сказал я, — давай-ка допивай поскорей кофе. Не то мы можем опоздать на концерт.

— О, конечно, — отозвалась она. — Нам нельзя оназдывать.

Урсула поспешно допила кофе, я рассчитался с официантом и вывел ее из ресторана. Мы проследовали через так называемый Борнмутский увеселительный сад, мимо чахлах рододендронов и прудов к концертному залу.

Д

Когда мы взяли курс на свои места, Урсула настояла на том, чтобы нести с собой свою корзинку.

— Почему бы тебе не оставить ее в гардеробе? — спросил я, уж больно громоздкой казалась мне эта корзина.

— Я не доверяю гардеробам, — загадочно ответила Урсула. — Там происходят странные вещи.

Чтобы не усложнять себе жизнь, я не стал выяснять, что за странные вещи происходят в гардеробах. Мы заняли свои кресла и втиснули корзинку между ногами.

Постепенно зал заполнили серьезные любители музыки. И когда вышел концертмейстер, Урсула с жаром присоединилась к аплодисментам, потом наклонилась ко мне и прошептала:

— Правда, дирижер очень симпатичный?

Я посчитал, что сейчас не время поправлять ее. Наконец появился дирижер, и Урсула снова принялась бить в ладоши, потом откинулась в кресле и глубоко вздохнула.

Посмотрела на меня с очаровательной улыбкой:

— Я предвкушаю, как это будет чудесно, дорогой.

Программа концерта состояла из произведений Моцарта, моего любимого композитора, и мне быстро стало понятно, что подразумевали мои друзья, говоря о пагубном воздействии Урсулы на музыку. Стоило инструментам смолкнуть на секунду, как она тотчас принималась аплодировать. Со всех сторон на нас шикали, и я быстро наловчился вовремя хватать ее за руки. Каждый раз она обращала на меня страдальческий взгляд и шептала:

— Прости, дорогой. Я думала, он уже закончил.

Кажется, после четвертого номера программы я почувствовал, что корзинка шевелится. Подумал сперва, что ошибся, но, придавив ее ногой, убедился, что там происходит какое-то шевеление. Посмотрел на Урсулу, она сидела с закрытыми глазами, покачивая в такт музыке указательным пальцем.

— Урсула! — прошептал я.

— Да, дорогой, — отозвалась она, не открывая глаз.

— Что у тебя там в корзине?

Она озадаченно уставилась на меня.

— Ты о чем это?

— В твоей корзинке что-то шевелится.

— Тс-с-с! — донесся сзади сердитый хор.

— Не может быть, — сказала Урсула. — Разве что кончилось действие таблеток.

— Что у тебя в корзине? — спросил я.

— Ничего особенного, просто подарок для одного человека.

Она наклонилась, подняла крышку и извлекла из корзинки крохотного мопса с огромными черными глазами.

Я был потрясен. Борнмутские любители музыки очень серьезно относились к концертам, меньше всего на свете они желали и допускали, чтобы в священные покои вторгались собаки.

— Черт возьми! — сказала Урсула, глядя на очаровательную мордочку мопса. — Действие таблеток кончилось.

— Слышишь, немедленно посади его обратно в корзину, — прошипел я.

— Тс-с-с! — шикали на нас со всех сторон. Урсула наклонилась, чтобы вернуть щенка в корзину, он широко зевнул, потом вдруг дернулся, и она выпустила его.

— О-о-о! — пропищала Урсула. — Я уронила его! Уронила!

— Замолчи! — рявкнул я.

Шиканье продолжалось.

Я нагнулся, пытаюсь нащупать щенка, однако мопсик, явно ободренный тем, что вырвался из заточения, уже трусил мимо кресел, сквозь лес из чужих ног.

— Что мы теперь будем *делать*? — спросила Урсула.

— Вот что, ты лучше помалкивай, — ответил я. — Заткнись и предоставь действовать мне.

Шиканье не прекращалось.

Мы помолчали, я лихорадочно соображал. Как отыскать щенка мопса среди всех этих кресел и ног, не срывая концерт?

— Придется оставить его в покое, — заключил я. — Я поищу после концерта, когда все разойдутся.

— Ты что! — всколыхнулась Урсула. — Разве можно бросить вот так этого крошку, на него могут наступить, могут его покалечить.

— Хорошо, а что ты сейчас предлагаешь мне делать?'

— Тс-с-с! — неслось отовсюду.

— Пойди отыщи его среди этой чащи кресел и ног, — продолжал я.

— Но дорогой, ты *обязан* его найти. Ему так страшно, страшно одиноко.

«Одиноко среди семи сотен людей в зале», — подумал я.

— Ладно, сделаю вид, что мне понадобилось пойти в уборную.

— Чудесная идея, — просияла Урсула. — Наверно, он как раз в ту сторону направился.

Встав на ноги, я прошел сквозь строй негодующих лиц и произносимых вполголоса проклятий. Очутившись в проходе, прямо перед собой уви-

Д

дел мопсика, который присел, как приседают щенята до того, как научатся поднимать ножку, и по-своему декорировал красную ковровую дорожку. Осторожно подкравшись, я схватил его и поднял, при этом мопсик громко взвизгнул, заглушая бурные звуки музыки. Послышался нестройный шум — это возмущенные меломаны повернулись в мою сторону. Щенок продолжал визжать, тогда я затолкал его под пиджак и выбежал из зала.

К счастью, в гардеробе дежурила одна моя знакомая девушка.

— Привет, — сказала она. — Уже уходишь? Тебе не понравился концерт?

— Н-нет... меня... меня вынудили обстоятельства. — Я достал щенка из-под пиджака и показал ей. — Ты не присмотришь за ним для меня?

— Ой, какой миленький! — воскликнула она. — Надеюсь, ты не носил его в зал? У нас ведь строго запрещено приводить с собой собак.

— Знаю, знаю. Произошло недоразумение. Это не мой щенок, моего друга. Ты присмотришь за ним до конца концерта?

— Конечно, присмотрю. Он такой миленький!

— Совсем не такой уж миленький, когда попадает на концерт, — ответил я.

Передав мопсика в заботливые руки гардеробщицы, я возвратился в зал и тихо постоял в тени, пока не кончилось исполнение очередного номера. После чего прошел вдоль рядов к Урсуле.

— Ты принес его, милый? — осведомилась она.

— Нет, я оставил его у гардеробщицы, мы с ней знакомы.

— Ты уверен, что с ним ничего не случится? — В представлении Урсулы, в гардеробах с щенками мопсов происходили какие-то ужасные вещи.

— Все будет в полном порядке, — ответил я. — Его будут нежить и лелеять до конца концерта. Ума не приложу, зачем тебе понадобилось приносить собаку в зал.

— Но, дорогой, это подарок одному моему другу. Я... я собиралась все объяснить тебе, но ты все время говорил, говорил, не давал мне слова вставить. Я отвезу его после концерта.

— Ладно, только, ради бога, не повторяй больше этот номер. Концертный зал не предназначен для собак. А теперь давай посидим спокойно, постараемся наслаждаться музыкой, хорошо?

— Конечно, милый, — отозвалась Урсула.

Когда закончился концерт и Урсула, как она выразилась, поаплодировала до хрипоты, мы извлекли щенка из гардероба, вернули его в корзину и покинули зал вместе с толпой любителей музыки, оживленно обсуждавших достоинства Борнмутского симфонического оркестра.

— Дорогой, *я так* счастлива, — говорила Урсула. — Все эти архиеп-

лаги, у меня от них мурашки по спине. Никто не сравнится с Бетховеном, верно? — громко и отчетливо спросила она, вися на моей руке, точно хрупкая девственная тетушка, заглядывая мне в глаза и сжимая в одной руке программу, на которой большими буквами было написано: «Концерт из произведений Моцарта».

— Никто, — поспешил я согласиться. — Но ты собиралась рассказать про щенка.

— Так вот, — начала она. — Я хочу отвезти его моему другу, которая живет на окраине Пула. Ее зовут миссис Голайтли.

— Я несколько не удивлен, — ответил я. — Только объясни мне, зачем ты везешь щенка миссис Голайтли.

— Он нужен ей. Страшно нужен. Понимаешь, она только что потеряла своего Бов-вов.

— Что она потеряла?

— Своего Бов-вов.

— Ты говоришь о собаке?

— Ну да. Это такая кличка была — Бов-вов.

— И теперь ей нужна другая собака?

— Конечно. Не то чтобы она сама этого *хотела*, но она нуждается в собаке.

— Другими словами, ты... гм... хочешь подарить ей щенка, потому что считаешь, что она в нем нуждается?

— Ну конечно! — воскликнула Урсула. — Это же сразу видно, как ей нужна собака!

— Сдается мне, большая часть твоего времени уходит на вмешательство в дела твоих друзей, когда они этого вовсе не желают.

— Конечно, желают, — серьезно возразила Урсула. — Желают, хотя не отдают себе в этом отчета.

Я сдался.

— Ладно. Поехали в Пул.

И мы двинулись в путь. Когда мы добрались до Пула, Урсула повела меня по каким-то закоулкам, пока не остановилась перед крохотным домиком, отчужденно смотрящим на своего соседа через улицу. Бронзовая дверная ручка этого домика была тщательно отполирована, и я обратил внимание на удивительную белизну ступенек, свидетельство пристрастия хозяйки к чистоте. Урсула энергично постучала дверным молотком, наконец дверь отворилась, и я увидел маленькую, хрупкую седую старушку.

— Кого я вижу! — воскликнула она. — Мисс Урсула, это ты!

— Эмма, дорогая! — Урсула заключила в свои объятия эту пушинку. — Мы пришли навестить тебя. Это — Джерри.

Д

— О, входите... входите же, — пригласила старушка. — Но почему вы не предупредили меня? Я не одета как следует, и в доме ужасный беспорядок.

Она провела нас в комнату, обставленную допотопной мебелью, заботливо отполированной и являющей собой образец безукоризненно дурного вкуса. С этой комнатой обращались как с дорогим музейным экспонатом. Все стояло на своих местах, все блестело и сверкало, и в воздухе слабо пахло политуры и антисептиком. На крышке пианино, которое выглядело так, словно им никогда не пользовались, выстроились фотографии. Две из них изображали стоящего очень прямо джентльмена с пышными усами, остальные — косматую собаку смешанной породы в самых различных позах. Большинство снимков — неясные, расплывчатые, однако было совершенно очевидно, что джентльмен играл второстепенную роль, главная отводилась собаке. Я предположил, что это и есть Бов-вов.

— Садитесь же, садитесь, — уговаривала старушка. — Сейчас я приготовлю чай. И у меня еще есть торт. К счастью, я испекла торт на днях. Вы не откажетесь от куска торта и чашки чая?

Мне в эту минуту больше всего на свете хотелось выпить несколько добрых кружек пива, но я ответил, что с удовольствием выпью чая.

За чаем и куском торта, таким же легким и воздушным, как слиток свинца, Урсула говорила без умолку. Я понял, что Эмма Голайтли одно время служила в доме ее отца и явно чтит его очень высоко. Было интересно наблюдать, как бурлящая энергия Урсулы воздействует на Эмму. Когда хозяйка открыла нам дверь, лицо ее казалось серым и изможденным, теперь же она порозовела и улыбалась, явно зараженная энтузиазмом гостя.

— Да-да, — приговаривала она. — А помнишь...

— Конечно! — подхватывала Урсула.

— А помнишь еще тот раз...

Казалось, этому не будет конца. Право, старушка выглядела так, словно ей сделали переливание крови. Я был готов воочию убедиться, что Урсула, в свою очередь, совершенно обескровлена.

В конце концов она искусно перевела речь на Бов-вов.

— Понимаешь, Джерри совсем ничего не знает про Бов-вов, — Урсула сочувственно поглядела на Эмму. — Расскажи ему.

Глаза Эммы наполнились слезами.

— Такая была чудесная собака, — заговорила она. — Чудная. Право, он разве что не говорил, да-да. И вот однажды я выпустила его погулять, и какой-то тип на машине задавил его. Задавил и даже не остановился... не остановился. Я отвезла Бов-вов к ветеринару... он был весь в крови. И я сказала ветеринару, я сказала... я заплачу, сколько скажете, только спаси-

те его. Понимаете, после смерти моего мужа у меня только он и остался. Такая милая собака, такая славная. Уверена, вы сразу полюбили бы его. Он был весь в крови и как будто не очень страдал, но они сказали, что ничего не могут сделать. Сказали, лучше всего для Бов-вов будет умертвить его. А ведь он был моим товарищем с тех самых пор, как умер муж. Много... много лет... он жил здесь... почти двенадцать лет. Можете себе представить, какой это был удар для меня. И когда они сказали, что другого выхода нет, я ответила: «Ладно, давайте делайте, как говорите». И они... они умертвили его.

Она помолчала, энергично высморкалась.

— Конечно, это был для вас страшный удар, — сказал я.

— О, да-да. Ужасный удар. Это было все равно что потерять часть моей собственной жизни, ведь он, как я уже сказала, был моим единственным товарищем после смерти мужа.

Я не очень представлял себе, как продолжать беседу, ведь если Эмма и дальше будет вспоминать Бов-вов, это кончится рыданиями. И в этот миг, когда я совсем растерялся, Урсула рассекретила свое боевое средство.

— *Милая* Эмма, — вступила она, — потому что ты так заботилась о Бов-вов... так старалась, чтобы ему было хорошо... да, именно поэтому я хочу... хочу попросить тебя сделать мне великое одолжение. Конечно, ты можешь отказаться, но мне хотелось бы, чтобы ты подумала.

— Одолжение, мисс Урсула? — сказала Эмма. — Конечно, сделаю тебе одолжение. И чего же ты хочешь?

— Понимаешь, — принялась Урсула лихо сочинять, — этот мой друг завел щеночка, и, на беду, у них в семье сейчас серьезное заболевание, его жена больна, *тяжело больна*, а потому он не может следить за щеночком так, как тот заслуживает, и они ищут кого-нибудь, кто мог бы присмотреть за ним недельку. Человека, который обращался бы ласково с щеночком, заботился о нем. И я сразу подумала о тебе.

— Как, — сказала Эмма, — щеночек? Право... не знаю даже. Понимаешь, после Бов-вов... ну, к другой собаке как-то сердце не лежит.

— Но это всего лишь *щеночек*, — твердила Урсула со слезами на глазах. — Маленький, совсем крохотный щеночек. И ведь всего-то на какую-то неделю. И я уверена, что ты смогла бы замечательно заботиться о нем.

— Ну, я даже не знаю, мисс Урсула, — повторила Эмма. — Я... я не хотела бы *заводить* другую собаку.

— Но я и не прошу тебя заводить другую собаку. Прошу только присмотреть за щенком для этого несчастного человека, жена которого болеет, тяжело болеет. Он разрывается между женой и щенком.

— Да-да, — подхватила Эмма. — В точности как я, когда Билл болел.

Д

Помню, помню. Как я иной раз не знала, то ли идти гулять с Бов-вов, то ли оставаться дома с Биллом, он так сильно болел. А что это за собака, мисс Урсула?

— Я покажу тебе. — Урсула нагнулась и открыла корзинку.

Мопс крепко спал, свернувшись калачиком, утомленный культурным мероприятием на концерте. Урсула бесцеремонно схватила его за шиворот и предъявила оторопелому взору Эммы.

— Посмотри, — сказала она. — Погляди на бедного крошку.

— О, — произнесла Эмма, машинально повторяя за Урсулой, — *бедный крошка*.

Урсула сделала попытку покачать щенка на руках, и он крепко тянул ее за указательный палец, чем доставил мне немалое удовольствие.

— Ты только посмотри на него, — дрожащим голосом твердила Урсула, с трудом удерживая вырывающегося мопсика. — Маленькое глупое создание, бедняжка, который еще ничего не смыслит. Вырванный из семьи, из обстановки, к которой только начал привыкать. Неужели, Эмма, ты не сжалишься над ним?

Чем-то вся эта сцена стала напоминать мне «Джен Эйр», однако я был так восхищен искусной игрой Урсулы, что не стал вмешиваться.

— Бедный сиротка, — продолжала она, сисясь высвободить палец из острых зубиков щенка, — бедный сиротка нуждается в малой толике тепла, в малой толике помощи в трудную минуту... и мой друг тоже нуждается.

— Что ж, должна признать, что он очень, очень милый, — сказала явно тронутая Эмма.

— Конечно, — подхватила Урсула, сжимая мордочку мопса, чтобы не дать ему укусить ее снова. — Просто очаровательный, и, по-моему... я не уверена, но кажется, он хорошо воспитан... Всего только на неделю, Эмма, дорогая. Может он... можешь ты принять его как... как платного постояльца, так сказать, или что-то в этом роде?

— Ну, для кого-нибудь другого я бы этого не сделала, — ответила Эмма, глядя как загипнотизированная на извивающийся пушистый комочек с круглым розовым животиком и большими черными глазами. — Но он, похоже, славный маленький песик, и раз уж ты так просишь... я... я согласна поддержать его недельку у себя.

— Дорогая, да благословит тебя бог, — выдохнула Урсула.

Поспешно вернув отчаянно вырывающегося щенка в корзину, она бросилась к Эмме, обняла ее и расцеловала.

— Я всегда знала, — сказала она, устремив на Эмму взгляд своих ярких синих прожекторов, чье всеильное действие я испытал на себе, — я

знала, что кто-кто, но только *не ты* отвернешься от крохотного щеночка в трудную для него минуту.

Что всего удивительнее — она произнесла это так убежденно, что я сам едва не прослезился.

Наконец, отказавшись от второй чашки чая и второго куска неудобоваримого торта, мы откланялись. По пути к станции Урсула вдруг крепко-крепко обняла меня.

— Огромное спасибо, дорогой, — сказала она. — Ты меня здорово выручил.

— Как это — выручил? Я ничего не делал.

— Но ты был там со мной. Помогал... помогал своим воздействием, так сказать, своим присутствием, понимаешь?

— А теперь объясни мне, — спросил я, — зачем ты навязала бедной женщине этого своенравного щенка, который ей совсем не нужен?

— О, да ты ничего не знаешь про Эмму, — ответила Урсула.

И была совершенно права.

— Расскажи.

— Так вот, — начала она. — Во-первых, ее муж заболел, а тут они завели Бов-вов, и она разрывалась между мужем и Бов-вов, а когда муж умер, она перенесла весь своей рецидив, или как это там называется, на Бов-вов.

А тут Бов-вов сбила машина, и с тех пор ей все хуже и хуже. Дорогой, это было видно по ней. Каждый раз, когда я навещала ее, мне бросалось в глаза, как она все больше дряхлеет и... как это сказать, походит на ведьму.

— И ты считаешь, что щенок ей поможет?

— Конечно, поможет. Он самый злобный из всего помета. Он станет бросаться на почтальона или на зеленщика, вообще на всякого, кто занимается доставкой чего-либо, и у него очень длинная шерсть для моиса, так что все будет осыпано его волосами, и он совсем невоспитанный, будет гадить на каждом шагу, дорогой.

— Постой, — перебил я ее. — По-твоему, это самый удачный подарок хрупкой старушке, которая только что потеряла своего любимого Бов-вов?

— Но дорогой, это самый *подходящий* подарок! — Урсула остановилась подле уличного фонаря и уставилась на меня. — Бов-вов вел себя точно так же. Кругом валялись его волосы, и когда она забывала вывести его вовремя, он гадил в передней, и она целыми днями жаловалась на его дурное поведение... Теперь ей будет чем заняться. Понимаешь, после смерти мужа, а потом и Бов-вов, ей совсем нечем было себя занять, и она, так сказать, на глазах увядала. А этот новый щенок станет кусать ее и вообще

Д

всех подряд, и пострадавшие будут обращаться в суд. И он будет рассыпать кругом свою шерсть и гадить на ковер, и она будет просто счастлива.

Я посмотрел на Урсулу и впервые по-настоящему оценил ее.

— Знаешь, — сказал я, обнимая и целуя ее, — по-моему, ты настоящая прелесть.

— При чем тут прелесть, — возразила Урсула, прильнув ко мне, — прелесть тут ни при чем. Просто она очень славная старушка, и мне хочется, чтобы ей жилось веселей оставшиеся годы. Этот щенок не даст ей соскучиться.

— А вот мне такое ни за что не пришлось бы в голову, — признался я.

— Разумеется, пришлось бы, дорогой! — Она наградила меня ослепительной улыбкой. — Ты такой умный.

— Иногда, — сказал я, беря ее под руку и ведя дальше к станции, — иногда я начинаю в этом сомневаться.

Последующие несколько месяцев даровали мне много блаженных дней, Урсула была ясная голубиная душа, заслуживающая всяческого уважения. Очень скоро я обнаружил, что во избежание затруднительных положений лучше вывозить ее за город, чем замыкать в стенах театров или ресторанов. За городом кукушки, жаворонки и ежи воспринимали ее как очень естественного и славного человека. А в светском обществе в Борнмуте она постоянно, как говорится, роняла кирпичи, словно новичок на стройплощадке.

Впрочем, вылазки с Урсулой на лоно природы тоже были чреваты некоторым риском. Я показал ей перелесок, где, как мне довелось убедиться, в то время на квадратный дециметр приходилось больше птичьих гнезд, чем где-либо еще. Охваченная горячим волнением, она заглядывала в гнездышки, заполненные до краев пухлыми горластыми птенцами или яйцами разных цветов, и восторженно ахала. Пришлось мне потом каждый день навещать этот перелесок и докладывать ей по телефону о том, что происходит в мире птиц. Две-три недели спустя я снова привел ее туда, и мы с ужасом обнаружили, что кто-то — скорее всего группа подростков, — кроме нас, побывал в перелеске и систематически разорил все гнезда. На траве лежали мертвые птенцы, яйца исчезли. Страданиям Урсулы не было предела. Горе и ярость ее вылились в безудержном рыдании, и я не скоро смог успокоить ее.

Она все еще изредка всхлипывала, когда я привел ее в чистенький бар «Квадрант и Компас» — одну из моих любимых пивнушек в этом районе. В этом крохотном заведении собирались по вечерам все местные старики, этакие смуглые битюги, с похожими на грецкий орех морщинистыми лицами, с висячими усами, белыми и жесткими, как покрытая инеем трава.

Одним словом, чудесные старики, и я надеялся, что знакомство с ними отвлечет Урсулу от мыслей о разоренных гнездах. А еще мне было интересно посмотреть, как завсегдатаи воспримут ее появление.

Первые несколько минут они сидели молча и неподвижно, крепко сжимая руками свои кружки и подозрительно поглядывая на нас. Меня они знали, но со мной в их маленьком дымном баре появилось чужеродное создание, притом весьма привлекательное и женственное. Это было святотатством. Неписанный закон запрещал женщинам вход в «Квадрант и Компас». Однако Урсула об этом не подозревала, а если и подозревала, то ее это нисколько не страшило. Она напудрила нос, в рекордно короткое время опрокинула добрую стопку джина и обратила на стариков ослепительный взгляд своих нежных синих очей. И вот уже они оттаяли, даже как-то виновато посмеиваются ее репликам. Внезапно глаза ее остановились на черном столике в углу.

— О-о-о! — восторженно пропищала она. — Игра в блошки!

Старики с ужасом поглядели друг на друга. Потом все взгляды обратились на самого старого, восьмидесятичетырехлетнего патриарха, который, как мне было известно, слыл здесь чемпионом популярнейшей игры.

— Нет, мисс, — твердо произнес он. — Это шаффлборд, игра в монетки.

— О, научите меня играть, — попросила Урсула, глядя на патриарха с таким обожанием, что смуглое лицо его приобрело цвет переспелого помидора.

— Да-да, Джордж, давай научи мисс, — хором подхватили остальные, наслаждаясь смущенным видом своего товарища, который уподобился ступавшему школьнику.

Он тяжело поднялся на ноги и подошел вместе с Урсулой к столу для игры в монетки.

Глядя, как он учит ее, я — не в первый раз — размышлял о коварстве женщин вообще и Урсулы в частности. Было совершенно очевидно, что она не только умеет играть в шаффлборд, но скорее всего могла бы победить Джорджа. Но смотреть, как она изображает неловкого новичка и как он гладит ее по плечу могучей заскорузлой пятерней, словно маленького щеночка, было сплошным удовольствием. Урсула ухитрилась изящно проиграть, после чего заказала всем по кружке пива — за мой счет, разумеется, поскольку у нее не было денег.

А раскрасневшиеся старики уже чуть ли не дрались из-за того, кому следующим играть с Урсулой в монетки. Вооружившись вечерней газетой, она на несколько минут исчезла в уборной, после чего вернулась принимать вызовы соперников.

Д

Джордж, вытирая покрытые пеной пышные усы, опустился на дубовую скамейку рядом со мной и закурил предложенную ему сигарету.

— Прекрасная молодая женщина, — произнес он, — превосходная молодая женщина, хотя и приезжая.

Интересно, что слово «приезжая» он употребил не в том смысле, в каком его употребляют большинство деревенских жителей Англии, когда говорят об уроженцах других областей. Слушая своеобразную речь Урсулы, он заключил, что она приехала из материковой Европы или какой-то еще варварской страны. Я не стал его разочаровывать.

Нашему знакомству с Урсулой исполнился почти год, когда однажды она позвонила мне, чтобы сообщить сногсшибательную новость.

— Джерри! — Голос, который мог принадлежать только Урсуле, звучал так пронзительно, что пришлось отодвинуть трубку от уха.

— Да, — кротко отозвался я.

— Милый, это я, Урсула.

— Не может быть, — ответил я. — Ты всегда такая выдержанная, голос такой сладкозвучный, нежный, словно воркование горлицы...

— *Не дури*, милый. Я звоню, чтобы сообщить тебе чудесную новость, и мне хотелось, чтобы ты первым ее услышал, — выпалила она.

«Что там еще произошло, — спросил я себя. — Кто из многочисленных друзей Урсулы добился потрясающего успеха благодаря ее макиавеллиевским интригам?»

— Выкладывай, — сказал я, набираясь сил для, по меньшей мере, полчасового телефонного разговора.

— Дорогой, я *обручилась*! — сообщила Урсула.

Должен признаться, что у меня екнуло сердце и я вдруг ощутил себя страшно одиноким. Не то чтобы я был влюблен в Урсулу, не то чтобы я хотел жениться на ней — не дай бог! — но я вдруг осознал, что теряю очаровательного друга. Человека, который умел разогнать мою хандру, с которым было проведено столько приятных часов. И вот теперь она невеста, несомненно, какого-нибудь неотесанного болвана, и нашей сердечной дружбе придет конец.

— Милый? — воззвала Урсула. — Дорогой? Ты там еще?

— Да, — ответил я. — Я здесь.

— Но, милый, у тебя такой мрачный голос. В чем дело? Я думала, ты *обрадуешься*! — жалобно протянула она.

— Я рад, — ответил я, стараясь подавить эгоистическое чувство, стараясь стереть из памяти рассказ Урсулы о каком-то ее приятеле, который

уехал в Венецию и по вечерам якшался с гондольерами. — Честное слово, любимая, я рад-радешенек. Кто этот несчастный?

— Это Тоби. Ты ведь знаешь Тоби.

— Но я думал, что он косноязычный.

— Да нет же, дурачок, не тот Тоби, а совсем другой.

— Очень рад. Мне подумалось, что косноязычному Тоби было бы не просто сделать тебе предложение.

— Дорогой, я совсем не узнаю тебя, — озабоченно произнесла Урсула, понижая голос. — Ты сердисься на меня за то, что я обручилась?

— Ни капельки, — едко ответил я. — Рад слышать, что нашелся человек, способный заставить тебя помолчать ровно столько, сколько понадобилось, чтобы сделать тебе предложение. *Мне* это никогда не удавалось.

— О-о-о! — воскликнула Урсула. — Ты ревнуешь! Милый, как это замечательно! Я никогда не подозревала, что ты хочешь сделать мне предложение. Когда это было?

— Часто, — сухо сказал я. — Но, к счастью, мне удавалось подавить в себе это желание.

— О милый, мне так жаль. И теперь ты замкнешься и превратишься в угрюмого молчуна?

— У меня нет ни малейшего желания опускаться на дно из-за тебя, — огрызнулся я.

— О милый, что за глупости. Я думала, ты обрадуешься. По правде говоря, я надеялась, что мы встретимся... — Голос ее совсем притих.

Ну и скотина же я, подумалось мне. Страшная, чудовищная скотина. Девушка, по сути, просит меня благословить ее, а я веду себя точно мальчишка. Я поспешил раскаяться:

— Конечно, мы можем встретиться, любимая. Извини меня за грубость. Просто мне трудно свыкнуться с мыслью, что ты невеста. Где ты хочешь, чтобы мы встретились?

— О дорогой, так-то лучше. Почему бы нам не посвятить вечер танцам? Пойдем в «Тропикану»... Соглашайся, милый!

«Танцевать до десяти вечера», — сказал я себе. Именно в «Тропикане» — отвратительном ночном клубе из тех, которые вдруг вырастают точно гриб-дождевик и короткое время вносят свой вклад в страдания человечества, чтобы затем благополучно кануть в небытие. Урсула не могла брать более противного мне места.

— Ладно, — изобразил я энтузиазм. — Но может, сперва где-нибудь пообедаем?

— О дорогой, конечно. Где именно?

— Как насчет «Гриллрум»? Я закажу столик.

Д

— Милый! — выдохнула Урсула. — То самое место, где мы с тобой обедали первый раз! Милый, ты *такой* романтик.

— Не сказал бы. Просто это единственное заведение, где прилично кормят, — сухо сказал я.

— Милый, я обожаю тебя... хоть ты и деспот. Вкусный обед, потом танцы. О-о, я приду в «Гриллрум» к восьми часам, дорогой. У меня нет слов, чтобы выразить тебе, как я рада, что ты рад. Я обожаю тебя, всегда буду любить.

Я положил трубку, сознавая, как много потерял.

Это сознание возросло, когда я увидел Урсулу, потому что она привела с собой жениха. Это был симпатичный молодой человек с весьма ограниченным запасом слов, без ума влюбленный в Урсулу. Но в общем-то, довольно приятный. «Гриллрум», как я и ожидал, был набит битком, так что пришлось нашей троице примоститься не очень удобно за столиком для двоих. Тоби не отличался красноречием, но это не играло особой роли, потому что Урсула говорила за двоих. После обеда мы отправились в «Тропикану» с его режущим слух оркестром. Мы с Тоби по очереди важно кружили в вальсе тараторящую Урсулу. На мой вкус, это был отвратительный вечер.

После я долго не встречался с Урсулой. Слышал, что она таки вышла замуж и родила младенца. И полагал, что теперь, когда Урсула прочно освоила брачное ложе, она навсегда ушла из моей жизни. Не тут-то было. Однажды зазвонил телефон, и я услышал голос Урсулы:

— Милый! Это я, Урсула!

— Силы небесные! — удивился я. — Где ты пропадала все эти годы?

— Дорогой, я вышла *замуж*. У меня есть ребенок.

— Как же, слышал. Поздравляю.

— Милый, я так долго торчу в деревне, что сегодня мне непременно надо съездить в Борнмут, походить по магазинам. Не могли бы мы встретиться?

— Ты приедешь вместе с мужем? — осторожно справился я.

— Нет, дорогой, я приеду сама по себе.

— В таком случае обязательно встретимся. Приглашаю тебя на ленч. Но сначала выпьем чашечку кофе в «Кадене».

— Чудесно, милый. Я буду там в одиннадцать.

Ровно в одиннадцать Урсула вошла в кафе «Кадена», и я сразу увидел, что она ожидает второго ребенка. Не говоря уже о выпуклом животе, она светилась, как розовые лепестки на солнце.

— Милый! — вскричала Урсула. — Милый! *Дорогой!*

Она с ходу обняла меня и наградила таким поцелуем, какие английские цензоры обычно вырезают из французских фильмов. При этом Урсула жужжала, точно рой пчел, одержимых сексом, и прижималась ко мне всем телом, чтобы как следует ощутить всю прелесть объятия и подтвердить свое самое искреннее расположение. Несколько пожилых леди и один хорошо сохранившийся (как коринка в портвейне) отставной бригадир установились на нас со сладострастным отвращением. По лицам было видно, что они ждут — сейчас я сорву с Урсулы одежды и изнасилую ее на месте, на священном полу кафе «Кадена». Поднатужившись, я вырвался из ее объятий.

— Я думал, ты замужем, — заметил я.

— Так и есть, дорогой. Скажи, я стала лучше целоваться?

— Лучше, — ответил я. — А теперь садись, и выпьем кофе.

— Ты можешь взять мне мороженое?

— Конечно.

Я заказал кофе и мороженое.

— Ну, ты прямо цветешь, — сказал я.

— Правда?

— Точно, ты выглядишь замечательно. Я вижу, ждешь прибавления.

— Дети — это што-то ижжумительное, — сообщила она, набив рот мороженым.

— Не сомневаюсь, — отозвался я.

Проглотив мороженое, она наклонилась и стукнула меня влажной ложкой по руке, давая знать, что сейчас я услышу нечто чрезвычайно важное.

— Знаешь, что об этом люди говорят? — спросила она своим звонким голосом.

Посетители, забыв о еде, дружно приготовились услышать, что последует дальше. Я не знал, куда деваться.

— Нет, — ответил я. — А что они говорят?

— Так вот, — сообщила она, весело помахивая ложкой, — сколько ни предохраняйся, все равно залетишь.

Мы допили кофе, потом прошлись по магазинам, затем состоялся обещанный ленч.

— Ты скучаешь по мне, дорогой? — осведомилась Урсула, потягивая вино.

— Конечно, скучаю. Ты всегда была одной из моих самых любимых подруг.

— Правда, жаль, что нельзя быть замужем и иметь возлюбленного?

— А ты попробуй, — предложил я.

А

— Нет-нет, я на это неспособна. Но ты ужасно милый.

— Забудь.

— Все равно, думаю, теперь я тебе не понравилась бы, — задумчиво произнесла она. — Я изменилась, стала совсем неинтересная.

— В самом деле? — усомнился я, глядя на полную жизни, милую женщину.

— Точно, — ответила она с серьезным выражением в своих больших синих глазах. — Боюсь, теперь я стала одной из тех, кого называют мелкие божоле.

— Зато отменного урожая, — отозвался я, поднимая бокал.

*Бьянке и Грэнди в память
о трех четвертях гориллы
и о многом другом.*

Того ждет благо,
Кто равно любит
Людей, и птиц, и зверей.

Колридж. Старый моряк

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАВЕДЕНИЕ ДЛЯ ЗВЕРЕЙ

Говорят, дети, которые мечтают водить поезда, на самом деле очень редко становятся машинистами. Если это верно, то мне несказанно повезло, ведь я уже в два года твердо и определенно решил, что буду изучать животных. Ничто иное меня не занимало.

Все годы, пока формировалась моя юная личность, я, как пиявка, держался за свое решение и доводил до отчаяния родных и близких, принося в дом всевозможных пойманных или кушленных тварей — от обезьян до простых садовых улиток, от скорпионов до филинов. Озадаченные таким карнавалом фауны, родные утешали себя мыслью, что это у меня временное увлечение и скоро я вырасту из него. Но с каждым новым приобретением мой интерес к животным становился все острее и глубже, и задолго до моего двадцатого дня рождения я совершенно точно знал, кем стану: сперва буду отлавливать животных для зоопарков, а со временем, нажив на этом деньги, заведу собственный зоопарк.

Замысел этот не казался мне таким уж безрассудным или диким, но спрашивалось, как его осуществить. К сожалению, школ для начинающих звероловов не было, и никто из профессионалов не стал бы нанимать человека, наделенного только безграничным энтузиазмом и не имеющего почти никакого практического опыта. Вряд ли мне поможет, твердил я себе, если я приду и скажу, что выкармливал ежат или выращивал гекконов в жестяной банке. Зверолов обязан точно знать, как схватить за глотку жирафа или увернуться от атакующего тигра, а приобрести такой опыт, живя в приморском городке в Англии, было чрезвычайно трудно. Я только что весьма наглядно убедился в этом. Один мой знакомый, который, как мне было известно с его слов, взялся выкормить теленка лани, позвонил и сообщил,

Д

что его семья переезжает в Саутгемптон, поэтому он вынужден расстаться с этим прелестным домашним животным. Малыш, утверждал он, совсем ручной, хорошо воспитанный, и отец может привезти его мне хоть завтра.

Я не знал, как поступить. Мама — единственного члена семьи, с некоторым сочувствием относившегося к моему увлечению дикой фауной, — в эту минуту не было дома, и я не мог спросить ее, как она посмотрит на то, что мой и без того уже обширный зверинец пополнится ланью, хотя бы и теленком. А владелец требовал немедленного ответа.

— Папа говорит, если ты откажешься, придется ее прикончить, — мрачно заявил он.

Это решило дело. Я сказал, что буду рад на следующий день получить Гортензию — так звали лань.

Когда мама вернулась из магазина, у меня была уже приготовлена история, которая тронула бы даже каменное сердце, не говоря уже о чувствительном маминном. Бедная маленькая лань, мало того что ее разлучили с матерью, так теперь ей еще грозит смертная казнь, если мы не придем на помощь. Неужели мы откажемся? Поняв из моего рассказа, что речь идет о животном ростом с маленького терьера, мама сказала, что ни в коем случае нельзя допускать убийства лани, ведь мы вполне можем (как я подсказал) найти для нее уголок в гараже.

— Конечно, мы ее возьмем, — заключила мама. После чего позвонила в молочную и попросила оставлять нам сверх обычной нормы еще шесть литров молока в день; маме представлялось, что подрастающей лани нужно много молока.

На другой день большой фургон доставил Гортензию. Как только владелец вывел лань из фургона, стало очевидно, во-первых, что Гортензия — самец, во-вторых, что ему около четырех лет. Элегантная пятнистая шуба, высота в холке около метра, голова увенчана шоколадного цвета рогами с множеством грозных отростков.

— Какой же это детеныш! — в ужасе воскликнула мама.

— Что вы, мэм, — поспешно ответил отец моего приятеля. — Он еще совсем юнец. Милейшее животное, смирный, как пес.

Гортензия провел рогами по калитке — получился звук, напоминающий ружейную перестрелку, потом наклонился и аккуратно сорвал одну из маминых премированных хризантем. Задумчиво жуя цветок, он обратил свой ясный взор на нас. Не дожидаясь, когда мама придет в себя от неожиданности, я горячо поблагодарил мальчика и его отца, схватил пристегнутый к ошейнику Гортензии собачий поводок и повел своего зверя к гаражу. Я ни за что на свете не признался бы маме, что тоже мыслил себе эдакого крохотного умильного Бэмби. Ухлопал немало денег на бутылочку для

кормления, а мне привезли нечто вроде красавца, изображенного на известной картине Лэнсье «Олень, отбивающийся от собак»...

В сопровождении мамы мы с Гортензией вошли в гараж, и я еще не успел привязать свою лань, как он проникся сильнейшим отвращением к тачке и попытался — безуспешно — подбросить ее в воздух. Пришлось Гортензии довольствоваться тем, что он опрокинул тачку и разбросал по земле ее содержимое. Я привязал его к стене и живо убрал из гаража все садовые принадлежности, какие только могли вызвать гнев лани.

— Надеюсь, милый, он будет вести себя не очень буйно, — озабоченно произнесла мама. — Ты ведь знаешь, Ларри не выносит никакого буйства.

Я слишком хорошо знал, как мой старший брат относится к любым представителям животного мира, будь то буйные или смирные, и возблагодарил небо за то, что его, а также моего второго брата и сестры не было дома, когда привезли Гортензию.

— Ничего, освоится на новом месте, и все будет в порядке, — ответил я. — Просто он сейчас пемного возбужден.

В эту минуту Гортензия решил, что не желает оставаться один в гараже, и принялся атаковать дверь. Все строение содрогнулось.

— Может быть, он проголодался? — предположила мама, отступая по дорожке.

— Да, видно, в этом все дело, — согласился я. — Ты не принесешь для него моркови и галет?

Мама поспешила за продуктами, необходимыми для умиротворения лани, а я вернулся в гараж, готовый схватиться с Гортензией. При виде меня он обрадовался и наглядно проявил свою радость, ткнув меня рогами в живот. Большинство ланей страшно любят, когда им чешут основание рогов; я убедился, что Гортензия не составляет исключения, и быстро поверг его в полузабытье. К этому времени подоспела большая пачка галет и с килограмм моркови, и Гортензия принялся утолять вызванный путешествием голод.

Пользуясь передышкой, я заказал по телефону солому, сено и овес. Когда Гортензия окончил трапезу, я вывел его погулять на ближайшую площадку для игры в гольф. Он вел себя образцово и по возвращении домой с явным удовольствием устроился на соломенном ложе в углу гаража, получив на ужин сена и овса. Уходя, я надежно запер дверь. И лег спать с приятным сознанием, что моя лань уже начала осваиваться на новом месте. Будет у меня на редкость симпатичный домашний зверь, да к тому же я приобрету столь необходимый опыт работы с крупными животными.

Около пяти часов утра меня разбудил странный звук. Казалось, кто-то

Д

с правильными промежутками времени сбрасывает мощные бомбы на наш сад за домом... Но ведь это невозможно. Я ломал голову: что бы это могло быть? Судя по хлопанью дверей и глухим проклятьям, которые раздавались в доме, остальные члены семьи тоже недоумевали. Я высунулся в окно, окинул взглядом сад и при свете утренней зари увидел, что гараж раскачивается, словно корабль на штормовой волне. Гортензия требовал завтрак, и выражалось это в том, что он бодал дверь гаража. Я скатился по лестнице вниз, прихватил сена, овса и моркови и умиротворил буяна.

— Что это у тебя в гараже? — осведомился старший брат за завтраком, сверля меня далеко не приветливым взглядом.

Не успел я ответить, что знать не знаю ни о каких гаражах, как мама поспешила мне на выручку.

— Там просто очаровательная, крохотная лань, милый, — нервно сказала она. — Хочешь еще чая?

— Крохотная, говоришь? — возразил Ларри. — А шуму от нее как от жены мистера Рочестера.

— Она совсем ручная, — продолжала мама, — и она любит Джерри.

— Слава богу, хоть кто-то его любит, — заметил Ларри. — Одно только скажу я вам — держите эту тварь подальше от меня. И без того жить несладко, а тут еще стадо карibu в саду.

Всю эту неделю я был не в чести. Моя мармозетка попыталась рано утром забраться в постель к Ларри и, получив отпор, укусила его за ухо; сойки вырвали с корнем саженцы помидоров, старательно высаженные в грунт другим моим братом, Лесли; наконец, один из ужей совершил побег, и моя сестра Марго обнаружила его за диванной подушкой, о чем возвестила пронзительным визгом. Не удивительно, что и сам я был полон решимости держать Гортензию подальше от своих родных. Увы, моим чаяниям не суждено было сбыться.

Выдался один из редких для английского лета по-настоящему солнечных дней, и мама поддалась соблазну устроить чаепитие в саду. Когда мы с Гортензией вернулись с прогулки, нас ожидало приятное зрелище — вся семья сидела в шезлонгах вокруг стола на колесиках, а на столе мирно стояли атрибуты для приготовления чая, тарелки с бутербродами, кекс с коринкой и большие чашки с малиной и сливками. Выйдя из-за угла, я был озадачен таким сборищем. Зато Гортензия не растерялся. Окинув взглядом мирную картину, он заключил, что путь к убежищу в гараже преграждает уродливый и, очевидно, опасный враг на четырех колесах — чайный столик. Оставалось только одно... С хриплым блеянием, которое должно было изображать воинственный клич, Гортензия наклонил голову и бросился в

атаку. Поводок вырвался из моих рук, и лань с ходу поразила столик так, что еда и посуда полетели в разные стороны.

Мои родные оказались в западне, ведь даже в самую критическую минуту не так-то просто (если вообще возможно) живо выбраться из шезлонга. В итоге маму ошпарило кипятком, сестру облепили бутерброды с огурцами, а Ларри и Лесли поровну разделили малину со сливками.

— Ну, это уже слишком! — бушевал Ларри, смахивая с брюк раздавленные ягоды. — Вон отсюда с этой проклятой скотиной, слышишь?

— Что за выражения, милый, — попыталась мама умирить его. — Это вышло нечаянно. Бедное животное вовсе не хотело...

— Нечаянно? Нечаянно? — Побагровевший Ларри дрожащим пальцем указал на Гортензию.

Несколько озабоченный произведенным опустошением, тот стоял с видом скромницы под свадебной фатой, роль которой играла повисшая на рогах скатерть.

— На твоих глазах он с разгона бросился на столик, и ты еще утверждаешь, что он сделал это нечаянно?

— Я хотела сказать, милый, — взволнованно объяснила мама, — что он вовсе не хотел опрокидывать на тебя малину.

— Мне плевать, что он хотел! — яростно произнес Ларри. — Меня не интересует, что он хотел. Я знаю только, что Джерри должен избавиться от него. Я не потерплю, чтобы в доме бесчинствовала всякая скотина. В следующий раз он, чего доброго, набросится на кого-нибудь из нас. За кого ты меня принимаешь, черт возьми? За Буффало Билла Коди?

И сколько я ни молил, Гортензию изгнали на близлежащую ферму, а вместе с ним исчезла и моя единственная надежда накопить дома опыт работы с крупными животными. Похоже было, что остается только один выход — поступать на работу в зоопарк.

Приняв такое решение, я написал чрезвычайно скромное, как мне казалось, письмо в Лондонское зоологическое общество, которое, несмотря на войну, могло похвастаться самой большой коллекцией животных, когда-либо сосредоточенной в одном месте. Пребывая в блаженном неведении о непомерности своих амбиций, я изложил в письме свои планы на будущее, намекнул, что я тот самый человек, которого они всегда жаждали видеть в штате, и дал понять, что жду ответа, когда мне можно приступить к исполнению своих обязанностей.

Надлежащее место для таких посланий — корзина, но мне повезло, мое письмо попало в руки добрейшего и культурнейшего человека, мистера Джеффри Веверса, который тогда руководил Лондонским зоопарком. Видно, его заинтриговала дерзость писавшего, потому что он, к моей великой

Я

радости, ответил и предложил мне приехать в Лондон для переговоров. Я приехал и, поощряемый обаянием Джеффри Веверса, пустился в разглагольствования о животных, об отлове зверей и о своем намерении завести собственный зоопарк. Менее великодушный человек охладил бы мой энтузиазм, объяснив, что мои замыслы заведомо неосуществимы, но Веверс выслушал меня с великим терпением и тактом, одобрил мои планы и обещал подумать, что можно для меня сделать. Я ушел от него, более чем когда-либо преисполненный энтузиазма.

Через некоторое время я получил любезное письмо, в котором мистер Веверс сообщал, что в Лондонском зоопарке, к сожалению, нет свободных мест для младшего персонала, но при желании я могу поступить учеником в Уипснейд — загородный зоопарк Зоологического общества. Предложи он мне пару половозрелых ирбисов, я и то не обрадовался бы так, как обрадовался этому письму.

С ликующей душой я через несколько дней отправился в Бедфордшир, набив один чемодан старой одеждой, другой — книгами по истории естествознания и множеством толстых тетрадей, в которых собирался фиксировать все наблюдения над своими подопечными и каждый перл мудрости, слетающий с уст моих товарищей по работе.

В середине прошлого века знаменитый торговец дикими животными, немец Карл Гагенбек, основал зоопарк совершенно нового рода. Прежде зверей держали за толстыми решетками, в тесных, грязных, дурно сконструированных клетках. И посетителям плохо видно, и животным трудно выжить в ужасных условиях, напоминающих концлагерь. Гагенбек подошел к показу животных совсем по-иному. Вместо мрачных темниц и железных решеток — свет и простор, большие искусственные горки для лазанья, и от публики звери отделялись рвами — либо сухими, либо наполненными водой. Ученые мужи, специалисты по зоопаркам, восприняли это как ересь. Во-первых, заявляли они, такой порядок опасен, потому что никакие рвы не удержат зверей. А во-вторых, если даже животные и не полезут через ров, они все околеют, ибо хорошо известно, что тропические звери способны жить лишь в душной, изобилующей бактериями парниковой атмосфере. На самом деле животные частенько чахли и погибали именно в такой атмосфере, но об этом ученые мужи забывали. К их величайшему удивлению, у Гагенбека звери благоденствовали, в вольерах под открытым небом они не только стали здоровее, но и благополучно размножались. Когда Гагенбек доказал, что в таких условиях животные и чувствуют себя намного лучше, и смотрятся гораздо интереснее, все зоопарки мира начали переходить на новый метод содержания и показа.

Про Уипснейд можно сказать, что он воплощал попытку руководителей

Лондонского зоопарка превзойти самого Гагенбека. Зоологическое общество приобрело обширное поместье на известняковых высотах Данстейбл-Даунс и не пожалело средств на распланировку. Было задумано показывать животных в условиях, предельно приближающихся к естественным — естественным в представлении публики, посещающей зоопарки. Рощи для львов, леса для волков, волнистые пастбища для антилоп и других копытных. Как я понимаю, Уипснейд больше всего походил на нынешние сафари-парки; ведь это происходило еще до того, как жестокие налоги превратили английских аристократов в кучку содержателей зверинцев.

Уипснейд оказался совсем небольшим поселком — один трактир да горстка коттеджей, разбросанных среди заросших орешником ложбин. Доложив в билетной кассе о своем прибытии, я оставил там чемоданы и направился в дирекцию. По зеленым лужайкам волочили свои хвосты ослепительные павлины, а среди сосен, окаймляющих главную аллею, висело огромное гнездо — этакий стог из прутьев, вокруг которого щебетали и голосили попугаи.

Меня проводили в кабинет директора зоопарка, капитана Била. Он сидел без пиджака, выставляя напоказ весьма изящные полосатые подтяжки. На огромном столе перед ним громоздились горы всевозможных бумаг, большинство которых производило страшно официальное и ученое впечатление; даже телефон был завален бумагами. Капитан встал — настоящий великан, что ростом, что в объёме. Лысая голова, очки в металлической оправе, уголки губ оттянуты вниз как бы в презрительной усмешке. Тяжело ступая, он обогнул стол и с громким сопением остановился передо мной.

— Даррелл? — пророкотал капитан вопросительно. — Даррелл?

У него был очень низкий голос, и он не столько говорил, сколько рычал, как это свойственно некоторым людям, много лет прожившим на западном побережье Африки.

— Да, сэр, — ответил я.

— Очень приятно. Садитесь.

Капитан пожал мне руку и снова занял место за столом. Кресло тревожно скрипнуло под тяжестью его тела. Капитан Бил подцепил большими пальцами подтяжки и, созерцая меня, выбил на них дробь. Потянулось томительное молчание. Я смиренно сидел на кончике стула, всем сердцем желая с самого начала произвести хорошее впечатление.

— Думаете, вам здесь понравится? — спросил капитан Бил так неожиданно и громко, что я подпрыгнул.

— Э-э... конечно, сэр, я в этом не сомневаюсь.

— Вам раньше не приходилось выполнять такую работу? — продолжал он.

Д

— Нет, сэр, — ответил я, — но вообще-то у меня дома перебивало много животных.

— Ха! — В его голосе прозвучало презрение. — Морские свинки, кролики, золотые рыбки и прочее. Ну здесь-то вас ждет кое-что посерьезнее.

Меня подмывало сказать ему, что я держал куда более экзотических животных, чем кролики, морские свинки и золотые рыбки, но я чувствовал, что с этим лучше повременить.

— Сейчас я передам вас Филу Бейтсу, — гремел капитан, полируя лысину ладонью. — Он у нас старший служащий. Он вас устроит. Не знаю точно, куда вас определят, но в какой-нибудь секции найдется местечко.

— Большое спасибо, — сказал я.

Поднявшись, Бил заковылял к двери, и я двинулся за ним. Это было все равно что следовать за мастодонтом. Выйдя на дорожку, на хрустящий гравий, капитан остановился и посмотрел по сторонам, прислушиваясь.

— Фил! — внезапно проревел он. — Фил! Ты где?

Голос его был так могуч и свиреп, что красовавшийся поблизости павлин испуганно поглядел на капитана, сложил хвост и пустился наутек.

— Фил! — снова пророкотал капитан Бил. — Фил!

Откуда-то издалека долетел мало мелодичный свист. Капитан наклонил голову набок:

— Это он, окаанный! Что же он не идет?

В эту самую минуту Фил Бейтс, продолжая насвистывать, не спеша обогнул угол дирекции. Я увидел высокого, статного человека с загорелым добрым лицом.

— Вы меня звали, капитан? — осведомился он.

— Да, звал. Вот, познакомься с Дарреллом.

— А-а, — улыбнулся мне Фил. — Добро пожаловать в Уипснейд.

— Ну, так я вас оставлю, Даррелл, — сказал капитан Бил. — Фил о вас позаботится. Э-э... походите, осмотритесь и так далее.

Он щелкнул подтяжками, словно бичом, кивнул мне широкой блестящей лысиной и затопал обратно в свой кабинет.

Фил проводил спину капитана ласковой улыбкой и повернулся ко мне.

— Ну что ж, — сказал он, — первым делом надо устроить вам берлогу. Я тут говорил с Чарлзом Бейли, он у нас слонами занимается... Похоже, для вас найдется местечко в его доме. Пошли, потолкуем с ним.

Мы зашагали по широкой главной аллее; куда ни погляди, всюду павлины рисовались блестящими хвостами, а в кустарнике рдели золотые фазаны, словно вышедшие из дешевой ювелирной лавчонки. Фил весело и монотонно насвистывал про себя. Эта его вечная привычка свистеть, не за-

ботясь о мелодичности, позволяла, как я потом убедился, легко определить, в какой части территории он находится.

Тем временем мы подошли к огромным и безобразным цементным коробкам, которые, как выяснилось, составляли слоновник. За коробками стоял сарайчик, а в нем сидели служители, занятые чаепитием.

— Э-э... Чарли, — извиняющимся тоном позвал Фил, — можно тебя на минутку?

Из сарайчика вышел коренастый лысый мужчина с задумчивыми и робкими голубыми глазами.

— Гм... Чарли, познакомься... э-э... Как вас по имени? — повернулся ко мне Фил.

— Джерри, — ответил я.

— Знакомься — это Джерри.

— Здравствуйте, Джерри, — сказал Чарли, улыбаясь так, словно всю жизнь искал случая познакомиться со мной.

— Ну как, найдется для него местечко в твоём коттедже? — спросил Фил.

Чарли продолжал приветливо улыбаться.

— Конечно, найдется. Я уже говорил с миссис Бейли, она вроде бы не против. Может быть, Джерри сразу же пойдет и познакомится с ней?

— Что ж, неплохая мысль, — сказал Фил.

— Тогда до скорого, дружище, — подытожил Чарли.

Фил вывел меня через главные ворота на большой пустырь.

— Вот, — показал он рукой, — идите по этой тропе до первого коттеджа слева. Заблудиться невозможно.

Я зашагал через пустырь; в пестрящих свежими почками кустах утенка мелькали украшенные красными и желтыми пятнышками пить-пили-питькающие щеглы. На бугре стоял коттедж. Я отворил калитку, прошел через цветущий садик и постучался в парадную дверь. Кругом царили мир и покой; над цветами дремотно жужжали пчелы; где-то удовлетворенно ворковал вяхирь; вдалеке лаяла собака.

Дверь отворилась, и я увидел миссис Бейли — очень милую ясноглазую женщину с аккуратной прической, в чистейшем переднике. Своей подтянутостью и чистотой она напоминала больничную сестру-хозяйку.

— Что вам угодно? — осторожно осведомилась она.

— Доброе утро, — поздоровался я. — Вы — миссис Бейли?

— Да, это я.

— Понимаете, Чарли направил меня к вам. Меня зовут Джерри Даррелл. Я здесь новенький.

Д

— Ах, да-да. — Она поправила прическу и разгладила передник. — Ну конечно, конечно. Входите.

Миссис Бейли провела меня через маленький холл в комнату, где стояли большая плита, тщательно вымытый стол и выдававшие виды удобные кресла.

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она. — Хотите чашечку чая?

— Большое спасибо, если это не очень хлопотно, — сказал я.

— Какие там хлопоты, — горячо возразила миссис Бейли. — А как насчет кекса или лепешек? У меня есть лепешки. Или, может быть, хотите бутербродов? Я могу сделать бутерброды.

— Да, но я... я вовсе не хочу причинять вам столько хлопот, — произнес я, несколько озадаченный такой неожиданной щедростью.

— Какие там хлопоты, — повторила она. — Знаю я вас, молодых, — всегда есть хотите. И сейчас как раз время вечернего чая. Я на минутку, только чайник поставлю.

Она проворно вышла, очевидно, на кухню, и я услышал звон посуды. Вскоре миссис Бейли вернулась и принялась накрывать на стол. Середину стола заняли огромный кекс, гора лепешек, буханка серого хлеба, кружок ярко-желтого масла и горшочек с клубничным джемом.

— Джем домашний, — объяснила хозяйка, садясь напротив меня. — Через минуту будет чай. Чайник сию секунду вскипит. А вы пока приступайте к еде.

Миссис Бейли одобрительно смотрела, как я мажу себе бутерброд с солидной порцией джема.

— Вот и правильно, — сказала она. — Ну, так по какому делу вы ко мне пришли?

— А разве Чарли не объяснил? — спросил я.

— Объяснил? — Она наклонила голову набок. — Что объяснил?

— Видите ли, он сказал, что у вас, быть может, найдется для меня комната.

— Но я полагала, что все уже решено, — ответила миссис Бейли.

— Как решено? — удивился я.

— Ну конечно. Я сказала Чарли — а я на него вполне полагаюсь, — так вот, сказала я ему: ты, говорю, посмотри на парня, и, если он тебе приглянется, пусть приходит.

— Так я вам очень благодарен, — сказал я. — Чарли мне об этом не говорил.

— Надо же! — воскликнула она. — Надо же! Боюсь, как бы в один прекрасный день он не забыл собственной головы. Я ведь сказала ему, что ничуть не против, лишь бы был почтенный человек.

— Я... не знаю, можно ли назвать меня почтенным человеком, — не-
решительно произнес я, — но постараюсь не быть вам в тягость.

— О, вы не будете мне в тягость, — сказала миссис Бейли. — Итак, с
этим все ясно. Где ваши вещи?

— В зоопарке, я принесу их потом.

— Прекрасно. Тогда я пойду заварю чай. А вы мажьте себе бутер-
броды.

— Э-э... Но я хотел бы узнать еще одну вещь.

— Что именно?

— Ну-у... мне надо знать, сколько платить за комнату. Понимаете, жа-
лованье будет небольшое, и я боюсь, что не смогу много платить.

— Ну, знаете, — она погрозила мне пальцем, — я не собираюсь вас
грабить. Я представляю себе, какое жалованье вы будете получать, и вовсе
не хочу вас грабить. Сколько вы сами предложите?

— Два фунта в неделю вас устроят? — спросил я с надеждой, прики-
нув, что у меня еще останется фунт и десять шиллингов на сигареты и про-
чие предметы первой необходимости.

— Два фунта? — ахнула она. — Два фунта? Это слишком много.
Я же сказала, что не собираюсь вас грабить.

— Но ведь еда и все такое прочее...

— Верно, но я и не подумаю брать с вас два фунта. Нет-нет, будете
платить двадцать пять шиллингов в неделю. Этого вполне достаточно.

— Вы уверены, что уложитесь? — спросил я.

— Конечно, уложимся! Я не допущу, чтобы люди говорили, что мис-
сис Бейли наживаете на юнце, который к тому же только-только начина-
ет работать.

— Все равно, по-моему, это слишком мало, — возразил я.

— Как угодно, — сказала она. — Как угодно. Не нравится — ищите
другую квартиру.

Она улыбнулась и пододвинула мне кекс и лепешки.

— И не подумаю, если вы будете сами варить клубничный джем, —
ответил я. — Лучше здесь останусь.

Миссис Бейли просияла:

— Вот и отлично. У нас есть уютная спальенка для вас на втором эта-
же, я сию минуту покажу. Только сперва чай заварю.

За чаем миссис Бейли объяснила, что вообще-то Чарли работал в Лон-
донском зоопарке, но в войну он вынужден был эвакуироваться со слонами
в Уипснейд, и она поехала вместе с ним. Слоны очень привязчивы, и, уж
если привыкнут к одному служителю, приходится ему, как правило, до
конца жизни работать с ними.

Д

— У нас есть свой домик в Голдерс-Грин, замечательный дом, — продолжала она. — Просто чудесный дом, есть чем гордиться, хоть и не пристало самой об этом говорить. Конечно, и этот коттедж неплохой, вполне комфортабельный, но все-таки я жду не дождусь, когда мы в свой дом вернемся. И потом, вы ведь знаете, какие люди бывают, на них нельзя положиться. Последний раз я поехала проверить, смотрю — приступку словно сто лет никто не мыл, вся черная. Так я чуть не заплакала. Нет, скорей бы к себе вернуться. Хотя вообще-то и здесь, за городом, очень славно жить, ничего не скажешь.

После того как я одолел несколько чашек чая, два куска кекса и множество бутербродов с клубникой, миссис Бейли нехотя убрала со стола.

— Нет, вы правда наелись? — спросила она, испытующе глядя на меня, словно искала признаки недоедания на моем лице. — Не хотите еще кусок кекса, или бутерброд, или еще что-нибудь? Вы даже не попробовали лепешки!

— Честное слово, больше не могу, — заверил я. — Если я съем еще хоть кусок, потом не смогу ужинать.

— Ах да, ужин. — Ее лицо приняло озабоченное выражение. — Ужип... Боюсь, на ужин придется обойтись без горячего. Надеюсь, вы не против?

— Нет-нет, я не против.

— Вот и хорошо. Тогда вы сейчас отыщите Чарли и возвращайтесь с ним, когда он кончит работу. Захватите свои вещи, и мы поможем вам устроиться. Идет?

И я отправился обратно через пустырь. Около часа я в упоении бродил по территории зоопарка. Уипснейд оказался таким обширным, что за это время при всем желании нельзя было все охватить, но я отыскал волчий лес — густой сосновый бор, в сумраке которого рыскали хитроглазые звери, время от времени затевая шумные потасовки. Они сновали между деревьями так стремительно и беззвучно, что напоминали влекомые порывом ветра хлопья пепла. По соседству с волками отгородили с полгектара для бурых медведей — могучих светло-палевых тяжеловесов, которые бродили среди кустов утесника и куманики, пригнувшись и роя когтями землю.

Я был восхищен, такие условия содержания животных казались мне идеальными. Мне еще предстояло узнать, что очень большая площадь таит в себе минусы и для служителей, и для зверей.

Внезапно вспомнив про время, я поспешил к слоновнику и отыскал Чарли. Вместе мы забрали мои чемоданы и зашагали через пустырь к коттеджу.

— Разувайтесь сразу оба, — сказала миссис Бейли, открывая дверь. — Нечего пачкать мои чистые полы.

Она показала на расстеленные в прихожей газеты. Мы послушно разулсь и вошли в носках в гостиную, где стол уже ломился от яств. Ветчина, язык с салатом, молодой картофель, горошек, фасоль, морковь. И большущий бисквит, щедро залитый сбитыми сливками.

— Боюсь только, вам этого маловато, — озабоченно произнесла миссис Бейли. — Здесь одни закуски, но придется уж вам довольствоваться этим.

— По-моему, все в порядке, голубушка, — заметил Чарли с присущей ему мягкостью.

— Это не совсем то, что у меня было задумано. Парню нужно горячее. Что поделаешь, сойдет на этот раз.

Мы сели и приступили к еде. Все было очень вкусно, и некоторое время за столом царила тишина.

— А что привело вас в Уипснейд, Джерри? — спросил наконец Чарли, любовно препарируя содержимое своей тарелки.

— Понимаете, — начал я, — меня всю жизнь занимают животные, и я задумал стать звероловом — ну, ездить в Африку и другие дальние страны и привозить оттуда зверей для зоопарков. Мне нужно приобрести опыт обращения с крупными животными. А в Борнмуте, сами понимаете, с крупными животными не поработаешь. К примеру, разве можно держать в пригородном саду стадо ланей?

— Понимаю, — подхватил Чарли, — конечно, нельзя.

— Возьмите еще салата, — предложила мне миссис Бейли; вопросы содержания крупного зверя в саду за домом ее явно не волновали.

— Спасибо, не надо, у меня есть, — ответил я.

— Ну, и когда же вы думаете отправиться в путешествие? — спросил Чарли.

Спросил без малейшей иронии, и я проникся к нему симпатией.

— Да вот, как только получу нужную подготовку.

Чарли кивнул, потом чуть заметно улыбнулся своей мягкой улыбкой, беззвучно шевеля губами. Такая у него была привычка — улыбается и повторяет про себя услышанное, словно хочет лучше запомнить.

— Доедайте горошек, — вмешалась миссис Бейли. — Не выбрасывать же его.

Наконец, наевшись до отвала, мы поднялись на второй этаж, где нас ждали постели. Окно моей комнаты выходило под карниз, потолок украшали дубовые балки. Она была уютно обставлена, и, разобрав свои чемоданы с одеждой и книгами, я почувствовал, что устроился просто роскошно. Со счастливым вздохом вытянулся я на кровати. Цель достигнута — я в

Д

Уипснейде! Упиваясь этой мыслью, я уснул. А уже через несколько секунд, как мне показалось, меня разбудил Чарли, который вошел с чашкой чая.

— Подъем, Джерри, — сказал он. — Пора на работу.

После вкусного завтрака — горячие сосиски, бекон, яйца и солидная порция чая — мы с Чарли направились через сверкающий от росы пустырь к воротам зоопарка, где смешались с толпой других сотрудников.

— А где вы будете работать, Джерри? — осведомился Чарли.

— Не знаю, — ответил я. — Фил Бейтс мне ничего не говорил.

В эту самую минуту рядом со мной появился Фил Бейтс.

— А, доброе утро! Устроились? Прекрасно.

— А куда вы меня поставите работать? — спросил я.

— По-моему, — раздумчиво произнес Фил, — по-моему, вам следует начать сегодня со львов.

О благородное львиное племя!

Чосер.

Легенда о славных женщинах

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛОГОВО ЛЬВА

Признаться, предложение начать со львов меня слегка ошарашило. Тешу себя надеждой, что ничем не выдал Филу своей тревоги, но в глубине души я полагал, что для начала он мог бы поручить мне более ручных животных — скажем, стадо большеглазых ланей. Куда это годится, загонять человека в логово льва, не дав ему хоть сколько-нибудь освоиться с обстановкой! Так или иначе, я постарался сделать вид, что мне все нипочем, и зашагал по зоопарку в поисках своей секции.

Как оказалось, секция тянулась вдоль гребня известняковой гряды, частично поросшей бузиной и высокой крапивой. На косогоре над долиной кустарник сменялся кочками, в каждой из которых под аккуратно подстриженным кроликами зеленым париком приютился муравейник. Отсюда открывался великолепный вид на мозаику полей, широкой полосой отделявших льявтник от холмов по ту сторону долины, и пастельные краски мозаики словно переливались, когда по ней скользили тени от облачных громад.

Мозговой центр секции помещался в укывшейся среди бузины ма-

ленькой развалюхе. Лихо сдвинутая набок накладка из жимолости совсем закрыла одно из двух окошек, отчего внутри царил угрюмый сумрак. Снаружи на стене красовалась разошедшаяся доска с эвфемистической надписью «Приют». Обстановка была предельно спартанской: три стула разной степени дряхлости, стол, который дергался и подпрыгивал, точно норовистая лошадь, когда на него что-нибудь ставили, и устрашающего вида черная печка, которая жалась в угол, испуская сквозь железные зубы едкий дым и изрыгая невероятное множество угольков.

В этой темной лачуге я и застал обоих слугителей секции. Джеси — молчаливый, краснолицый, голубоглазый мужчина с малиновым по цвету и фактуре носом — весьма сурово глядел из-под косматых белых бровей. Зато голубые глаза смуглолицего Джо искрились добродушием, и таким же добродушным был его заразительный хрипловатый смех. Закончив прерванный моим появлением завтрак, Джеси провел меня по секции, показал содержащихся в ней животных и объяснил мои обязанности.

В одном конце секции обитал вомбат Питер, затем следовали вольеры песцов и енотовидных собак. За вольером белых, как гриб-дождевик, полярных медведей я увидел так называемую тигровую яму с двумя тиграми. Еще два тигра содержались в просторном вольере, и замыкали ряд животные, по имени которых называлась вся секция, то есть львы.

Петляющая в зарослях бузины дорожка привела нас к высокой железной ограде. Территория львов, примерно с гектар, раскинулась на склоне холма, покрытом деревьями и кустарником. Следуя вдоль отжима, мы с Джеси подошли к месту, где заросли расступались, окаймляя ложину, на дне которой в окружении сочной высокой травы поблескивал пруд. Под корявым боярышником живописной группой расположились львы. Альберт о чем-то размышлял в бледных лучах солнца, закутавшись в гриву. Золотистые, упитанные, рядом крепко спали его супруги Нэн и Джил; только большие, как тарелки, лапы их тихо подергивались. Джеси окликнул своих питомцев и провел палкой по железным прутьям, приглашая львов подойти и познакомиться с новым человеком. Альберт на миг повернул голову, наградил нас испепеляющим взглядом и снова погрузился в раздумье; Нэн и Джил даже не шелохнулись. Они совсем не производили впечатления диких и свирепых; скорее вся тройка показалась мне ленивой, раскормленной и несколько надменной. Джеси расставил ноги, будто моряк на палубе качающегося корабля, звучно цыкнул зубом и устремил на меня строгий взгляд.

— Теперь послушай, сынок, что я тебе скажу, — заговорил он. — Слушай меня, и все будет в порядке. Возьмем вомбат, песцов и енотовидных — к ним ты вполне можешь заходить, понятно? А вот с остальными лучше не

Д

шутки, не то они тебе покажут. На вид-то они, может, и ручные, а на деле ничего подобного, понял?

Он снова цыкнул зубом и пытливо взглянул на меня, проверяя, усвоен ли урок. Я поспешил заверить его, что мне и в голову не придет затевать что-нибудь рискованное, пока я не познакомлюсь поближе со своими подопечными. Я чувствовал — хотя и не сказал об этом вслух, — что было бы несколько унижительно очутиться в желудке льва, которому меня, как говорится, даже и не представили как следует.

— Так вот, сынок, — снова заговорил Джеси, важно кивая, — ты слушай, и я тебя научу, что и как.

Первые дни я только и делал, что учился, запоминал процедуру повседневных дел: кормления, уборки и так далее. А затем, усвоив основы своей работы, я получил возможность больше наблюдать и изучать наших питомцев. Джеси и Джо страшно потешало, что я таскаю с собой толстенную тетрадь и поминутно что-нибудь в ней записываю.

— Прямо Шерлок Холмс какой-то, — говорил обо мне Джеси. — Только и знай строчит что-то.

Джо пытался дурачить меня, описывая замысловатые трюки, будто бы выполненные на его глазах тем или иным животным, но он не мог обуздать свою фантазию, и я быстро разоблачал обман.

Естественно, я приступил к изучению львов. Впервые в жизни оказавшись на короткой ноге с этими зверями, я решил прочитать о них все, что можно, и сопоставить прочитанное с моими собственными наблюдениями. При этом я без особого удивления обнаружил, что на свете вряд ли найдется другое животное (исключая некоторых мифических тварей), которому приписывали бы столько воображаемых достоинств. С тех самых пор, как некто в приливе восторга, не имеющего ничего общего с зоологической наукой, поименовал льва Царем зверей, авторы наперебой старались подтвердить его право на этот титул. Больше всех, как я убедился, отличились древние авторы — они единодушно превозносили *Felis leo* за его ум, благородство, отвагу и мягкий нрав; надо думать, это и предредило выбор известными своей простотой и скромностью англичанами льва для национальной эмблемы. На самом же деле, как я очень скоро узнал, работая с Альбертом и его супругами, львы не совсем таковы, какими их рисовали древние.

В старом английском издании «Естественной истории» Плиния я нашел следующее прелестное описание Царя зверей:

«Лев — единственный среди диких зверей милостиво обращается с теми, кто смиряется перед ним, и он не станет трогать покорившегося, а пощадит простершуюся перед ним на земле тварь. Как ни свиреп он и как

ни жесток в других случаях, он обращает свою ярость сперва на самца и только во вторую очередь на самку, а детенышей вообще не трогает, разве что в состоянии крайнего голода».

Трех дней знакомства с Альбертом было для меня довольно, чтобы уразуметь, что на него эта характеристика никак не распространяется. Свирепости и жестокости у него было хоть отбавляй, но милосердием и не пахло. Всякий, кто смиренно простерся бы на земле перед ним, был бы вознагражден за свою кротость укусом в загривок.

Не менее внимательно штудировал я Пэчеца, и он с самоуверенностью человека, в жизни не видевшего львов, сообщил мне, что «в холодных областях львы более миролюбивы, в жарких — более свирепы». Прочтя эти слова, я проникся надеждой, что смогу поладить с Альбертом, так как сразу после моего прибытия в Уипснейд заметно похолодало, на холмы обрушился леденящий ветер, от которого корявые кусты бузины скрипели, стонали и зябко жались друг к другу. Если верить Пэчецу, в такую погоду Альберту и его женам полагалось мило резвиться, наподобие котят.

Уже на второе утро мое доверие к Пэчецу было грубо подорвано. Согнувшись в три погибели от встречного ветра, синий от холода, я брел мимо львиной клетки, возвращаясь под кров теплого Приюта. Между тем Альберт спрятался в густой траве и крапиве на углу вольера, рядом с дорожкой. Уверен, он заранее приметил меня и решил преподнести мне маленький сюрприз, когда я буду идти обратно. Дождавшись, когда я поравнялся с ним, он неожиданно выскочил из укрытия и с устрашающим рыканьем бросился на железные прутья, после чего присел и уставился на меня желтыми глазищами, злорадно упиваясь моим испугом. Шутка эта настолько пришлась ему по вкусу, что в тот же день попозже он повторил ее. И снова был вознагражден зрелищем того, как я подпрыгнул, словно испуганный олень. С той разницей, что я сверх того выронил ведро, споткнулся о него и со всего маху шлепнулся в буйную крапиву. Позже я убедился, что холодная погода, вместо того чтобы внушить Альберту кротость, превращает его в страшного разбойника. Он развлекался тем, что прятался за кустами и внезапно выскакивал из засады, пугая ничего не подозревающих престарелых дам. Видимо, упражнения эти призваны были улучшить его кровообращение, когда в воздухе пахло морозцем.

Я продолжал изучать сведения Плиния и Пэчеца о львах, но уже более критически. После бурного дня в обществе прыгуна Альберта я отдыхал душой, читая про сказочно милых четвероногих, куда более симпатичных, чем мои живые подопечные. Особенно нравились мне рассказы странников о встречах со львами в дебрях, неизменно подчеркивающие ум и дружелюбие зверя. Так, Плиний сообщает о Менторе Сиракузском, как тот встре-

Д

тил в Сирии льва, который почему-то проникся к нему самыми теплыми чувствами, прыгал вокруг него, будто шалый ягненок, и со всеми признаками симпатии лизал его следы. В конце концов Ментор обнаружил, что причиной столь трогательного проявления приязни был вонзившийся в лапу зверя большой шип: лев хотел, чтобы человек выдернул занозу.

Видимо, тогдашние львы были поразительно беспечными, ибо Плиний приводит также историю некоего Элписа, которая даже меня заставила усомниться в правдивости древнего источника. Не успел этот Элпис ступить на землю Африки, как к нему подбежал лев с разинутой пастью. Понятное дело, странник бросился к ближайшему дереву, вызывая к Вакху о защите, и продолжительное время отсиживался на верхних ветвях упомянутого дерева, между тем как лев, все так же с разинутой пастью, бродил внизу, всячески стараясь дать понять этому тупице, в чем дело. Элпис явно был плохо знаком с записками путешественников той поры, иначе он тотчас смекнул бы, что льва мучает шип или еще что-нибудь в этом роде, от чего он жаждет избавиться. Прошло довольно много времени, прежде чем до него наконец дошло, что даже самый свирепый лев не станет постоянно ходить с широко разинутой пастью. Тогда Элпис осторожно спустился на землю и обнаружил, что в пасти льва, как и следовало ожидать, застряла кость. Он живо и без особых затруднений удалил эту кость. После чего лев настолько преисполнился радостью и благодарностью, что взялся поставлять мясо для корабля, на коем прибыл его спаситель. И все время, пока корабль стоял на якоре у этих берегов, лев ежедневно снабжал команду свежей олениной.

В отличие от своих далеких предков Альберт и его жены не жаловались на здоровье и, к моему великому облегчению, не требовали, чтобы мы извлекали шипы из их лап. Несмотря на свою упитанность, они были чрезвычайно прожорливы, и каждая трапеза сопровождалась такой грызней, будто их не кормили несколько недель. Альберт хватал самый большой кус мяса и уносил в кусты. Спрячет и поспешно возвращается, чтобы посмотреть — нельзя ли утащить что-нибудь у жен. Зрелище того, как он оттапливал супругу и забирал ее порцию, ярко иллюстрировало слова о благородном нраве Царя зверей.

Раз в неделю мы запирали Альберта и его жен, чтобы войти в вольтер и убрать обглоданные кости и прочие следы жизнедеятельности августейших особ. К ограде была пристроена большая клетка из железных прутьев, туда-то и надо было загонять всю троицу, прежде чем приступить к работе. Процедура долгая и утомительная, и только налет комедии скрашивал ее однообразие.

Чтобы загнать в клетку наших львов, которые, сами понимаете, отнюдь не шли нам навстречу, требовалась изрядная ловкость плюс умение сохранять невинный вид и быстро бегать. Но первейшее условие успеха — дать Альберту как следует проголодаться; тогда он рыскал вдоль ограды, сверкая глазами и сердито взъерошив гриву. С видом полной невинности мы подходили к клетке и складывали на дорожке свои лопаты, ведра, метлы и вилы. Затем доставали здоровенный кусище сырого мяса и клали так, чтобы Альберт мог видеть и обонять его. Лев приветствовал этот маневр насмешливым булькающим ворчанием, исходившим откуда-то из глубин его длинной гривы. После этого мы поднимали дверь клетки, а сами продолжали громко беседовать, словно меньше всего на свете помышляли о поимке львов. К чести Альберта должен сказать, что эти трюки ни на миг не вводили его в заблуждение, просто мы соблюдали некий ритуал, без которого поломался бы весь стройный порядок действий.

Выждав, сколько требовалось, чтобы Альберт хорошенько рассмотрел говяжью лопатку и поразмыслил о ее достоинствах, мы переносили приманку в клетку. И, прислонившись к отжиму, предавались самовнушению, время от времени изрекая совершенно безразличным голосом:

— Ну, как, Альб? Проголодался? Ну, давай, иди сюда. Будь послушным мальчиком. Поешь мясца. Ну, давай. Иди, иди сюда...

Снова и снова на разные лады повторялась эта хоровая песня, и тот факт, что Альберт ровным счетом ничего не понимал из произносимого, делал весь спектакль вдвойне нелепым.

Исчерпав запас ободряющих реплик, мы оказывались в тупике. Дже-си, Джо и я таращились на Альберта, Альберт таращился на нас. Все это время Нэн и Джил, снедаемые нетерпением, рыскали поодаль, однако не смели ничего предпринять, ибо традиция требовала, чтобы инициативу проявил их господин и властитель. А тот как будто находился в трансе. Пока длилось это ожидание, я пользовался случаем еще и еще раз проверить, правда ли, будто взгляд человека оказывает какое-то действие на бессловесных тварей. Я пристально смотрел прямо в маленькие желтые глаза Альберта; он, не моргая, смотрел на меня. Единственным результатом было то, что мне делалось малость не по себе.

Так проходило с десятков минут, но Альберт и не помышлял входить в клетку, вынуждая нас прибегать к следующей уловке. Оставив на месте приманку, мы неторопливо удалялись. Заключив, что мы отошли на безопасное расстояние, Альберт стремглав врывается в клетку, хватал мясо и устремлялся к выходу, чтобы выскочить раньше, чем мы успеем прибежать и закрыть его. Сплошь и рядом железная дверь со звоном ударялась о пол в каких-нибудь пяти сантиметрах от его хвоста, и Альберт, одурачив нас,

Д

уносил свой трофей в укромный уголок, где можно было спокойно наслаждаться победой. Естественно, на этом все кончалось; мы должны были ждать еще сутки, пока Альберт снова проголодается.

Других обитателей этой секции мы заманивали в клетки примерно таким же способом, но никто из них не причинял нам столько хлопот. Альберт обладал особым даром досаждать своим опекунам.

Когда же нам все-таки удавалось заточить львов в клетку, мы отправлялись к маленькой калитке в другом конце вольера. Войдя на участок, полагалось запирать калитку за собой. Не могу сказать, чтобы мне это доставляло удовольствие, ведь теперь мы сами оказывались в заточении за пятиметровой железной оградой на участке площадью в один гектар — и никуда не денешься, если львы чудом вырвутся из клетки.

Однажды мы с Джо, войдя внутрь ограды, как обычно, разделились и пошли по кустам собирать накопившиеся за неделю обглоданные кости. В густых зарослях мы скоро потеряли друг друга из виду, но я слышал по-свистывание Джо да время от времени звон, когда он бросал кость в ведро. Я пробирался по тропе меж высоких кустов куманики; сюда явно любил наведываться Альберт, потому что мягкая глина изобиловала отпечатками его могучих лап и на колючках тут и там висели клочки шерсти из гривы. Созерцая огромные следы, я размышлял о злом и вспыльчивом нраве Альберта. Внезапно раздалось его рычание. Клетка находилась довольно далеко, за деревьями слева от меня, между тем я мог поклясться, что рычание донеслось откуда-то спереди. Не тратя времени на выяснение загадки, где же Альберт, я стремглав бросился к калитке. Джо подоспел туда одновременно со мной.

— Он вырвался? — спросил я, когда мы очутились в безопасности за оградой.

— Не знаю, — ответил Джо. — Я не стал проверять.

Мы обогнули вольер и убедились, что львы по-прежнему заперты в клетке, но в глазах у Альберта блеснула лукавая искорка, которая заставила меня призадуматься.

Так я впервые познакомился с чревовещательными способностями льва. Многие авторы утверждают, будто лев умеет направлять свое рычание таким образом, что оно слышится одновременно с двух, а то и с трех сторон. Это вовсе не так уж невероятно, ведь многие птицы и насекомые наделены поразительными чревовещательными способностями. Бывает, видишь животное собственными глазами, а чудится, будто звук рождается в другой стороне, в нескольких метрах от подлинного источника. Понятно, если лев и впрямь наделен таким даром, ему это весьма выгодно — ночью

он может своим рыканьем нагнать на стадо копытных такую панику, что оно побежит не от хищника, а прямо на него. Судя по описанному мной случаю, Альберт явно умел направлять свое рыканье, хотя он находился примерно на одинаковом расстоянии от меня и Джо, тем не менее нам обоим почудилось, что лев рычит совсем рядом.

Вскоре мне предстояло еще раз убедиться в поразительных способностях Альберта. Поздно ночью я возвращался с какого-то деревенского праздника и решил для сокращения пути пройти через зоопарк. Торопливо шагая по дорожке среди шелестящей бузины возле львиного вольера, я вдруг услышал отрывистое рыканье Альберта и замер на месте. Зная, в какой стороне должен быть лев, я тем не менее затруднялся определить направление звука. Было в этом рыке что-то громоподобное, отчего казалось, что вибрация через землю доходит до моих подошв. Если верить слуху, Альберт мог быть и за пределами вольера. Не очень приятная мысль, и только беззаветная преданность естественной истории помешала мне броситься наутек. Движимый безрассудством, я подошел к отжиму и вперил взгляд в темноту, однако ничего не мог рассмотреть. И не было луны, чтобы осветить безмолвные черные кусты. Шагая вдоль вольера, я знал, что за мной следят, буквально осязал жадно устремленные на меня глаза, но незримые звери двигались бесшумно, ни одна ветка не хрустнула под могучими лапами. А когда я стал подниматься по склону, удаляясь от вольера, вдогонку мне полетело полное презрения и издевки громкое фырканье.

Некоторые люди отказываются верить, что лев может по желанию направлять свой голос. Дескать, он, рыкая, просто-напросто опускает пасть к самой земле, поэтому звук смазывается и невозможно определить, откуда он идет. Желая проверить это, я всячески старался застать Альберта за рыканьем, но все безуспешно. Сколько раз проходил я мимо его вольера, надеясь, что он зарычит при мне, но Альберт упорно молчал. Бывало, слышу, что он подает голос, и мчусь сломя голову по дорожке к львятнику, сея страх среди посетителей, полагающих, что я спасаюсь бегством от вырвавшегося на свободу зверя. А добегу, запыхавшись, до отжима — Альберт либо кончил свои вокальные упражнения, либо раздумал после двух-трех пробных нот. Правда, я чувствовал себя вполне вознагражденным великолепными звуками, которые он издавал, когда я его слышал, но не видел.

Альберт явно предпочитал петь по вечерам. Внезапно раздавалось его «эррум», потом другое, третье, с долгими промежутками, словно лев настраивал голосовой инструмент. А затем он приступал к исполнению своей арии, «эррум» становилось сочнее, полнее по звуку и повторялось чаще, чаще, сливаясь наконец в сплошное грозное крещендо. Все быстрее катился

Д

рокот, потом темп замедлялся, и песня обрывалась так же внезапно, как началась. Нет слов, чтобы описать страшные угрозы, которыми была наполнена эта песня, когда звучала во всю мощь. Если же отвлечься от эмоций, то представьте себе, что кто-то пилит дрова на огромной гулкой бочке. Сперва пила ходит медленно, затем все быстрее, по мере того как сталь вгрызается в древесину, под конец пила опять замедляет ход, и — тишина. Тут я каждый раз невольно ждал, что сейчас глухо стукнет о землю упавшее полено.

После нескольких недель знакомства с Альбертом я заключил, что он решительно ни в чем не отвечает распространенному представлению о львах. Надутый, наглый, начисто лишенный каких-либо благородных чувств. Золотистые глазки его постоянно горели яростью, но с оттенком недоумения, как будто Альберт искренне стремился оправдать репутацию лютого зверя, вот только не мог припомнить, зачем это нужно. У него всегда было слегка озадаченное выражение, словно он не очень-то верил в необходимость вести себя так. То рыскает по участку в отвратительном настроении, то развлекается, страдая ложными выпадами ничего не подозревающих прохожих, и злорадно упивается их испугом. В часы кормления он вел себя, как я уже говорил выше, весьма предосудительно. Набив брюхо своей долей и отнятым у жен, Альберт распластывался в высокой траве и громко рыгал. При всем желании я не мог обнаружить в нраве Альберта ничего привлекательного.

За все время нашего общения он только однажды выглядел по-настоящему царственно — когда у Джил началась течка. Взъерошив гриву, Альберт расхаживал по участку, ворча себе под нос что-то душераздирающее и принимая величавые позы. Уверен, Плиний был бы от него в восторге. Пока Альберт обхаживал Джил, я снова обратился к Плинию, чтобы прочесть, что он писал о львиной любви. Первое его суждение на эту тему оказалось не очень лестным:

«...львицы весьма похотливы, оттого-то львы так жестоки и свирепы. Африканцы хорошо об этом осведомлены и часто наблюдают примеры, особенно в пору сильной засухи, когда нехватка воды вынуждает диких зверей собираться вместе в большом количестве у немногочисленных рек. По этой причине появляется на свет так много странных тварей и удивительных помесей, потому что самцы когда вынужденно, когда удовольствия ради покрывают без разбора самок другого рода».

Я ни разу не видел, чтобы Нэн и Джил вели себя хоть сколько-нибудь похотливо, даже во время течки казалось, что им только докучают знаки внимания Альберта. Плиний продолжает:

«Лев по запаху узнает, когда львица была ему неверна и позволила леопарду покрыть ее; и тогда он, не щадя сил, набрасывается на нее и наказывает за неверность».

Конечно, у Нэн и Джил не было никакой возможности изменить Альберту, поскольку они были заточены в вольере вместе с ним. Но я не сомневаюсь, что Альберт в любых условиях был бы строгим супругом. Не приведи господь оказаться на месте его жены, если бы он застал ее во время шашней с леопардом!

Меня всегда озадачивало, почему посетители зоопарка хихикают и ухмылкой поглядывают друг на друга, когда Альберт с великим достоинством, без малейшего смущения совершал посредине поляны акт оплодотворения. Представляю себе их возмущение, если бы они знали, что соучастница оргии — его собственная дочь, Джил. Инцест!

Джо тоже одолевала странная робость, если он заставлял животных во время спаривания. Он тщательно обходил те вольеры, в которых происходили столь ужасные вещи. Зато Джеси не страдал застенчивостью. Хриплым голосом он громко подбадривал животных, отчего публика поспешно расходилась. Никто не умел так, как он, заставить зевак улетучиться в мгновение ока.

— Не понимаю, как только у него язык поворачивается, — жаловался мне Джо, укрывшись в свободном от всяких намеков на секс Приюте. — Меня бросает то в жар, то в холод, честное слово. Вчера вот иду я мимо львов, а он там завел свое. Люди стоят, девочки маленькие, а старик Альберт крутит с Джил у всех на виду. И как только Джеси может, я и за сто фунтов не смог бы так.

И он поджимал губы с таким скорбным видом, словно и впрямь отказался от ста фунтов. Бедняга Джо, тяжело ему приходилось, когда у животных начинался гон.

Если не считать развязного подхода к вопросам пола, был у Джеси не совсем обычный дар, которому мы с Джо завидовали черной завистью. Есть чудоден, определяющие присутствие подпочвенных вод при помощи ивового прута; есть псы, чующие скрытые под землей грибы; не менее волшебный дар позволял Джеси угадывать, где его ждут чаевые. Стоит перед Приютом, цыкая зубом и присматриваясь к шествующим мимо посетителям, — вдруг весь подобрался, белые брови подрагивают, и челюсти удовлетворенно смыкаются.

— Так, две бумажки есть, — заключает он и начинает подкрадываться к жертве так же ловко, как доверенные ему большие кошки.

Мы с Джо, сколько ни старались, не могли усмотреть никакой разни-

Дцы между собеседниками Джеси и теми, кто утомлял внимания нас. А Джеси был наделен безошибочным чутьем, перед началом очередной атаки он точно определял, какой будет добыча. Из него вышел бы отменный пират.

— Ей-богу, не пойму, как он это делает, старый гусь, — жаловался Джо. — Вот недавно был случай, он говорит мне: «Давай, Джо, попробуй счастья. Вон к белым медведям подходящий тип направился, видишь — тот, в шляпе. Пять бумажек обеспечены». Ну, я пошел, полчаса потратил на того типа, рассказывал про то, про се. Нет, правда, изо всех сил старался угодить, а что получил за свои старания — паршивую сигаретку.

Прошло немного времени, и Альберт с его дамами мне, честно говоря, приелись. В отличие от других обитателей секции они были лишены индивидуальности. Дружелюбие им тоже было неведомо, а это не позволяло узнать их поближе. Фантастические львы Плиния и их похождения казались мне куда интереснее наших живых подопечных. Не знаю, понял ли Альберт, что моя душа не лежит к нему, но он вдруг проникся ко мне острой неприязнью и откровенно пытался прикончить меня, когда я подходил к вольеру. Однажды это ему почти удалось.

Как-то раз Джо постановил очистить канавы у львиного вольера, чтобы мне было что вспоминать, когда я перейду в другую секцию. Вооруженные шлангом, вилами, щетками и прочими причиндалами, мы прибыли на место и вскоре сумели заманить Альберта и его супруг в клетку. После этого Джо, весело насвистывая, взял в руки шланг, а я перемахнул через отжим и принялся очищать канаву от мусора. Канавка тянулась вдоль самой ограды, и просвет между прутьями позволял Альберту просунуть лапу, потому-то мы и заперли его в клетку с более частой решеткой.

Мы прилежно трудились и приблизились наконец к разъяренному узнику. Лихо орудуя шлангом, Джо щедро поливал все вокруг, и, потянувшись за метлой, я поскользнулся и упал около клетки. Хорошо, что просветы были узкие, не то Альберт ухватил бы меня за лопатку. Не теряя времени, он с торжествующим рыканьем бросился в мою сторону и попытался вонзить в меня когти. Решетка не пустила его лапу, но он все же зацепил когтем мой рукав. С истошным воплем, не сомневаясь, что лев уже пожирает меня, Джо направил шланг на нас. Он хотел, разумеется, поразить струей морду Альберта и заставить его выпустить меня. Увы, от волнения Джо промахнулся, и в ту самую секунду, когда я, освободившись от львиного когтя, кинулся прочь от клетки, тугая струя ударила мне в лицо, так что я едва не захлебнулся, и отбросила меня обратно. Альберт попытался снова зацепить меня — безуспешно; Джо повернул шланг и влил ему

струю между глаз. Я оторвался от клетки и, мокрый насквозь, перелез через отжим на дорожку.

— Ты кому, собственно, помогаешь? — спросил я Джо.

— Ради бога, извини, — покаялся он. — Мне показалось, эта старая скотина схватила тебя.

— Да уж ты-то сделал все для этого, — горько заметил я, без особенного успеха вытираясь носовым платком.

В долгие летние вечера мне полагалось дважды в неделю дежурить после ухода Джеси и Джо, следить за тем, чтобы никто из посетителей не демонстрировал свой интеллект, перелезая через отжим или швыряя в зверей бутылками. Это были очень приятные вечера. Я чувствовал себя властелином всех обозримых окрестностей. Сидишь в Приюте с чашкой крепкого чая и разбираешься в набросанных торопливой рукой заметках, пытаешься как-то причесать их. Все длиннее тени на траве спаружи; последние посетители направляются к выходу. Без людей сразу становится удивительно тихо, и вот уже кенгуру осторожно выбирают из зарослей бузины, куда их днем загнали орды крикливых мальчишек. Хрипло рыкает Альберт, прочищая голосовые связки для ночного концерта; отчетливо слышно, как белые медведи лениво плещутся в своем бассейне.

Напоследок я должен был обойти всю секцию и убедиться, что все в порядке.

...Кенгуру разбрелись по территории и мирно пасутся, успокоенные внезапно наступившей тишиной. Тигрица Рани счастлива, что открывается дверь ее клетки: большая цементная яма, в которой она обитает, теперь в тени и лапам становится холодно. Ее сын Поль уже спит на соломенном ложе. На участке по другую сторону гряды в своих деревянных будках свернулись калачиком енотовидные собаки; в соседнем вольере песцы скользят среди кустов, будто привидения. В высокой траве на краю пруда лежат львы. Альберт, как обычно, размышляет, укутавшись в гриву; Нэн и Джил возле него крепко спят с туго набитым брюхом. И опять кенгуру — неторопливо прыгают по траве, волоча за собой тяжелый хвост. На верхушках деревьев суетятся и трещат сороки. В своей ложине дремлют тигры Джам и Морин, а в кустах вокруг их вольера копошатся кенгуру. Кенгуру, кенгуру — всюду кенгуру; слышно, как в полумраке зарослей бузины их кроличьи зубы соскребают кору со стволов.

Удостоверившись, что в секции царит полный порядок, и предвкушая плотный ужин, которым миссис Бейли всегда потчует меня после вечернего дежурства, я направляюсь к выходу. По пути тут пустую бутылку подберешь, там клочок оберточной бумаги.

Убедится, что тигр вполне
окупает все усилия и расходы.

Бэлло. Тигр

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ТОРЖЕСТВО ТИГРОВ

Первые лучи утреннего солнца греют слабо, но они покрывают траву и листья тонкой позолотой, и в их прозрачном свете видно — и слышно, — как просыпается парк. Среди поникших кустов бузины с застрявшими в ветвях клочьями тумана сидят на солнце кучки вялых и тучных кенгуру с темной росной росписью на шубках. Воздух над лужайками пронизывают похожие на английское «Help» резкие крики павлина, влачащего свой многоцветный хвост через сосновую рощу. Зебры при виде тебя вскидывают голову, выпускают из поздрей фонтаны пара и нервно переступают на влажной траве. Свернешь на свою дорожку — из-за ограды вольера белых медведей в тебя целятся трепещущие черные носы, которые жадно втягивают сытный дух зажатых у тебя под мышкой буханок хлеба.

Джеси и Джо идут к Приюту, а я спускаюсь к тигровой яме. Звякает железная калитка, извлекая тысячи вибрирующих эхо из цементных стен, я вхожу в темницу и приступаю к выполнению своих обязанностей.

Распростертые на роскошных постелях из желтой шуршащей соломы, тигры просыпаются и приветствуют меня, разевая влажные розовые пасти в сладком зевке. Грациозно потянулись — спина дугой, хвост палкой, нос подрагивает — и мягко трусят к дверям, не сводя с меня глаз. В яме содержались два из наших четырех тигров — Поль и Рани, сын и мать. Однако Поль не испытывал привязанности к своей родительнице, поэтому спали они в отдельных клетках, и в яму их пускали по очереди. Моей первой обязанностью утром было выпустить из клетки Рани; отодвину тяжеленную дверь и снова задвигаю ее, как только тигрица выскользнет на солнышко. А затем в нарушение правил минут пять кормлю ее сына нарезанным мясом.

Поль был у нас самый крупный и красивый тигр. Ленивые пластичные движения, кроткий нрав — никогда не скажешь, что Рани его мать. Огромные лапы-подушечки Поля ступали бесшумно и неторопливо; его родительница тоже двигалась бесшумно, но быстро, порывисто, нервно, навевая удручающие мысли о ее способности застигнуть тебя врасплох. Уверен, большую часть своего досуга она тратила на то, чтобы измыслить безошибочный способ расправиться с нами. Свирепость характера Рани явственно

выражалась в ее зеленых немигающих глазах. Поль с достоинством и великой кротостью брал мясо у меня из рук; его мать хватала пищу жадно — не ровен час зазеваешься, и руку прихватит заодно. Когда я кормил Поля, мне казалось, что он отвергнет мою руку, даже если ее сунуть ему в пасть, как нечто недостойное внимания. Успокоительная мысль, хотя вряд ли справедливая.

Во время наших утренних бесед Поль вел себя так благодушно, что мне стоило немалого труда помнить, сколь опасным он может быть при желании. Упрется могучей головой в прутья клетки, чтобы я почесал ему уши, и громко мурлычет, напоминая скорее огромного домашнего кота, чем живущего в нашем представлении кровожадного тигра. Он принимал мои подношения с царственной снисходительностью, после чего ложился и вылизывал свои лапы, а я, сидя на корточках, восхищенно любовался им. Вблизи он был особенно великолепен. Яркий мех, изумительно пропорциональное сложение, движения плавные и изящные. Голова массивная, очень широкая между ушами; нижнюю скулу облекает бледно-шафрановое жабо. Темные полосы на рыжем фоне казались языками черного пламени. Но, пожалуй, всего красивее были глаза: миндалевидные, чуть скошенные, большие, они напоминали полированную морем гальку цвета травянистой зелени.

Обычно наши утренние собеседования с Полем прерывал Джеси, ему не терпелось выяснить, куда я, такой-сякой, запропастился с его лопатой. Той самой лопатой, за которой я каждое утро вызывался сходить, чтобы был предлог навестить тигров. И которая играла в распорядке Джеси немаловажную роль: он отправлялся с ней в рошу для утреннего очищения, без чего не мыслил себе свой трудовой день.

Возвратившись после общения с природой, Джеси принимался за дело и начинал чистить тигровую яму. Мы снова запирали Рани в клетке, входили с щетками и ведрами в яму, драили бетон и собирали оставшиеся от вчерашнего обеда кости. После этого поочередно выпускали Рани и Поля, чтобы произвести уборку в их клетках и сменить подстилку. Вернувшись в клетки, оба тигра совершали очень своеобразный обряд. Идут, пригнувшись, прямо на свою постель и принимаются ворошить и мять лапищами солому. Уши прижаты к голове, в полускрытых глазах — задумчивое, мечтательное выражение. Потом вдруг выпрямляются и обильно поливают мочой самую середину своих чистых постелей. После чего половину дня дремлют, временами просыпаясь для того, чтобы вылизать лапы и сладко позевать. Видимо, обнаружив в клетках чистые опилки и свежую соломенную постель, не слыша собственного острого запаха, заглушенного дезинфицирующим средством, которым мы опрыскивали пол и стены, тигры

Д

считали нужным доказать себе (и случайным посетителям), что эти клетки — часть их территории. Пропитают солону своим резким запахом, поднимут, так сказать, свой флаг — можно успокоиться и ждать кормежки.

По окончании уборки в тигровой яме наша троица удалялась в Приют, чтобы перекусить. Сидя на скрипучих стульях в темной лачуге, мы с интересом рассматривали, кто что прихватил из дома. Джеси, держа бутерброд в огромной красной ручище, ел медленно, методично и совершенно равнодушно. Джо стремительно расправлялся со своими припасами, весело рассказывая мне что-нибудь с полным ртом и разделяя фразы взрывами своего хриплого смеха. Джо — единственный из знакомых мне людей, чей смех в написании точно передается междометием «хе... хе... хе». Джеси утрюмо молчал; покончив с завтраком, он устремлял в окно отсутствующий взгляд и цыкал зубом. Потом с медлительностью рептилии раскуривал свою трубку, заставляя ее сипеть, пищать и хлопать, меж тем как мы с Джо обсуждали погоду, рыбную ловлю, лучший способ снять с кролика шкурку или сравнивали стати трех блондинок, чьи портреты украшали стену над стулом Джо.

Но вот мы все трое поднимаемся и выходим из лачуги, чтобы выполнить следующий пункт нашей программы: убрать вольер белых медведей. В гуще кустов бузины стрекочут настороженные нашим появлением сороки, Джо зычным криком спугивает их, и они вырываются из листвы, разлетаясь в разные стороны гомонящими черно-белыми стрелами.

В первой половине дня в зоопарк привозили мясо, кровавые лопатки и окорока с пятнами зеленой краски в знак того, что они не годятся в пищу людям. С половины третьего до трех мы разрубали мясо на куски, раскладывали по ведрам и решали, которого из зверей сегодня побаловать лакомством вроде сердца или печени. В три часа приступали к кормлению.

Начинали мы всегда с тигровой ложины в дальнем конце нашей секции (с нижних тигров, как мы говорили). Здесь, в просторном, как у львов, вольере с густым кустарником жили Джам и Морин, не связанные узами родства с обитателями тигровой ямы Полем и Рани. Идем туда вдвоем, неся ведра с мясом, и непременно за нами следует словно возникшая из небытия толпа ребятишек с добавлением любопытных взрослых. Дети снуют вокруг нас, испуская звонкие крики, задавая вопросы, нетерпеливо расталкивая друг друга и подпрыгивая, чтобы лучше рассмотреть кровавые куски.

— Ух ты! Гляди, какое мясо... Альф... Альф... погляди на мясо!

— А для чего эта вилка, мистер?

— Вот это да! Спорим, они и половины не одолеют.

— А что это за мясо, мистер?

— Джон, сынок, осторожно, не мешай служителю... Джон, слышишь, кому говорят?

И так далее, на всем нашем пути до вольера, где Джам и Морин мечутся взад-вперед у самой ограды, снедаемые адским нетерпением.

Мне всегда казалось интереснее кормить эту пару, чем Поля и его родительницу, ведь в яму мы просто бросали мясо, и все, а с нижними тиграми общение было более близким. Зацепишь вилкой мясо и просовываешь узким концом (обычно — костью) вперед между прутьями. Джам, как истый джентльмен, огрызался на свою супругу и отталкивал ее, если она пыталась опередить его. Схватит мясо зубами, упрется в каменную кладку и тянет, выгнув спину и напрягая все мускулы. Невероятная и даже грозная демонстрация силы: сантиметр за сантиметром тигр протаскивал мясо между прутьями, заставляя их отгибаться в стороны! Но вот прутья вдруг отпускают хватку, тигр от неожиданности садится и тут же, высоко подняв голову, важно шагает через кусты к пруду, чтобы там сожрать добычу.

Накормив Джама и Морин, мы отправлялись с ведрами за новой порцией. И снова нас сопровождает кучка зрителей, снова — град дурацких вопросов, без которых, видимо, не обходится кормление тигров.

— А почему мясо сырое?

— А если его сварить, они станут есть?

— Почему тигры полосатые?

— Если вы к ним войдете, они вас укусят?

Такие вопросы обычно задавали взрослые; вопросы детей, как правило, были куда разумнее.

Хотя Поль был моим любимцем, Джам и Морин, по чести говоря, являли собой более интересное зрелище. На фоне зелени деревьев и кустов их расцветка казалась особенно яркой. Правда, природа наделила их вспыльчивым нравом, и я неизменно дивился мгновенной смене настроений, когда из вяло слоняющихся по участку зверей они вдруг превращались в шипящее и рычащее воплощение ярости.

А еще мне нравились короткие любопытные беседы Джама и его супруги. Способ их общения был чрезвычайно своеобразным, а издаваемые звуки настолько далеки от обычного ворчания или рычания, что напоминали какой-то особый язык. Тигры фыркали, производя дрожжащими носами громкие булькающие звуки. Всего-навсего фырканье, но как они умели его варьировать, сколько разных значений в него вкладывали (во всяком случае, мне так казалось)! Причем беседовали Морин и Джам, только когда мы загоняли их в клетки или выпускали в вольер.

Фырканье производилось двояко, и звук получался либо протяжный и насыщенный, словно тигры спокойно переговаривались, либо очень гром-

Д

кий, с вопросительной интонацией; оба способа допускали вариации в зависимости от обстоятельств. Беседы производили впечатление настоящего диалога: если один тигр издавал вопросительное фырканье, другой непременно отзывался.

Поначалу я только и различал два основных, так сказать, мотива — бормотание и вопросы. Однако, прислушиваясь, я научился улавливать небольшие отклонения; казалось, что и отдельные фырки различаются между собой, в каждое из них вложен свой, особый смысл. Долго я воспринимал беседы тигров просто как фырки, потом начал склоняться к мысли, что они разговаривают друг с другом на каком-то очень примитивном языке. Идея эта настолько меня увлекла, что я потратил уйму времени, прежде чем научился воспроизводить некоторые самые простые звуки, и наконец направился к тигровой яме, чтобы проверить свои успехи на Поле. Как только он подошел к дверце, я наполнил легкие воздухом и изобразил звучное вопросительное фырканье. Убежденный, что сам Джам не сказал бы лучше, я стал ждать ответа. Поль замер, явно озадаченный, и отступил на несколько шагов. Я фыркнул снова, почти так же выразительно, как в первый раз, и с меньшим расходом слюны. Кажется, дело пошло... Я с надеждой поглядел на Поля. Он наградил меня презрительным взглядом, от которого я чуть не залился краской, повернулся спиной и побрел обратно к своей постели. И я понял, что надо было бы еще малость потренироваться, прежде чем заговаривать с ним.

В ту самую пору, когда я осваивал тигриный язык, состоялось мое знакомство с Билли. Я только что проведаль львов и шел по дорожке, практикуясь в фырки. На повороте я фыркнул на зависть всем тиграм и чуть не наскочил на высокого тощего юношу с шапкой рыжих волос, круглыми голубыми глазами и носом пуговкой. Верхнюю губу и щеки юноши покрывал нежный пушок цвета яичного желтка.

— Привет, — сказал он с обворожительной улыбкой, — ты наш новый парень.

— Точно, — подтвердил я. — А ты кто?

Он помахал руками, уподобляясь ветряной мельнице, и хихикнул.

— Я Билли. Просто Билли. Все зовут меня Билли.

— А в какой секции ты работаешь? — поинтересовался я, так как прежде не видел его в зоопарке.

— Да во всех, — ответил Билли, косясь на меня с хитринкой, — во всех.

Мы постояли молча. Билли жадно разглядывал меня, словно натуралист, который напал на новый, неизвестный вид.

— Ну и жуткий насморк у тебя, — внезапно произнес он.

— Нет у меня никакого насморка, — удивился я.

— Как это нет? — сказал он укоризненно. — Будто я не слышал, как ты чихал на весь зоопарк.

— Я не чихал, я фыркал.

— А звучало как чих, — возмутился Билли.

— А на самом деле фыркание. Я учусь фыркать по-тигриному.

Круглые глаза Билли полезли на лоб.

— Чему ты учишься?

— Фыркать по-тигриному. Тигры разговаривают друг с другом фырканием, вот я и хочу научиться.

— Ты спятил, — убежденно сказал Билли. — Как это можно разговаривать фырканием?

— А вот так, как тигры. Возьми да послушай их как-нибудь.

Билли хихикнул.

— Тебе нравится здесь работать? — спросил он.

— Очень. А тебе?

Он снова метнул в меня хитрый взгляд:

— Нравится, но со мной другое дело, я здесь должен находиться.

Вспомнив о том, что у каждой деревни есть свой дурачок, я заключил, что напоролся на уипснейдское издание.

— Ну ладно, я пошел.

— Еще увидимся, — сказал Билли.

— Ага, увидимся.

Удаляясь вприпрыжку между кустами бузины, он вдруг затянул пронзительным, режущим ухо голосом:

Я странствующий менестрель,
Одет в тряпье и лохмотья...

В Приюте я застал Джо, который мастерил себе мушку для ловли форели.

— Только что встретил деревенского дурачка, — сообщил я.

— Деревенского дурачка? Это кто же?

— Не знаю. Высокий такой, рыжий, звать Билли.

— Дурачок? — переспросил Джо. — Никакой он не дурачок. Разве ты его не знаешь?

— Нет, а кто он? — полюбопытствовал я.

— Сын капитана Била, — ответил Джо.

— Господи! Что ж ты меня не предупредил?

Я быстро пробежал в памяти свой разговор с Билли, пытаюсь вспомнить, не было ли мной сказано что-нибудь особенно обидное.

Д

— А где же он все-таки работает? — спросил я. — В какой секции?

— Нигде, — сказал Джо. — Просто слоняется по зоопарку... здесь по-может, там подсобит. Иной раз от него только морока, но так-то парнишка славный.

Встреча с Билли быстро забылась, потому что голова моя была занята другими, более важными делами. У Морин началась течка, и мне представилась возможность наблюдать брачный ритуал тигров. К счастью, он пришелся как раз на мой выходной, и я весь день провел в укрытии около вольера, заполняя страницу за страницей своими наблюдениями.

С самого утра Джам неотступно следовал бурой тенью за своей супругой, униженно приседая под бременем страсти. Стоя за деревьями, я видел, как они рыскают в пестрой тени кустов, как скользят по их бокам солнечные зайчики. Джам трусил за супругой сзади, чуть сбоку. Он соблюдал почтительное расстояние: ему уже досталось от нее с утра, когда он подобрался чересчур близко. Три глубокие алые царапины на морде красноречиво свидетельствовали о ее необщительности. Буквально за ночь из робкого, поддобо-страстного существа она превратилась в опасное крадущееся животное, которое быстро и безжалостно давало отпор преждевременным домогательствам Джама. Он явно был озадачен этим превращением; надо думать, столь внезапный переворот в их статусе был для него полной неожиданностью.

Они продолжали рыскать взад-вперед среди бузины, наконец страсть опять взяла верх, и Джам, со стеклянными от вожделения глазами, приблизился к Морин; в горле его перекатывался мурлыкающий стон. Тигрица, не замедляя размеренной трусцы, оскалила белые зубы с розовой полоской десен. Стон оборвался, и Джам отступил на прежнюю позицию. И снова тигры рыскают туда-обратно в прозрачном сумраке между кустами, поблескивая рыжеватой шерстью. С моего мало уютного наблюдательного пункта в крапиве мне казалось, что Морин вообще не намерена уступать Джаму, и я восхищался его выдержкой. А она явно упивалась своей властью над супругом и продолжала водить его за собой.

Прошло еще полчаса, движения Джама с каждой минутой становились все более порывистыми и нетерпеливыми. Но вот я заметил, что Морин замедлила шаг и обмякла; спина ее прогнулась так, что светло-медовое брюхо почти волочилось по земле. Тигрица вихляла всем телом, и тоскливая озабоченность в ее взгляде сменилась таинственной задумчивостью, присущей тиграм, когда они дремлют после кормления. Ленивой походкой она не столько прошла, сколько проплыла из зарослей вниз к высокой густой траве возле пруда. И остановилась там, повесив голову. Джам жадно следил за ней от опушки; глаза его сверкали зелеными льдинками на грозной

морде. Морин ласково замурлыкала, и кончик ее хвоста черным шмелем заметался в траве. Потом она аккуратно зевнула, обнажив розовую пасть в волнистой кайме темных губ. Медленнее расслабилась и упала боком на траву. Джам затрусил к ней, вопросительно урча, и она отозвалась глухим воркованием. Тогда он, не мешкая, оседлал Морин, выгнув спину дугой и загребая лапами по ее бокам. Голова тигрицы поднялась, и он страстно впился зубами в ее изогнутую шею. Морин словно таяла под ним, словно расплывалась и почти совсем исчезла в траве. И вот уже они лежат рядышком и спят на солнце.

У Джама была одна повадка, которой я никогда не наблюдал у других наших тигров: получив мясо, он принимался его лизать. Язык тигра работает что твоя терка. Однажды мы кормили Джама в клетке, и я смог проследить, как он ест, на расстоянии вытянутой руки. Сначала Джам зубами очистил мясо от пленок и торчащих волокон. Потом, зажав его между лапами, принялся облизывать гладкую красную поверхность. Длинный язык шоркал, точно наждак по дереву, буквально истирая мясо, так что гладкая поверхность становилась шершавой, как коверный ворс. Минут десять продолжалась эта процедура, и за это время Джам слизнул сантиметровый слой мяса. С таким языком тигру для еды и зубы-то не нужны!

Единственное, что затрудняло последовательные наблюдения над нравами и повадками Джама и Морин, — обширная территория с густыми зарослями. Вместе с тем именно эту пару стоило наблюдать, так как из наших тигров они вели наиболее естественный образ жизни. Поди угадай у Поля и Рани, какие черты поведения нормальны для них, а какие — результат противоестественного образа жизни в большой бетонной яме. Взять хотя бы купание. Я никогда не видел, чтобы Джам или Морин купались, да и Поль тоже сторонился воды. А вот Рани в знойную погоду спускалась к бассейну и погружалась в прохладную воду целиком, высунув только голову и кончик хвоста. До получаса беззаботно нежилась она в бассейне, время от времени дергая хвостом так, что на голову летели брызги. Столь необычное для тигра поведение неизменно вызывало оживленные комментарии и догадки зрителей.

— Агнесса, пойдی сюда, посмотри — тигр в воде!

— О! Какой милый, правда?

— Интересно, зачем он туда забрался?

— Кто его знает. Может быть, пить хочет.

— Хорошо, а лежать-то зачем?

— Не знаю. Может, он больной.

— Не говори глупостей, Берг.

— Может быть, это водяной тигр. Особая порода, ну?

Д

— Наверно, так и есть. Правда, он милый?

— Кинь ему хлеба, Берт.

Большая корка хлеба ударяет Рани по макушке, и тигрица с недовольным ворчанием поднимает голову.

— Не станет он его есть.

— Попробуй кинуть орех.

Честное слово, этот разговор не плод моего воображения. Я записал его дословно, и у меня есть свидетели. Зрелище распростертой в воде Рани рождало самые нелепые гипотезы в головах благородной британской публики. Теснясь вдоль отжима, посетители с напряженным вниманием глазели на тигрицу. Даже уличное происшествие не могло бы вызвать более жадного интереса. До моей работы в Уипснейде я не представлял себе, как мало люди осведомлены даже о простейших фактах в жизни животных. Зато служителям полагалось знать все на свете. Тигры так и рождаются полосатыми? А львы укусят, если к ним войти? Почему у тигра есть полосы, а у льва нет? Почему у льва есть грива, а у тигра нет? А тигры укусят, если к ним войти? Почему белый медведь белый? Где водятся белые медведи? А они укусят, если к ним войти? Такие вопросы и сотни других нам задавали во все дни недели, иногда по двадцать-тридцать раз на дню. Когда наплыв посетителей бывал особенно велик, наша выдержка подвергалась серьезному испытанию. Многие посетители, с которыми я разговаривал, удивлялись и явно разочаровывались, выяснив, что мы не ходим весь день на волосок от смерти в когтях льва или медведя. Поскольку я не мог похвастаться живописными шрамами, посетители считали меня чуть ли не шарлатаном. Попробуй убедить их, что жить среди этих зверей в общем-то совершенно безопасно, — воспримут как оскорбление. Одежда разорвана в клочья, голова окровавлена, но гордо поднята — таким они хотели бы меня видеть; в их представлении мой рабочий день должен был являть собой сплошную череду страшных испытаний. Вспоминая ту пору, я чувствую, что упустил отличный случай сколотить состояние. Мне бы располосовать свой халат, вымазаться кровью и каждые полчаса выходить, шатаясь, из тигровой ямы и небрежно замечать: «Адская работенка — чистить этого тигра», — я теперь был бы богачом.

Посетители в массе были для нас источником изрядных хлопот, а иногда и веселья. Два случая врезались в мою память на всю жизнь. Первый — когда один мальчуган, посмотрев, как я кормлю тигров, подошел ко мне с округлившимися глазами и полушепотом спросил:

— Мистер, а вас эти зверюги ели хоть раз?

И второй: красный от возбуждения мальчишка, подбежав к тигровой

яме, глянул через барьер, увидел рыскающего взад-вперед Поля, повернулся к своей родительнице и крикнул:

— Мам! Мам, скорей иди сюда, погляди на эту зебру!

Через несколько дней после моего знакомства с Билли я снова встретил его. Он катил на дребезжащем древнем велосипеде по каменистой дорожке, ведущей к вольеру львов. Я только что расправился с густой крапивой, которая норовила заполнить дорожку, и устроил долгожданный перекур.

— Привет! — пронзительным голосом крикнул Билли, резко нажимая на тормоза, так что чуть не вылетел из седла.

Его длинные неуклюжие ноги уперлись в землю, губы растянулись в дурацкой улыбке.

— Привет, — осторожно отозвался я.

— Чем ты тут занят?

— С крапивой сражаюсь.

— Ненавижу эту работенку, — заявил Билли. — Обязательно обстрекаюсь, притом в самых неожиданных местах.

— Я тоже, — с чувством ответил я.

Билли беспокойно оглянулся по сторонам.

— Послушай, — произнес он заговорщицким шепотом, — у тебя сигаретки не найдется?

— Найдется. — Я протянул ему сигарету.

Он неумело закурил и принялся отчаянно дымить.

— Только никому не говори, ладно? Мне не разрешают курить.

— Далеко направляешься? — спросил я.

Билли поперхнулся дымом и закашлялся, из глаз его покатились слезы.

— Хорошая сигарета — это здорово, — хрипло вымолвил он.

— Не вижу, чтобы тебе было так уж здорово.

— Что ты, отлично!

— Ну, так куда же ты направляешься? — повторил я.

— Да вот тебя решил поведать, — ответил он, показывая на меня размокшей от слюны сигаретой.

— В самом деле? А зачем же я тебе понадобился?

— Старикан приглашает тебя сегодня вечером на стаканчик.

Я вытаращил глаза от удивления.

— Твой отец приглашает меня на стаканчик? — озадаченно переспросил я. — Ты серьезно?

Одержимый повторным приступом кашля после новой затяжки, Билли только лихорадочно закивал в ответ, тряся рыжей шевелюрой.

Д

— Допустим, но с какой стати он приглашает меня на стаканчик? — продолжал я недоумевать.

— Полагает... — через силу выговорил Билли, — полагает, что ты будешь оказывать на меня благотворное влияние.

— Господи, я не собираюсь ни на кого оказывать благотворное влияние. И вообще, где же тут благотворное влияние, если я дал тебе сигарету, хотя тебе не разрешают курить.

— Никому не говори, — прохрипел Билли. — Секрет. Ну, пока — до половины седьмого.

Продолжая давиться и кашлять, он скрылся в кустах на своем ржавом велосипеде.

Итак, в шесть часов вечера я натянул свои единственные приличные брюки, повязал галстук, надел пиджак и явился в апартаменты семейства Биллов, которые занимали часть здания дирекции. Хотя другие работники зоопарка заверили меня, что под грубой внешностью капитана Била скрывается золотое сердце, мне все же было страшно: как-никак он директор, а я самая мелкая сошка.

Дверь открыла миссис Бил, очаровательная женщина, излучающая нерушимое спокойствие.

— Входите, входите, — сказала она, ласково улыбаясь. — Вы разрешите называть вас просто Джерри? Билли вас только так называет. Проходите... капитан в гостиной.

Она проводила меня в уютную просторную комнату. В углу, в огромном кресле, почти совершенно скрытое вечерней газетой, было простерто могучее тело капитана Била. Под глухой рокот, словно предвещавший вулканическое извержение, газета шуршала и шелестела, вздымаясь и опадая в лад капитанскому дыханию.

— Боже мой, — сказала миссис Бил. — Извините, он заснул. Вильям! Вильям! Джерри Даррелл пришел.

Раздался шум, как от столкновения нескольких товарных поездов, и капитан могучим левиафаном вынырнул из-под газеты.

Он крикнул, поправил очки и воззрился на меня.

— Даррелл? Ах, Даррелл! Рад познакомиться. Я хотел сказать, рад вас видеть.

Капитан поднялся на ноги, сбрасывая на пол газетные листы, словно могучий дуб осеннюю листву.

— Глэдис! — рявкнул он. — Дай же парню что-нибудь выпить. Что он, так и будет стоять?

Миссис Бил никак не реагировала на его команду.

— Да вы садитесь, — предложила она мне с улыбкой. — Что вам налить?

В первые послевоенные годы спиртное еще ценилось на вес золота, и, хотя я мечтал о чем-нибудь вроде виски с содовой для храбрости, мне было ясно, что говорить об этом вслух нетактично.

— Стакан пива, если можно, — сказал я.

Пока миссис Бил ходила за пивом, капитан добрался до камина и принялся энергично шуровать кочергой, надеясь оживить пламя. На каменную плиту вывалилось несколько тлеющих головешек, и камин окончательно потух. Капитан с досадой отбросил кочергу.

— Глэдис! — проревел он. — Камин потух!

— А ты оставь его в покое, милый, — отозвалась миссис Бил. — Он у тебя всегда тухнет.

Капитан снова плюхнулся в кресло, и пружины протестующе взвизгнули.

— И дрянь же, черт возьми, это нынешнее пиво, верно, Даррелл? — заметил он, глядя на стакан, который принесла мне миссис Бил.

— Не сквернословь, милый, — сказала она.

— Адская дрянь, — с вызовом повторил капитан, сверля меня взглядом. — Вы согласны, Даррелл?

— Право, не знаю, я ведь до войны не пил пива, — ответил я.

— Ни крошки хмеля, — продолжал капитан. — Точно вам говорю, ни крошки.

В эту минуту, вихляясь в суставах, будто жираф, в комнату ворвался Билли.

— Привет, — сказал он мне, дурашливо улыбаясь. — Ты уже здесь?

— Где ты пропадал? — рявкнул капитан.

— Гулял с Молли, — ответил Билли, размахивая руками. — Тра-ля-ля, тра-ля-ля, это моя новая возлюбленная.

— Ха! — удовлетворенно хмыкнул капитан. — Стало быть, с девчонками крутишь? Молодец! А вы, Даррелл, тоже дамский угодник?

— Наверно, — осторожно ответил я, не совсем уверенный, как капитан Бил представляет себе дамского угодника.

Убедившись, что миссис Бил вышла из комнаты, капитан наклонился вперед.

— Я и сам всюду ухлестывал за дамами, — пророкотал он заговорщицким шепотом. — Пока не встретил Глэдис, разумеется. Черт!.. После Западного побережья человеку нужна достойная подруга!

— И долго вы пробыли в Африке? — спросил я.

— Двадцать пять лет... четверть века. Черные меня любили, — про-

Д

стодушно похвастался он. — Конечно, я с ними по справедливости общался, и они это ценили. Дядей Билли называли.

В этом месте Билли по какой-то одному ему известной причине разразился истерическим хихиканьем.

— Дядя Билли! — захлебывался он. — Надо же, называть тебя «дядя Билли»!

— Ну и что? — прорычал капитан. — Выражение преданности. Они меня уважали, так-то.

— А мне можно пива? — спросил Билли.

— Только один стакан, — отрезал капитан. — Ты еще молод пить. Скажите ему, что он молод пить, Даррелл. Молод пить, курить и распутничать.

Билли состроил гримасу, подмигнул мне и вышел из гостиной за пивом.

— Ну, и как вы ладите с зебрами? — вдруг рывкнул капитан Бил так зычно, что я едва не выронил стакан.

— Гм... ну, я, конечно, видел зебр, но вообще-то я ведь в львятнике работаю.

— Ах так, — сказал капитан. — Ну да, вас ведь туда назначили? Ясно, и как же вы ладите со львами?

— По-моему, хорошо лажу, — осторожно ответил я.

— Ладно. — Капитан посчитал, что эта тема исчерпана. — Вы любите кэрри?

— Гм... да-да, люблю.

— Острый кэрри? — допытывался капитан Бил, сверля меня подозрительным взглядом.

— Да. Моя мать готовит очень острый кэрри.

— Ладно, — удовлетворенно произнес капитан. — Приходите к нам обедать... в четверг. Я сам приготовлю кэрри. Никогда не доверяю это Глэдис... не умеет делать острый кэрри... преснятина. А надо, чтобы пот прошибал.

— Я вам очень признателен, сэр.

— Глэдис! — взревел капитан Бил так, что стены задрожали. — Даррелл придет к нам обедать в четверг. Я приготовлю кэрри.

— Очень хорошо, милый, — сказала миссис Бил, возвращаясь в гостиную. — Приходите часам к семи, Джерри.

— Я вам очень признателен, — повторил я.

— Отлично. — Капитан поднялся на ноги. — Итак, в четверг — ясно? Мне было ясно, что пора уходить.

— Что ж, ладно, большое спасибо за пиво, сэр.

— На здоровье, — пробурчал капитан, — на здоровье. Только поосторожнее с этими зебрами, учтите, от них ведь всяких гадостей можно ждать. Всего доброго.

Но медведица в ответ
зубы скалит, когти кажет.

Киплинг. Женский пол

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МАНЕРЫ МЕДВЕДЯ

С точки зрения публики подлинными звездами секции были белые медведи Бэбс и Сэм.

— После белых медведей, — говорил Джеси посетителям, — остальное можно и не смотреть.

Публика не прочь поужасаться действительной или мнимой свирепости львов и тигров, но быстро теряет к ним интерес. А вот на белых медведей люди могли смотреть без конца, потому что те их смешили. Львов и тигров надо наблюдать подолгу, чтобы подметить что-нибудь интересное в их частной жизни, а у кого же из посетителей есть время терпеливо следить за спящими животными в надежде увидеть проявление примитивных страстей или еще какое-нибудь диво. То ли дело белые медведи: они, как говорится, никогда не покидали сцену, и публика могла часами простаивать около их вольера. Сэм либо стоял в углу, плавно покачиваясь, либо лежал на бетонном полу, распластавшись на животе совсем по-собачьи и пренебрежительно взирая на людей. Его супруга Бэбс ныряла в бассейн за хлебом и печеньем или просовывала длинную морду между прутьями ограды и разевала пасть, чтобы угощение бросали прямо в рот.

Разница между Сэмом и Бэбс бросалась в глаза с первого взгляда. Сэм — косматый тяжеловес с огромным отвислым задом; его супруга — гладкая и стройная. У Сэма — широченная голова, маленькие аккуратные уши и характерный для старых белых медведей «римский» нос, образованный мясистым валиком на морде выше ноздрей. Этот валик придавал бы Сэму коварный вид, если бы маленькие глаза в глубине шерсти не лучились добродушием. У Бэбс голова длинная и узкая; казалось, гибкую шею медведицы венчает большущая сосулька. Ее морда вполне заслуживала названия коварной, а неприятный желтый отлив белков вызывал в памяти по-

Д

мятое лицо немолодой женщины наутро после бурной вечеринки. Сэм, как и подобало его возрасту, вел образ жизни степенный и размеренный, расхаживая по вольеру с видом благосклонного и рассеянного старца. Он старался не делать лишнего шага, по большей части просто спал на солнце. В отличие от него Бэбс не знала покоя: то бесцельно кружит по вольеру, то жмется к прутьям, стараясь зацепить лапой оброненные ее почитателями куски печенья или соблазнительные клочки бумаги, то плещется в зеленой воде бассейна.

В часы кормления Бэбс подходила к прутьям и широко разевала усеянную кривыми желтыми зубами длинную пасть, чтобы Джеси мог бросать ей мясо в рот. Сэм никогда не допускал такого неприличия, он осторожно брал мясо удивительно цепкими губами, потом ронял его на цемент и внимательно изучал. Если мясо было жирным, он наступал на него широкой лапой, аккуратно отдирая шуршащий жир передними зубами и съедал, щелкая челюстями и громко чмокая. Бэбс во время кормления устраивала подлинные водяные феерии, однако Сэм никогда к ней не присоединялся. Медведица обожала выступать перед благодарной публикой, смех и крики которой поощряли ее на новые и новые трюки; Сэму было абсолютно все равно, есть зрители или нет.

Бэбс независимо от погоды полдня проводила в бассейне, шумно резвилась и бултыхалась в зеленой булькающей воде. Иногда она по нескольку минут лежала на спине, пристально рассматривая свои лапы. Смысл этой странной повадки остался для меня загадкой. Но чаще медведица плавала по-собачьи, загребая всеми четырьмя ногами: доплывет до конца бассейна — поворачивается на спину и с силой отталкивается от стенки задними ногами, так что вокруг шеи и плеч возникает белый бурунчик. Сэм, как я уже говорил, никого и ничего не замечал (за исключением разве что ведра с кормом); Бэбс для вдохновения была необходима публика, в такие часы она не выходила из бассейна, услаждая галерку игривыми ужимками примадонны из третьеразрядной пантомимы. Бросаясь за хлебными корками, она шлепала брюхом по воде с такой силой, что брызги летели на возмущенного Сэма, и ему приходилось перебираться на более безопасное место.

Как ни странно, Сэм явно не любил воду. Если в бассейн бросали корм, он не нырял за ним, а старался выловить лапой, стоя у бортика. Не поймает — вовсе уйдет. Правда, дважды я видел, как он спускался в бассейн, чтобы поиграть с супругой, и это было зрелище, достойное внимания. В одиночку Бэбс исполняла свои номера без юмора, с напряженным, сосредоточенным видом, будто взялась за малопочтенное дело, которое, однако, надлежит любой ценой довести до конца. Веселой я видел ее только в

тех случаях, когда Сэм присоединялся к ней; ее морда сразу становилась милой и добродушной. Сидя по пояс в воде, Сэм обнимал и легонько покусывал супругу, и глаза его излучали снисходительную доброту. А Бэбс, глядишь, до того разойдется, что кусает его довольно чувствительно, и тогда он приводит ее в чувство увесистой оплеухой. Или примутся топить друг друга: захватят пастью загривок партнера и погружаются, увлекая его за собой. Массивные белые сидища качаются на поверхности воды, точно гигантские подушки для булавок, а внизу, в зеленой толще, идет развеселая возня, супруги лихо тузят и кусают друг друга. Наиграются — внезапно выныривают, отдуваясь и фыркая, в каскадах стекающей с их шуб воды.

Бэбс совсем по-детски увлекалась игрушками, которые ей давали. Все, что угодно, годилось: старая крышка, колода, пучок травы или кость, — но вообще-то она предпочитала предметы, с которыми было удобно играть в воде и которые не слишком быстро тонули. Однажды утром, закончив уборку, я нечаянно оставил в вольере ведро и спохватился, когда мы уже выпустили медведей из клеток и было поздно что-либо предпринимать. Мы все же попытались загнать их обратно, но из этого ничего не вышло.

Сэм проверил ведро и, убедившись, что оно пустое, отошел в сторону. Зато Бэбс, беспокойная натура, очевидно, восприняла ведро как дар небес, посланный ей, чтобы внести разнообразие в серые будни заточения, и принялась гонять его лапищей по буграм, явно наслаждаясь ушераздирающим скрежетом железа о цемент. В конце концов ведро с грохотом скатилось в бассейн и поплыло по воде дужкой кверху. Стоя у бортика, Бэбс сделала попытку поймать его лапой, но не дотянулась. Тогда медведица прыгнула в бассейн, вызвав миниатюрное цунами. Волна захлестнула ведро, и оно кануло в зеленую толщу. Нимало не обескураженная этим, Бэбс нырнула следом и принялась обыскивать дно. Через минуту-другую она вынырнула с висящим на лапе ведром — ни дать ни взять доярка с подойником! Не желая больше рисковать, Бэбс легла на спину, примостила трофей себе на брюхо и принялась ласково его поглаживать. Время от времени она подносила ведро к носу, чтобы смачно фыркнуть в его гулкое металлическое нутро.

Но вот медведица забыла про осторожность, и снова ведро с веселым бульканьем пошло ко дну. Бэбс нырнула за ним, а когда вынырнула, ведро сидело на ее голове, словно шляпа, с дужкой в роли охватывающей подбородок ленты. Джо хохотал так, что с ним чуть истерика не случилась. Правда, затем мы изрядно поволновались, потому что ведро никак не хотело сниматься. Справившись с ним наконец, медведица решила его проучить. Взяла дужку зубами, вынесла ведро из воды, опустила на цемент и с видом исследователя, производящего увлекательный эксперимент, нажала лапой на железо. Казалось бы, чуть-чуть нажала, но от этого незамысловатого ак-

Д

та дно ведра вздулось пузырем, а бока сплющились, точно побывали под гидравлическим прессом. Исчерпав таким образом возможности новой игрушки, Бэбс утратила к ней интерес и побрела к бассейну, чтобы немного поплавать.

Время от времени у Бэбс между пальцами передней лапы появлялись фурункулы — неприятная штука, так как они прорывались не сразу и причиняли ей изрядную боль. С изборожденным страдальческими складками лицом, Джо стоял, опираясь на отжим, и глядел, как медведица хромает по своей площадке.

— Ах ты, бедолага, — участливо приговаривал он. — Бедняжка ты моя.

Нам оставалось только смотреть, как она страдает и мечется по вольеру. На второй день фурункул прорывался сам, пачкая желтым гноем белую шерсть. Пока в распухшей лапе пульсировала боль, Бэбс не входила в бассейн, но, как только нарыв лопался, бросалась в воду, не дожидаясь, когда выйдет весь гной.

Но однажды нарыв не прорвался, как обычно, на второй день; лапа и на третье утро была похожа на подушку, и мы заметили, что опухоль распространяется вверх. Дело приняло серьезный оборот, и нам пришлось вмешаться. Заманив медведицу в клетку, мы сунули ей кусок мяса, в котором были спрятаны искрошенные таблетки, затем вскипятили в Приюте ведро воды и развели дезинфицирующее средство. У нас было задумано распарить лапу, чтобы фурункул лопнул, однако Бэбс отнюдь не рвалась участвовать в этом научном опыте. Клетка была достаточно длинная: зайдем с одного конца — медведица поспешно ковыляет в другой. С помощью двух досок, трех вил и лопаты нам удалось запереть ее в углу, там она уселась, шипя, будто паровая машина, и предостерегающе порывивая. Мы плеснули горячей водой на распухшую лапу; Бэбс рывком подняла ее, хрипя от ярости и боли, и попыталась пробиться через заграждение из досок и вилок. К счастью, доски выдержали. Мы плеснули опять; на этот раз Бэбс гораздо мягче выразила свое недовольство. По мере того как лапа прогревалась, медведица становилась спокойнее: наконец она легла и закрыла глаза. Прежде чем мы опорожнили ведро, нарыв прорвался, выбросив на цемент струю гноя, и Бэбс облегченно вздохнула. Еще два ведра воды ушло на то, чтобы смыть гной, который сочился из отверстия величиной с монетку. Через полчаса мы выпустили Бэбс из клетки, а минутой позже она уже как ни в чем не бывало бултыхалась в бассейне.

До работы с Бэбс и Сэмом мне не приходило в голову, что белый медведь способен развить сколько-нибудь заметную скорость. Тем сильнее был я поражен, когда увидел, что Бэбс при желании в прыти не уступает тигру.

Правда, она совершала рывки только в тех случаях, когда, выведенная из себя, покушалась на вашу жизнь. Сэм редко торопился и никогда не выходил из себя; если его что-то раздражало, он давал знать об этом, издавая выпяченными губами предостерегающее шипение. Бэбс не тратила времени на предостережения и бросалась на человека по малейшему поводу. Впервые она продемонстрировала мне свои способности однажды утром, когда по какой-то причине, известной только ей одной, пребывала в дурном настроении. Медведица шипела и ворчала, когда мы загоняли супругов в клетку, чтобы произвести уборку в вольере, да и выйдя потом из клетки, продолжала ворчать и порывивалась на Сэма, если он приближался к ней. Тут я нечаянно задел ногой ведро, оно с грохотом опрокинулось на камни, и этот шум подсказал Бэбс, на что обратить свой гнев. В приступе ярости она развернулась кругом и из дальнего конца вольера галопом бросилась ко мне. В четыре огромных прыжка, словно чудовищный мяч, покрыла она расстояние до разделявшей нас ограды. Медведица проделала этот маневр так стремительно и могучая лапища просунулась между прутьями так внезапно, что я едва успел отпрыгнуть назад. Раздосадованная промахом, Бэбс с шипением ретировалась и принялась угрюмо бродить на солнце.

Казалось, этот случай должен был меня предостеречь, но я пренебрег уроком, и вскоре Бэбс опять застигла меня врасплох. В промежутке между отжимом и оградой вольера белых медведей накапливались обертки от конфет, разорванные пачки из-под сигарет, бумажные кульки и прочий мусор, который заботливые посетители бросали на землю, чтобы мы не скучали без дела. Придя, как обычно, под вечер для уборки и увидев, что Бэбс спит на краю вольера, я решил приступить к работе в противоположном конце. Перелез через отжим, начал подметать и так увлекся, что забыл о необходимости поглядывать на медведей. Только нагнулся за очередной бумажкой, вдруг за спиной у меня послышались какой-то топот и шипение, и в ту же секунду на мое сидалище обрушился страшный тумак. Я пролетел ласточкой по воздуху и приземлился плашмя на грязную траву. Перевернувшись на спину, я увидел Бэбс: она сидела возле ограды, злорадно глядя на меня. И ведь что особенно поразительно; хотя в узкий просвет между прутьями могла просунуться только часть лапы, а именно пальцы с когтями, медведица вложила в удар такую силу, что умудрилась сбить меня с ног. Поглаживая ушибленное место, я пытался представить себе, что мне грозило, если бы не ограда. Судя по взгляду Бэбс, она была готова хоть сейчас удовлетворить мое любопытство.

Чуть ли не каждый второй день Джеси испытывал побуждение прочитать кому-нибудь из посетителей небольшую лекцию на зоологические темы. Лекции его отличались томительным однообразием, всегда повторя-

Д

лись дословно, притом настолько часто, что некоторые из них приобрели в зоопарке едва ли не легендарную известность. Пожалуй, первое место занимал трактат о белых медведях, его почти все сотрудники знали наизусть.

У Сэма была привычка качаться, довольно распространенная у медведей. Иной раз он по часу стоял и качал головой наподобие маятника, устремив невидящий взгляд куда-то вдаль. Зрители неизменно реагировали удивленными и восторженными возгласами на странное поведение огромного белого зверя, и в конце концов кто-нибудь из них, озадаченный более других, начинал искать взглядом служителя, чтобы тот объяснил ему смысл непонятного явления. Тотчас рядом с любознательным, словно наделенный телепатическим даром, как из-под земли вырастал Джеси. Придя в себя от неожиданности, посетитель спрашивал, почему это медведь качается вот так из стороны в сторону.

— Видите ли, — начинал Джеси, вперив глубокомысленный взгляд в спросившего, — это долгая история, к тому же я не совсем уверен в правильности моего толкования...

Пауза.

Разумеется, после столь скромного начала слушатели проникались уверенностью, что он никогда не ошибается. Закурив предложенную ему сигарету, Джеси облакачивался на перила и продолжал.

— Это так называемое зазывное качание, — задумчиво говорил он. — Его можно наблюдать и у слонов. Никто не знает точно, в чем его смысл, все толкуют по-разному. Что до меня, то я считаю, дело в следующем...

Здесь Джеси делал глубокий вздох и мелодично цыкал зубом, нагнетая напряжение.

— Вы, конечно, знаете, что белые медведи обитают на Южном полюсе, где кругом сплошь один лед и снег. Пищей им служат тюлени, и вот я пришел к выводу, что это качание — прием, который помогает им охотиться. Стоит это медведь у кромки льда и качается, так? Мимо плывет тюлень и видит эту странную картину, так? Высовывается из воды, чтобы получше рассмотреть. В это время — хлоп! — медведь бьет его по голове. Я бы сказал, это что-то вроде гипноза. Медведь как бы зачаровывает тюленя, понятно?

Интересно: я сотни раз слышал, как Джеси излагает свою гипотезу, и хоть бы один слушатель спросил его, зачем же качаются слоны — тоже тюленей гипнотизируют? И никто не подвергал сомнению его слова о том, что белые медведи живут на Южном полюсе. Зато после каждой такой лекции в кармане Джеси прибавлялся шиллинг.

Наблюдая обычаи и нравы Бэбс и Сэма, я успел привязаться к этой забавной и интересной паре. Пожалуй, самым забавным был тот случай, ко-

гда мы решили, что Бэбс готовится стать матерью. Правда, случай этот относится к разряду тех, которые только потом кажутся смешными.

Рабочий день кончился, я сидел в Приюте и поджаривал хлеб, вдруг на пороге возник Джо, который совершал заключительный обход.

— Слышь, — произнес он таинственным голосом, — пойдем-ка, чего покажу.

Я неохотно оторвался от своего занятия и проследовал с ним к вольеру белых медведей. Вроде бы все в порядке...

— А в чем дело-то, Джо? — спросил я.

— Не видишь?

Я снова обвел взглядом вольер:

— Нет... а что?

— У нее кровь идет! — произнес Джо хриплым театральным шепотом и оглянулся украдкой: не подслушивает ли кто.

— У кого?

— Как у кого — у Бэбс. У кого же еще!

Я присмотрелся к медведице, которая бродила вдоль ограды, и разглядел наконец на задней ноге пятнышко запекшейся крови.

— А-а, теперь вижу. На задней ноге.

— Ш-ш-ш! — яростно прошипел Джо. — Тебе непременно надо, чтобы все слышали?

Ближайшие люди находились от нас шагах в трехстах, но Джо, как я уже говорил, относился к таким вопросам с повышенной чувствительностью.

— Ну и что с ней, по-твоему? — спросил я. — Порезалась?

— Пошли, — ответил Джо.

Он отвел меня обратно в Приют, и мы устроили совещание за закрытыми дверями.

— По-моему, это роды, — твердо произнес Джо.

— Какие роды, — возразил я, — у нее живот ничуть не прибавился.

— Поди рассмотри при такой густой шерсти, — утрюмо сказал Джо, словно Бэбс скрывала от него порочащий ее секрет.

— Ну ладно, а что нам теперь делать? Если она там ощенится, старина Сэм сожрет медвежонка как пить дать.

— Надо загнать ее в клетку, — изрек Джо с видом полковника.

Это оказалось не так-то просто. Медведица с утра уже побывала в клетке и не видела никаких оснований, чтобы ее вновь туда заточали. Вместо нее в клетку вошел Сэм и уселся, рассчитывая на дополнительный паек. Он никак не хотел выходить, и мы немало помучились, прежде чем удалось выгнать его. После этого Джо заманил Сэма в другой конец вольера и пот-

Д

чевал там кусочками жира, пока я улещивал Бэбс. Через каких-нибудь полчаса маневр был завершен: медведица очутилась в клетке, а супруг ее восседал снаружи и с величайшим интересом наблюдал за ходом событий.

— Теперь, — объявил Джо, — нужно сделать ей подстилку.

— Солому?

— Ага, притащи-ка охапку от тигровой ямы.

Вернувшись с соломой, я снова прочитал на лице Джо озабоченность.

— Ей хочется пить, — сообщил он. — В этой чертовой клетке жарница адская. Никакой тени. Надо что-то придумать.

— Давай накроем клетку сверху, — предложил я.

Поискав вокруг Приюта, мы нашли старую дверь и, поднатужившись, водрузили ее на клетку. Теперь Бэбс могла укрыться в тени, однако наша возня прибавила ей злости, она сердито шипела и рычала. Сэм продолжал сидеть и увлеченно следил за нами, почесывая пузо своими огромными лапами.

— Так, одно дело сделано! — Джо вытер вспотевшее лицо. — Теперь настелим соломы.

Но к этому времени Сэму наскучила роль пассивного наблюдателя. И по мере того как мы просовывали в клетку солому, он с другой стороны выгребал ее лапой, внимательно исследуя каждый пучок. Что он там искал — корм или отпрыска, осталось неясным. Мы и так и этак старались его отвлечь, кричали, водили лопатами по железным прутьям, бросали в него куски жира — как о стенку горох.

— Чертов дурень старый! — выругался Джо.

Мы запарились и устали. Сэм сидел на охапке соломы; в клетке у его супруги лежало несколько соломинок.

— Бесполезно, Джо, он не отстанет. Придется ей рожать прямо на цемент, вот и все.

— Да, — печально согласился Джо, — придется, что поделаешь.

Мы покинули медведей. Сэм шаркал ногами по соломе, Бэбс с негодующим видом сидела в клетке. Пришло время закрывать зоопарк на ночь, а роды все еще не начинались, и мы разошлись по домам, оставив Бэбс в заточении.

Однако мысль о медведице не давала мне покоя, и поздно вечером меня вдруг осенило: течка. У Бэбс течка. Пораженный столь простым и естественным объяснением, я хохотал до упаду.

Встретив наутро Джо, я тотчас понял по его лицу, что и его посетила та же мысль.

— И как это нам сразу не пришло в голову? — горестно воскликнул он. — Скажи после этого, что мы с тобой не идиоты!

Впрочем, ему не понадобилось много времени, чтобы оценить комизм случившегося, и мы еще продолжали громко хохотать, когда подошли к вольеру белых медведей.

Внезапно Джо перестал смеяться.

— А где же солома? — удивленно спросил он.

На косматой шубе Сэма висело несколько соломинок. И все. Цемент был чист, как будто его подметали.

— О-о-о-о-о! — вдруг завопил Джо с безумной болью в голосе. — Нет, ты погляди на бассейн... Эта старая скотина...

В бассейне плавала солома, столько соломы, что воды почти и не видно. Судя по всему, Сэм всласть потрудился ночью, убирая солому подальше от греха. Сток, разумеется, был основательно засорен: мокрая солома — несравненное средство для закупорки сточных труб. Два дня чистили мы бассейн и трубу; хорошо, что все это время стояла ясная, жаркая погода.

— Роды! — подытожил Джо. — Следующий раз, когда вздумает рожать, обойдется без удобств, черт возьми, как все медведи.

Я проработал в зоопарке несколько недель, когда Джеси, совершенно неожиданно для меня, однажды утром объявил о моем повышении. Мы сидели в Приюте, только что управились с завтраком, и Джеси не спеша раскуривал свою трубку. Добившись того, что она засипела и забулькала, как положено, он устремил на меня пристальный взор.

— А ты недурно справляешься, сынок, — произнес он. — Совсем недурно.

— Спасибо, — молвил я озадаченно.

— Вот что, сынок, — продолжал Джеси, ткнув меня в бок черенком трубки, — поручу-ка я тебе верхнюю половину секции. Под твою полную ответственность, понял?

Я был польщен и счастлив. Ухаживать за животными в паре с кем-то было достаточно интересно, но куда увлекательнее самому отвечать за группу зверей.

Не откладывая дела в долгий ящик, я поднялся на гребень, чтобы обозреть свои владения. В небольшом известняковом котловане обитал вомбат Питер. Хотя я каждый день добросовестно носил в этот вольер хлеб, морковь и другие лакомства, настоящее знакомство с Питером еще не состоялось, потому что он вырыл себе целую систему нор в ослепительно белом известняке и явно не отличался общительностью. Я постановил возможно скорее наладить с ним настоящий контакт.

На участке с густыми зарослями бузины поблизости содержалась пятерка песцов. Мое общение с ними до сих пор тоже сводилось к тому, что я

Д

доставлял им корм. Чтобы наладить дружбу с этими нервными существами, требовались время и забота с моей стороны.

В следующем вольере, с таким же обилием кустарника, жили енотовидные собаки, курьезные лохматые существа с лисьей мордочкой и пушистым хвостом, одетые в густую по-медвежьи шерсть. Из-за коротеньких кривых ног походка этих зверьков напоминала развалистую поступь захмелевшего моряка.

Я внимательно изучал свою новую территорию, прикидывая, что тут можно улучшить. Сразу же пришел к выводу, что песцов и енотовидных собак почти не видно из-за чрезмерно густой зелени, вооружился пилой и садовым ножом и с упоением потрудился часа два, истребляя крапиву и подстригая бузину. После этого вольеры приобрели вполне приличный вид. И животных можно рассмотреть, и растительности осталось достаточно, при желании им есть где спрятаться.

Далее я попытался выяснить для каждого из трех порученных мне видов, какой корм они предпочитают. В частности, оказалось, что песцы обожают яйца. Я открыл это совершенно случайно. Найдя однажды на земле надтреснутое яйцо черного дрозда, я сунул его в висевшее у меня на руке ведро, чтобы угостить Сэма, но тут увидел песцов, которые сбегались к калитке на звон ведра, и бросил яйцо к ним в вольер. При падении оно раскололось; правда, желток уцелел, но белок растекался по земле. Один из песцов осторожно приблизился, принявшись усабой мордочкой, к нему присоединился другой, потом третий. Остальные тоже учуяли запах, и завязалась потасовка, особенно впечатляющая потому, что она происходила в полной тишине. В заднюю ногу первого песца, который уже принялся за желток, впились острые зубы, он развернулся с оскаленной пастью и повалил соперника. Двое кружили по обрызганной белком земле, стараясь дотянуться друг до друга зубами или лапой. Пятый всех превзошел: нырнет в гущу драчунов, умудряясь лакать и огрызаться чуть ли не одновременно, потом садится и тщательно облизывает мордочку, готовясь к новому выпад. Вскоре от яйца даже влажных пятен не осталось, но песцы еще долго облизывались и придиричиво обнюхивали носы друг друга. И когда я пошел дальше, меня с надеждой и нетерпением провожали пять пар янтарных глаз: не появится ли из ведра еще яйцо? После этого случая я повадился ходить на одну ферму поблизости и под прикрытием живой изгороди таскать куриные яйца для моих песцов. И если раньше они, когда я входил в вольер для уборки, начинали тревожно метаться по кругу, прижимаясь к ограде, то теперь очень быстро стали совсем ручными.

Меня немало смущало то обстоятельство, что песцы не издавали почти никаких звуков. Говорю *почти*, потому что однажды я все-таки услышал

их голоса, и это было так красиво и необычно, что мне хотелось бы послушать эти звуки снова — в отличие от звуков, издаваемых большинством других животных. Дело было утром, я приближался к прикрывающей песцовый вольер сосновой роще, и вдруг мое внимание привлекли странные пронзительные, переливистые крики. Похоже на чаек, однако я не видел крутом никаких птиц. Енотовидные собаки, мимо которых я только что прошел, тут явно ни при чем... А причудливая мелодия продолжала звучать то громче, то слабее, то совсем близко, то словно несомое ветром далекое эхо. И как же я удивился, когда, подойдя к вольеру песцов, обнаружил, что это они исполняли необычную песню. Выстроившись в кружок около калитки — тонкие ноги широко расставлены, голова запрокинута, пасть раскрыта, — они, с отсутствующим выражением золотистых глаз, выводили дикие птичьи трели. Ели они в этот день не жаднее обычного, и причина столь неожиданного и приятного для слуха концерта песцов так и осталась для меня загадкой.

Прочитав о том, как во время одной арктической экспедиции в 1875 году было установлено, что перед долгой полярной ночью, когда охота мало что дает, песцы прячут про запас среди камней убитых леммингов, я тотчас решил проверить, делают ли мои песцы что-нибудь в этом роде. До сих пор я, сколько ни смотрел под сухими листьями и среди корявых корней бузины, не видел у них никаких запасов. Но вот наступили холода, и однажды утром я обнаружил небрежно зарытое в куче сухих листьев мясо. Оно было довольно свежим, но, продолжая поиск, я в разных уголках вольера нашел еще пять ловко спрятанных кусков, и некоторые из них потемнели от гниения. Из чисто гигиенических соображений пришлось их убрать, но, пока длилась холодная погода, песцы продолжали понемногу запасать корм.

С енотовидными собаками дружба наладилась быстрее, так как все они были отъявленными обжорами. Старшая самка, хотя и стала брать корм у меня из рук, вольностей не допускала, зато ее дочь, по имени Уопс (совершенно непонятное для меня сокращение), испытывала к человеку огромную симпатию — при условии что он приносил что-нибудь для заполнения постоянно терзавшей ее пустоты в желудке. И вскоре достаточно было подойти к ограде и покликать, как из кустов высовывалась маленькая живая мордочка с блестящими глазами и Уопс враскачку трусилась ко мне. Конечно, обидно сознавать, что ее прельщал кусок мяса в моей руке, а не перспектива дружеской беседы.

Но чтобы я не считал ее неблагодарной, она всегда задерживалась на минутку после того, как мясо было съедено.

На первый взгляд Уопс с ее черно-белой мордой и развалистой походкой сильно смахивала на барсука, однако тело ее было намного крупнее

Д

барсучьего, и лохматый хвост почти не уступал ему длиной. Мордочка, как я уже сказал, черно-белая, а туловище, хвост и ноги одеты пестрой, рыже-вато-буро-седой шерстью. Волосы — длинные, блестящие; недаром в Японии, где водятся дикие енотовидные собаки, шкуры их пользуются большим спросом. Да и мясо высоко ценится, но Уопс казалась мне слишком очаровательной, чтобы рука поднялась ободрать ее и съесть.

Дикие енотовидные собаки ведут преимущественно ночной образ жизни; это подтверждалось поведением родителей Уопс: днем выманить их из логова можно было только щедрыми подачками. Зато Уопс всегда была на чеку и трусилась вокруг кустов в надежде, что явится кто-либо и принесет что-нибудь съедобное. Вот о ком вполне можно сказать, что она жила ради еды, а не ела ради жизни. Меня-то это вполне устраивало, ведь, не будь у нее подобного пристрастия к еде, я не смог бы так долго беседовать с ней и так близко ее наблюдать. Уопс воспринимала мои гастрономические приношения как обязательную пошлину, и я охотно платил, хотя меня изрядно беспокоил ее аппетит, потому что обхват Уопс чуть ли не превосходил ее длину.

Только однажды Уопс ополчилась на кормившую ее руку. Досадно, что рука, вернее, нога принадлежала мне, но я сам был во всем виноват. Задумав похвастаться своей питомицей, я привел к вольеру небольшую группу посетителей. Сперва покормил Уопс через просветы в ограде, потом решил для разнообразия войти на участок и взять ее на руки, чтобы показ был нагляднее. И не верьте тому, кто скажет, будто я сделал это потому, что среди зрителей находилась прехорошенькая девушка. Так или иначе, Уопс отнеслась ко мне с подозрением. Она привыкла, что каждое утро я вхожу в вольер для уборки, но дважды в день вторгаться в ее обитель — это было уже чересчур. Живо управившись с последним куском мяса, она с озабоченным видом двинулась в мою сторону. И так как я не отстранился, чтобы пропустить жаждущую покоя Уопс в ее конуру, она подошла вплотную, сделала выпад вбок и оставила на моей голени визитную карточку в виде аккуратных отметин своих зубов. За оградой раздались крики ужаса.

Уопс стояла у моих ног и воинственно глядела на меня. Я понимал, что она вовсе не озлоблена. Просто я мешал ей пройти, и она простейшим доступным ей способом дала мне понять, чтобы я посторонился. Дескать, вольер ее и, видит бог, она покажет мне, кто здесь хозяин.

У меня не осталось больше мяса для подкупа, отступать на глазах у публики — моей публики — я не мог, но и стоять так бесконечно мы тоже не могли. Я лихорадочно шарил в карманах и наконец с великой радостью нащупал довольно грязный засохший финик — все, что осталось от горсти, которую я утром стащил в кладовке. Этот облепленный волосинками па-

мятник старины давал мне полное преимущество над Уопс, которая из всех видов корма больше всего на свете обожала финики. Она с явным наслаждением приняла мой дар, и, пользуясь тем, что все внимание Уопс сосредоточено на финике, я, не мешкая, поднял ее и понес к ограде. Стараясь держать лицо подальше от острых зубов Уопс, я объяснил зрителям, что она всю эту неделю, как говорится, не в форме, отсюда такое недружелюбие. Стыдливая мина, которой я сопроводил этот беспардонный вымысел, повергла всех (кроме меня и Уопс) в смущение. Нескольких наиболее юных зрителей поспешно увели во избежание нежелательных вопросов. Тяжеленная Уопс оттянула мне руки, и я опустил ее на землю. Она встряхнулась по-собачьи, обнюхала землю — может, еще финик найдется? — убедилась, что больше фиников нет, укоризненно вздохнула и затрусила восояси.

Ближе к зиме Уопс оделась в густейшую меховую шубку, и хвост ее казался вдвое больше обычного, однако она явно не собиралась впадать в спячку; вообще же дикая енотовидная собака — единственный представитель семейства собачьих, который зимой отлеживается в норе. Она стала вяловатой и предпочитала не выходить из конуры на снег, но и только. Я нигде не читал, чтобы эти звери как-то оборудовали свое зимнее убежище, но Уопс затеяла нечто в этом роде. Однажды утром я увидел следы ее трудов: на прогалине между кустами лежали свежесломанные ветки с листьями. Скормив ей положенную порцию, я сел и начал наблюдать. Через некоторое время Уопс вдруг перестала рыскать среди кустов и приступила к работе. На минуту забралась в конуру, потом вышла, подняла голову, облюбовала одну ветку, которая свисала достаточно низко, схватила ее зубами и дернула, упиравшись в землю своими толстыми лапами. Обломив ветку, Уопс принялась бесцельно бродить с ней по вольеру, иногда цепляясь ногами за свой трофей. Наконец он надоел ей, она бросила его и стала присматривать себе другой. Всего на моих глазах Уопс сломала три ветки, все три бросила и наконец вернулась в конуру, чтобы поспать. Ее действия производили такое впечатление, словно она намеревалась что-то сделать, но в последнюю секунду ей изменяла память. Ни разу не находил я веток в ее конуре, но это можно объяснить тем, что маленькая будка еле-еле вмещала саму толстушку Уопс.

Если мне в какой-то мере удалось завоевать доверие енотовидных собак и песцов, то вомбат Питер упорно сторонился меня. Испытывая разные виды корма, я определил, что он, как и Уопс, обожает финики. И однажды я нарочно не кормил его до самого вечера. А когда наконец подошел к вольеру, то убедился, что изменение графика подействовало: Питер стоял у ограды с несчастным и потерянным видом, словно плюшевый мишка,

Д

который забыл дорогу в детский сад. Круглое плотное туловище этого очаровательного зверька ростом всего около полуметра и впрямь делало его очень похожим на медвежонка. Седалище словно круто стесано, короткие пухлые ноги загнуты внутрь, мордочка очень похожа на мордочку коалы, но у того торчат большие, отороченные шерстью уши, а у Питера ушки были маленькие и аккуратные. Зато на носу такая же, как у коалы, овальная кожаная нащепка с редкой щетиной и такие же круглые черные глаза. Что больше всего, на мой взгляд, отличало вомбата от коалы, так это выражение мордочки. У коалы она (хоть это и обманчивое впечатление) живая и пытливая; Питер же казался ошалелым и растерянным. Проще говоря, у него был такой вид, словно его стукнули по башке кирпичом. Тело Питера покрывала пепельного цвета шерсть, на животе более светлая, вроде жемчужного оперения вяхиря.

К моему удивлению, Питер несколько не всполошился, когда я вошел в вольер. Подбежав ко мне, он смело взял из моих рук финики, однако трогать себя не позволил, а когда наелся вволю, протрусил к своей норе и втиснулся в нее. С того дня он в часы кормления всегда выходил из своего убежища и ел у меня из рук, а потом возвращался в нору.

Обитель Питера находилась на склоне, обращенном в ту сторону, откуда дул самый неприятный ветер, но вомбат придумал интересный и оригинальный способ защищать от сырости свою спальню — небольшое круглое помещение, соединенное с поверхностью ходом длиной несколько более метра. Когда Питер забирался внутрь, его седалище закупоривало вход не хуже тщательно подогнанной двери. Сколько бы снега и дождя ни заносило ветром в туннель, в спальне всегда было тепло и сухо: наименее уязвимая часть тела Питера преграждала путь ненастью. Засядет вот так в логове, впившись в известняк когтями, — попробуй его извлечь; разве что призовешь на помощь бригаду землекопов. Так что маневр, описанный выше, преследовал двоякую цель: Питер защищался не только от капризов погоды, но и от попыток возможных врагов преследовать его в логове. Твердые косматые ягодыцы служили надежной преградой любому натиску.

В тот самый день, когда Джеси поручил мне самостоятельный участок, меня ожидал обед у Биллов. Надо ли говорить, что миссис Бейли бесстрастно восприняла новость о моем повышении; ее гораздо больше волновало, как я оденусь к обеду, ибо приглашение к Бидам в ее глазах было чуть ли не равносильно вызову в Букингемский дворец.

— И я совершенно уверен, — торжествующе говорил я за чаем, — что в конце концов приучу этих песцов брать корм у меня из рук.

— Как это кстати, — заметила миссис Бейли, не слушая меня, — что

я заштопала ваши голубые носки. Я считаю, вам надо идти в синей рубашке, она очень подходит к вашим глазам.

— Спасибо, — отозвался я. — Понимаете, с этим вомбатом придется повозиться...

— А ваши чистые носовые платки лежат в левом ящике. Жаль только, голубого нет.

— Да оставь ты парня в покое, — пожурил ее Чарли. — Он же не на конкурс красоты отправляется.

— Не в том дело, Чарли Бейли, и ты это прекрасно знаешь. Этот обед может сыграть важную роль. Джерри должен выглядеть прилично. И что скажут люди, если он у меня будет выглядеть как бродяга? Скажут, что я его совершенно запустила. Скажут, что я обманом выкачиваю из него денежки. Он живет здесь вдали от дома, от матери, от всех, кто мог бы его направлять... значит, мы должны взять это на себя. Ты как хочешь, Чарли Бейли, но уж я послежу, чтобы парень был чистым и опрятным, не позорил себя и нас. Представь себе, если капитан Бил...

— Что ты там говорил насчет вомбата? — спросил меня Чарли, спасаясь от этого половодья.

Наконец, после того как я умылся, побрился, почистил зубы, оделся и миссис Бейли осмотрела меня придиричьим оком, словно гвардейца перед парадом, мне разрешили идти.

Меня встретила миссис Бил, затормошенная и бледная. Впоследствии я заметил, что она всегда бывала затормошенной и бледной, когда капитан занимался стряпней.

— Добрый вечер, Джерри, — сказала она. — Очень рада, что вы пришли. Проходите в гостиную. Билли там с девочками, он поухаживает за вами.

Прихожую наполнял пряный запах кэрри. Со стороны кухни донесся такой шум, будто врезался в гору состав, груженный медными кастрюлями. Миссис Бил вздрогнула.

— Глэдис! Глэдис! — пророкотал за кухонной дверью голос капитана.

Похоже было, что он там бродит по пояс в осколках битой посуды.

— Глэдис!

— Что... что случилось, Вильям? — отозвалась миссис Бил.

— Соль! Где соль, черт возьми? Почему непременно надо все убирать, когда я стряпаю? Где эта окаянная соль?

— Иду, милый, — сказала миссис Бил, глядя на меня со страдальческой улыбкой. — Ступайте в гостиную, Джерри, я сию минуту приду.

В гостиной я застал Лору — сестру Билли — и двух юных пухлых ев-

Д

реек, которые бежали с материка в начале войны и теперь квартировали у Биллов. Билли как раз наливал пиво в стакан.

— Привет, выпей пивка, — сказал он, ухмыляясь. — Старикан стряпает — ты уже слышал?

— Слышал, — ответил я. — Пахнет чудесно.

Мы сидели и болтали о том о сем, а с кухни, где продолжалась кулинарная деятельность капитана Била, доносились такие звуки, будто там столкнулись два отряда вооруженных до зубов средневековых воинов. Вот опять — протяжный грохот и звон, словно полтора десятка рыцарей одновременно загремели на землю со своих коней. И голос капитана:

— Кориандр! Нет, нет, в коричневой банке! Так, теперь... красный перец. Где перец? Ах... вот... я его сюда не ставил. Острый? Слишком острый? Как это слишком острый? Ничего подобного... недостаточно острый, черт возьми! Я не ругаюсь. Еще кориандра! Нет, погляди, что ты сделала... у тебя рис убежал!

Наконец появились капитан с супругой. У миссис Бил был все такой же заторможенный вид, зато потное багровое лицо капитана выражало глубокое удовлетворение, как будто этот достойный человек только что одолел особенно злобного и закоренелого врага.

— А, Даррелл, — приветствовал он меня. — Я вот тут стряпал.

— Он слышал тебя, — заметил Билли.

— Чудесный запах, — поспешил я добавить.

— Недурно, недурно, — сказал капитан, жадно глотая пиво. — И пряностей в самый раз. Этот кэрри, он ведь как женщины, Даррелл. Есть нежные, есть пылкие... а и не узнаешь, пока... гм... гм... да...

— Вильям, милый! — взмолилась миссис Бил. — Давайте, девочки, помогите накрыть на стол.

Но вот стол накрыт, мы переходим в столовую, подается первое блюдо. Огромные тарелки ядовито-желтого супа с пряностями, такого жгучего на вкус, что казалось — губы вот-вот займутся пламенем.

Капитан Бил вынул из кармана большой красный платок и накрыл им свою лысину так, что край свисал до бровей. Прямо пират, притом самого кровожадного сорта.

— Ну зачем это, Вильям, — сказала миссис Бил. — Что подумает Джерри?

— Что он подумает? — свирепо сверкнул глазами капитан. — Подумает, что я кое в чем разбираюсь, черт возьми. Платок вбирает пот... я всегда так делал на Западном берегу... Нарочно для этого полотенце держал, ясно, Даррелл? Жара тропическая, а тут еще кэрри — бывало, такой пот прошибет... хоть корыто подставляй. Сидишь это вечером... бутылочка

джина... сидишь в чем мать родила, кэрри ешь, и полотенце на голове — паришься.

— Вильям, голубчик.

— Конечно, при гостях я не сидел в чем мать родила, — поспешно объяснил капитан. — Ни-ни, гостей я в трусах принимал.

Наконец мы управились с жгучим супом, капитан протопал на кухню и вернулся с исполинской миской.

— С этими карточками окаянными разве наберешь достаточно мяса для приличного кэрри, — ворчал он. — Придется вам довольствоваться тем, что есть. Это кролик.

Он поднял крышку, и над обеденным столом повисло облако густого, словно лондонский туман, ароматного пара. Казалось, ваше горло мертвой хваткой сжимает беспощадная рука и в легких оседает едкая роса. Мы потихоньку прокашлялись. Кэрри был отменный, но я поблагодарил небо за то, что вырос в доме, где постоянно готовили острые блюда; только это спасло мой язык и голосовые связки. После первых же глотков все, хватая ртом воздух, судорожно потянулись к графину с водой, чтобы охладить обожженную гортань.

— Не пейте воды! — пророкотал капитан; пот градом катился по его лицу, даже очки запотели. — От воды только хуже будет.

— Я тебя предупреждала, милый Вильям, что будет слишком остро, — с протестом в голосе вымолвила красная, как мак, миссис Бил.

Обе еврейки издавали странные, нечленораздельные звуки; физиономия Билли уподобилась цветом его шевелюре; бледное от природы лицо Лоры налилось кровью.

— Вздор, — заявил капитан, вытирая голову, лицо и шею платком и расстегивая до пояса рубашку, — совсем не слишком, в самый раз, верно, Даррелл?

— Для меня в самый раз, сэр, но я вполне допускаю, что кое-кому может показаться островато.

— Чушь! — воскликнул капитан, отмахиваясь широкой, как лопата, ручищей. — Люди сами своей пользы не понимают.

— Какая может быть польза от такой острой пищи? — произнесла, глотая воду, миссис Бил прерывающимся голосом.

— А я говорю, польза есть, — воинственно проревел капитан, сверля ее взглядом сквозь затуманенные очки. — Острый кэрри полезен для здоровья, это общеизвестный медицинский факт.

— Но ведь не такой же острый, милый Вильям?

— Именно такой. И вообще, этот кэрри еще не острый... детская кашка по сравнению с тем, что я мог бы приготовить.

Всех бросило в дрожь при мысли о том, что мог бы приготовить капитан.

Д

— На Западном берегу, — продолжал он, усердно работая вилкой, — мы ели такой острый кэрри... словно раскаленные угли глотали.

Он торжествующе улыбнулся и смахнул платком пот с лица и лысины.

— Да какая же тут польза, — цеплялась миссис Бил за свое исходное утверждение.

— Вот именно что есть польза! — нетерпеливо возразил капитан. — Как ты думаешь, Глэдис, почему кэрри изобретен именно в тропиках, а? Что-бы выжигать всякую хворь, ясно? Как ты думаешь, почему ко мне ни разу не пристала фрамбезия или бери-бери, а? Почему я не сгнил от проказы?

— Вильям, голубчик!

— То-то и оно, — язвительно произнес капитан. — Все благодаря кэрри. С одного конца входит, из другого выходит... насквозь тебя прожигает, вот... получается вроде прижигания, ясно?

— Вильям, я умоляю!

— Ладно, ладно, — пробурчал капитан. — Только непонятные вы какие-то люди. Я приготовил вам недурной кэрри, а вы крик подняли, словно вас убивают! Ели бы каждый день такой кэрри, зимой вас никакая простуда не взяла бы.

Признаюсь, тут я склонен был согласиться с ним. Ни один гриппозный вирус не смог бы выжить в организме, раскаленном добела капитанским кэрри. Во всяком случае, шагая вечером домой через темный пустырь, я слегка недоумевал, почему за мной не тянется светящийся след наподобие хвоста кометы. Судя по всему, тот факт, что я выдержал испытание кэрри, явно расположил ко мне капитана, и с тех пор каждый четверг я обедал у Биллов. И это были для меня очень приятные вечера.

Развлекаются грубыми шутками
и не причесывают волос.

*Бэлок. Книжка про зверей
для непослушных детей*

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГАРЦУЮЩИЕ ГНУ

После того как я месяца два поработал в льявнике, однажды утром Фил Бейтс объявил, что мне пора переходить в другую секцию. Я обрадовался: как ни уютно мне было в льявнике, как ни хорошо работалось вме-

сте с Джеси и Джо, я ведь приехал в Уипснейд за опытом, и чем больше секций будет в моем послужном списке, тем больше знаний я наберусь. И так, я перешел в медвежатник. Эта секция, как видно из названия, включала всех косолапых бурых космачей Уипснейда. Кроме того, в нее входили огромный загон, в котором паслось множество зебр и антилоп, в том числе гну, а также вольеры с разной мелочью, вроде волков и бородавочников.

Заведовал секцией Гарри Рэнс, плотный коротыш с переломанным носом и живыми ярко-синими глазами. Я застал его в сарае для зебр, в маленьком закутке, где он сидел, задумчиво прихлебывая какао из огромной помятой оловянной кружки и строя ореховый прутик.

— Здорово, старик, — приветствовал он меня. — Говорят, ты будешь работать вместе со мной.

— Точно, — подтвердил я. — Я рад, что меня перевели в эту секцию, у вас тут много интересного.

— Уж куда интереснее, старик, — подтвердил он. — Только надо держать ухо востро. Там, в льявятике, ты редко входил к животным, а у нас без этого нельзя, и лучше быть начеку. На вид-то, может, они ручными покажутся, но гляди, как бы врасплох не застали.

Он указал большим пальцем на стойло, где безмятежно жевала сено толстая, лоснящаяся черно-белая зебра.

— Взять хотя бы этого жеребчика, — продолжал Гарри. — С виду смиренный, как младенец, верно?

Я внимательно пригляделся к зебре. Ни дать ни взять раскормленный осел-переросток, которого расписали в две краски. Хотя сейчас входил в стойло и седлай его.

— Попробуй подойди к стойлу, — предложил Гарри.

Я подошел, зебра повернула голову и насторожила уши. Я сделал еще шаг — ее ноздри раздулись, изучая мой запах, и стали похожи на черные вельветовые колодцы. Еще шаг — стоит как вкопанная.

— Что ж, — начал я, оглянувшись на Гарри, — на вид вполне ручная.

Стоило мне оторвать взгляд от зебры, как она подобрала зад и, выбив копытами зловещую пулеметную дробь, внезапным броском очутилась у двери. С ходу просунула между прутьями оскаленную морду и попыталась цапнуть меня острыми, прямоугольными желтыми зубищами. Я отпрянул назад так стремительно, что споткнулся о ведро и упал. Гарри сидел со скрещенными ногами и, тихонько посмеиваясь, продолжал строгать свой ореховый прут.

— Понял теперь, старик? — произнес он, пока я поднимался на ноги. — Смиренный, как младенец, а на деле — настоящий ублюдок.

Д

Первые дни, естественно, я осваивал все то, что входит в обычный распорядок служителя, — когда кормить тех или иных животных, сколько корма задавать каждому. Пожалуй, самой тяжелой работой в этой секции была еженедельная уборка в сарае бизонов. Выгулом для них служила обнесенная высокой железной оградой обширная территория на склоне холма, но в часы кормления они поднимались к большому приземистому сараю на гребне. В просветы между прутьями мы насыпали кучи отрубей, овса и размолотого жмыха, а после того как бизоны съедали все это, кидали им через изгородь вилами кормовую свеклу. Она подпрыгивала и катилась по земле, бизоны тяжело скакали за ней и впились зубами в твердые корнеплоды с хрустом, напоминающим треск полена под колуном. Овес и жмых следовало сыпать с умом, чтобы старые быки не присваивали чужую долю. Как я быстро уразумел, для этого надо было насыпать пять-шесть куч, достаточно больших, чтобы занять быков минут на пять, а затем уже задавать корм коровам и телятам где-нибудь в стороне, где они могли есть спокойно, не опасаясь, что их ткнут рогом в зад.

Североамериканский бизон, пожалуй, один из самых внушительных представителей копытных. Посмотрите на него вблизи: могучие крутые плечи под густой курчавой гривой, передние ноги в меховых гольфах, широкая голова с косматым чубом и с кривыми рогами, как на шлеме викинга, — все это создает впечатление чудовищной силы. Обычно наши бизоны ступали медленно и тяжело, правда, при этом они вполне могли внезапно и яростно боднуть друг друга, действуя головой как тараном. Но при желании они развивали немалую прыть; я убедился в этом однажды, когда подвозивший нам свеклу грузовик выстрелил глушителем. Тотчас бизоны, которые в ожидании кормежки лепились к ограде, напоминая череду шоколадно-коричневых кучевых облаков, все, как один, развернулись и с невероятной скоростью помчались вниз по холму, дробя копытами известняковый грунт. Казалось, по зеленому склону с грохотом катит огромная грозная лавина. Не хотел бы я оказаться на их пути...

И когда наставало время чистить их стойла, душа моя наполнялась легкой тревогой, потому что старые быки (которым явно никогда не придалось это зрелище) подходили и выстраивались плотной шеренгой вдоль открытой стороны сарая. С глубоким интересом наблюдая, как мы сгребем вилами солому и навоз, нагружаем и вывозим тачки, они время от времени протяжно и гулко фыркали, заставляя нас вздрагивать. Помню случай, когда один из стариков неожиданно забрел прямо к нам в сарай. Мы побросали вилы и обратились в паническое бегство, но вскоре убедились, что бык не замышлял ничего дурного, — просто он заметил половинку

свеклы в разворошенной нами соломе. И как только сжевал ее, побрел обратно на склон.

В южной части вольера находился участок, где бизоны любили кататься по земле. Местами тяжелые туши стерли траву, и на зеленом фоне белели большие плешины оголенного известняка. Старые быки спускались туда степенным шагом, правильным строем. А затем ложились на землю и энергично брыкали задними ногами, так что вся туша конвульсивно дергалась. Издали казалось, что бизоны силятся освободиться от опутавшей их незримой сети. Жесткий мел соскребал с кожи слинявшую шерсть, которая их явно раздражала. Около получаса длилась эта процедура; наконец, начавшись всласть, быки тяжело поднимались, и по мягкой коричневой шкуре на боках и брюхе пробегала мелкая дрожь. Отряхнутые от белой пыли и с крошками мела в спутанной гриве бредут на пастбище.

Когда приходила пора сбрасывать зимнюю шубу, на них словно какое-то исступление находило. Куда ни погляди — непременно увидишь бизона, который, закрыв глаза, в экстазе упоенно скребется о прутья ограды или корявый ствол боярышника. От слинявшей шерсти на голове и плечах они избавлялись другим способом. Тут их выручал густой терновник: его стволы отлично подходили, чтобы поскрести спину, а свисающие до земли переплетенные ветви служили частыми гребнями. Проходят поочередно под деревьями так, чтобы ветви цепляли их густые гривы, а сучки и колючки вычесывали ненужный зимний волос. Весной терновник весь бывал увешан, словно диковинными плодами, клячами мягкой желтовато-коричневой шерсти, и эти пушистые пряди пользовались большим спросом среди воробьев и овсянок, которые выстилали ими гнезда.

Когда европейцы пришли в Северную Америку, бизонов там было видимо-невидимо. Огромные стада насчитывали миллионы особей и представляли собой самые многочисленные скопления наземных млекопитающих. Кров, пища, одежда, даже такие немудреные вещи, как иголка и нитки, — всем этим бизон обеспечивал индейцев. Но индейцы убивали животных только для удовлетворения насущных нужд; их скромные аппетиты никак не сказывались на несметных стадах косматых великанов. С появлением европейцев и их куда более совершенного оружия картина изменилась. Началось подлинное избиение, бизонов уничтожали тысячами. На первых порах вся туша шла в ход, потом наступило пресыщение. Однако бизонов продолжали убивать в таких же огромных количествах, во-первых, ради языка, который считался деликатесом, во-вторых, для намеренного истребления этих копытных. При этом рассуждали так: поскольку индеец настолько зависит от бизона, с исчезновением бизонов исчезнут и индейцы.

Д

Профессиональные охотники пользовались случаем нажать себе состояние и славу. Одним из них был Буффало Билл Коди, который однажды уложил за день двести пятьдесят четвероногих исполинов. По мере того как в прерии вторгалась железная дорога, пересекая пути миграции животных, бизонов стали стрелять из окон поездов, оставляя гнить сотни туш. Местами зловоние от разлагающихся трупов было столь сильным, что приходилось плотно закрывать окна поездов, проезжавших через эти огромные кладбища. Немудрено, что при таком чудовищном бездумном избиении к 1889 году от наиболее многочисленных среди известных нам наземных млекопитающих осталось меньше тысячи особей. Лишь после этого кучка борцов за охрану природы, потрясенных мыслью, что бизон может навсегда исчезнуть с лица Земли, приняла меры к его спасению. Теперь бизонов насчитывают тысячами, и нависшая над видом угроза миновала, но никогда уже не придется людям наблюдать величественную картину прерий, до самого горизонта покрытых, словно черным движущимся ковром, полчищами бизонов.

В той же секции содержалось у нас животное, которое ныне подвержено аналогичной угрозе; речь идет о черном карликовом буйволе аноа с острова Сулавеси. Очень уж маленьким — всего-то с шетландского пони ростом — казался этот родич могучего бизона. Длинная серьезная морда, выразительные глаза; сквозь жесткую темную шерсть, покрывавшую толстые ягодицы неравномерным слоем, просвечивала розовато-лиловая кожа; копыта маленькие, изящные; чуткие уши покрыты изнутри нежным пушком. Рога длиной около двадцати сантиметров — прямые и очень острые. Оба наши аноа отличались безобидным нравом; беря губами отруби с моих ладоней, они глядели на меня с видом невинных мучеников. И я немало поразился, когда прочел, что эти животные могут быть весьма опасными. Быстрота движений, поворотливость и острые рога заставляли считаться с этими малышами. Зная, что потревоженный аноа становится свирепым, коренные жители Сулавеси предпочитали не связываться с ним. Но с появлением современного оружия — особенно столь необходимого каждому охотнику-спортсмену автомата — дни аноа были сочтены, и теперь перспектива вида выглядит очень мрачно.

Зебра Чапмана показалась мне, в общем, довольно скучным животным. Наши представители этого вида красиво смотрелись на фоне травы в своем обширном загоне, но ничего интересного в их поведении не было. Знай себе пасутся да иногда повздорят и угрожают друг другу оскаленными зубами, прижав уши к голове. Жеребцы, казалось, только и думали о том, как вас прикончить, а поскольку они могли развить страшную скорость, вам все время приходилось быть начеку.

Каждое утро мы с Гарри первым делом лезли через ограду и собирали в загоне зебр выросшие за ночь, умытые росой бархатистые грибы. На второй завтрак Гарри тушил их в масле на небольшой сковороде. Отменное блюдо, однако собирать грибы в непосредственной близости от кровожадных полосатых жеребцов было по меньшей мере рискованным занятием. Однажды утром выдался особенно богатый урожай, мы набрали полведра и заранее радовались предстоящей в одиннадцать часов сытной трапезе. Только я нагнулся за необычно крупным грибом, как Гарри закричал:

— Берегись, старик! Этот ублюдок бежит сюда!

Я выпрямился — жеребец с грохотом мчался прямо на меня, прижав уши и оскалив желтые зубы. Бросив ведро, я по примеру Гарри пустился наутек. Задыхаясь от бега и смеха, мы перевалили через ограду. Жеребец круто затормозил возле ведра и с негодующим фырканьем уставился на нас. А затем, к нашему величайшему возмущению, развернулся и с замечательной точностью поразил копытами ведро, так что оно описало в воздухе широкую кривую, сопровождаемую кометным хвостом из грибов. Полчаса ушло у нас на то, чтобы снова собрать их.

Впрочем, к одной зебре я все же проникся симпатией. Это был жеребец, представитель самых крупных, пустынных зебр. Тело этих зебр (они же зебры Грэви) напоминает лошадиное; длинная, породистая голова отчасти смахивает на ослиную, однако больше похожа на голову арабского скакуна с изящной, нежной, бархатистой мордой; узкие правильные полосы словно нарисованы по линейке; огромные уши походят на косматые цветки аронника. Насколько мне известно, в Англии наш экземпляр был единственным в своем роде, и я считал, что его редкость, не говоря уже о красоте и кротости, дает мне право скармливать ему дополнительные порции овсяной сечки, которую он бережно брал с моих ладоней губами, мягкими, как шляпки растущих в его загоне грибов.

В северной части секции простирался зеленый бархатистый лут в окружении криолина из кудрявых дубов. Здесь жили, несомненно, самые редкостные из доверенных нам животных — чета молодых оленей Давида, или милу. На оленью мерку они, пожалуй, были нескладными и, уж во всяком случае, не могли сравниться грациозностью с обитающими по соседству ланями и благородными оленями. Высота в холке немногим больше метра; морда длинная, серьезная; под раскосыми миндалевидными глазами — своеобразная полость, этакий кармашек из розовой кожи, который милу открывает и закрывает по своему произволу. Кармашек этот ни с чем не общается и не выполняет никакой полезной функции. Тело коренастое, подобное ослиному; окраска буровато-рыжая, но брюхо белое, и такого же цвета сердцевидное пятно украшает седалище.

Д

Разрез и расположение глаз, необычное туловище, длинные черные копыта и (уникальная для семейства оленей черта) длинный хвост с ослиной кисточкой — все это придавало милу такой вид, словно они сошли с какой-нибудь китайской акварели.

Движения их были неуклюжими, начисто лишенными присущей оленям грации. Если я неожиданно возникал около их загона, они пугались. Повернутся ко мне — уши насторожены, ноги широко расставлены — и обращаются в паническое бегство, спасаясь в дальнем конце загона, причем аллюр их смахивал на рысь пьяного осла. Ноги почти не сгибались, и длинное тело переваливалось с боку на бок. Сравнишь этот бег с изящными движениями других оленей и особенно ясно видишь сходство милу с ослом. Только в движениях и очертаниях головы и шеи обнаруживается свойственная оленям красота.

История открытия и спасения этого причудливого животного — одна из удивительных страниц удивительной зоологической летописи. В середине прошлого века в Китай приехал францисканский миссионер, отец Давид. Путешествуя по стране, он, подобно многим церковным деятелям той поры, проявлял глубокий интерес к естественной истории. Я даже подозреваю, что число собранных отцом Давидом уникальных зоологических образцов намного превышает число спасенных им там же душ. Между прочим, он первым приобрел экземпляры столь знаменитой теперь гигантской панды. В Пекине до него дошли слухи, что в парке императорского дворца содержится стадо оленей, будто бы не известных нигде, кроме Китая. Понятно, отец Давид был заинтригован. Но как увидеть этих животных? Парк был окружен стеной и надежно охранялся. Как известно, в те времена в Китае с трудом переваривали иностранцев, так что отцу Давиду приходилось действовать с величайшей осторожностью. О степени увлечения этого человека естественной историей говорит тот факт, что он рисковал потерять свободу и даже жизнь. Первым делом он подкупил одного стражника, чтобы тот разрешил ему взобраться на стену и обозреть императорский парк. С этой удобной позиции отец Давид и впрямь узрел в ста шагах от себя пасущихся между деревьями животных. Можно себе представить, как взыграла его душа, когда он опознал в них оленей дотоле неизвестного и чрезвычайно необычного вида.

О своем открытии он тотчас написал в Париж, в Музей естественной истории, профессору Милн-Эдвардсу:

«В пяти километрах к югу от Пекина раскинулся огромный императорский парк, его окружность около шестидесяти километров. С незапамятных времен в этом парке мирно обитают олени и антилопы. Европейцам посещать парк не дозволено, но этой весной мне посчастливилось с окру-

жающей его стены увидеть поодаль стадо в сто с лишним животных, которые показались мне похожими на лосей. К сожалению, в это время года они были лишены рогов. Отличительным признаком виденных мной животных является длина хвоста, примерно равного ослиному, чего я никогда не наблюдал у семейства оленьих. Размерами они уступают северному лосю. Я предпринял тщетные попытки приобрести шкуру этих животных. Даже часть шкуры невозможно добыть, и французское посольство не видит возможности приобрести это диковинное животное путем неофициальных контактов с китайским правительством. К счастью, я знаком с некоторыми татарскими воинами, которые служат в охране парка, и не сомневаюсь, что с помощью подкупа смогу приобрести несколько шкур, кои тотчас отправлю вам. Китайцы называют это животное милу, что означает «четыре противоречивых признака», ибо они считают, что олень этот рогами напоминает благородного оленя, копытами — корову, шеей — верблюда и хвостом — мула или, скорее, осла.

Отец Давид твердо решил добыть образцы, однако это было не так-то просто. Он знал, что сторожа, хоть это грозит им смертной казнью, иногда позволяют себе отведать свежей оленины. За щедрое вознаграждение они обещали ему сохранить шкуры и черепа очередных жертв. Обещание было выполнено, и отец Давид отправил желанную добычу в парижский Музей естественной истории, где и впрямь выяснилось, что речь идет о новом для науки виде. Отмечая большой вклад отца Давида в естественную историю Востока, виду присвоили в его честь наименование *Elaphurus davidianus*.

Естественно, европейские зоопарки и частные коллекционеры мечтали заполучить экземпляры столь редкого оленя, а олень Давида вполне заслуживал звания редкого — ведь единственное стадо обитало в парке императорского дворца, и первоначальный ареал милу до сих пор неизвестен. Можно подумать, что вся эволюция вида происходила на прилегающей к дворцу территории. Теперь полагают, что милу перестал существовать в диком состоянии две-три тысячи лет назад. Археологические находки показывают, что до той поры милу еще бродили в лесах провинции Хунань.

Хотя китайские власти отнюдь не стремились вывозить столь ценное национальное достояние, все же после долгих переговоров несколько пар оленей Давида было отправлено в зоопарки Европы, а одна чета попала в замечательный частный зверинец герцога Бедфордского в Вобурне.

Спустя некоторое время при разливе Хуанхэ стена вокруг императорского парка была разрушена, и большинство оленей разбежалось по окрестностям, где их, разумеется, в два счета перебили голодающие крестьяне. В парке еще оставалась крохотная популяция, но над милу явно тяготел злой рок: началось Боксерское восстание, и охрана воспользовалась случа-

Д

ем съесть уцелевших оленей. Так вид вымер на своей родине, теперь всю популяцию составляли животные, разбросанные по странам Европы.

Герцог Бедфордский, один из первых и наиболее мудрых борцов за охрану природы, решил, что для спасения вида надо пополнить свое крохотное вобурнское стадо, и вступил в переговоры с зоопарками. В итоге у него собралось восемнадцать особей; это были все сохранившиеся на земле милу. В идеальных условиях Вобурна популяция постепенно росла, и, когда я работал в Уипснейде, она насчитывала уже около пятисот голов. Пришла пора, заключил герцог, рассредоточить стадо — очень уж рискованно было держать всех милу в одном месте. Достаточно эпидемии ящура, чтобы окончательно истребить оленей Давида. Для начала герцог подарил пару животных Уипснейду, чтобы и там можно было разводить милу.

Как раз когда я работал в секции медведей, стало известно, что герцог решил снабдить оленями Давида и другие зоопарки, а Уипснейд получит вторую пару. На нас была возложена задача вывозить из Вобурна новорожденных телят и выкармливать до такого возраста, когда их можно будет отправлять на новое местожительство. Такой сложный способ был продиктован чрезвычайной нервозностью милу. От испуга — а они пугались всего на свете, превосходя в этом смысле всех известных мне животных, — они были способны на глупейшие поступки, скажем, принимались бодать каменную стену, пытаясь пробиться сквозь нее. Если же мы будем выкармливать телят, есть надежда, что, привыкнув к людям, они не будут пугаться необычных звуков и предметов так, как пугаются при отлове молодые милу.

У меня захватило дух, когда я услышал, что мне вместе с одним парнем по имени Билл доверено помогать в этом деле Филу Бейтсу. Для оленят приготовили два просторных стойла, а поскольку их полагалось кормить и ночью, и рано утром, мы с Биллом должны были по очереди ночевать в сарайчике в лесу около стойл, чтобы круглые сутки быть под рукой у Фила.

И вот настал великий день, мы сели в грузовик и поехали в Вобурн.

Вобурнский парк был одним из самых прекрасных, какие я когда-либо видел. Разумеется, это было еще до того, как карусели и полчища экскурсантов превратили его в своего рода цирк с тремя аренами. Могучие деревья, вдвое красивее от того, что стояли порознь, волнистый зеленый покров и неторопливые стада оленей создавали незабываемую картину, которая вызвала бы завистливые слезы у самого Эдварда Лэнсье. Оленята — большеглазые, встревоженные — лежали каждый в своем мешке, только головы торчали наружу. Эта мера предосторожности была необходима, чтобы им не вздумалось встать в грузовике и попытаться совершить побег с рис-

ком поломать ноги. Разместив малышей на толстой подстилке, мы обложили их со всех сторон охапками соломы. После этого мы с Биллом заняли место в задней части кузова, возвышаясь над лесом маленьких головенок, и грузовик покатил в Уипснейд с умеренной скоростью пятьдесят километров в час. Мы не сводили глаз с оленят, следя за тем, как они переносят путешествие. Когда машина тронулась, два-три малыша начали брыкаться и дергаться в мешках, но они быстро успокоились, и в конце пути многие оленята уже спали с видом пресыщенных странствиями железнодорожных пассажиров.

Мы отнесли их в стойла и разрежали мешковину. С типичной для всех оленят невыразимо трогательной угловатостью они поднялись на непослушные ноги и сделали несколько неуверенных шагов. Только теперь до них дошло, что чего-то не хватает, и малыши заходили по кругу, издавая совсем по-козьиному неожиданно долгое хриплое «бэ-э-э». Мы с Биллом быстро подоили специально доставленных в зоопарк коз, наполнили теплым, пенистым молоком бутылочки, добавили необходимые витамины и рыбий жир и, держа по бутылочке в каждой руке, вернулись в конюшню.

Детеныши милу такие же бестолковые, как любые другие младенцы, и во время первого кормления козье молоко попадало куда угодно — в наши карманы, отвороты брюк, даже в глаза и уши — только не в желудки оленят. Они довольно скоро разобрали, что молоко поступает из соски, однако координация рта и мозга оставляла желать лучшего, и все время приходилось быть начеку, потому что оленята мусолили соску до тех пор, пока конец ее не высовывался изо рта сбоку, после чего сжимали челюсти, брызгая молоком прямо нам в глаза. Впрочем, на второй день они наладились сосать правильно и стали воспринимать нас с Филом и Биллом как некую комбинированную мать. Всего на нашем попечении находилось восемь оленят, и мы разместили их по четыре на стойло, но, по мере того как они росли, кормить их становилось все труднее, потому что в часы кормления оленята при виде нас буквально выходили из себя. Оглушительно бляя, они бросались нам навстречу, едва открывалась дверь стойла. Несколько раз оленята сбивали с ног меня и Билла. Упал — скорей откатывайся в сторону, потому что малыши безжалостно топтали нас, а копытца у них были не только очень длинные, но и весьма острые.

Пожалуй, именно в это время я вдруг по-настоящему уразумел суть определения «редкие животные». До тех пор, когда кто-нибудь говорил о редких животных, я считал, что речь идет о числе особей, представленных в музеях или зоопарках; мне не приходило в голову, что подразумевается малочисленность вообще. Должно быть, это потому, что люди были склонны делать из слова «редкий» как бы знак отличия, которым животные обя-

Д

заны гордиться. Но, познакомившись вплотную с оленями Давида, я неожиданно для себя открыл, что очень многие животные стали редкостью совсем в другом смысле. Я начал изучать этот вопрос, и накопилось изрядное досье. Тогда я не подозревал, что создаю весьма несовершенную любительскую версию «Красной книги», выпускаемой ныне Международным союзом охраны природы. Результаты потрясли меня, мои записи пестрели данными вроде: «Общее число уцелевших индийских носорогов — 250, суматранских носорогов — 150, борнеоских носорогов — 20, мировая популяция бескрылого пастушка — 72 пары, аравийского орикса, истребленного винтовками и пулеметами, осталось не больше 30 голов» — и так далее. Казалось, список можно продолжать до бесконечности. Тут-то мне и стало ясно, в чем заключается подлинная задача зоопарка, — ведь наряду с охраной животных в их среде обитания совершенно необходимо создавать рассредоточенные возможно шире по свету плодовые колонии. Именно тогда я сказал себе: если когда-нибудь у меня появится свой зоопарк, он прежде всего будет служить убежищем и питомником для истребляемых животных.

В часы дежурства у оленят я немало размышлял об этом. Ночью, когда при свете фонаря малыши, поблескивая влажными глазищами, жадно сосали из бутылочек теплое молоко, я говорил себе, что с любой точки зрения у этих созданий столько же прав на существование, сколько у меня. Вставать в пять утра, чтобы кормить их, не было для меня наказанием. Шагаешь к стойлу между могучими стволами — в первых, бледных лучах утреннего солнца дубравы золотятся, словно хвост кведала, листья переливаются тончайшей пленкой росы, и птичий хор звучит в твоих ушах великим благодарственным молебном в зеленом храме природы. Откроешь дверь в стойло — любящие питомцы сбивают тебя с ног, приветствуют блеянием, тычутся носами, облизывают длинными влажными, горячими языками. И как ни тяжело было на сердце от мысли об опасном положении множества видов, я чувствовал, что, помогая разводить милу, делаю что-то конкретное, пусть даже это капля в море.

Несомненно, самыми занятыми животными в нашей секции были белохвостые гну. Вообще внешний вид представителей этого рода производит неправдоподобное впечатление, а белохвостые особенно напоминают какого-нибудь мифического зверя со средневекового герба. Тяжелая голова, широкая морда, изогнутые вниз причудливым крючком острые рога, из-под которых антилопа смотрит каким-то близоруким взглядом. Морда украшена белой бородкой, и еще клочок шерсти торчит ниже глаз. На горле, лбу и зашееке — густая белая грива, сплошная чаща косматых прядей. Но главное украшение гну — длинный, пышный, шелковистый белый хвост, кото-

рым они взмахивают так же изящно, как восточная танцовщица своим платком. Добавьте к необычной внешности (как будто эта антилопа собрана из частей разных животных) столь же необычные движения и причудливые позы, которые гну принимают по любому поводу. Невозможно было без смеха смотреть, как эти нелепые твари, фыркая, выделяют вольты и курбеты с развевающимся над спиной белым хвостом.

Движения гну были настолько сложными, что им не сразу подберешь определение. Больше всего хочется сравнить их с острым приступом пляски святого Витта. Какие-то па я уподобил бы народным танцам, не будь они такими буйными. Те народные танцы, которые доводилось видеть мне, исполнялись пожилыми эстетками в бисере и бусах, и это было несколько не похоже на лихой антилопий джиттербаг. Пожалуй, было в плясках гну что-то от балета (если взять наиболее динамичные и потогонные версии), но все-таки даже самая наисовременнейшая балерина сочла бы их движения чересчур экстравагантными.

Что ни говори, этот танец (или этот припадок) — увлекательное зрелище. Вот поднимается занавес: сбившись в кучу, антилопы хмуро созерцают вас сквозь чащобу спутанных прядей. Одна из них берет на себя руководство и подает сигнал к началу пляски поразительно громким фырканием, которое можно перевести как «а теперь, девочки, все вместе». Стройные ноги гну делают несколько мелких шажков — и опять вся группа замирает, только ноги и хвосты подрагивают почти в унисон. Новый сигнал — и тут внезапно труппой овладевает неистовство. Забыты согласованность и точность, которые улаждают ваш взгляд в балете. Стуча блестящими копытами, антилопы срываются с места — хвост и голова мотаются как попало, брыкающие ноги изгибаются под самыми нелепыми и анатомически невозможными углами. Руководительница фыркает, как заведенная, но никто не слушает ее команд. И вдруг антилопы останавливаются и осуждающе смотрят на вас из-под рогов, потрясенные до глубины души вашим неприличным хохотом.

Между прочим, из-за этих плясок, а также из-за своего ненасытного любопытства гну очутились на грани полного вымирания. Когда началась колонизация Южной Африки, там бродили тысячные стада белохвостых гну. Голландские поселенцы нещадно уничтожали их: во-первых, вяленое мясо антилоп избавляло от необходимости резать ценный домашний скот, во-вторых, колонизаторы исходили из того, что чем скорее они расправятся с гну, тем больше пастбищ освободится для коров и овец. Вскоре одна из наиболее многочисленных африканских антилоп стала одной из самых редких. Очаровательное любопытство этих животных побуждало их оставаться на месте и глазеть на стреляющих по ним охотников. Не менее пагубной

Д

оказалась для гну и их страсть к танцам. Соберутся вокруг ошетилившихся ружьями фургонов и ну кружить и гарцевать, являя собой идеальную мишень. Теперь белохвостого гну лишь с большой натяжкой можно относить к диким животным. Осталось каких-нибудь две тысячи особей в небольших парках и при частных фермах да еще около сотни голов в разных зоопарках мира.

Глядя на вздыбленных гну на наших зеленых полянах, я думал о том, насколько скучнее стала Африка без этих веселых, бесшабашных плясунов вельда. Похоже, прогресс цивилизации повсеместно глушит исконную радость и утверждает банальность, весело гарцующих созданий сменяет нудно жующая жвачку утилитарная корова. Наряду с белохвостыми был у нас один экземпляр полосатого (или голубого) гну, примерно такого же сложения, только покрупнее; шерсть рыжевато-коричневая, расписанная шоколадными полосами, грива и хвост черные. Эта антилопа была, пожалуй, еще более бесноватой, ее лихие антраша казались еще экстравагантнее, и вырывающиеся из недр грудной клетки рокочущие, низкие сигналы тревоги напоминали пулеметную очередь. Удивительно нервное животное: того и гляди от испуга сломает ногу или причинит себе еще какое-нибудь увечье. И мы с Гарри не на шутку встревожились, услышав, что нашего Полосатика надлежит взять и отвезти в Лондонский зоопарк, где его ждет супруга.

— Что, Гарри, придется нам помаяться? — спросил я.

— Боюсь, что придется, старик, — ответил Гарри, помешивая грибы на шкворчащей сковородке.

— Куда мы его поместим? — продолжал я. — У нас ведь нет ничего подходящего?

— У нас нет, — подтвердил Гарри. — Они пришлют клетку на своем грузовике в четверг. Загоним его в клетку, и они отвезут его.

Все звучало очень просто в изложении Гарри. Настал четверг, и прибыл грузовик с высокой узкой клеткой, в которую нам предстояло каким-то образом водворить чрезвычайно нервного, пылкого и подвижного гну. Утром Полосатик погулял в загоне, потом я заманил его овсом в двойное стойло, в одном из просторных отсеков которого он и был теперь надежно заточен. Прежде всего надо было спустить тяжелую клетку с грузовика, установить ее перед стойлом и поднять задвижку. На это понадобилось немало времени, и, естественно, не обошлось без шума, который вызвал резкий протест у Полосатика. Он урчал, фыркал, дыбился и неоднократно пытался разнести копытами стойло. Поставив клетку как надо, мы удалились на полчаса, чтобы обсудить дальнейшие действия и дать Полосатику немного поостыть.

— Теперь слушай, старик, — говорил Гарри, — дальше делаем так.

Я забираюсь на клетку сверху и поднимаю задвижку, но с поднятой задвижкой я не смогу увидеть, когда он войдет в клетку, так что ты уж скажи мне, когда отпускать, понял? Затем ты берешь лестницу, заходишь с ней в соседний отсек, берешь вот это полешко, перегибаешься через перегородку и, когда он подойдет к выходу, ткнешь его полешком в зад — только один раз, запомни, этого будет достаточно, чтобы он ринулся в клетку. И как только он в нее забежит, ты мне кричишь, и я отпускаю задвижку, понял?

— Послушать тебя, так это проще пареной репы, — заметил я не без горечи.

— Будем надеяться, — ухмыльнулся Гарри.

Мы вернулись к стойлу, где Полосатик урчал все так же сердито, я втащил лестницу в соседний отсек, вооружился полешком, поднялся и заглянул через перегородку. Полосатик с ужасом воззрился на человека, который задумал подло напасть на него с тыла. Косматая борода и взъерошенная грива придавали ему такой вид, словно он только что встал с постели и не успел очухаться. Гарцуя и кружась в стойле, он раздувал ноздри, фыркал, вращал глазами, и кривые черные рога его поблескивали, как ножи.

— Ты готов, старик? — крикнул снаружи Гарри.

Я перенес полешко через перегородку и проверил ногами надежность опоры.

— Есть! — ответил я. — Поехали.

Задвижка медленно поднялась, и Полосатик, который продолжал тащить на меня, словно старая дева, обнаружившая под своей кроватью незнакомого мужчину, развернулся к выходу. Он фыркал, как вулкан, и беспокойно переступал с ноги на ногу. Пользуясь тем, что он отвлекся, я обхватил полешко крепче левой рукой, поднял его торчком и положил на верхний конец ладонь правой руки. Более неудачного способа нельзя было придумать.

— Сейчас я погоню его, Гарри! — крикнул я.

— Давай, старик, — отозвался Гарри.

Я стал осторожно опускать полешко к подрагивающему толстому зад Полосатика. Едва оно коснулось лоснящейся кожи, последовала такая реакция, словно я поднес спичку прямо к запалу динамитного патрона. Все смешалось. Ощувив прикосновение, Полосатик тотчас подскочил вверх и лихо взбрыкнул всеми четырьмя ногами. Одно копыто задело полено, так что оно взлетело вверх, подобно ракете, и ударилось о потолок.казалось, моя правая рука попала под копер для забивки свай. Невыносимая боль заставила меня выпустить полено. Судорожно дергаясь, чтобы не свалиться вперед через перегородку, я чувствовал, как лестница качается под моими

Д

ногами. В ту же минуту Полосатик, издав особенно мощное фыркание, наклонил голову и ворвался в клетку.

— Задвигай, Гарри, задвигай! — отчаянно крикнул я; одновременно лестница выскочила у меня из-под ног, и я грохнулся в стойло.

Задвижка скользнула вниз, Полосатик очутился в плену. Но успокаиваться было рано: ворвавшись в клетку, он с ходу боднул противоположную стенку, и клетка закачалась, как судно, попавшее в ураган. Щепки летели во все стороны, по мере того как Полосатик продолжал обрабатывать стенки рогами. Напи помощники заметались в поисках молотка и гвоздей, чтобы не дать узнику вырваться на волю. Сидя на угрожающе качающейся клетке, Гарри с тревогой смотрел на меня.

— Ты цел, старик? — с беспокойством осведомился он.

С некоторым усилием я поднялся на ноги; рука болела так, будто на нее наступил слон, и заметно опухла.

— Я-то цел, да, боюсь, кисть сломана, — ответил я. Так оно и было: в больнице рентген показал, что сломаны три косточки плюсны. Учитывая силу, с которой они были зажаты в деревянном сэндвиче, хорошо еще, что их не раздавило вдрызг. Мне дали болеутоляющее, от которого боль несколько не умерилась, и врач сказал, чтобы я воздержался от работы два дня, пока кости станут на место.

Это было, так сказать, мое первое почетное ранение при исполнении служебного долга, и утешение не заставило себя ждать: миссис Бейли обращалась со мной так заботливо и почтительно, словно я совершил подвиг, достойный ордена.

Вечером, когда я у камина нежил мою ноющую руку, вошел Чарли.

— Что ж, дружище, придется тебе укладывать свои вещички, — приветствовал он меня.

— Укладываться? Что ты такое говоришь, Чарли? — всполошилась миссис Бейли.

— Только что из дирекции передали, — Чарли с блаженным видом протянул к огню ноги в домашних туфлях, — в конце недели домой отправимся.

— Домой? Ты хочешь сказать — в Лондон?

— Ну да, — ответил Чарли. — Довольна?

— Конечно, довольна, — сказала миссис Бейли. — Но что же будет с Джерри?

— Ты переберешься в лачугу, ее теперь будут заселять, — сообщил мне Чарли.

Лачугой называли огромное здание учрежденческого вида, которое было выстроено для обслуживающего персонала и в котором, насколько мне было известно, еще никто не жил.

— В этот сарайце! — воскликнула миссис Бейли. — Да он там зимой в ледышку превратится.

— Ничего, там есть печи, все как положено, — успокоил ее Чарли.

— А с питанием как же? Кто его будет обслуживать?

— Говорят, туда многие въедут. Из служителей — Джо и один новый парень, а старик Фред и его жена будут стряпать и все такое прочее.

— Не может быть! — вскричала миссис Бейли. — Только не старик Фред!

Между нею и Фредом Остином царила давняя вражда, а возникла она в тот день, когда Фред принес в коттедж дрова и миссис Бейли пожаловалась на ознобыши.

— И ты не знаешь, мать, как от них избавиться? — сказал тогда Фред.

— Нет. — Миссис Бейли не любила, когда ей говорили «мать», но ради средства от ознобышей готова была все стерпеть. — А как вы лечитесь?

— Утром, как встанешь, первым делом сунь ноги в ночной горшок, — посоветовал старик Фред. — Лучшее в мире средство от ознобышей — моча.

Надо ли говорить, что мы с Чарли чуть не умерли со смеху, когда услышали эту историю; однако миссис Бейли не видела в ней ничего смешного.

— Да, не завидую я тем, — сказала она теперь, — кого они будут обслуживать. Ну-ка, Джерри, возьми еще пирога. Ешь досыта, пока есть такая возможность. Бог знает, чем эти Остины будут потчевать тебя, беднягу.

Признаться, я разделял ее беспокойство. Мысль о том, что придется из уютного коттеджа перебираться в лачугу, то бишь сарайце, и менять роскошные домашние обеды миссис Бейли на бог весть какое варево Фреда и его супруги ужасала меня, но я ничего не мог поделать.

Он лижет и сосет собственную лапу.

Варфоломей.

Бартоломеус де Проприетабус

Рерум

ГЛАВА ШЕСТАЯ

КАВАТИНА КОСОЛАПОГО

В одном конце секции обширный участок был засажен лиственницей, и в этом сумрачном лесу, напоминающем островок североамериканской или русской тайги, жила наша стая волков в количестве четырнадцати штук. На вид ничего располагающего в них не было, и я понимал, почему

Д

за ними в веках укрепилась столь дурная слава. Золотистые, чуть скошенные глаза на фоне пепельной шерсти производили коварное впечатление, усугубляемое своеобразной волчьей походкой: опустив голову с прижатыми ушами, они не столько шагали, сколько стелились по земле. Движения этих крупных и мощных животных были удивительно грациозными; казалось, волки плывут в тени лиственниц.

Я обнаружил, что на волка возводилось немало напраслины. Вопреки тому, что о нем говорят, он вовсе не охотится всю свою жизнь на человека, хотя тот факт, что в отдельных случаях волки едят человечину, неоспорим. Один швейцарский натуралист с омерзительным упоением описывает, как в 1799 году, когда в горах Швейцарии шли кровавые бои между французскими и австрийскими войсками, убитых якобы не хоронили, а оставляли на съедение волкам. И будто бы волчьи стаи, нажравшись падали, стали предпочитать человечину всякому другому мясу.

К моему облегчению, наша стая не выработала у себя столь рафинированного вкуса; тем не менее я чувствовал себя не совсем уютно, когда открывал ворота волчьего вольера и катил под лиственницами тачку с окровавленным мясом, которое я разбрасывал на своем пути, меж тем как волки кружили на безопасном расстоянии, огрызаясь и твякая друг на друга, с тем чтобы в следующую минуту устроить гонки за очередным куском.

В диком состоянии волки активно размножаются, и к потомству они относятся очень заботливо. Обычно стаю составляет выводок сеголетков с родителями, то есть одна семья. Но в особенно суровые зимы семьи могут объединяться для охоты, образуя довольно многочисленные стаи. Охотясь, волки способны покрывать огромные расстояния; на Аляске удалось проследить путь одной стаи, которая за полтора месяца покрыла больше тысячи километров на участке площадью полтораста на восемьдесят километров.

Разумеется, волк всегда был излюбленным персонажем в первобытных религиях от Северной Америки до Монголии; общеизвестна также его роль в колдовстве. В Европе, когда волков там водилось гораздо больше, чем теперь, в ликантропию не только верили, ее практиковали. Одна из наиболее известных историй про оборотней приводится у Йохана Вира; впрочем, он считает, что перед нами всего лишь пример бреда, вызванного продолжительными пытками. Тем не менее на историю эту ссылались как на доказательство того, что ликантропия существовала на самом деле.

«...Пьер Бурго (Большой Петер), Мишель Вердон (или Удои) и Филибер Менто были в декабре 1521 года допрошены Генеральным инквизитором Безансона, доминиканцем Жаном Бонном (или Боммом). Подозрение пало на них после того, как в районе Полыньи на одного путешественника напал волк; путешественник ранил волка и пришел по его следам в хижи-

ну, где увидел, как жена Вердона обмывает раны своего мужа. В своих показаниях Мишель Вердон признался, что он сделал Пьера приверженцем Дьявола.

Затем дал показания Пьер Бурго. В 1502 году сильная буря разогнала его отару. Разыскивая овец, он повстречал трех всадников в черном и рассказал им про свою беду. Один из всадников (позднее выяснилось, что это некий Мойсе) посулил Пьеру утешение и помощь, если тот будет служить ему как хозяину и господину, и Пьер согласился скрепить сделку на той же неделе. Вскоре он нашел своих овец. При второй встрече Пьер, узнав, что любезный незнакомец — слуга Дьявола, отрекся от христианской веры и присягнул на верность всаднику, поцеловав его левую руку, которая была черна и холодна как лед.

Через два года Пьер стал снова склоняться к христианской вере. Тогда Мишелю Вердону, другому слуге Дьявола, было велено позаботиться о том, чтобы Пьер оставался верным Дьяволу. Поощренный посулами сатанинского золота, Пьер принял участие в шабаше, где все держали в руках зеленые свечи, горящие синим пламенем. Затем Вердон велел ему раздеться и намазаться волшебной мазью, после чего Пьер превратился в волка. Через два часа Вердон намазал его другой мазью, и Пьер снова обрел человеческий облик. Пьер признался (под пытками), что в качестве оборотня совершил ряд злодеяний. Он напал на семилетнего мальчугана, но тот закричал, так что Пьеру пришлось надеть свою одежду и снова обратиться в человека, чтобы избежать разоблачения. Он признался также, что сожрал четырехлетнюю девочку и мясо ее показалось ему отменным; еще он сожрал девятилетнюю девочку, предварительно свернув ей шею. Будучи волком, он сочетался с настоящими волчицами; по словам Война, все трое заявляли, что «получали от акта такое же удовольствие, как если бы сочетались с собственными женами».

Всех троих, разумеется, сожгли на костре».

Не говоря уже о людях, которые превращались в волков (я все-таки склонен согласиться с одним средневековым маловером, который не одну ведьму поставил в тупик вопросом: «Если вы можете превратить женщину в кошку, не потрудитесь ли вы превратить кошку в женщину?»), самому волку тоже приписывали всевозможные магические свойства. В изданном в Лондоне в 1954 году восхитительном переводе одного средневекового собрания басен, сказок и аллегорий о животных Т. Г. Уайт цитирует Улисса Альдрованди:

«...ар-Рази проявил несерьезность, когда сообщал относительно волчьей шерсти: «Если смешать ее с розовой водой и намазать смесью брови,

Д

лицо, совершившее это действие, станет предметом обожания очевидца». Но еще более смешным и потешным представляется мне утверждение, будто у застенчивых мужчин и женщин можно вызвать вожделение с помощью ладанки, содержащей волчий член (высушенный в печи). В том же ряду стоит утверждение, будто ладанка из волчьей кожи, если внутрь ее положить голубиное сердце, спасает человека от тенет Венеры. Сюда же отнесем рассказ ар-Рази, приводимый им со ссылкой на десять учеников Демокрита, будто бы им удалось благополучно уйти от врагов, повесив на свои копья волчью мошонку. У Секста есть рассказ в этом же духе о Страннике, который обезопасил себя в пути, захватив с собой кончик волчьего хвоста. По словам другого автора, если прибить на конюшню волчий хвост, или голову, или шкуру, зверь не войдет внутрь, пока они будут висеть. О том же хвосте Альберт Великий говорит, что, будучи подвешен над кормушками овец и коров, он отпугивает волка, и для того же люди закапывают его в землю на скотном дворе, ибо он отгоняет названного зверя».

После такой примечательной рекламы неудивительно, что на самом деле волк никак не тянет на бытующие представления о нем.

Гон у наших волков бывал раз в год; волчата обычно появлялись на свет в мае. Понятно, пока у волчиц длилась течка, самцы поминутно затевали драки между собой. Поглядеть и послушать — бой идет жесточайший, сверкают и щелкают клыки, соперники огрызаются и взвизгивают, однако до кровопролития никогда не доходило.

Перед родами волчица и вожак стаи рыли надежное логово под корнями какой-нибудь лиственницы. Здесь волчица производила на свет свое потомство — как правило, от трех до пяти волчат. Развозя корм на тачках, мы старались держаться подальше от волчьих яслей, напугаешь волчицу — примется таскать малышей по всему лесу, спасая их от нас. Когда пришла пора волчатам отвыкать от материнского молока, родители начинали кормить их отрыгнутым полупереваренным мясом — своего рода эквивалент наших детских смесей.

В лунные ночи, особенно когда подмораживало, наши волки устраивали оперные спектакли. Лес расписан серебряными полосами лунного света, мелькают черные контуры скользящих из тени в тень животных, вдруг все они сливаются вместе, и волки, закинув голову, издают дикий жалобный вой, который отдается между стволами, будто в пещере. Сверкают выхваченные лунной глаза, шире и шире раскрываются глотки, по мере того как волки, все больше возбуждаясь, с растущим воодушевлением предаются пению. Глядя на них в такие минуты, недолго и поверить во все, что когда-либо писалось про волков.

Среди звучений, издаваемых животными, волчий вой — одно из самых

красивых, и я ничуть не удивился, обнаружив, что волки, судя по всему, разделяют мое критическое отношение к волынке. В 1624 году, когда в Англии и Ирландии повсеместно водились волки, сэр Томас Фэйрфэкс записал такую историю о солдате, который направлялся из Ирландии в Англию:

«...идя через лес с котомкой за плечами, он сел под деревом отдохнуть и развязал котомку, чтобы подкрепиться своими припасами. Внезапно он увидел двух или трех волков, которые направлялись к нему, и стал бросать им хлеб и сыр, пока его припасы не кончились. Но волки подошли еще ближе; тогда, не зная, как быть, солдат взял в руки свою волынку и принялся играть на ней. Перепуганные насмерть волки бросились наутек, и тогда солдат сказал: «Чума вас забери, знать бы, что вы так любите музыку, я сыграл бы вам до обеда».

Видно, волки эти здорово изголодались, раз стали есть хлеб с сыром; наша стая была куда разборчивее в еде.

Помню, одна почтенная старушка, затаив дыхание, смотрела, как я качу через Волчий лес тачку с кровавым грузом и разбрасываю мясо. Когда я вышел из вольера и закрыл за собой ворота, она обратилась ко мне:

— Простите, молодой человек, а каким мясом вы кормите волков?

В тот день у меня было особенно шутливое настроение, и я ответил с каменным лицом:

— Это мясо слугителей, мэм. Режим экономии... Когда слугители состарятся и уже не в состоянии работать, мы скармливаем их волкам.

Лицо ее выразило ужас и недоверие, но в следующий миг она догадалась, что я ее разыгрываю.

Как бы то ни было, напоминающие флейту волчьи голоса придавали волшебное очарование лунной ночи — когда ты мирно лежал в уютной постели.

По сравнению с волками наши медведи представляли собой довольно разношерстную компанию. Как будто их родословная сочетала в себе и европейские, и азиатские, и североамериканские виды. Самым крупным был самец, которого в приливе гениальности, посещающей даже весьма заурядных людей, когда они крестят животных, назвали Тедди. Могучий косолапый олух с рыжеватой шерстью, маленькими умоляющими глазками деревенского дурачка и большим курносом розовым носом, он отрастил чрезвычайно длинные когти цвета черепахи и без конца сосал их, делая себе маникюр. Из-за его вихляющей женоподобной походки когти гремели, словно кастаньеты, повергая публику в веселое изумление.

— Глянь, Билл... медведь чечетку отбивает.

Д

— Не угадал, приятель, это медведь с заводом. Слышишь — моторчик работает. Небось служитель заводит его по утрам.

На мою долю выпало открыть то, о чем и раньше можно было догадаться, глядя на тяжелую поступь и осанистую фигуру Тедди и на то, как он любит сидеть, положив лапу на сердце: Тедди был переодетый оперный тенор.

Проезжая однажды на велосипеде мимо медвежьего вольера, я вдруг услышал крайне необычный звук — тонкий писк комара с более низкими обертонами, перемежаемый фальцетным повизгиванием, напоминающим предсмертный крик умирающей феи. Озадаченный этим звуком, который никак не вязался с моим представлением о медведях, я слез с велосипеда и приступил к расследованию. За кустом терновника сидел на своем тучном рыжем сиделище Тедди и напевал про себя, положив на грудь одну лапу и засунув в рот когти другой. Невероятная картина: этакая махинища — он весил добрых полтораста килограммов — издает столь странные, чисто женские звуки. Крохотные кнопки глаз были полузакрыты, и медведь слегка покачивался. Я постоял, наблюдая, потом окликнул его. Тедди испуганно открыл глаза, вынул когти изо рта и воззрился на меня с явным замешательством. Я подозвал его к ограде и угостил ягодами терновника. Сидя передо мной с видом такого могучего рыжего Будды, он бережно брал чуткими губами блестящие черные ягоды с моей ладони. Когда он управился с ними, я сделал глубокий вдох, постарался возможно лучше настроить голосовые связки и воспроизвел, как мог, мелодию из «Трактира «Белая Лошадь».

Тедди озадаченно взглянул на меня, потом, к моему великому восторгу, положил на грудь жирную лапу, сунул в рот когти другой лапы, зажмурился и стал подпевать. Это было вдохновенное исполнение, и мы оба, сдается мне, огорчились, когда из-за недостатка воздуха в моих легких пение оборвалось.

С той поры я не раз устраивал маленькие концерты с участием косолапого. Когда я собирал бумажки и прочий мусор между отжимом и оградой, Тедди скрашивал однообразие этой работы, сопровождая меня и лихо распевая. Однажды, когда мы, прислонясь к ограде и глядя друг другу в глаза, довольно согласно исполняли «Пусть ты не ангел», я случайно обернулся и увидел на дорожке трех монахинь, которые оцепенело смотрели на нас. Заметив мой взгляд, они поспешно подобрали свои юбки и засеменили прочь. Правда, ничто в их лицах не говорило о том, что они стали свидетелями необычного зрелища, но все же мы с Тедди чувствовали себя очень неловко.

Так велико было обаяние Тедди, что я почти готов был поверить в историю о косолапом сердцееде, рассказанную Топселлом:

«Филипп Коффеус из Констанса поведал мне как о вполне достоверном деле, что в Савойских Альпах один медведь силой унес в свое логово юную девушку и сделал ее предметом своих плотских вожделений, и, пока он держал ее в логове, каждодневно носил ей самые лучшие яблоки и иные плоды, какие мог раздобыть, и потчевал ее, как истинный влюбленный; но всякий раз, отправляясь за провиантом, он закрывал вход в логово огромным камнем, чтобы девушка не могла бежать. В конце концов родители после долгих поисков нашли свою юную дочь в логове медведя и спасли ее от заточения у дикого зверя».

Интересно, что сходную историю рассказывают живущие на японском острове Хоккайдо айны, которые поклоняются медведю. Правда, в айнской легенде говорится о женщине, родившей сына от косолапого, и многие горные айны гордятся тем, что будто бы произошли от медведя. Их так и называют «потомками Медведя». Вот как они говорят о себе: «Что до меня, то я сын бога гор. Я происхожу от божественного Правителя гор». Впрочем, самым косолапым от этого поклонения мало радости, если судить по ежегодному Празднику медведя у айнов.

Предварительно айны ловят медвежонка и доставляют его в деревню. Если он очень маленький, его кормит грудью какая-нибудь из женщин или же ему дают корм из рук либо изо рта. Став побольше, он играет с детьми в лачуге и пользуется всеми привилегиями комнатного животного; когда же еще подрастет, его заточают в деревянную клетку и два-три года откармливают, как говорится, на убой. И наконец приходит время для праздника, приуроченного к сентябрю или октябрю.

Сперва жители деревни приносят извинения своим богам — дескать, они содержали медведя столько, сколько позволял им скудный достаток, но теперь вынуждены убить его. Если деревня небольшая, в празднике участвует вся община. Все собираются около клетки, и деревенский трибун общается медведю, что ему предстоит отправиться к предкам. Просит его быть снисходительным и не гневаться. После чего — странное противоречие! — медведя опутывают веревками, выводят из клетки и осыпают градом тупых стрел, чтобы разозлить. Когда медведь истощит свои силы в тщетной попытке избавиться от пут, его привязывают к столбу, затыкают пасть кляпом и подвергают беднягу удушению, сжимая его шею между двумя жердями. Вся деревня с великим рвением участвует в этой процедуре. Затем сердце медведя пронзают стрелой, но так, чтобы не пролилась даром ни одна капля крови. Иногда мужчины пьют горячую медвежью кровь, чтобы к ним перешла отвага и прочие достоинства косолапого, а также намазываются кровью, чтобы им сопутствовал успех в охоте.

С мертвого зверя снимают шкуру, голову отрубают и выставляют в об-

Д

ращенном на восток окне жилища вместе с частью туловища, миской вареной медвежатины, клецками из просяной муки и сушеной рыбой. К убитому зверю обращаются с молитвами, в частности, вызывают к его великодушию и просят косолапого после свидания с родителями вернуться на землю, чтобы его можно было снова поймать и откормить для жертвоприношения. Замечено, что в начале праздника женщина, выкормившая медвежонка, громко рыдает, однако это не мешает ей с великой энергией участвовать в удушении медведя, после чего она вскоре вновь обретает былую жизнерадостность.

Мне посчастливилось работать в медвежатнике как раз в то время, когда оценились супруги Тедди. Гарри знал, что они беременны, однако о дне предстоящих родов можно было лишь гадать. Но вот мы заметили, что медведицы собирают листву для своих логовищ, и поняли: близится долгожданное событие. Устроенные между кустами куманики логовища напоминали камешные ульи, присыпанные землей и дерном. Медведицы присаживались в нескольких метрах от логовищ и принимались сгребать листья и траву, прижимая охапки к своим толстым животам. Сгребут все вокруг себя — отодвигаются на седалище назад и снова приступают к работе. Набрав столько, что поща едва помещалась в лапах, медведицы несли ее в логовище. В итоге получилась постель толщиной тридцать-сорок сантиметров, шириной около полутора метров. Закончив благоустройство, медведицы на некоторое время успокоились. А затем, в один прекрасный день, когда мы проходили мимо медвежьего вольера, Гарри вдруг остановился и наклонил голову набок.

— Слышишь, старик? — спросил он.

Я прислушался: из одного логова доносился высокий, пронзительный звук, словно пищала резиновая игрушка.

— Оценились, — заключил Гарри довольным голосом.

В честь такого события я отправился в деревенский трактир и купил две бутылки пива к нашему второму завтраку. Поднимая тост, я с волнением спросил Гарри, когда же мы увидим медвежат.

— Придется подождать, старик, пока у них глаза откроются, — ответил он.

— А когда это будет? — нетерпеливо осведомился я, доставая тетрадь, чтобы записать столь важный факт.

— Недели через три, — сказал Гарри. — Через три недели можно будет войти к ним и определить пол.

Я считал дни. Знай я, что меня ждет, не рвался бы так на свидание с медвежатами... Но вот настал великий день.

— Сегодня пойдем к медведям, — небрежно бросил Гарри утром.

Я понял, что он говорит про медвежат.

— Определять пол? — спросил я.

— Вот именно, старик, — ответил Гарри. — К половине одиннадцатого придет один фотограф из лондонской газеты, так ты отнеси к вольеру две лестницы и запри Тедди в одну клетку, а медведиц в другую. Понял?

— Понял, — послушно отозвался я, хотя мне очень хотелось бы узнать, на что нам две лестницы.

Тедди мне удалось заманить в клетку при помощи ягод терновника и мелодии из «На острове Капри». Его не столь доверчивые супруги долго упирались, но все же жадность взяла верх, когда я пустил в ход подкуп в виде больших липких фиников. Наконец показалась коренастая фигура Гарри; его сопровождали долговязый фотограф и Денис, служитель одной из секций.

— Все готово, старик? Ты отделил их, как я велел? — спросил Гарри.

— Полный порядок, — ответил я.

Гарри проверил запоры на клетках и энергично потер руки.

— А теперь, старик, — сказал он, — спускай лестницы в вольер.

Здесь надо пояснить, что медвежий вольер площадью с полгектара был обнесен с трех сторон четырехметровой железной оградой, причем заостренные сверху прутья загибались внутрь. С четвертой стороны был насыпан укрепленный цементом земляной вал; поднимаешься на несколько ступенек и смотришь на медведей с высоты четырех метров. С вала открывался также вид на весь участок. Именно тут Гарри и попросил меня спустить лестницы в вольер. По-прежнему недоумевая, для чего они нам, я тем не менее послушно установил их и проверил надежность упора.

— Так, старик, теперь пошли.

С этими словами Гарри перемахнул через отжим и скатился вниз по лестнице с быстротой многоножки. Я спустился по другой лестнице.

Увидев, что мы проникли в вольер и направляемся к логовищам, медведицы зловеще зарычали с таким подвыванием, красноречиво давая понять, что они сделали бы с нами, если бы могли вырваться из клетки. Подойдя к первому логову, Гарри опустился на четвереньки и забрался внутрь. Минутная тишина, затем он неловко пополз обратно, волоча за собой двух ворчащих, упирающихся зверенышей, при виде которых у меня перехватило дыхание. Моему изумленному взору предстали два голубоватых плюшевых медвежонка из игрушечного магазина. Присмотревшись внимательнее, я заключил, что окраской их мех скорее напоминает шерсть персидской кошки. Длинные, как у отца, острые когти — светло-янтарного цвета; глаза — круглые, фарфорово-голубые. Казалось бы, создания, словно вышедшие из сказки, должны обладать очаровательным и кротким

Д

нравом. Ничего подобного: они визгливо огрызались и норовили зацепить нас своими длинными, крючковатыми, как шипы терновника, когтями или цапнуть острыми, как иголка, хрупкими белыми зубами.

— Ну-ка, старик, — Гарри поднял вверх два прелестных, но отнюдь не безобидных комочка, — ты держи этих, а я достану двух остальных.

И он небрежно сунул медвежат мне в руки. У меня было такое чувство, словно я обнимаю две меховые шубки, начиненные тугими мускулами и рыболовными крючками. Тем временем Гарри извлек из другого логова еще двух медвежат, и мы направились к лестницам. До этого дня я совершенно не представлял себе (что значит жить без тревог и забот!), как не просто карабкаться вверх по лестнице, держа на руках двух злобных медвежат. Мы с Гарри выбрались наверх искушенные, испаранные, окровавленные, но в общем-то непокоренные. И стали позировать, изображая веселье, пока медвежат фотографировали под всевозможными углами. Вот когда я обнаружил (и с тех пор у меня не было причин пересмотреть свою точку зрения), что фотографии — жестокие и бесчувственные существа. Небрежно бросая: «Поверните ему голову, чтобы можно было снять в профиль», — репортер меньше всего думает о том, что вы при этом рискуете потерять один-два пальца.

Наконец фотограф закончил съемку. Во всяком случае, я так решил. Однако он обратился к Гарри:

— Ну, а как насчет того, чтобы снять их вместе с матерями?

— Все в порядке, — ответил Гарри, — сейчас будет сделано.

Помню, я подумал, что Гарри излишне самоуверен: ведь стоит нам выпустить медвежат, как они махнут напрямик в кусты куманики, а уж тогда ни о каких съемках не может быть и речи.

— Пошли вниз, старик, — сказал мне Гарри. — И не отпускай медвежат, пока я не скажу.

Показав чудеса балансировки, которые были бы встречены овацией в любом цирке, я слез по лестнице в вольер и с облегчением опустил медвежат на землю, крепко держа обоих за загривок. Гарри с двумя отбивающимися малышами присоединился ко мне и небрежно плюхнул их рядом с моими.

— Теперь слушай, старик, — продолжал он, — что мы делаем дальше. Будем держать медвежат, пока Денис выпускает медведиц из клетки, понял?

Я недоверчиво воззрился на него, держа железной хваткой горланящих близнецов. Нет, не шутит, всерьез говорит...

— Гарри, — сказал я, — ты свихнулся. Как только эти окаянные медведицы выйдут из клетки, а тут медвежата кричат... да они... они...

У меня перехватило голос при мысли о том, что сделают медведицы, но Гарри даже слушать меня не стал.

— Денис, — крикнул он, — ты готов?

— Готов, — донесся слабый голос со стороны клетки.

— Гарри... — лихорадочно начал я.

— Слушай, старик, — мягко произнес Гарри, — ты держи медвежат, пока я не велю тебе отпускать, понял? Медведицы нас не тронут, как только заполучат их.

— Но, Гарри... — начал я опять.

— Все в порядке, старик. У нас две лестницы, верно? По моей команде ты отпускаешь медвежат и драпаешь вверх по своей лестнице. Только и всего. Ты готов?

— Но, Гарри...

— Ладно, Денис, выпускай! — крикнул Гарри.

Последующие минуты были насыщены событиями.

На мой взгляд, мы с Гарри вели себя по меньшей мере как душевнобольные. Медведица, у которой отняли медвежат, — в этом случае две медведицы — о боже! Сам Шекспир не придумал бы более безумного сюжета.

Между тем медведицы перестали рычать, и я услышал хорошо знакомый звук: звон поднимаемой двери. Его сменила зловещая тишина. Кусты куманики заслоняли нам клетку.

— Сейчас появятся, старик, — весело заметил Гарри.

— Гарри... — сделал я последнюю попытку.

— Ага! — удовлетворенно воскликнул Гарри. — Вот и они.

До этой минуты я как-то не представлял себе, что две целеустремленные дюжие медведицы способны прорваться сквозь густые заросли двенадцатилетней куманики, словно через папиросную бумагу. Кстати, на слух казалось, что речь идет именно о бумаге. А затем Гарри, я и четыре медвежонка оказались лицом к лицу с разъяренными мамашами, от которых нас отделяло чуть больше пяти метров. Малыши при виде родительниц стали отчаянно вырываться, издавая приветственный писк. Медведицы приостановились, чтобы разобраться в обстановке, возмущенно фыркнули не хуже «Ракеты» Стефенсона и с хриплым рычанием пошли на нас. Они не бежали — развив поразительную скорость, они прыгали, будто два огромных волосатых мяча, и от этого мне стало еще страшнее. С каждой секундой все ближе и все громаднее... И когда разделяющее нас расстояние сократилось до трех с половиной метров, я решил, что все кончено.

— Ну, а теперь отпускай, — сказал Гарри и выпустил своих медвежат.

В жизни не отпускал я зверей с такой поспешностью и с таким облег-

Д

чением. Сгорая я чуть не швырнул медвежат навстречу мамаше. После чего ринулся к лестнице и взлетел по ней с ловкостью и быстротой мартышки. Наверху я остановился и поглядел вниз. Все вышло, как предсказывал Гарри. Заполучив медвежат, медведицы остановились и принялись утешать и облизывать их, не обращая на нас никакого внимания. Мы подтянули лестницы, и я вытер вспотевшее лицо.

— Гарри, — твердо сказал я, когда мы возвращались к сараю зебр, — я не повторил бы этот номер даже за тысячу шиллингов!

— Пока что ты его проделал за два фунта десять, — усмехнулся Гарри.

— Как это понимать, за два фунта десять?

— Столько заплатил фотограф, — объяснил Гарри. — Пятерку на двоих. Половина твоя, старик.

Эти деньги позволили мне сводить в кино свою подружку, но я по-прежнему считаю, что не был вполне вознагражден.

Такое кроткое животное,
И какое рассудительное.

*Шекспир.
Сон в летнюю ночь*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЖИВОПИСНЫЙ ЖИРАФ

Сразу после того, как супруги Бейли, к моему великому сожалению, уехали и я познал нелюдиму, отдающую исправительным домом атмосферу «лачуги», меня перевели в другую секцию. Называлась она секцией жирафов, и заведовал ею некий Берт Роджерс, уравновешенный, добрый человек с румяным, обветренным лицом и глазами цвета полевого цикория. Несмотря на несколько робкий и застенчивый нрав, он с великим терпением и юмором отвечал на все мои вопросы и страшно гордился порученными ему животными.

Центр секции находился не в самом удачном месте, а именно в Колокольчиковом лесу. Совершенно прелестный весной, этот лес оставлял желать лучшего в начале зимы. Окруженный со всех сторон лугами, он продувался насквозь резким, пронизывающим ветром. В ту пору, когда я пришел в эту секцию, название «Колокольчиковый лес» звучало явным эвфемизмом. Вы, конечно, представляете себе зеленые дубы, вздымающиеся над

голубой дымкой из миллионов цветков... На самом деле стволы поблескивали от дождя и по ним расползлись пятна ярко-зеленой плесени. В этом угрюмом, плакучем лесу жались в кучки недовольные кенгуру и сновали смиренные мунтжаки, совсем миниатюрные на фоне могучих деревьев.

В прямом и переносном смысле среди всех обитателей секции выделялся жираф Питер. Он занимал самую просторную, красивую и разумно спланированную постройку в Уипснейде. Здание было деревянное, в виде полумесяца, с великолепным паркетным полом. Естественно, к нему примыкал обширный загон, однако капризы английского климата во все времена года, особенно же в первые зимние месяцы, вынуждали Питера большую часть времени мерить шагами свою обитель, напоминающую балльный зал.

В первое же утро Берт, поведав о наших многочисленных обязанностях, объявил:

— А теперь, дружище, прежде всего нам надо произвести уборку у Питера.

— А что, — осторожно спросил я, — вы, э-э... прямо так к нему и входите?

— Конечно, — слегка удивился Берт.

— Он что же... гм, ручной? — Памятуя недавнее приключение с медведями, я стремился к полной ясности.

— Кто? Старина Питер? Да он мухи не обидит.

С этими словами Берт вручил мне метлу, открыл дверь и ввел меня в огромное гулкое помещение, служившее домом Питеру.

Супруга Питера умерла задолго до моего прихода в зоопарк. Без нее жираф стал раздражительным, потерял аппетит. Видя, что он томится одиночеством, ему привели нового товарища — козленка сомнительного происхождения и причудливой окраски. К тому времени, когда я пришел в эту секцию, козленок (его, конечно, называли Билли) вырос в здорового козла, отнюдь не красивого, зато достаточно властного и по-своему обаятельного.

Когда мы в то утро вошли в дом жирафа, Питер стоял в дальнем углу и с отсутствующим видом ритмично пожевывал свисающий изо рта клоч сена. Ни дать ни взять столичный денди, раздумывающий о том, какой галстук надеть сегодня. Билли, выступая в привычной для него роли заведующего отделом информации и личного секретаря, издал приветственное блеяние и поспешил мне навстречу, чтобы проверить — вдруг я или что-нибудь из моего облачения годится в пищу.

— Ты, главное, води себя тихо и спокойно, — объяснил Берт. — Знай подметай себе потихоньку. Не делай резких движений, он их не любит,

Д

резкие движения его пугают, и он может брыкнуть. Да он сам потом подойдет и поздоровается с тобой.

Глядя на пятнистого верзилу в другом конце помещения, я отнюдь не испытывал острого желания познакомиться с ним поближе.

— Ну ладно, я пошел кормить буйволов, — сказал Берт.

— Как? Вы не останетесь? — испугался я.

— Зачем? Тут двоим делать нечего. Да ты в два счета управисься.

Управлюсь, подумал я. Если меня раньше не забрыкают насмерть.

И я остался один в обители жирафа. Питер по-прежнему задумчиво стоял в углу. Билли усиленно старался выдернуть из моего башмака шнурок, чтобы съесть его.

Берт не ограничил меня никаким сроком, а подмести паркет — пара пустяков, поэтому я решил сперва потратить несколько минут на то, чтобы наладить отношения с Билли и дать Питеру привыкнуть к появлению в его доме незнакомого лица. В кармане у меня нашлось несколько кусков сахара, они помогли заложить прочную основу для моей дружбы с козлом. Он набросился на сахар с таким восторгом, будто в жизни ни разу не ел досыта, хотя его покрытое своеобразной рыжевато-желтой шерстью тело, величиной с круп шетландского пони, отнюдь не производило впечатление истощенного. И вот пока я потчевал Билли сахаром, Питер решил тронуться с места. Проглотил остаток сена и пошел мерить шагами разделявшее нас пространство. Зрелище было жутковатое и даже сверхъестественное, как будто дерево вдруг выдернуло корни из земли и поплыло через поле. Да-да, Питер плыл. Поразительный механизм управлял этими огромными конечностями: самое высокое млекопитающее на свете, направляясь ко мне, двигалось легко и грациозно, как лань, и бесшумно, как облачко. Ни капли неуклюжести, сама плавность, и красота движений Питера заставляла забыть про его непропорциональные конечности и огромный рост. Казалось бы, жираф создан быть неповоротливым, однако угловатости не было и в помине.

Питер остановился метрах в четырех от меня (при этом голова его очутилась прямо надо мной), медленно опустил голову и заглянул мне в лицо. Надо было видеть эти длинные толстые ресницы, эти прекрасные, огромные, влажные темные глаза, которые изучали меня с кротким вниманием. Жираф чрезвычайно учтиво и осторожно обнюхал меня, заключил, очевидно, что я не опасен, повернул кругом и удалился. Его хвост напоминал плавно покачивающийся длинный маятник из шелковистых волос цвета слоновой кости; замысловатый набор пятен медового и кремового цвета составлял красивейшую неповторимую мозаику. С этой минуты я на всю жизнь был очарован Питером и всеми жирафами вообще.

Работая в этой секции, я с восхищением наблюдал взаимоотношения Питера и Билли. Удивительная привязанность Питера к далеко не привлекательному на вид козлу бросалась в глаза: не менее очевидно было, что козел относится к Питеру совершенно спокойно. У Билли было одно — извините за бесхитростный каламбур — всепоглощающее хобби: он непрестанно искал что-нибудь хоть в какой-то мере съедобное. Питер поглядит сверху на одетую в соломенного цвета шерсть коренастую фигурку друга своими ясными глазами, обнюхает ее с великой нежностью и осторожно-осторожно перешагнет через Билли. Если же козлу надо было куда-то пройти, а на пути оказывался Питер, он поступал куда решительнее. Наклонит голову и бодает огромную пятнистую ногу, пока Питер не посторонится с виноватым видом. У Билли были веселые желтые глаза, короткая щегольская борода и нескладное, почти квадратное тело. Трудно представить себе более резкий контраст: Питер — аристократ, как говорится, до кончиков ногтей, благовоспитанный денди. Билли — просто-напросто обыкновенный прожорливый козел. Но никогда не падающий духом козел с чувством юмора и с козлиной бесцеремонностью, которая не признает никаких препятствий. Не было никакого сомнения в том, кто хозяин в доме Питера. Уверен: окажись Билли в одном помещении с носорогом, он в двадцать четыре часа подчинил бы того своей воле.

Узнав меня поближе, Билли иногда на несколько минут отрывался от главного дела своей жизни, то есть от попыток съесть что-нибудь несъедобное, и снисходил до игры со мной. Его представление об игре было своеобразным и требовало немалого напряжения от партнера. Попросту говоря, он наклонял голову и бросался на меня. Мое участие выражалось в том, что я должен был принимать всю силу удара на ладони, делая при этом шаг в сторону. Маневр этот требовал немалой прыти и навыка, и, когда я почему-либо бывал не в форме, мне грозили неприятности: лежишь, судорожно глотая воздух, на спине, а Билли стоит и трясет бородой над твоим лицом, и желтые глаза его полны злорадного смеха. И если замешкаешься в простертом положении — рискуешь остаться без половины галстука, потому что всякого рода физические упражнения развивали у Билли чудовищный аппетит.

Смотреть, как Питер ест, было необычайно интересно. Длиннейший ярко-голубой язык с невероятной бережностью обвивал клок сена. Казалось, язык живет сам по себе, потому что он безошибочно выбирал и отбраковывал корм, меж тем как сам Питер стоял будто в трансе. Еще одно увлекательное зрелище — как он подбирал корм с пола. Питер применял два способа. Первый заключался в том, что он сгибал в коленях передние ноги, пока не дотягивался до корма головой. Но чаще Питер прибегал к

Д

другому, более сложному и опасному способу, а именно: все шире и шире, сантиметр за сантиметром, раздвигал в стороны свои огромные передние ноги, потом наклонял длинную шею и подбирал лакомство языком. Жираф соблюдал при этом крайнюю осторожность, ведь поскользшись он — так и рухнул бы с раскоряченными ногами, а это грозило переломом обеих лопаток, ног да, пожалуй, и позвоночника.

Даже после того, как я убедился, что Питер меня признал, убирать в его доме все равно было страшно. Энергично работая метлой, я не слышал, как мягкие копыта тихо шоркают по паркету. Жираф ухитрялся подойти совсем бесшумно, и только тогда поймешь, что он рядом, когда услышишь у себя за плечами глубокий задумчивый вздох. Оглянешься — над тобой на четыре метра возвышается пятнистая махина; сюрприз, который отнюдь не успокаивающе действовал на мои нервы. Большие влажные глаза исполнены любопытства, нижняя челюсть ритмично двигается, обрабатывая жвачку, раздувшиеся ноздри обдают тебя жарким дыханием с запахом сена. Но вот могучая шея относит голову метров на пять в сторону, и жираф, сутулясь, удаляется, чтобы порыться в кормушке своим голубым языком. За все время, что я работал в доме Питера, он ни разу не проявлял злобы, но я-то знал, что меткий удар его огромного копыта способен при пужде убить льва, а потому обращался с ним осторожно. Главное — не испугать его. Конечно, это правило относится к любому животному, находящемуся у вас на попечении, но жирафы особенно нервны, они способны от испуга сорваться в панический, неудержимый галоп, грозящий им переломом ноги, а то и разрывом сердца от изнеможения. Правда, это крайний случай, обычно же испуганный жираф автоматически брыкает задними ногами или ударяет противника головой — буквально косит его, как траву.

В зоопарке, разумеется, жираф выделяется среди других животных благодаря своему огромному росту и великолепной окраске, напоминающей яркий гобелен, но в естественном состоянии его пестрая окраска служит превосходной маскировкой. Гордон Камминг сообщает:

«...что касается жирафа, который водится в старых лесах с множеством обветренных стволов и поваленных деревьев, то много раз только подозрительная труба позволяла мне с уверенностью различить стадо этих животных; даже опытный глаз местных проводников ошибался — то примут гнилой ствол за камелеопарда, то настоящего камелеопарда спутают с почтенным ветераном лесов».

Примечательная молчаливость Питера оттенялась привычкой Билли, вечно занятого поисками пищи, негромко блять себе под нос. А еще, как мне кажется, молчаливость Питера была так заметна потому, что он не только помалкивал, но и вообще не шумел. Его широкие подковы мягко

гладили паркет; взмахнет хвостом, рассекая воздух со свистом, — от неожиданности даже вздрогнешь. Но чаще всего он стоял недвижимо и глядел сквозь тебя, погруженный в какие-то свои увлекательные воспоминания. Вот осторожно, даже как-то рассеянно изо рта высунулся голубой язык, изящно обвился вокруг клока сена, возвратился с ним в рот, и Питер принимается машинально жевать все с тем же отсутствующим выражением в глазах. Высокий, стройный, длинная чуткая морда, мягкий взгляд, широкая, плавная поступь... Если бы меня попросили охарактеризовать его одним словом, я сказал бы — интеллигент.

Вульгарным, да и то с большой натяжкой, Питера можно было назвать, лишь когда он жевал жвачку. Стоит, задумчиво наблюдая, как я подметаю пол в его доме, и ритмично работает нижней челюстью. Но вот прожевал, челюсть останавливается, Питер делает глоток, и глаза его стекленеют. Поглядеть на него — можно подумать, что он весь ушел в мир прекрасной поэзии. Стоит, будто чего-то ждет. И вот наконец дождался — совсем не того, что вы воображали, глядя на его вдохновенную морду. До смешного: в желудке у поэта раздавалось странное урчание, потом хлопок, в основании длинной шеи вздувался ком и поднимался вверх с величавостью грузового лифта. Ком жвачки размером с кокосовый орех заканчивал свой путь во рту жирафа. Задумчивость гения сменялась выражением самого ординарного удовлетворения, и нижняя челюсть Питера возобновляла свое монотонное движение.

Я так и не мог установить, управляет ли Питер подачей жвачки из желудка в рот. Представьте себе смущение дикого жирафа, если, скажем, его объяснение в любви внезапно прерывается великолепной громкой отрыжкой!

Именно работая с Билли и Питером, когда представилась возможность их сравнивать, я обратил внимание на своеобразие походки жирафа. В первый же день, глядя, как Билли в поисках съестного трусит по паркету, сопровождаемый Питером, я уловил какую-то странную несогласованность их движений. Присмотрелся и понял, в чем дело. Билли шел, как ходят все млекопитающие, одновременно переноса вперед правую переднюю и заднюю левую ногу, а Питер одновременно переносил обе правые ноги. Получался своеобразный, очень широкий и развалистый маховый шаг. Непонятно, зачем жираф так причудливо раскачивается на бегу. Когда обе правые ноги одновременно оторваны от земли, весь вес приходится на левые ноги, поэтому шея и голова для противовеса наклоняются вправо. И наоборот: левые ноги отрываются от земли — шея и голова наклоняются влево. Так и бегут жирафы враскачку по степи, размахивая шеей, словно огромным пятнистым маятником.

Д

Боюсь, тот факт, что Питер проживал совместно с Билли, сбивал с толку благородную английскую публику. После первого взгляда на них посетители спешили сделать неверный вывод.

— О-о, посмотри! Детеныш... детеныш жирафа! О-о, правда, он очарователен! — кричали зрители, на что Билли чаще всего отзывался проникновенным блеянием, подчеркивая, что не имеет ничего общего с жирафами.

Однако зрители стояли на своем.

— Интересно, почему у него нет пятен, как у матери? — вопрошали они друг друга.

— Может, потом появятся, со временем.

— Интересно, почему у него шея такая короткая?

— Да ведь он совсем малыш, не видишь, что ли. Отрастет еще.

Питер осуждающе глядел на них издалека, отнюдь не помышляя, вопреки их ожиданиям, проявлять материнский инстинкт. А Билли был слишком занят вымогательством, чтобы прислушиваться, за кого люди его принимают.

Билли был великий попрошайка. На моих глазах, расправившись с тремя увесистыми репами, он через пять минут спешил к ограде встречать посетителя, причем шатался и закатывал глаза так убедительно, словно постоянно жил впроголодь.

— У него жутко голодный вид, — произносит жертва его обмана, весьма выразительно глядя на вас.

— Да, он вечно голодный, — отвечаете вы, весело смеясь. — Он все готов сожрать. На-ка, Билли, угощайся. — И вы протягиваете козлу еловую шишку. В другое время он вцепился бы в нее зубами, как в самое любимое лакомство. В другое время... Теперь же, бросив на шишку беглый взгляд, он отворачивается.

— И это все, чем вы его кормите? — осведомляется посетитель.

— Боже мой, конечно, нет, — возражаете вы. — У него великолепный рацион, такой же, как у жирафа.

В эту минуту Билли, порывшись в своем корыте, возвращается с тряпкой во рту, которую он ритмично жует с видом последнего мученика. И вы убеждаетесь, что состязаться с козлом бесполезно.

Если Питер был благородным аристократом, то о его ближайших соседях по секции, африканских буйволах, я бы этого не сказал. На вид они являли собой прямую противоположность Питеру. Черные, как нечистая сила, они производили довольно-таки жуткое впечатление, когда угрюмой, темной чередой пересекали зелень своего загона. Вереницу из пяти коров возглавлял могучий старый бык, великолепный и грозный зверь. Толстен-

ные бугристые рога свисали над маленькими воспаленными глазками, и рваные уши с зловещим вниманием обращались в вашу сторону, когда вы проходили мимо загона. Из-за привычки кататься по земле в неубранном сарае его бока покрывала корка засохшего навоза, и сетка трещин придавала этой корке сходство с какой-то бурой мозаикой. Стадо распространяло вокруг себя характерный густой, сладковатый запах домашнего скота — настолько сильный, что он ощущался издали даже на открытом воздухе.

За что я мог бы похвалить буйволов, так это за их поведение в стаде, ибо они соблюдали почти военную дисциплину. Другие стада в нашем парке вели себя как беспорядочный сброд, животные толкались и сбивались в некое подобие клина, в котором каждый стремился занять наиболее удобную позицию. Буйволы вели себя совсем иначе; когда они шли через загон на водопой, это был образец упорядоченного движения. Идут к воде колонной по одному, впереди — старый бык, за ним — остальные по старшинству. Ни суеты, ни грубой толкотни, ничего похожего на манеры бизонов, которые можно было выразить формулой «уйди-с-дороги-не-то-как-бодну». Подойдя к пруду, разворачиваются шеренгой и пьют, пьют со вкусом, не спеша, потом входят по колено в воду и размышляют, напоминая причудливое резное изделие из черного янтаря.

У старого быка, как я вскоре убедился, душа была такая же черная, как и шкура; на него периодически накатывало, и тогда он стремился во что бы то ни стало кого-нибудь убить, все равно кого. Обычно он вел себя довольно смирно: чешешь ему голову и уши — стоит себе с прищуренными глазами. Широкая морда, обтянутая лакированной кожей, всегда влажно поблескивала, и у него была скверная привычка брызгать пеной изо рта и поздрей. Зазеваешься, почесывая ему голову, — вдруг раздается глубокий, удовлетворенный вздох, и твоя куртка спереди становится белой от лопающихся пузырьков слюны. Но временами, как я уже говорил, в него вселялся дьявол, и тогда лучше было держаться подальше от ограды, потому что буйвол был быстр и опасен.

Вдоль ограды буйволового загона тянулась одна из главных дорожек; по ней я каждый вечер катил на велосипеде домой. Когда бык пребывал в благодушном настроении, я мог спокойно покрывать эту сотню метров, и он даже ухом не поводил. Если же бык был не в духе, он отделялся от стада и с грохотом мчался тяжелым галопом вдоль ограды, мотая огромными рогами и издавая низкий рев, который нисколько не ласкал мой слух. Издали этот тяжеловесный галоп не казался таким уж быстрым, но, какую бы скорость я ни развивал на велосипеде, буйвол шутя поспевал за мной: рога колотят по ограде, из открытой пасти вырывается грозный рев, толстые ноги-обрубки с силой ударяют по земле, и копыта растопыриваются, ос-

Д

тавляя черные шрамы на яркой зелени травы. Старый бык числился безымянным, и я окрестил его Чингизом, не сомневаясь, что при желании он мог бы причинить столько же опустошений, сколько любая татарская орда.

В те дни, когда мизантропия овладевала им с особенной силой, он исполнял крайне своеобразный ритуал. Наклонит свою массивную башку и с немалым напряжением закидывает ногу в изгиб рога, после чего принимается кивать с риском опрокинуться. Или исполняет странный вальс, кружится и кружится на трех ногах, делая вид, будто копыто застряло и его никак не выдернуть. Обычно такие представления длились около получаса. Я так и не понял их смысла; во всяком случае, ни одна из коров не пыталась ему подражать. Больше того, похоже было, что их смущает такое ребячество вожака и они норовят на это время уйти от него подальше. Остается предположить, что бык устраивал это представление по той же причине, какая побуждает льва ходить взад-вперед по клетке или белого медведя и слона покачиваться из стороны в сторону: просто чтобы дать себе разрядку и чем-то заполнить время в ожидании очередной трапезы. Казалось, Чингиз каждый раз с глубоким интересом ждал, чем все кончится. Удастся ему выдернуть копыто из рога или нет? «Конец этого захватывающего фильма смотрите через неделю».

В гареме старого вожака была корова с одним рогом; вскоре после того, как я перешел в эту секцию, она родила теленка, который очень походил на обычных телят, если не считать несоразмерно больших ушей. Шкура — симпатичного шоколадно-коричневого цвета, большие круглые коленные суставы и дивный непослушный хвост. Однако на второй день, хотя теленок уже трусил по загону за матерью, нам показалось, что он все-таки слабоват. Мы с Бертом внимательно наблюдали за ним.

— Как ты думаешь, Берт, что с ним такое? — спросил я.

— Кто его знает, — ответил Берт. — Но что-то неладно, это точно.

Внезапно, к нашему великому удивлению, мы увидели, что теленок пытается щипать траву. Да, тут и впрямь что-то очень неладно: двухдневный теленок не щиплет траву, если получает необходимое питание. Подманив корову овсом и сеном к ограде, мы установили, что ее соски совсем пустые. Не найдя молока, отчаявшийся теленок в поисках пищи решил подражать матери...

— Что будем делать? — спросил я Берта.

— Что ж, выход только один, — ответил он. — Забрать теленка и выкармливать из бутылочки.

Уводить теленка из-под носа у любящей буйволицы — не совсем обычное и не совсем приятное дело. С великим трудом удалось нам отделить мать и дитя от стада и заточить в сарае. Разумеется, в это самое время явился

Билли, до которого дошел слух, что происходит нечто необычное. Он весело сообщил, что пришел посмотреть, как меня пронзят рогами. А не меня, так кого-нибудь еще.

Теперь предстояло самое интересное: надо было войти в сарай и отнять у буйволицы теленка.

— Так вот, — инструктировал меня Берт, — я захожу и загоняю ее в угол. Ты хватаешь теленка и тащишь его наружу, понял?

— Понял, — ответил я.

В памяти промелькнуло все, что я когда-либо читал о свирепости африканского буйвола. Берт вооружился длинной и весьма хрупкой на вид палкой и вошел в сарай; я, изо всех сил стараясь выглядеть беззаботно, с дрожжащими коленями последовал за ним. Корова стояла в дальнем конце сарая, теленок жался к ее морде. Она выглядела раз в пять больше, чем на воле. Когда мы приблизились, буйволица насторожила уши и фыркнула удивленно и слегка раздраженно.

— Так вот, — снова заговорил Берт. — Я отвлекаю ее палкой, а ты подбегаешь и хватаешь теленка. Идет?

Подтвердив, что теоретически его идея выглядит вполне здраво, я вытер о куртку вспотевшие ладони. Тем временем Берт шагнул вперед, приговаривая повелительным тоном: «Ну, пошла, девочка, пошла». Его маневр настолько ошарашил буйволицу, что Берту, к моему великому удивлению, и впрямь удалось загнать ее в противоположный угол.

— Давай! — внезапно крикнул он.

Воззвав о помощи к небесам, я ринулся вперед, обхватил руками теленка, попытался оторвать его от земли и с ужасом обнаружил, что он слишком тяжелый. Теленок приветливо обнюхал меня и грузно наступил мне на ногу. Убедившись, что его не поднять, я изменил тактику: крепко ухватил теленка за передние ноги и потащил за собой. Тут до него вдруг дошло, что я намереваюсь разлучить его с родительницей. Такая перспектива ему нисколько не улыбалась, он уперся в пол своими обрубками и, сколько я ни тянул, не двигался с места.

— Берт! — в отчаянии крикнул я. — Я не могу его сдвинуть.

Берт оглянулся, и в ту же минуту буйволица решила, что ее достаточно долго терроризировали. Следующие несколько секунд мы с Бертом были заняты тем, что старались держаться с той стороны, где у коровы не было рога. В конце концов нам удалось без серьезных потерь отступить за дверь, после чего я с некоторым трудом уговорил Билли, чтобы он помог тащить теленка. Снова Берт вошел с палкой в сарай, и ему опять удалось отогнать буйволицу. Тотчас мы с Билли ворвались внутрь и схватили строптивого буйволенка. Начало сложилось не совсем удачно, потому что я нечаянно наступил на ногу Билли, и тут же теленок ловко подтолкнул меня, после чего

Д

мы с Билли шлепнулись в любимую лужу быка. Ничего не скажешь, роскошная была лужа. Наконец мы выбрались из нее, вцепились в буйволенка и вытолкнули его из сарая, потные и вымазанные навозом с ног до головы. Блеющего и отбрыкивающегося младенца завернули в мешковину, погрузили в фургон и живо отвезли в ту часть зоопарка, где содержался и выкармливался молодняк. А нам с Билли пришлось отправляться домой, чтобы принять ванну и сменить одежду, прежде чем снова являться на люди.

С наступлением зимы жизнь в «лачуге» все больше угнетала меня. Спустишься в огромную гостиную на первом этаже — волей-неволей надо участвовать в малосодержательных беседах с другими жильцами. Оставалась спальня, напоминающая тюремную камеру и до того холодная, что она вполне могла бы служить холодильником. Мое жалованье не позволяло мне проводить долгие зимние вечера в трактире, поэтому чаще всего я уже в семь часов вечера лежал в постели с книжкой или со своими тетрадами. Немудрено, что я ждал четверга (когда обедал у Билов) с таким же нетерпением, с каким буддист грезит о нирване. Теплая, светлая гостиная Билов, занимательный разговор о животных, шумные карточные игры по правилам, придуманным самим капитаном, пение у пианино, пожар во рту от капитанского кэрри — все это было великим событием для человека, заточаемого на ночь в некое подобие концентрационного лагеря. К тому же время от времени затевались восхитительные вылазки в Данстейбл или Латон, чтобы посмотреть заинтересовавший капитана новый кинофильм. В такие дни Билли загодя отыскивал меня в зоопарке и извещал:

— Старикан велел тебе сегодня прийти пораньше, поедem в кино.

Я приходил пораньше и заставлял капитана в прихожей, где он нетерпеливо ждал остальных, в три раза тучнее обычного благодаря толстому пальто и огромному шарфу.

— А, Даррелл, — рокотал капитан, лихорадочно поблескивая очками из-под узких полей надвинутой на лоб фетровой шляпы, — входите, входите. Хоть вы вовремя. И чем только заняты эти женщины? Чем занята твоя мать, Билли?

— Одевается, — следовал краткий ответ.

Капитан мерил прихожую грузными шагами, ворча и поглядывая на часы.

— Глэдис! — орал он наконец, не в силах больше сдерживаться. — Глэдис! Где ты там застряла, черт возьми? Глэдис!

Издали, со стороны спальни, доносился голос миссис Бил, примирительным тоном объясняющей причину заминки.

— Давай-ка поживей! — ревел в ответ капитан. — Ты знаешь, который час? Глэдис!.. *Глэдис!* Я говорю, знаешь, который час? Если не поспешишь, мы опоздаем к началу... Глэдис!.. Я не кричу... Просто пытаюсь

расшевелить вас, окаянных женщин... Я вовсе не ругаюсь... Просто хочу, чтобы вы поторапливались!

Наконец появлялась миссис Бил в сопровождении трех щебечущих девушек, и капитан, словно огромная овчарка, выпроваживал их на улицу и загонял в машину, ворча себе что-то под нос. Сам он втискивался за руль, Лора и миссис Бил садились рядом с ним, все остальные жались на заднем сиденье. Мотор несколько раз грозно взрыкивал, натужно скрежетало сцепление, наконец машина срывалась с места.

— Ха! — удовлетворенно произносил капитан. — Мигом там будем.

В те дни бензин еще отпускали по карточкам, и это обстоятельство чрезвычайно раздражало капитана, который воспринимал все виды карточек как проявление неукротимой ненависти правительства к нему лично и к его семье. Для экономии бензина он придумал свой способ, одинаково оригинальный и бесполезный. Там, где дорога шла под уклон, капитан выключал мотор.

— Толкайте! — рокотал он. — Все вместе — *толкайте*.

Услышав впервые эту примечательную команду, я заключил, что кончился бензин и капитан хочет, чтобы мы вышли из машины и подталкивали сзади. Ничего подобного. Капитаново «толкайте» означало, что нам надлежит раскачиваться взад-вперед на сиденьях. Он уверял, что таким способом мы сильнее разгоняем автомобиль на спуске.

— *Толкайте!* Ну же, *толкайте*, — ревел он, раскачивая свою могучую тушу. — Толкай, Глэдис!

— Я толкаю, Вильям, — выдавливала из себя порозовевшая миссис Бил, дергаясь, точно беспокойный персонаж кукольного спектакля.

— Слабо толкаешь! Эй вы, сзади, давайте толкайте как следует. Сильней! Сильней!

— Я не могу сильней, Вильям, — задыхалась миссис Бил. — И я не вижу никакой разницы.

— Разница есть, — рычал капитан. — Разница будет, черт возьми, если как следует постараться. Давайте сильней... *еще сильней!*

Но вот кончился уклон, машина начинает взбираться на подъем.

— Дружно... все вместе... сильней... сильней! — лихорадочно вопил капитан, и мы толкались, словно регбисты в свалке, наполняя машину пытью и хрипами.

Наконец машина останавливалась, капитан включал тормоз.

— Ну вот, — недовольно ворчал он, высовывая из окошка ладонь величиной с лопату. — Смотрите, только до этого куста дотянули. А в прошлый раз хватило разгона вон до того боярышника. Говорил вам, толкайте как следует.

— Но мы просто не можем сильнее толкать, Вильям.

Д

— Ритм — вот чего вам недостает, — объяснил капитан.

— Какой может быть ритм, когда толкаешь, дорогой.

— А я говорю, может, — рокотал капитан. — В Африке последний портовый грузчик это знает. Ритм и согласованность... Толкать надо с умом. Ну-ка попробуем еще раз.

— Хоть бы скорее отменили эти карточки, — шепотом жаловалась мне миссис Бил.

— Как будто я в этом виноват! — язвительно кричал капитан. — Не моя вина, что это окаянное правительство отпускает нам бензин чайными ложками. Я только стараюсь растянуть его.

— Конечно, милый. Не надо браниться. Я не говорила, что ты в этом виноват.

— Я не виноват, черт возьми. Стараюсь сделать как лучше, а вы не хотите помочь толком.

— Хорошо, хорошо, милый. Мы попробуем еще раз.

Машина взбиралась на гребень следующего холма, и начинался новый спуск. Капитан опять выключал мотор.

— Ну, — кричал он, — слушайте мою команду. И не жалейте сил. Все вместе... раз, два, три — толкнули... раз, два, три — *толкнули*... Ты не толкаешь, Глэдис! Ты толкаешь *не в ногу*! О каком результате можно говорить, черт возьми, когда вы толкаете не в ногу? Раз, два, три — *толкнули*. Глэдис, внимательнее!

Вот так, дергаясь и пытая, мы ползли к цели. И даже самый захватывающий фильм не мог соперничать с поездкой в кино и обратно.

А этот труженик верблюд,
что вам сказать о нем:

Сиротка, страус, сущий черт —
все существа в одном.

Киплинг. Верблюды

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВЫСОКОМЕРИЕ ВЕРБЛЮДА

Зима нагрянула внезапно, словно вдруг открыли гробницу и дохнуло могильным холодом. Чуть ли не за одну ночь ветер сорвал с деревьев последние разноцветные полотнища осенней листвы и насыпал большие гнию-

щие кучи, которые от хорошего пинка разваливались, словно кекс. Затем пошли утренние заморозки — высокая трава белела и становилась хрупкой, дыхание повисало в воздухе светлой паутиной, а кончики пальцев щипало так, будто их прищемило дверью. А там и снег повалил, большие кружевные снежинки накрывали землю молочно-белой пеленой; снег лежал по колено, собирался в двухметровые сугробы и глушил все звуки, только сам хрустел и поскрипывал под ногами. Ветер без помех больно хлестал вас по лицу, выжимал слезы из глаз, замораживал тающий снег на ветвях и лепил из него гофрированные сосульки, миллионы сосуллек, похожих на оплывшие свечи.

Мой роман с жирафом кончился, меня перевели в секцию, известную под названием верблюжатника. Основу секции составляли стадо верблюдов-бактрианов, стадо яков, чета тапиров, различные антилопы и лани. Заведовал ею некий мистер Коул («Для тебя я мистер Коул, любезный», — сообщил он мне в первое же утро), внешностью удивительно похожий на вверенных ему верблюдов. У него был замечательный помощник — старина Том, сам битюг и походка битюжья от здоровенных болячек, из-за которых казалось, что башмаки его набиты картофелинами. Маленькие добродушные глаза Тома цветом напоминали ярко-голубое крыло сойки; многолетнее потребление пива и домашней настойки придало его крючковатому орлиному носу красноту и лаковый блеск костянок падуба. Старина Том никогда не был женат, однако поддерживал тесные и нежные отношения со всеми своими пятнадцатью детьми. Это был такой добрый человек, что улыбка не сходила с его лица, и в сиплом голосе его было столько нежности, что даже простое «доброе утро» звучало у него так, словно он именно вас любил больше всех на свете. Естественно, все его обожали и готовы были все для него сделать, когда он, широко улыбаясь, бродил по зоопарку — ни дать ни взять дед шекспировского Фальстафа.

Вожакom и повелителем верблюжьего стада, включавшего шесть верблюдиц, был Большой Билл, могучий зверь с туго набитыми горбами, напоминавшими французское кресло, с большими кудрявыми гольфами на ногах и с таким презрительно-высокомерным выражением на морде, что вы от души желали ему споткнуться и шлепнуться на землю. Стоит, возвышаясь над вами — живот урчит, длинные зеленовато-желтые зубы поскрипывают, — и созерцает вас с подозрением и отвращением, будто вы детоубийца или еще хуже. Мало того что этот чопорный зверь был совершенно уверен в своем превосходстве, его еще отличало изрядное коварство. Изволит заключить, что вы не оказываете ему надлежащих почестей, — тотчас поднимет на вас одну из своих могучих бугристых ног. И так как невозможно

Д

было предугадать, что Большой Билл может посчитать оскорблением его достоинства, общение с ним всегда было исполнено риска.

Как-то раз, собравшись кормить тапиров, я надумал для сокращения пути пройти через верблюжий загон. Большой Билл стоял в центре загона и жевал жвачку, и, поравнявшись с ним, я решил поздороваться.

— Привет, Билл, привет, старина! — весело крикнул я.

Увы, такая фамильярность явно пришлась не по вкусу его величеству. Челюсти Большого Билла замерли, светло-желтые глаза уставились на меня. Внезапно он шагнул вперед, рывком опустил голову с разинутой пастью, вонзил свои длинные некрасивые зубы в одежду на моей груди, поднял меня, встряхнул и уронил на землю. Хорошо, что на мне была плотная куртка и толстый свитер, не то его зубы впились бы в мою грудную клетку. Тем временем верблюд развернулся и брыкнул задней ногой. Отчаянным усилием я откатился в сторону, так что здоровенное копыто рассекло воздух в каких-нибудь сантиметрах от моей головы. Вскочив на ноги, я задал стрекача. И больше никогда не ходил для сокращения пути через загон Большого Билла.

Самая великовозрастная из жен Билла, степенная матрона по прозвищу Бабуся, родила как раз в то время, когда я работал в верблюжатнике. Очевидно, роды состоялись рано утром, потому что, придя в восемь часов, мы увидели на соломе под раздавшимся животом матери чрезвычайно растерянного и жалкого верблюжонка, мокрого и прилизанного после первого омовения, которое учинила Бабуся. Изю всего стада она отличалась самым смирным нравом, поэтому я смог осмотреть малыша, не опасаясь пинка в лицо. Он был ужасно тонкий и костлявый, и поначалу длинные податливые ноги никак не хотели его держать. Со спины на бок уныло свисали два кожистых треугольника. Этим несчастным лоскутам предстояло со временем набухнуть и вырасти в настоящие горбы.

Бабуся чрезвычайно гордилась своим отпрыском. Она то и дело обнюхивала его, убеждаясь, что он тут, с ним ничего не случилось, потом поднимала голову и смотрела в потолок стояла с неопишимо убагодворенным видом.

Через сутки малыш уже мог ходить; точнее, он мог с великим усилием самостоятельно подняться на ноги. Затем начиналось какое-то фантастическое представление. Верблюжонок далеко еще не овладел своими длинными ногами с огромными бугристыми суставами. Порой казалось даже, что эти важные придатки находятся во власти каких-то других сил, с которыми малыш храбро сражается. Сделает несколько неуверенных шагов, а колени все сильнее и сильнее подгибаются, и морда верблюжонка становится все более озабоченной. Стоит, качаясь из стороны в сторону, и обду-

мывает возникшую проблему. Но чем дольше он стоит, тем меньше ноги склонны держать его. И вот колени подкосились, тело отчаянно кренится, внезапно весь лафет из конечностей складывается, и верблюжонок тяжело валится на землю, причем ноги торчат под такими невообразимыми углами, что только удивительная гибкость спасает их от переломов.

Полный суровой решимости, верблюжонок, мучительно напрягаясь, снова поднимается на ноги и бежит, бежит изо всех сил. Но и от этого способа мало проку. Ноги выбрасываются в самых неожиданных направлениях, и его дико качает. Чем быстрее бег, тем более замысловатые номера выкидывают ноги. Верблюжонок подпрыгивает вверх, пытаясь их распутать, но узел оказывается чересчур мудреным, и малыш снова грохается на землю.

Каждое утро верблюжонок снова и снова пробовал свои силы, а мать стояла поблизости, жуя жвачку, и гордо созерцала своего отпрыска.

На третий день верблюжонок в какой-то мере укротил свои ноги. Сразу же возгордился, решил, что теперь ему море по колено, и затеял резвиться на телячий лад, порой с довольно печальным результатом. Смотреть на эти его пируэты было так же потешно, как на самые первые попытки ходить. Он носился вокруг матери, подскакивая и взбрыкивая ногами, и кожаные лоскуты на его спине развевались, будто высунутый из окна поезда носовой платок. Иногда ноги подводили его, и он тяжело шлепался на землю. Падение действовало отрезвляюще, и, взгромоздившись на ноги, верблюжонок некоторое время степенно следовал за матерью. Но беспечность брала верх, и он опять срывался с места. Взрослые верблюды видели в нем доuku, потому что он не очень-то верно рассчитывал расстояние и частенько сталкивался с ними или подставлял им ножку, внося разлад в упорядоченный строй. Нередко верблюжонку доставался пинок от разгневанной матроны, чье сидение он оскорбил толчком, запутавшись в собственных ногах после особенно замысловатого и красивого антраша.

В отдельном небольшом загоне со своим сараем временно обитали три сына Большого Билла. Им было около двух лет, а от стада их отделили на всякий случай, чтобы не вышло конфликта с Большим Биллом. Я в жизни не имел дела с более придурковатыми и невыносимыми созданиями. Хотя они почти достигли двухметрового роста, их юные горбы еще вихлялись и нескладные ноги довольно плохо слушались своих хозяев. Широкие копыта начисто вытоптали всю траву тесного загона, и эту-то пыльную площадку я должен был подметать каждое утро, сопровождаемый тремя верблюдами.

Придешь — стоят у ворот, благодушно созерцая друг друга, стоят стеной, так что ворота не открыть. Наконец, после многочисленных тычков

Д

метлой и лопатой, начинают догадываться, что тебе надо войти и что они мешают. Посторонятся и, изображая глубокий интерес, пустыми глазами глядят, как тыходишь в загон. Потом шагают следом за тобой, нежно дыша тебе в затылок и наступая на пятки, причем то и дело спотыкаются и толкают тебя, так что ты летишь кубарем. Никакие угрозы, никакое умаливание не могли заставить их постоять на месте, пока ты подметаешь. И ходят, и ходят за тобой; куда ни повернешься с метлой — перед тобой стоит ужасно довольный верблюжонок. Собравшись с силами и изрыгая проклятия, ты бросаешься на упрянца и отталкиваешь его метра на два, чтобы подметать дальше.

Но в то время как ты сражаешься с одним верблюжонком, другой успевает стать на то же место. Словом, пока подметешь загон, весь изведешься. Наконец уборка окончена, ты с облегченным вздохом покидаешь загон и закрываешь за собой ворота. Три юных верблюжонка, стоя в центре загона, провожают тебя затуманенными взорами, словно прощаются с самым дорогим другом. И тут же, по-овечьи помахивая хвостами, роняют на только что прибранный тобой участок три одинаковые кучки теплого навоза.

Насколько хорошо верблюды приспособились к суровым условиям жизни, видно из того, что о них пишет Лидеккер:

«Верблюд-бактриан кормится преимущественно солоноватыми и горькими степными растениями, которые отвергаются большинством других животных; его отличает удивительное пристрастие к соли, он свободно может пить воду соленых озер, столь обычных в области его обитания. Однако бактриан не ограничивается растительной пищей: по данным Пржевальского, верблюд в голодную пору ест все, что попало, включая одеяла, кости и шкуры животных, мясо и рыбу».

Что до Большого Билла, то он ограничивался овсом, свеклой и сеном. И обожал каменную соль, которой мы регулярно потчевали верблюдов. Откусит своими желтыми зубами здоровенный кусище и хрумкает, устремив на тебя испепеляющий взгляд, так хрумкает, что этот звук можно принять за оживленную перестрелку.

К числу моих любимцев в этой секции принадлежала чета южноамериканских тапиров, которых не очень остроумно прозвали Артур и Этель. С виду тапир напоминает помесь слона и лошади да еще с добавкой свиньи. Вообще тапир очень похож на реконструкции некоторых видов древних лошадей, если не считать маленького подвижного хобота. Тучные, благодушные, с небольшими блестящими глазками, наши тапиры бродили по своему загону, словно этакие Твидлдам и Твидлди.

Раз в день мы с Томом усаживались перед грудой картофеля, моркови, репы и свеклы, старательно рубили корнеплоды на мелкие куски и насыпа-

ли в мешок. Затем Том поднимался на свои опухшие ноги, взваливал мешок на плечо и отправлялся кормить тапиров. Они встречали его криками радости — писком, похожим на звук, который получается, когда ведешь мокрым пальцем по воздушному шарiku. Странно было слышать, как такое флегматичное животное щебечет по-птичьему. И я не мог без улыбки смотреть, как старина Том с его крючковатым орлиным носом и кривыми ногами неуклюже топает по загону, сопровождаемый по пятам тапирами; ведь если мистер Коул походил на верблюдов, которые были его гордостью и утехой, то старина Том был вылитый тапир, только краснокожий.

В лесах Южной Америки у тапиров, судя по всему, есть только три врага: человек, большие змеи и ягуар. Лидеккер сообщает:

«...местные южноамериканские охотники рьяно преследуют их ради мяса и кожи. По их словам, мясо тапира сочное и пикантное, видом и вкусом напоминает говядину. Прочную толстую кожу разрезают на полосы; обработанные и смазанные жиром, эти полосы идут на уздечки и поводья. Однако на обувь кожа тапира не годится, потому что, высохнув, делается очень твердой и неподатливой, а намокнув — совсем мягкой и губчатой. Из шерсти, копыт и некоторых других частей местные жители изготавливают лекарство; копыта иногда вешают на шею как талисман, иногда измельчают и порошок принимают внутрь... После человека главные враги тапира — большие кошки; на американские виды охотится ягуар, на малайские — тигр. Говорят, будто американский тапир, подвергшийся нападению ягуара, тотчас бросается в самые густые заросли в надежде сбросить врага, которому толстая шкура тапира не позволяет крепко уцепиться за его спину. Говорят также, что нередко маневр этот приносит успех; во всяком случае, на спине убитых тапиров можно видеть следы от когтей ягуара».

Наши тапиры никогда не проявляли вспыльчивости, однако, узнав из прочитанного, что в критических ситуациях они способны сбить вас с ног, топтать своими острыми копытами и располосовать длинными резцами, я стал обращаться с ними куда осторожнее и бросил привычку, входя в загон, весело и фамильярно хлопать их по ягодицам.

Еще у нас в этой секции было большое стадо яков, совершенно очаровательных животных.

Як — представитель подсемейства быков, среди которых он выделяется как сложением (холка очень высокая за счет горба, и вся спина кажется сильно покато́й), так и тем, что большая часть шерсти сосредоточена в нижней части тела. На ногах, боках и брюхе длинная косматая шерсть образует сплошную юбку, хвост тоже покрыт длинным жестким волосом, а на спине и холке волосистой покров сравнительно короткий. Окраска настоящего дикого яка — черная или шоколадно-коричневая, и у нас были

Я

такие особи, однако преобладали в стаде животные с белыми, желтоватыми, пепельными и черными пятнами — признак давнего одомашнивания.

Як играет в высокогорье ту же роль, что верблюд в пустыне. Он не блещет умом, зато настойчив и упорен, как профессиональный солдат; огромная сила и выносливость позволяют ему пробираться в самые глухие углы по такой местности, где не пройдет никакое другое животное.

Яки на диво невосприимчивы к холоду; в Тибете они любят валяться в полузамерзших грязных лужах на краю ледяных потоков.

В загоне яков был устроен большой пруд, и с наступлением зимы приходилось два раза в день разбивать на нем лед. Это было одно из первых и наименее приятных утренних дел, а надо, чтобы не успела образоваться слишком толстая корка. Не то выйдут на нее телята, за ними потянутся взрослые, лед может не выдержать такого груза, и потонут наши яки. Когда мы приступали к работе, яки галопом спешили приветствовать нас. Мчатся по снегу причудливыми скачками, рассекая воздух хвостом, как пастух своим бичом, а то упрутся головой в землю и взбрыкнут задними ногами от восторга. Из ноздрей большими белыми облаками пара вырывается дыхание, снег мелодично шуршит и скрипит под копытами...

Наколешь на вилы кипу сена, закинешь на плечо резким взмахом, как бросает противника опытный борец, и шагаешь по колено в снегу через поле, а вокруг тебя косматой, добродушной, сладко пахнущей лавиной — яки. Они трутся о тебя и норовят урвать клочок сена из кипы на твоей спине, да так дернут, что лежать тебе на снегу, если зазеваешься. Подойдя к пруду, развязываешь кипу, разбрасываешь сено по снегу, и могучие космачи с упоением приступают к своей трапезе.

Идешь к воде, вооружившись лопатой, и с полдюжины телят бегут за тобой, резвясь, будто этикие огромные щенки. Под ударами лопаты кромка льда распадается на кусочки прозрачной мозаики, телята спешат сунуть морду в воду и жадно пьют. Потом входят в пруд и катаются, давя боками хрустящие льдинки. Отступай не мешкая, не то как встанут на ноги да начнут все одновременно встряхиваться — окатят с ног до головы ледяной водой.

Интересно: хотя яки ростом мало уступают бизону и в принципе так же опасны, я никогда не чувствовал, чтобы они были враждебно настроены. И позволял себе вольности, каких никогда не допустил бы в обращении с другими крупными копытными в нашем зоопарке. Телята обожали играть, и, когда подваливал мягкий снег, я иной раз бросался нырком к проходящему мимо малышу и хватал его за большой пышный хвост. Теленок срывается в карьер — держись крепче — и тащит тебя по снегу, словно санки. А отпустишь хвост — теленок тотчас остановится и смотрит на

тебя с недоумением: что это ты так быстро отказался от такой чудесной игры?

После уборки в сарае и прочих работ подобного рода, когда от холода пальцы не гнутся и кисти красные и синие, подойдешь к мерно жующему яку и засунешь руки в шерсть над ребрами: тепло, как в печке.

В прошлом веке генерал Кинлох писал о тибетских яках:

«...Як совершает большие переходы. Летом коровы составляют стада от десятка до сотни голов, тогда как старые быки по большей части держатся особняком или собираются по три, по четыре. Кормятся яки ночью и рано утром; днем обычно забираются на какой-нибудь крутой голый склон и по нескольку часов лежат на одном месте. Старые быки особенно стараются выбрать для отдыха командную позицию, их следы можно встретить на самых высоких гребнях, выше границы всякой растительности. Похоже, як не отличается острым зрением, зато обоняние у него развито чрезвычайно, и с этим надо прежде всего считаться, когда к нему подкрадываешься. В тибетском высокогорье, где пересекается столько долин и температура непрестанно меняется, ветры очень непостоянны. В несколько минут ветер может обойти все компасные направления, срывая вам охоту, как бы осторожно вы ни подкрадывались».

Приход зимы со всеми сопутствующими ей лишениями отнюдь не скрасил мне жизнь в «лачуге». Вся беда в том, что я был избалован с самого начала, когда меня поселили к Бейли. Вряд ли кто-нибудь еще, впервые поступив на работу вдали от родного дома, оказывался предметом таких забот. Семья Бейли отнеслась ко мне удивительно тепло и ласково, со мной обращались как с сыном в лучшем смысле слова, ни в чем меня не связывая. Чарли предоставлял мне возможность порисоваться, слушая долгие рассказы о моей семье и короткой прошлой жизни. Он недоверчиво смеялся, потом с улыбкой смаковал в уме наиболее яркие эпизоды, а миссис Бейли тем временем переводила разговор на более серьезные темы.

— Возьмите еще порцию... Ваши ботинки начищены?.. Она *порядочная* девушка?.. Не задерживайтесь слишком поздно. Подумайте о том, что ваша мама была бы недовольна... Возьмите еще... Нет, если захочется выпить, не ходите в трактир, голубчик. Несите сюда, здесь куда уютнее. Только учтите, не больше двух кружек.

Эти милые споры по моему поводу...

— Оставь ты парня в покое, дорогая. Почему бы ему не выпить кружечку?

— Не в кружечках дело, Чарли, и ты это великолепно знаешь, но, если он поведется ходить туда, что скажет его мать?

— Скажет, что ему захотелось кружечку пива.

Д

— Пусть приносит сюда, здесь намного уютнее, и всем нам спокойнее. Только не больше двух кружек, голубчик, ведь скоро пора ложиться спать.

Теперь все это ушло в прошлое, а в «лачуге» жизнь была такая тоскливая, что невозможно описать.

Идешь сквозь туман, накрывший землю огромной лапой, и с облегчением видишь впереди смутные, пульсирующие ореолы оранжевого света. Когда лицо и руки немеют от холода, ты рад любому крову, пусть даже этот кров — «лачуга».

В прихожей всего на один градус теплее, чем на дворе, и, поглядев в тусклом свете на вешалки, я определяю, кто уже дома, а кого еще нет. Иногда я оказывался первым, на вешалках не было ни поношенного плаща и засаленной шапки Джо, ни толстого пыльного шерстяного пальто Фреда, ни загадочного одеяния Роя, которое в прошлом, вероятно, называлось непромокаемым пальто.

Не стану утверждать, что явиться первым к ужину было благом. Судите сами: либо ты приходишь первым и обречен на пустопорожний разговор с миссис Остин, либо опаздываешь и с плохо скрываемым отвращением на лице жуешь остывшую еду и пьешь тепловатый чай. Обычно я отваживался на первый вариант, хотя в нем были свои изъязны.

...Кухня, где все мы едим, встречает меня жарким дыханием. Миссис Остин готовит ужин, и по характерному запаху я определяю, что сегодня опять рыба. Смирившись с судьбой, сажусь за стол. Весьма тугая на ухо, миссис Остин, не замечая меня, продолжает нарезать хлеб и мазать бутерброды.

У этой коренастой женщины была деформирована челюсть, отчего ее лондонское просторечие звучало не совсем внятно, а то и вовсе неразборчиво. Маленькие темные глаза подслеповато щурились. Шевелюра представляла собой причудливое переплетение косичек и прядей, которые никогда не производили опрятного впечатления по той простой причине, что волосы миссис Остин были слишком короткими и жидкими, чтобы с ними можно было что-то сделать. Так и висели они космами, и я давно уже примирился с мыслью, что в любую минуту могу обнаружить волос-другой в своей тарелке.

Как ни силился я не обращать внимания на процесс приготовления пищи, в нем была некая зловещая притягательность.

На столе лежит буханка хлеба. Миссис Остин берет ее и прижимает к своему переднику, чтобы отрезать кусок. После чего, держа отрезанный кусок в одной руке, другой размазывает по нему масло. Часть масла попадает на большой палец. Миссис Остин смачно облизывает его и снова берет буханку, нежно сжимая ее влажным от слюны пальцем, чтобы отрезать сле-

дующий кусок. Пересчитав лежащие на скатерти бутерброды, направляется в кладовку за блюдом. На обратном пути вдруг замечает меня, и лицо ее искажает широкая улыбка.

— Уже пришли?

Я киваю и улыбаюсь в ответ.

— Уже пришли? — повторяет она, склонив голову набок, словно прислушивается. Второй раз я не отвечаю, в этом нет необходимости. Такая уж у нее привычка повторять свои реплики.

Миссис Остин стирает с блюда пыль висевшим за дверью разноцветным полотенцем. То есть когда-то оно было разноцветным, но им уже две недели вытирают руки и посуду, так что красота узора успела поблекнуть. Нагрузив блюдо бутербродами, миссис Остин бредет к плите и продолжает шепелявить:

— Чай скоро будет готов. Я ездила в Латон. Уезжала-ездила в Латон. Только что вернулась. Пять минут как вернулась.

— В Латон? — безучастно переспрашиваю я, глядя, как она поднимает крышку с кастрюли, над которой клубится облако пара, насыщенное запахом рыбы.

Миссис Остин принимает к булькающему содержимому кастрюли.

— Рыба, — глубокомысленно сообщает она, возвращая крышку на место. — Вы любите рыбу?

Поскольку последние два или три месяца нам на ужин подают одну только рыбу, я затрудняюсь с ответом.

Стук дверной ручки возвещает о появлении нового лица, которое поможет мне оторваться от созерцания ее кулинарных акций. Джо. Стоит в дверях, приветливо улыбаясь, его симпатичное худое лицо порозовело от мороза, мягкие волосы на скулах отливают медью в свете лампочки.

— Добрый вечер, Джозеф, — приветствую я его.

— Добрый вечер, — улыбочиво отвечает он и входит, скрипя своими огромными башмаками. Тяжело садится и обозревает стол.

— Господи! Опять рыба, — не столько спрашивает, сколько утверждает Джо.

— Она самая, — мрачно отзываюсь я, ковыряя вилкой окаменелости на своей тарелке. — Скоро у нас рыбы хвосты отрастут.

Джо отвечает сдавленным сиплым смешком. Миссис Остин с улыбкой ставит перед ним тарелку с треской.

— Рыба, — объясняет она, показывая пальцем.

— Ага, — говорит Джо, — вижу.

— Рано вернулись сегодня, — продолжает она тараторить. — Много работы?

Д

— Ага, — кричит Джо с лукавой искоркой в глазах и объясняет мне полголоса: — За весь день пальца о палец не ударил. Холодина, черт возьми.

С минуту молча жуем. Потом Джо запивает треску глотком чая и тихо рыгает.

— А где другой парень?

— Рой? Еще не пришел. И Фреда нет.

— Фред слишком занят работой, ему не до ужина, — замечает Джо и снова смеется.

Но вот появляется Рой — тихий, бледный, застенчивый юноша, органически неспособный говорить достаточно громко, чтобы миссис Остин могла его расслышать. Садится и нервно улыбается нам с Джо. Трапезы всегда были для него целой проблемой. С миссис Остин он не мог разговаривать, Джо он боялся, и Рой обращался ко мне, улавливая, что я ему сочувствую.

— А-а! — восклицает миссис Остин, внезапно обнаружив его. — Вы пришли?

Рой небрежно кивает и смотрит на стол. В третий раз миссис Остин доводит до нашего сведения, что рыба, которой мы наслаждаемся, — рыба. Ее сообщение адресовано прежде всего Рою, и он воспринимает новость с каменным лицом. Мы все сидим тихо — все, кроме миссис Остин, которая громко чавкает и обсасывает кости.

Туман лепится к окнам влажной пеленой. Монотонно тикают часы на посудном шкафу, чайник тихо посапывает на огне, но все звуки забивает мерное постукивание вставных зубов миссис Остин, перемалывающих рыбу в кашницу. Иногда она перестает жевать и шумно прихлебывает чай.

— Фред опаздывает, — замечает она. — Насос все ремонтирует.

— Ага, — отзывается Джо и комментирует: — Вот почему мы сегодня без воды сидели, черт возьми.

Рой нервно хихикает. Миссис Остин таинственно улыбается.

— Шутники? — обращается она ко мне игривым тоном.

— Куда там! — ору я.

В прихожей слышен шум, и входит, волоча ноги, хозяин «лачуги», сам Фред собственной персоной. Унылый сутуловатый мужчина с морщинистым лицом и бесцветными, близко посаженными глазами. Я в жизни не встречал другого такого самоуверенного человека: о чем бы ни заходила речь, Фред всегда был прав и не стеснялся сказать об этом.

— Э-хе-хе, — приветствует он нас и бредет к своему стулу.

— Добрый вечер, Фред, — откликается Джо с коварным блеском в глазах. — Опять сверхурочная работа?

— Нет, — отвечает Фред. — Эти болваны потеряли болты. Сказано им было, чтоб не трогали, — так ведь разве послушают? Какое там.

На кончике длинного носа Фреда всегда висит прозрачная капля. Я слежу, будто замороженный, как она с каждым его движением дрожит и качается, цепляясь из последних сил за волосатую опору. Фред рассматривает содержимое своей тарелки.

— Треска, — заключает он, гордясь собственной проницательностью.

— Рыба, — поправляет его супруга. — Ты ведь любишь рыбу, а?

— Ага, — отвечает Фред, аккуратно разрезая свою порцию.

Его движения по-змеиному медленны и осторожны. Сунул кусок в рот и принимается жевать с таким же величественным равнодушием, с каким корова жует свою жвачку. Щеки вздуваются, и два валика перекачиваются в лад челюстям. Нос тяжело дышит.

Джо откидывается назад на стуле, раскуривает трубку и посылает через стол густые клубы удушливого дыма. Рой продолжает сражаться с треской. Миссис Остин поглощена просочившимися в ее окаменелый мозг мыслями.

— Пойдешь куда-нибудь вечером? — спрашивает меня Фред.

— Нет.

Я всегда отвечал ему односложно, чтобы не сорвать лавину нудных реминисценций, которая таилась за каждым, даже самым невинным его замечанием и только ждала случая удавить всех нас скукой.

— Так-так, — произносит он с полным ртом, — значит, остаешься дома?

Логика безупречная, однако несколько примитивная. Но Фред любит во всем полную ясность.

Я киваю.

— А что случилось-то? — допытывается он. — Разлюбила?

— Да нет, просто сегодня она гуляет с другим женатиком, — острою я.

Все смеются, включая миссис Остин. Хоть она ничего не расслышала, но не желает отставать от других.

И тут происходит неизбежное. Капля на кончике носа Фреда не держивает неравного поединка с силами тяготения и падает прямо на кусок трески, который вилка несет ко рту. Фред методично жует.

— Ну, ладно, — говорит Джо, — зато я пойду пройдуся.

Встает и топает к выходу, насивистывая в гулкой прихожей. Чувствую, как взор Фреда обращается на меня, и следуя примеру Джо, чтобы избежать долгого и нудного отчета о прошедшем рабочем дне. В прихожей слышу, как миссис Остин спрашивает Роя, любит ли он рыбу.

Все, что состоит из плоти и жизненной силы, а следовательно, из тела и души, все это относится к животному миру, все это твари, будь то воздушные обитатели, как летающая птица, или водные, как плавающая рыба, или наземные, как зверь, который ходит по земле и полям, как люди и животные, дикие, и домашние, и всякие прочие, скользящие или ползающие по земле.

Варфоломей.

Бартоломеус де Проприетабус Перу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

МАЛЬЧИК НА ПОЗВЕРЮШКАХ

Два-три счастливых месяца я провел в качестве, если так можно выразиться, мальчика на позверюшках. Иными словами, в моем ведении находилась маленькая секция, включавшая пять-шесть пар эскимосских лаек и две пары песцов, но, поскольку я не был полностью загружен, меня направляли в другие секции подменять того или иного служителя на время его выходного дня. Я был очень доволен, потому что получил возможность возобновить общение со старыми знакомыми, вроде тигра Поля, и, так как я фактически каждый день менял секции, работа мне не приедалась.

Прежде я никогда не сталкивался с эскимосскими лайками, поэтому в первый день держался с ними осторожно, учитывая их внушительную массу. Однако вскоре я убедился, что, хотя лайки готовы по любому поводу драться насмерть между собой, ко всем представителям человеческого рода они относятся с несколько обременительным в своей восторженности обожанием.

В нашей стае всех крупнее была здоровенная желтоватая сука по кличке Скуош. В полной мере я оценил меткость этой клички (скуош — давить, душить), когда впервые вошел в вольер. Излучая доброжелательность, Скуош набросилась на меня, чтобы хорошенько облизать мне лицо длинным и красным, как парадный ковер, языком и тем самым выказать свою нерушимую преданность роду человеческому. Стоя на задних лапах, она достигала почти двух метров, и, когда это косматое существо с ходу поднималось на дыбы и опускало лапы вам на плечи, вы, само собой, чуть не падали спиной на ограду. И так как Скуош продолжала напирать, требовалось изрядное проворство, чтобы уберечь ребра от переломов. Правда, по-

сле первого могучего объятия Скуош становилась несколько благоразумнее, однако, пока вы подметали вольер, считала своим долгом неотступно кружить около вас, энергично махая хвостом и поскуливая в знак любви. Заденет хвостом по ногам — будто лошадь брыкнула. Но хотя для работы с ней требовалась спортивная подготовка примерно как у классного борца вольного стиля, Скуош нельзя было отказать в красоте и обаянии. Конечно, все члены стаи были по-своему милы и симпатичны, но могучая Скуош с ее развалистой походкой к тому же обладала яркой индивидуальностью.

Поручая мне лаек, Фил предупредил, что у Скуош была случка и она ждет щенят. Поэтому я особенно тщательно следил за ней, скармливал ей лучшие куски мяса и возобновил негласный сбор яиц на участках местных фермеров, которым занимался, когда работал в львятнике. Ежедневное обследование Скуош, необходимое, чтобы не прозевать приближение родов, было сопряжено с великими трудностями. Во-первых, стоило к ней прикоснуться, как она приходила в неуправляемый восторг, во-вторых, при такой густой шубе попробуй определить размеры живота или нащупать соски и убедиться, набухли они или нет. Лишь после долгой борцовской схватки удавалось зарыться пальцами в ее шерсть достаточно глубоко, чтобы проверить названные признаки. Так или иначе, соски постепенно набухали, и однажды утром, поприветствовав меня менее бурно, чем обычно, и наскоро облизав мое лицо, Скуош поспешно метнулась обратно к своей конуре, в которой поскуливали щенята. С ужасно довольным видом она села перед конурой; заглянув внутрь, я увидел на соломенной подстилке шестерку пухлых малышей. С громким писком они барахтались и толкали друг друга, точно пьянчужки у трактира. Четверо — пегие, с пепельными и белыми отметинами, двое — желтовато-белой масти, в мать. Чудесные, здоровые толстячки в гладких лоснящихся шубках, с подвижной тупоносой мордочкой, чем-то напоминающей выдру.

Хотя Скуош уже щенилась раньше, по ее гордому поведению можно было подумать, что это первый помет. По утрам, когда я приходил подметать вольер, она после обычного приветствия, от которого я пятился к ограде, бежала к конуре, хватала щенка и несла ко мне. Если я садился на корточки, она опускала его мне на колени и смотрела, шумно дыша открытой пастью и махая хвостом, как я ласкаю ее отпрыска. Тут же осторожно брала его зубами, относила в конуру и тащила следующего. Перетаскает всех по очереди на мои колени — лишь после этого успокоится и позволит мне приступить к работе.

Судьбы многих людей зависели от этих неугомонных и верных представителей семейства собачьих. Что ни говори, именно лайки позволили чело-

Д

веку утвердиться в таких областях земного шара, где без них ему пришлось бы туго. Некий доктор Гийемар так описывал в прошлом веке лаек, виденных им на Камчатке:

«Большинство из них белой масти, с черной головой или же сплошь бурые; острая морда и торчащие уши придают им несомненное сходство с волком. Единственный корм, получаемый ими от владельцев, — горбуша, но летом, бродя по округе, они сами ловят разную дичь и подбирают яйца. Упряжка обычно состоит из восьми-десяти собак, если же сани тяжелые или снег очень рыхлый, запрягают двойное количество и даже больше. При ровном и твердом снежном покрове они без труда пробегают за день семьдесят — восемьдесят километров с грузом в полтораста килограммов; при пустых санях с одним только погонщиком они подолгу могут развивать скорость до восьми верст (так в оригинале. — *Ред.*) в час. В пути им дважды в день дают по одной трети рыбины да по полторы рыбины на ночь, и заедают они рыбу снегом... У каждого пса есть кличка, на которую он отзывается, когда бежит в упряжке, подобно тому как отзываются запрягаемые в фургоны канские быки, ибо погонщики не пользуются кнутами. Если требуется наказать строптивого пса, погонщик бросает в него палкой или колотит несчастного первым попавшимся под руку камнем. Существуют разные способы привязывать этих животных, с тем чтобы отделить их друг от друга, потому что они, когда не тянут сани, только и ищут случая подрасться. Вот один из способов: устанавливают широкую треногу из шестов и привязывают к каждому шесту по собаке. Из-за обилия собак эти треноги являются характерной чертой многих местных селений».

Мои подопечные лайки отличались невероятной силой и были совершенно невосприимчивы к прихотям погоды. Только щенков они держали в деревянных конурах, а сами, даже в очень снежные дни, предпочитали вырыть себе нору для сна. Их невзыскательность к корму сделала бы честь любому страусу. Одна из наших лаек съела как-то носовой платок; автобусный билет или картонный стаканчик из-под мороженого (добросердечная британская публика охотно просовывала через ограду такие предметы) тотчас поглощались с великим удовольствием. А однажды, подметая вольер, я обронил бумажник, к счастью пустой, и он в два счета исчез в желудке молодого пса, который явно был осчастливлен такой щедростью и нисколько не пострадал от нее.

Без удивления читал я рассказ доктора Гийемара о выносливости лайки:

«Никто не заботится о том, чтобы снабдить ее удобным убежищем для защиты от сурового арктического климата, и бедное животное, когда не работает в упряжке, в большинстве случаев всецело предоставлено самому

себе. Но долгий опыт и унаследованный от предков инстинкт вооружили собаку качествами старого служаки. Бродя вечером по стежкам в поселке, путешественник нередко упирается в подобие огромных кроличьих нор, открытых лайками для защиты от ветра. Волосистой покров, почти такой же густой, как у медведя, напоминает скорее мех... Замечательно сильная, ловкая и выносливая, лайка в то же время становится подчас упрямой и неуправляемой и никак не реагирует на удары и пинки, которыми ее щедро наделяет хозяин. Если не считать поселки в тундре, где и в летние месяцы можно пользоваться санями, лайка летом отдыхает. В это время она бродит по окрестностям, сколько ей заблагорассудится, иногда возвращается на ночь в свою нору, а то пропадает на несколько дней. Хороший охотник и рыбак, лайка питается дичью и лососем, которых добывает сама, и крайне редко бросает своего хозяина. Правда, услуги собак недешево обходятся местным жителям. Из-за прожорливости лаек невозможно держать овец, коз и прочих мелких домашних животных; недаром Камчатка — одна из немногих областей в мире, где совсем нет домашней птицы».

Наряду с кенгуру и павлинами по территории зоопарка свободно бродили крохотные, величиной с эрделя, олени, известные под названием китайских мунтжаков. Казалось бы, в просторном загоне, где трава повыщипана стадами антилоп и оленей, даже такое небольшое животное должно бросаться в глаза; однако мунтжак, лежа в траве высотой семь-восемь сантиметров, совершенно сливался с окружением — и не увидишь, пока не подойдешь вплотную. Шерсть у этих своеобразных животных неяркого коричнево-рыжего оттенка, волос довольно жесткий. Если рассмотреть волосинку, видно, что она чуть сплюснута и делится на сочленения, будто миниатюрный побег бамбука. У китайского мунтжака рога почти незаметны, зато самец вооружен двумя длинными и грозными клыками, которые он пускает в ход, когда дерется с соперником из-за самки или же, на севере ареала, когда раскапывает снег в поисках корней и луковиц.

Однажды утром я услышал, что один мунтжак, движимый страстью к приключениям или миграционным инстинктом, каким-то образом преодолел ограду зоопарка и пробрался в вольер для кур. Фил Бейтс и я, а также Билли, который в это время случайно был свободен, отправились ловить прогульщика. Погрузили сети в маленький зеленый фургон и поехали к вольеру.

В центре равнобедренного треугольника площадью около одной десятой гектара стоял наш китайский мунтжак, окруженный любопытными и взволнованными курами; можно было подумать, что он читает им лекцию о прелестях дальних странствий. При виде нас лектор испуганно вздрогнул

Д

и явно сбился. Теперь он больше всего напоминал оробевшего кандидата в члены парламента, который заметил хулиганов в толпе избирателей.

С растущей тревогой смотрел мунтжак, как мы расставляем сети, чтобы свести до минимума площадь предстоящей охоты. У нас было задумано, что двое погонят его на сеть, а когда он запутается, третий воспользуется случаем схватить беглеца. В нашем плане оказался лишь один изъян: мунтжак не хотел запутываться в сети. Преследуемый нами, он бегал по кругу, но около сети всякий раз ловко менял курс. Мы устроили короткое совещание и решили прибегнуть к тактике регбистов. До сих пор, увлеченные происходящим, пернатые зрители вели себя организованно, но тут не выдержали. Как только первый из нас гулко шлепнулся на траву метрах в четырех от хвоста мунтжака, куры бросились врассыпную. Воздух наполнился тучами перьев, испуганным кудахтаньем кур и криками боли, которые издавали ушибленные охотники.

Обуреваемый паникой, китайский мунтжак стал бросаться на высокую проволочную ограду, рассчитывая пробиться сквозь нее. После одного особенно лихого прыжка он зацепился рожками за проволоку и повис на ней, брыкаясь и дергаясь. Мы дружно ринулись к нему, но в последнюю секунду он каким-то невообразимым мышечным усилием отцепился, упал на траву, мгновенно развернулся и пробился сквозь наши ряды. Когда он поравнялся со мной, я взял на прицел его заднюю ногу и коршуном бросился на нее. Дальше последовало нечто малопонятное, но весьма болезненное. Я поймал железной хваткой ногу мунтжака, и мы вместе кубарем покатались по земле, притом по единственному во всем вольере участку, заросшему крапивой и колючками. Олень брыкнул свободной ногой, и острые, как нож, копытца аккуратно располосовали мне руку до локтя. Мы продолжали кувыркаться, но я ухитрился не разжимать пальцев, хотя мунтжак повернул голову и обрабатывал мою руку клыками.

Однако это было последнее усилие; внезапно он прекратил сопротивление и принялся издавать чудовищные, пронзительнейшие вопли. Можно было подумать, что я прижигаю его раскаленным железом. Во всяком случае, я был потрясен этими воплями и ослабил хватку, не желая причинять ему боль, но, когда мы стали осторожно заталкивать беглеца в мешок, Фил объяснил мне, что китайский мунтжак всегда так кричит, покоряясь своей судьбе.

Пока мы собирали сети, мунтжак и в мешке продолжал издавать душераздирающие крики. Мы кинули сети в фургон, уложили на них пленника и покатали обратно в зоопарк. Я уповал на то, что непривычный способ передвижения заставит крикуна примолкнуть. Не тут-то было. На всем пу-

ти по территории зоопарка из фургона непрерывно вырывались дикие вопли. Посетители бледнели и провожали фургон испуганными взглядами, не сомневаясь, что водитель потерял рассудок. Один статный, по-военному подтянутый мужчина остановился и посмотрел на нас с такой яростью, будто его обуревало желание броситься за нами вдогонку и потребовать, чтобы мы предъявили лицензию на право заниматься вивисекцией. Олень орал благим матом вплоть до той минуты, когда мы подъехали к его загону. Поросячий визг показался бы музыкой перед звуками, которые издавало это сравнительно небольшое животное. Наконец мы вытряхнули мунтжака из мешка, и тотчас он смолк. Сделал два прыжка, прильнул к траве и пропал из виду.

Однажды я заметил у одной из моих лис нечто вроде нарыва в основании хвоста. Доложил об этом Филу, и он передал мне от капитана какую-то мазь, чтобы я ежедневно мазал ею болячку. Процедура была нудная, и нервный пациент нисколько ее не одобрял, ведь его каждый раз надо было ловить. Для этого я использовал сачок из куска грубой рыболовной сети, укрепленного на металлическом обруче, кое-как обшитом мешковиной. Собственно, поймать лису, учитывая ее повадки, было не сложно. Выгонишь из будки и закроешь дверцу — лиса начинает равномерно трусить по краю вольера. Остается быстро опустить сачок прямо перед ней, чтобы не успела свернуть, и лиса сама в него забежит. Правда, при этом надо было соблюдать осторожность, ведь, несмотря на мешковину, металлический обруч мог натворить бед.

На четвертый день, войдя с сачком в вольер, я увидел, что болячка начинает заживать. Лиса, как обычно, кружила вдоль ограды, и я приготовился ее ловить. В это время незаметно подъехал на велосипеде Билли. Только я выбросил вперед сачок, вдруг из-за ограды донесся пронзительный крик:

— Йо-хо-о!

Вздвогнув от неожиданности, я дернул сачок, он подскочил сантиметров на пять, и обруч ударил лису по ногам. Раздался хруст, словно наступили на гнилой сучок: правая передняя нога лисы сломалась как раз посередине между локтем и лапой.

— Идиот чертов! — крикнул я. — Смотри, что из-за тебя вышло.

— Извини, — сокрушенно произнес Билли, глядя на лису, которая продолжала бегать с той же скоростью, но уже на трех лапах. — Я не видел, чем ты занят.

— И как назло, Фил сегодня выходной, — продолжал я. — Что мне теперь делать, черт возьми? Нельзя же ее так оставить.

Д

— Отнесем ее к старикану, — решительно сказал Билли. — Отнесем к старикану, и он все сделает. Так и Фил поступил бы.

Я вдруг вспомнил, что капитан — опытный ветеринар; совет Билли был не так уж плох.

— А где твой отец? — спросил я.

— В кабинете, — ответил Билли. — Сидит в кабинете и работает. Он говорит, что ему всегда лучше работается по субботам, когда нет никаких секретарей и никто ему не мешает.

— Ясно, — сказал я. — Тогда пойдем и помешаем ему.

Я поймал лису сачком, потом извлек ее из сети. Бедняжка отчаянно огрызалась. Эти небольшие зверьки подчас не уступают свирепостью бенгальскому тигру. Исследовав лису, я определил, что перелом удачный, если вообще так можно говорить о переломе. Кость не раздроблена, не расплюсчена, не смещена. Аккуратный, ровный надлом, как если бы вы надломили корень сельдерея. Понятно, от лисы нельзя было требовать, чтобы она разделяла мою радость, но я-то знал, что такую травму легче обработать и шансы на благополучное заживление очень хорошие.

Придя в дирекцию, мы обнаружили, что капитан закончил работу и ушел к себе. Миссис Бил объяснила, что он принимает ванну, и я приготовился ждать, когда кончится омовение. Однако миссис Бил и Билли заверили меня, что наперед невозможно сказать, сколько капитан может просидеть в ванне. Во имя гуманности мы должны были потревожить его. Билли подошел к ванной и принялся колотить в дверь.

— Отваливай! — рявкнул капитан; за этим возгласом последовал такой шум, словно четырнадцать испуганных бегемотов одновременно пытались выбраться из садового пруда. — Отваливай, я купаюсь.

— Поживей! — крикнул Билли. — У нас тут лиса ногу сломала.

Шум стих, только чуть плескалась вода.

— Что ты сказал? — недоверчиво спросил капитан.

— Лиса ногу сломала, — повторил Билли.

— Никакого покоя! — взревел капитан. — Никакого покоя в этом доме. Ладно... несите ее в кабинет, сейчас приду.

Мы пошли в кабинет и сели. До нас отчетливо доносился голос капитана.

— Глэдис! Глэдис! Где мои туфли?.. Ах да, они здесь... Они притащили лису со сломанной ногой. Приготовь новый гипсовый бинт... Откуда мне знать, где он? Поищи. Где-нибудь лежит. А где мои кальсоны, Глэдис?

Наконец он ввалился в кабинет, розовый после купания; следом вошла миссис Бил с большой железной банкой в руках.

— А, Даррелл, это вы? — пророкотал капитан. — Лиса, говорите? Ну-ка, посмотрим.

Лиса, более или менее смирившись со своей судьбой, лежала у меня на руках. Однако могучая фигура и низкий голос капитана Била напугали ее, она оскалилась и издала долгое предупреждающее рычание. Капитан живо отпрянул.

— Держите ее! — рывкнул он. — Возьмитесь покрепче за загривок.

— Уже взялся, капитан, — ответил я.

Крепче держать нельзя было, не рискуя обезглавить зверька.

Бережно просунув ладонь под сломанную ногу, я чуть приподнял ее, чтобы капитан мог изучить травму.

— Так, — сказал он, поправляя очки и всматриваясь. — Аккуратненький переломчик. Дела. Теперь за работу. Билли, ножницы.

— Где я возьму ножницы? — беспомощно произнес Билли.

— Где, где, черт возьми! — прорычал капитан. — Думай головой! В маминой корзине с рукоделием, где же еще!

Билли скрылся в поисках ножниц.

— И скажи Лоре, чтобы шла сюда! — крикнул капитан ему вдогонку. — Нам понадобится ее помощь.

Я поглядел на простертое на моих руках маленькое стройное существо и попытался представить себе реакцию капитана, если бы пострадало животное покрупнее — скажем, лошадиная антилопа или жираф.

— Лора делает уроки, — сообщила миссис Бил. — Может быть, сами справимся, милый?

— Нет, — решительно произнес капитан, забирая у нее банку. — Это новое средство. Мне понадобится помощь.

— Но я помогу тебе, милый.

— Тут всем хватит дела, — сурово сказал капитан.

Вернулся Билли — с ножницами и с сестрой.

— Теперь слушайте, — возвестил капитан, зацепив подтяжки большими пальцами, — делаем так. Прежде всего выстригаем волосы на сломанной ноге, понятно?

— Зачем? — тупо спросил Билли.

— Затем, что этот чертов гипс не будет держаться на волосах, — объяснил капитан, раздосадованный такой недогадливостью.

— Не кричи, Вильям, ты пугаешь лису, — тревожно заметила миссис Бил.

— Пока вы тут спорите, можно я пойду и сделаю уроки? — осведомилась Лора.

Д

— Оставайся здесь, — отрезал капитан. — Ты можешь оказаться важным звеном в общей цепи.

— Хорошо, папа.

— Так вот, Даррелл, — продолжал капитан. — Этот гипсовый бинт — новинка, ясно?

Он похлопал ладонью банку, и на его стол легло облако гипсовой пыли.

— Новинка, сэр? — переспросил я с искренним интересом.

— Вот именно. — Капитан снова зацепил подтяжки большими пальцами. — Ведь как было раньше: накладываешь лубки, бинтуешь, потом мажешь сверху гипсом. Возня, мазня, уйма времени.

Я отлично знал, что этот способ неудобен, отнимает много времени и далеко не всегда приносит успех, — сам неоднократно применял его, пытаюсь лечить птиц со сломанным крылом или ногой. Но сейчас не стоило делиться своим опытом хотя бы потому, что капитан собирался продемонстрировать мне новый способ гипсования — быстрый, удобный и надежный. А ведь я за тем и приехал в Уипснейд, чтобы приобретать знания.

— Итак, — сказал капитан, — показываю новый способ.

Он поднял банку и уставился на нее, сдвинув очки на кончик носа и недоверчиво скривив рот. Некоторое время было слышно только неразборчивое бормотание: капитан читал про себя инструкцию.

— Так, ясно. Глэдис, теплой воды. А ты, Билли, выстригай шерсть на лапе.

— Мне можно пойти делать уроки? — жалобно спросила Лора.

— Нет! — рявкнул капитан. — Ты... ты... ты подметай пол, чтобы не было волос. Гигиена.

Таким образом, капитан всех расставил по боевым постам. Миссис Бил гремела посудой на кухне, готовя воду; мы с Билли устроили соревнование стригалей, не считаясь с решительными протестами лисы; Лора хмуρο подметала пол. Развернув свои подразделения, капитан снял крышку с банки и не очень ловко отмотал метр-два бинта, густо пропитанного гипсом. Потом заходил взад-вперед по кабинету, внимательно рассматривая бинт, причем гипс сыпался на пол так, словно в кабинете зарядил небольшой снегопад. Самые мелкие частицы образовали в воздухе туман, от которого мы все закашлялись.

— И чего только не придумают! — восхищался про себя капитан, продолжая рассыпать гипсовые снежинки.

Вернулась миссис Бил с кастрюлей горячей воды.

— Прекрасно. — Капитан снова приступил к организации. — Теперь, Билли, Лора, Глэдис, держите этот бинт.

Окутанный белым облаком, он отмотал метров пять бинта и вручил членам своей семьи.

— Натяните, — скомандовал он. — Ту же натягивай, Глэдис! Он у тебя провисает... вот так... вы готовы, Даррелл?

— Готов, сэр, — отозвался я.

— Крепче держите загривок, ясно? Чтобы не вырвалась в решающий момент.

— Все в порядке, сэр, держу крепко.

— Отлично.

Капитан схватил кастрюлю и пошел вдоль бинта, брызгая на него водой.

— Видите, Даррелл? — Он поймал мокрый конец бинта и помахал им в мою сторону. — Никаких лубков не надо, ясно? Сам бинт играет роль лубков.

Для наглядности капитан несколько раз обмотал бинт вокруг указательного пальца.

— Никакой возни с лубками, — повторил он, поднося обмотанный палец к моему носу. — Не то что эта старая волынка, видите?

Стол и пол кабинета напоминали кое-как подготовленную лыжную трассу, но я, понятно, помалкивал.

А дальше все пошло наперекосяк. То ли капитан неверно прочел инструкцию, то ли еще что, но намотанный на его палец конец бинта твердел с поразительной быстротой.

— А, черт, — с жаром произнес капитан.

— Вильям, голубчик!

— Где ножницы? Кто взял эти окаянные ножницы?

Ножницы нашлись, и капитан освободился от цепкого бинта, изрядно вымазав при этом свои очки гипсом.

— Теперь, Даррелл, — сказал он, подслеповато косясь на лису, — оттопырьте ей ногу.

Я поспешил выполнить команду, и капитан несколько раз обмотал сломанную ногу бинтом, продолжая брызгать на него водой. Скоро лиса, капитан Бил и я стали похожи на водных млекопитающих.

— Еще бинта! — пророкотал капитан, сосредоточенно трудясь.

Но тут объявилось новое препятствие. Кусок бинта, который держали миссис Бил, Лора и Билли, подсох, затвердел и пристал к пальцам, соединив всех троих вместе, словно гирлянда из маргариток.

— От вас никакого толку, черт возьми! — кричал капитан, освобождая их от бинта ножницами. — И это называется помощь! Ну-ка, отмотай-те еще.

Д

В своем старании смягчить отцовский гнев Билли уронил банку, и она покатилась по полу, волоча за собой гипсовый бинт. Кабинет директора уподобился перевязочному пункту в разгар боя. Казалось, все и вся покрыто пленкой гипса и петлями бинта.

— Бестолочь! — орал капитан. — Чертова бестолочь, все трое! Посмотрите на себя... посмотрите на бинт. Вы... вы... простофили, вот вы кто!

В конце концов миссис Бил утихомирила капитана, затем Лора и Билли отмотали новый кусок, миссис Бил смочила его, и побагровевший капитан, тяжело сопя, обмотал ногу лисы еще несколькими витками.

— Ну, так сойдет, — заключил он, выпрямляясь.

Мне доводилось видеть более профессиональную работу, но капитан был доволен. Лицо его озаряла улыбка, очки обрамлял слой гипса, лысина казалась напудренной, к одежде тут и там пристали клочки бинта, и длинный кусок прочно обмотался вокруг одной его туфли.

— Вот так, Даррелл, — удовлетворенно пророкотал он. — Что значит новинка, совсем другое дело... намного проще, видите?

— Вижу, сэр, — ответил я.

Одни животные предназначены увеселять человека, таковы обезьяны, мартышки и попугаи, другие созданы для упражнения человека, чтобы он не забывал о своем ничтожестве и могуществе Бога. И для этого созданы мухи и вши; а львы, и тигры, и медведи созданы, чтобы человек, во-первых, сознавал свое ничтожество, во-вторых, был утрашен. А некоторые животные созданы, чтобы облегчать и пользоваться различного рода людские немощи, так, из гадючьего мяса готовится противодие.

Варфоломей.

Бартоломеус де Проприетабус Рерум

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ТОЛЬКО ЗВЕРИ

Проработав в Уипснейде немногим больше года, я решил уволиться. Это не было опрометчивым шагом, мое намерение заняться отловом зверей и в конце концов организовать свой собственный зоопарк оставалось в си-

ле, — просто я понимал, что дальнейшее пребывание в Уипснейде не приближит меня к цели. Мне нисколько не возбранялось и дальше работать мальчишкой на позверюшках, но у меня были другие планы.

Я знал, что в скором времени, когда мне исполнится двадцать один год, я смогу получить наследство, три тысячи фунтов. Не состояние, конечно, но в те дни на три тысячи фунтов можно было сделать куда больше, чем теперь. И, сидя по вечерам в своей комнате-камере в холодной гулкой «лачуге», я писал тщательно продуманные письма всем тогдашним профессиональным звероловам. Рассказывал о своем опыте и заверял, что готов сам покрыть свои расходы и работать даром, если окажется возможным взять меня в экспедицию. Один за другим приходили ответы, вежливые, но недвусмысленные. Меня благодарили за предложение, но, поскольку я не располагал опытом зверолова, возможность моего участия отпадала. Однако я могу обратиться снова, когда приобрету нужный опыт. Но ведь я для того и просился в экспедицию, чтобы приобрести опыт, так что толку от такого совета было мало. Старая сказочка про белого бычка: меня не могут взять, пока я не набрался опыта, я не могу набраться опыта, пока меня не возьмут.

И вот тут-то, когда положение казалось совершенно безысходным, меня осенила блестящая мысль. Если я использую часть наследства на то, чтобы снарядить собственную экспедицию, то смогу потом не кривя душой заявить, что приобрел опыт; глядишь, кто-нибудь из великих не только возьмет меня с собой, но даже назначит мне жалованье. Заманчивейшая перспектива!

Мое решение уволиться из зоопарка было встречено неодобрительно. Фил Бейтс уговаривал меня остаться, капитан Бил поддерживал его.

— Вы ничего не добьетесь, Даррелл, если будете вот так метаться, — укоризненно бормотал он во время прощального кэрри, точно я, работая в Уипснейде, взял привычку каждую неделю подавать заявление об уходе. — Оставайтесь... со временем возглавите секцию... пойдете в гору...

— Спасибо, сэр, но я мечтаю заняться отловом зверей.

— На этом деле не разбогатеешь, — скорбно заметил капитан. — Только деньги бросать на ветер, помяните мое слово.

— Не порти Джерри настроение, Вильям, — сказала миссис Бил. — И уверена, у него все получится.

— Вздор! — угрюмо возразил капитан. — Никто еще не разбогател на звероловстве.

— А как же Гагенбек, сэр? — спросил я.

— Это было в старые добрые времена, — ответил капитан. — Тогда

Д

деньги чего-то стоили... на золотой соверен можно было положиться... не то что нынешние бумажки, им только в уборной висеть.

— Вильям, голубчик!

— А что, разве не правда? — отрезал капитан. — Прежде деньги были деньги. А теперь — туалетная бумага.

— Вильям!

— Во всяком случае, не забывайте нас, навещайте, ладно? — сказал капитан.

— Да-да, непременно, — подтвердила миссис Бил. — Мы будем скучать без вас.

— Всех лучших зверей в своей коллекции я буду резервировать для вас, сэр, — обещал я.

В последнюю ночь, лежа в постели, я попробовал подытожить, что дал мне Уипснейд. Чему я научился?

Итог получился по большей части отрицательным. Конечно, я научился, как сподручнее нести кипу сена на вилах, как орудовать метлой и лопатой, узнал, что смирный на вид кенгуру, если загнать его в угол, может прыгнуть на вас, ударить задними ногами и распороть самый прочный плащ. Но все же главные уроки были типа «чего не надо делать».

Правда, я еще понял, как важен для зоопарка штат служащих. Без них ничего не сделаешь, поэтому чрезвычайно важно поднять престиж этой тяжелой и грязной работы, а главное — тщательно подбирать людей. В мое время в Уипснейде служащими были преимущественно сельскохозяйственные рабочие, которых первоначально наняли обнести оградой зоопарк и отдельные загоны. В результате я работал вместе с сорока-пятидесятилетними мужчинами, которые знали о вверенных им животных меньше, чем знал я, двадцатилетний парень. В этом не было их вины, они отнюдь не стремились стать зоологами. Они ходили на службу и все трудились честно, но без особого интереса. В этом я очень наглядно убедился в первый же день работы в секции жирафов.

Берт велел мне около четырех часов разжечь огонь под большим котлом с водой, и я послушно выполнил его указание. Когда вода вскипела, Берт развел в двух ведрах теплую воду и сказал, что мы пойдем поить жирафа. Глядя, как жираф утоляет жажду, я спросил Берта, почему вода непременно должна быть теплой.

— Почем я знаю, парень? — ответил Берт. — Когда его привезли, велели поить теплой водой... не знаю зачем.

Тщательное расследование позволило мне разрешить загадку. Шестью-семью годами раньше, когда жирафа только привезли, он простудил-

ся. Решили, что теплая вода ему будет приятнее холодной, отдали соответствующее распоряжение, а отменить его забыли. И семь лет жираф безо всякой нужды пил теплую воду. Хотя Берт очень любил своих подопечных и гордился ими, ему ни разу не пришлось в голову выяснить, так ли уж необходима для блага жирафа теплая вода.

Недостаточный интерес или недостаточные знания отражаются на качестве наблюдений, а при уходе за дикими животными внимательное наблюдение чрезвычайно важно хотя бы потому, что дикие животные — великие мастера скрывать свои недуги, и если вы не изучили основательно своих питомцев и не следите за ними самым внимательным образом, то непременно пропустите нюансы, по которым можно определить, в чем дело.

А еще я понял в Уипснейде следующее: в корне ошибочно считать, будто чем больше клетка или вольер, тем лучше чувствует себя животное. «Такой зоопарк, как Уипснейд, я признаю» — эти слова я часто слышал от доброжелательных и мало сведущих любителей животных. Ответ очень прост: «А вы попробовали бы там поработать, попробовали бы ежедневно следить за стадом в загоне площадью пятнадцать гектаров, чтобы точно знать, что никто не болеет, никто не голодает из-за притеснения сородичами, что все стадо в целом получает достаточно кормов».

Допустим, кому-то в стаде нужна помощь — надо еще погоняться за ним по всем этим гектарам; когда же наконец поймашь (дай бог, чтобы животное раньше не поломало себе ногу или не погибло от разрыва сердца), то приходится лечить не только от исходного недуга, но и от шока, вызванного погоней. Конечно, теперь задача упрощается такими приспособлениями, как стрелы с транквилизатором, но, когда я работал в Уипснейде, чрезмерно большой загон в конечном счете только вредил животным. Единственным его плюсом было то, что он ублажал антропоморфные души, восстающие против «заточения» животных. К сожалению, такой взгляд на зоопарки по-прежнему распространен среди доброжелательных, но совершенно невежественных людей, которые упорно судят о матушке-Природе как о милостивой старой даме, хотя на самом деле она — жестокое, неумолимое и предельно хищное чудовище.

Трудно спорить с такими людьми, они пребывают в блаженном неведении, полагая, что в зоопарке животное томится, словно в тюрьме, а дикая природа — райские кущи, где барашек лежит рядом с львом, не опасаясь, что тот им поужинает. Вы можете сколько угодно говорить о непрерывных повседневных поисках пищи в естественных условиях, о постоянном нервном напряжении из-за необходимости избегать врагов, о борьбе с болезня-

Д

ми и паразитами, о том, что для некоторых видов смертность потомства в первые шесть месяцев превышает пятьдесят процентов. «Ну и что, — ответит пребывающий в плену иллюзий любитель животных, выслушав все ваши доводы, — зато они свободны». Вы объясняете, что у животных есть свои, четко ограниченные территории, которые определяются тремя факторами: пища, вода и пол. Обеспечьте их всем этим на ограниченном участке, и животные никуда не уйдут. Но люди словно одержимы словом «свобода», особенно в отношении к животным. Их нисколько не заботит степень свободы банковского клерка, шахтера, рабочего, плотника, официанта, а ведь если изучить как следует эти и другие человеческие разновидности, окажется, что работа и обычаи ставят их в такие же узкие рамки, какие ограничивают любого обитателя зоопарка.

На другое утро я запасся гостинцами и совершил прощальный обход. На душе было грустно, ведь работа в Уипснейде доставляла мне радость, но, с другой стороны, каждое животное сейчас воплощало для меня край, который я мечтал посетить, служило как бы ободряющим географическим указателем. Вомбат Питер, хрумкающий земляными орехами, представлял континент антиподов — Австралию с ее диковинными красными пустынями и еще более диковинной фауной, с прыгающим и скачущим зверьем, с млекопитающими, которые откладывают яйца, и с прочими чудесами. Оранжевые, будто солнечный закат, тигры Поль и Морин (они получили в подарок по яйцу) — Азию, слоны в наряде из драгоценных камней, могучие носороги в доспехах — лучезарные бастиионы Гималаев, покрытые сонмами диких баранов. Белые медведи Бэбс и Сэм, с радостным шипением уплетающие мороженое, воплощали изрезанные, молочно-белые снежные поля и холодное глубокое море — суровое море цвета вороньего крыла. Ослепительные черно-белые зебры и закутанный в гриву Альберт — Африку, Черный континент, где в ярко-зеленых влажных лесах бродит плечистая горилла, где степи гудят под миллионами скачущих копыт, где розовые фламинго превращают озера в цветущие сады.

На каждом шагу животные кивали мне, утверждая меня в моем решении. В последний раз шлепая тапиров по толстым ягодицам и засовывая бананы в пасть под тугим носом, я представлял себе, как отправлюсь на их родину, в Южную Америку: огромные деревья с гроздьями обезьян, похожих на эльфов, могучие, неторопливые кофейно-коричневые реки — обитель острозубых рыб и мирных черепах. При мысли о том, сколько мест надо посетить, сколько животных увидеть, меня обуревало нетерпение. Волки и бурые медведи представляли шелестящие северные леса; жираф

Питер в плетеном одеянии указывал мне на коричневые равнины Африки с хрусткой травой под сенью причудливых фигурных крон акации; бизоны в косматых накидках звали меня на могучие волнистые просторы североамериканских прерий.

Товарищи по работе по-разному восприняли весть о моем уходе.

— Помни, дружище, чему я тебя учил, — сказал Джеси, цыкая зубом и пристально глядя на меня. — И не зевай. Одно дело лев за решеткой, совсем другое, когда эта зверюга подкрадывается к тебе сзади, ясно? Будь осмотрительным, парень.

— Не представляю себе, как ты справишься, — заметил Джо, поджимая губы и качая головой. — Я бы ни за что не взялся, хоть сто фунтов предложи. В общем, действуй, как Джеси говорит, и будь поосторожнее.

— В Африку собираемся? — сказал мистер Коул. — Тоже мне исследователь нашелся.

— Всего доброго, мальчуган, — пробурчал старина Том, крепко стискивая мою руку своими красными лапищами в ознобышах. — Не забудь открыточку прислать, ладно? Береги себя.

— Счастливого, старина, — сказал Гарри с веселой искоркой в глазах. — Да я уверен: у тебя и без моих пожеланий все будет в порядке. Погонится кто за тобой, так ведь ты не хуже моего скорость развиваешь. Не пропадешь.

— Всего доброго, парень, — произнес Берт, выныривая из-под длинной шеи жирафа, чтобы пожать мне руку. И добавил, словно мне предстояла свадьба: — Желаю тебе большого, большого счастья.

— Понадобится помощь — пиши, — серьезно сказал смуглолицый Фил Бейтс. — Уверен, капитан тебе всегда поможет. А надумаешь вернуться — что-нибудь изобретем для тебя.

Он улыбнулся, пожал мне руку и зашагал, монотонно насвистывая, через расцвеченный россыпями нарциссов зеленый лес, и кенгуру с павлинами не спеша расходились, пропуская его.

Я взял свой чемодан и вышел из зоопарка.

ЭПИЛОГ

За что я благодарен Уипснейду, так это за то, что там я пуще прежнего пристрастился к чтению. Меня окружали тысячи вопросов и окружали люди, которые не могли на них ответить, поэтому я обращался к книгам. Не

Д без удивления вычитал я, что зоологические сады отнюдь не новое изобретение. Так, у царя Соломона был свой зверинец в 794 году до нашей эры, а еще раньше, в 2900 году до нашей эры, процветали зоопарки в Саккаре, в Древнем Египте. Тутмос III содержал зверинец в 1501 году до нашей эры, а его мачеха Хатшепсут (по всему видно — выдающаяся женщина) снарядила экспедицию за животными в Пунт (нынешнее Сомали). У Рамсеса II была завидная коллекция, включавшая, в частности, жирафов. Далее в ряду венценосных любителей зверей мы видим китайцев: император Вань Вэнь учредил на площади в 600 гектаров парк, который назвал Линь-ю, то есть Парк разума, вполне подходящее имя для надлежащим образом организованного зоопарка. Много зоопарков было у ассирийцев, в том числе у таких известных, как царица Семирамида (она особенно любила леопардов), ее сын Ниния (он предпочитал львов) и царь Ашшурбанипал, специалист по львам и верблюдам. Птолемей I основал огромный зверинец в Александрии, расширенный затем Птолемеем II. О его масштабах можно судить по тому, что во время праздника Диониса через александрийский стадион целый день проходила процессия, в которой участвовали восемь пар страусов в упряжи, павлины, цесарки, 96 слонов, 24 льва, 14 леопардов, 16 пантер, 6 пар дромадеров, жираф, огромная змея и носорог, не говоря уже о сотнях домашних животных. Мало какой современный зоопарк сумел бы организовать такое шествие.

В Европе первые зверинцы принадлежали древним грекам и римлянам; они частью служили для исследований, частью обслуживали цирки. Вплоть до прошлого века зоологические сады выполняли две функции — позволяли ближе изучать животных и способствовали просвещению и развлечению людей чудесами, которые Господь сотворил для своего ближайшего родственника. К сожалению, развлекательные цели постепенно взяли верх над исследовательскими; исключения составляли очень немногие зоопарки. Животных держали только для увеселения публики; англичане шли в зоопарк, движимые примерно тем же любопытством, какое побуждало их прадедов посещать Бедлам — знаменитый дом для умалишенных. И поныне, увы, многие ходят в зоопарк с такими же запросами, однако интерес к экологии и поведению животных растет, а это здоровый признак. Быть может, в старые времена, когда мир представлялся бездонным рогом изобилия, доверху набитым животными, естественно было смотреть на зоологические коллекции всего лишь как на занимательное зрелище. И ведь никто не пытался всерьез размножать животных: умрет какой-нибудь зверь — на его место везут другого из неистощимых, как тогда казалось, кладовых

матери-Природы. В наши дни такой подход представляется непозволительным.

Изучая литературу, я с ужасом узнавал, как хищнически человек обращается с природой, какие страшные опустошения производит в рядах животных. Безобидный нелетающий дронт был истреблен почти сразу после его открытия. В Северной Америке несметные стаи странствующих голубей «затмевали небо», а их гнездовья простирались на сотни квадратных километров. Мясо этих голубей пришлось по вкусу людям; последний представитель вида умер в Цинциннатском зоопарке в 1914 году. Квагга, удивительная полулошадь-полузебра, некогда столь распространенная в Южной Африке, безжалостно истреблялась бурскими фермерами; последняя квагга умерла в Лондонском зоопарке в 1909 году. Казалось невероятным, даже невозможным, чтобы заведовавшие зоопарками люди были настолько невежественными, что не видели нависшей над этими животными смертельной угрозы и не приняли никаких мер. Разве не в том одна из главных функций зоопарка, чтобы спасти животных, находящихся на грани вымирания? Почему же этого не сделали? Видно, потому, что тогда руководствовались принципом «бездонного колодца». Но мир становится все теснее, народонаселение растет, и мы все больше убеждаемся, что колодец не бездонный.

Я покидал Уипснейд с твердым намерением завести свой собственный зоопарк, но не менее твердо я решил (если этот план исполнится), что существование моего зоопарка будет оправдано лишь при условии выполнения им трех функций. Во-первых, он должен помогать просвещению, чтобы люди поняли, как прекрасны и важны другие формы жизни на Земле, перестали так уж заноситься и мнить о себе и осознали, что у остальных видов столько же прав на существование, сколько у человека. Во-вторых, в нем будет изучаться поведение животных, и не только для того, чтобы лучше понять поведение человека, но и для того, чтобы лучше помогать диким животным, — ведь, не зная нужд различных видов, нельзя наладить успешную охрану. В-третьих, и эта задача представлялась мне совершенно неотлагательной, зоопарк должен служить резервуаром фауны, убежищем для угрожаемых видов, где их содержат и размножают, чтобы они не исчезли навсегда с лица Земли, как исчезли дронт, квагга и странствующий голубь.

После Уипснейда мне посчастливилось, я много лет занимался тем, что снаряжал экспедиции для отлова зверей в разные концы Земли, и во время этих путешествий я все больше осознавал грозящие животному миру опасности: одна опасность — прямая, когда животных убивают, дру-

Д

гая — косвенная, когда уничтожают их среду обитания. Я чувствовал, что крайне необходимо учредить питомник для растущего числа угрожаемых видов. И я основал собственный зоопарк на острове Джерси в проливе Ла-Манш, а затем учредил Трест охраны животных с центром в этом зоопарке.

Чтобы дать вам представление о целях и задачах треста, лучше всего привести отрывок из написанной мной брошюры о нашей деятельности:

«В последние годы заметно возрос интерес к охране животных и их среды обитания, однако сама охрана развивается медленно. Во многих странах, хотя животные официально охраняются, это охрана лишь на бумаге, потому что у правительств и соответствующих учреждений недостает денег или людей, чтобы последовательно проводить законы в жизнь. По всему миру множество видов находится под угрозой из-за прямого или косвенного воздействия человека. Необходимо помнить, что истребить многочисленный вид изменением или уничтожением его среды обитания так же легко, как поголовным отстрелом.

Во многих случаях популяции сократились настолько, что без помощи человека виду грозит вымирание, ибо слишком малочисленная популяция не может бороться с угрожающими ей естественными опасностями, такими, как хищники или недостаток корма. Именно на таких видах сосредоточил свое внимание трест. Если удастся создать плодовые колонии в идеальных условиях, с полным обеспечением кормами, без угрозы со стороны хищников, при охране потомства с момента рождения, тогда эти виды уцелеют. Впоследствии, когда на родине видов соберется достаточно средств, чтобы осуществить действенные защитные меры, можно будет вернуть туда плодовитую группу и вновь заселить районы, где данный вид вымер.

О том, что это не только возможно, но и крайне необходимо, говорят многочисленные примеры. Так, в Китае вымер олень Давида, но благодаря покойному герцогу Бедфордскому в Вобурне была создана плодовая колония. Теперь это великолепное животное спасено и недавно реинтродуцировано в Китай.

Другой яркий пример — спасение гавайской казарки трестом Питера Скотта. Благодаря усилиям Скотта в разных зоологических и орнитологических учреждениях мира созданы большие плодовые колонии, казарка реинтродуцирована на Гавайские острова и заселяет свой прежний район обитания.

Перечень таких достижений достаточно велик, он включает и зубра, и лошадь Пржевальского, и сайгака, и других животных.

Можно сказать, что Джерсийский трест охраны животных — своего рода стационарный ковчег. Его цель — попытаться спасти от полного истребления некоторые виды животных точно так же, как музеи хранят великие творения искусства, а различные общества обеспечивают охрану древних памятников и строений. Животные, населяющие вместе с нами эту планету, не менее важны, и если еще можно представить себе рождение нового Рембрандта или Леонардо да Винчи, то никакие наши усилия, даже в век потрясающего развития технологии, не помогут возродить истребленный вид фауны».

СООБЩЕНИЕ ОТ ФОНДА ОХРАНЫ ДИКОЙ ПРИРОДЫ ДЖЕРАЛЬДА ДАРРЕЛЛА

Точно так же, как Хенгист Ганнибал Джанкетберри создал «Мифологию» для спасения мифологических животных, Джеральд Даррелл основал фонд для спасения исчезающих животных по всему свету. Кампания за сохранение богатого разнообразия животного мира на нашей планете, ставшая делом всей его жизни, включает программу спасения редчайшего в мире попугая, чем был бы очень доволен *тот самый* Попугай!

Эта кампания за сохранение исчезающих видов не закончилась со смертью Джеральда Даррелла в 1995 году. Его работа продолжается благодаря неустанным усилиям Фонда охраны дикой природы.

В течение ряда лет многие читатели книг Джеральда Даррелла настолько вдохновлялись его впечатлениями и видением мира, что выражали желание продолжить историю, поддерживая деятельность его фонда. Мы надеемся, что вы тоже внесете определенный вклад, потому что своими книгами и всей своей жизнью Джеральд Даррелл ставит перед нами важную задачу. «Животные составляют бессловесное и лишенное права голоса большинство, — написал он, — которое может выжить лишь с нашей помощью».

Пожалуйста, не теряйте интереса к охране природы, когда вы перевернете эту страницу. Напишите нам, и мы расскажем вам, как можно принять участие в нашей работе по спасению животных от вымирания.

Чтобы получить более подробную информацию, обращайтесь по следующим адресам:

Durrell Wildlife Conservation
Trust Les Augres Manor Jersey,
English Channel Islands, JE3 5BP
UK

Wildlife Trust
PO Box 1000, 61 Route 9W
Palisades, NY 10964-8000
USA

Wildlife Preservation Trust
Canada 120 King Street
Guelph, Ontario N1E 4P8
Canada

ВВЕДЕНИЕ

Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

Книга Бытия. 1, 28

И я ввел вас в землю плодосную, чтобы вы питались плодами ее и добром ее; а вы вошли и осквернили землю мою, и достояние мое сделали мерзостью.

Книга Иеремии. 2, 7

Эта книга о зоопарках вообще и об одном зоопарке в частности: том самом, который я учредил на острове Джерси.

Возможно, люди, связанные с зоопарками, обвинят меня в чрезмерной прямоте. Но мне очень хочется, чтобы зоопарки здравствовали и процветали, чтобы они работали лучше и с большей пользой, а не чахли и исчезали из-за собственной инертности и общественного осуждения. Да что там, во многих вопросах, которые затронуты в этой книге, я скорее грешу снисходительностью.

Если все же кто-то сочтет, что я излишне суров, — прошу пожаловать на Джерси и указать на недостатки в нашей работе. Мы любим критику и (надеюсь) умеем извлекать из нее уроки.

И еще, с вашего позволения. Решив серьезно говорить о достаточно серьезном, на мой взгляд, деле, я не преминул сдобрить свой рассказ историями, которые не только иллюстрируют мои мысли, но и показывают занимательную сторону моей работы. Если кто-то осудит меня за видимое легкомыслие, могу лишь возразить, что у меня не хватило бы сердца делать свое дело, если бы мои собственные причуды и художества моих собратьев по животному миру — от политиков до павлинов — не представлялись мне крайне потешными. Нынешнее положение вещей в биологическом мире настолько серьезно и будущее выглядит до того мрачно, что светлячки юмора просто необходимы, чтобы освещать нам путь.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СПУСК НА ВОДУ

В основе всех примеров в этой книге лежит одна мысль: продолжая губить природу, человек пилит сук, на котором сидит, ведь разумная охрана природы равнозначна охране человечества.

*Винценц Зисвилер.
Вымершие и вымирающие животные*

Коренной порок нашей технологической западной культуры в том, что ныне она располагает средствами, чтобы в мгновение ока совершенно истребить жизнь на огромных площадях, но не осознает вытекающих отсюда разнообразных побочных следствий.

Д-р С. Р. Эйр. Охрана природы и плодородие

Биология зоопарка все еще находится в пеленках, и руководители многих зоопарков даже не подозревают о существовании такой науки. Кое-где вовсе не задумываются над тем, какую роль играет или призван играть зоопарк в наши дни.

Хейни Хедигер. Человек и зверь в зоопарке

Попирающий малых сих сам же повержен будет.

Апокрифы. Книга премудрости Соломона

Вся моя жизнь так или иначе связана с зоопарками. Уже в двухлетнем возрасте, когда наша семья жила в одном из городов Центральной Индии, который мог похвастаться неким подобием зоопарка, я заразился своего рода «зооманией». Дважды в день, когда моя многострадальная аяя спрашивала, где мне хочется погулять, я тащил ее к рядам зловонных клеток с облезлыми живыми экспонатами. Любую попытку няни изменить этот ритуал я встречал яростными воплями, которые слышно было от Бомбея на юге страны до границы Непала на севере. Так что я несколько не удивился, узнав от матери, что моим первым словом было «зоо».

С тех пор я непрестанно произношу его, когда с восторгом, когда с тоской.

Естественно, впечатления раннего детства вселили в мою душу желание обзавестись собственным зоопарком. И с двух до шести лет я усердно готовился к тому дню, когда стану обладателем зверинца, собирал всевозможную живность от пескарей до мокриц, которые в возрастающем числе населяли комнату, где я спал, и даже мою персону. Затем мы переселились в Грецию, там мне была предоставлена самая широкая свобода, и я мог без помех предаваться своей страсти и изучать диких тварей. Годилось все — от филина до скорпиона. Когда же мы вернулись в Англию, я понял: нечего и помышлять о своем зоопарке, пока не приобрел опыта работы с более крупными животными, такими, как львы, буйволы и жирафы, для содержания которых при всем моем энтузиазме ни сад, ни спальня, не говоря уже о моей собственной персоне, не очень-то подходили. И тут мне посчастливилось — меня приняли на работу в зоопарк Уипснейд в Бедфордшире, загородную базу Лондонского зоологического общества. Я числился смотрителем-практикантом — громкое звание; на самом же деле я был мальчиком на побегушках, меня совали в ту секцию, где требовался подручный для черной работы. Такая практика была во многом идеальной: я усвоил хотя бы то, что работа с животными — дело, как правило, тяжелое, грязное и далеко не романтическое; зато я общался с множеством чудесных животных, от эму до слонов. После Уипснейда я десять лет занимался отловом зверей, финансировал и возглавлял десять серьезных экспедиций в разные концы света, добывая животных для зоопарков.

Уже работая в Уипснейде и потом в ходе моих первых четырех экспедиций я стал задумываться над назначением зоопарков. Не потому, что сомневался в их целесообразности вообще: я верил (и по-прежнему верю), что зоопарк — весьма нужное учреждение. Мои сомнения касались практической деятельности некоторых зоопарков и общей ориентации большинства из них. До прихода в Уипснейд мне, зооманьяку, казалось, что критиковать какой-либо зоопарк, хотя бы очень мягко, — святотатство, чреватое карой небесной. Однако впечатления от Уипснейда и от многих других коллекций, куда я поставлял животных, посеяли в моей душе растущее беспокойство. Накапливая опыт, я пришел к выводу, что многое в работе обычных зоопарков заслуживает критики, более того, критиковать необходимо, чтобы зоопарки вышли из застоя, который поразил подавляющее большинство этих столь важных, на мой взгляд, заведений или в котором они пребывали с самого начала. Да только невелика хитрость критиковать канатоходца, если вы сами ни разу не становились на подвешенный канат, и я более прежнего проникся решимостью учредить собственный зоопарк.

Д

Делясь с другими своим замыслом, я смог убедиться по реакции собеседников, как низко зоопарки позволили себе пасть в глазах общественности. Скажи я, что собираюсь наладить производство пластиковых бутылок, сколотить поп-группу, открыть клуб со стриптизом или еще какое-нибудь заведение, приносящее столь очевидное благо человечеству, мои планы, конечно, были бы встречены сочувственно. Но *зоопарк*? Место, куда вы скрепя сердце отправляетесь с детьми, чтобы они покатались верхом на слоне и объелись мороженым? Место, где животных держат в заточении? Неужели я это замыслил всерьез? Почему, почему именно зоопарк?

В какой-то мере я понимал и даже разделял их точку зрения. Ответить на вопрос «почему?» было трудно, так как наши представления о зоопарке в корне расходились. Все дело в том, что прежде (да и теперь тоже) лишь очень немногие, будь то ученые или люди, к науке отношения не имеющие, верно осознавали значение хорошего зоопарка. По сей день зоопарки не считают серьезными научными учреждениями, не желают понять, что в них можно проводить огромную и важную исследовательскую, охранную и просветительную работу. В большой мере здесь повинны сами зоопарки — слишком уж часто они, явно пребывая в полном неведении о своих научных возможностях, дают повод всем и всякому смотреть на них исключительно как на увеселительное заведение. Стоит ли удивляться, что широкая публика и ученая братия видят в зоопарке развлекательное предприятие — не столь мобильное и легкое на подъем, как странствующий цирк, но примерно равное ему по научному значению. Обычно зоопарки даже поощряют такой взгляд, ведь слово «научный» для большинства людей стоит в одном ряду со словом «скучный», столь пагубно влияющим на сборы.

Между тем зоологический парк располагает возможностями, какими не может похвастаться ни одно сходное учреждение. Идеальный зоопарк — это комплексная лаборатория, учебный центр и звено в системе охраны природы. Мы знаем подчас поразительно мало о биологии даже самых обычных животных, и зоопарки могут сыграть неоценимую роль в накоплении таких данных. Совершенно очевидно, что это поможет в конечном счете охране животных в естественной среде; ведь нечего и думать об охране вида, если ты не знаешь толком его особенностей. Правильно организованный зоопарк обеспечит вам возможность таких исследований.

Конечно, желательнее изучать зверей на воле, однако многие стороны их биологии более сподручно наблюдать в зоопарках, а некоторые проявления ее вообще поддаются изучению только в контролируемой обстановке. Попробуйте, например, точно определить сроки беременности у диких животных на воле, проследить за повседневным ростом и развитием детенышей

и так далее. А в зоопарке это вполне возможно. Вот почему зоологический парк — правильно организованный зоологический парк — служит неисчерпаемым источником ценных сведений, если животных как следует изучают и должным образом фиксируют полученные данные.

Зоопарки призваны сыграть и чрезвычайно важную просветительную роль. Ныне, с изобретением мегаполиса, большого города, мы плодим в многоэтажных вертикальных сундуках новое поколение, которое растет, не зная пса, кота, золотой рыбки, попугайчика; поколение, для которого источник молока — бутылка, а корова и трава, как и объединяющий их сложный процесс, остаются книгой за семью печатями. Возможно, это поколение и его потомки только в зоопарках и смогут узнать, что не они одни населяют Землю, другие существа тоже пытаются это делать.

И наконец, зоопарки могут сыграть огромную роль в охране фауны. Прежде всего они должны стремиться к тому, чтобы максимум представленных в них особей плодились; это позволит уберечь от истощения дикие популяции. Но еще важнее создавать жизнеспособный плодовитый фонд видов, численность которых в природе упала до угрожающе низкого уровня. Не один зоопарк успешно выполнял и выполняет эту задачу.

Из доброй тысячи видов, которым грозит вымирание, многие представлены настолько малочисленными популяциями, что без программы разведения в неволе, наряду с обычными мерами охраны, просто нельзя обойтись. Много лет люди, с которыми я разговаривал (включая директоров зоопарков), явно довольствовались крайне смутным представлением о возможностях и важности, даже необходимости размножения животных в неволе как средстве охраны фауны. Однако в последние годы наиболее передовые зоопарки и благоразумные поборники охраны природы стали говорить о «зоологических резервах» для определенных видов, попавших в ряд исчезающих. Это значит: когда численность какого-то животного сократится до известного минимума, необходимо принять все меры для охраны его в дикой природе, но, кроме того, следует профилактически создать в зоопарке жизнеспособный плодовитый фонд, а еще лучше — учредить особый питомник. Тогда, что бы ни случилось с дикой популяцией, вид уцелеет. Более того, если вид вымрет на воле, вы, располагая плодовитым ядром, можете в будущем попытаться реинтродуцировать животное в безопасные для него районы прежнего ареала.

Размножение в неволе уже помогло таким животным, как олень Давида, зубр, бонтбок, гавайская казарка и другие, причем кое-кого из них спасло от полного вымирания. Но этим делом занимались немногие зоопарки, и помощь оказана лишь горстке видов. Между тем перечень животных, кото-

Д рые нуждались в ней, чтобы уцелеть, рос с угрожающей быстротой. Мне было ясно, что множество видов может исчезнуть, если этому способу охраны фауны не будет уделено больше внимания.

Я считал, что существующие зоопарки обязаны гораздо интенсивнее заняться этой неотложнейшей задачей. И она должна стать одной из главных в работе каждого нового зоопарка. Ведь по-настоящему нужны не более обширные, а небольшие, специализированные зоопарки, способные сосредоточить усилия на одной задаче, посвятить все силы и время разведению в неволе видов, срочно нуждающихся в помощи. К тому же такие учреждения смогут прийти на помощь менее известным и малопривлекательным животным, которыми обычно пренебрегают, потому что они не пользуются успехом у посетителей; можно сделать упор на создание жизнеспособных размножающихся *групп* угрожаемых видов, доводя их до такой численности, чтобы угроза вымирания миновала, причем зоопарк будет играть роль не только убежища, но и научно-исследовательской лаборатории, а также, что еще важнее, учебного центра. Содержать и разводить животных, особенно редких и уязвимых животных, — искусство, которому надлежит обучать и учиться. К сожалению, в прошлом (да и теперь во многих зоопарках) для ухода за животными нанимали людей, коим следовало бы искать применение своим мизерным талантам где-нибудь в другом месте.

Безотлагательная надобность в такого рода учреждениях казалась мне предельно очевидной, однако в те времена (отчасти и поныне) у моих планов были противники в лице, так сказать, старозаветных защитников фауны. Они никак не хотели взять в толк, что размножение в неволе — важная и нужная вторая линия обороны наряду с обычными способами охраны вроде создания заповедников, парков и подобных объектов. Много лет, стоило на каком-нибудь высоком форуме поборников охраны повести речь о разведении животных, и на вас глядели так, словно вы сторонник некрофилии как средства регулировать численность народонаселения в мире.

Отождествление зоопарков со зверинцами прошлого века укоренилось так прочно, что люди не хотели верить, что у зоопарка могут быть более серьезные цели. Главное возражение сводилось к тому, что все зоопарки скверно организованы и трудно назвать хотя бы один, который проявил бы способность или желание помочь в борьбе за охрану животных, разводя их в неволе. Наоборот, присущая зоопаркам высокомерная установка «этого добра там пруд пруди» сделала их растратчиками природных ресурсов; они пополняли свои коллекции за счет диких популяций, когда какие-нибудь экспонаты погибали то ли по недосмотру, то ли по невезению, то ли по обеим причинам вместе. Слишком уж многие зоопарки, говорили поборники

охраны фауны, на словах всей душой за охрану, а практически палец о палец не ударяют; слишком многие зоопарки видят в редких животных лишь источник доходов и рекламы, а не ценные особи, которые нужно беречь и размножать; слишком многие зоопарки кричат о своей «работе по охране животных», которая на деле от продуманной охраны так же далека, как рассада на подоконнике от программы лесовозобновления.

К сожалению, эта критика в большой мере была и остается справедливой. Мои слова о том, что теперь необходимо не множить число обычных зоопарков, а создавать специализированные, с тщательно разработанной программой охраны и разведения животных, ни до кого не доходили. В такой обстановке требовалась немалая решимость, чтобы затевать организацию еще одного зоопарка, даже если у вас было задумано нечто совсем отличное от большинства существующих учреждений этого рода. По всему было видно, что ждать поддержки от поборников охраны бесполезно. Оставалось только основать свой собственный специализированный зоопарк и посмотреть, что из этого получится.

Впрочем, я не настолько увлекся своей идеей, чтобы не отдавать себе отчета в одном существенном факте. Даже если я преуспею, мое творение будет всего лишь маленьким винтиком в большом и сложном механизме охраны природы. Правда, это винтик недостающий и, как мне представлялось, очень нужный. Что ни говорите, даже самые крохотные винтики играют важную роль. Вспомните, сколько планктона, этих малюсеньких, но вкусных рачков, требуется, чтобы мог жить синий кит.

Я быстро убедился, что роскошные планы — это замечательно, но без прочной основы они — дым. Основой в этом случае была звонкая монета. Вся сложность заключалась в том, что я задумал предприятие, которое не могло и не должно было давать прибыли. Для успеха всей затеи необходимо было каждое вырученное пенни тут же вкладывать в дело. Между тем одна мысль о том, чтобы одалживать деньги на предприятие, не сулящее прибыли, для представителей бухгалтерского племени, отнюдь не славящегося беспечностью и легкомыслием, была чревата глубоким нервным потрясением. Еще более пагубно действовала эта идея на управляющих банками. До тех пор я никогда не подозревал, что у хорошо вышколенного управляющего может быть такое скептическое лицо.

Впрочем, и в этой мгле пробился луч надежды. Банк обещал рассмотреть вопрос о ссуде, если я найду надежное обеспечение. При этом мне деликатно дали понять, что, по их глубокому убеждению, самое лучшее для меня — возвращаться домой, лечь в горячую ванну и вскрыть себе вены. Во всяком случае, такова была суть услышанного мной. Я пренебрег этим советом. Основная проблема заключалась в том, что предложить в качест-

Д

ве обеспечения. Оказалось, что это не такая уж неразрешимая проблема, ибо я располагал одним (только одним) предметом, который мог служить залогом: моим писательским пером. Разумеется, если за ним вообще признают какую-нибудь ценность. Но ведь я написал три книги, пользующиеся большим успехом, — так почему бы, простодушно рассуждал я, не продолжить писательство? И почему бы не получить ссуду под еще не созданные шедевры? Окрыленный своим открытием (раньше я и не подозревал, что обладаю деловой сметкой), я помчался к своему издателю Руперту Харт-Девису и в длинной, яркой, хотя и несколько сбивчивой речи поведал о своих планах. Я так горячо отстаивал задуманное дело, что бедный Руперт, совершенно замороженный, пообещал выступить гарантом на сумму 25 тысяч фунтов — при условии, что я застрахую свою жизнь на такую же сумму: вдруг меня сожрет лев до того, как я смогу вернуть ссуду. К счастью, мне удалось застраховаться.

Итак, деньги появились. Теперь спрашивалось, где осуществлять задуманное. Идеальный вариант — закрытая для посетителей научно-исследовательская станция и питомник — исключался. Посетители нужны, и не только для покрытия текущих расходов: ведь мы должны вернуть ссуду, да еще с процентами. Стало быть, зоопарк надо разместить достаточно близко от крупных населенных пунктов или же в курортной местности с большим наплывом отдыхающих.

Первым делом я подумал о Борнмуте, который со всех точек зрения представлялся мне самым подходящим местом. В другой книге я уже рассказал, как пытался реализовать свою идею там и в соседнем городке Пуле. Не буду здесь повторять эту печальную историю. Достаточно сказать, что из-за близорукости и упрямства местных властей мне пришлось оставить попытки учредить специализированный зоопарк на южном побережье Англии. И вообще было похоже, что вся Англия находится под пятой местных органов, не видящих дальше своего носа и оградивших себя такими изощренными бюрократическими хитросплетениями, что ты оказываешься связанным по рукам и ногам, словно забрел в сети гигантского паука. Потеряв надежду добиться толку в собственно Англии, я расширил круг поисков. Сказал себе, что мне нужен небольшой административный округ со своими установлениями. Не такая уж дикая идея, как это может показаться; мне тотчас пришли на ум два самоуправляющихся района Соединенного Королевства — остров Мэн в Ирландском море и Нормандские острова в проливе Ла-Манш, расположенные ближе к Франции, чем к Англии. Изучив первый вариант, я отверг его, потому что Мэн находится слишком далеко на севере — климат для моей затеи неблагоприятный. Куда больше

привлекал меня Джерси — главный из Нормандских островов. Вот только одна загвоздка: я не знал там никого.

Снова обратился я к моему многострадальному издателю, и снова Руперт меня выручил. Через него я познакомился с майором Фрейзером, который постоянно проживал на Джерси и доверчиво согласился помочь мне подыскать подходящее место. Вместе с моей женой Джеки я прилетел на Джерси; майор Фрейзер встретил нас, и мы проехали на его машине по острову, знакомясь с различными участками. Увы, каждому из них чего-то не хватало. Заметно приунывшие, мы взяли курс на владения самого Фрейзера, где нас ожидал завтрак. И вот перед нами поместье Огр — постройка из местного гранита цвета осенних листьев, огромный сад, обнесенный каменной стеной, внутренний двор с въездом через две великолепные арки шестнадцатого века, а крутом мягкими складками простиралось полтора десятка гектаров возделанных земель. С первого взгляда я понял: это то, что мне надо. Но годится ли посягать на родовое поместье человека, оказавшего тебе гостеприимство? В конце концов, призвав на помощь весь такт, на какой я вообще способен, я предал гласности свои мысли. И с удивлением услышал, что майор Фрейзер подумывает о том, чтобы перебраться в Англию — очень уж дорого частному лицу содержать такое поместье. Так что он охотно сдаст мне его в аренду с правом выкупить поместье позднее, когда мы поднимемся на ноги. Тут же мы отправились к надлежащим властям, и моя идея была принята с неподдельным восторгом. В итоге я в каких-нибудь три дня нашел подходящий участок, обзавелся всеми нужными разрешениями, чтобы основать зоопарк, и получил «добро» органов самоуправления Джерси. В три дня я достиг того, чего не смог добиться за год борьбы с тяжеловесной английской бюрократией. Что ни говорите, у небольших самоуправляющихся территорий есть свои достоинства.

На первых порах зоопарк производил далеко не солидное впечатление. Помещения для животных при всей их добротности не ласкали глаз, но что поделаешь, если денег не хватало. И мы надеялись исправить положение в ближайшем времени по мере того, как наше учреждение будет расти и преуспевать. Создавая зоопарк, я в то же время должен был и зарабатывать на жизнь, и добывать средства на покрытие ссуды. Понятно, материал для книг я мог собрать только в новых экспедициях, но это меня вполне устраивало, ведь теперь я впервые точно знал, что ждет моих зверей (какие клетки и какой уход), когда я их привезу. С другой стороны, уезжая в экспедиции, я был вынужден оставлять новорожденного на попечение управителя. Очень скоро выяснилось, что это было роковой ошибкой. Вернувшись из очередной экспедиции, я обнаружил, что придется отложить дальнейшие поездки и взять бразды правления зоопарком в свои руки, пока

Д

дело не кончилось полным банкротством. Последовали два, мягко выражаясь, весьма утомительных года. Приходилось брать новые ссуды для борьбы со смертностью детенышей; в то же время я должен был писать, чтобы прокормиться и как-то покрывать долги, которые достигли угрожающих размеров.

Нам повезло, что с самого начала удалось создать коллектив из преданных делу, работающих сотрудников; без них вся моя затея, несомненно, зачихала бы на корню. Я рассказал им о своих финансовых затруднениях, подчеркнул, что наше предприятие висит на волоске, и заключил, что самое верное для них — искать себе другое место, где они могут рассчитывать на приличное жалование и более надежную перспективу. К их великой чести, все они решили остаться, и после многих лишений и испытаний, после черных дней, когда мы буквально не знали, протянем ли до конца недели, нам удалось вывести зоопарк из опасной зоны. Сперва медленно, затем все увереннее он начал расти и преуспевать. Три года упорного труда ушло на создание прочного фундамента.

Наконец кригическая пора осталась позади. Доходов от входных билетов хватило бы на многие годы благополучного существования обыкновенного небольшого зоопарка. Но ведь не об этом я мечтал, когда закладывал основу своей коллекции. «Карманных» зверинцев, не приносящих никакой пользы, и без того было предостаточно. Чтобы наш зоопарк развился в задуманное мной учреждение, требовалась финансовая поддержка со стороны. Оставался единственный путь: превратить его в трест с научным уклоном.

В Америке, как я узнал потом, словом «трест» чаще всего обозначают кредитное учреждение. Но в Англии под трестом подразумеваются также клубы или ассоциации, которые, как правило, больше озабочены добычей, а не распределением средств. Мой трест должен был представлять собой филантропическую научную ассоциацию некоммерческого типа; такая форма освобождает от подоходного налога и к тому же позволяет принимать пожертвования со ссылкой на то, что налоги внесены жертвователями.

Устав был разработан мудрейшим собранием юристов и бухгалтеров. Мы решили назвать ассоциацию Джерсийский трест охраны диких животных. В окончательной редакции цели треста были сформулированы так:

1. Поощрять интерес к охране диких животных во всем мире.
2. Создавать в неволе плодовые колонии различных видов фауны, которым угрожает истребление в дикой природе.
3. снаряжать специальные экспедиции для спасения исчезающих видов.
4. Изучая биологию таких видов, накапливать и систематизировать данные, которые помогут охранять исчезающих животных в дикой природе.

Первые члены пришли в трест не совсем обычным путем. Разумеется, садясь писать книги, я с самого начала думал о создании зоопарка, на основе которого будет организована ассоциация. А потому все письма с одобрительными отзывами я аккуратно хранил, полагая, что люди, которым понравились мои книги и которые взяли на себя труд написать об этом, по всей вероятности, согласятся стать членами-основателями нового треста. И как только трест был формально учрежден, я обратился к каждому из авторов писем с просьбой поддержать нас. К нашей радости, большинство ответило согласием. Так сложилось членское ядро нашего треста.

Однако, прежде чем передавать дела ассоциации, надо было решить еще одну проблему — покрыть первоначальный заем, истраченный на будущую штаб-квартиру треста. Мне было ясно: если новорожденная ассоциация получит на крестины в подарок долг в размере около 35 тысяч фунтов, у нее будет очень мало надежд вырасти в серьезное и преуспевающее научное учреждение. Оставался единственный выход: я принял весь долг на себя. В итоге, когда были завершены юридические процедуры и трест начал свое существование, я передал зоопарк со всем его имуществом доверенным лицам и совету без доведка в виде внушительной задолженности.

За двенадцать лет, прошедших с той поры, новорожденный вырос в юного крепыша. Говорю «юного», потому что впереди еще долгий путь, но основа заложена весьма прочная. За двенадцать лет мы кое-что сделали. Первоначальная коллекция — обычный смешанный набор — в значительной мере уступила место жизнеспособным колониям исчезающих животных; видов теперь стало меньше, а особей больше, как и было задумано. Мы добились похвальных по нашим масштабам результатов в размножении животных; некоторые виды впервые дали потомство в неволе — свидетельство того, что мы успешно осваиваем новые методы. Что еще важнее, получен приплод от многих редких и исчезающих видов. Важное значение приобрела наша научная картотека; основанный на ней «Ежегодный отчет», рассылаемый всем членам треста, стал весьма ценным научным документом. Более двух миллионов посетителей ознакомились с нашей коллекцией животных в штаб-квартире треста — поместье Огр; численность членов растет с каждым годом, и с каждым годом укрепляются наши научные и финансовые позиции.

Недавно я побывал в Америке, где участвовал в учреждении Международного треста охраны диких животных; эта родственная организация позволит расширить сферу нашей охранной работы. Уже теперь ее содействие приносит плоды не только на Джерси, но, что еще важнее, помогает нам распространять свою деятельность и на другие уголки мира. Наш трест

Д

вместе с американскими коллегами уже проделал существенную работу в разных странах. Мы предоставили финансовую помощь и консультации для таких начинаний, как разведение недавно обнаруженного вновь карликового кабана и исчезающего малого антильского попугая; проведены «спасательные» экспедиции в Сьерра-Леоне и в Мексику для отлова вымирающих животных (вулканического кролика и других), чтобы создать плодотворные колонии.

Для жителей Джерси мы, понятное дело, по-прежнему остаемся «зоопарком». Это в порядке вещей, да только зоопарк наш не совсем обычный. Мы преследуем совершенно четкие цели, ясно представляя себе роль современного зоопарка в охране животных и в научных исследованиях. В этом смысле наше заведение все еще единственное в своем роде: время, деньги и энергия целиком направлены на разведение животных в неволе во имя сохранения фауны. Мы не ограничиваемся пропагандой таких мер, мы проводим их в жизнь. В этой книге я постараюсь показать, в чем мы преуспели, где потерпели неудачу и чего надеемся достичь в предстоящие годы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПОЗОЛОЧЕННАЯ КЛЕТКА

Здесь достаточно повторить следующее основное положение: идеальное решение для зоопарков — не стремиться точно воспроизводить среду обитания, а с учетом биологических принципов транспонировать естественную среду в искусственную в условиях зоопарков.

Хейни Хедигер. Человек и зверь в зоопарке

Малый простор и малые помещения направляют ум на верный путь; в обширных помещениях ум рассеивается.

Леонардо да Винчи

Одно из наиболее распространенных заблуждений, с которым постоянно встречаешься в зоопарках, — это взгляд на животное как на узника. Взгляд такой же неверный и устаревший, как если бы в наши дни люди все еще верили, что внутри радиоприемников и телевизоров сидят маленькие человечки, которые там говорят, поют и танцуют.

Хейни Хедигер. Человек и зверь в зоопарке

Многие ньюйоркцы всю жизнь проводят в пределах территории, уступающей по размерам деревенскому поселку. Стоит им удалиться от собственного дома на два квартала, и они уже на чужбине, и чувствуют себя не в своей тарелке, пока не вернутся обратно.

Э. Б. Уайт

Всякий, кто соприкасался с зоопарками, должен волей-неволей признать, что архитектура этих заведений далека от искусства. Обычный архитектор ведет себя в зоопарке, словно ребенок, впервые получивший кубики. Дай ему волю, он нагромоздит постройки, проку от которых будет не больше, чем от домиков, сооруженных пятилетним дебилем.

Главная проблема зооархитектуры в прошлом (да и теперь дело обстоит немногим лучше) заключалась в том, что клетки и вольеры конструировались людьми с мыслью о *людях*. Как ни странно, но приходится подчеркивать, что при конструировании каких-то помещений для животных необходимо учитывать четыре момента (назову их по степени важности):

- 1) потребности животного;
- 2) потребности человека, ухаживающего за животным,
- 3) потребности публики, которая придет смотреть животное, и
- 4) эстетические воззрения архитектора и садовника при зоопарке.

В обычном зоопарке вы слишком часто увидите, что эта последовательность нарушена. Вашим глазам предстанет величественное сооружение — мечта архитектора, приводящее в восторг публику, но никак не пригодное для животных и обслуживающего персонала. Я называю это «антропоморфной архитектурой», а возникновение ее обусловлено двумя причинами.

Во-первых, архитектор хорошо *знает*, что нужно ему и публике, а именно нечто просторное и ласкающее глаз (чтобы успокоить совесть, страдающую от мыслей о воображаемых тяготах неволи). Однако он *не знает*, что нужно животному, а так как обычно между архитектором и лицом, ответственным за благо животного, нет ровным счетом никакого взаимодействия, на свет являются архитектурные монстры.

Конечно, ждать от каждого зооархитектора, чтобы он разбирался в зоологии, было бы так же нелепо, как ждать честности от каждого политика, и все же не вредно архитектору уметь различать жирафа и соню, как и политику полезно отличать правду от кривды. Судя по конечному продукту, в большинстве случаев архитектор после короткого инструктажа засучивает рукава и выдает наилучшее, на его взгляд, архитектурное решение, мало задумываясь над тем, что нужно животным и персоналу. В современных зоопарках, увы, слишком много клеток, вовсе не подходящих для своих обитателей, но публика, как ни странно, редко их критикует — были бы чистые и аккуратные. Оттого и получается, что многие зоопарки стремятся увеличивать размеры клеток, хотя животные в большинстве случаев

Д

используют лишь одну пятую предоставленного им пространства и, наверное, чувствовали бы себя куда надежнее в более тесной обители.

Помню, как я осматривал новехонький слоновник вместе с одним достаточно известным директором зоопарка из континентальной Европы, который полагал, что архитектор, работающий на зоопарк, должен почитать заказчиков зверей и прежде всего исходить из их пожеланий и нужд. Довольно долго мы молча созерцали новое чудовищное сооружение, наконец мой друг нарушил тишину.

— Это для чего же? — спросил он хриплым шепотом.

— Для слонов, — коротко ответил я.

— Для слонов? — Он вытаращил глаза. — Для слонов? А почему такой конструкции, для чего эти острые выступы поверху, они зачем?

— Если верить архитектору, — объяснил я, — вся постройка в целом призвана изображать стадо слонов на водопое.

Мой друг закрыл глаза и со страдальческим лицом пробормотал на малоизвестном балканском наречии страшное проклятие в адрес всех архитекторов. Собственно, только последнее слово я и разобрал, причем гость вложил в него столько яда, что ему позавидовала бы плюющая кобра.

Мы вошли внутрь помещения, напоминающего обезображенный собор. Мой друг обозрел предназначенное для животных ограниченное пространство и огромный лабиринт для публики, затем поднял взгляд вверх, туда, где, будь это и в самом деле собор, высоко-высоко висели бы колокола, передернул плечами и снова воззвал к некоему балканскому божеству.

— Зачем потолка высокий такой? — спросил он меня; не очень хорошо владея английским, гость под влиянием увиденного и вовсе стал запинаться. — Зачем потолка высокий такой, а? Или они думают, слон вдруг захочет полететь наверх и устроить там ночлег?

Познакомьтесь с зоопарками в разных концах света, и вы увидите сколько угодно таких архитектурных убожеств. Самый подход к тому, как строить клетки, загоны и дома для животных, годами был и во многом остается неправильным. Есть зоопарки, добившиеся серьезных успехов, но их, увы, так мало. Когда проектируют зоопарк, прежде всего интересуются не потребностями животных, а запросами публики. Между тем для надлежащей постановки дела нужно следующее:

- 1) клетка, образующая необходимую животному территорию, с убежищем, где ее обитатель может укрыться для отдыха;
- 2) устраивающие данное животное партнер или партнеры;
- 3) надлежащий корм: привлекательный на взгляд животного и питательный на ваш взгляд;
- 4) возможно меньше поводов для скуки; другими словами, клетка

должна быть щедро «обставлена», желателен также один-два соседа, с которыми можно в свое удовольствие поцапаться и повздорить без кровопролития.

Однако антропоморфная позиция посетителей ведет к тому, что для животных по-прежнему громоздят жуткие постройки, обожаемые зоопарками нашего столетия современные эквиваленты индуистских обезьяньих храмов; и сколько же несчастных и неблагодарных макак встретили свой конец, дрожа от холода в таких сооружениях.

Беспокойство публики за животных, содержащихся в неволе, похвально, однако чаще всего основано на заблуждениях. Люди редко, очень редко осуждают в зоопарке то, что и впрямь заслуживает осуждения, зато готовы поднимать страшный шум из-за вещей, которые не играют ровным счетом никакой роли для животного.

Говорят: не годится держать животное в клетке, не годится обрекать его на заточение, не годится лишать свободы. Мало кто критикует конструкцию клеток, огонь критики направлен против самой идеи клетки. Тот факт, что в природе территории разных животных отличаются по своему характеру и размерам, что они в зависимости от вида могут охватывать и несколько квадратных метров, и несколько квадратных километров, точно так же как у людей есть сады, поместья, графства и государства, открыт сравнительно недавно, и для исследователя тут еще непочатый край работы. Тем не менее именно этот факт нужно постоянно помнить, когда конструируешь клетку или вольер для животного. Поместить зверя в вольер еще не значит лишить его свободы, ведь территория есть своего рода природный вольер, и слово «свобода» означает для зверя не то же самое, что для воинствующего свободолюбца из рода гомо сапиенс, который может позволить себе роскошь тешиться абстрактными идеями. На самом деле вы отнимаете у животного то, что для него куда важнее, — *территорию*, участок обитания; вот и постарайтесь дать ему полноценную замену, иначе оно будет тосковать, хиреть, а то и вовсе умрет.

Чтобы клетка стала территорией, нужно подчас совсем немного, и не размеры тут главное. Форма клетки, количество веток или отсутствие их, маленький бассейн, куча песка, колода — любая деталь может сыграть решающую роль. Непосвященный посетитель зоопарка не придаст ей значения, тогда как для животного она превратит клетку в территорию, а не постылую обитель, где оно будет влачить жалкое существование. Повторяю, размеры — не главное. Как раз в этом пункте наши критики ошибаются, потому что обычно весьма смутно представляют себе, насколько регламен-

Д

тирована жизнь большинства животных. Как правило, сутки дикого зверя до того монотонны, что перед ними будни лондонского клерка покажутся чем-то вроде первых пяти томов «Тысячи и одной ночи». Людям невдомек, сколь ограничена площадь, в пределах которой протекает все существование иных представителей фауны. Часто животные растут, размножаются и умирают на относительно маленькой территории, выходя за ее границы лишь в том случае, если им недостает какого-то важного компонента.

В дождевых лесах Западной Африки, на краю поляны, где я устроил свой лагерь, росли три десятиметровых дерева, сплошь покрытые лианами и эпифитами. Они стояли вплотную друг к другу и воплощали весь известный мир одной беличьей четы. На этом крохотном ареале две белки средних размеров располагали всем необходимым. Тут и корм — плоды, побеги, наскомые; тут и питье — роса и дождевая влага в кармашках, где сучья соединялись со стволами. И наконец, что не менее важно, они располагали друг другом. Я провел на этой поляне четыре месяца. От зари до зари белки были у меня на виду, и ни разу я не наблюдал, чтобы они выходили за пределы своих трех деревьев, кроме тех случаев, когда требовалось отогнать незваных сородичей.

Три насущных фактора, которыми были обеспечены эти маленькие грызуны, судя по всему, одинаково управляют жизнью всех животных: возможность воспроизведения рода, доступ к пище и воде. Эти же факторы определяют требования к территории, являющей собой вид естественной клетки. Я не говорю, что противники содержания зверей в неволе не правы, хочу только сказать, что в своей критике они исходят из неверных посылок. Антропоморфный подход — вот что страшнее всего.

В зоологической экспедиции вы немало узнаете не только о территории, но и о критической дистанции. Речь идет о наименьшем расстоянии, на какое животное подпускает врага, прежде чем обратиться в бегство. Это расстояние неодинаково для разных видов, но само понятие действительно для всех животных, в том числе для человека. Если не верите, пойдите в поле, где пасется бык, и определите сами для себя критическую дистанцию. Когда вы налаживаете отношения с только что пойманным диким животным, самая трудная задача — убедить его сократить критическое расстояние (не забудьте, вы — враг, к тому же такой, который все время маячит перед глазами). Кроме того, вам надлежит обеспечить животное новой территорией взамен природной.

Возьмем, к примеру, ту же белку. Посадите только что пойманную белочку в забранный проволочной сеткой простой деревянный ящик (обычно выступающий в роли транспортной клетки), и пленница будет в страхе метаться и прыгать при каждом вашем приближении. Так может продол-

жаться месяцами, может продолжаться без конца — и все потому, что зверек разом лишился своей территории и возможности соблюдать критическую дистанцию. Ему некуда деться от вашей чудовищной руки, когда она вторгается в лилипутский мир зверька, чтобы навести порядок и накормить его.

А теперь поместите белку в тот же ящик, предварительно отгородив в одном конце спальню с узким входом, только-только пролезть зверьку. Тотчас вся картина переменится. У белки есть убежище, где она может укрыться, когда вы вторгаетесь на ее территорию. Сидя в тихой спальне, она может — пусть не безучастно, но, во всяком случае, без чрезмерной тревоги — наблюдать, как вы чистите клетку, как забираете мисочки и, наполнив их водой и плодами, ставите на место. Разумеется, чтобы завоевать доверие животного, на спальню поначалу надо посягать возможно реже. А это подчас легче сказать, чем сделать, потому что некоторые животные, как и некоторые люди, — страшные скопидомы, они будут старательно прятать в своем убежище все, чего не в силах съесть, — со временем пригодится! Когда запах гниющих остатков становится невыносимым, поневоле вторгаться в спальню и наводишь чистоту, но чем больше вы можете с этим поременить, тем лучше.

Освоившись полностью в новых условиях, животное даже будет предвкушать периодические вторжения в его убежище: ведь появятся свежие банановые листья или пучки травы, а с ними съедобные семена и мелкие насекомые, волнующие запахи из внешнего мира, и можно предаться увлекательнейшему занятию — приготовлению новой постели.

Мой опыт показал, что такая спальня — превосходное средство наладить контакт с большинством мелких млекопитающих. Одна дикая белка освоилась так быстро, что, когда через три дня возникла необходимость убрать в ее убежище, она забралась туда и начала устраивать постель, буквально вырывая у меня из рук свежие банановые листья. А один на редкость сварливый и воинственный карликовый мангуст уже через несколько часов твердо решил, что не только спальня, но и вся его клетка неприкосновенна. Незамедлительно признав ее собственной территорией, он яростно защищал свой участок обитания не хуже раненого тигра. Приходилось выдумывать всяческие уловки, заманивая зверька в один конец клетки, чтобы можно было поставить воду и корм в другом конце без риска, что мангуст устроит вам кровопускание.

Размеры обычных транспортных клеток определяются простым соображением: перевозить животное в маленькой клетке безопаснее, чем в большой, так как угроза травм для узника гораздо меньше. К сожалению, грузчики далеко не всегда бережно обращаются с клетками, они могут и повер-

Д

нуть их не так, и даже уронить. Однако, несмотря на скромные размеры транспортных клеток, вы сплошь и рядом видите, как животное, привыкнув за несколько месяцев к надежному убежищу, по прибытии в зоопарк отказывается сменить его на более просторную квартиру. Транспортная клетка вполне заменила естественную территорию, превратилась в знакомый и безопасный участок обитания, где животное было обеспечено кормом и водой.

Новая клетка, будь она хоть в пятьдесят раз просторнее, ничего этого на первый взгляд не сулит, разве что предоставляет больше свободы, которая так волнует людей. Но животное меньше всего помышляет о свободе, ему нужна безопасность, а ею оно уже было обеспечено в тесной транспортной клетке. Частенько ничего не остается, как вносить транспортную клетку в стационарную и оставлять ее там на много дней, а то и недель, пока осторожное и консервативное животное не признает большое помещение своей территорией. И даже освоившись на новом месте, оно чуть что стрелой умчится в маленькую клетку, которую привыкло считать своим домом.

В одной из экспедиций в Западную Африку нам принесли трех галаго Демидова. Принес охотник в самую последнюю минуту, когда мы уже направлялись к морю, чтобы поспеть к отходу нашего корабля. Все же я купил зверьков. Но куда поместить их? У нас оставалась лишь далеко не новая плетеная верша местного изготовления длиной полметра с лишком, шириной пятнадцать сантиметров; хорошо еще, что галаго Демидова — самые маленькие представители рода (величиной с выдерживающего строгую диету золотистого хомячка). Вся троица удобно разместилась в верше, куда я напихал сухих банановых листьев. Галаго Демидова особенно милы: большие черные глаза, нежные уши, мягкая зеленовато-серая шубка, а легкостью и быстротой движений они напоминают влекомые ветром пушинки.

Как только мы три дня спустя добрались до побережья, я первым делом смастерил настоящую клетку и перевел моих галаго в новую квартиру. Вершу я не выбросил, и слава богу: в клетке зверьки сразу начали хиреть. Забились в спальню, отказывались от еды и глядели на меня огромными печальными глазами, словно три феи в изгнании. Не видя другого выхода, я вернул их в вершу; они тотчас воспрянули духом, стали есть и вести себя как положено. На пути в Англию верша, предназначенная совсем для других целей, начала разваливаться, приходилось то и дело чинить ее веревочками. Прибыв в зоопарк, галаго единодушно отвергли предложенную им клетку, раз в пятьдесят превосходившую размерами вершу. Ничто не могло заставить зверьков покинуть полюбившуюся им плетеную обитель. При-

шлось повесить ее на стенке новой клетки, и минуло около года, прежде чем галаго осмелели и начали выходить на простор. Но большую часть времени они по-прежнему проводили в рассыпающейся верше, не пожелали променять ее даже на специально изготовленную более вместительную и гигиеничную корзину. Наконец через два года верша, которую зверьки в три дня признали своим домом, окончательно распалась, но за этот срок очаровательные маленькие упрямыцы привыкли к новой квартире.

Впервые меня заставила призадуматься над тем, что я назвал бы транспортной территорией, мешотчатая крыса; она же явила мне пример того, как хладнокровно некоторые животные мирятся с пленом. Мешотчатые крысы, крупные серые грызуны ростом с молодую кошку, в изобилии водятся в некоторых районах Западной Африки. По большей части это довольно флегматичные существа, но, как и у всяких животных, у них есть свои маленькие причуды и особенности. Сюда можно отнести полное отсутствие страха, ибо я еще не встречал ни одной мешотчатой крысы, которая не была бы готова хорошенько тяпнуть вас; притом делается это словно невзначай, как-то рассеянно, я бы сказал, походя.

Другая крайне досадная привычка (тогда я о ней еще не знал) — набивать огромные защечные мешки едой, которую не удастся одолеть в один присест, и уносить ее в спальню. Заполучив первую в жизни мешотчатую крысу — и первый укус данной особи, — я охотно согласился оставить ее спальню в покое; однако вскоре определил, что ей явно не хватает корма. Мисочка неизменно блистала чистотой, и из спальни на меня сквозь паутину дрожащих усиков глядели печальные глаза этакого Оливера Твиста, переполотившегося в грызуна.

Озадаченный, я без устали подбрасывал в клетку корм, пока в один прекрасный день не увидел, что крыса почему-то не заходит в свое убежище. В чем дело? Оказалось, спальня была до такой степени набита съестными припасами, что при всем желании туда не войти. Хотя я уже усвоил, что на спальню лучше не покушаться, по молодости и по неопытности мне было невдомек, что такое невмешательство чревато нежелательными последствиями в виде гниющей пищи. Пришлось урезать паек и раз в десять дней вторгаться в заветное убежище. При второй уборке я опять обнаружил большие запасы: было очевидно, что я по-прежнему перекармливаю свою мешотчатую крысу. Уменьшив порцию скоропортящегося сочного корма, вроде бананов и папайи, я зато прибавил батата и арахисов, не боящихся долгого хранения в спальне. Так была решена и эта проблема.

Но тут мой узник выкинул штуку, которая опять заставила меня крепко призадуматься. Затеяв однажды вечером уборку, я обнаружил, что спальня пуста, если не считать горки еды на постели из банановых листьев. В зад-

Д

ней стенке зияло аккуратно прогрызенное отверстие, а «чертова скотина умотала в буш», как с несравненной меткостью выразился приставленный к животным африканец-служитель. Я попытался утешить себя избитым речением «на ошибках учатся» и мысленно постановил впредь обивать клетки мешотчатых крыс железом. Когда же утром я пришел за клеткой, чтобы отнести ее плотнику во исполнение задуманного, то увидел в спальне свернувшегося калачиком беглеца.

Я не поверил своим глазам. Вопреки всему, что толкуют большинство несведущих любителей животных, зверек *вернулся* в ненавистное жилище. Неслыханно! Я оставил крысу в покое и стал наблюдать за ней. Каждый вечер она выходила из спальни, чтобы наесться, напиться и с важным видом унести недоеденное в свое убежище, причем от набитых защечных мешочков казалось, что у нее свинка. Припрятав остатки, она с большим старанием и шумом приготавливала постель. Подходила к прогрызенному отверстию в задней стенке, приноживалась, завершала приготовление постели, выскальзывала наружу и исчезала в ночи. Через два с половиной часа появлялась вновь, забиралась в спальню, закусывала и, свернувшись калачиком, мирно спала до утра.

Так продолжалось два месяца, после чего пришла пора перебираться в другой район, за двести с лишним километров от предыдущего. Как-то моя мешотчатая крыса отнесется к перемене территории? На время переезда я заделал дыру куском жести, но убрал его, как только был разбит новый лагерь. Зверек отнесся к перебазировке с невозмутимостью высокопоставленного деятеля, привыкшего к дальним перелетам, и продолжал устраивать постель, откладывать про запас еду и совершать ночные прогулки в лес. Он оставался верным этой привычке вплоть до нашего отъезда в Европу, когда мне поневоле пришлось обить клетку железом, ибо я подозревал, что капитан парохода при всей симпатии к нам вряд ли одобрит ночные странствия мешотчатой крысы. Сама же крыса явно уразумела, что настал конец этому этапу в ее жизни, отлично прижилась в клетке, и мне приятно сообщить, что она благополучно здравствовала еще десяток лет в зоопарке, куда была отправлена.

Через несколько лет я приехал в Парагвай, и надо же было случиться так, что моя экспедиция совпала во времени с государственным переворотом. В Парагвае, как и в некоторых других южноамериканских странах, перевороты — нечто вроде национального вида спорта. На сей раз поединок чрезмерно затянулся, ни одна из сторон не могла взять верх, и поскольку не было возможности вывезти приобретенных мной зверей, пришлось их отпустить. Большинство моих узников провело в неволе около трех месяцев и успело привыкнуть к опеке. Теперь они отказались уходить.

Слонялись вокруг лагеря, ожидая кормежки, а несколько наиболее энергичных и толстоклювых попугаев продолжили себе путь обратно в клетки сквозь дерево и проволочную сетку. Естественно, животные, пойманные позже, поспешили скрыться в дебрях, но пристрастившихся к неволе пришлось отвезти подальше от лагеря — только тогда они поняли, что от них требуется.

Вот почему я так остро реагирую на выпады неосведомленных критиков. Они твердят, что не годится отнимать у животного «свободу». Добро бы знали что-нибудь о жизни животных, но ведь не знают. В их представлении поместить зверя в клетку — примерно то же, что лишить его возможности в дни отдыха совершить увеселительную поездку, посетить концертный зал, покататься на лыжах в горах. На животных эти доброжелатели смотрят как на косматых человечков: этакие дядюшка Фред и тетушка Фреда в меховых шубах. Но ведь это вовсе не так, каждый зверь — индивидуальность со своими взглядами, своими симпатиями и антипатиями. А потому очень важно, особенно когда берешься критиковать, попытаться взглянуть на вещи с точки зрения животного, а не своей собственной. Ведь вы вряд ли согласитесь стать супругом бегемотихи, хотя среди бегемотов найдется бездна желающих.

Из такого понимания неволи и возникла антропоморфная архитектура: не зная, в чем нуждается животное, люди *воображают*, будто им это известно, и приписывают ему *свои* запросы. Красивая большая клетка — вот лозунг. С большой клеткой они готовы мириться, пребывая в счастливом неведении о том, что данному наземному животному нужна площадь, а не высокая клетка, напоминающая старинные стоячие часы, что древесный обитатель захиреет в клетке высотой в полметра, как бы широка она ни была. Им невдомек, что красивая большая клетка при всей ее гигиеничности может быть предельно скучным бетонным квадратом, лишенным всего того, что наполняет жизнь зверя, которому надо лазить, прыгать, качаться, принимать демонстрационные позы и метить свою территорию.

Чаще всего клетки в зоопарках ругают за две вещи: малые размеры и решетки. Как мы уже убедились, размеры для клеток не главное. Теперь о решетках. Вопрос весьма непростой. Хотя в большинстве современных зоопарков решетки, придававшие столь неприглядный вид зверинцам прошлого века, уступили место более приятным для глаз и души материалам, у многих представление о зоопарке по-прежнему связано с решетками, а решетки — с тюрьмами. Попробуй растолкуй этим людям, что решетки *только для них* равнозначны заточению.

Так, в клетке приматов удачно размещенные решетки доставляют удовольствие животным: по ним можно лазить, на них можно висеть. Нередко

Д

в сконструированных на потребу публики цементных камерах человекообразных обезьян с устройствами для лазания дело обстоит так плохо, что обитатель клетки был бы только рад доброй старинной решетке. Для благи и радости таких активных древолазов, как орангутан или гиббон, решеток чем больше, тем лучше. Не могу забыть душераздирающую картину, которую я наблюдал в одном зоопарке на континенте. Великолепный взрослый орангутан был заточен в камере размером три на четыре с половиной метра без наружного отделения. Обитель бедняги освещалась маленьким и весьма грязным фонарем, укрепленным на потолке. На дворе стоял яркий, солнечный день, а в клетке царил такой сумрак, что надо было напрягаться, чтобы рассмотреть животное. И никакого оборудования: ни жердей, ни каната, ни качелей, ни полки. Забранный стеклом цементный ящик. — вот и вся клетка. Орангутан сидел посреди пола, держа в руках лоскут мешковины, который он то надевал себе на голову, то снимал. Это было все, чем он мог занять свой чрезвычайно пытливый и острый ум. В такой клетке решетка была бы великим благом. Когда мы у себя конструировали наружные клетки для человекообразных, все это и многое другое было учтено.

Размеры наших клеток определялись длиной и высотой уже существовавшего здания (старинной каменной постройки для яблочного пресса), и остальном же мы могли действовать по своему усмотрению. Два основных соображения руководили нами: обезьяны должны видеть, но не касаться друг друга, и внутри клеток должны быть максимальные возможности для гимнастики. Видеть друг друга обезьянам важно по очень простой причине: чтобы внимание было чем-то занято. В любом зоопарке одно из главных зол для животных — скука, а когда речь идет о человекообразных обезьянах и других приматах, эта проблема приобретает особенно острый характер. Человекообразные чрезвычайно любопытны, им непременно надо знать, что происходит в соседней клетке. Так и хочется сравнить их с выглядывающими из-за тюлевых занавесок старыми девами.

Если клетки стоят в ряд, их обитатели могут следить за соседями только через решетчатые или проволочные перегородки. Нас такой вариант не устраивал по двум причинам. Во-первых, мы знали по горькому опыту: где сетки и решетки, там и укушенные пальцы. Во-вторых, стресс, вызванный постоянным тесным соседством с потенциальным соперником, способен испортить нрав любой человекообразной обезьяны и любого животного вообще. В конце концов наш архитектор нашел блестящее решение. Он придал клеткам почти ромбовидную форму; они частично соприкасались, но не смыкались. При такой конструкции каждая обезьяна видела, во всяком случае, часть соседней и следующей клеток.

Дальше возник вопрос, как оформить передние стенки. В ту пору у нас

было плохо с деньгами, не приходилось и помышлять о небьющемся стекле, которое мы потом применили для секции горилл. Оставались решетки — лишь они обладали достаточной прочностью, чтобы противостоять мускулам взрослой гориллы, орангутана или шимпанзе. Однако я был решительно против вертикальных прутьев, которые придавали такой жуткий вид зверинцам прошлого века, и в конце концов после долгих споров и экспериментов мы остановились на переплетах вроде тех, какие применяются при армировании бетона, с прямоугольными просветами высотой двенадцать и шириной двадцать сантиметров. Такая решетка не производила гнетущего впечатления, не мешала публике рассматривать животное и позволяла взрослым обезьянам лазать ввысь. Да и для новорожденных получились отличные лестницы. Вообще мы явно угодили малышам: когда у них прорезаются зубы, они страсть как любят почесать десны о холодный железный прут.

В наше время зоопаркам пора бы уже подходить с гораздо большей ответственностью к конструированию клеток, тщательно учитывая биологию животных. Клетка должна позволять ее обитателю вести возможно более естественный образ жизни и в то же время облегчать работу тех, кто наблюдает и ухаживает за животным. Словом, каждая клетка должна быть своего рода экспериментальной лабораторией, а не дурно сконструированным ящиком для показа животного публике, как мы это видим теперь.

Боюсь, большинство клеток в зоопарках не отвечает биологическим особенностям своих обитателей. Во многих случаях сам зоопарк тут и не виноват; он вынужден использовать придуманное и построенное десятки лет назад, когда еще не знали того, что знаем мы о потребностях животного, когда только-только начинали изучать такие вещи, как территория, критическая дистанция, стрессовые факторы. Но и в наши дни рождаются на свет уродливые сооружения, как правило, стоящие огромных денег. Появление этих никудышных конструкций ничем не оправдано. Речь идет об антилопах, смахивающих на третьеразрядную мужскую уборную; о птичьих вольерах, в которых даже птеродактилю было бы неудобно; об огромных павильонах, где замысловатым механизмам отведено в три раза больше места, чем животным; о постройках, где из-за стремления показать возможно больше разных видов под одной крышей на каждого зверя приходится минимум пространства.

По всему миру я наблюдал в зоопарках ужасные картины. Видел клетку гиббонов, где для разминки обезьяны могли только висеть на проволоочной сетке или прыгать по испещренным дырами бетонным плитам, глядя на которые казалось, что творец сего безобразия вознамерился (без особого успеха) превзойти наиболее абстрактные скульптуры Генри Мура. Дыры в

Д

поставленных на ребро серых плитах призваны были служить убежищем и ненастную погоду. Видел слоновники с такими узкими проходами для обслуживающего персонала, что с тачкой не пройти, а надо ли говорить, что группа слонов, как ни милы эти животные, ежедневно производит достаточно экскрементов, чтобы требовалась тачка. Видел дом для мелких млекопитающих, где клетки разделял сорокасантиметровый просвет, что исключало возможность найма тучных служащих, давая тем самым не совсем обычный повод для вмешательства профсоюзов, борющихся с дискриминацией.

Недавно мне довелось созерцать изобретательно и роскошно оформленный дом для птиц, стоивший сумасшедших денег. На мой вопрос, как же в этих огромных клетках ловят заболевших особей, мне ответили, что это довольно сложная проблема. Мол, единственный выход — сбивать их струей теплой воды из шланга. Если уж дело дошло до таких сильных средств, подумал я, можно просто стрелять в птиц из ружья, конечный итог будет примерно одинаковым. Вся постройка могла служить типичным образцом антропоморфной архитектуры: она воплощала последнее слово техники *показа* птиц и для публики была верхом совершенства. Не совсем уверен, что птицы разделяли точку зрения публики, хотя конструкция вроде бы создавалась для них.

Мне показывали сделанный по новому проекту загон для верблюдов, где только полуметровая ступенька призвана была помешать животным смешаться с публикой и дать волю своей очаровательной привычке брыкаться и кусаться. Меня заверили, что этой меры вполне достаточно: дескать, верблюды не любят спускаться по ступенькам. Хотелось бы теперь услышать — сами-то верблюды были об этом осведомлены, когда их переместили в новую обитель?

Бетон — сравнительно дешевый строительный материал, поэтому никуда не денешься от того, что его широко применяют в зоопарках. Однако людям почему-то невдомек, что бетон легко замаскировать и постройки для зверей вовсе не обязаны выглядеть так, словно они призваны устоять против атак вражеской армии. В умелых руках бетон хорош и полезен, но в зоопарках мира из этого немудрящего вещества сотворено больше безобразия, чем из какого-либо другого материала. Кажется, зачинщиком дурного поветрия был Любеткин, который в 1930-х годах создал для зоопарков ряд ужасающих по бесполезности и уродству конструкций. Похоже, с той поры слова «зоопарк» и «бетон» стали чуть ли не синонимами. В Австралии один директор зоопарка до того увлекся сим волшебным материалом, что только на него и налегал. Вскоре его заведение уподобилось унылому перенаселенному итальянскому кладбищу. Мой друг, обаятельный

французский орнитолог, сказал об этом человеке: «Беда не в том, что у И. дурной вкус, а в том, что у него вообще нет никакого вкуса».

Один город на Западном побережье США опрометчиво поручил проектирование своего зоопарка архитектору, который столь же опрометчиво взялся за это дело. Обожая цемент и его ближайшего родича, железобетон, и обладая художественными наклонностями гуннского вождя Аттилы, сей деятель создал нечто умопомрачительное. Оторопь берет, когда видишь, как много бетона использовано на строительство такого числа никуда не годных клеток. Чувствуешь острое желание все снести и начать строить заново, но разве справишься с этими горами бетона? Это же все равно что сносить египетские пирамиды. Особенно меня потряс вольер в виде глубокой цементированной ямы с подобием бетонного острова посередине. Остров венчало нечто вроде эскимосского иглу из бетона. В целом конструкция напоминала наиболее суровые участки Хайберского прохода в горах Афганистана. Архитектор не позволил своим украшательским наклонностям умалить совершенство этого шедевра; бетон представал взгляду посетителей во всем своем великолепии, нигде не оскверненный росписью, барельефами, орнаментами или лепниной. Мне предложили угадать, для кого предназначена эта уродливая яма. Я, не задумываясь, принялся перечислять наиболее стойких от природы животных, способных жить среди таких мрачных круч. Павианы? Гривистые бараны?.. Я не угадал. Огромное голое бетонное биде, стоившее баснословных денег, было сооружено для орангутанов, которые больше других человекообразных обезьян привязаны к деревьям. Знаменитая тюрьма Синг-Синг — и та лучше: в ней есть пригодные для лазанья решетки.

Мало того что несчастные животные и обслуживающий персонал должны выносить глумление архитекторов — теперь размножаются, будто поганки, так называемые «консультанты по зоопаркам». Эти румяные херувимы, выходящие на охоту стаями, заверят вас, что готовы спроектировать целый зоогородок со всем, чего вы пожелаете, от слоновника до дельфинария. Одна минута — бульон готов, только не забудьте заправить звонкой монетой. Смысл, цель? Ну нет, это не по их части. И вообще зачем зоопарку цель, это же чисто престижное заведение. Без зоопарка ваш город не может тягаться с соседним городом. А если, не дай бог, во всей стране нет зоопарка, вашу нацию могут посчитать неполноценной.

Большинство в этих своеобразных шайках составляют архитекторы. Разумеется, иногда (дабы вы не усомнились в честности их намерений) они берут в компанию двух-трех человек, способных при некотором старании отличить жирафа от оленя, может быть, даже носорога от бегемота, хотя я, унылый скептик, сомневаюсь, достаточно ли этого. Неужели этим лю-

Д

дам будет позволено производить на свет новые выводки архитектурных недоносков, заколачивать новые гвозди в гроб идеи о зоопарке как о научном учреждении?

Само понятие *содержания* животных меняется на наших глазах, да что там, в корне изменилось за последние двадцать лет, но с клетками сдвиг только-только намечается. Лучшие зоопарки ориентируются теперь не на единичные особи и не на пары, а на группы животных. Гораздо больше внимания уделяется борьбе с главным изъяном неволи, о котором люди так редко задумываются, — скукой. Без угрозы со стороны хищников, располагая даровым кормом, водой и партнером, чем животному заниматься? Остается умирать со скуки наподобие какого-нибудь несчастного отпрыска богатых родителей. Зоопаркам будущего надо делать упор на меньшее разнообразие видов и большее число особей. Создавать самовозобновляющиеся группы, частично, а то и полностью устраняя необходимость расходования диких популяций. И первый шаг в этом направлении — правильная конструкция клеток и вольеров.

Хочу еще раз подчеркнуть: что хорошо для вас, необязательно благо для животных, и не всегда животному нравится то, что по вкусу вам. Ярким примером может служить наша колония африканских цивет. В 1965 году я впервые привез из Камеруна прекрасный экземпляр этих чудесных зверьков с черно-серой пятнистой шубкой; потом нам удалось раздобыть для него супругу из Уганды. Крайняя бедность вынудила нас тогда оборудовать логово для цивет в большом деревянном ящике из-под авиационного мотора. Пока ящик был новым, логово выглядело вполне пристойно; к тому же, заверяли мы себя, это временная мера, от ящика избавимся, как только появятся деньги на благоустроенную постоянную обитель. Но когда появлялись деньги, они, как это всегда бывает, уходили на более важные дела и на более важных животных. Логово цивет оставалось нетронутым, если не считать мелкие усовершенствования и текущий ремонт.

Как уже сказано, пока ящик был новым, нас он вполне устраивал, но по мере того, как он старел, мы начали глядеть на него с отвращением и, проходя мимо, смущенно отворачивали голову, как отворачиваются деятели англиканской церкви, проезжая мимо принадлежащих им трущоб. Правда, наши подопечные в отличие от обитателей трущоб отнюдь не жаловались, они хорошо прижились и (при участии нескольких особей, приобретенных мной в Сьерра-Леоне для освежения крови) стали размножаться, да так, что мы заняли первое место в мире по разведению африканских цивет. На сегодняшний день получен приплод в количестве сорока девяти особей. Пары выращенных нами цивет разосланы в зоопарки по всему свету, и наблюдение над нашей колонией дало интереснейший материал о по-

ведении, течке, копуляции, продолжительности жизни, численности помета, сроках беременности и так далее. И хотя африканская цивета пока не относится к редким животным, хотя нет неотложной необходимости разводить ее в неволе, тем не менее наш опыт очень даже пригодится, если в будущем мы сможем позволить себе организовать операцию по спасению других членов семейства виверровых (например, индийской циветы), да и вообще других мелких хищников вроде столь интересных обитателей Мадагаскара.

Итак, занимаясь размножением цивет, мы собрали бездну важных данных. Но особенно примечательно то, что животные размножались в далеко не гигиеничном, а теперь и вовсе дряхлом ящике из-под авиационного мотора. Мы его терпеть не можем, а циветам он явно по душе.

И все же постоянно следует думать о том, как совершенствовать условия содержания животных. До чего хорошо, когда есть возможность оборудовать серию клеток или загонов для какой-то одной группы животных! В прошлом в одном и том же обезьяннике держали и мармозеток величинной с крысу, и горилл весом до полутора ста килограммов. Да что там, в секциях мелких млекопитающих под одной крышей обитали муравьед и крыса, броненосец и валлаби. Надо ли говорить, что обеспечить идеальные условия для столь разных животных было невозможно; то ли дело — отдельные дома для горилл и для мармозеток. Конечно, разные виды мармозеток, и не только виды — группы, даже особи, отличаются друг от друга повадками. Но, построив помещение *лишь для этих* крохотных приматов, вы затем можете сосредоточиться на их потребностях, не разбрасываясь на сотню-другую совсем различных видов.

Мы надеялись, что в нашем комплексе для мармозеток и тамаринов решены если не все, то хотя бы некоторые проблемы. Еще в 1939 году я завел в качестве компаньона животного черноухую мармозетку, и это обаятельное существо прожило у нас восемь лет, что тогда считалось рекордом для этих мелких приматов. Мармозетка свободно гуляла по дому и саду в любую погоду; единственная скидка на нежность ее организма заключалась в том, что мы постоянно держали в гостиной включенной одну лампочку, у которой обезьянка могла погреться, когда становилось холодно. Постелью служил кусок старой шубы, и на ночь мы клали ей грелку. Казалось бы, не самые хорошие условия, однако мармозетка чувствовала себя отлично; на моих глазах она по часу играла на снегу, потом спешила к лампе, чтобы отогреть ноги.

Вот вам и нежное существо. Если взять обмен веществ, то хрупкие игрушечные ближе к птицам, чем к млекопитающим. Им привычна жаркая и влажная атмосфера тропического дождевого леса. А эта особь была рада

Д

обилию свежего холодного воздуха и редким порциям солнечного света, и которые так скуп прихотливый английский климат. Со здоровьем все было в порядке; густая шубка лоснилась. Все же, переиначивая известную испанскую пословицу, одна мармозетка не делает лета. Может быть, мне достался представитель данного вида на редкость спартанского склада. Поэтому, когда в Джерсийском зоопарке у нас появилась возможность экспериментировать с двумя молодыми краснорукими тамаринами, мы поместили их в большой вольер с обогреваемым укрытием, куда они могли войти в любое время. Результат был тот же, что и с моей черноухой мармозеткой. Они великолепно чувствовали себя, и выросла чудесная пара с густой, слоной каракуль, шерстью.

Этот опыт вместе с множеством других наблюдений, накопленных за годы работы, был учтен, когда в 1970 году щедрое пожертвование позволило нам выстроить специальный комплекс для мармозеток и тамаринов. Наш заместитель по научной части Джереми Молинсон всегда был глубоко неравнодушен к игрушечным, поэтому ему была поручена, как он говорил, самая приятная в его жизни задача: конструировать новое здание.

Мы постановили, во-первых, что у каждой группы мармозеток будет своя клетка-вольер, обращенная на юг, чтобы предельно использовать хорошую погоду. Далее надо было решить ту же проблему, что и с человекообразными обезьянами, — разместить клетки так, чтобы их обитатели могли видеть друг друга и препираться, как бы обороняя свою территорию, но на безопасном расстоянии: не будет покусанных пальцев или хвостов, не будет стрессов. Мы поступили примерно так же, как в первом случае: фасад каждого бокса заканчивался клиновидным фонарем, и вот в этих-то соседствующих фонарях животные могли видеть друг друга, не соприкасаясь. Ушли в заднюю часть вольера — и вовсе уединились от соседей. Внутренние секции были устроены намного сложнее, тут Джереми дал полную волю своему воображению.

Секции размером 122×91×152 сантиметра были собраны из матового пластика особой марки по специальному проекту, который предусматривал все необходимое для животных (спальный отсек, полка, устройства для лазания, инфракрасные лампы и так далее) и предельно облегчал обслуживание. Так, пластиковые полы сделали наклонными, чтобы упростить уборку. Спальные боксы запираются и вынимаются, животных можно переносить в другую клетку с минимальным риском травмировать их психику. За годы существования зоопарка мы держали и разводили тринадцать видов мармозеток и тамаринов и накопили немалый опыт. Когда пишутся эти строки, мы располагаем лучшей и самой представительной в Европе кол-

лекцией этих очаровательных исчезающих маленьких приматов и надеемся еще больше увеличить численность и видовое разнообразие наших колоний.

Когда строишь новые помещения для животных и пытаешься улучшить старые конструкции, все время приходится экспериментировать. И ошибки почти неминуемы. Как ни старайся предупредить их на чертежной доске, что-нибудь да упустишь. Проектируя для зоопарков, неизменно учишься на ошибках; остается лишь надеяться, что ошибки будут не очень серьезными. Взять, к примеру, использование стекла. На мой взгляд, это пусть дорогой, но все же один из лучших материалов для оборудования клеток. Он создает ощущение простора (свободы, если хотите), которое, уверен, одинаково ценится и животными, и публикой. Вы рассматриваете обитателей клетки без визуальных помех в виде решеток и проволочных сеток. Правда, у стекла есть серьезные минусы помимо дороговизны; самый главный из них заключается в том, что в минуты стресса животные склонны забывать о его присутствии.

Оборудуя новое внутреннее помещение для наших южноамериканских тапиров, мы в интересах публики вставили в стену две панели из зеркального стекла. Между панелями находилась дверь для обслуживающего персонала; верхняя часть двери была забрана армированным зеркальным стеклом толщиной три четверти дюйма. Несколько лет тапиры благополучно здравствовали в своей обители, сознавая, что стекло — преграда, хотя и незримая. Но однажды Юнона, одна из самок, чего-то вдруг испугалась (поди угадай — чего), а может быть, ей приснилось, что за нею гонится ягуар. Так или иначе, она, недолго думая, прыгнула — да не на большое видовое стекло, а на армированное стекло в двери. Просто диво, как она при этом не сломала себе шею. Еще большее диво, что Юнона не умерла от глубоких порезов, прежде чем ее наконец поймали почти за километр от клетки и уладили транквилизатором. Однако главное чудо во всей этой истории, что она была тогда на шестом месяце беременности и не успели ее раны как следует зажить, как Юнона благополучно произвела на свет отпрыска, который и весом, и здоровьем превосходил всех своих предшественников в нашем зоопарке.

Конечно, еще один минус стекла — реакция стоящего перед ним гомо сапиенс. Встречаются среди публики люди, которые при виде стекла и животного за ним хватаются за кирпич. К счастью, у нас в Джерси таких случаев пока не было. Разве что какие-нибудь веселые повесы вырезали на стекле инициалы своих подружек, чтобы доказать им, что алмаз в кольце настоящий. Когда этот трюк проделывают на купленном за границей бронированном стекле стоимостью около 600 фунтов стерлингов за лист размером 1,2...1,8 метра, невольно начинаешь плохо думать о посетителях и в

Д

миллионный раз спрашиваешь себя, стоит ли вообще применять стекло, чтобы они лучше видели животных.

К числу наиболее сложных и дорогостоящих конструкций относится наш комплекс для горилл. Он пока что себя вполне оправдал, если не считать один маленький недостаток: комплекс недостаточно велик. Всякий раз, начиная строить клетку, ты говоришь себе, что она будет достаточно вместительной, а закончил работу — либо у животных появился прищелок, либо готовая конструкция далеко не так просторна, как представлялась на бумаге. Но откуда нам было знать, что наши гориллы, восхищенные новым жильем, начнут размножаться с такой скоростью и регулярностью, что никакой конвейер Форда с ними не сравнится.

История комплекса для горилл интересна еще и потому, что показывает, какую роль в успехах нашего треста сыграло везение. Сначала мы приобрели самку Н'Понго, ей тогда было всего два с половиной года. Уже в первые дни, пока готовилась клетка и мы держали Н'Понго в своем доме, обнаружилось, какое это очаровательное существо; она вела себя даже лучше, чем многие гостившие у нас представители рода человеческого. По мере того как Н'Понго взрослела, стало очевидно, что ей нужен супруг или хотя бы подруга — уж очень рьяно проявляла она свое расположение к мужчинам из обслуживающего персонала (хорошо еще, что ей было неведомо постоянство). Если горилла весом около восьмидесяти килограммов проникнется нежными чувствами и не выпускает вас из клетки, вам остается лишь мириться с ее ухаживаниями. А посему, невзирая на нашу бедность, я приобрел еще одну самку, Ненди; она была помоложе, но крепкая и здоровая. Гориллы отлично поладили, и Н'Понго обожала Ненди, хотя не скрывала, что считает себя хозяйкой в клетке. Шли годы, наши холостячки благополучно здравствовали в своей квартире, однако было очевидно, что надо что-то предпринимать, и эта проблема серьезно меня беспокоила.

Нужен был партнер в том же возрасте или постарше наших девушек. Время от времени в продажу поступали самцы, но все они были слишком дорогими и слишком молодыми; пока они достигнут зрелости, наши самки уже состарятся. Приобрести молодого взрослого самца представлялось почти невозможным, а ведь нам еще приходилось считаться с тем, что самец, буде мы его все-таки получим, может невзлюбить самок или они невзлюбят его. Да и где гарантии, что ему известно, как происходит размножение. Словом, мы могли оказаться обладателями обделенного любовью самца и двух тоскующих дев. В довершение всего мы сознавали, что нынешняя обитель годится для наших горилл только потому, что обе самки ручные и к ним можно входить, а пусти туда неуравновешенного молодца — еще неиз-

вестно, чем это кончится. С финансами у нас, как всегда, было туго, и я знал, что на новую клетку денег взять негде. Казалось, мы зашли в тупик — и тут нам дважды привалило фантастическое счастье.

В зоопарк поступили новые животные, и местное телевидение, всегда уделяющее нам большое внимание, прислало, как обычно, свою группу, чтобы подготовить репортаж. Перед началом съемок я побеседовал с ведущим; новый человек на студии, он был поражен, каким обширным земельным участком располагает трест. Я заметил не без горечи, что от тридцати пяти акров не так уж и много радости, когда нет денег, чтобы их использовать. Ведущий предложил мне сказать это в ходе интервью. Я ответил, что говорил об этом множество раз и все без толку, но, если он настаивает, могу повторить.

Интервью было заснято, и вечером я увидел его на экране. Едва кончилась передача, как раздался телефонный звонок. Девушка с телефонной станции извинилась, что беспокоит нас, поскольку мы держим свой номер в секрете, но дело в том, что меня разыскивает один джентльмен, который хочет предложить мне денег. Я никогда не стеснялся брать деньги у знакомых людей, а потому попросил соединить джентльмена со мной. Владелец приятного голоса назвался Брайеном Парком и сообщил, что сию минуту видел меня по телевизору. Верно ли, что мне нужны деньги?

— Нам всегда нужны деньги, — ответил я, мгновенно прикинув, что здесь можно рассчитывать по меньшей мере на полсотни соверенов.

И тут Брайен Парк сделал то, чего за все годы не удавалось совершить никому из моих родичей, друзей и врагов. Несколькими словами он заставил меня потерять дар речи.

— Что вы сделали бы, если бы я дал вам десять тысяч фунтов?

Это было настолько неожиданно, что я никак не мог смекнуть, куда можно вот так сразу применить десять тысяч фунтов. За ночь я, естественно, опомнился. У нас были сотни дыр, но важнее всего — новое помещение для горилл. К моему облегчению, Брайен не возражал. Так у нас появились средства на новую клетку, вот только самца по-прежнему не было.

И тут нам вторично повезло. Эрнст Ланг, директор Базельского зоопарка, первый человек, которому удалось в Европе добиться потомства от горилл в неволе, с большим участием следил за нашими делами и особенно за судьбой наших двух незамужних горилл. И вот я получаю от него письмо с предложением продать нам Джамбо, взрослого самца, рожденного и выращенного в его зоопарке. Более того, Джамбо уже доказал свои способности производителя, став отцом маленькой самочки. Приобрести взрослого самца, выращенного в неволе, — невероятно! Да еще и проверенного на деле производителя — невероятно вдвойне! Проблема с гориллами реши-

Д

лась чуть ли не одним махом. Засучив рукава, мы принялись проектировать комплекс, которому присвоили имя Брайена Парка.

Наши грандиозные замыслы в какой-то мере лимитировались особенностями рельефа: участок наклонно спускался к большому заливному лугу. Выбор именно этого участка определялся тем, что новое помещение, хотя и самостоятельное, явилось бы естественным продолжением прежнего обезьянника. Крутизна откоса осложняла дело, но в конце концов задача была решена.

Мы были вполне довольны результатом, и до сих пор комплекс нас только радует. В нем три сообщающиеся спальни с отоплением в полу; через задвижные двери из каждой спальни можно попасть на площадку размером 10...15 метров с бассейном и устройствами для лазания. Площадка необычная: над ней нет крыши. Высота стен — 3,5 метра; две из них как бы собраны в гармошку, и в каждой складке есть окно размером 1,2...1,8 метра. Изнутри стены совершенно гладкие, не зацепишься; в окна вставлен «бутерброд» полуторадоймовой толщины из прокатанного вместе пластика и стекла, который даже бульдозером вряд ли пробьешь. Все сооружение смотрит на юг, чтобы обезьянам доставался не только дождь, но и максимум солнца; спальные отсеки снабжены навесом, образующим своего рода веранду. Недавно мы прикрепили к этому навесу телекамеру, которая позволяет, когда надо, следить за обезьянами круглые сутки.

В такой постройке немалую роль играют детали. Нужно было верно рассчитать наклон нар, чтобы легче было мыть их струей из шланга, но и чтобы гориллы не чувствовали себя так, словно они живут на склонах Джомолунгмы. Перегородки между отсеками выполнены в виде переносных решеток. Их можно убрать, и получается одно большое спальное помещение. Мы остановились на решетке по двум причинам. Во-первых, животные могут видеть друг друга, когда их почему-либо разводят; во-вторых, если понадобится выстрелить в гориллу иглой с наркотизатором или лекарством, мы можем это сделать без риска для себя из соседнего отсека.

Уступы в стенах образуют ниши, где гориллы могут уединиться; ведь животные, как бы хорошо они ни ладили, тоже иногда желают отдохнуть друг от друга, подобно супругам в человеческом обществе.

Мы тщательно продумали, в какие цвета красить комплекс. Большая конструкция занимает видное место на краю заливного луга; не угадаешь с краской, и получится что-нибудь столь же ненавязчивое и ласкающее глаз, как газгольдер. После долгих споров и экспериментов мы остановились на неяркой, оливково-зеленой краске для наружных стен. Она камуфлирует комплекс весной и летом, когда он сливается с окружающими деревьями. Изнутри применили светло-желтую краску. Получилось очень симпатично,

и гориллы хорошо смотрелись на таком фоне, однако вскоре дали себя знать минусы. Краска оказалась слишком светлой, и, поскольку комплекс обращен на юг, желтые поверхности в солнечный день уподоблялись зеркалам или рефлексорам, яркий свет резал глаза. Теперь стены изнутри голубые, а пол песчаного цвета. Это гораздо лучше, но все же мы не совсем довольны.

На очереди у нас еще один большой проект: новый комплекс для разведения рептилий. По сложности он намного превзойдет все, что мы до сих пор строили. Рептилии, как правило, не пользуются особой симпатией, поэтому и в зоопарках, и в кругах борцов за охрану фауны ими как-то пренебрегали. Я всегда полагал, что на пожертвования от добрых людей для разведения рептилий нечего надеяться, это тебе не птицы и не млекопитающие. Однако нам, как это уже было с гориллами, опять сказочно повезло. В Джерси собралась Первая всемирная конференция по разведению исчезающих видов, и среди сотен участников оказались давние члены треста, супруги Гэрти из Канады. В ходе конференции они улучили минуту, чтобы подойти и сказать мне лестные слова о планировке зоопарка и состоянии животных.

— Одно только портит картину, — продолжал Джефффри Гэрти. — Понимаете, мы с женой увлекаемся герпетологией, сами держим и разводим всевозможных рептилий. Ваши особи выглядят прекрасно, а вот террариум, мягко выражаясь, плоховат.

Я признался, что и сам отлично вижу недостатки нашего террариума (он был оборудован в бывшем гараже), и хвастливо — впрочем, больше в шутку, чем всерьез, — заявил гостю, что охотно построю лучший террариум в мире, если он подбросит денег. Тут же мы разошлись, поскольку мне надо было вести очередное заседание, и снова я встретился с четой Гэрти лишь перед самым их отъездом.

— Послушайте, — сказал Джефффри Гэрти, — вы это серьезно говорили? Если я раздобуду денег, вы в самом деле построите лучший террариум в мире?

— Конечно, — ответил я. — Нас тормозит только отсутствие средств. А что?

— А то, — продолжал доктор Гэрти, — что я, помимо всего прочего, эксцентричный миллионер.

— Пройдемте в мой кабинет, — молвил я, испытывая легкое головокружение. — У меня там лежат кое-какие предварительные наброски, которые были заготовлены на случай встречи с человеком вроде вас.

Так началось осуществление проекта, который, я надеюсь, выльется в уникальный центр по изучению и разведению удивительных и многократно

Д

оклеветанных созданий, именуемых рептилиями. Сразу скажу, что мы отнюдь не желаем стать обладателями столь типичных для зоопарков ужасных террариумов с широким набором совершенно различных видов, содержащихся день и ночь круглый год при одинаковой температуре. Мы сосредоточимся на ограниченном количестве исчезающих видов змей, ящериц и черепах. На строительство ушло три года, и сейчас, когда пишутся эти строки, мы готовимся завершить отделку. И, как всегда, со страхом спрашиваем себя, какие промахи были допущены нами на чертежной доске.

Наша конструкция необычна тем, что в отличие от большинства существующих террариумов мы главное место отвели не витринам, а скрытым от глаз публики отсекам для размножения. Ибо считаем, что разводить рептилий — наша первая задача, а демонстрировать их — вторая. Во многих случаях бывает трудно, а то и вовсе невозможно размножать рептилий в обычных террариумах, потому что условия среды не регулируются так, как надо. У нас внутренние отсеки состоят из специально сконструированных клеток, где приборы отмечают малейшие колебания влажности, освещения и температуры, позволяя обеспечить определенный суточный и сезонный ритм. Скажем, для животных с Калимантана мы постараемся воссоздать в миниатюре условия муссонного периода, когда он наступает в природе. Млекопитающие и пернатые — другое дело, они поддаются акклиматизации, и вы можете видеть, как тропические животные весело играют на снегу. Обмен веществ у рептилий исключает такие крайности. Они способны переносить малые колебания температуры, но для успешного содержания и размножения пресмыкающихся микроклимату надо уделять куда больше внимания, чем при уходе за другими животными.

Строительство зоопарков — увлекательнейшая задача, и в ее решении делаются только первые шаги. Сочетать удачную демонстрацию животных для публики с наилучшими условиями обитания для особей вполне возможно, но слишком мало зоопарков преуспело в этом. Как только предпочтение отдается показу, животные проигрывают. Притом мне кажется, что режим строгой экономии для директоров и архитекторов в этой области — не такая уж плохая вещь. Нам не раз удавалось доказывать, что эффективная постройка не обязательно должна быть дорогой. Конечно, изысканное оформление — это хорошо, но и при скромных денежных и материальных ресурсах можно добиться поразительных результатов. Как-никак только людям важна дорогостоящая эстетическая сторона. Животным нужна клетка, где они чувствовали бы себя дома; добейтесь этого, и вы будете вознаграждены.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЗАМЫСЛОВАТАЯ ЗАДАЧА

Затем внесли блюдо, на котором лежал огромнейший вебрь. Голову его венчал колпак волюнотпущенника; на каждом клыке висело по корзине, они были выстланы пальмовыми листьями и наполнены одна сирийскими, другая фивскими финиками. Маленькие поросята из теста, испеченные в духовке, окружали вебря, словно искали соски... Вооружившись охотничьим ножом, раб вспорол брюхо вебря, и внезапно из отверстия в боку животного вылетели дрозды.

Петроний. Пир Тримальхиона

Греки называли эту птицу Улупа, потому что она обмазывает свое гнездо человеческим калом. Это мерзкое существо поедает зловонные экскременты. Оно кормится мертвецами... Если человек перед сном вымажется кровью этой птицы, ему приснится, что его душат бесы.

Паук — это воздушный червь, ведь он добывает корм из воздуха, длинной нитью притягивая добычу к своему маленькому тельцу.

Т. Г. Уайт. Книга о зверях

Знаменитому гурману Брийя-Саварену принадлежат слова: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты». К сожалению, простое правило это неприменимо к животным. Не помогает и перестановка его членов. Зная, какое животное перед вами, вы можете лишь приблизительно отнести его к той или иной категории едоков, без учета индивидуальных симпатий и антипатий, если только вам вообще что-либо известно о его естественном рационе. К вам поступило животное, которое руководства характеризуют как «сугубо вегетарианца», — а оно обожает рыбу или мясо; вы получили «сугубо плотоядного» зверя, — а он истекает слюной при виде кисти винограда.

До недавних сравнительно пор в зоопарках не очень-то задумывались над рационами животных; значение этого вопроса явно недооценивалось. Преобладала точка зрения: что не годится в пищу человеку, то идеально для животного, — да и в наши дни слишком многие так рассуждают. Между тем в дикой природе животные, если исключить типичных падальщиков, едят самую свежую пищу, но этот элементарный факт не учитывался. Как часто видел я в зоопарках (даже в самых почтенных), что животным скармливали тухлое мясо и тухлую рыбу, гниющие овощи, переспелые фрукты с плесенью. Такая бережливость, доведенная до крайности, представляется мне ложной экономией. Если вы фермер и держите скотину впроголодь или даете ей неполноценный корм, то не можете требовать от

Д

нее ни высокого удоя, ни хорошего приплода. Так вправе ли директор зоопарка рассчитывать на крепкое здоровье своих подопечных и успешное размножение, если кормит их скверно? Сколько раз в прошлом животные попадали в разряд «трудных» только потому, что им давали не тот корм? Этот вопрос мог бы стать темой интересного, хотя и удручающего исследования для специалистов по истории зоопарка.

Мало того что обычный рацион в зоопарках нередко приносил больше вреда, чем пользы, так еще и посетители вносили свою пагубную лепту. Стало принятым ходить в зоопарк, чтобы «покормить зверей», и, что хуже всего, администрация с этим мирилась, потому что прямо или косвенно это упрощало финансовые проблемы. А тот факт, что посетители чаще всего давали животным неподходящий корм и в слишком большом количестве (отсюда болезни, а то и гибель ценных экспонатов), воспринимался философски. Я знаю по горькому опыту, как трудно помешать публике кормить животных в зоопарке, но в ту пору никто даже не пробовал останавливать посетителей, скорее, их поощряли. Правда, делались робкие попытки побудить этих доброхотов давать животным то, что им полезно, но без заметного успеха. Люди предпочитали потчевать своих любимцев смертельно опасными для них земляными орехами, шоколадками, мороженым (все покупалось в киоске зоопарка), и животные, обжираясь, словно маленькие дети, этими лакомствами, погибали от заворота кишок, энтерита, тромбоза.

Ныне во всех наиболее передовых зоопарках посетителям запрещено кормить животных, и хорошо, что запрещено. Но одно дело — запретить, другое дело — помешать. Рядовой посетитель зоопарка считает своим неотъемлемым правом беспрепятственно делать три вещи: щедрой рукой разбрасывать мусор; тыкать в зверей зонтиками и палками или бросать в них камни, чтобы пошевелились, если им вздумалось уснуть или просто стоять неподвижно; скармливать всем животным подряд все, что попало, будь то арахис или рафинад, губная помада или бритвенное лезвие. Да-да, я не присочиняю: наших животных потчевали и помадой, и лезвиями, а кроме того, аспирином, бутылочными осколками, кусочками пластика. Один раз подсунули даже набитую табаком и раскуренную трубку. Похоже, широкая публика еще меньше, чем многие директора зоопарков, смыслит, какая пища годится для диких зверей.

Интересно, что иные животные, в принципе весьма консервативные в своих гастрономических привычках, в зоопарке проникаются неодолимым влечением к пище, которая приносит им минимум пользы, а то и максимум вреда. Проявись у них эта черта сразу после поимки, насколько легче было бы зверолову: он знал бы, чем их соблазнить. Сколько испытаний при-

ходится подчас на его долю, ведь задолго до передачи животного в зоопарк зверолов обязан приучить его к новому рациону. Незавидная задача, чреватая не меньшими проблемами и разочарованиями, чем поползновения внедрить французскую кухню в рядовом английском пансионе.

Но есть другие крайности — животные-монофаги, то есть признающие только один вид пищи. Им подавай такой однообразный рацион, что и средневековый святой осудил бы их за чрезмерное умерщвление плоти. Например, уроженцы Африки и Азии панголины прекрасно обходятся одними муравьями, в некоторых случаях совсем неудобоваримыми на вид черными древесными муравьями, от которых так разит муравьиной кислотой, что у вас слезятся глаза, когда вы разоряете муравейник.

В прозрачных лесных речушках Западной Центральной Африки обитает примечательное существо со звучным латинским наименованием *Potomagale velox*, а проще — выдровая землеройка. Это насекомоядное, единственный представитель своего рода (правда, есть на Мадагаскаре отдаленный родич), достигает в длину более полуметра, шубка у него темная, как у крота, глазки крохотные, ключиц нет, мордочка вздутая, так что голова сбоку напоминает усатый молоток, хвост приплюснутый с боков, как у головастика. Любительница вод ведет ночной образ жизни и, во всяком случае в Камеруне, где я ловил выдровых землероек, кормится исключительно пресноводными крабами шоколадного цвета. Когда я поймал свою первую *Potomagale velox* и присмотрелся к ней, мне показалось, что такое сильное животное, похожее на выдру и явно приспособленное для охоты за самой различной добычей, не может обходиться столь ограниченной диетой. Самый фанатичный любитель ракообразных, говорил я себе, не откажется пополнить свой стол свежей рыбой или лягушкой, а то и кусочком водяной змеи. Я стал экспериментировать, предлагал моей пленнице крупных жуков, чудную рыбу разных сортов, расцветок и размеров, тучных лягушек, коротких и длинных змей, птичьи яйца и птенцов. Пустые хлопоты. Землеройка с отвращением воспринимала все попытки разнообразить ее рацион, сохраняя верность хрустящим крабам. А что в них питательного, недоумевал я, — почти один сплошной карапакс!

Передо мной, сами понимаете, стояла двойная проблема: во-первых, я не мог взять с собой на пароход достаточный запас пресноводных крабов (моя подопечная пожирала за ночь до трех с половиной десятков), во-вторых, ни один европейский зоопарк не в силах обеспечить столь изысканную диету. Увы, к услугам зоопарков нет знаменитых фирм, готовых поставить самое редкое кушанье. А потому моего гурмана надо было приучить к другой пище. Это было легче сказать, чем сделать, и мне пришлось пуститься на хитрость.

Д

На местном рынке я закупил сушеных пресноводных креветок, которыми приправляют кэрри, арахисовое пюре и другие африканские кушанья. Измельчив креветок, я смешал их с мясным фаршем и сырыми яйцами. Весь расчет был на жадность, с какой землеройка набрасывалась на еду в часы кормления. Убив несколько крабов, я начинил карапаксы смесью, но сперва зверек получил обыкновенного краба, которого и схрупал в два счета. Усыпив бдительность землеройки, я бросил ей карапакс с начинкой. Она проглотила около половины, прежде чем заподозрила неладное. Выплюнула очередной кусок, внимательно рассмотрела его сквозь сетку из трепещущих усиков, а затем, к моей великой радости, доела. Через несколько недель землеройка уже ела с блюда смесь, посыпанную лишь для вида кусочками краба.

Другим трудным ребенком оказался большой муравьед, самый крупный представитель семейства муравьедов. Причудливый это зверь: длинная, похожая на сосульку голова, хвост — как вымпел, мощные, совсем медвежьи когти способны взломать твердый термитник для добычи пропитания. Первого муравьеда я поймал в горных областях Гайаны. Мы преследовали его верхом на конях, заарканили, потом, сторонясь когтей, затолкали шипящего, словно газовая труба, пленника в мешок и отвезли в лагерь. Здесь я привязал муравьеда к дереву и стал соображать, как приучить его к новой пище. Я знал, что для большого муравьеда придуман рацион, включающий сырые яйца, мясной фарш и молоко. Но каким способом убедить зверя есть столь неаппетитный на вид эрзац вместо его любимых муравьев? Об этом немногочисленные руководства по уходу за животными в зоопарках умалчивали.

Порой животные до того верны своим предрассудкам, что наотрез отказываются пробовать новую пищу, даже не подойдут, чтобы понюхать. Речь идет именно о предрассудках, в чем я убеждался, когда позднее то же самое животное с удовольствием уписывало корм, который в первый раз с ужасом отвергало. Иногда подозрительный корм даже становится самым любимым.

Мой муравьед был не такой уж консерватор, и все же на первую миску с молоком, сырым яйцом и фаршем он посмотрел с таким подозрением, словно завтрак ему приготовил какой-нибудь из наименее симпатичных членов семейства Борджиа. Вдруг меня осенило. Взломав термитник, я набрал пригоршню его крупных и весьма непривлекательных на вид обитателей, высыпал их на широкий зеленый лист и пустил его плавать на поверхности молока. Почувяв любимое блюдо, муравьед развернул свой тридцатисантиметровый липкий язык и принялся слизывать термитов. Естественно, язык при этом попадал и в молоко; через несколько минут мой пленник ла-

кал смесь так, будто всю жизнь не ел и не собирался есть другой пищи. В следующий раз мне не пришлось даже прибегать к маскировке. Муравьед чистенько вылизал миску, с ловкостью жонглера отправив в трубочку рта последние крошки фарша.

Как ни упрямы бывают животные сразу после поимки, обычно наступает минута, когда они вдруг совершают поворот кругом. Одной из целей моей экспедиции в Сьерра-Леоне было поймать черно-белых гверец. Основную пищу этих красивых обезьян составляют листья; задача состояла в том, чтобы приохотить их к таким листьям, каких они прежде не ели. Фактически надо было решить тройную задачу: сперва приучить обезьян к зелени с местного рынка, потом — к пище, которой мы могли их обеспечить на время плавания в Англию, и, наконец, — к тому корму, который мы могли добыть у себя на Джерси. С учетом этого я загрузил в корабельный холодильник ящики с латуком, капустой, морковью, шпинатом и прочими деликатесами, рассчитывая соблазнить ими гверец. Все это, понятно, делалось задолго до того, как я прибыл в Сьерра-Леоне, когда мы еще не знали, сумеем ли вообще поймать гверец и доставить их к морю. Так или иначе, нам удалось-таки добыть семь особей, они благополучно освоились в неволе и согласились есть различную зелень с местного рынка.

Завершив экспедицию, мы спустились к морю, погрузились на пароход, и тотчас гверцы взбунтовались. На лакомства, закупка и доставка которых обошлась нам в кругленькую сумму, — чудесную сочную капусту и шпинат, морковь и помидоры — они смотрели так, словно это был смертельно ядовитый паслен. Мы ломали голову над тем, как не дать обезьянам околеть. В итоге моей секретарше Энн Питерс было поручено заниматься только гверцами, а мы обслуживали остальных зверей в нашей коллекции. К счастью, в развернувшемся поединке характеров воля Энн взяла верх. Лаской и таской ей удавалось заставлять обезьян есть ровно столько, сколько было необходимо, чтобы они выжили. Я говорил себе, что на Джерси у нас будут листья дуба, вяза и липы и все образуется. Когда же мы прибыли на Джерси, гверцы, которые на пути в Англию едва не голодали, вдруг решили, что предлагавшиеся им ранее капуста, шпинат, морковь и помидоры — верх мечты, только успевай подавать.

Не может быть твердых и определенных правил, очень уж различаются между собой отдельные особи. Однажды во время экспедиции в Камерун (Западная Африка) мне удалось поймать трех ангвантибо. Эти своеобразные маленькие золотисто-коричневые представители подсемейства лориевых лемуров, ведущие древесный образ жизни, напоминают глуповатых игрушечных мишек. До тех пор в Европу не привозили живых особей. Вообще я слышал только об одном человеке, которому удалось содержать в

Д неволе ангвантибо, так что с информацией об их привычках обстояло плохо. Однако я знал, что, кроме плодов и листовых почек, они питаются маленькими птичками, а потому три раза в неделю моим узникам наряду с другим кормом подавались упитанные ткачики. Все три ангвантибо были пойманы в радиусе менее десяти километров от лагеря, в однородной местности, и естественно было ожидать, что у них одинаковые гастрономические привычки. Однако, получив птичку, ангвантибо номер один уписывал ее целиком, оставляя лишь лапки и голову, номер два съедал только грудку, а номер три искусно вскрывал сверху черепную коробку и вылизывал мозг, отвергая все остальное.

Каждодневно, какие бы животные ни составляли коллекцию, вы убеждаетесь, обычно с удивлением, что вкусы их так же разнообразны, симпатии и антипатии так же прочны, как у постояльцев любого крупного отеля. Уже вскоре после нашего поселения на Джерси выяснилось, что два совершенно различных представителя фауны питают неодолимое пристрастие к самой обыкновенной сельди.

Речь шла о южноамериканских тапирах, которых считают чистыми вегетарианцами, и о львах. Конечно, львы — плотоядные, но вряд ли дикая природа снабжает их сельдью! Что до тапиров, ведущих отчасти водный образ жизни, то у нас родилось подозрение: уж не ловят ли они застрявшую в заводях рыбу в засушливое время года, когда пересыхают реки? Правда, я еще нигде не читал, чтобы тапиры в дикой природе были последователями Исаака Уолтона, автора столь популярных в Англии записок об ужении рыбы. Еще труднее представить себе, чтобы рацион льва в саванне сколько-нибудь регулярно включал рыбу, тем более селедку. И все же запах сырой сельди явно показался нашим львам настолько восхитительным, что они не устояли.

Так или иначе, в обоих случаях мы были только рады, потому что остро пахнущая сельдь — удобная облатка для лекарств, буде они понадобятся. В мясе или фруктах таблетка будет обнаружена, и ее с отвращением выплюнут, а вот в хорошо выдержанной сельди она замаскирована надежно, ее проглотят с блаженным видом. Перечень уловов, которые познаешь на практике, можно продолжать без конца. Например, некоторых птиц слабит от пауков, а для наших человекообразных обезьян роль слабительного играют свежие ананасы.

Всякие бывают причуды. Одна наша африканская цивета, получив бананы, неизменно «убивала» их (только бананы, другие плоды она не казнила), применяя способ, которым циветы в дикой природе, очевидно, расправляются со своими жертвами. Схватит банан и трясет, доводя его, как ей представлялось, до беспометства, потом несколько раз бьет плечом, по-

ка не превратит в размазанное по земле месиво. Убедившись, что банан «убит», цивета с наслаждением уписывала его.

Разумеется, когда у животных намечается пристрастие к одной какой-то пище, вам надо быть начеку, потому что иногда они при этом отвергают все прочее. В содержании животных очень важно следить, чтобы им не наскучил рацион. И вы, борясь с однообразием, постоянно предлагаете что-нибудь новое по виду, по запаху, по вкусу. В винограде, например, питания всего-то что толика сахара в большом количестве воды, тем не менее он незаменим как лакомство, приятная добавка к основному рациону, вроде желе на детском празднике. Смотрите только, чтобы не перестараться, не привить животному «виноградной мании».

В Южной Америке была у нас дурукули. Это одна из самых обаятельных обезьян; ее называют также «совиной обезьяной» — очень меткое название, если вы можете представить себе сову, покрытую шерстью, а не перьями. Еще она примечательна тем, что это единственная обезьяна, ведущая истинно ночной образ жизни. Попав к нам, очаровательное создание вскоре ни с того ни с сего потеряло аппетит. Здоровье было в полном порядке, однако на пищу она глядела совсем безучастно, ковыряя ее с унылым видом клиента в ресторане, похваляющемся своей интернациональной кухней. Было ясно, что необходимо какое-то средство, чтобы стимулировать аппетит нашей подопечной. Не без помощи магии, я уж не говорю о деньгах (в это время мы были в Мату-Гросу), моя жена ухитрилась раздобыть две банки... консервированных вишен! Правда, открыв банки, мы увидели нечто мало похожее на привычные нам вишни: словно кто-то не очень удачно пытался сделать елочные украшения из третьесортного бархата, притом такого ядовито-красного цвета, что даже Снегурочка не сразу решилась бы их принять. А вот наша дурукули с первого взгляда приравняла эти страшненькие ягоды к манне небесной. И до того к ним пристрастилась, что отвергала всякую иную пищу; нам стоило огромных усилий и времени, не говоря уже о деньгах, чтобы снова приучить обезьяну к более питательному, хотя и не такому яркому корму.

Когда вы извлекли животное из природной среды, одна из самых серьезных проблем — противоборствовать скуке. На воле большую часть времени животные проводят в поисках пищи, когда же вы устранили необходимость поиска и стимулирующий голод, легко наступает скука. Возьмите человека, который, проработав три с половиной десятка лет в учреждении или на заводе, уходит на пенсию и оказывается без дела. Во многих случаях он вскоре умирает, и причина его смерти — скука. Точно так же томятся животные, и вы ищете противоядие, в том числе вводя в рацион новые элементы, пусть даже не очень питательные, и расчетливо чередуя люби-

Д

мые вашим подопечным ценные виды корма. Конечно, в идеальных условиях каждое животное кормится отдельно, и вы точно знаете, сколько чего оно съедает. Но во многих случаях, когда положено групповое содержание, такой контроль затруднен, а то и вовсе неосуществим. У нас есть возможность кормить индивидуально человекообразных обезьян и некоторых других животных, и мы убедились, как важно на случай болезни знать с точностью до чайной ложки дневное потребление каждого из ваших подопечных.

Как уже говорилось, немалую часть своих будней животное занято поиском пищи. Пусть даже поиск не увенчался успехом, он сам по себе играет важнейшую роль. Вот мы установили, что очень полезно почаще класть мелким млекопитающим гниющие колоды. Смакование запахов, усилия, чтобы разломать колоду, поиски чего-нибудь съедобного в куче трухи и сгнившей коры — все это психотерапия для животного, даже если не добыто ничего особенно питательного. Конечно, было бы идеально давать корм животному десять-пятнадцать раз в день, но для этого потребовался бы такой штат, что, как ни желанно это решение, оно, увы, неэкономично. Все же опыт показал нам, что многих животных необходимо кормить два-три раза в день. Впрочем, чтобы занять чем-то группу особей, вовсе не требуется трижды в день подавать им обед из трех блюд. Бросьте горсть зерна или семечек на пол клетки с обезьянами или белками — еды немного, зато бездна занятия животным, пока они, беззлобно перебраниваясь, будут отыскивать зернышки.

Выше я отметил, что в прошлом зоопарки мало задумывались над рационами зверей, да и теперь во многих зоопарках не трудятся проявить изобретательность в разработке и приготовлении рациона. Пожалуй, наиболее серьезные достижения связаны с экспериментами в Филадельфийском зоопарке под руководством Рэдклиффа. Значение его открытий для содержания и разведения диких животных очень велико.

Работая в Филадельфии, Рэдклифф был озадачен тем, что животные попроще хотя и живут долго, но не размножаются. У других видов с более тонкой организацией, пусть даже они хорошо едят, высокая смертность. Тщательные исследования показали, что в самых полноценных на первый взгляд рационах недостает некоторых микроэлементов, солей и витаминов. После ряда опытов он составил пиллюлю, содержащую все необходимые прибавки. Пиллюли добавляли в обычный корм, и результат не заставил себя ждать: животные начали размножаться, заметно окрепли, стали дольше жить. Ланг и Ваккернагель в Базельском зоопарке в Швейцарии подхватили инициативу Рэдклиффа, дополнили и усовершенствовали его рецепт и

добились новых успехов, в ряду которых не последнее место занимает получение — впервые в Европе — потомства от горилл.

Когда итоги опытов в Базеле были опубликованы, их встретили по-разному. Так, директор одного крупного английского зоопарка в разговоре со мной заявил, что это «дикая чушь, кормят животных одними пиллюлями». Другой директор, энергичный человек с широким кругозором, охарактеризовал эти опыты как «чистейший вздор: пичкают животных витаминами, вместо того чтобы кормить как положено». Большая часть моей жизни протекала на материке, поэтому я не столь подвержен самодовольной островной ограниченности, составляющей очаровательную особенность англичан. И невзирая на то, что новая процедура была придумана одной группой иностранцев (американцами), потом усовершенствована и развита другой (швейцарцами), я заключил, что дело это очень важное, заслуживает внимательного изучения, и отправился с визитом, так сказать, к первоисточнику — в Базельский зоопарк. Увиденное там и услышанное от Ланга и Ваккернагеля произвело на меня огромное впечатление, и я вернулся на Джерси, преисполненный решимости как можно скорее применить на деле новые принципы кормления.

Мы долго совещались с нашим мельником мистером Лемарканом, чем заменить некоторые ингредиенты, которые было трудно раздобыть; наконец он представил нам первый «пирожок». После многих споров, как оформить смесь — в виде батона, или галеты, или как-нибудь еще, мы остановились на базельском варианте: там делали нечто вроде пирожка и резали его на кусочки длиной около двух с половиной сантиметров и шириной в сантиметр. Ланг предупредил меня, что мои животные, если они хоть сколько-нибудь похожи на его подопечных, будут яростно противиться введению нового элемента в их рацион. По его словам, во многих случаях приходилось буквально морить животных голодом, прежде чем они соглашались отвеждать незнакомую пищу. Зато теперь все обожают ее.

Пророчество Ланга сбылось, омерзение и ужас наших животных можно сравнить с реакцией миссионера, которому предложили бы человеческое мясо в горшочке. Такое недовольство заставило нас призадуматься: может, наше тесто отличается по вкусу от «пирожка» Ланга? Не все ингредиенты совпадают, так, может быть, «первый блин» просто несъедобен? Устроили дегустацию сами и сравнили свои отзывы. «Пирожки» нам понравились, в их вкусе было что-то от орехового печенья. Общее мнение: вполне съедобно. Однако наше одобрение ничего не меняло. Животным смесь никак не нравилась, хоть ты лопни. Оставался только один выход — добавив в нее еще что-нибудь для вкуса.

Д

Одно вещество за другим отвергалось, так как испарилось бы при выпечке. Казалось, мы зашли в тупик, но тут я вспомнил про анисовое семя, испытанное средство, с помощью которого крадут собак и завлекают зверей в ловушки. Добавили его в тесто и с радостью убедились, что готовый «пирожок» сохраняет явственный аромат аниса. Стирая крошки с губ, все согласились, что продукт получился восхитительный. И животные, слава богу, были согласны с нами. С каким удовольствием мы теперь смотрим, как горилла, когда ей подадут полное блюдо различных лакомств, от винограда до сырых яиц, роется черным указательным пальцем, чтобы извлечь и в первую очередь съесть «пирожки», под аккомпанемент глухих, рокоющих звуков, которыми гориллы выражают блаженство.

Мы разработали также особый состав для хищников, таких, как львы и сервалы, которым spryskиваем мясо и другой корм. Состав этот нам очень пригодился. На Джерси немалую часть новорожденных бычков забивают сразу или через несколько дней. До нашего прибытия на остров этот ценный источник протеина попросту закапывали в землю; на продажу везти — весу мало, к тому же из-за желтого жира их, вероятно, вообще никто не стал бы покупать. Для нас это было благом, ведь мы могли получать бесплатно мясо почти в неограниченном количестве. Скармливать животным свежайшее мясо вместе с костями, шкурой и внутренностями — лучшего и пожелать нельзя. Однако мы установили, что эта телятина лишена нужного количества солей и витаминов, содержащегося в мясе взрослого скота. Наша смесь возмещала столь важные отсутствующие ингредиенты.

Само собой понятно, что питание и здоровье неразрывно связаны между собой: предложите животному неправильный рацион, давайте корм без витаминов и солей — и вы распахнете дверь куче заболеваний. К их числу относится смертельный недуг, прозванный «клеточным параличом», хотя, как выяснилось на деле, клетки тут ни при чем.

Приматы Нового Света (иногда и Старого Света тоже) поражаются особой формой ползучего паралича, против которого не было никаких средств. «Клеточным» его назвали, допуская, что виноваты тесные клетки, не позволяющие животным двигаться в нужной мере. Полагали, что это ведет к атрофии мышц. Однако я заметил, что болезнь не щадит и обитательниц достаточно просторных клеток; было похоже, что дело в питании.

В те времена, когда я был профессиональным звероловом, это заболевание было, пожалуй, наиболее распространенным и в силу своей неизлечимости страшным бичом приматов, содержащихся в неволе. Начиналось оно постепенно, почти незаметно, поражая сперва бедра и задние конечности. Вместо того чтобы ходить нормально, обезьяна волочила ноги и вооб-

ще старалась поменьше двигаться. Мало-помалу задние конечности совсем отказывали, и паралич распространялся дальше. Однако животных обычно умертвляли, не дожидаясь полного паралича, так как лечить их, повторю, не умели. В Южной Америке я сам столкнулся со случаями этой грозной болезни среди пойманных мной обезьян и, вернувшись домой, обратился за советом к одному из немногих известных мне думающих ветеринаров. Просто квалифицированных ветеринаров можно найти без большого труда; думающие — такая же редкость, как единорог. Врач (это была женщина) предположила, что болезнь может быть вызвана недостатком фосфора в рационе. Мы проверили корм, который я давал обезьянам, и убедились, что фосфора вполне достаточно.

— А может, — сказала тогда врач, — они почему-то не усваивают этот фосфор.

И предложила делать обезьянам инъекции витамина D_3 , объяснив, что он помогает в таких случаях. Поскольку в тот момент ни одна из моих подопечных не страдала параличом, я просто поблагодарил за совет, а там и вовсе забыл про него.

Мы уже обосновались на Джерси, когда пришла пора вспомнить о нем. У нас была мартышка-гусар из Западной Африки, очаровательное рыже-черное существо с длинными конечностями, и вот она заболела и стала хиреть на глазах. Быстро развился полный паралич; мартышка совершенно не двигалась, только дышала, а чтобы кормить, приходилось поддерживать ей голову. Тут-то мне вспомнился совет ветеринара, и я поспешил раздобыть D_3 . Прецедентов не было, но, поскольку средство это считается безвредным, я вкатил обезьяне массажную дозу. Все равно ведь болезнь зашла так далеко, что вопрос стоял: либо — либо... К моему удивлению, через двое суток наметилось явное улучшение. Впрыснул еще одну дозу, чуть поменьше. К концу недели мартышка двигала конечностями, а через месяц носилась по клетке с такой энергией и прытью, что никто не признал бы в ней вялое, неподвижное существо, находившееся на грани смерти.

Особенно восприимчивы к этой коварной болезни мармозетки и тамарины, а организм у них нежный, сопротивляемости никакой. Прежде, как только они начинали волочить ноги, это было равносильно смертному приговору. Теперь немедленное применение D_3 снимало все симптомы. Конечно, приходилось впрыскивать лошадиную дозу, и, естественно, мармозетки и тамарины не скрывали своего возмущения. Но ведь это делалось для их же блага. К счастью, найден способ давать D_3 с пищей внутрь. Приятно сознавать, что «клеточный паралич» отошел в прошлое: нет ничего ужаснее, чем смотреть, как на здоровое во всех остальных отношениях животное наступает смерть, и быть не в силах чем-нибудь помочь.

Д

Думается, роль упомянутых прибавок к обычному корму подтверждается нашими успехами в размножении животных. В любой коллекции, если вы стремитесь к хорошему приплоду, питание играет первостепенную роль, а у нас приплод, пожалуй, один из самых важных, если не важнейший параметр.

Здесь я попытался показать, что кормление животных — не такое уж простое и бесхитростное дело. Нам далеко еще не все известно о том, какой корм нужен животным в неволе. Неизвестно прежде всего потому, что мы плохо осведомлены, сколько и чего они едят на воле. Мы знаем, что в определенное время года некоторые животные идут на солончаки, ищут те или иные фрукты, ягоды или грибы, однако не знаем, какую именно роль это играет для их здоровья. Мы только-только начинаем постигать, что в даваемой нами пище — пусть достаточно разнообразной, чтобы животное не чахло и не болело, — может недоставать витаминов или микроэлементов, от которых, возможно, как раз и зависит долголетие, крепкое здоровье и хорошее самочувствие, а также плодовитость наших подопечных.

Сознавая, какое огромное поле для исследований тут открывается, мы недавно использовали щедрое пожертвование одного американского фонда, чтобы организовать диетологическую лабораторию. Первым делом предстоит исследовать все наши нынешние рационы, чтобы точно знать, что в них содержится. Одновременно мы будем собирать максимум информации о питании животных в дикой природе с учетом сезонных вариаций. Накопив таким образом сравнительный материал, постараемся использовать его, чтобы совершенствовать питание наших животных, выяснить, каких витаминов или солей недостает, и — что особенно важно — найти лучший способ включить их в рацион. Для этого мы заведем экспериментальную плантацию, будем выращивать отдельные кустарники, овощи, фрукты и травы. Надо ли говорить, что при нехватке в корме какого-то витамина или солей куда полезнее предложить нравящийся животному плод или растение, чем хвататься за аптечный пузырек. Сверх того, могут обнаружиться новые травы, кустарники, овощи и фрукты, которые придется по вкусу животным. И пусть даже питательность их равна нулю, они могут стать ценным дополнением, внося разнообразие в рацион, а при болезни сыграют роль аппетитных капель.

Необходимо также выяснить (и мы надеемся, что нам помогут в этом полевые исследования), в какое время года и почему потребляется данный вид корма. Потому ли, что он доступен лишь в эти дни, или его можно найти круглый год и есть какая-то особая причина? Поясню свою

мысль на примере коалы. Рацион этого монофага ограничен листьями двух видов эвкалипта. В определенное время года коала переходит с одного эвкалипта на другой по той простой причине, что побеги и молодые листья первого вида в период роста содержат смертельную дозу синильной кислоты.

Расширять наши познания о питании животных в дикой природе чрезвычайно важно потому, что от одного-единственного ингредиента может зависеть успех или неудача. Без преувеличения можно сказать, что у диких животных бывают самые удивительные гастрономические причуды. Было, например, известно, что мармозетки и тамарины поедают мелких животных — древесных лягушек, ящериц, птенцов, — а также яйца, плоды и почки. И вот совсем недавно в этот ряд вошли еще два неожиданных ингредиента: живица и... летучие мыши. Живицу они добывают, выгрызая на коре веток желобки и слизывая выделяющийся древесный сок. Летучих мышей ловят, когда те днем спят в дуплах.

Если у нас появится возможность возвращать выращенных в неволе животных в естественную среду, то ли чтобы возродить вымершую популяцию, то ли чтобы поддержать ослабленный вид, корм приобретет еще более важное значение. Рассмотрим крайний, отчасти даже смехотворный, но в принципе вероятный случай: сова из седьмого поколения, выращенного в неволе, привыкшая есть белых мышей, может умереть с голоду в местности, где водятся только коричневые мыши. И еще одно обстоятельство, о котором не следует забывать: дикая природа, как правило, предоставляет своим детям куда меньше пищи, чем получают баловни в неволе. Не исключено, что животных, прежде чем выпускать на волю, придется сажать на подготовительную диету, вроде того как это делают со спортсменами перед Олимпиадой. Все это проблемы будущего, но в охране природы у будущего наблюдается склонность с ужасающей быстротой становиться прошлым. Вот почему мы уже теперь начинаем исследования в этой области.

Экономия на корме — лжеэкономия. Конечно, где-то можно и проявить бережливость. Установив, что морковь приносит больше пользы, чем тепличный виноград, вы делаете упор на более дешевую морковь. Однако совсем исключать виноград нельзя. Он тоже нужен, хотя бы как стимулятор аппетита. Всякий, кому доводилось лежать в больнице, согласится, что разумно составленной, питательной, богатой витаминами диете может недоставать того эпикурейского штриха, который, образно говоря, воодушевляет вкусовые сосочки. Работая с коллекцией диких животных, постоянно помните о необходимости угождать этим сосочкам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СЧАСТЛИВЫЕ СОЮЗЫ

Ласка... Некоторые говорят, что у этих животных зачатие происходит через ухо, а рождение через рот, другие утверждают обратное.

Т. Г. Уайт. Книга о зверях

Есть обширная литература о том, как обращаться с домашними животными, подробно освещающая всевозможные детали. Кормление, размножение, передача наследственных признаков, родословная, распределение, продажная стоимость, болезни, патавка и так далее — все это давно и тщательно исследуется и образует специализированные отрасли вуншительной науки. А такая область, как содержание диких животных в зоопарках, еле-еле затронута, вам предложат лишь довольно случайный набор советов и фактов.

Хейни Хедигер. Человек и зверь в зоопарке

Куропатки... Частые совокупления истощают их. Самцы сражаются друг с другом из-за супруги, и говорят, что побежденный самец становится жертвой похоти как самка. Вождение у самок достигает такой силы, что они беременеют от одного запаха, если ветер подул на них со стороны самца.

Т. Г. Уайт. Книга о зверях

Изучая в дикой природе горных горилл области Кабара, Дж. Б. Шаллер (1963) установил, что в первые шесть лет жизни смертность у них достигает 40—50 процентов; она особенно высока на первом году. Здесь стоит напомнить, что у гориллы очень мало врагов, если не считать человека.

Хейни Хедигер. Человек и зверь в зоопарке

Из свадебного путешествия Этель и Бернар вернулись с сыном и — последником, чудным пухлым младенцем по имени Игнациус Бернард.

Дэзи Ашфорд. Молодые гости

Казалось бы, само собой разумеется: раздобыть и свести друг с другом *совместимую* пару — первая предпосылка для успешного размножения животных. А вот многим представляется, что достаточно заточить в одной клетке самца и самку. На самом деле все неизмеримо сложнее; подготовка брака наталкивается подчас на большие трудности, и, когда речь идет об исчезающих животных, кровные линии изучают не менее тщательно, чем при подборе супругов в королевских семьях. Ценой огромных денег и хлопот достанешь своему подопечному партнеру, а они с первого взгляда проникаются взаимной ненавистью или — что, пожалуй, еще хуже — терпят друг друга и ведут унылое бездетное сосуществование. При мгновенно возникшей антипатии вам хоть все ясно, если же дело не идет дальше дружбы, вы оказываетесь в затруднительном положении. Перейдет ли приятельство

во что-нибудь более серьезное? Будет ли счастливый конец в этой комбинации? Эти вопросы волнуют вас не менее глубоко, чем издателя женского журнала, которому предложили новый роман с продолжением.

Бывает, увы, что единственная имеющаяся у вас пара оказывается явно несовместимой. Как хочешь, так и выкручивайся. Примером могут служить наши белые ушастые фазаны. Мы купили две пары этих красивых и чрезвычайно редких пернатых через одного голландского торговца, связанного с Пекинским зоопарком. Положение белых ушастых фазанов в дикой природе неясно; они никогда не были широко распространены, а в наше время почти или совсем истреблены в пределах своего исконного ареала. Последний раз представителей этого вида вывозили из Китая в 1936 году. Когда мы получили белых ушастых фазанов, в неволе их насчитывалось всего полтора десятка, причем большинство не были способны к воспроизведению, кто из-за преклонного возраста, кто по какой-либо другой причине. Тем важнее было добиться потомства от наших двух пар и создать плодотворный фонд этих прекрасных птиц.

Один из полученных нами петушков сразу же насторожил нас подозрительно смирным, даже апатичным поведением. Через сутки он скончался. Вскрытие выявило аспергиллез, грибковое заболевание легких, от которого пока не найдено средств. Остался у нас один петушок при двух курочках, причем петушок проявлял внимание только к одной из курочек. Разумеется, по закону мирового свинства, курочка никак не могла снести свое первое яйцо и, сколько мы ни старались ее спасти, погибла. Остались мы с единственной парой и к тому же несовместимой. Казалось, наши шансы создать колонию белых ушастых фазанов в неволе предельно близки к нулю.

А тут еще новая катастрофа, которую мы сочли уже окончательной: ночью петушок чего-то испугался, зацепился когтем за проволоку и сильно повредил ногу. Он еле ходил, и мы с грустью заключили, что теперь он не сможет топтать курочку, даже если она вдруг покорит его сердце. Как же мы удивились, когда он, проникшись к ней внезапным расположением, совершил прямо-таки немыслимый акробатический трюк. Плодом счастливого события явились девятнадцать яиц, и нам удалось вывести тринадцать цыпляток, подложив яйца бентамке, которую напичкали всевозможными антибиотиками, чтобы она не передала своим приемышам какой-нибудь хвори. Мало-помалу наша стая росла. Первым делом, чтобы обеспечить сохранность вида в неволе, мы одолжили плодовитые пары зоопаркам Вашингтона, Антверпена, Западного Берлина, Фазаньему тресту и зоопарку Клер. На сегодняшний день нами выведено 112 белых ушастых фазанов, и мы можем позволить себе продавать пары избранным зоопаркам и птице-

Д

водам. Выручка идет всецело на приобретение редких животных для коллекции нашего треста или на оборудование помещений для таких животных. Так что белые ушастые фазаны теперь помогают другим видам, оказавшимся, как и они, под угрозой.

Для животных (человек не в счет) бракосочетание и детопроизводство — чрезвычайно сложная проблема. Не говоря уже о личных симпатиях и антипатиях сторон, надо учитывать кучу других вещей. Ведут ли данные животные в дикой природе одиночный образ жизни, соединяясь только в период размножения? Если да, перед вами возникают дополнительные трудности. Возьмем наших западноафриканских цивет, для которых характерно сказанное выше: мы следим, когда у самки начинается течка, и лишь затем пускаем к ней самца. При совокуплении самец циветы, как это заведено и у тигров, кусает самку в загривок, и только по метинам от его зубов мы можем судить, состоялся ли акт. После чего живо убираем самца, пока дело не дошло до настоящей потасовки.

Когда вполне совместимая пара благополучно сосуществует и не размножается, мы спрашиваем себя, в чем наша промашка; ведь если у животных нет физических изъянов, значит, виноваты мы — или корм не тот, или помещение не годится. В прошлом очень уж часто зверей спешили относить к категории «трудных» или «не размножающихся в неволе», как будто виноваты были они сами, а не люди, на чьем попечении они находились. Было время, когда считалось невозможным получить приплод, скажем, от носорогов и бегемотов; но в конце концов додумались, в чем фокус, и теперь их размножение не составляет большой трудности. На случай, если кому-то слово «фокус» покажется несолидным, объясню, что я подразумеваю. Я всегда говорил: когда решены основные проблемы — помещение и корм (а их можно решить, разве что вам предложили голубого кита), нет такого вида фауны, которого нельзя разводить в неволе, если вы сумели дознаться, в чем фокус. Тут могут быть и стержневые моменты вроде подбора подходящего партнера, оборудования надлежащей площадки для родов, полноценного рациона и более питательного корма для беременной самки, а могут быть и мелочи вроде оснащения клетки нужным количеством веревок для лазания. Решение есть во всех случаях; найти его зависит от вашей смекалки, потому что на помощь самого животного, как правило, рассчитывать не приходится.

И как же хорошо на душе, когда секрет наконец раскрыт, вы все сделали правильно и видите, как ваши усилия венчаются удачей. С двумя совсем различными животными мы достигли успеха так быстро, что сами были поражены и отнесли эти случаи в ряд наших самых громких побед. Речь идет о краснощеком ибисе и о ямайской хутии — маленьком грызуне, ис-

конном обитателе Вест-Индских островов. Над обоими нависла угроза полного истребления, поэтому было очень важно создать плодовые колонии в неволе.

Будущее краснощекого ибиса в дикой природе выглядит, мягко говоря, мрачно; шансов выжить у него чрезвычайно мало. Не самый крупный представитель семейства ибисов, он обладает длинным изогнутым клювом; траурно-черное оперение отливают на свету зеленью и пурпуром; кожа вокруг клюва голая, красноватого цвета; на голове сзади свисает причудливый длинный хохол, как будто у птицы сдвинулся на затылок парик из перьев, обнажив лысину впереди. Краснощекие ибисы гнездятся колониями на скальных уступах, где и выращивают свое потомство. Некогда они были распространены от Ближнего Востока до Северной Африки и даже в Европе, вплоть до Швейцарии.

Разорение гнезд (птенцы считались изысканным кушаньем), а затем отравление взрослых птиц и их потомства ДДТ и другими пестицидами сильно сократили ареал и численность краснощеких ибисов, так что их теперь насчитывают всего около 500 пар. Известно лишь два гнездовья. Одно в Северной Африке; здесь число птиц быстро уменьшается, вероятно, из-за пестицидов, да и само гнездовье находится под угрозой в связи со строительством плотины. Второе, на беду для его обитателей, расположилось посреди городка Биреджик на берегу Евфрата.

Прежде птицы здесь как-то охранялись, их прилет на гнездовье отмечали пышным праздником. Но по мере роста Биреджика жители его становились более «цивилизованными» и «просвещенными», праздничный ритуал был забыт, и краснощекие ибисы из источника радости одним махом превратились во зрелище: невоспитанные птицы роняли помет на горожан, когда те спали на крышах своих домов. Мальчишки забивали камнями птенцов на каменных нишах, к тому же земля на окружающих полях (где взрослые птицы поедали личинок насекомых, принося людям благо) густо посыпается инсектицидами. И хотя Международный союз охраны природы вместе со Всемирным фондом дикой фауны пытаются убедить местных жителей снова взять под свою защиту краснощеких ибисов, надежд на выживание этой наиболее многочисленной колонии (в ней 250 пар) очень мало. Только размножение в неволе может сохранить этих птиц для будущего, с возможной последующей реинтродукцией в части прежнего ареала — допустим, в Швейцарии или Северной Африке.

В 1972 году мы приобрели в Базельском зоопарке две пары краснощеких ибисов. Птицы были молодые, но, достигнув зрелости, они тотчас сделали попытку обзавестись потомством. Попытка вышла неудачная: и гнездо они смастерили не лучшим образом, и яйца оказались бесплодными.

Д

Вскоре после этого, когда стало известно о бедственном положении краснощеких ибисов в дикой природе, мы решили приступить к их разведению и наметили себе программу из двух пунктов: сперва постараемся создать плодотворную колонию в неволе, а затем, в более отдаленном будущем, попробуем осуществить реинтродукцию. Для этих целей мы в 1975 году раздобыли через Тель-Авивский университет еще две пары.

Довольно быстро выяснилось, что вольер, где содержались краснощекие ибисы, чем-то их не устраивает. Мы заключили, что для успеха нашей затеи надо сделать две вещи: увеличить высоту вольера и соорудить подобие скальных полок для гнезд. Денег у нас не было, но мы обратились к нашим американским коллегам и получили щедрую субсидию. Первым делом мы написали во все зоопарки мира, которые когда-либо держали краснощеких ибисов, чтобы узнать, удавалось ли там получить потомство от этих птиц и в каких вольерах они обитали. Ответы по большей части были противоречивыми и мало что нам дали, поскольку условия содержания краснощеких ибисов везде были разными. В некоторых случаях птицы дали потомство в неблагоприятной, казалось бы, обстановке; другие ибисы отказывались гнездиться, хотя их помещения выглядели более благоустроенными. Нам оставалось только исходить из собственных представлений о том, какая обитель лучше годится для ибисов, и надеяться, что птицы одобряют наше решение.

В готовом виде гнездовье представляло собой вольер высотой 3,5 метра, длиной 12 и глубиной 6 метров. В проволочную сетку были вделаны стекла размером 0,9...1,8 метра; задняя стенка выложена из необработанных гранитных глыб, имитирующих скалу. Тут и там на этой скале были площадки для гнезд. Поскольку в других зоопарках размеры площадок сильно отличались друг от друга, мы решили испытать побольше разных вариантов. Где-то сделали подобие естественных полочек с наклоном назад, чтобы яйца и птенцы не сваливались вниз, где-то вставили в гранит деревянные ящики без крышки и передней стенки.

Когда весь комплекс с большим бассейном и достаточным простором для летания был готов, нам он показался идеальным. Оставалось выяснить, разделяют ли ибисы наше мнение. Судя по тому, как они летали туда и обратно, садились на скалу и изучали гнездовые площадки, бормоча что-то друг другу на своем странном горловом наречии, конструкция им вроде бы понравилась. И не успели ибисы толком изучить все уголки новой обители, как уже начали таскать в деревянные ящики материал для гнезд. Затаив дыхание, мы следили, как возникают два гнезда и в них появляются семь яиц. Яйца были снесены молодыми птицами, и мы считали, что будет замечательно, если хотя бы из двух вылупятся птенцы. Когда же вылупились

все семь и родители благополучно вырастили шестерых (седьмой был очень хлипкий и быстро зачах), мы были так счастливы, что пером не описать. Одним махом численность нашей колонии чуть ли не удвоилась, и возможность реинтродукции казалась уже вполне реальной.

В случае с ямайской хутией нам тоже повезло; и здесь мы добились успеха, открыв секрет правильной организации помещения. Хутии были приобретены нами не совсем обычным, окольным путем. Каждый стоящий директор зоопарка переписывается с самыми различными людьми в самых отдаленных уголках земного шара, надеясь, что в один прекрасный день они смогут найти для него какого-нибудь достопримечательного редкого зверя. Что до меня, то, поскольку люди читают мои книги и шлют мне письма, охват моей переписки очень широк — от Пекина до Пернамбуку. И вот однажды я получил письмо от миссис Нелл Бэрк с чудесного острова Ямайка. Она сообщала, что с большим удовольствием читает мои книги, и — весьма опрометчиво — добавила, что будет рада помочь мне раздобыть любое ямайское животное, которое меня заинтересует. Предложение миссис Бэрк было продиктовано самыми добрыми чувствами, и я не сомневаюсь, что бедная женщина сильно поколебалась в своем расположении ко мне, получив ответное письмо с вопросом, нельзя ли приобрести ямайскую хутию. Но взялся за гуж, не говори, что не дюж, и вместе со своей подругой Мери Макфэрлейн миссис Бэрк приступила к охоте на хутию.

Первым делом, естественно, надо было получить разрешение властей, ведь хутия — один из немногих уцелевших исконных представителей млекопитающих Ямайки и строго охраняется законом, что не мешает местным жителям охотиться на нее ради мяса; к сожалению, подобные явления происходят не только на Ямайке. Далее подруги обратились к охотнику с несколько неожиданным, по весьма благозвучным по своим аллитерациям именем Фердинанд Фратор. Всем на удивление (включая самого Фердинанда Фратора) ему в конце концов удалось поймать живьем три особи: самку, самца и их отпрыска. Я загодя снабдил миссис Бэрк пространными наставлениями на тот (маловероятный, как мне казалось) случай, если охота увенчается успехом; были там и подробные чертежи транспортных клеток, сильно смахивающие на план ракетной установки. Попадись эти чертежи на глаза постороннему, миссис Бэрк, несомненно, была бы арестована. Преодолев кучу трудностей и препятствий, хутий заточили в клетку и отправили мне самолетом. Я получил телеграмму такого содержания: «Хутии прибывают Лондонский аэропорт рейсом (следовал номер рейса). Молитесь. Нелл».

К нашей радости, все три хутии прибыли в отличном состоянии; долгий перелет их явно не напутал. Они напоминали крупных зеленовато-ко-

Д

ричевых морских свинок и очень мило ковыляла, широко расставив ноги, словно только что намочили штанишки. Определяя их пол, мы установили, что отпрыск, увы, — самец. Итак, два самца и одна самка. Сообщая Нелл Бэрк об их благополучном прибытии, я подчеркнул в письме, что, конечно, дареным хутиям в зубы не смотрят, но все же такое соотношение не обеспечивает сколько-нибудь надежной основы для серьезной программы разведения этих зверьков. Не может ли она, деликатно справляясь я, снова мобилизовать доблестного мистера Фратора и попытаться добыть еще одну-две четы? Честь и хвала миссис Бэрк: несмотря на все тревобления, пережитые ею в первый раз, она взялась выполнить и эту просьбу. К нашей радости и к нашему изумлению, ей это удалось, так что в сравнительно короткий срок мы получили в общей сложности четыре пары желанных зверьков.

Опыт работы с первым трио уже показал, что браться всерьез за разведение ямайских хутий можно, только располагая новым, усовершенствованным помещением. Нашли коллеги в США опять выручили нас, и на полученную от них субсидию мы смастерили в доме млекопитающих несколько забранных стеклом просторных клеток; в каждой были деревянные туннели и спальни, лежали большие колоды. Красные лампочки позволяли наблюдать за животными, когда, по их понятиям, царил полная темнота. Мы изменили суточный цикл хутий, включая ночью обычный свет, а днем только красный. Очень скоро мы добились того, что они мирно спали во время искусственного дня и активно вели себя во время искусственной ночи, так что посетители могли видеть их в действии.

Подобно ибисам, хутии не замедлили одобрить новую обстановку, и через три месяца у первой пары родилась двойня. Детеныши величиной чуть больше золотистого хомячка сразу после рождения повели себя активно; через сутки они уже ели твердую пищу. Одна за другой и две остальные четы хутий воздали должное новым клеткам, произведя на свет соответственно двойню и тройню. Мы не могли наглядеться на три четы с их отпрысками. Бойкие малыши с громким писком носились туда-сюда и подпрыгивали, будто резиновые мячики, играя в прятки в соломе и у колод. А то подбегут к своим долготерпеливым и многострадальным родителям, присядут на толстенькие ягодицы и давай дубасить кулачками по скулам папу или маму. Когда эта забава надоедала старшим, они переворачивали проказников на спину и тихонько кусали за живот, а те брыкались и извивались, громко хихикая, то бишь повизгивая от удовольствия. Смотреть, с каким упоением эти толстячки играют с родителями, было очень приятно, однако трезвый внутренний голос напоминал мне, что замечательный ус-

пех дался нам ценой трехлетних усилий, считая с того дня, когда я впервые написал Нелл Бэрк и попросил добыть хутий.

Разумеется, бывает и так, что вы все делаете правильно, но данному виду нужно время, чтобы освоиться и признать новую обитель своей территорией. Наша коллекция лемурув, насчитывающая шесть видов, доставила нам бездну хлопот, и только теперь появились признаки того, что мы действуем верно и продвигаемся в нужном направлении. А все дело в том, по-моему, что животным понадобилось очень много времени, чтобы прижиться.

Перспективы мадагаскарской фауны вообще и лемурув в частности выглядят весьма мрачно. Рост населения, влекущий за собой, как и всюду, неосмотрительное сведение лесов путем расчистки земель под уголья и чрезмерного выпаса, привел к тому, что над огромным, чрезвычайно интересным в зоологическом смысле островом (Мадагаскар по-своему не менее интересен, чем Австралия) нависла серьезная биологическая опасность. Некоторые виды еще могут выдержать натиск превосходящих сил человека, беспощадное уничтожение среды обитания и вторжение домашних животных, но другие, и в их числе лемуры, вероятно, исчезнут в ближайшие полсотни лет.

Наши особи, размещенные по территории зоопарка без всякой системы, благополучно здравствовали. Однако приплода не давали. Очевидно, надо было обеспечить лемурув новым жильем, только после этого могли мы всерьез помышлять о том, чтобы создать плодovitую колонию.

В завершенном виде новый лемурий ряд состоял из шести секций. Под крышей, разделенные коридором для публики, находились обогреваемые внутренние помещения размером 1,5...2,4 метра при высоте 2,7 метра. К спальням примыкали наружные отсеки длиной 6, шириной 2,4 и высотой 3 метра. Каждый отсек и каждая спальня с одной стороны забраны большим стеклом, которое позволяет лемурам без помех любоваться публикой, а публике — лемурами.

С первой минуты лемуры — рыжий, майоттский, мангустовый и кошачий — одобрили свою новую обитель. Клетки обращены на юго-запад, в них вдоволь солнечного света и свежего воздуха, достаточный простор для движения. Рацион лемурув был тщательно разработан на основе наших собственных наблюдений и с учетом опыта десяти коллекций лемурувых в разных концах света. Оставалось только преспокойно сидеть и ждать, когда посыплются детеныши.

К нашей досаде и удивлению, детенышей все не было и не было. Казалось бы, неудачи с кучей других видов фауны должны закалить тебя, и все же как не огорчиться, когда лезешь из кожи вон, чтобы обеспечить благо-

Д

получие животным, а получается, что ты делал не то. Лемуры ели за милую душу, круглые сутки звучали их веселые голоса, и любви они предавались с бесшабашностью участников римских оргий, а толку чуть.

Первыми утешили нас кошачьи лемуры. Полли, младшая среди самок, произвела на свет очаровательное дитя мужского пола; к несчастью, малыш был мертв, когда мы обнаружили его на полу клетки. Рентген выявил, что в легких не было воздуха, — стало быть, детеныш мертворожденный, а не по:иб от пренебрежения. Вскрытие показало, что все внутренние органы в порядке. Бывают такие необъяснимые случаи, и неожиданными их не назовешь, поскольку мы не раз отметили, что большинству животных не везет с первенцами. Как будто организм и материнский инстинкт молодой самки еще недостаточно развиты и первые роды — своего рода тренировка. Так или иначе этот случай убедил нас, что Полли способна к деторождению и не лишена материнского инстинкта: малыш был аккуратно вылизан, пуповина отделена, послед съеден. Со вторым детенышем, который появился через год, все было в полном порядке, и мамаша благополучно вырастила его. Мы надеемся, что впредь у нее не будет никаких осложнений.

Следом за Полли и остальные лемуры начали обзаводиться потомством. Первыми подхватили эстафету майоттские коричневые лемуры; этот вид принадлежит к наиболее редким. Правда, первенец и тут не выжил, но с тех пор трижды последовали удачные роды.

Если учесть, что после ввода в строй новых клеток до первых родов прошло три года, можно понять, сколько времени и труда требует создание разумной и плодотворной программы разведения животных. Об этом особенно важно помнить, когда речь идет о виде, численность которого в дикой природе катастрофически сокращается.

Похоже, что в такого рода программах чем дальше в лес, тем больше дров. Вы добыли подходящего самца, выяснили, когда пускать его к самке (если особи этого вида ведут одиночный образ жизни), как зажечь его, вводя в комбинацию других самок или соперников (если — проблема сложнее — вы ими располагаете). Но вот самка забеременела. Новая загвоздка: оставлять ли с ней самца? Это может обернуться бедой, если отец совершит детоубийство или его присутствие побудит мать умертвить детеныша. А может быть, наоборот, отец нужен для блага отпрыска.

Два случая с нашими приматами дают некоторое представление о том, какие трудности подстерегают животных в семейной жизни. Среди южноамериканских мармозеток и тамаринов давным-давно без крика и шума весьма успешно утвердилось женская эмансипация. Произведя на свет детенышей (почти всегда двойню), самка тотчас передает их отцу, чтобы он

вылизал свое потомство и надзирал за ним. С этой минуты самец играет важную роль в воспитании, поочередно с самкой носит прибавляющих в весе отпрысков на бедрах, уподобляясь выючному ослу, или на спине, где они напоминают этакие косматые котомки.

Замыслив уточнить роль отца в выращивании потомства, мы проследили за передвижениями двойни красноруких тамаринов. Удивительно интересно было наблюдать, как распределяется физический труд по переноске детенышей. Это очень важный момент: ведь малыши растут и становятся тяжелее, но, хотя начинают уже передвигаться самостоятельно, по-прежнему, когда их что-то тревожит или хочется внимания, льнут к родителям. В данном случае отец внезапно умер, когда детенышам было всего три дня, и пришлось матери растить их в одиночку. Она успешно справлялась с этой задачей; правда, под конец, когда детеныши достигли половины маминого роста и все еще иногда требовали, чтобы она их поносила, ей это давалось явно нелегко. Но мамаша честно выполняла свой долг и вырастила двух крепких взрослых тамаринов.

Особенно примечательно здесь то, что, несмотря на трудности, выпавшие на долю самки, впервые были выращены в неволе детеныши краснорукого тамарина. Заодно мы выяснили, что у тамаринов и мармозеток самец играет чрезвычайно важную роль, хотя самка, окажись она хорошей, терпеливой матерью, может воспитать потомство одна. Вывод: в этой комбинации самца надо оставлять вместе с самкой, не отделять его, когда она родила.

Однажды нас посетил видный представитель руководства очень известного зоопарка, который, любуясь детенышами наших мармозеток, признался, что его сотрудникам не везет с этими животными. Рожать-то они рожают, да только детеныши не выживают. Но в следующий раз, продолжал он, обнаруживая плохое знание мармозеток, они надеются на успех, так как решили отделить самца.

Вопрос «Отделять самца или нет?» вызывает среди работников зоопарков такие же ярые споры, какие в свое время у церковников вызывал вопрос, был ли у Адама и Евы пупок или нет, — и такие же безрезультатные. Разумеется, тут надо учитывать особенности не только вида, но и особей. Но как бы хорошо вы, на ваш взгляд, ни знали самца, как бы ни были уверены, что биологически оправдано оставлять его с детенышами, все равно это может пагубно отразиться на них. Естественно, чем более редок вид, тем больше и риск, тем труднее принять решение.

Орангутаны, пожалуй, самые редкие среди человекообразных, для них особенно велика угроза полного истребления в дикой природе. Подсчитано, что без строжайшей охраны популяций на Калимантане и Суматре эти обая-

Д

тельные рыжие приматы совсем исчезнут в ближайшие двадцать лет. Если прогноз верен (увы, похоже, что это так), зоопарки просто обязаны создать плодовые колонии орангутанов, чтобы не было нужды сокращать отловом численность диких популяций и чтобы обеспечить возможность сохранения вида хотя бы в неволе. Нам посчастливилось приобрести особи обоих подвидов и получить от них приплод.

Когда забеременела калифорнийская самка Бали, мы отделили ее супруга Оскара, единодушно считая, что, как ни хорош собой этот молодец, очень уж у него буйный нрав, наперед не угадаешь, как он воспримет детеныша. Пришлось ему жить холостяком, пока супруга ходила на сносях. Бали родила чудесную здоровую самочку, которую мы назвали Сурабая.

Бали была такая кроткая, тихая и недалекая, что мы склонны были считать ее придурковатой. Наше недоверие к ее умственным способностям оправдалось: как ни гордилась мамаша своей дочкой, как ни обожала ее, она не знала толком, что с ней делать. Общепринято мнение, что детеныши человекообразных обезьян постигают основы половой жизни, наблюдая взрослых. Молодой самец учится спариванию на примере отца; молодая самочка учится у матери уходу за детенышем. Мы, люди, применяем для этого целлулоидных кукол; обезьяны обучаются на живых младенцах. Но если человекообразная обезьяна попала в неволю в очень юном возрасте, ей не представился случай пройти такую школу, и это может серьезно затруднить размножение.

Бали поступила к нам в двухлетнем возрасте; казалось бы, могла уже подсмотреть на воле какие-то приемы ухода за младенцем. Может быть, и подсмотрела, да успела все забыть — как я уже говорил, это доброе создание не было наделено большим умом. Так или иначе, Бали восхищалась дочерью, следила за ее чистотой и крепко обнимала, полагая, что этим материнская забота исчерпывается. Бедное дитя, болтаясь то на бедре, то на спине, то на голове родительницы, лихорадочно и тщетно искало сосок, чтобы утолить жажду, а мамаша знай себе сидела с благодушной улыбкой на физиономии.

Пришлось нам войти в клетку и показывать Бали, как положено держать дочурку, чтобы она могла сосать. Обучение длилось несколько дней, но в конце концов мамаша уразумела, что к чему, и столь новаторский способ ухода за младенцем ей явно понравился. К сожалению, пока Бали растила Сурабаю, Оскар умер; об этом прискорбном случае я еще скажу позже. Когда пришло время отделять Сурабаю от матери, мы пустили к Бали молодого самца по имени Жиль. Хотя он был намного моложе ее, они отлично ладили, и мы надеялись, что у них вскоре будет потомство.

Но беда в том, что Жиль — жутко коварный тип, он обожает ставить

нам палки в колеса. Всякий раз, когда мы хотели взять у Бали мочу для лабораторного исследования, чтобы определить беременность, Жиль из всех сил мешал нам. Конечно, мы не сдавались, однако нашу бдительность усыплял тот факт, что Бали не выглядела беременной. У орангутанов вообще довольно большое пузо, так что поди разбери, но если при первой беременности у Бали было огромное брюхо, то теперь она лишь слегка раздалась в поясе. Какая уж тут беременность! И вот, пока мы воевали с Жилем, пытаясь взять мочу у Бали, она вдруг возьми да роди. Случилось это рано утром, и к тому времени, когда сотрудники пришли на дневное дежурство, Жиль уже успел стащить детеныша у Бали и умертвить его. Оставалось утешаться тем, что теперь мы точно знали: Жилия необходимо отделить, когда Бали в следующий раз соберется рожать. Урок дался нам дорогой ценой и на целый год затормозил программу разведения орангутанов.

С нашими суматранскими орангутанами Гамбаром и Джиной вышло иначе. У Джины был довольно желчный и неуравновешенный нрав, зато Гамбар — один из самых умных представителей человекообразных обезьян, каких я когда-либо знал. С первого раза, увидев его живые и пытливые глаза, вы ощущали, что за этим взглядом кроется незаурядный интеллект. Нам его одолжило Лондонское зоологическое общество после того, как он доказал свои способности производителя, причем роды происходили при нем и он не проявил наклонностей к убийству. Тем не менее, учитывая бьющую через край энергию этого силача (он уделял лазанию больше времени, чем все наши остальные орангутаны, вместе взятые), мы опасались, что он способен, носясь по клетке, нечаянно покалечить или зашибить насмерть хрупкого младенца. Спальни Гамбара и Джины мы разделили, как и спальни горилл, переносной решеткой. Лучше уж Гамбару быть по одну сторону перегородки, а Джине с малышом — по другую. Отец сможет видеть и даже с разрешения супруги трогать своего отпрыска без риска, что, увлекшись своими цирковыми трюками, нечаянно усядется на него.

В то воскресное утро, когда, по нашим наблюдениям, Джине подошла пора рожать, Филип Кофи, заведующий секцией человекообразных, увидел, что она пытается смастерить из опилок гнездо и беспокойно ходит по клетке. Джине дали охапку соломы; она тотчас устроила гнездо и легла на спину, широко раздвинув ноги. Вскоре на свет явился без всяких осложнений крепенький детеныш мужского пола. Гамбар получил возможность следить за ними через решетку и проявил заметный интерес к супруге и младенцу.

Через три с половиной месяца, когда детеныш, получивший имя Тунку, подрос и набрался сил, Джина смело играла с ним. Поднимет вверх на руках и ногах, и он барахтается в таком положении. Часто она отпускала

Д

его, разрешая полазить по перегородке. Тут к игре подключался Гамбар. Нас поражало, до чего ласков этот могучий непоседа. Сядет на корточки, просунет через решетку обе руки и качает Тунку вверх-вниз на ладонях. Упражнение это явно доставляло огромное удовольствие и отцу и сыну. Как только детеныш стал достаточно сильным и подвижным, Гамбара вновь пустили к Джине. Он вел себя безупречно. Тунку нравилось лазить по отцу, и тот терпеливо позволял сыну изучать отцовскую анатомию; отпрыск тыкал ему пальцами в глаза, дергал за волосы, даже вытаскивал у него из рта еду, а он все безропотно сносил.

Большинство человекообразных могут ходить выпрямившись, как человек; правда, недолго, и колени у них при этом согнуты. А вот Гамбар ходил на прямых ногах, опираясь на всю ступню: шагает тяжело, развалисто — ни дать ни взять отставной бригадный генерал прогуливается по набережной морского курорта. И ведь он мог ходить так подолгу, круг за кругом описывал в клетке с воинственным выражением лица, словно инспектировал почетный караул. Этот ритуал всегда забавно наблюдать, когда же Гамбар шествовал по кругу, бережно неся на могучих руках наследника, зрелище было допельзя потешное.

До чего сложно добиться успеха в бракосочетании животных, видно на примере наших горилл. Кажется, нет тех трудностей, которых мы не испытывали, пытаясь создать плодотворную группу этих животных. Как говорилось выше, мы приобрели самку Н'Понго в возрасте около двух с половиной лет. Затем у нас появилась другая самка, чуть помоложе, по имени Ненди. Н'Понго с самого начала произвела на нас впечатление обаятельного, чрезвычайно веселого и общительного, но и достаточно самоуверенного существа. Она встретила Ненди с явной симпатией, однако недвусмысленно дала новенькой понять, что это ее, Н'Понго, зоопарк, что сотрудники зоопарка — ее друзья и Ненди не следует об этом забывать. Добродушный нрав Н'Понго не позволял ей превратиться в злую задиру, как это бывает со многими животными в сходных обстоятельствах; она относилась к Ненди с искренним расположением, но поблажек не допускала. Пять лет жизнь их проходила под знаком обоюдной привязанности и уважения, причем Н'Понго во многих случаях играла роль лидера-самца. В женском учебном заведении их взаимоотношения могли бы даже посчитать предосудительными.

Тем временем мы лезли вон из кожи, стараясь раздобыть самца. Дело шло к тому, что Н'Понго и Ненди до конца своих дней останутся старыми девами; естественно, мы никак не желали с этим мириться. И вот тут Эрнст Ланг предложил нам Джамбо. Великая удача, притом во многих отноше-

ниях! Ланг первым в Европе добился от горилл приплода и вырастил знаменитого Гуму; после этого выдающегося достижения (раньше горилл относили к «трудным зверям», которых будто бы невозможно разводить в неволе) его колония продолжала расти. Джамбо принадлежал к тому же семейству. Мало того что он родился и вырос в зоопарке, он и сам стал отцом юного самца (матерью была сестра Джамбо). Словом, это был не зеленый юнец, чьи извращенные понятия о сексе почерпнуты тайком из соответствующих журнальчиков, а вполне квалифицированный производитель, что очень важно, поскольку в мире человекообразных наглядный пример играет большую роль в обучении (это касается и копуляции).

Обезьяна, выросшая вне стаи, плохо представляет себе акт и подчас терпит полную неудачу только потому, что никогда не видела, как это делается. Джамбо не только наблюдал пример своего богатыря-отца Ахиллы, но и успел доказать, что был внимательным учеником. Наконец, он и по возрасту подходил в мужья Н'Понго и Ненди. Ланг всячески превозносил его достоинства, и, совсем как при заключении монарших браков в прошлом, состоялся обмен фотографическими портретами. В письмах Ланга утверждалось, что Джамбо наделен могучей силой и чрезвычайно хорош собой, даже мил, несмотря на черную окраску, и в лице его проглядывает юмор. Мы пришли к выводу, что лучшего и пожелать нельзя. Оставалось проверить, разделяют ли самки наше мнение.

Знакомишь животных, а у самого сердце замирает. Вдруг они набросятся друг на друга? И помогут ли в таком случае ведра с водой, шланги и вилы? А может, они проявят полное обоюдное безразличие? Или так будет только вначале, а потом, усыпив нашу бдительность, они схватятся между собой? А если все-таки безразличие, можно ли надеяться, что со временем они поладят, или все наши труды и траты впустую? Тому, кто тешит себя иллюзией, будто все особи одного вида должны вести себя одинаково в сходных обстоятельствах, было бы полезно посмотреть, как проходило знакомство Джамбо с Н'Понго и Ненди. Сцена была классической в полном смысле слова.

Самки находились в крайнем из трех спальных отсеков, оттуда через перегородки они могли видеть третий отсек, в который мы намеревались пустить Джамбо. Таким образом, самок и самца разделяли две решетки и пустой отсек — буферная территория на время, пока мы составим себе примерное представление, как троица горилл воспримет нашу затею. По царившей суматохе Н'Понго и Ненди чувствовали, что происходит нечто необычное, но что именно, не знали, поскольку Джамбо все еще находился в транспортной клетке.

Д

Но вот поднята задвижка, отворена дверь спальни, и Джамбо — могучий, чернуший, источающий чесночный запах пота, — сутуля плечи, словно борец-тяжеловес, ввалился в клетку. Зорким взглядом мгновенно охватил все окружающее, заметил самок, но не подал виду. Присев на корточки, царственно повел глазами вправо, влево, потом не торопясь двинулся в обход спальни, внимательно изучая каждый уголок и по-прежнему пренебрегая самками. Эффект от его появления был бесподобный. Заслышав лязг задвижки, обе подошли к перегородке; когда же черный красавец возник в их поле зрения, каждая реагировала по-своему и совершенно неожиданно для нас.

Нам представлялось: если уж кто проявит немедленный интерес, так это будет общительная, дружелюбная Н'Понго. У Ненди нрав был более недоверчивый и замкнутый. На деле вышло так, что Н'Понго смерила Джамбо взглядом, отвернулась и побрела прочь, причем ее широкая спина выражала абсолютное пренебрежение. Дескать, плевать мне на противоположный пол вообще и на Джамбо в частности. Совсем иначе повела себя нелюдимая Ненди; это была картина забавная и трогательная. В момент появления Джамбо она сидела на корточках поблизости от перегородки. При виде косматого богатыря Ненди реагировала так, как реагировала бы пятнадцатилетняя девчонка, войди вдруг к ней в спальню ее эстрадный кумир, одетый только в гитару. Лицо ее выражало изумление и благоговение. Она была совершенно не подготовлена жизнью к такому чуду. Никто не говорил ей, что на свете существует такое диво, как красавец самец. Это была любовь с первого взгляда, любовь навсегда.

Простите меня за ненаучное и антропоморфное изображение, но в сухом и педантичном жаргоне биологов нет слов, чтобы описать происходившее. Не отрывая глаз от чудного видения, Ненди прошаркала к решетке, вцепилась в нее с каким-то отчаянием и замерла. Широко раскрытые глаза ее пожирали явно безучастного Джамбо; она, словно в трансе, впивала взглядом каждое его движение. Продолжая исследовать клетку, он на минуту скрылся за выступом. Несчастная Ненди засуетилась, заметалась взад-вперед, силясь высмотреть, куда он делся. Решив наконец, что он вышел из спальни в наружный отсек, тотчас подбежала к выходу из своей спальни и нагнулась, пытаясь заглянуть под дверь. Слава богу, тревога длилась недолго, Джамбо показался вновь; небрежно посасывая дольку апельсина, он не обращал никакого внимания на выражения необузданной страсти со стороны Ненди. С облегчением заняла она прежнюю позицию у перегородки и опять устремила на него взор, полный обожания и благоговения. Что до Н'Понго, то она, поев орехов и поглядев на нас через окно, преспокойно

улеглась на своей полке, словно появление самца в непосредственной близости ее ничуть не тронуло.

Когда мы наконец соединили всех троих, реакция самок в основном осталась прежней. Н'Понго, много лет чувствовавшая себя королевой всего обозримого пространства, относилась к новичку с явной ревностью и подозрительностью, к которой добавилась известная осторожность. Она решила и впредь вести себя так, будто 120-килограммового Джамбо просто не существует. Зато Ненди, получив возможность тесно общаться с предметом своей страсти, окончательно потеряла голову. Присядет на корточках в полуметре от Джамбо и таращится на него с восторгом и обожанием. Когда же он, простершись на солнышке, позволял ей расчесывать ему волосы, ликованию Ненди не было границ. Она прижималась к его могучей туше, и опьяненное гордостью лицо ее до смешного смахивало на человеческое. Н'Понго не больно-то одобряла этот союз. Правда, она сохраняла свою власть над Ненди, однако ее взаимоотношения с Джамбо складывались не очень удачно.

Джамбо, при всей его опытности, был еще очень молод и полон, так сказать, юношеского задора в сочетании с грубым юмором. Сознание того, что Н'Понго его недолюбливает, пробуждало в нем этакое чертика. Он был мастер на всевозможные проказы, знакомые нам по школьной поре и способные, как известно, хоть кого вывести из себя. То вдруг бросится на нее из-за угла, когда она этого меньше всего ожидает, то, лениво шагая следом за ней, внезапно подскочит и дернет за волосы. Н'Понго в ответ бросается на него, а он спасается бегством. И продолжает дразнить ее, доводя до белого каления. Разъяренная Н'Понго гонится за ним с яростными криками, и Ненди без особого энтузиазма присоединяется к подруге, хотя всякому ясно, что реакция Н'Понго ее несколько озадачивает, сама Ненди была бы счастлива и горда, выпади ей такие знаки внимания со стороны Джамбо.

Само собой, Джамбо, как и все любители розыгрышей, не знал меры. Он никогда не причинял Н'Понго настоящей боли, разве что слегка куснет или цапнет (а это не в счет в играх горилл), но дразнил немилосердно, стоило ему заметить, что она завелась и вот-вот сорвется. Н'Понго ходила с мрачным видом, присущим жене профессионального юмориста, но еще хуже то, что хандра отразилась на ее здоровье. Волей-неволей пришлось обособить Джамбо и выпускать их в наружный отсек поочередно, поделив время Ненди между ними с таким расчетом, чтобы и Джамбо не заскучал, и Н'Понго не слишком ревновала.

А затем у Н'Понго началась течка, и ее вдруг осенило, для чего существует горилла мужского пола, пусть даже любитель грубых розыгрышей.

Д

Отбросив всякий стыд, она заигрывала с ним через разделяющую спальни решетку, и, как только они оказывались вместе, почти сразу происходила копуляция. Все время, пока длилась течка, Н'Понго признавала Джамбо. Она не делала из него кумира, как Ненди, однако с великой охотой предавалась плотским наслаждениям. А едва кончилась течка, как возобновились прежние взаимоотношения, пришлось опять развести их по разным секциям. Со временем Н'Понго стала терпимее относиться к Джамбо, но все же по-настоящему признавала его лишь во время течки. Насколько легче было бы нам, будь их союз гармоничным, однако спасибо и на том, что брак вообще состоялся, это было всего важнее. Ненди тоже во время течки удостоилась внимания Джамбо; оставалось только ждать и надеяться, что обе самки окажутся плодовитыми, благополучно родят и, главное, окажутся хорошими мамашами.

Раз за разом отправляли мы в лабораторию мочу на анализ, и наконец пришел желанный ответ: обе беременны. Первой родила Ненди. Это были вообще первые роды у наших горилл, событие поистине незабываемое и тем более важное, что приплод от горилл в неволе стали получать только в шестидесятых годах и лишь сорок семь новорожденных выращены благополучно. Мы надеялись, что у Ненди не будет осложнений с первенцем. Установленная в спальне телевизионная аппаратура позволяла вести круглосуточные наблюдения; благодаря этому однажды вечером, в восемь часов, мы обнаружили, что у Ненди начинаются схватки. Тотчас вступила в действие операция «Горилла».

Пока у Ненди и Н'Понго из месяца в месяц округлялись животы, мы тщательно готовились, стараясь ничего не упустить. У нас не было гарантии, что обе окажутся хорошими мамашами, и никто не мог поручиться, что роды пройдут легко, без осложнений, а потому надо было продумать и подготовить все: от вероятности кесарева сечения до необходимости забрать детенышей и самим их выкармливать.

Скорее всего, представлялось нам, придется взять на себя заботу об отпрыске Ненди. Для этого одну комнату в главном здании заблаговременно оборудовали под детскую. Здесь был встроенный вытяжной шкаф, умывальник, еще шкафы; стояли два бокса с искусственным микроклиматом и подачей кислорода для новорожденных, а для подрастающих детенышей — большие бельевые корзины, играющие роль кроваток, и детский манеж. Комната обогревалась батареей с термостатическим прибором, поддерживающим температуру в рамках 21—24 градуса. Кроме того, мы установили стиральную машину для пеленок и бельевую сушилку. Разумеется, мы припасли также разные предметы ухода, от вазелинового масла, детских кре-

мов и пеленок до бутылочек, термометров и пластиковых штанишек. Хотя на все это ушли немалые деньги, мы надеялись, что детская комната не понадобится.

Словом, к тому вечеру, когда у Ненди начались схватки, нами было сделано все от нас зависящее. Теперь дело было за ней, мы могли только следить и быть наготове, чтобы оказать помощь, если понадобится.

Нам пришлось основательно понервничать. С восьми вечера, когда мы отметили первые схватки, до того момента, когда Ненди взяла в руки младенца, прошло девять часов и двадцать четыре минуты — срок необычно долгий, если судить по данным о родах в других зоопарках. Детеныш родился лицом вниз, а не вверх; оттого-то роды так и затянулись. Одно время (когда Ненди уже побила все известные нам рекорды длительности родов) мы начали всерьез подумывать о кесаревом сечении, но все же воздержались, поскольку роженица, хоть ей и было тяжело, находилась в хорошем физическом состоянии. Кесарево сечение — операция, к которой прибегают в самом крайнем случае, и мы решили подождать еще. К счастью, малыш появился на свет раньше крайнего, назначенного нами срока.

Каждое движение Ненди от начала схваток до завершения родов регистрировалось, итого было сделано 260 наблюдений; мало кто собирал столь полные научные данные о родах горилл. Ненди очень аккуратно вычистила младенца, съела послед и все пленки. Она нежно обнимала дитя, и мы рассчитывали, что все будет в порядке. Но тут возникла уже знакомая нам загвоздка. Ненди не приходило в голову, что детеныша надо кормить. Через четыре часа после родов малыш (он был мужского пола) сделал попытку сосать, однако Ненди отодвинула его от соска.

По нашим данным, самый большой срок, на какой детеныша гориллы оставляли с матерью, прежде чем забрать его для искусственного кормления, составлял тридцать два часа. Но наш малыш выглядел крепышом и так жадно искал соски, что мы выждали сорок часов. Увы, Ненди упорно не давала ему сосать. Пришлось обездвижить ее иглой из специального пистолета и отнять детеныша. Его отнесли в детскую (щедро украшенную изображениями диснеевских персонажей, чтобы младенцу было на чем фокусировать взгляд) и поместили в бокс с микроклиматом. Первые порции еды, которую он жадно поглотил, состояли из разведенной водой глюкозы; потом ему предложили декстрозу, и он стал быстро прибавлять в весе. Окрестили его Ассумбо по названию одной из областей Камеруна — самой западной части Африки, где водятся низменные гориллы. Детеныш был просто чудесный.

Через три месяца подошла очередь Н'Понго. К сожалению, нам не удалось подметить никаких признаков, говорящих о приближении счастли-

Д

вого события, а так как насчет даты родов строились разные предположения, мы были застигнуты врасплох, узнали о случившемся только после того, как наш заведующий отделом млекопитающих Квентин Блокам, заступив в восемь утра на дежурство, обнаружил, что Н'Понго сидит на полке, не обращая никакого внимания на своего отпрыска, который лежал на полу и скулил, махая ручонками. Послед был съеден, малыш вычищен, но Н'Понго решила, что на этом ее обязанности по продолжению рода горилл исчерпаны, и предоставила его самому себе. Когда Квентин открыл дверь, соединяющую спальню с наружным отсеком, Н'Понго, не глядя, прошагала мимо плачущего детеныша. Она явно полагала, что остальное — наша забота. Квентин вынес младенца и поместил в соседний с Ассумбо бокс. Этот детеныш тоже был мужского пола, и мы нарекли его Мамфе — так называется селение в Камеруне, где находился мой базовый лагерь, когда я приезжал за животными в Западную Африку.

Малыши росли не по дням, а по часам; в положенный срок они переходили из боксов в корзины и манеж, а затем (когда становились очень уж непосредственными) в клетку в доме млекопитающих. Здесь благодаря солнцу и свежему воздуху они росли еще быстрее, лупили свои игрушки и колотили себя в грудь, словцо взрослые гориллы, демонстрируя нам силу и свирепость. Да только какая там свирепость у очаровательных мохнатых карапузов с веселой искоркой в глазах!

Не успели они освоиться в новой обители, как в детской опять появились жильцы: Ненди и Н'Понго с разрывом в несколько недель родили по второму разу. К сожалению, нам снова пришлось забрать у них малышей. Ненди родила дочку, чему мы несказанно обрадовались, ибо у горилл в неволе рождаются преимущественно самцы. Самочку назвали Заирой, а второго отпрыска Н'Понго нарекли Тату — он вылитый отец и, пожалуй, самый красивый из малышей, родившихся пока в нашем зоопарке. Когда пишутся эти строки, Ненди беременна в третий раз, и я не сомневаюсь, что Н'Понго от нее не отстанет. Если они и теперь благополучно разрешатся от бремени, это будет означать прирост нашей коллекции за три года на шесть горилл. Не так уж плохо, учитывая, что впервые приплод от горилл получен в 1956 году и в последующие семнадцать лет зарегистрировано всего сорок семь удачных родов. Будем надеяться, что нам удастся сохранить хотя бы тройку из этих или последующих отпрысков и создать плодотворную группу к тому времени, когда Джамбо, Н'Понго и Ненди выйдут из брачного возраста. Вся суть в том, чтобы наша группа стала самовоспроизводящейся, тогда не надо будет повторно ловить горилл в дикой природе, более того, мы сможем из нашего фонда снабжать другие зоопарки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ФАНТАЗИИ, ФАКТЫ И ФОРМУЛЯРЫ

У этого зверя находится в глазу камень, также именуемый Йена, и есть поверье, будто человек может предсказывать будущее, положив камень этот себе под язык. Известно, что, если зверь Йена трижды обойдет вокруг какого-нибудь животного, это животное теряет способность двигаться. Вот почему утверждают, что он наделен некоей волшебной силой. В некоторых частях Эфиопии зверь сей сочетается с львицами, и от этого рождается чудовище под названием Крототе. А оно способно издавать человеческие голоса. Рассказывают, будто оно не может оглянуться назад из-за слишком жесткого позвоночника, а должно повернуться кругом, если хочет что-нибудь увидеть. И во рту у него совсем нет десен, а только сплошная твердая зубная кость, которая захлопывается наподобие коробочки, предохраняясь от стирания.

Т. Г. Уайт. Книга о зверях

Во многих исследованиях дикие животные поставляют материал для зоологической науки, вот почему так важно их дальнейшее существование. Нам еще предстоит много узнать о нашей собственной эволюции, нашем поведении, болезнях и, главное, наших взаимоотношениях с природной средой. Человек обладает возможностью до известной степени управлять природой, но он в то же время частица природы, и, чтобы вполне познать себя самого, ему необходимо учитывать весь контекст, включающий природу и диких животных.

Кэролайн Джарвис.

Роль зоопарков для науки и охраны природы

Пифагор говорит: «Змеи сотворены из спинного мозга трупов»... Если так, это вполне логично: коль скоро первым виновником смертности Человека была Змея, то и явление на свет змеи должно быть следствием смерти человека.

Т. Г. Уайт. Книга о зверях

Совершенно очевидно, что род человеческий все еще пребывает в при-
скорбном неведении по поводу того, как работает мир. Во многих частях
планеты мы занимаемся уничтожением в столь безжалостном темпе, что не
поспеваем даже поименовать или дать научное описание того, что уничто-
жаем, не говоря уже о том, чтобы оценить биологическое значение уничто-
жаемого. Не стоит забывать: истребляя тот или иной вид, мы одновременно
ставим под угрозу или губим бездну зависимых от него существ. Вы сруби-
ли дерево — при этом погибло не только оно, вы погубили нечто вроде ог-
ромного густонаселенного города, ведь дерево давало жизнь множеству
различных организмов. У всего, что мы делаем, могут быть далеко идущие
последствия, пусть незаметные на первый взгляд, но могущие пагубно от-
разиться на судьбах человечества. Люди утешаются старой поговоркой: го-

Д

ни природу вилами в дверь, она влезет в окно. Обращаю ваше внимание на слово «вилами». Когда вилы были самым совершенным оружием человека против природы, эта поговорка, конечно, годилась; теперь же вы гоните природу пестицидами, бульдозерами, электропилами, загрязнением и наводнениями, в которых сами повинны, гоните безжалостно, основательно и прытко, чтобы не могла вернуться.

Честное слово, я устаю отвечать людям, которые допытываются, какая польза от спасаемых мной животных. Какая польза от какого-то ничем не примечательного зверя тропического пояса жителю Сиднея, Чикаго, Волгограда, Пекина?

Ответ будет состоять из двух пунктов. Во-первых, у нас нет ни малейшего морального основания истреблять вид, на эволюцию которого ушли миллионы лет и у которого столько же прав жить на этой планете, сколько и у нас. Да у него теперь даже больше прав на существование, ведь он не пытался выйти за пределы отведенного ему места в природе и, значит, в большинстве случаев приносит пользу среде обитания. Чего нельзя сказать о так называемом цивилизованном человечестве, как бы положительно мы ни смотрели на свой собственный вид. Во-вторых, если, становясь в надменную позу, приравнивать себя к Богу и допускать существование только того, что полезно человеку (во многом тут повинна известная глава Книги Бытия), то ответить на вопрос «Какая от них польза?» проще простого: мы пока даже отдаленно не представляем себе, что именно служит благу человечества, а что нет.

Можно привести тысячи примеров, убедительно свидетельствующих, что прежде всего мы должны уяснить себе, как работает мир, а потом уже воздействовать на него в своих целях, при этом избегая что-либо разрушать; и тысячи примеров показывают, что самые невзрачные и, казалось бы, ничтожные существа могут быть чрезвычайно полезными для нас. Приведу только три.

В Англии графство Суссекс славилось своим белым клевером, и, надо сказать, от него зависело существование множества людей. Внезапно урожаи клевера невесть почему стали падать, и никакие старания фермеров не помогали. В отчаянии они как последнее средство сделали то, с чего следовало начинать: призвали на помощь биолога. Случаю было угодно, чтобы этим биологом оказался некий Чарлз Дарвин. Изучив проблему, Дарвин сообщил встревоженным фермерам, что им надлежит развести побольше кошек, после чего дюжие сыны природы решили, что старина слегка помешался.

А дело было в том, что только один вид шмелей обладал достаточно длинным хоботком, чтобы опылять довольно сложные цветки клевера. Этот

шмель устраивал свои гнезда в земле вдоль живых изгородей. Здесь же обитал один вид полевок: эти сластены выкапывали гнезда шмелей и поедали мед и молодь. Выяснилось, что у полевок произошел популяционный взрыв, а число естественных врагов не прибавилось в достаточном количестве, чтобы умерить их численность. Грызуны так нещадно истребляли шмелиные гнезда, что это отразилось на урожаях клевера.

В Бразилии было решено, что нелепо мириться с такими порядками, когда столь важное и полезное дерево, как бразильский орех, бессистемно растет в лесах по прихоти природы. Куда разумнее выращивать его стройными рядами на плантациях, подобно другим сельскохозяйственным культурам. Сказано — сделано. Деревья отменно принялись и цвели, вот только орехов почему-то не было. Запоздалое исследование выявило ситуацию вроде той, какую мы наблюдали в случае с клевером и шмелями. Очевидно, цветок бразильского ореха устроен так, что может опыляться лишь одним видом пчел, достаточно сильных, чтобы приподнять своего рода дверцу и проникнуть внутрь. Но в перерывах между цветением орехового дерева пчела не находила на плантациях нектара; не удивительно, что она игнорировала искусственные посадки, предпочитая леса, где круглый год была вполне обеспечена питанием.

И наконец, возьмем случай скромного броненосца, весьма невзрачного зверя, от которого людям вроде бы никакого проку, разве что мясо в пищу годится да шкуры (в Парагвае) идут на гитары. Так вот — похоже, что это смиренное четвероногое способно принести огромную пользу человечеству. Эксперименты доказали, что броненосец может содействовать искоренению проказы. Это единственный представитель фауны, в тканях которого благодаря чрезвычайно низкой температуре тела бацилла лепры размножается в достаточном количестве для разработки противoproказной вакцины. К тому же специалисты по раку считают, что изучение больных проказой позволит установить, почему организм раковых больных не отторгает опухоли.

Думается, приведенные примеры ярко говорят, насколько важно не мешкая уяснить себе, как функционирует наш мир.

Спросите рядового человека, для чего, на его взгляд, существуют зоопарки. Большинство ответят — «для развлечения», и мало кто скажет — «для изучения животных». Зоопарки приобрели славу развлекательных учреждений вроде игорных домов или ипподромов, и только по своей собственной вине: слишком большой упор делался на балаган и слишком мало времени уделялось изучению животных и систематизации наблюдений. Право же, обращаясь музеи так же безответственно и расточительно с до-

Д

веренным им материалом, как это делали зоопарки, они закрылись бы давным-давно.

Содержание любой коллекции диких животных в неволе должно преследовать три цели: во-первых, проводить возможно более полные биологические исследования каждого вида, особенно тех сторон, которые чересчур трудно или дорого изучать в дикой природе и которые могут способствовать сохранению вида в его естественной среде обитания; во-вторых, поддерживать вымирающие виды, создавая в идеальных условиях надежно охраняемые плодовые колонии с прицелом на реинтродукцию, чтобы обеспечить выживание вида; в-третьих, показывать и объяснять смысл этой работы широкой публике, чтобы убедить людей, как важны неотложные меры по всесторонней охране природы.

Названное первым тщательное и широкое изучение коллекции животных позволит собрать ценнейшие данные для охраны фауны, включая и программы размножения, и охрану в дикой природе; оно даст также множество сведений, нужных для биологической науки и для просветительских целей. Вот почему всестороннее научное изучение своих подопечных должно быть первоочередной задачей каждого зоопарка и любой другой коллекции диких животных. При этом важно, чтобы данные охватывали самый широкий спектр и были возможно более подробными; далее их необходимо обрабатывать, оценивать и результаты публиковать, чтобы и другие организации могли извлечь пользу из ваших наблюдений и выводов. Только так можно оправдать содержание коллекции диких животных; если же зоопарк не придерживается названных выше принципов, он остается всего лишь жалким, бесполезным архаичным заведением типа зверинцев прошлого века или ярмарочных балаганов.

Казалось бы, речь идет о не нуждающихся в разъяснении элементарных истинах, но ведь никуда не денешься от того, что в прошлом слишком многие зоопарки пренебрегали (да и сейчас пренебрегают) тем, что должно составлять смысл их существования. Слишком часто учет наблюдений либо вовсе не ведется, либо примечателен лишь скудостью и примитивностью информации. А ведь яснее ясного: от ярмарки, цирка или другого зоологического аттракциона никто не ожидает научных результатов, но какой-то минимум науки обязан присутствовать в работе всякого уважающего себя зоопарка, в любой коллекции диких животных, которая не равняет себя с балаганом.

Надо ли подчеркивать, что в разумно организованном зоопарке биологические исследования дадут больше, чем в самом лучшем музее, хотя бы потому, что живые звери обеспечивают куда более широкое поле деятельности, чем мертвые останки тех же животных. Тем не менее налицо при-

скорбный факт, что только горстка зоопарков по-настоящему включилась в научное исследование.

В 1963 году, когда возник трест, я твердо решил, что мы с самого начала будем создавать научную картотеку, и рассчитывал, что ее объем и значение будут расти по мере расширения деятельности треста. Не один год я переписывался с зоопарками во всех концах света, собирая сведения о картотеках, подчас лично знакомился с ними. Как правило, эти картотеки (в тех редких случаях, когда они вообще существовали) никуда не годились. Так что нам пришлось начинать, можно сказать, на голом месте, и, пожалуй, это даже к лучшему.

Когда замыслишь такого рода картотеку, сразу же сталкиваешься с трудностями. То, что на первый взгляд представляется совсем простым и бесхитростным, внезапно оборачивается гордиевым узлом, который завязал пьяный осьминог. Все же мы в конце концов, пройдя путь, отмеченный и колкостями, и колебаниями, разработали принципиальную схему. Над ней основательно потрудились и поломали голову как руководящие, так и рядовые сотрудники зоопарка, коим, собственно, как раз и предстояло создавать и пополнять картотеку. Стремясь избежать волчьих ям излишнего упрощения, мы в то же время старались обойти пучины чрезмерного усложнения. Чересчур сложная и громоздкая картотека бесполезна, какие бы жемчужины информации ни хранились в ее лабиринтах. Картотека должна быть общедоступным орудием труда.

Мы пытались также предусмотреть рост наших потребностей. Одна всеобъемлющая картотека казалась нам предпочтительнее, чем десяток специализированных, хотя мы смиренно сознавали, что от первого почина со временем все равно отпочкуется десяток амёб. В какой-то степени так и вышло. Например, мы решили предусмотреть на карточках поведения графу для ссылок на фотографический материал и звуковую запись, сознавая, что в конце концов из них сложится отдельная документация. Трест только-только родился, и с деньгами было так плохо, что упомянутые ссылки выглядели ненужной затеей, больше того, выражением мании величия. Однако недавно нам все же удалось основать фототеку, и мы также надемся, что звукозаписи (для разработки практически нетронутой области голосов зверей), как только на них будут средства, из пустой графы превратятся в реальность. Предусмотрев такую возможность тогда, когда она еще рисовалась нам только в воображении, мы все же включили нужные графы и тем самым избавились от необходимости перепечатывать всю карточку, чтобы внести дополнение.

С самого начала мы завели на каждую особь по три основные карточки: одна из них играла роль анкеты, другая — медицинской карты, третья

Д

содержала данные о поведении. Размер карточек 8,75 на 11,5 дюйма; они разного цвета, чтобы легче было найти нужную: анкета — белая, медицинская карта — розовая, поведение — голубая. Для упрощения работы шанка на всех трех карточках одинаковая, в ней основные сведения: возраст, дата поступления, физическое состояние, необходимый для ссылок индекс и так далее.

В анкете записаны собранные нами характеристики поступившей особи и все, что известно о ее повадках в дикой природе; эта карточка служит руководством для ухаживающего за животным сотрудника (если он или она не знакомы с данным видом), а также для новых сотрудников или практикантов.

В медицинской карте подробно отражены все случаи ветеринарной помощи, оказанной животному за время его пребывания в коллекции; есть графа для данных о вскрытии, если до этого дойдет.

Карточку с данными о поведении, пожалуй, было бы вернее называть этологической карточкой. В нее заносятся все наблюдения о поведении животного — от ухаживания до сроков беременности и развития потомства.

Некоторые сведения неизбежно повторяются на разных карточках. Так, через несколько лет мы убедились, что для млекопитающих нужна еще отдельная карточка с данными о размножении, иначе приходилось заносить детали либо в медицинскую карту, либо в этологическую карточку, а это было чревато путаницей. Вместе с тем данные об ухаживании, сроках беременности и ветеринарном уходе за беременной самкой не мешает повторить соответственно на голубой или розовой карточках. В работе с птицами нам очень помогают карточки с данными о кладке яиц. В конце брачного периода мы по этим карточкам определяем процент удачных кладок. Как раз благодаря им мы задумались над полноценностью рациона некоторых птиц; этот вопрос сейчас изучается.

В задней части картотечных ящиков по разделам млекопитающих и птиц стоят розовые карточки-приложения. На них, чтобы долго не искать, собраны сведения об анестезирующих средствах, питании, сроках беременности и сроках искусственного выкармливания детенышей. В передней части ящиков, опять же для быстрого получения справок, — четыре карточки большого формата с подробными данными о поступлениях, продаже, утратах и размножении особей. Кроме того, для млекопитающих и для птиц есть алфавитный указатель: на маленьких карточках (размером 10...12,5 сантиметра) — краткое резюме по каждой особи, данные о прохождении, индекс. Взял такую карточку — быстро получил общее представление, а по индексу можно затем найти большую карточку с нужными

подробностями. Указатель мы сделали потому, что большие карточки расставлены в той последовательности, в какой прибыли или родились у нас те или иные животные; эта последовательность отражена в индексах. А в указателе карточки, чтобы ускорить поиск, стоят в алфавитном порядке.

Совсем недавно мы завели еще четыре карточки. Первая — библиографическая. Она содержит перекрестные ссылки на авторов и предмет, а также изложение всех статей, написанных сотрудниками зоопарка как для нашего годовичного отчета, так и для другой научной периодики. Появилась картотека по вопросам питания; в ней собраны данные о рационе животного в дикой природе и показано, чем мы кормим его в зоопарке. Мы надеемся значительно расширить эту картотеку по мере того, как будут развиваться наши диетологические исследования. Несложная картотека содержит перекрестные ссылки на виды и заболевания, чтобы можно было тотчас установить, какой вид чем болел. Наконец — алфавитная фототека по видам.

В моем изложении вся эта система кажется невероятно громоздкой, а на самом деле ею очень просто пользоваться. Секретарю достаточно одного часа в день, чтобы пополнить все карточки свежими данными.

Материал для картотеки составляет наш основополагающий источник — «Дневник», который хранится в кабинете заместителя по научной части Джереми Молинсона. В «Дневнике» сотрудники каждый день записывают все, что касается ухода за животными: черты поведения, откладывание яиц, сроки беременности и так далее. Затем секретарь впечатывает эти данные в соответствующие карточки.

Естественно, по мере роста коллекции неизбежно появятся и другие картотеки; пока же наша система, пусть не самая совершенная, представляется нам эффективной. Мы двенадцать лет собираем данные, и нам уже удалось извлечь из них кое-какую ценную информацию, как это видно по нашему «Ежегодному отчету».

Наш принцип гласит: в накоплении данных лучше перебор, чем недостаток. И мы записываем все на свете, в том числе, возможно, изрядное количество ненужных сведений, которые в конечном счете отсеиваются, когда пишется статья. В нашей работе с животными никогда не знаешь наперед, какие наблюдения окажутся ценными. А потому лучше их все фиксировать и потом, на свободе, оценивать и сортировать, чем наткаться на пробелы, так как не регистрировались факты, казавшиеся в тот момент маловажными.

Насколько тщательно мы стараемся фиксировать даже простейшие вещи, хорошо видно по картам, описывающим перевод наших двух самок го-

Д

риллы примерно на сто метров из старой клетки в новое помещение. Казалось бы, всего-то дела: обездвижить двух животных и перенести их в бессознательном состоянии из пункта А в пункт Б. Но ведь речь шла не только о транспортировке. Немалый риск связан уже с тем, что одна и та же доза анестетика одну гориллу может обездвижить, а другую — убить, пусть даже животные одинакового возраста и веса. Пока они находились без сознания, нам представлялся идеальный случай проверить зубы, взять кровь для анализа, измерить и взвесить наших подопечных, проделать еще кучу исследований, обычно невозможных, несмотря на то что обе гориллы были сравнительно ручные. Причем всю операцию надлежало провести быстро, гладко и эффективно, чтобы животные не очнулись в разгар обследования. Нельзя было также допустить, чтобы действие анестетика излишне затянулось и чтобы гориллы простудились. Анестетики часто вызывают осложнение в виде воспаления легких, а оно может оказаться фатальным.

Прежде всего мы составили перечень необходимого снаряжения, написали всю процедуру, кто в ней участвует.

ПЕРЕВОД РАВНИННЫХ ГОРИЛЛ
ИЗ СТАРОГО ПОМЕЩЕНИЯ В НОВОЕ
29 февраля 1972 г. Н'Понго М. 1 + Ненди М. 2+

Подготовительные меры и снаряжение для перевода

1. Двое специальных носилок (предоставлены «Скорой помощью»).
2. Два одеяла.
3. 10 метров веревки.
4. Весы (предоставлены «Приютом для животных»).
5. Кислородный баллон.
6. Тонкая стружка (в новой клетке для обеих постелей сделана подстилка из стружки).
7. Мерная лента.
8. Спальный отсек новой клетки проверен, все в порядке. Температура в отсеке 18—20°C. Обе полки теплые на ощупь. Раздвижные двери действуют исправно.

Участвуют член Королевской корпорации ветеринаров мистер Т. Б. Бегг и один практикующий терапевт.

Провести общий медосмотр обеих особей, включая проверку зубов.

Взять кровь на анализ у обеих особей.

Взвесить и измерить каждую особь.

Сержант полиции Малинтон и эксперт по отпечаткам пальцев снимают три комплекта пальцевых отпечатков с *правой* руки каждой особи. Эта

информация пересылается во Франкфурт составителям Международной родословной книги горилл, а также используется для сравнительных исследований.

Составляется полная письменная и фотодокументация процедуры перевода.

14.20. Нижний дом млекопитающих закрывается для посетителей.

ПЕРЕВОД ОСОБЕЙ

Как только будет установлено, что обе гориллы достаточно обездвижены, чтобы можно было выносить их из старой клетки, осуществляется следующая процедура:

1. Каждую особь выносят вручную на носилках в коридор дома млекопитающих.

2. Уложенную на носилки гориллу укрывают одеялом до подбородка, затем ее привязывают веревкой к носилкам.

3. Каждую особь взвешивают в доме млекопитающих.

4. Н'Понго доставляют в спальню £ 1 (северная сторона), Ненди — в спальню £ 2 (южная сторона).

5. Взятие крови для анализа, снятие пальцевых отпечатков, измерения и общий медосмотр производятся в новом помещении, поскольку главное — возможно быстрее завершить перевод.

6. Гориллы остаются изолированными и не получают возможности встретиться в среднем отсеке, пока полностью не придут в себя. Участвуют Дж. Молинсон, Дж. Мэлит, К. М. Блоксем, П. Кофи, Д. Райорден, Дж. Эшер-Смит.

14.30. Каждой особи вводится через рот 300 мг сернилана (фенициклидина) — по 100 мг на 1 мл. Вес горилл определен приблизительно в 75 кг. Упомянутые дозы разведены в смеси молока, меда и витамина B₁₂. Дальнейшая информация — на отдельной карте для каждой особи.

Н'Понго — лист 4, М. 1. Ненди — лист 4, М. 2.

Затем животные были обездвижены. По записям видно, что на наркотик они реагировали неодинаково. Конечно, точный и суховатый язык наблюдений не передает того факта, что у нас (выражаясь ненаучно) сердце уходило в пятки, хотя мы всячески старались изображать людей, которые только тем и занимаются, что переводят горилл из одного помещения в другое. Дело в том, что речь шла не просто о животных, а о наших личных друзьях и мы не хотели их потерять.

Д

ПЕРЕВОД В НОВОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

Н'Понго. Зоо Инд. М. 1. Лист. 4.

29 февраля 1972 г.

14.30. Прием сернилана. 14.31. Обе особи сильно возбуждены, не получив корма. 14.45. Особи заметно успокаиваются. 14.46. Н'Понго забирается на полку, затратив несколько больше усилий, чем обычно. 14.52. Глаза у Н'Понго мутные. 14.55. Н'Понго качается на перекладине. 14.55.30. Н'Понго из положения стоя на четвереньках садится, свесив голову на грудь. 14.56. Покачивается. 14.58. Н'Понго валится на пол, снова садится, качается. 15.01. Лежит на полу. 15.02. Бессильно лежит ничком, слегка поджав ноги. 15.03. Ненди, пробегая мимо, хлопает ее по спине. Н'Понго реагирует слабым движением. 15.05. Ненди снова ударяет Н'Понго. Никакой реакции. После 15.05 Н'Понго больше не реагирует и не двигается. Н'Понго = 35 минут.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРЕВОДА

Ненди М. 2

14.30. Прием сернилана. 14.31. Обе особи сильно возбуждены, не получив корма. 14.45. Особи, судя по всему, в полном сознании. 14.50. Глаза Ненди мутнеют, веки слипаются. 14.55'.30". Ненди сильно возбуждена, подбегает к двери и колотит в нее. 14.56. Ненди принимает угрожающую позу, по-прежнему сильно возбуждена, продолжает подбегать к двери и колотить в нее. 14.57. Усиливается слюноотделение. 14.59. Ненди продолжает принимать угрожающую позу, сильно возбуждена. 15.03. Пробегая мимо Н'Понго, хлопает ее по спине. 15.05. Ненди снова ударяет Н'Понго, та никак не реагирует. 15.06. Ненди не совсем твердо держится на ногах, но производит впечатление крепкой и бдительной. 15.07. Ненди менее возбуждена и активна. 15.07'.30". Ненди зевает; стоит на четвереньках, опираясь локтями о стену. 15.08. Голова поникла, корпус качается. 15.09. Ненди садится. 15.10. Ненди закрывает глаза. 15.11. Ненди с трудом делает несколько шагов и валится в той же позе, что и Н'Понго. 15.12. Ненди поднимает голову и снова ее опускает. После 15.12 никаких реакций и движений. Ненди = 42 минуты.

Как только обе гориллы были усыплены, мы приступили к действиям. Внесли в клетку носилки, привязали к ним животных. Вынесли в коридор дома млекопитающих, взвесили и измерили; были взяты мазки, кровь для анализа и отпечатки пальцев, осмотрены зубы. Хотя мы понимали, что это

необходимо, вряд ли кому-нибудь из нас было приятно видеть, как хорошо знакомые животные (всегда такие веселые и живые, такие яркие личности) лежат без сознания, а им открывают рот, берут мазки, кровь из вены. Точно мы вторгались в их личную жизнь, покушаясь на их достоинство; одно утешение — сами они потом ничего об этом не будут знать. Словом, наши чувства отдавали антропоморфизмом; научной трезвостью и не пахло.

Горилл завернули в одеяла, и мы вышли из дома млекопитающих, бережно неся драгоценный груз. Наверное, мы при этом смахивали на группу встревоженных спасателей, выносящих единственных уцелевших после какой-нибудь страшной катастрофы. Уложив горилл на мягкую постель, для которой не пожалели соломы (в разных секциях, но достаточно близко, чтобы они, очнувшись, увидели друг друга), мы окружили клетку, приготовившись следить, как они будут приходить в сознание. Пожалуй, это были самые тревожные минуты — ведь нам предстояло убедиться, как гориллы перенесли анестетик, не будет ли осложнений.

И опять эти клинические наблюдения ничего не говорят о том, что произошло у нас в душе. Мы курили, мы пили кофе чашку за чашкой, пускались в рассуждения о нынешнем мировом кризисе, но разговор протекал вяло, а то и вовсе замолкал, и слышалось только тяжелое, прерывистое дыхание наших пациентов. Мы вспоминали, как в зоопарке появилась Н'Понго: черная как уголь маленькая толстушка, губы вечно изогнуты в улыбке, отражающей твердую веру в дружеское расположение всех людей. А вот в душе у Ненди сначала коренились глубокая антипатия и недоверие к людям, и большой шрам через всю макушку — след от удара секачом — вполне объяснял причину ее нелюдимости; понадобился не один год терпеливых усилий, чтобы завоевать ее доверие. Мы знали обеих еще детьми, где же тут настроиться на бесстрастный, холодный научный лад.

Наблюдения за Н'Понго. В 16 часов Н'Понго начала реагировать — повернула голову и пожевала губами.

16.48. Н'Понго зашевелилась, на ногах не стоит, только перекачивается.

18.00. От решетки доползла на животе до середины клетки. 18.30. Лежа на животе и опираясь на локти, сонно озирается. Села на корточки, опираясь о решетку, упала, поползла к радиатору. 19.00. Пододвинулась ближе к радиатору, вяло шевелит руками. Лежит на животе на сене. 19.30. Поза без изменений. 20.00. Намного бодрее, сидя в полусогнутом положении, поднимает вертикально голову, реагирует на свое имя. 20.08. Снова у решетки в прежней позе. 21.30. Ходит по полу на четвереньках, конечности с трудом удерживают ее вес. 22.15. Лежит на животе, на звуки не реагирует. 22.50. Садится, вокруг рта следы рвоты, взгляд фокусирует-

Д

ся, но все еще затуманенный, по телу пробегает мелкая дрожь. 24.00. Без особых изменений; свет выключается.

Наблюдения за Ненди. Ненди после выноса из старой клетки кашляла, зевала, моргала, наблюдалось выделение слюны.

18.00. Ненди лежит посередине пола ничком. 18.30. Немного двигалась, к голове и плечам пристали стружки и сено. 19.10. Лежит на сене, зарывшись головой, не двигается, дышит легко. 19.30. Передвигается кругом на четвереньках, но очень неуверенно реагирует на свое имя. Обнюхивает краску, стучит костяшками по полу. Сидит на корточках, дыхание несколько напряженное. 19.55. Проявляет интерес к пище, кусает апельсин, активно передвигается, иногда падает, но продолжает двигаться, даже после падения плашмя — тотчас выпрямляется. Выделения из носа. 20.00. Ненди влезла на решетку, висела на ней три с половиной минуты. 20.10. Позывы к рвоте, слюноотделение. 20.15. Рвота. 20.19. Новые позывы к рвоте. 20.20. Опять позывы к рвоте. 20.27. Ненди пьет теплое молоко с 10-процентным раствором глюкозы, координация плохая, при питье вытягивает верхнюю губу. 20.34. Стоя ухает и колотит себя в грудь. 20.33. Опять стоя колотит себя в грудь и ухает, затем садится и продолжает протяжно ухать. 20.35. Снова пьет молоко. 21.50. Ненди на полке, ведет себя спокойнее, координация немного лучше. 22.15. То сидит, то ходит по полке. 22.45. Как будто уснула. 23.30. На полке в позе отдыха-сна, но не спит. 24.00. На полке, отдыхает, вроде бы спокойна, свет выключается.

Нехитрая операция по переводу позволила нам точно взвесить и измерить обеих обезьян, сделать анализ крови, получить полную бактериологическую картину по мазкам из носа, горла и влагалища, довольно много узнать о действии транквилизаторов и анестетиков. По сути дела, мы провели всестороннее медицинское обследование, которое иначе было бы неосуществимо даже с такими относительно ручными особями. Все данные были занесены на карточки для будущих нужд.

Наука наукой, а когда все было кончено, я откупорил шампанское, полагая, что нам не мешает взбодриться.

Разумеется, последовательные и подробные наблюдения чрезвычайно ценны для ветеринарных и паразитологических исследований. Ярким примером того, как тесно подчас паразитология связана с ветеринарной наукой, может служить наша скорбная серия карточек с данными о вулканическом кролике тепоринго. Скорбная, поскольку она покоится в картотеке потерь, ожидая воскрешения, когда нам удастся добыть еще экземпляры этих интереснейших маленьких зверьков.

Крохотный, чрезмерно редкий кролик тепоринго обитает только на склонах потухших вулканов Попокатепетль и Истаксиатль под Мехико. Хотя он строго охраняется законом, это, как и во многих других случаях, охрана лишь на бумаге. На кроликов охотятся, невзирая на охранное законодательство, их убивают даже там, где, казалось бы, они могли рассчитывать на убежище, в национальном парке Попокатепетль. Местные лесники сами говорили мне, что едят их мясо. Учитывая все это, а также ограниченность ареала редкостного зверька, я считал, что тепоринго нуждаются в помощи нашего треста. А потому в 1968 году я финансировал и возглавил экспедицию в Мексику с основной целью — приобрести плодovitую колонию вулканических кроликов.

Мексиканские власти встретили меня очень любезно и оказали всяческое содействие, и через три месяца я вернулся на Джерси с победой. Мы приобрели шесть кроликов, они благополучно перенесли путешествие и прекрасно освоились на новом месте. Нам удалось даже получить приплод — большое достижение, ведь это был первый случай, когда тепоринго обзавелись потомством в неволе. Но дальше дело пошло плохо: единственный самец погиб, и вскрытие выявило у него одну из форм кокцидиоза. Прошло несколько тревожных недель, нам удалось заполучить из Мексики второго самца, но, прежде чем мы смогли пустить его к самкам, он тоже умер. Вскрытие дало такой же ответ, причем результат был интересен тем, что этот кролик был поражен новым видом кокцидий.

Тот факт, что мы распознали врага вулканических кроликов и выяснили, как с ним бороться, нас ни капли не утешал, поскольку я не располагал в Мексике надежным контактом, который снабдил бы меня особями для повторной попытки создать плодovitую колонию. Все же я не теряю надежды когда-нибудь снова попасть в Мексику и приобрести еще тепоринго, чтобы мы могли разводить в неволе этих чудесных, уникальных зверьков.

Странно, что многие люди не учитывают одно существенное обстоятельство: чтобы охранять и сохранять животное в дикой природе, надо знать не только его физические данные, но и характер его взаимоотношений с множеством других видов. Попросту говоря, нет никакого смысла выделять под охранную зону для львов 10 тысяч квадратных километров саванны, если там не водятся антилопы. Если вы не установили наблюдениями (в дикой природе или в неволе), что лев — плотоядное животное, ваши охранные мероприятия обречены на провал. Всякому очевидно, что для этого животных надо изучать в естественной среде обитания, однако столь же очевидно, что некоторые вещи легче наблюдать в неволе, а иногда это и вовсе единственная возможность.

Два примера. Начнем с наших карточек о размножении тенреков. Эти

Д своеобразные зверьки, напоминающие ежей, обитают на Мадагаскаре. К числу их многочисленных милых черт относится такая: при поимке зверек собирает в складки кожу на лбу, принимая сердитый, недовольный вид. Мы благополучно размножали этих маленьких насекомоядных, получили пять поколений, и потомство разослано по всему свету. Наши записи содержат бездну наблюдений над поведением, числом детенышей в помете, родами и так далее; в дикой природе сбор такой информации потребовал бы немало времени и средств, а кое-что и вовсе осталось бы неизученным.

Из того, что зафиксировано у нас, многое может пригодиться для охраны других видов тенрековых. Всего описано двадцать пять видов (некоторые из них чрезвычайно редки), и мы надеемся, что наш опыт работы с двумя сравнительно распространенными видами (ежовый и малый тенреки) поможет нам в будущем создать размножающиеся колонии исчезающих видов.

В частности, мы обнаружили, что можем изменением температуры влиять на поведение ежового тенрека. Обычная температура для содержания этих зверьков 27—29°; при имитации условий спячки 21—24°. Регулируя температуру и влажность, мы научились поддерживать ежовых тенреков круглый год в активном состоянии, способными к размножению. Самки у нас становились способными к зачатию каждые два месяца; прежде считалось правилом размножение на второй сезон. Таким образом, самка без особых затруднений может приносить в год два-три помета. Если такие методы можно применить к исчезающим видам, это сыграет неоценимую роль в создании крупных размножающихся колоний и в сохранении вида. Вот вам один пример того, какой материал может дать разумно организованная коллекция животных и какое употребление он может найти.

Второй пример полезных данных возьму из карточек по нашей колонии африканских цивет. Начав с одной пары, мы к нынешнему дню вырастили сорок девять особей; двенадцать вывезены в четыре зоологические коллекции в разных концах света. Наблюдения, зафиксированные на карточках в разделе «Размножение», позволили нам установить сроки беременности, примерную продолжительность жизни, нормальное число детенышей в выводке и этапы их развития, в частности рост и прибавку в весе; есть также данные о спаривании, родах и так далее. По существу, мы располагаем полной картиной нормального брачного поведения африканской циветы, и речь идет о материале, который было бы трудно, а то и вовсе невозможно собрать только в полевых условиях.

Недавно по Европе и Соединенным Штатам прокатилась волна выступлений против зоопарков. Критики из научных кругов осуждают их за отсутствие научных исследований. Упрек этот, увы, вполне справедлив по

отношению ко многим, слишком многим зоологическим коллекциям. В некоторых случаях, если и делаются попытки регистрировать наблюдения, результаты настолько жалкие, что ни один уважающий себя биолог не может принимать их всерьез. Так, в нашей картотеке хранится присланная из хорошо известного зоопарка карточка с данными о лечении жирафа. Что же в ней сказано? А вот что: после того, как ветеринар извлек из чрева самки мертвого детеныша, ей «впрыснули антибиотики». И все. Ни слова о том, сколько и какого антибиотика было впрыснуто, и сама запись сделана от руки, так что не всякий, кто обратится к карточке за информацией, разберет почерк. Из другой коллекции получены карточки, по которым можно узнать, что животное поступило и что оно скончалось, после чего идет подробное патологоанатомическое заключение. О поведении — ни слова; получается, что с момента поступления до своей кончины животное ровным счетом ничего не делало. Не зоопарк, а прямо-таки приемная патологоанатома...

В 1968 году, через четыре года после того, как мы учредили наш трест и разработали картотеку, в Сан-Диего состоялась обширная конференция, посвященная роли зоопарков в охране дикой фауны. На мой взгляд, самым прямолинейным, умным и дельным было выступление тогдашнего редактора «Международного зоопарковского ежегодника» Каролайн Джервис (ныне леди Медуэй). Касаясь нависшей над множеством видов угрозы уничтожения и сохранной роли зоопарков, она говорила:

«В этой ситуации зоопарки призваны сыграть чрезвычайно важную роль, хотя они редко отдают себе в этом отчет. По самым последним данным «Международного зоопарковского ежегодника», в полутысяче зоопарков и аквариумов содержится около полумиллиона позвоночных, представляющих дикую фауну. За этой огромной цифрой кроется двоякий смысл: она показывает, какое количество диких животных охвачено зоопарками, а также что зоопарки связаны с дикими животными ближе, чем любые другие учреждения. Здесь и спектр животных шире, и контакт теснее. Больше возможностей регистрировать определенные данные и познания, чем у любого университета, исследовательского института или охотоведческого управления. Вот почему зоопарки особенно важны как для охранной работы, так и для зоологической науки. Охрана нуждается в фактических данных, нуждается в них и зоологическая наука, а таких никем не учтенных данных в зоопарках непочатый край. Природу называют сокровищницей сведений, и зоопарки — хранители немалой части этой сокровищницы, да только слишком часто они не отдают себе отчета в ответственности этой роли, а то и вовсе не осознают себя хранителями».

Д

Касаясь роли зоопарков в тщательном сборе информации, мисс Джервис продолжила:

«Помимо просветительской работы, зоопарк может внести еще два чрезвычайно ценных вклада в борьбу за спасение животного мира от гибели. Во-первых, фиксировать данные о дикой фауне, во-вторых, размножать в неволе исчезающие виды. В охране диких животных одна из главных трудностей — недостаток сведений об основных нуждах тех самых существ, которых мы пытаемся защитить. Поразительно, как мало известно о биологии и поведении большинства видов дикой фауны, ведь истинно глубоких исследований, вроде получивших заслуженную известность работ Шаллера о горной горилле, очень мало. Многие необходимые сведения — взаимоотношения животного со средой, экология района обитания, природный рацион и разные стороны поведения — заведомо можно изучать только в полевых условиях, но в то же время есть множество данных, которые невозможно или чрезвычайно трудно собрать в экспедициях, зато их очень просто получить, изучая животных в неволе. До самых недавних пор зоопарки явно не отдавали себе отчета, какая масса ценной информации им доступна и как важна эта информация, если тщательно ее фиксировать. Лишь в очень немногих зоопарках есть надежная многолетняя документация, но и там объем собранной информации скуден и не всегда она точна».

Мисс Джервис особо остановилась на принципах документации:

«Чтобы регистрируемая зоопарками информация была ценной, она должна быть куда обширнее, куда методичнее и далеко не такой случайной, какой является теперь. Здесь существенны два момента: хорошо налаженная документация и действенные приемы определения животного. Документация не обязана быть сложной, но тщательность и точность необходимы. Всем зоопаркам надо бы регистрировать основной минимум данных о своих представителях дикой фауны, лучше всего в виде картотеки, с перечнем каждой поддающейся определению особи, с указанием даты поступления, примерного возраста и веса по прибытии, места приобретения, признаков, по которым производилось определение пола, даты спаривания или родов, дат заболеваний и даты смерти или выбытия из зоопарка, а также причины смерти или выбытия».

После конференции мисс Джервис написала опубликованную Лондонским зоологическим обществом превосходную статью «Руководство по изучению диких животных в неволе». Судя по тому, что нам известно о принципах документации в большинстве зоопарков, эта бесценная публикация не получила широкого распространения, которого она заслуживает.

И все же было отрадно сознавать, что через семь лет после того, как мы учредили свою картотеку, мисс Джервис рекомендовала другим зоопаркам те же принципы. Мы с удовольствием отмечали, что нами были учтены все те пункты, о которых шла речь в ее выступлении.

Чтобы остановить или хотя бы ослабить направленную на них струю критики, зоопаркам и другим коллекциям диких животных надобно гораздо ответственнее воспринимать свою роль научных учреждений. Нельзя без возмущения думать о том, что издавна тысячи животных держали — и по-прежнему держат — в неволе исключительно для развлечения публики и что мы ничему не научились — и не учимся — на этих узниках.

Значение разумно и научно (это не синонимы) организованных зоопарков с годами будет не убывать, а возрастать. Вероятно, они станут последним убежищем для огромного числа видов. А потому чрезвычайно важно, чтобы они эффективно содержали, размножали и *изучали* своих подопечных. Зоопарки можно назвать опекунами, хранителями видов, которые пытаются наряду с нами населять планету — в большинстве случаев без особого успеха.

Не будем забывать, что исторически мы еще недавно поклонялись животным (в некоторых уголках мира это поклонение сохранилось), что еще недавно люди верили в единорога, верили, что у жабы в голове схоронен драгоценный камень, что ласточки зиму проводят в иле на дне прудов. В своей блестящей книге «Фольклор о птицах» Эдвард Армстронг приводит пример совсем недавних в масштабах нашей истории «научных исследований»:

«Во второй половине восемнадцатого века Джон Обри писал: «Сэр Беннет Хоскинс, баронет, рассказал мне, что лесничий его парка в Морхемптоне, графство Херефордшир, в виде эксперимента забил железный гвоздь поперек входа в дупло с гнездом дятла, ибо есть поверье, что птица сумеет открыть вход при помощи некоего листа. У подножья дерева он расстелил чистое полотно, и прошло не более полусуток, как гвоздь выскочил, и лесничий нашел его лежащим на полотне. Спрашивается, что это за лист, какого он вида? Говорят, будто для этого годится лист гроздовника. Описанный опыт без труда можно повторить».

Таковы были представления деревенских джентльменов каких-нибудь двести лет назад. Эти просвещенные мужи были пытливы и охотно экспериментировали, однако к методике подходили недостаточно строго, а к результатам — излишне доверчиво. Джон Рэй замечает без обиняков:

«Несомненно, перед нами небылица, однако же сей видный натуралист приписывал смерть своей дочери от желтухи тому, что ее лечили новомод-

Д

ными учеными снадобьями вместо старого средства: пива, сдобренного конским навозом».

Разумеется, с той поры накоплены громадные познания о поведении животных и экологии нашей планеты, но вот что следует помнить: при всей обширности наших знаний они ничтожны перед тем, что еще предстоит узнать. Если мы поймали сачком одну из звезд ночного неба, это отнюдь не значит, что нами постигнута вся вселенная.

И, наконец, скажу следующее: достоинства документации всецело определяются уровнем ее творцов, и те, в чьи руки она попала, обязаны песковать ее, развивать, перестраивать и пополнять, а коли понадобится — уничтожить и начать все сначала. Наша система тем хороша, что все сотрудники, квалифицированные и неквалифицированные, вносят свои наблюдения; это относится и к служащим, которые работают повседневно с животными, что придает их наблюдениям особую ценность. Само собой, в такой коллекции мало проку от кабинетного ученого-белоручки, который видит животных раз в месяц и почти во всем полагается на наблюдения других. Вместе с тем нельзя уповать на то, что люди, поставляющие фактические данные, всеведущи. Всезнание — это прекрасно, однако его не дают ни опыт, ни религиозное воспитание, ни даже университетское образование.

Нам остается лишь исходить из принципа, что в стране слепых даже самая тонкая трость позволяет нащупать путь к познанию.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПИЛЮЛИ, ПРИМОЧКИ И ПОЛУМЕРЫ

О ласках говорят, будто они так искусны во врачевании, что, если их детеныши почему-то погибают, родители могут их оживить, при условии, что будут с ними соединены.

Т. Г. Уайт. Книга о зверях

Вайолет заботливо связала некоторым рыбкам шерстяное платьице, а Слингсби дал им опийные капли; благодаря такой отзывчивости они согрелись и крепко уснули.

Эдвард Лир

Герба сакра, «божественная трава», вербена аптечная, по словам древних римлян, исцеляла от укусов любых бешеных животных, останавливала действие яда, излечивала от чумы, обезвреживала колдовство и злые чары, укрощала врагов и так далее.

Крюэр. Словарь выражений и небылиц

Обнаружить, определить и затем лечить заболевание у животных — задача настолько трудная, что перед ней дрогнуло бы даже brave сердце Флоренс Найтингейл¹. Представьте себе пациента, который не только не может сказать вам, где у него болит, но во многих случаях всячески старается скрыть симптомы; пациента, который, решив, что вы задумали его отравить, наотрез отказывается принимать лекарства, как бы тщательно их ни прятали в мясе, бананах или в шоколаде; пациента, который (так как вы не можете объяснить ему смысл ваших действий) воспринимает все, от рентгена до уколов, как преднамеренное покушение на его жизнь, или достоинство, или то и другое вместе. Человек, собирающийся лечить больное животное, должен обладать терпением Иова, настойчивостью Сизифа, двоедушем Иуды, силой Самсона, врачебным тактом Соломона и дьявольским везением.

В зоологической экспедиции (где вы одновременно и плотник, и диетолог, и уборщик, и повар, и ветеринар) вам представляется хороший случай кое-что узнать о лечении животных. Когда на вашем попечении несколько сот особей, а вы находитесь в двухстах километрах от ближайшего селения (которое, скорее всего, не может похвастаться врачом, не говоря уже о ветеринаре), приходится разрабатывать собственные приемы. Причем они настолько далеки от утонченных манер лондонских эскулапов, что, попадись вы на глаза деятелям из Британского медицинского общества, вас задушили бы запретами.

В самом деле, кто из сих почтенных медиков стал бы засовывать голову яростно отбивающегося пациента (в данном случае мангуста) в старый тапок, чтобы сподручнее было поставить ему клизму с применением купленного (за неимением лучшего) на местном рынке пульверизатора? Кто из благородных эскулапов стал бы разоблачаться на глазах у сотни-другой восхищенных африканцев и колоть себя шприцем, чтобы убедить крайне подозрительного (и на редкость мускулистого) бабуина, что это самое увлекательное и модное занятие на свете? Кто из этих чистоплюев лег бы позову профессии в одну постель с юным шимпанзе (страдающим бронхитом), который всю ночь норовит затеять возню, тычет вам пальцем в глаза и каждые полчаса с упоением обильно поливает вас мочой? Кто из прилизанных, холеных ординаторов наших лечебных учреждений должен считаться с опасностью, что во время обработки сломанной руки пациент клюнет его в левую ноздрю? Так случилось со мной, когда я вправлял крыло

¹ Флоренс Найтингейл (1820—1910) — английская сестра милосердия и общественный деятель. — *Примеч. пер.*

Д

выпи. Боль была адская, я перемазался в крови, и меня ничуть не утешало то, что птица промахнулась: ведь она метила в глаз.

Только не подумайте, что я неприязненно отношусь к медикам вообще, просто их практика — цветочки перед тем, с чем сталкивается человек, работающий с животными. Дайте мне любого практикующего терапевта, и я посмотрю — останется ли он верен клятве Гиппократата перед лицом тридцати семи обезьян с острым поносом, который вызван тем, что африканец-смотритель скормил им слабительное вместо сухих дрожжей, и все это за десять минут до погрузки на судно, чей капитан заведомо не выносит животных. Правда, как ни тяжело дается такого рода опыт, он служит хорошей подготовкой к тому, что вас ожидает впоследствии. И, добившись затем успеха в уходе за больным животным, вы, как правило, испытываете удивление и радость.

Методика лечения животных в каком-нибудь медвежьем углу и в хорошо оборудованном зоопарке сходна, но не тождественна. Много лет в наших кругах оживленно обсуждается вопрос о желательности лечебниц для животных. Тут можно назвать две точки зрения. Одни считают, что больное животное необходимо отделять, чтобы оно не заражало других, чтобы могло оправиться от недуга в гигиенической обстановке и чтобы лечащий ветеринар мог создать наиболее благоприятные, на его взгляд, условия. Вторая точка зрения сводится к тому, что лечебница, может быть, и нужна, поскольку обеспечивает гигиеничные условия для операции, вообще же психологическая травма для животного, которое из привычной обстановки попадает в малоприятное, странно пахнущее помещение и вместо знакомых людей оказывается на попечении совершенно чужого человека, куда пагубнее, чем быстрое возвращение в негигиеничную, зато свою, надежную обитель. Мне ближе вторая точка зрения. Серьезное заболевание само по себе травмирует психологию животного. Добавьте неизбежные страхи от приема лекарства или хирургического вмешательства, приложите ко всему этому отрыв от привычной, обжитой территории и привычных людей, и вероятность гибели животного от страха или от депрессии многократно возрастет.

Когда трест только еще зародился, спорный вопрос — заводить или не заводить лечебницу — для нас носил чисто теоретический характер. У нас попросту не было денег на такое учреждение, поэтому мы избрали третий путь, не учтенный двумя упомянутыми выше точками зрения. Поскольку средства на лечебницу отсутствовали, оставалось, елико возможно, исключить надобность в таковой. Мы делали упор, так сказать, именно на профилактику, стараясь в пределах доступного нам закупать наиболее высоко-

качественные корма и получше оборудовать помещения. Этот курс в большой мере оправдал себя. Учитывая размеры и состав нашей коллекции, заболеваемость у нас чрезвычайно низка. Это не значит, что она равна нулю. Бывают и в нашем зоопарке недуги и эпидемические заболевания, а также несчастные случаи, вызванные тем, что страховые компании (которые непременно подай конкретного виновника) приписывают «воле божьей».

Конечно, пехватка оборудования создает немало проблем для наших многострадальных ветеринаров. Серьезная операция брюшной полости в любых условиях чревата опасностями. Еще хуже, когда вы не можете обеспечить абсолютно стерильной обстановки. Если к тому же ваш пациент после операции также не содержится в идеальной чистоте, риск неудачи удваивается.

Первый раз мы столкнулись с этим, когда львица, которая вот-вот должна была родить, подцепила газообразующую бактерию. Естественно, когда начались схватки, она никак не могла разродиться. Как быть? Принимать анестетик с пищей львица отказывалась, а наша бедность в ту пору не позволяла нам приобрести специальный обездвиживающий пистолет. В довершение всего дело происходило в конце недели. Пришлось моему другу Оливеру Грэму-Джонсу, тогдашнему главному ветеринару Лондонского зоопарка, оторваться от приятного общения с его любимыми премированными розами, брать свой пистолет и лететь на Джерси (поручить это дело кому-либо он не мог по настоянию полиции, так как лишь он лично имел разрешение на пользование этим оружием). При участии наших собственных ветеринаров львица была обездвижена, и мы приготовились делать кесарево сечение. Операция происходила в наружном отсеке клетки, при свете старых специальных ламп из зубоврачебного кабинета. Операционный стол отличался предельной простотой: мы положили на козлы старательно выскобленную старую дверь. О высокой квалификации нашей ветеринарной бригады говорит то, что после извлечения разлагающегося плода (три львенка) и стерилизации оперированной полости все обошлось без каких-либо осложнений. Ни пневмонии, ни перитонита, хотя роль послеоперационной палаты выполняла наша мастерская.

При всей негигиеничности этой операции следует подчеркнуть, что чрезмерный упор на гигиену тоже нежелателен. Если вы дважды в день драите клетку с применением дезинфицирующих средств, обеззараживаете корм, тщательно отгораживаете своего подопечного от публики и сами, входя к нему, надеваете маску и перчатки, он, возможно, будет чувствовать себя хорошо, но стоит какому-нибудь настырному, гадкому крохотно-

Д

му микробу просочиться через вашу линию обороны, и животное обречено, потому что у него не выработалась сопротивляемость.

Ярким примером может послужить случай с нашими двумя детенышами гориллы — Ассумбо и Мамфе. Размножение горилл в неволе все еще остается достаточно редким и примечательным событием, так что мы крайне почтительно обращались с первым прибавлением этого семейства в нашей коллекции. В детской комнате гигиена соблюдалась образцовая, пеленки подвергались гигиенической обработке, пищу готовили гигиенически, все, кто обслуживал или навещал малышей, надевали маски; словом, от инфекции их оберегали так, будто речь шла о наследниках священной династии. Но вот настал день, когда детеныши выросли из аппаратов с микроклиматом, из постелек в корзинах, из манежиков и самой детской комнаты, и мы торжественно перевели их в дом млекопитающих, где была приготовлена особая клетка.

И сразу же Мамфе (он был чуть моложе) занемог. Поначалу это проявилось всего лишь в плохом аппетите, вялости и небольшой потере веса. Когда к этому добавился понос, мы поспешили вызвать местного педиатра, доктора Картера, который наблюдал обоих младенцев с самого их рождения. Вот что гласит его начальное заключение (оно хранится в нашей картотеке и опубликовано в одиннадцатом ежегодном отчете):

«Обследование подтвердило вялость и потерю аппетита; Мамфе избегал играть с Ассумбо; однако язык был чистый, хотя и несколько суховатый; горло чистое, в легких никаких отклонений. Никаких признаков лимфаденита, шейные, подмышечные и вилочковая железы в норме, паховые также не увеличены. Исследование ушей и горла не выявило признаков воспаления; лабораторный анализ мочи не дал указаний на какие-либо инфекции в мочевых путях. Проводилось паллиативное лечение ломотилом, 2,5 мл три раза в день (дифноксилат солянокислый 2,5 мг, атропин сульф. 0,25 мг в 5 мл суспензии). Отмечены позывы к рвоте после приема ломотила, в качестве питания ему давали чистые жидкости — 5-процентный раствор глюкозы и разбавленное стерилизованное молоко».

Между тем понос не унимался, и лабораторный анализ кала обнаружил колибактерии, а такая инфекция может привести к смертельному исходу. Заодно лаборатория бодро доводила до нашего сведения, что сия бактерия восприимчива к хлорамфениколу, тетрациклину, стрептомицину, септрину и неомицину. Да только нам от этого не стало легче: дело было в субботу (почему животные непременно заболевают в конце недели?), попробуй раздобудь потребные антибиотики. Мы стали давать Мамфе окситетрациклин, по 125 мг в сиропе каждые шесть часов. И с растущей трево-

гой отмечали, что понос не идет на убыль. В воскресенье врач нашел, что Мамфе очень плох, организм его сильно обезвожен. Продолжая цитировать доктора Картера:

«Он был апатичен, на прикосновение человека почти не реагировал; глаза запали и потускнели; окружающее его не интересовало; временами он вообще не фокусировал взгляд. Глазные яблоки провалились в глазницы; картина была точно такая, как у ребенка при сильно обезвоженном организме. Язык сухой, кожа на животе дряблая; если оттянуть большим и указательным пальцами, складка разглаживалась не сразу. Было очевидно, что необходимы срочные меры, чтобы возможно скорее вдохнуть жизнь в детеныша. Физическое воздействие обнаруживало, что у него еще сохранился запас сил. Поскольку внутривенные вливания исключались, были применены три различных метода лечения:

1. Внутривентриальное вливание. Этот метод был описан и широко применен Картером (1953) в Африке для регидрации младенцев при сильно обезвоженном организме, и маленькие пациенты почти не сопротивлялись процедуре. Однако Мамфе реагировал очень бурно; из-за непрерывного крика внутривентриальное давление возросло до такой степени, что возникла опасность прокола иглой кишечника. Поэтому после введения 50 мл раствора Гартмана пришлось извлечь иглу и искать другие пути.

2. Подкожное вливание в бедро. Было отмечено, что у Мамфе в антеромедиальной части бедра очень дряблая кожа, а потому решили испытать названный метод, прежде широко применявшийся в педиатрической практике детских больниц. Разведя в 500 мл раствора Гартмана 150 единиц гиалуронидазы, удалось без труда ввести по 80 мл раствора в подкожные ткани в антеромедиальной части обоих бедер; жидкость всасывалась с поразительной быстротой, похоже было, что при необходимости можно ввести таким способом и вдвое большую дозу.

3. Кормление через трубку. Поскольку у Мамфе отсутствовала рвота, кроме случая сразу после приема ломошила, было решено испытать этот метод. Определили, что для примерного восстановления жидкостного баланса животному требуется еще 180 мл жидкости. Мисс Дж. Роббинс, квалифицированная сестра со специальным образованием, которой по роду работы в больнице часто приходилось кормить недоношенных младенцев, ввела Мамфе трубку через рот так быстро и искусно, что он даже не успел подавиться. По трубке медленно ввели 180 мл чистого раствора Гартмана. Кроме того, в последующие несколько дней каждые шесть часов делалось внутримышечное вливание ампинокса (50 мг ампицилли-

Д

на и 25 мг клоксациллина). Мисс Роббинс обучила сотрудников зоопарка технике искусственного кормления, и вскоре они уже без труда вводили орогастрическую трубку. Последующее лечение Мамфе описано в другом месте, но обезвоживание организма было успешно преодолено и больше не повторялось».

До сих пор не могу забыть, как детеныш гориллы, такой упитанный и жизнерадостный, буквально на глазах вдруг совершенно высох. Доктор Картер объяснил мне, что такие случаи довольно часто происходят с недоношенными детьми, когда их после тщательного ухода в специальных условиях переносят в обычную обстановку: младенцы, почти лишенные сопротивляемости, легко становятся жертвой колибактерии.

Естественно, против инфекции надо принимать все разумные меры предосторожности. У нас заведено каждого новичка выдерживать в карантине и прodelывать все возможные исследования, прежде чем пускать его к другим животным. Такая процедура сводит к минимуму или вовсе исключает риск появления в коллекции больной особи. Если обнаружены признаки недомогания или же найдены наружные или внутренние паразиты, способные вызвать болезнь, животное лечат и оставляют в карантине до тех пор, пока не минует опасность инфекции. Словом, мы всячески страхуемся от приноса болезней новичками. Вот почему нам пришлось отказаться от лечения диких птиц, как просто больных, так и попавших в зону разлившейся нефти. Птицы проносили паразитные инфекции через все наши загоны. Теперь мы их передаем в местное общество по борьбе с истязанием животных и сами, когда надо, даем советы и оказываем посильную помощь за пределами нашей территории.

Карантинный период и исследования — наша первая линия обороны, однако мы с сожалением вынуждены признать, что ее не назовешь неприступной. Возьмите аспергиллез, эту грозную болезнь, вызываемую ядовитым плесневым грибом, который поселяется в легочной полости птиц и против которого не найдено никаких средств. Досконально известно, что птица может годами быть носителем скрытой инфекции без каких-либо видимых симптомов. Но достаточно ей перенести встряску — скажем, при поимке для перевода в другой вольер или для отправки в другое место, — как болезнь может принять явную форму и быстро прикончить жертву. И так как до тех пор инфекция часто не диагностируется, внезапно погибает здоровая, казалось бы, птица. Лишь после вскрытия выявляется, что ее легкие буквально представляют собой сплошную колонию тлетворных грибов. Нетрудно понять, сколь велик риск занесения такой

инфекции при новом поступлении. Я уже писал, как мы получили пораженного аспергиллезом белого ушастого фазана, который не прожил и суток. Нечто в этом роде случилось с фазанами, выведенными нами на Джерси. Мы отправили адресату совершенно здоровых по всем признакам птиц, а нам сообщили, что в первые же сутки они погибли от аспергиллеза. Стало быть, фазаны были заражены еще до отправки, а мы об этом и не подозревали.

Еще более удручающий пример того, как сильное и здоровое на вид животное вдруг оказывается во власти смертельного недуга (случай с нашим калимантанским орангутаном Оскаром). Мы приобрели его совсем крошкой. В детстве у него были обычные простуды, но ничего серьезного. И вырос у нас один из самых великолепных орангутанов, каких я когда-либо видел. Посреди обрамленного столь характерным для этих обезьян валиком лица сверкали маленькие пронизательные глаза. Оскар был настоящий великан, вдвое сильнее любого человека, воплощение здоровья. Внезапно, без всяких видимых поводов, на него напала вялость. Через четыре дня могучий и, казалось бы, цветущий орангутан был мертв.

Началось с того, что у него пропал интерес к еде. Понятно, причины могли быть самые различные, от простуды до больного зуба, но у нас заведено в тех редких случаях, когда мы вообще замечаем какие-то симптомы, опасаться самого худшего. А потому мы, как обычно, когда дело касается наших человекообразных, вызвали и ветеринаров, и терапевта. Они прописали лечение, которое подсказывал их опыт, но скудные данные не позволяли поставить точный диагноз.

На второй день у Оскара обнаружился понос, после чего животное начало быстро хиреть. Все упиралось в то, что при столь стремительном развитии болезни мы не могли обездвижить его для обследования — слишком велик был риск смертельного исхода. И вот наступил последний день; привожу запись в картотеке.

Среда, 25 июля.

00.15. Особь издает звук, похожий на слабый кашель. 00.40. Рвота небольшим количеством жидкости. 01.30 — 03.15. Держится очень беспокойно, почти не спит, часто ворочается. Брюшные мышцы время от времени сокращаются, но отмечен только один случай рвоты. Глаза блестящие, состояние как будто бодрое.

03.55. Повернулся на бок, брюшные мышцы сокращаются, тяжелое дыхание. 04.10 — 05.40. Спит относительно крепко, временами ворочается. Частота дыхания — 21 — 22 в минуту. 05.40. Довольно бодр, садится,

прислонясь к стойкам платформы. От предложенного питья отказывается. 05.45. Лежа на спине, дремлет, покряхтывает. 05.55. Поворачивается на бок, потом на живот. Реагирует на ласковую речь. Тихо покряхтывает. Предложено питье. Как будто собирается пить, садится, но тут же снова лег. 06.00. Крепко спит. Сокращения брюшных мышц не наблюдается. 06.50. Проснулся. С великим трудом подошел к решетке. Сделал два глотка питья, содержащего кефлекс. Медленно сполз на пол. 07.05. Дрожит всем телом. 07.12. Дыхание 20. 07.50. Дыхание 24. 09.15. Лежа на спине, хрипло дышит открытым ртом. 09.20. Судороги, предсмертная рвота.

Вскрытие произвел по нашей просьбе руководитель Джерсийской патологической лаборатории доктор Джон Крегг. Выяснилось, что у Оскара был язвенный колит — довольно редкое заболевание у людей, еще более редкое у орангутанов. Недуг поражает слизистую толстой кишки; образующиеся язвы ведут к смертельному исходу. Поразительно, что мы не наблюдали никаких проявлений болезни, хотя она по всем признакам началась давно: ободочная кишка частично переродилась, то есть начиналось уже заживление, когда наступила смерть.

Сознание того, что это скрытое заболевание при всем желании не могло быть определено по наблюдавшимся нами незначительным симптомам, нас ничуть не утешало. Как не утешало и то, что человека в таких случаях лечат кортизонными клизмами: этот метод требует сотрудничества с пациентом, но усыпленный Оскар не смог бы нам помочь, а бодрствующий — никак не пожелал бы.

Ветеринария на века отстала от медицины, обслуживающей человека. Нам-то посчастливилось: коллекцию треста пестуют умные и увлеченные специалисты; вообще же ветеринары, с которыми я встречался, меньше любой другой категории людей знали о диких животных, уступая в невежестве разве что служителям и директорам зоопарков да еще биологам. Поручите рядовому ветеринару лечить фенека (лисичка ростом меньше малого пуделя) и длинноногого верзилу гривистого волка — он будет действовать так, словно речь идет о щенках из одного помета. Систематически оба животных принадлежат к собачьим, но между ними огромная разница, и не только в росте, а в психологии, поведении, среде обитания. И чему тут, собственно, удивляться, если вспомнить, что ветеринары в ходе достаточно суровых практических занятий, как правило, общаются только с домашними животными. Мало кого манят неизведанные и опасные дали ветеринарии диких животных.

В этой области исследователя ждет непочатый край работы. В будущем, когда мы в отчаянной попытке прокормить хоть немного людей при разумном хозяйствовании, быть может, сумеем одомашнить таких своеобразных копытных, как канна, жираф, гарна или аноа, ветеринария экзотических животных сыграла бы огромную роль. О диких животных известно так мало, что любой шаг вперед — достижение. Взять искусственное осеменение, широко и в общем успешно используемое в разведении домашних животных. К диким животным этот метод только-только начинают применять, но и то уже видно, что он может стать могучим подспорьем в размножении исчезающих видов. В частности, Корнеллский университет добился успехов с искусственным осеменением соколов, причем снесенные в неволе яйца кладут потом в гнезда на природе (сами обитатели этих гнезд заражены инсектицидами, поэтому их яйца либо стерильны, либо из-за мягкой скорлупы часто дают увечных птенцов). Есть надежда, что удастся таким способом реинтродуцировать, скажем, сапсана в районы, где этот вид постигла судьба, предсказанная Рейчел Карсон в ее книге «Безмолвная весна».

Много работы предстоит и в разработке рационов, ибо без правильного знания пищевых потребностей диких животных содержать и разводить их затруднато. Может быть, для успеха размножения надо добавлять в корм грибы? Или мох? Или водоросли? А может быть, мы попросту перекармливаем животных?

Велико наше невежество. Так, нам очень мало известно о стрессовых факторах, а в их число может входить и недостаточный интервал между клеткой и публикой, и присутствие в соседней клетке особи другого вида. В нашем новом комплексе для мармозеток и тамаринов к стрессу приводит недостаточная вентиляция в проходе между спальными отсеками. Казалось бы, разве можно это считать причиной? А дело в том, что эти маленькие приматы метят свою территорию в клетках секретом пахучих желез, нанося его на сучья или проволочную сетку. Если помещение плохо проветривается, животные, естественно, чувствуют запахи от меток соседних видов, воспринимают это как угрозу собственной территории и начинают усиленно метить ее, а толку чуть.

Может статься, что в будущем значительной части дикой фауны нашей планеты суждено уцелеть только в зоопарках. Тем важнее уже теперь решить — или хотя бы попытаться решить — возможно больше проблем такого рода. Ведь тогда на попечении зоопарков окажутся еще более редкие виды, и тут уж риска допускать нельзя. Этой областью ветеринарии надо заниматься так же активно, как мы занимаемся коровами, овцами, лошадьми. Кстати, им-то пока вымирание не грозит.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КОВЧЕГ НА ОСТРОВЕ

Перед лицом столь грозной опасности следовало ожидать, что наш вид, выделяющийся среди животного царства своей способностью к логическому предвидению, разовьет бурную деятельность по охране природы. На самом же деле вы редко где услышите публичное выражение тревоги, еще реже увидите признаки активности... Речь идет не об экскурсии в область научной фантастики; в случае продолжения нынешних тенденций это, пожалуй, наиболее оптимистическая оценка человеческого будущего. Когда в природе наступает стадия роения, массовая смертность неизбежна... Быть может, те, кому конец пути представляется таким, не правы, быть может, есть какой-то выход. Но если он есть, найти его можно только при каком-то невообразимом полном повороте всех наших научных усилий от эксплуатации ресурсов к их охране. Будем же надеяться, что измерившие глубины пессимизма не перестанут поощрять конструктивные попытки предотвратить то, что им представляется почти неизбежным.

Д-р С. Р. Эйр

Популяция, производство и пессимизм

Пришлось тогда Четверым Путешественникам смириться с необходимостью продолжать свое странствие по суше, и, к счастью для них, в это время мимо проходил пожилой Носорог, чем они и воспользовались, и уселись все четверо на него верхом...

Таким образом, они еще до истечения восемнадцатой недели благополучно прибыли домой, где восхищенные родственники встретили их с радостью, которая умерялась долей осуждения, и они решили в конце концов отложить завершение намеченных странствий до более благоприятного случая.

...Что же до Носорога, то в знак своей искренней признательности они распорядились, чтобы его убили и сделали тучело, которое и поставили перед дверью отчего дома в роли Неодушевленного Привратника.

Эдвард Лир

Заливаясь безудержным смехом,
Порываясь хоть слово сказать,
Неприметно и тихо он сгинул,
Ведь Ворчун был на деле Мычун.

Льюис Кэрролл

Надеюсь, мне удалось кое-чего добиться этой книгой. Прежде всего, если вы противник зоопарков, надеюсь, я сумел показать, что хорошо организованный зоопарк не вредит животным, а помогает им, более того, во многих случаях зоопарк станет последним убежищем многочисленных видов фауны в мире, кишашем людьми.

При всем том я обязан согласиться с вами (если вы противник зоопарков), что не все зоопарки безупречны. Из приблизительно полутысячи зоологических коллекций в мире считанные единицы заслуживают высшей оценки, кое-какие уступают им, а все остальные ужасны. Если исходить из

того, что зоопарки могут и должны играть важную роль в научном исследовании, в просвещении и в охранных мероприятиях (принося тем самым пользу и нам, и другим живым существам), я глубоко убежден, что надо стараться их совершенствовать. Сколько раз приходилось мне слышать от ярых оппонентов, что они позакрывали бы все зоопарки на свете, но вот парадокс: эти же самые люди преспокойно мирятся с быстрым ростом числа сафари-парков, где уход за животными, как правило, куда хуже, чем в рядовом зоопарке. На обширной площади животное может чувствовать себя так же скверно, как и на маленьком участке, но вид зеленых просторов и старых деревьев обезоруживает критиков, которые воображают, будто животным только это надо.

Странно, как утешает людские души зрелище животного среди поля в пять гектаров. Сафари-парки были придуманы исключительно ради чистогана. Никакие мысли о науке или охране фауны не омрачали заложенную в них идею. Они теперь, словно поганки, распространились по всему свету. С животными обычно в этих парках обращаются безобразно; несчастные случаи (тщательно скрываемые) потрясающи. На мотивах и квалификации создателей сафари-парков нет смысла долго задерживаться, этот вопрос и без того ясен, но один момент стоит подчеркнуть: обеспечить эти огромные предприятия сведущими и опытными работниками абсолютно невозможно по той простой причине, что такого количества сведущих и опытных работников нет на свете. Кому, как не мне, это знать — сам постоянно охочусь за этими раритетами.

Я не противник самой идеи сафари-парка. Я против того, как она сейчас осуществляется. В своем нынешнем виде сафари-парки губят и истощают дикие популяции больше любого зоопарка. При правильной организации и научной постановке дела сафари-парки могли бы сыграть огромную роль в сохранении таких животных, как антилопы, олени и крупные хищники. Но пока что они очень далеки от этого и больше всего напоминают скотобойни в лесистой местности. Словом, мое мнение таково: надо стремиться совершенствовать зоопарки и сафари-парки, а не кричать «долой»! Если бы Флоренс Найтингейл, натолкнувшись на ужасные условия в больницах прошлого века, принялась ратовать за их закрытие, вряд ли потом восхваляли бы ее проницательность и дальновидность.

А потому я предлагаю, чтобы все мы — и противники, и почитатели зоопарков — объединились в старании сделать их совершенными, добиваясь того, чтобы они помогали выжить представителям фауны, а не ложились дополнительным бременем на популяции, которым и без того слишком туго приходится в непосильной конкуренции с человеком. Для этого надо намного строже критиковать зоопарки и другие зоологические кол-

Д

лекции, чтобы их сотрудники более критически смотрели на самих себя, и даже те немногие из зоопарков, которые можно назвать хорошими, тоже стремились сделать лучше.

Подумать только: зоопарки были в Китае более двух тысяч лет назад; в Центральной Америке фантастические коллекции конкистадоры застали у ацтеков. Зверинцы в том или ином виде начали возникать с тех пор, как древний человек впервые запер в пещере мегатерия. Между тем законодательство почти совсем обходит своим вниманием зоопарки.

В Великобритании, например, всякий может основать зоопарк, лишь бы не возражали местные власти. Обзаведясь коллекцией животных, владелец отвечает только перед санинспекцией (а санинспекторов больше волнуют кафе и общественные уборные, чем чистота клеток) и перед местным отделением Общества по защите животных от истязания. Это общество делает доброе дело, но когда нет явных признаков дурного обращения (болячек, торчащих из-за голодания ребер), то инспектор мало чем может помочь. Он ничего не знает о диких животных. Ему покажется вполне нормальным то, что животным воспринимается как чудовищная жестокость.

После Второй мировой войны вдруг, словно грибы, пошли плодиться дрянные зверинцы, наскоро организованные ничего не смыслящими в зоопарках людьми. Как-то раз мне позвонил, прося совета, директор одного такого «гриба». Ему понадобилось чем-то заполнить клетку размером 2...4 метра, а он, горемычный, не знал — ни кто есть кто в животном мире, ни какого роста бывают звери. Я должен был перевести ему наименования имеющихся в продаже животных (таких, как кугуар, гарна, гиена и так далее) и назвать их габариты, чтобы он мог решить, какой вид фауны подходит для его клетки.

Видит бог, для любой другой деятельности положено получить официальный патент! Почему же закон не требует минимума компетентности от человека, надумавшего открыть зоопарк? Любопытно, что такие порядки существуют в стране, народ которой не устает твердить себе самому и другим, как горячо он любит животных.

Некоторое время назад наиболее уважаемые зоопарки Великобритании организовали свою федерацию. Ее цели — путем инспекции и рекомендаций попытаться повысить уровень содержания животных, совершенствовать методику работы и планировку зоопарков. Мы вступили в эту федерацию, считая, что, коль скоро нет государственного контроля, следует хотя бы самим разработать и соблюдать какие-то нормы. Это и было проделано, так что федерация выполнила очень ценную работу в доступных ей рамках.

Следующим шагом федерации была попытка провести через парла-

мент законопроект, обеспечивающий известный контроль над действующими зоопарками и устанавливающий стандарты для будущих учреждений этого рода. Тут-то и заварилась каша. В проекте весьма разумно предлагалось учредить беспристрастный государственный орган, чтобы он инспектировал и контролировал зоопарки и в какой-то мере влиял на контингент их создателей. В ряду прочих необходимых пунктов предусматривалось, чтобы все зоопарки вели учет своих приобретений, приплода и потерь, а упомянутый государственный орган мог знакомиться с этими данными. Как и следовало ожидать, большинство чисто коммерческих зоопарков ополчились против таких требований. Стремясь помешать принятию законопроекта, они оформили оппозицию в виде Ассоциации зоопарков, куда вошло большинство сафари-парков. Цель этого хода заключалась, разумеется, в том, чтобы превзойти федерацию числом членов и заявить правительству, что ассоциация — подлинный представитель зоопарков страны. А это, естественно, позволило бы ей либо вовсе похоронить законопроект, либо сделать его беззубым, превратить в освященное правительством ханжеское прикрытие, под защитой и с помощью которого члены ассоциации могли бы орудовать по-прежнему, используя авторитет закона, чтобы морочить голову критикам.

К счастью, федерация не поступилась своими принципами и продолжала отстаивать первоначальный вариант законопроекта, если не считать кое-каких мелких поправок. Лично я считаю, что проекту сильно не доставало строгости и полноты; все же как первый шаг он годился. Однако правительство перед лицом двух организаций, которые явно не могли прийти к единому мнению — каким должен быть закон и нужен ли он вообще, ответило с глубокомысленной миной: дескать, устраните сперва свои разногласия, решите, какого рода государственный контроль вам нужен, и приходите снова со своим законопроектом.

Теперь вроде бы предпринимаются усилия, чтобы подчинить зоопарки контролю местных органов власти. Что ж, это лучше, чем совсем никакого контроля, однако представьте себе, что вы, герцог Придурширский, крупнейший землевладелец в округе, надумали превратить свое поместье в сафари-парк, — много ли найдется на местах чиновников, которым хватит духу заметить вам, что вы дурно обращаетесь со своими животными, не говоря уже о том, чтобы как-то регламентировать вашу деятельность. Что там говорить, положение — хуже некуда.

Пока не введен государственный контроль, лучший способ содействовать совершенствованию зоопарков заключается в том, чтобы посетители задавали вопросы и проявляли мягкую настойчивость, добиваясь удовлетворительного ответа (если надо, прибегая к письмам и телефонным звон-

Д

кам). Позвольте приблизительно наметить, на что следует обращать внимание и какие вопросы задавать. (Кстати, надеюсь, вы примените этот метод и к нам, если вам доведется посетить Джерси. Заверяю вас, что мы далеки от совершенства.) Нижеследующая шпаргалка годится для *всех* зоопарков и прочих коллекций экзотических животных в *любом* уголке земного шара. Итак: на что обращать внимание и какие вопросы задавать.

Присмотритесь к состоянию животного (о клетке пока не думайте). Налицо ли признаки хорошего состояния: плотное и блестящее оперение у птиц; гладкий, лоснящийся, плотный мех у млекопитающих; здоровый налет на покровах рептилий, амфибий и рыб. Самое главное — спокойное, безмятежное самочувствие, говорящее о полном благополучии; вы его сразу уловите, не ошибетесь.

(Помните, что у новичков, ветеранов и больных животных бывает ужасный вид.)

Присмотритесь к клетке. Помните, что во многих случаях ее размеры не так уж важны (лишь бы не была совсем миниатюрной), так что пусть вас не вводят в заблуждение большая величина и архитектурные украшения. Годится ли она для данного вида? Есть ли нужное оборудование: ветки, колоды, качели, бочки и так далее? Есть ли животным где укрыться от публики? Могут ли они уединиться друг от друга?

(Помните, ощутив потребность рассердиться, что часто зоопарки вынуждены пользоваться допотопными клетками из-за отсутствия денег. Однако пусть не ускользнет от вашего внимания и то, что во многих зоопарках мастерят новые клетки, которые хуже допотопных.)

Присмотритесь, как обстоит дело с водой. Достаточно ли воды, насколько она чистая?

(Помните при этом, что некоторые животные используют свои поилки, пруды или озера как уборную, а это сильно осложняет нам работу. Другие моют в воде свой корм или купаются в ней. И все же, приглядевшись, вы сумеете различить загрязненную свежую воду от грязной воды пятидневной давности.)

Обратите внимание на чистоту. Не обязательно, чтобы клетка убиралась именно в этот день. Важно другое: производилась ли вообще когда-нибудь тщательная уборка?

(Под конец дня в вашей комнате заметны признаки пребывания человека, однако в основном она чистая; так и клетка должна производить впечатление жилой, но не запущенной обители. Она не должна выглядеть так, словно в ней помахали для виду метлой двести лет назад.)

Теперь о том, какие вопросы задавать. Исследующие человеческую природу и изучающие склонность гомо сапиенс к экивокам, приготовьтесь: вы можете получить здесь немалое удовольствие.

Начните с вопроса о том, какой цели служит данная коллекция животных.

(Цель может быть научной, охранной, просветительской или развлекательной. Желательно, разумеется, совмещение всех четырех целей, но, как правило, дело ограничивается последней.)

Спросите, ведется ли научная работа. Если да, то публикуются ли результаты? Если публикуются, то где?

Спросите, есть ли картотека, насколько она сложна.

Спросите, от кого удалось получить приплод, когда это было, сколько животных размножаются ежегодно, получено ли второе, третье или четвертое поколение. Публикуются ли данные о размножении? Где публикуются?

(Один очень хороший и мудрый директор зоопарка сказал мне однажды: «При удаче каждый дурак может один раз добиться приплода от животного. О настоящем успехе можно говорить лишь в том случае, когда размножение происходит регулярно, получено и второе, и третье поколение».)

Если в коллекции есть животные-одиночки, спросите, почему нет партнера. Спросите также, готова ли администрация одолжить свой единственный экземпляр другому зоопарку для размножения.

Спросите, какова ежегодная смертность. Ведется ли ее учет, публикуются ли эти данные? Производится ли патолого-анатомическое исследование умерших животных?

Как администрация относится к охране фауны и что предпринимает, чтобы помочь этому делу?

Каких исчезающих животных разводят в данном зоопарке? Сколько их: одна пара или целая колония?

(Вряд ли вы вправе говорить о большом вкладе в охрану фауны, если у вас всего одна пара животных, приносящая раз в год потомство, которое вы тотчас сбываете.)

Каковы успехи с размножением вымирающих видов?

В какой мере зоопарк обеспечивает сам себя приплодом от своих экземпляров как редких, так и распространенных видов?

(Конечной целью всякого респектабельного зоопарка должно быть такое положение вещей, когда он полностью обеспечен приплодом от своей коллекции и не играет роль источника фактора для диких популяций.)

Д

Каковы дальнейшие планы в области охраны фауны?

Каковы планы в просветительской деятельности?

Каковы дальнейшие планы научной работы по содержащимся в зоопарке видам?

Какие намечаются исследования?

Я не ожидаю, что каждый зоопарк сумеет удовлетворительно ответить на все эти вопросы, и не рассчитываю, что каждый зоопарк будет соответствовать приведенным выше критериям. Мне только хочется, чтобы каждому зоопарку задавали эти вопросы, задавали все чаще и громче, пока они не очнутся от летаргии и не примутся совершенствовать свой уровень, пока не задумаются всерьез над своей ролью.

Но вернемся к нашей коллекции. На Джерси мы попытались создать зоопарк нового типа. По-моему, нам это удалось. Мы сделали немало ошибок и, наверное, сделаем еще больше, но ведь мы пока пребываем в стадии младенчества. До того как приступить к работе, я наслушался всякой всячины от множества людей, однако ни одно из их предсказаний не сбылось. Мне говорили, что, сидя в таком глухом уголке, как Джерси, я не могу надеяться на поддержку. Когда пишутся эти слова, наш трест насчитывает 15 тысяч членов, разбросанных по всему свету. От Пекина до Претории, от Сиднея до Сиэтла. Число посетителей превысило 2090 тысяч в год и все время растет.

Мне говорили, что трудности, связанные с содержанием и размножением редких и исчезающих животных, неизбежны и огромны, а во многих случаях и неодолимы. Не стану утверждать, что получить приплод от диких животных просто, но добиться этого можно, доказательство — наши достижения, которые, учитывая размеры зоопарка, поразительны, причем с каждым годом мы идем вперед.

Мне говорили, что нельзя держать для показа много особей одного вида — публике это наскучит. Одна из наших главных экспозиций включает шесть вольеров только с белыми ушастыми фазанами. На этикетке подробно рассказано, почему мы занялись этими птицами и чего достигли. Мы убедились, что посетители увлеченно читают этот рассказ и приветствуют наши усилия. Пока еще никто не обнаруживал признаков скуки.

Мне говорили, что люди с высшим образованием никогда не согласятся на такой «лакейский» труд, как уход за животными. Я возражал, что этого не может быть: человек с дипломом не обязательно человек со спесью. Половина наших сотрудников, имея диплом о высшем образовании, охотно выполняет «лакейскую» работу ради близкого общения с животными, которое позволяет им проводить исследования, публикуемые в нашем ежегоднике и других научных изданиях.

Наконец — и это, пожалуй, самое важное, — мне говорили, что мои планы размножать животных в неволе, чтобы помочь спасению вымирающих видов, тщетны (жестоки, биологически несостоятельны). И вот теперь то, за что я ратую с шестнадцатилетнего возраста, воплощается в жизнь: по всему миру создаются питомники. Не всегда это делается на должном уровне, ну да ничего, главное — начать. Даже такая импозантная и весьма консервативная организация, как Международный союз охраны природы, признает, хотя и с некоторой сдержанностью, что размножение животных в неволе вполне может содействовать спасению определенных видов фауны.

Дальше мы собираемся преобразовать трест в своего рода мини-университет по содержанию и размножению диких животных. Подчеркиваю: это не будут курсы по подготовке зрителей, организуемые некоторыми зоопарками. Такие курсы — дело очень нужное, но мы задумали нечто совсем другое, с куда более обширной и детализированной программой, отнюдь не ограничивающейся организацией и работой зоопарка.

Если мне будет позволено критиковать постановку охраны фауны (в частности, размножение животных в неволе), я хотел бы отметить нелепую и никому не нужную пропасть, разделяющую так называемых практиков и сотрудников со специальным образованием. Пропасть эта широка и приводит к нежелательным последствиям. Виноваты обе стороны: практики сторонятся специалистов с многоярусными научными знаниями, специалисты, в свою очередь, склонны смотреть на практика без диплома как на косноязычного неуча.

Как обычно, истина находится посередине между двумя крайностями. Я знаю практиков, которым не доверил бы дохлого чихуахуа, и знаю ученых специалистов, которые, спустившись с рафинированных высот науки, способны опознать животное только в банке с формалином. Знаю мудрейших практиков, которые могут излагать свой ценный опыт лишь невнятным бормотанием, и знаю эрудитов, которые облачают ценную информацию в замысловатые гирлянды двенадцатисложных слов. Нечленораздельные звуки и многосложные предложения надо привести к общему знаменателю. Обоюдная подозрительность людей практики и людей науки влечет за собой разрыв, который, повторяю, может сильно повредить попыткам наладить размножение животных в неволе.

Сказанное можно подтвердить множеством примеров из различных томов «Красной книги», выпускаемой Международным союзом охраны природы. Эти превосходные издания с перечнем исчезающих млекопитающих, птиц и рептилий и сведениями об их прежнем и нынешнем распространении сообщают также, сколько особей данного вида содержится в неволе и каковы потенциальные возможности их размножения. Во многих случаях

Д

рубрика «репродуктивный потенциал» просто не заполнена, это говорит о научной добросовестности и готовности признать свое неведение, однако местами читаем: «неизвестен; вероятно, равен нулю» или «неизвестен; вероятно, очень мал». Наглядным примером может служить подвид сервала *Felis serval constantina*. О его репродуктивном потенциале в неволе сказано: «сервал, похоже, не очень хорошо размножается в неволе; мне известны два зарегистрированных случая». На самом деле многим зоологическим коллекциям удавалось получить приплод от сервала; у нас пока зарегистрировано тридцать пять случаев, причем одна самка котилась тринадцать раз и принесла двадцать девять детенышей.

Такая дезинформация вызвана тем, что ученый-специалист не спросил практиков. Внимательное исследование вопроса даст немало обратных примеров. И ведь это лишь один аспект. Вот другой, не менее тревожный: поскольку разведение животных в неволе становится все более популярным среди борцов за охрану природы, руководить этим делом все чаще будут ученые-специалисты, а это, как правило, люди совсем без практического опыта.

Теперь повсеместно царит гипноз ученого звания. Конечно, звание — это неплохо, но, если его носитель или носительница думают участвовать в разведении диких животных в неволе, необходимо сверх того уметь еще кое-что: выгребать навоз, носить воду и сено, не страшиться усталости и грязи, воочию узнать живых зверей, а они не совсем такие, часто даже совсем не такие, как в учебниках. Как я уже говорил, у половины наших сотрудников — высшее образование, и никто из них не гнушается тяжелого труда по уходу за животными, совмещая его с научными наблюдениями.

Нашим трестом задумано в дальнейшем расширить круг размножаемых животных (конечно, в пределах площади, которой мы располагаем). Ведь многие группы, входящие в сферу наших интересов, еще не представлены в коллекции. Так, у нас совсем нет неполнозубых (муравьеды, броненосцы и другие), нет и собачьих (собаки, лисы и т.п.). Вот мы и рассчитываем пополнить зоопарк размножающимися группами некоторых исчезающих видов. Тогда наша коллекция станет весьма представительной и будет служить двоякой цели: размножающиеся группы позволят увеличить в неволе исчезающие виды, нуждающиеся в срочной помощи, и они же явятся учебным пособием. С помощью наших коллег в США мы уже организовали диетологическую лабораторию и ждем от нее ценнейшей информации. Еще одно весьма щедрое ассигнование позволило нам начать строительство ветеринарной лечебницы с научной базой; там будет и кабинет рентгеноскопии, и все необходимое для патолого-анатомических исследований, и хоро-

шо оборудованное помещение для животных, проходящих серьезное лечение.

Упомянутая выше учебная программа потребует и других научных лабораторий для слушателей курсов и приезжающих к нам ученых; для них же понадобятся жилые помещения, лекционный зал, небольшая фото- и кинолаборатория, студия звукозаписи. Когда все это появится (только недостаток средств мешает нам осуществить эти планы немедленно), штаб-квартира треста станет, по сути дела, комплексной лабораторией охраны фауны, где будут создаваться размножающиеся группы исчезающих видов, будет всесторонне изучаться биология этих животных и, наконец, самое важное, будут готовиться специалисты по разведению в неволе диких животных в любой стране, где возникнет такая надобность.

Направляемые в штаб-квартиру треста слушатели пройдут на курсах основательную подготовку. Для начала, трудясь во всех секциях зоопарка по очереди, они получают прекрасную возможность овладеть методикой размножения самых различных видов — млекопитающих, птиц, рептилий. Затем они могут специализироваться на животных своих стран. Последовательно сдав устные и письменные экзамены, слушатели вернутся на родину, чтобы при постоянной помощи и консультации со стороны треста и его сотрудников помогать своим правительствам или организациям по охране фауны учреждать питомники в подходящих районах.

Как уже говорилось, суть программы составит не просто организация зоопарков, а та работа с дикими животными, на которой мы специализируемся, то есть создание размножающихся самопополняющихся групп разных видов фауны с прицелом на то, чтобы в будущем возвращать особи из этих колоний в исконные ареалы, возрождая исчезнувшие или пополняя хиреющие дикие популяции. Для такой работы необходимы люди трудолюбивые, настойчивые, а главное — преданные своему делу. Будем надеяться, что заинтересованные правительства или организации по охране природы пожелают выделить своих стипендиатов. И тогда трест сможет стать столь нужной сегодня школой, готовящей специалистов по разведению диких животных в неволе; получив должную подготовку, эти энтузиасты вернутся во всеоружии знаний в свои страны — и во всех уголках мира появятся охранные очаги.

Таковы наши замыслы. Я и мои товарищи по труду считаем эту задачу неотложной, важной и, главное, конструктивной. Мы надеемся, что вы, дочитав эту книгу, придете к такому же мнению. Если так, не хотите ли вы помочь нам, вступив в наш трест? Ежегодный взнос невелик, и мы сознательно его не повышаем, исходя из убеждения, что организация, насчитывающая 15 тысяч членов, которые платят скромные взносы, сильнее, чем

Д

организация с пятью тысячами членов, вносящих крупные суммы. От большинства других филантропических учреждений нас отличает то, что вы можете приехать и посмотреть, на что идут ваши деньги; нам и нашим животным всегда очень приятно с вами познакомиться. Итак, от имени множества обаятельных и эксцентричных, красочных и экзотических, восхитительных, сметливых, великолепных, почтенных, потешных и обольстительных представителей меньшинства нашей планеты (которое не умеет ни читать, ни писать, ни голосовать, ни изобретать нервно-паралитические газы) зову вас присоединиться к нам. За подробностями обращайтесь ко мне по адресу:

*Международный трест охраны диких животных
Поместье Огр; Тринити, Джерси
Нормандские острова*

СООБЩЕНИЕ ОТ ФОНДА ОХРАНЫ ДИКОЙ ПРИРОДЫ ДЖЕРАЛЬДА ДАРРЕЛЛА

«Ковчег», основанный Джеральдом Дарреллом на острове Джерси, помогает спасать исчезающие виды животных по всему свету. Кампания за сохранение богатого разнообразия животного мира на нашей планете, ставшая делом всей его жизни, включает программы для самого редкого в мире голубя и сокола с острова Маврикий, уникального вида длиннохвостого попугая, черепахи, крылана, змеи, свиньи и нескольких редчайших обезьян. Эта кампания за сохранение исчезающих видов не закончилась со смертью Джеральда Даррелла в 1995 году. Его работа продолжается благодаря неустанным усилиям Фонда охраны дикой природы. В течение ряда лет многие читатели книг Джеральда Даррелла настолько вдохновлялись его впечатлениями и видением мира, что выражали желание продолжить историю, поддерживая деятельность его фонда. Мы надеемся, что вы тоже внесете определенный вклад, потому что своими книгами и всей своей жизнью Джеральд Даррелл ставит перед нами важную задачу. «Животные составляют бессловесное и лишенное права голоса большинство, — написал он, — которое может выжить лишь с нашей помощью». Пожалуйста, не теряйте интереса к охране природы, когда вы перевернете эту страницу. Напишите нам, и мы расскажем вам, как можно принять участие в нашей работе по спасению животных от вымирания. Чтобы получить более подробную информацию, обращайтесь по следующим адресам:

Durrell Wildlife Conservation Trust
Les Augres Manor Jersey,
English Channel Islands, JE3 5BP
UK

Wildlife Trust
PO Box 1000, 61 Route 9W
Palisades, NY 10964-8000
USA

Wildlife Preservation Trust
Canada 120 King Street
Guelph, Ontario N1E 4P8
Canada

ОГЛАВЛЕНИЕ

РОЗИ — МОЯ РОДНЯ

От автора	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Ужасный поступок одного дядюшки	8
ГЛАВА ВТОРАЯ. Томительное ожидание	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Кошмарное явление	20
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Путь свободен	26
ГЛАВА ПЯТАЯ. Баталия при Монкспенпере	32
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Аристократические выкрутасы	38
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Павлины и персики	46
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Званный вечер	52
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Побег	58
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. «Единорог и Лира»	65
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Тревога!	72
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. Расставание	78
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Морское путешествие	86
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Высадка	90
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Репетиция	97
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. Премьера	103
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. Рука правосудия	109
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Закон	122
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Закон в действии	126
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. Заключительная процедура	147
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Вердикт	164
Завещание Джеральда Даррелла	174

ФИЛЕ ИЗ ПАЛТУСА

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Рождение названия	178
ГЛАВА ВТОРАЯ. Мамин праздник	179
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Коварная коробка	219
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Как добиться повышения	248
ГЛАВА ПЯТАЯ. Как стать ученым	285
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Урсула	299

ТОЛЬКО ЗВЕРИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Заведение для зверей	325
ГЛАВА ВТОРАЯ. Логово льва	338
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Торжество тигров	350
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Манеры медведя	363
ГЛАВА ПЯТАЯ. Гарцующие гну	380
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Каватина косолапого	395
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Живописный жираф	406
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Высокомерие верблюда	418
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Мальчик на позверюшках	430
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Только звери	440
ЭПИЛОГ	445
Сообщение от Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррелла	450

КОВЧЕГ НА ОСТРОВЕ

Введение	453
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Спуск на воду	454
ГЛАВА ВТОРАЯ. Позолоченная клетка	464
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Замысловатая задача	487
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Счастливые союзы	500
ГЛАВА ПЯТАЯ. Фантазии, факты и формуляры	519
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Пилюли, примочки и полумеры	536
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Ковчег на острове	546
Сообщение от Фонда охраны дикой природы Джеральда Даррелла	557

Литературно-художественное издание

Джеральд Даррелл
РОЗИ — МОЯ РОДНЯ
ФИЛЕ ИЗ ПАЛТУСА
ТОЛЬКО ЗВЕРИ
КОВЧЕГ НА ОСТРОВЕ

Ответственный редактор *Е. Басова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *Т. Пикула*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:
109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.
Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-кэнц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12
(м. «Сухареvская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:
РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:
ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.08.2004
Формат 70х100^{1/16}. Гарнитура «Бодони». Печать офсетная
Бум. тип. Усл. печ. л. 45,5
Тираж 5000 экз. Заказ № 4688

Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ

К Джеральду Дарреллу как нельзя лучше подходит меткая английская фраза «родился с серебряной ложкой во рту». Живя в необыкновенной, дружной, любящей, счастливой и «немного» эксцентричной семье, он уже с шести лет знал, что непременно станет Зооспасателем и организует собственный зоопарк.

Как утверждала его мать, первым словом Джеральда было не «мама», а «зоо»!

Многим ли из нас удалось исполнить наши самые невероятные детские мечты...
А Дарреллу удалось!

Натуралист милостью Божьей, блестящий литератор, неутомимый путешественник, непримиримый борец за сохранение исчезающих животных, безгранично озабоченный, обаятельный и жизнерадостный человек, он изменил наш мир к лучшему уже одним своим присутствием в нем.

От него буквально веяло мудростью, терпимостью и юмором. Даррелл подарил нам свои книги, которые несут тепло его отношения ко всему живому на планете и делают всех нас добрее и внимательнее друг к другу и к тем «малым» созданиям, которые нуждаются в нашей защите и помощи. Но самой большой заслугой Даррелла остается созданный им в 1959 году на острове Джерси зоопарк и образованный на его базе Фонд сохранения диких животных, который успешно работает и по сей день и помогает спасти исчезающие виды животных по всему свету. Даррелл удостоился многих престижных наград, присужденных ему как выдающемуся писателю и исследователю. Фондом учреждена ежегодная премия имени Джеральда Даррелла за лучшие фотоснимки исчезающих видов флоры и фауны.

И как было написано в литературном приложении к газете «Times», «если бы тигры, птицы и насекомые могли говорить, возможно, одной из первых своих Нобелевских премий они удостоили бы мистера Даррелла».

